cl.
29

Сергѣй Петровичъ
КОЛМАЗНИНЪ
въ Иван.-Вознесенск.

H. eccl. 3189e

ОТНОШЕНІЕ
РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ
КЪ РАСКОЛУ СТАРООБРЯДСТВА
ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ СИНОДАЛЬНАГО УПРАВЛЕНІЯ
ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ
(1721—1725 г.)

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
Священника А. Синайскаго

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
СѴНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1895

Sinajskij

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, Іюня 6 дня 1895 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

Bayerische Staatsbibliothek München

Fgt/76/6054

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе. Краткая характеристика состоянія русскаго раскола и мѣръ противъ него до Петра Великаго. Отношеніе къ расколу Петра I.

Первая часть. Обязанности церковной власти къ расколу по «Духовному Регламенту». Духовныя мѣры церковной власти по отношенію къ раскольникамъ: 1) посланія и увѣщанія; 2) миссіонерская дѣятельность церкви противъ раскола; дѣятельность іеромонаха Неофита среди раскольниковъ Выговской пустыни; противораскольническая дѣятельность нижегородскаго преосвященнаго Питирима и іеромонаха І. Рѣшилова въ предѣлахъ Стародубья; 3) дѣятельность церкви противъ раскола полемическая; начало Выговской пустыни и направленіе ея обитателей во время учрежденія Св. Синода; краткая характеристика «Поморскихъ Отвѣтовъ»; характеристика «Обличенія неправды раскольнической» архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго. Связь и отношеніе «Обличенія» къ предшествовавшей противо-раскольнической литературѣ. Взгляды и критическія замѣчанія автора «Обличенія» на спорные вопросы: о двуперстіи, Стоглавомъ Соборѣ, начертаніи имени Іисусъ, сугубомъ аллилуіа, формѣ креста, исправленіи книгъ при патріархѣ Никонѣ, посолонномъ хожденіи, о чиноприемѣ католиковъ, сокращеніи чинопослѣдованій въ совершеніи таинствъ и др. службъ въ новопечатныхъ книгахъ. Взглядъ архіепископа Ѳеофана Прокоповича по вопросу о поливательномъ крещеніи. Отношеніе Ѳеофилакта къ «Соборному дѣянію на Мартина еретика» и свидѣтельству патріарха Іова въ пользу двуперстія. Критическая оцѣнка Ѳеофилактомъ «Кирилловой книги», «Книги о вѣрѣ» и макарьевскихъ Четьи-Миней, какъ сомнительныхъ источниковъ, откуда авторъ «Поморскихъ Отвѣтовъ» и другіе раскольники заимствовали доказательства для подтвержденія своихъ заблужденій. Краткое изложеніе «Дополненнаго Обличенія м. Арсенія Мацѣевича противъ неправыхъ и лжесловесныхъ отвѣтовъ выгорѣцкихъ раскольниковъ; особенности сочиненія м. Арсенія и отношеніе его къ «Обличенію» Ѳеофилакта Лопатинскаго.

Часть вторая. Церковно-гражданскія мѣры противъ раскола. Распоряженіе о приведеніи въ извѣстность численности раскольниковъ. Краткая характеристика состоянія раскола въ первые годы синодальнаго управленія. Существенные признаки для отличія послѣдователей раскола отъ православныхъ. Церковно-гражданскія учрежденія, завѣдывавшія дѣлами по расколу: 1) тіунское управленіе, 2) приказъ церковныхъ дѣлъ, 3) розыскная раскольническая канцелярія въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Дѣятельность противъ раскола гражданскихъ лицъ: Зиновьева, священника К. Ѳедорова, Коптѣлова, Плещеева и др. Попытки частныхъ лицъ къ розыску и изслѣдованію сторонниковъ раскола. Замѣчанія по поводу проекта о повсемѣстномъ и скоромъ исчисленіи раскольниковъ. Подробный перечень обще-церковныхъ и обще-гражданскихъ мѣръ: требованія относительно совершенія таинствъ крещенія, исповѣди, причащенія и браковъ; отлученіе; присяга; запрещеніе раскольнической пропаганды; распоряженія относительно крестнаго знаменія, требоисправленій у раскольниковъ, ихъ часовенъ, иконъ и святыни. Взиманіе съ раскольниковъ двойнаго денежнаго оклада; наложеніе штрафа за ношеніе бороды. Ограниченія гражданскихъ и имущественныхъ правъ раскольниковъ; ограниченіе правъ въ дѣлахъ судебныхъ. Ограниченіе права перехода изъ одного мѣста въ другое. Водвореніе раскольниковъ на мѣста прежняго ихъ жительства. Ссылка. Тѣлесныя наказанія. Лишеніе раскольниковъ дѣйствія милостиваго манифеста по случаю мира со Шведами въ 1721 г. Наказанія за совращеніе въ расколъ и льготы при обращеніи изъ раскола. Рѣшеніе церковною властію нѣкоторыхъ каноническихъ и административныхъ недоумѣній по частнымъ вопросамъ при введеніи въ дѣйствіе противораскольническихъ мѣръ. Сходство и различіе между мѣрами противъ раскола петровскими и до-петровскими. Сопоставленіе строгихъ мѣръ противъ раскольниковъ съ мѣрами противъ сектантовъ у западныхъ инославныхъ христіанъ въ началѣ XVIII ст.

Малоуспѣшность мѣръ противъ раскола. Случаи взяточничества гражданскихъ чиновниковъ въ дѣлахъ по расколу. Ненормальныя отношенія между гражданскими и духовными властями. Общія замѣчанія. Роль церкви въ мѣрахъ противъ раскола. Краткая характеристика главныхъ административныхъ дѣятелей противъ раскола, бывшихъ членовъ Св. Синода.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросу о русскомъ расколѣ, въ смыслѣ изученія и обличенія его, оказано было и оказывается очень много вниманія со стороны высшей церковной власти, ученыхъ духовнаго и свѣтскаго чина, противораскольническихъ миссіонеровъ, издателей памятниковъ по части раскола, — вниманія, впрочемъ, не большаго, чѣмъ какъ заслуживаетъ самый вопросъ, весьма важный и сложный, имѣвшій и имѣющій не историческое только, но и церковно-общественное, жизненное значеніе. Предпринятыя церковною властію различныя мѣры для изученія и обличенія раскола, равно какъ для вразумленія послѣдователей его, почти непрерывно продолжались въ теченіе почти двухъ съ половиною вѣковъ съ самаго начала (1666—67 г.) появленія раскола до настоящаго времени, вызвавши множество сочиненій историческаго и полемическаго характера, въ которыхъ выяснялись происхожденіе, сущность и неправота раскола. Обширная литература по расколу продолжаетъ и въ настоящее время пополняться новыми изслѣдованіями, соединенными съ попытками иной точки зрѣнія для рѣшенія спорныхъ вопросовъ между православіемъ и расколомъ,—открытіемъ неизданныхъ или неизвѣстныхъ матеріаловъ, освѣщающихъ расколъ и отношенія къ нему правительства съ новыхъ сторонъ. Не говоря о высшихъ духовныхъ школахъ (академіяхъ), гдѣ преподаваніе раскола всегда составляло самостоятельную каѳедру, въ настоящее время изученіе раскола сдѣлано общеобязательнымъ предметомъ семинарскаго образованія; нѣтъ недостатка и въ удовлетворительныхъ учебникахъ по исторіи и обличе-

нію раскола, составленныхъ примѣнительно къ семинарской программѣ. Противораскольническая миссія, широко и твердо поставленная, успѣшно дѣйствуетъ въ дѣлѣ вразумленія и обращенія послѣдователей раскола къ православной церкви; вообще расколомъ интересуются многіе; нѣкоторые моменты и стороны изъ исторіи раскола служатъ предметомъ даже беллетристики.

Причины вниманія и интереса къ расколу понятны. Расколъ принадлежитъ къ вопросамъ не отжившимъ, а насущнымъ, современнымъ. Съ послѣдователями раскола, ихъ заблужденіями, увлеченіями, упорствомъ, со всѣмъ складомъ ихъ ума и способа разсужденій, извѣстными намъ изъ первоначальной и послѣдующей исторіи раскола, мы имѣемъ возможность и неизбѣжность сталкиваться въ своихъ отношеніяхъ и дѣятельности, въ сферѣ церковной, служебной, учебно-воспитательной и т. п. По своему образу мыслей, стремленіямъ и идеаламъ послѣдователи раскола принадлежатъ къ древней Руси, ко временамъ патріархальнымъ, до-никоновскимъ, до-петровскимъ. Явленіе это въ высшей степени замѣчательное во многихъ отношеніяхъ: въ историческомъ, бытовомъ, психологическомъ, но особенно въ религіозно-церковномъ; религіозно-церковная точка зрѣнія на предметы природы и запросы жизни составляетъ преимущественно особенность раскольниковъ, уживающихся со всевозможными заблужденіями и противорѣчіями. И такихъ странныхъ своеобразныхъ людей оказывается въ наличности не десятки и сотни тысячъ, а цѣлые милліоны, разсѣянныхъ по всему обширному пространству русскаго царства и живущихъ своею оригинальною жизнію съ присущимъ стремленіемъ не только не поддаваться противоположнымъ и могущественнымъ теченіямъ въ области мысли и жизни, но и вліять на нихъ, въ духѣ прежнихъ расколоучителей, ревностныхъ борцовъ и защитниковъ раскола, въ духѣ древняго благочестія. Хотя серьезно, по существу не можетъ бороться расколъ съ православіемъ, какъ заблужденіе съ истиною, однако достойно удивленія то, какимъ образомъ заблужденіе, основанное на

внѣшней, повидимому, несущественной обрядовой сторонѣ, такъ долго и упорно держится, не поддаваясь ни врачеванію, ни сильнымъ ударамъ со стороны православной церкви и просвѣщенія? Отчего заблудившійся, но не распутный, сынъ не идетъ охотно и безповоротно къ доброму, благоразумному и богатому отцу, а живетъ, подобно евреямъ, разсѣянно, не составляя ни церкви, ни благоустроенной общины?

На этотъ важный вопросъ дать удовлетворительный отвѣтъ можетъ безпристрастная исторія,—исторія взаимныхъ отношеній между церковною властію и послѣдователями старообрядческаго раскола. Частныя попытки для выясненія существовавшихъ отношеній между церковною властію и расколомъ съ обычными увлеченіями и уклоненіями (преувеличенными обвиненіями, или оправданіями то одной, то другой стороны) были; но полнаго обслѣдованія вопроса не только нѣтъ, но не скоро оно можетъ явиться.

Наше сочиненіе касается одного момента изъ исторіи отношеній къ расколу со стороны церковно-гражданской власти, хотя и кратковременнаго, но весьма знаменательнаго,—момента, когда властная и рѣшительная воля Петра Великаго стремилась ослабить и сломить расколъ, какъ силу враждебную и противодѣйствовавшую преобразовательнымъ идеямъ царя по всѣмъ частямъ управленія государства. Убѣдившись въ безуспѣшности кроткихъ мѣръ вразумленія, увѣщанія и обличенія послѣдователей раскола, царь вынужденъ былъ допустить и одобрить строгія постановленія и мѣропріятія противъ людей древняго благочестія, состоявшія въ стѣсненіи, ссылкѣ и казненіи раскольниковъ. Подъ вліяніемъ, руководствомъ и требованіями царя церковная власть, какъ всегда послушная и зависимая отъ власти предержащей, выработала и приводила въ исполненіе многочисленныя и разнообразныя мѣры для изученія и обличенія раскола, для вразумленія и упорядоченія раскольниковъ и для примиренія ихъ съ церковью и обществомъ. При выясненіи противораскольническихъ мѣръ церковно-административнаго характера авторъ старался, между прочимъ, указывать на неудобопри-

мѣнимость нѣкоторыхъ мѣръ и на неблагопріятныя, въ смыслѣ (отрицательномъ) умиротворенія, послѣдствія при осуществленіи ихъ на дѣлѣ, отчасти принципіальныя, отчасти зависѣвшія отъ способа выполненія сдѣланныхъ распоряженій и качества лицъ, составлявшихъ исполнительную власть въ противораскольнической дѣятельности. Изъ выясненія значенія и пользы всей системы мѣропріятій противъ раскола устанавливается то заключеніе, что вся совокупность мѣропріятій противъ раскола, предпринятыхъ синодально-церковною властію совмѣстно съ гражданскою, сопровождалась не ослабленіемъ раскола и привлеченіемъ послѣдователей его къ св. церкви, а усиленіемъ его, отчужденіемъ отъ св. церкви заблуждавшихъ и озлобленіемъ. Это зависѣло отъ многихъ условій, но главное изъ нихъ состояло въ строгомъ характерѣ мѣропріятій, дававшемъ раскольникамъ полное основаніе называть царствованіе Петра Великаго временами гонительными. Нельзя оправдывать приверженцевъ раскола за ихъ упорство и враждебность къ св. церкви, но и нельзя, съ другой стороны, безусловно обвинять ихъ въ продолжительномъ отчужденіи и предубѣжденіи противъ дѣйствій церковно-гражданской власти, принимая во вниманіе тяжесть мѣропріятій и крутой способъ выполненія ихъ.

Авторъ.

С.-Петербургъ.
14 мая, 1895 года.

Предположеннымъ изслѣдованіемъ имѣется въ виду дать отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: 1) какъ церковная власть относилась къ расколу и послѣдователямъ его въ первые четыре года синодальнаго управленія; 2) въ своихъ отношеніяхъ къ расколу церковная власть продолжала-ли повторять прежніе способы, мѣры и пріемы увѣщанія и воздѣйствія на заблуждающихся, или привнесла нѣчто новое, сообразно съ новымъ устройствомъ церковнаго управленія при учрежденіи Святѣйшаго Синода и сообразно съ современными обстоятельствами; 3) насколько была успѣшна дѣятельность церковной власти по обличенію и вразумленію раскольниковъ и 4) какія были причины малоуспѣшности мѣръ церковной власти по отношенію къ раскольникамъ. Это— главные вопросы нашего изслѣдованія; въ тѣсной связи съ ними находятся второстепенные, но тѣмъ не менѣе важные вопросы, служащіе дополненіемъ къ главнымъ. Сюда относятся: лица—дѣятели противъ раскола въ указанное время; церковныя учрежденія, сосредоточивавшія въ себѣ дѣлопроизводство, судъ и расправу съ послѣдователями раскола; отношенія свѣтской власти къ духовной въ дѣлахъ по расколу; господствовавшіе взгляды послѣдователей раскола на церковно-гражданскую власть и тогдашнее время и т. п. Эти второстепенные вопросы также входятъ въ задачу нашего изслѣдованія настолько, насколько могутъ уяснять и дополнять главные.

Потребность въ изслѣдованіи дѣятельности высшей церковной власти во время первыхъ годовъ синодальнаго управленія при Петрѣ Великомъ по отношенію къ расколу не нуждается въ оправданіи ни предъ образованными читателями, ни тѣмъ болѣе предъ учеными спеціалистами-расколовѣдами. Правда, существующіе у церковныхъ и свѣтскихъ историковъ взгляды на предметъ нашего изслѣдованія отличаются документальностію, вѣрностію и основательностію, но они не исчерпываютъ ни фактической стороны дѣла, ни удовлетворяютъ требованіямъ стороны теоретической; отъ общихъ, бѣглыхъ очерковъ и церковно-историческихъ курсовъ нельзя и требовать удовлетворенія той и другой стороны; для этого требуется особое спеціальное изслѣдованіе. Такого изслѣдованія нѣтъ.

Съ появленіемъ въ свѣтъ документовъ и дѣлъ синодальнаго архива такое изслѣдованіе теперь возможно, а въ интересахъ истины и науки о расколѣ необходимо. Обиліе и разнообразіе матеріала, содержащагося въ «Полномъ собраніи постановленій и распоряженій

по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи» и въ «Описаніи документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода» по части раскола въ первые годы существованія Синода, освѣщають со многихъ сторонъ какъ дѣятельность церковной власти, такъ и состояніе раскола. Этотъ матеріалъ послужитъ главнымъ источникомъ нашего изслѣдованія. О другихъ источникахъ и пособіяхъ упомянемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ [1]).

Всѣ источники, какъ офиціальные, такъ и принадлежащіе частнымъ лицамъ, сообщаютъ много свѣдѣній; но эти источники не отличаются тою полнотою, какая желательна при историческихъ изысканіяхъ для установленія и подтвержденія связи и взаимнаго вліянія нѣкоторыхъ важныхъ фактовъ противораскольнической правительственной дѣятельности; неполнота эта произошла то отъ составителей офиціальныхъ бумагъ тогдашняго петровскаго времени, то отъ недоконченности возникавшихъ по расколу дѣлъ, то отъ утраты самыхъ документовъ; вслѣдствіе этого нельзя дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ на многіе частные вопросы и стороны изъ исторіи раскола въ первые годы синодальнаго управленія; являются пробѣлы и недомолвки... Однако изъ совокупности всѣхъ источниковъ несомнѣнно уясняется общій взглядъ на противораскольническую дѣятельность Петра I, какъ

[1]) Вотъ списокъ главныхъ источниковъ и пособій.

1. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи. I—V т. (I т. 2-го изд., а II—V т. 1-го изд.).

2. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода. I—IV т.

3. «Поморскіе отвѣты». Рукопись.

4. Обличеніе неправды раскольнической 1745 г.

5. Дополненное обличеніе неправыхъ и лжесловесныхъ отвѣтовъ раскольническихъ. (Опис. док. и дѣлъ, I т. и III т., прилож. №№ XXXVII и LVIII) 1743 г.

6. Сочиненія Ѳеофана Прокоповича. Спб. 1760—74 гг.

7. Жезлъ правленія. Москва. 1666 г.

8. Увѣтъ духовный. Москва. 1882 г.

9. Пращица духовная. Спб. 1726 г.

10. Розыскъ о брынской вѣрѣ.

11. Стоглавый соборъ.

12. Макарій, епископъ (Булгаковъ) Исторія русскаго раскола. Исторія русской церкви, т. XII.

13. Филаретъ, епископъ (Гумилевскій). Исторія русской церкви. Исторія русской духовной литературы.

14. Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время.

15. Чистовичъ. Выговская пустынь. (Чтен. въ общ. истор. и др. 1859 г. 3 кн.)

16. Макарій, архимандр. Исторія нижегородской іерархіи.

17. Есиповъ. Раскольничьи дѣла XVIII ст. I—II т. 1863 г.

18. Сочиненія Максима Грека.

19. Журавлевъ. Историческое извѣстіе о раскольникахъ. 1799 г.

20. Филипповъ Ив. Исторія выговской пустыни. 1862 г.

21. Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ.

22. Александръ Б. Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками. 1861 г.

на дѣло, совершенное совмѣстными усиліями церковной и гражданской власти и несопровождавшееся желательными послѣдствіями.

Въ такомъ же видѣ представляется дѣло раскола въ первые годы синодальнаго управленія и въ пособіяхъ по нашему вопросу, какъ составленныхъ на основаніи первоисточниковъ, которые явились ранѣе и независимо отъ изданія (въ 1868 г.) документовъ синодскаго архива. Авторы этихъ пособій стараются восполнить пробѣлы главныхъ источниковъ, достигая этого медленно, съ большимъ трудомъ и приходя къ неодинаковымъ выводамъ. Мы старались быть объективными; мы интересовались, но не увлекались крайними мнѣніями о преобразовательной дѣятельности Петра, принадлежащими славянофиламъ и западникамъ, изъ которыхъ первые относятся къ дѣлу реформы слишкомъ неодобрительно, а вторые — слишкомъ снисходительно и восторженно.

Но что̀ бы ни говорилось о Петрѣ I, какъ бы крайни и односторонни ни были сужденія о его дѣятельности, мы съ искреннею благодарностью относились къ попыткамъ понять геніальную личность Петра Великаго; съ уясненіемъ личности царя-преобразователя станутъ понятнѣе и церковно-общественные и слѣдовательно раскольническіе вопросы того времени.

23. Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. 1827.
24. Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ.
25. Нильскій, проф. Ив. Ѳ. Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ.—Нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ.—Объ антихристѣ.
26. Павелъ архим. Замѣчанія на книгу «Поморскихъ Отвѣтовъ». 1890 г.
27. Христіанское Чтеніе 1863—4 г.; 1873—4 г.
28. Православ. Собесѣдн. 1863 г.
29. Прав. Обозр. 1865 г. №№ 5—12.
30. Странникъ. 1881—82 г.
31. Братское Слово. 1888—90.
32. Соловьевъ. Исторія Россіи. 15—18 т.
33. Галемъ. Жизнь Петра Великаго. 1813 г.
34. Петровскій. О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Москва. 1876 г.
35. Мельниковъ. Историческіе очерки поповщины. Москва. 1864 г.
36. Щаповъ. Русскій расколъ старообрядчества.
37. Поповъ. Сборникъ для исторіи старообрядчества. Москва. 1864 г.
38. Самаринъ. Сочиненія. V т.
39. Порфирьевъ. Исторія русской словесности. Часть II. Казань. 1886 г.
40. Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи. Москва. 1880 г.
41 Ивановскій. Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола. Казань. 1886 г.
42. Плотниковъ. Руководство по обличенію русскаго раскола. Петрозаводскъ. 1889 г.
43. Никаноръ, архіеп. Бесѣда о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія. Спб. 1890 г.
44. Барсовъ, проф., Н. Ив. Какъ училъ о крестномъ знаменіи Святѣйшій Іовъ, патріархъ Московскій и всея Руси. Спб. 1890 г.
45. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга седьмая. Москва. 1890 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Главная часть нашего изслѣдованія состоитъ въ изображеніи взглядовъ церковной власти на расколъ, ея дѣйствій и мѣръ противъ его послѣдователей. Но такъ какъ мѣры и дѣйствія церковной власти вызывались состояніемъ раскола и его сторонниковъ, то обзору мѣръ и способовъ дѣйствія церкви противъ раскола долженъ предшествовать очеркъ состоянія раскола въ первые годы синодальнаго управленія. Такъ какъ, съ другой стороны, состояніе раскола въ означенное время было продуктомъ предшествовавшаго времени, то для полноты и необходимой исторической связи намъ нужно указать на главные моменты въ исторіи раскола, начиная съ его появленія до учрежденія Святѣйшаго Синода.

Возникшій во второй половинѣ XVII вѣка русскій расколъ старообрядцевъ обязанъ своимъ происхожденіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ сочетанію многихъ причинъ и обстоятельствъ, такъ сложившихся, что дѣло исправленія книгъ, имѣвшее содѣйствовать духовному просвѣщенію,—дѣло, начатое по иниціативѣ и подъ руководствомъ патріарха Никона, не только встрѣтило препятствіе со стороны невѣжества и недоброжелательства, но и понято было превратно, какъ дѣло небогоугодное, злонамѣренное, угрожавшее опасностью вѣрѣ и благочестію. Строгость и поспѣшность при введеніи въ употребленіе исправленныхъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ, оставленіе патріархомъ Никономъ Москвы и правленія, время между-патріаршества, продолжительное (1658—1667 г.), удаленіе патріарха отъ дѣлъ, послѣдующая печальная судьба Никона и особенно лишеніе его патріаршескаго достоинства, быстро и безповоротно содѣйствовали убѣжденію послѣдователей раскола въ вѣрности и даже спасительности направленія, враждебнаго церковной власти и осужденнаго послѣднею.

Расколъ осужденъ на соборѣ 1666 — 1667 годовъ. Клятвамъ собора на раскольниковъ предшествовало произвольное отдѣленіе отъ церкви противниковъ книжнаго исправленія [1]). Съ этого времени, во исполненіе предписаній собора, церковная власть, въ согласіи съ гражданскою, начала предпринимать и проводить всевозможныя мѣры

и средства для ослабленія и вразумленія послѣдователей раскола; съ этого же времени, противники церковной власти—раскольники начали и вынуждены были вести отдѣльную жизнь отъ господствующей церкви, удаляясь отъ нея и уклоняясь все болѣе и болѣе. Между мѣрами церковной власти противъ раскольниковъ и состояніемъ раскола во внутренней и внѣшней жизни существовала прямая причинная связь. То или иное направленіе раскола вызывало соотвѣтственныя мѣры со стороны церковной власти; тотъ или другой образъ дѣйствія церковной власти по отношенію къ расколу производилъ перемѣну во взглядахъ, настроеніи и поступкахъ раскольниковъ.

Со времени офиціальнаго признанія раскола въ 1666—67 г. до 1721 г., т. е. до учрежденія Святѣйшаго Синода, прошло 53 года За это время расколъ успѣлъ не только распространиться по Россіи и внѣ ея, но и жизненно и численно такъ укрѣпился, что представлялъ собою силу, съ которою необходимо было считаться церкви и государственной власти.

Существенныя явленія, рисующія расколъ съ внѣшней стороны, слѣдующія. Не подлежатъ сомнѣнію многочисленность послѣдователей раскола и разнообразный составъ входившихъ въ него общественныхъ элементовъ. Появленіе послѣдователей раскола на сѣверѣ, востокѣ и югѣ Россіи, въ Сибири, въ Польшѣ, Швеціи, Австріи и Турціи указываетъ какъ на множество людей приверженцевъ раскола, такъ и на стремленіе ихъ къ удаленію отъ центра церковной и гражданской жизни и образованію новаго внѣцерковнаго и внѣгосударственнаго мѣстожительства. Бѣгство раскольниковъ въ ближайшія и отдаленнѣйшія ненаселенныя и неустроенныя мѣста, бывшее слѣдствіемъ строгихъ указовъ 1685 г. противъ раскольниковъ, обнаруживаетъ въ послѣднихъ недовольство и упорство, но еще болѣе мужество, рѣшительность и присутствіе религіозныхъ интересовъ, хотя одностороннихъ и ложно направленныхъ.

Съ внутренней стороны, жизнь раскола представляетъ разнообразную и удивительную смѣсь самыхъ противоположныхъ проявленій религіознаго чувства, проявленіе воодушевленія, терпѣнія, подвиговъ, трудовъ, лишеній, заблужденій, примѣровъ отчаянія,—представляетъ замѣчательную, но печальную картину борьбы за мнимо-старую вѣру и ея обряды, за свободу религіозно церковныхъ убѣжденій. Отдѣленіе отъ церкви, разрывъ съ нею и противленіе церковно-гражданской власти сопровождались самыми неблагопріятными, злополучными послѣдствіями для раскольниковъ. Заподозрѣвши Никона въ склонности къ латинству и всевозможному еретичеству, считая сначала Никона виновникомъ всего нестроенія церковнаго, расколъ вскорѣ перенесъ свое недовѣріе на всю церковь, считая ее лишенною благо-

дати и спасительныхъ средствъ; не сдѣлано исключенія и для царской власти, когда она стала за одно дѣйствовать съ церковною противъ непокорныхъ раскольниковъ; мнѣніе раскольническое о Петрѣ I, какъ антихристѣ, было крайнимъ выраженіемъ заблужденій раскольниковъ. Въ области вѣры, нравственности и житейскихъ отношеній раскольники дошли до ересей, отрицанія іерархіи, стараясь оправдать происшедшій разрывъ съ церковью и установить свой церковно-гражданскій бытъ на новыхъ основахъ, внѣ церковнаго авторитета и гражданской власти. Тогда какъ одни изъ раскольниковъ вращались въ области мысли и аскетическихъ подвигахъ, пропагандировали расколъ и защищали его въ устной проповѣди, въ челобитныхъ, письмахъ и полемическихъ сочиненіяхъ, другіе ревность свою къ расколу и упорство довели до открытаго возмущенія, протестовъ и бунтовъ, подвергая себя лишеніямъ, скитальчеству, голоду, самосожженію и т. п. Къ довершенію мрачной картины раскола, нужно присоединить отсутствіе въ немъ единомыслія и единодушія — существенную черту въ исторіи раскола, доказывающую принципіальную его неправоту и послѣдующую односторонность и невозможность нормальнаго существованія внѣ зависимости отъ церкви. «Не прошло и 25 лѣтъ со времени 1666—67 г., какъ расколъ, раздробился на толки», говоритъ преосв. Филаретъ (Гумилевскій), характеризуя расколъ. «Опустивъ изъ благоговѣйнаго вниманія высокія мысли вѣры, своеволіе обратилось къ одной внѣшности, и здѣсь, при недостаткѣ умѣнія вникать въ смыслъ ея, мысли расколоучителя волновались только случайными впечатлѣніями и вліяніемъ чувства; одинъ хвалилъ то, что̀ бранилъ другой; разнообразіе предметовъ, представляемыхъ обрядностію, еще болѣе умножало несходство въ выборѣ предметовъ; невѣжество расколоучителей и самообольщеніе содѣйствовало еще болѣе дробленію на толки, отчужденію и непониманію другъ друга» [1]). Увлеченіе внѣшностію и обрядностію дошло у раскольниковъ до того, что бритье бороды и усовъ считали искаженіемъ образа и подобія Божія въ человѣкѣ. Возведеніе безнравственности (у Ѳедосѣевцевъ) въ принципъ, лицемѣріе, сдѣлки съ совѣстію—были явленіями нерѣдкими у раскольниковъ въ то время. Странность, однако, мнѣній раскольниковъ и внутреннее нестроеніе въ самомъ расколѣ вслѣдствіе дробленія на мелкіе толки шли рука объ руку съ постепеннымъ возрастаніемъ раскола, территоріальною распространенностію его, внѣшнею зажиточностію и домовитостію послѣдователей его, на основаніи чего нѣкоторые изслѣдователи ошибочно думаютъ о расколѣ, какъ общинѣ хорошо организованной на простыхъ патріархальныхъ началахъ.

[1]) Филаретъ. Исторія русской церкви, т. IV, 282.

Было-бы несправедливо безусловно обвинять расколъ за уклоненіе его отъ церкви, за искаженіе имъ церковнаго ученія, нравственныхъ, общественныхъ и гражданскихъ обязанностей, за противленіе церковно-гражданской власти. Было слишкомъ много неблагопріятныхъ обстоятельствъ, роковымъ неизбѣжнымъ образомъ содѣйствовавшихъ и увлекавшихъ послѣдователей раскола къ глубокому уклоненію отъ той правды, которую они думали охранить и сохранять, считая себя однихъ истинными христіанами, а никоніанъ—еретиками, отступниками отъ древне-русскаго и вселенскаго православія. Приверженность къ буквѣ, упорство, личныя страсти и вражда къ Никону, невѣжество вообще и особенно въ той простой средѣ, въ которой расколъ преимущественно сосредоточивался—дополняютъ мрачную картину состоянія раскола. По мнѣнію Макарія, «расколъ представлялъ въ то время какъ въ общемъ видѣ, такъ и въ частностяхъ горестную картину, но она, безъ сомнѣнія, была бы еще горестнѣе, если бы власти, духовная и гражданская, не употребляли всѣхъ мѣръ къ пресѣченію зла, къ уврачеванію этой заразительной и смертоносной болѣзни» [1]. Этотъ взглядъ былъ высказанъ въ 1855 году. Съ того времени изученіе исторіи раскола далеко подвинулось впередъ; взглядъ на этотъ предметъ долженъ быть смягченъ во имя историческаго безпристрастія. Нашъ взглядъ на цѣлесообразность практиковавшихся мѣръ противъ раскола уяснится послѣ, при разборѣ главы о всѣхъ вообще мѣрахъ съ общецерковной точки зрѣнія. Здѣсь ограничимся краткимъ обзоромъ образа дѣйствія церковно-гражданской власти по отношенію къ расколу до 1721 г., т. е. до синодальнаго управленія, въ соотвѣтствіе съ изложеннымъ краткимъ очеркомъ состоянія раскола въ указанное время (1666—1721 г.).

Въ теченіе 53 лѣтъ со времени существованія раскола до учрежденія Синода (1667—1721 г.), церковная власть испытала на дѣлѣ цѣлую систему мѣръ для вразумленія и обращенія послѣдователей раскола на путь истины: употреблялись мѣры пастырскихъ словесныхъ увѣщаній, письменныхъ и книжныхъ обличеній, тѣлесныхъ и духовныхъ наказаній. Мѣры эти то чередовались, то появлялись одновременно, будучи вызываемы общею потребностію для ослабленія раскола и частными проявленіями враждебныхъ дѣйствій его послѣдователей,—угрожавшихъ иногда спокойствію и безопасности православнаго населенія. Чѣмъ рѣзче и враждебнѣе раскольники относились къ церковной власти и православнымъ, тѣмъ строже и настойчивѣе были мѣры правительства противъ дѣйствій раскольниковъ., Авторы полемико-увѣщательныхъ сочиненій «Жезла правленія» (1667 г.)

[1]) Макарій. Исторія русскаго раскола. 1855 г. стр.—326.

«Увѣта Духовнаго» (1682 г.), «Розыска о брынской вѣрѣ» (1709 г.) и «Духовной Пращицы (1718 г.) раскрывали заблужденія раскола. Способъ убѣжденія посредствомъ письменного и печатнаго слова болѣе всего удобенъ и приличенъ пастырямъ церкви, но на дѣлѣ имъ очень мало пользовались; оттого почти не осталось ни письменныхъ, ни печатныхъ памятниковъ такого рода дѣятельности пастырей церкви; но если мы присоединимъ къ поименованнымъ сочиненіямъ противъ раскола еще мелкія увѣщанія и посланія, бывшія въ то время въ употребленіи для вразумленія заблуждающихся, то оказывается, что число литературныхъ трудовъ было весьма ничтожно. По полнотѣ и простотѣ изложенія эти труды могли бы дѣйствовать на раскольниковъ, если бы не отличались рѣзкостью, бранью и пренебрежительнымъ тономъ къ заблуждающимся; во всѣхъ печатныхъ сочиненіяхъ за это время противъ раскола раскольники изображаются не иначе какъ невѣжды, съ которыми не стоитъ вести рѣчи, какъ еретики, заслуживающіе одной только анаѳемы, какъ злодѣи, достойные суда и казни; а содержимыя обрядовыя разности называются поносными именами: аріанствомъ, армянствомъ и т. п.; слова увѣщанія, любви не было [1]). «Жезлъ» и «Пращица» проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ; названія сочиненій соотвѣтствуютъ ихъ тону и духу.

Другой способъ воздѣйствія на раскольниковъ посредствомъ суда, наказанія и пытокъ былъ въ большомъ употребленіи и развитіи. Мѣры эти отличались большою строгостію по отношенію къ раскольникамъ. Въ развитіи этихъ гражданскихъ мѣръ нужно различать два неравныхъ періода на пространствѣ полстолѣтія: первый съ появленія раскола до 1714 г., а второй съ 1714 до 1721 г. Первый періодъ отличался наибольшею строгостью и жестокостью; за приверженность къ расколу употреблялись: большой штрафъ въ 50 р., ссылка, заточеніе, конфискація имущества, битье кнутомъ, отрѣзъ языка, сожженіе. Расколъ былъ, по словамъ Макарія, рѣшительно запрещенъ въ Россіи; и никто ни въ городахъ, ни въ селахъ не смѣлъ открыто держаться его; раскольникамъ оставалось или таить свою вѣру, или убѣгать въ пустыни и лѣса, гдѣ они и заводили свои притоны. Но и тамъ ихъ отыскивали, жилища разоряли, а самихъ приводили къ духовнымъ властямъ для убѣжденія, и въ случаѣ нераскаянности предавали гражданскому суду и часто смерти [2]).—Второй періодъ отличается болѣе снисходительнымъ отношеніемъ гражданской власти къ расколу. По указу 1716 г. требовалось переписать всѣхъ расколь-

[1]) Христіанское Чтеніе 1864 г., часть II, стр.—64.

[2]) Макарій. Исторія русскаго раскола. 334.

никовъ мужескаго и женскаго пола, гдѣ бы они ни жили, и положить на нихъ двойной денежный окладъ, такъ что раскольники могли открыто, подобно другимъ гражданамъ, жить въ селахъ и городахъ безъ всякаго сомнѣнія и страха [1]). Указъ этотъ, касавшійся всѣхъ раскольниковъ и признававшій послѣднихъ гражданами, а не отверженными, повторялся нѣсколько разъ и послѣ съ цѣлію, чтобы раскольники имъ воспользовались, хотя не всѣ изъ нихъ воспользовались предоставленными имъ гражданскими правами. Денежный окладъ окупалъ для раскольниковъ древнее благочестіе; въ 1718 г. указъ 1716 г., какъ не исполнявшійся, былъ повторенъ съ угрозою за неисполненіе. Въ этотъ краткій періодъ, продолжавшійся всего 6 лѣтъ, общихъ преслѣдованій раскольниковъ не было въ силу господствовавшей вѣротерпимости и отвлеченія Петра Великаго другими дѣлами, внѣшними и внутренними; были частныя мѣстныя наказанія и ограниченія произвола раскольниковъ.

Изъ сказаннаго видно, какое направленіе принялъ расколъ послѣ своего возникновенія въ періодъ 50-лѣтняго существованія, и какія мѣры употребляла противъ раскола церковная власть. Направленіе было глубоко ненормальное, извращенное, заключавшее въ себѣ возможность и зародышъ дальнѣйшихъ и продолжительныхъ нестроеній, что̀ впослѣдствіи и было; характеръ мѣръ противъ раскола со стороны церковной власти и гражданской нельзя оправдать ни со стороны теоретической, ни со стороны практической, т. е. со стороны достиженія цѣли; образъ дѣйствія церковной власти оправдывается только исторически, т. е. господствовавшимъ духомъ времени. Правда, въ оправданіе церковной власти нѣкоторые историки (напр. Макарій) жестокія мѣры противъ раскола называютъ гражданскими, но это вѣрно лишь съ формальной стороны, а въ дѣйствительности было не такъ; хотя церковная власть непосредственно не опредѣляла ни штрафа, ни ссылки, ни смертной казни раскольникамъ, предоставляя это гражданскому суду, но она и не отклоняла свѣтскую власть отъ наложенія тяжкихъ наказаній и лишеній раскольниковъ, ни тѣмъ болѣе не протестовала; ясно, что церковная власть раздѣляла и одобряла совершавшіяся преслѣдованія и казни раскольниковъ. Увлеченія были какъ со стороны предержащей власти, такъ и со стороны приверженцевъ раскола,—увлеченія, происходившія изъ благороднаго источника, но рѣзкія во внѣшнемъ проявленіи; уступки не было; обѣ стороны порицали другъ друга въ неправотѣ дѣйствій; каждая сторона считала себя правою; при Петрѣ I, до учрежденія Святѣйшаго Синода, сдѣлана была расколу уступка, но не всѣ раскольники, какъ

[1]) Макарій. Исторія русскаго раскола. 334.

предубѣжденные противъ церковно-гражданской власти, поняли добрыя намѣренія Петра, вытекавшія изъ общаго принципа вѣротерпимости этого государя.

Согласно плану нашего изслѣдованія, теперь должна быть рѣчь о состояніи раскола въ первые 4 года синодальнаго управленія русской церкви при Петрѣ Великомъ. Это кратковременное существованіе и состояніе раскола нельзя отдѣлить отъ общаго состоянія раскола во время Петра Великаго, но дѣлать описаніе состоянія раскола при Петрѣ І-мъ до учрежденія Святѣйшаго Синода—не входитъ въ спеціальную задачу нашу, состоящую въ изложеніи, характеристикѣ и выясненіи слѣдствій противораскольнической дѣятельности Св. Синода въ первые годы синодальнаго управленія при Петрѣ Великомъ. Мы ограничимся краткой характеристикой направленія реформы Петра І, вліявшей на состояніе раскола тогдашняго времени; тѣмъ болѣе, что о состояніи раскола при Петрѣ І есть спеціальныя изслѣдованія и общіе очерки, принадлежащія свѣтскимъ и духовнымъ писателямъ. Въ общихъ взглядахъ на состояніе раскола въ это время, основанныхъ на изученіи законодательныхъ актовъ и слѣдственнаго производства раскольничьихъ дѣлъ, изслѣдователи болѣе или менѣе согласны. По общему взгляду изслѣдователей, расколъ при Петрѣ Великомъ продолжалъ распространяться и усиливаться. Со стороны Петра І-го раскольникамъ дана была свобода въ отправленіи богослуженія и гражданской жизни. Усиленію и распространенію раскола способствовала преобразовательная дѣятельность Петра, коснувшаяся и религіозно-церковной стороны всѣхъ русскихъ; въ это время слагаются многія раскольническія общины съ извѣстною, довольно сильною и крѣпкою организаціей, которыя живутъ своею собственною замкнутою жизнію, по своимъ началамъ и порядкамъ, стараясь все болѣе и болѣе обособиться и укрыться отъ церкви и правительства.

Путешествіе царя за-границу, любовь его къ иностранцамъ-иновѣрцамъ, предоставленіе имъ свободнаго богослуженія въ предѣлахъ Россіи и даже въ столицахъ, гражданскихъ и торговыхъ правъ и привилегій, мѣры противъ безпорядковъ, невѣжества и суевѣрій, мѣры улучшенія въ одеждѣ горожанъ и крестьянъ, семейныя дѣла Петра, имѣвшія политическій характеръ, неслыханное и странное распоряженіе объ уничтоженіи часовенъ, о сокращеніи монастырей и церквей, попытки изслѣдованія и провѣрки святыни для уменьшенія злоупотребленій и суевѣрій, отмѣна патріаршества, стѣсненіе духовенства и особенно монашескаго чина, пренебрежительный взглядъ на духовенство, мысли о главенствѣ царя въ дѣлахъ церкви, стран-

ный образъ жизни Петра и особенно нѣкоторые шутовскіе и кощунственные поступки сопровождались ропотомъ со стороны народа и особенно раскольниковъ, смотрѣвшихъ на все съ церковной точки зрѣнія, мрачно и подозрительно. «Русскій народъ привыкъ видѣть въ государѣ прежде всего благочестиваго сына Православной Церкви. Между тѣмъ Петръ далеко не отличался набожностью своихъ предковъ и подавалъ плохой примѣръ соблюденія благочестивыхъ обычаевъ, всегда дорогихъ для народа. Въ день новаго года, напримѣръ, вопреки древнему обычаю, Петръ не явился на кремлевской площади въ царскомъ облаченіи, не принялъ благословенія отъ патріарха, не *здравствовалъ* народъ съ новолѣтіемъ. За то въ этотъ самый день пировалъ у Шеина, много пилъ и рѣзалъ боярскія бороды (Мельниковъ. Истор. Очер. II. 71—72). Мало того, что Петръ плохо соблюдалъ уставы церкви (напр. посты), онъ открыто совершалъ кощунственныя потѣхи. Оскорбительною и возмутительною для религіознаго чувства является, напр., забава Петра, извѣстная подъ именемъ *всепьянѣйшаго, всешутѣйшаго собора.* Много поводовъ къ осужденію Петра подавала его семейная жизнь. Внѣбрачныя связи Петра при законномъ супружествѣ, затѣмъ насильственное расторженіе брака съ царицей Евдокіею и женитьба на Екатеринѣ, иноземкѣ, женщинѣ низкаго рода, наконецъ жестокое обращеніе съ царевичемъ Алексѣемъ,—все это не могло не возмущать народнаго чувства, н еколебать царскаго авторитета въ глазахъ подданныхъ [1]).

Чтобы представить, насколько сильно могло быть смущеніе въ народѣ, недовѣріе и подозрѣніе къ власти вслѣдствіе состоявшагося въ 1722 г. распоряженія объ уничтоженіи часовенъ, нужно обратить вниманіе на послѣдствія, сопровождавшія закрытіе или уничтоженіе часовенъ; тамъ, гдѣ прежде собирался народъ и благоговѣйно молился, ставя свѣчи и слушая молебны, теперь совершалось другое, нѣчто кощунственное: одни часовни были отданы татарамъ и армянамъ въ аренду то для торговли бузою, яблоками, калачами и всякимъ товаромъ, то для брадобритья; другія обращены были въ избы и кельи для жилья, третьи оставались полуразрушенными [2]). Возжиганіе ночью лампадъ предъ иконами въ часовняхъ признавалось въ указѣ за невѣжество и суевѣріе.

Мысль о послѣднихъ временахъ міра и пришествіи антихриста, появившаяся во второй половинѣ XVII столѣтія подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, нашла себѣ въ царствованіе Петра благопріятныя условія для распространенія и упроченія въ сознаніи

[1]) Есиповъ. II, 81, 100, 101.

[2]) «Опис.», т.—II. 1. № 422.

раскольниковъ, перешла въ глубокое убѣжденіе и раздѣлялась не одними раскольниками. Для защиты себя отъ возможныхъ преслѣдованій, случайностей и во избѣжаніе отъ господствовавшей церкви и мнимо-еретическаго духа расколъ все болѣе и болѣе въ себѣ самомъ сосредоточивался; живыхъ отношеній къ церковной и гражданской власти не было, не было и опасныхъ массовыхъ движеній, какъ было прежде. Въ то время народъ былъ запуганъ вслѣдствіе крутыхъ мѣръ и особенно указовъ, обѣщавшихъ награды доносчикамъ. Эпоха Петра I была временемъ пытокъ, страха, взаимнаго недовѣрія, когда, при господствѣ «слова и дѣла», русскіе недовѣряли другъ другу, дѣлали доносы на роднаго брата; казни подвергались за неосторожное слово какъ взрослые, такъ и школьники; одни доносили изъ-за корыстныхъ видовъ, другіе изъ-за боязни отвѣтственности за недонесеніе; страшно было доносить, страшно было и не доносить, потомучто за то и другое можно было подвергнуться тяжкому наказанію, за утайку преступленія и за недоказанность обвиненія [1]). Вотъ, напримѣръ, какъ унижался бѣлгородскій епископъ, испугавшійся ложнаго доноса на него въ какомъ-то воображаемомъ измѣнничествѣ и просившій защиты у князя Голицына. «Всемилостивѣйшій мой патроне, издревле мною дознанный добродѣю»! писалъ епископъ Епифаній. «Умилосердись надо мною, сиротою; не имѣю бо жаднаго (никакого) здѣсь себѣ пріятеля, кромѣ вашего, по Бозѣ, сіятельства. Не дай мнѣ, напрасно, отъ таковыхъ бездѣльниковъ пропасти, которые подлогомъ своимъ ищутъ главы моей, будто я укрывалъ и не велѣлъ производить того дѣла. Слезно молю ваше сіятельство, милосердаго моего патрона, не даждь меня, бѣднаго и безпомощнаго сироту, въ таковое поруганіе, не отрини меня съ протекціи своей благодѣтельской; буди мнѣ протекторъ и защититель къ семъ нечаянномъ отъ злобнаго человѣка поношеніи и ругательствѣ, а я твой и всего высокороднаго дома твоего искренній рабъ и нощедневной богомолецъ» [2]).

Въ отношеніи къ расколу со стороны Петра I была двойственность: къ однимъ изъ раскольниковъ Петръ относился не только снисходительно, но даже дружелюбно и покровительственно, какъ напр., поморцамъ и нѣкоторымъ Стародубскимъ раскольникамъ, а къ другимъ строго. Эта двойственность объясняется неодинаковою точкою зрѣнія Петра I на расколъ. Нужно различать двѣ точки зрѣнія на раскольниковъ, которыхъ держался Петръ Великій, устанавливая свои отношенія къ расколу,—отношенія *иныя*, въ сравненіи съ прежнимъ

[1]) М. И. Семевскій. «Слово и Дѣло». 1700—1725. Стр. 179—180 и др.

[2]) Опис. т. IV. № 367, стр. 362.

временемъ. Въ силу вѣротерпимости, смотря на раскольниковъ съ церковной точки зрѣнія, Петръ I предоставлялъ имъ свободу въ удержаніи всѣхъ мнѣній и разностей, отличавшихъ ихъ отъ православныхъ. Но смотря на раскольниковъ съ гражданской точки зрѣнія, т. е. какъ на подданныхъ, обязанныхъ во всемъ повиноваться государю, законамъ и указамъ, Петръ требовалъ отъ раскольниковъ безусловнаго подчиненія во всемъ, что̀ относится къ волѣ государя и пользѣ государства. Для объясненія видимой непослѣдовательности и двойственности въ отношеніи Петра къ расколу, изслѣдователи различаютъ двѣ точки зрѣнія русскаго правительства на расколъ въ первый 53-лѣтній періодъ его существованія. До Петра Великаго на расколъ смотрѣли съ церковной точки зрѣнія, состоявшей въ томъ, что, стѣсняя и преслѣдуя расколъ, гражданская власть дѣйствовала не столько въ своихъ интересахъ, которыхъ расколъ еще не касался, сколько въ интересахъ церкви, защищая цѣлость ея ученія и обрядовъ, ея права и власть; задача правительства тогда состояла въ возвращеніи раскольниковъ къ единенію съ церковію: благо и спокойствіе церкви было тогда главною заботою правительства. Въ дѣйствіяхъ Петра усматривается иная точка зрѣнія на расколъ. Благо и польза государства были главною заботою Петра. Съ точки зрѣнія государственной пользы смотрѣлъ Петръ и на церковь, и на расколъ. Для Петра важнѣе всего нужно было знать и видѣть, насколько раскольники могли быть полезными гражданами и насколько вредными по своимъ стремленіямъ и дѣйствіямъ. По взгляду Петра, о церковно-религіозной сторонѣ дѣла раскольниковъ должна была заботиться церковная власть. Поэтому, кто изъ раскольниковъ повиновался требованію и распоряженіямъ Петра, тотъ не только могъ жить безъ опасенія и страха, но и могъ расчитывать на покровительство власти и самого царя. И наоборотъ: кто отказывался отъ исполненія царской воли, тотъ подвергалъ себя опасности наказанія, штрафовъ и лишеній. Нужно замѣтить, что эта точка зрѣнія Петра на расколъ развивалась постепенно, въ прогрессивномъ порядкѣ, постепенно переходя отъ вѣротерпимости къ строгости, такъ что между первоначальными и послѣдующими распоряженіями Петра Великаго по части раскола существуетъ большая разница, доходящая до противоположности. Это видно изъ сравненія нѣсколькихъ разновременныхъ указовъ о раскольникахъ. Въ 1706 г. Петръ поручилъ Питириму, тогдашнему игумену переяславскаго монастыря (впослѣдствіи архіепископу нижегородскому), обращеніе раскольниковъ *увѣщательными средствами* [1]). Еще ранѣе Петръ высказывалъ свой возвышенный взглядъ

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVI. 288.

по поводу раскольниковъ въ такой формѣ: «Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстію людей властенъ одинъ Христосъ» [1]). «Съ противниками церкви поступать съ кротостію и разумомъ», внушалъ Петръ духовенству и другимъ въ 1715 г. Указомъ 1716 г. предписывалось строго исповѣдываться всѣмъ подъ опасеніемъ штрафовъ. Въ 1717 г. запрещено было выбирать раскольниковъ въ старосты и бурмистры. Въ инструкціи 1718 г. Ю. Ржевскому, нижегородскому вице-губернатору, предписывалось ссылать въ каторгу тѣхъ, кто будетъ укрываться отъ платежа двойного оклада, а монаховъ и монахинь ссылать въ монастыри подъ началъ, а заводчиковъ раскола и учителей съ наказаніемъ и вырвавъ ноздри ссылать въ галеры [2]).

Такимъ образомъ, какъ изъ описанія состоянія раскола, такъ и изъ отношеній церковно-гражданской власти усматривается обоюдная ненормальность отношеній. Насколько стремились къ возстановленію утраченнаго равновѣсія и спокойствія въ послѣдующее время, при новой формѣ церковнаго управленія, видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія дѣла.

[1]) Ibid.

[2]) Есиповъ, т. II. 218—22.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Учрежденіе Святѣйшаго Синода послѣдовало 25 января 1721 г. Права и обязанности новаго учрежденія указаны были въ «Духовномъ Регламентѣ», составленномъ вице-президентомъ Синода, епископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Много было возложено обязанностей и еще болѣе надежды на Святѣйшій Синодъ, какъ высшее правительственное и судебное духовное учрежденіе, долженствовавшее не только замѣнить патріаршее управленіе, но обновить и оживить формы и способы разнообразнаго и многосложнаго церковнаго управленія. Много тогда, дѣйствительно, было и дѣлъ, требовавшихъ исправленія и упорядоченія. Расколъ не только привлекалъ общее вниманіе, но и смущалъ многихъ, стоявшихъ близко и во главѣ управленія церковнаго и гражданскаго. Регламентъ касается и раскола, указывая причину его существованія и развитія въ невѣжествѣ народа, и предлагая способы къ изслѣдованію и ослабленію его.

По Регламенту, древніе расколы, равно какъ и всѣ ереси, произошли не отъ просвѣщенія, а отъ недостаточнаго знанія и разумѣнія Священнаго Писанія, отъ гордости и упрямства. «Наши русскіе раскольники», по Регламенту, «возмутились отъ грубости и невѣжества; когда они богословствуютъ, то не могутъ не еретичествовать; а разъ сказаннаго не могутъ перемѣнить, дабы не показаться предъ другими невѣждами, или заблуждающимися. Раскольники опасны и вредны для церкви и государства, какъ по своимъ заблужденіямъ и злоумышленіямъ, такъ и по своей скрытности и лицемѣрію. Поэтому является необходимость открывать ихъ, дабы имѣть свѣдѣнія о числѣ ихъ». Средствомъ для отличія православныхъ отъ раскольниковъ «Регламентъ» признаетъ таинство святаго причащенія и исповѣди. Регламентъ требуетъ отъ епископовъ и священниковъ донесенія о тѣхъ, кто исповѣдывается и кто нѣтъ. Кто исповѣдуется, тотъ долженъ проклинать расколъ и всѣ его толки. Понужденіе къ клятвѣ должно сопровождаться подъ угрозою; если кто не желаетъ проклинать расколъ и его различныхъ толковъ, тотъ будетъ признанъ за раскольника; отъ этого будетъ немалая польза, потомучто тайные раскольники, вмѣсто того, чтобы бояться церковной власти, сами воздвигаютъ гоненія на церковь, и не только порицаютъ духовенство и вредятъ ему,

но и другихъ, несогласныхъ съ ними, притѣсняютъ, въ чемъ можно убѣдиться чрезъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Достойно сожалѣнія было то, что находились свѣтскіе люди, которые скрывали раскольниковъ изъ-за корыстныхъ побужденій; это—преступленіе, за которое виновныхъ слѣдуетъ предавать анаѳемѣ. Для ослабленія раскольниковъ не дозволяется давать ихъ духовныя и гражданскія должности по управленію въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, во избѣжаніе опасности отъ раскольниковъ, зломыслящихъ постояннно на государя и царство.

По указанію Регламента, Святѣйшій Синодъ имѣлъ обратить свое вниманіе на слѣдующее для воздѣйствія и обращенія раскольниковъ въ нѣдра церкви: 1) на заблужденія раскольниковъ, происходившія отъ невѣжества и грубости; 2) на количественное и качественное состояніе раскола, опасное и враждебное для церкви и государства; 3) на признаки, по которымъ слѣдовало различать раскольниковъ и православныхъ и 4) на ограниченіе правъ раскольниковъ въ общественной и государственной службѣ. Эта программа настолько была широка, что выполненіе ея обезпечивало, повидимому, успѣхъ. Но церковная власть должна была пополнить пробѣлъ, неизбѣжный при регламентаціи обязанностей новаго учрежденія и торопливости преобразователя, новыми распоряженіями, сообразно съ видами царя.

Офиціальнаго матеріала по предмету раскола въ первые годы синодальнаго управленія—масса; нельзя жаловаться на скудость и однообразіе главнаго источника для характеристики отношенія церковной власти къ расколу, способовъ и пріемовъ главныхъ противораскольническихъ дѣятелей. Но нельзя сказать, чтобы первоисточникъ не страдалъ шаблонностью и сухостью; онъ отличается отсутствіемъ детальности и житейскаго драматизма, неизбѣжныхъ при введеніи въ дѣло строгихъ мѣропріятій.

Такъ какъ всѣ первые 4 года синодальнаго управленія, разсматриваемые по-рознь, не представляютъ собою чего-либо отличнаго между собою, а сходны по дѣйствіямъ церковной власти на расколъ, то сущность относящагося сюда матеріала мы сгруппируемъ не въ хронологическомъ порядкѣ, а прагматическомъ. Основаніемъ для такой группировки мы считаемъ качество мѣръ, предпринимавшихся церковною властію для вразумленія, исчисленія, ослабленія и обращенія послѣдователей раскола отъ 1721 по 1725 годъ. По характеру своему мѣры эти были духовнаго и церковно-гражданскаго свойства; однѣ имѣли назначеніе общее, а другія—частное, однѣ—теоретическаго, а другія—практическаго свойства. Начерченная по Регламенту программа для образа дѣйствія противъ раскола отчасти соотвѣтствуетъ намѣченной нами классификаціи, служа для послѣдней путеводною канвою.

ДУХОВНЫЯ МѢРЫ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА ПРОТИВЪ РАСКОЛА ВЪ 1721—1725 ГГ.

I.

Увѣщательныя посланія для вразумленія раскольниковъ и предупрежденія православныхъ отъ зараженія расколомъ.

Подъ духовными мѣрами разумѣются вразумленія и убѣжденія раскольниковъ въ ихъ заблужденіяхъ догматическихъ, церковныхъ и нравственно-гражданскихъ; наставленія и обличенія эти совершались посредствомъ письменныхъ сочиненій или словесныхъ разсужденій о разногласіяхъ между православными и раскольниками. Такой способъ вразумленія раскольниковъ практиковался и раньше, съ самаго появленія старообрядства; плодомъ его былъ рядъ полемическихъ сочиненій противъ заблужденій раскола,—сочиненій, не потерявшихъ руководственнаго значенія и научнаго до настоящаго времени. Одними изъ этихъ сочиненій имѣлось въ виду дѣйствовать на умъ противниковъ Никоновскаго исправленія книгъ, а другими—на сердце и волю; первыя можно назвать собственно полемическими сочиненіями, а вторыя—посланіями. Въ соотвѣтствіе съ прежнимъ и во исполненіе программы „Регламента", церковная власть представила образцы двоякаго рода письменности противъ раскола: первый родъ можно назвать увѣщательнымъ, а второй, объяснительнымъ, хотя провести между ними строгаго раздѣленія нельзя.

Въ первый же годъ своего существованія Святѣйшій Синодъ издалъ такъ называемые увѣщательные пункты для вразумленія раскольниковъ, «которые отъ раскола обращаются къ православной церкви, но отъ перемѣны двуперстнаго сложенія отказываются». Это было въ 1721 году, 14-го іюля. Инціатива составленія и изданія увѣщательныхъ пунктовъ принадлежитъ Святѣйшему Синоду, а самое составленіе—архимандритамъ Заиконоспасскаго монастыря Ѳеофилакту Лопатинскому и Златоустовскаго—Антонію—виднымъ дѣятелямъ въ дѣлахъ по расколу въ первые годы синодальнаго управленія. Полемическій трактатъ этотъ по объему небольшой; но онъ весьма замѣчателенъ по взглядамъ Святѣйшаго Синода на обрядовыя разности старовѣровъ, изъ-за которыхъ они отступили отъ церкви и упорно держатся при самомъ обращеніи изъ раскола. Документъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ «Увѣщательныхъ пунктовъ» обращающимся

изъ раскола, или «проэкта» о томъ, какъ поступать съ раскольниками, которые отъ раскола обращаются, но прежняго своего сложенія перстнаго не перемѣняютъ и не проклинаютъ.

Существенное содержаніе «Проекта» состоитъ въ установленіи взгляда церковной власти на обрядовыя разности и главнымъ образомъ двуперстіе, бывшія предметомъ споровъ и недоумѣній между православными и раскольниками, — каковаго взгляда слѣдовало держаться при увѣщаніи приверженцевъ раскола.

Между догматами, которые нужно сохранять неизмѣнно, и ересями, которыхъ необходимо избѣгать, «Проектъ» признаетъ среднія, для спасенія безразличныя, установленія, относящіяся къ богослуженію или внѣшнему выраженію христіанами своей принадлежности къ истинной вѣрѣ. Это—обрядовыя разности; онѣ древнею церковію не установлены, но и не отвергаются ею; онѣ установлены церковью по данному ей праву; ей же принадлежитъ право измѣнять, отмѣнять старыя, или вводить новыя обрядовые чины, а не всякому члену церкви, дабы не произошло какого либо смущенія отъ введенія обычая худаго, или отъ отмѣны добраго. Если кто обрядовой разности придаетъ значеніе догмата, тотъ не только впадаетъ въ заблужденіе, но и въ ересь, какъ это дѣлаютъ раскольники, считающіе двуперстіе и другіе излюбленные свои обряды за догматы. Хотя церковь, вводя обрядовыя особенности, не считаетъ ихъ ни догматомъ, ни чѣмъ-то необходимымъ, однако долгъ частныхъ людей требуетъ подчиняться распоряженіямъ церковной власти; установленія церкви, хотя бы временныя и касающіяся внѣшней стороны, сильны не сами по себѣ, но силу получаютъ отъ власти, какъ законной.

Предложивши такія мысли, слѣдуетъ спросить раскольника о томъ, считаетъ ли онъ двуперстное сложеніе догматомъ, или среднею вещію? Въ первомъ случаѣ, раскольникъ долженъ подтвердить свое мнѣніе на основаніи священнаго писанія, соборныхъ опредѣленій и древнихъ преданій; во второмъ, онъ долженъ отвѣчать, отчего не перемѣняетъ двуперстія на триперстіе согласно требованію церковной власти. Лучше согласиться, чѣмъ оставаться упрямымъ и такимъ образомъ соблазнять другихъ и идти противъ своей совѣсти. О двуперстіи нужно сказать, что оно не само по себѣ худо, но служитъ признакомъ злой воли раскольниковъ, хулящихъ триперстное сложеніе, а свое двуперстное признающихъ за догматъ [1]).

Изъ представленнаго, искусно составленнаго, памятника усматривается *новый* взглядъ высшей церковной власти на двуперстіе и другія обрядовыя богослужебныя разности, бывшія предметомъ пре-

[1]) Опис. докум. и дѣлъ Святѣйшаго Синода, т. I. прилож. № XXXI Полн. собр. постап. по вѣд. Православ. Исповѣд. т. I. № 148, стр. 203.

реканія, соблазна и вражды между православными и раскольниками. По взгляду Святѣйшаго Синода, двуперстіе не признается ни догматомъ, ни ересью; оно—особенность, безразличная для спасенія, но и непротивная церковному ученію сама по себѣ; противна приверженность къ нему старообрядцевъ и упорство ихъ въ защитѣ его. Но строгое проведеніе этого взгляда побуждаетъ думать и о триперстномъ сложеніи тоже самое, что и о двуперстномъ, т. е., какъ то̀, такъ и другое церковная власть, установившая ихъ, можетъ и измѣнить, признать тотъ или другой видъ перстосложенія господствующимъ, всеобдержнымъ, общеупотребительнымъ. Такого ясно и опредѣленно изложеннаго взгляда прежде не высказывалось. Какъ отнеслись къ этому послѣдователи раскола и вѣрна ли осталась церковная власть своему взгляду, увидимъ послѣ.

Въ концѣ того же 1721 года составленъ былъ проектъ посланія отъ имени Святѣйшаго Синода къ раскольникамъ съ приглашеніемъ являться въ Синодъ для разрѣшенія недоумѣній; окончательную редакцію посланіе получило въ январѣ 1722 года; тогда же оно и обнародовано. Побужденіемъ къ составленію, изданію и распространенію «Пастырскаго Святѣйшаго Синода увѣщанія къ обращенію раскольниковъ въ нѣдра церкви» было, кромѣ выполненія долга, замѣтное возрастаніе раскола, соединившееся съ упорствомъ, фанатизмомъ и ненавистью къ церковно-гражданской власти.

Послѣ обычнаго привѣтствія чадамъ православной церкви, въ посланіи говорится о заботахъ церковной власти для наставленія и исправленія многихъ заблуждающихся, впадшихъ въ суевѣрія и бабьи басни. Въ посланіи различаются два рода «невѣждъ», требовавшихъ вразумленія: одни по злобѣ и испорченности сердца порицаютъ всякое предлагаемое имъ ученіе, здравое и основанное на словѣ Божіемъ другіе противятся не вслѣдствіе испорченности сердца, а по предубѣжденію: упорно держатся того, что̀ восприняли отъ другихъ, или что̀ сами придумали, хотя бы оно было ложно и нелѣпо.

Чувство сожалѣнія, желаніе исправленія заблужденій побуждали Святѣйшій Синодъ написать посланіе къ увѣщанію всѣхъ искренно православныхъ прилежно молиться ежедневно, между прочимъ, о томъ, чтобы Всещедрый Богъ умягчилъ и обратилъ жестокосердыхъ людей къ добровольному слышанію, ясному разумѣнію и принятію здраваго ученія; Святѣйшій Синодъ умоляетъ обратить вниманіе на то, какъ вредно и опасно простымъ людямъ отвергать наставленія духовныхъ пастырей и самовольно принимать мнѣнія безъ возможности различать, истинны онѣ, или ложны; это—начало ересей, ведущее къ вѣчной гибели. Извѣстно, сколько принесло зла упорство и ослѣпленіе тѣхъ, кто возсталъ противъ исправленія книгъ, бывшее при царѣ Алексѣ

Михайловичѣ; тогдашніе противники святаго дѣла исправленія книгъ дерзнули не только словесно, но и письменно излагать и распространять свое лжеученіе,—образовался расколъ, быстро размножился ко вреду многихъ и особенно простонародья; и до настоящаго времени онъ продолжаетъ существовать, не смотря на продолжительность времени, противодѣйствіе и разнообразное врачевство церковныхъ пастырей. Расколъ признается не только болѣзнью, но и заразою, доходящею до того, что многіе послѣдователи раскола готовы идти на смерть, считая это мученичествомъ за правду, вопреки апостольскому ученію: хотя кто и пострадаетъ, не увѣнчевается, если незаконно будетъ мучимъ (2 Тимоѳ. 2, 5). Для наглядности приведенъ въ посланіи примѣръ лжеученія и казни Талицкаго (1701 г.), сожженнаго за распространеніе ложнаго ученія о пришествіи антихриста въ лицѣ Петра; во время пытки Талицкій раскаялся; раскаялся и единомышленникъ его Савинъ вслѣдъ за своимъ учителемъ. Примѣръ приведенъ для указанія на множество подобныхъ фактовъ ложнаго убѣжденія, и добровольнаго, но совершенно напраснаго страданія.

Посланіе заканчивается объявленіемъ распоряженія съ разрѣшенія Петра: если кто встрѣтитъ въ прежнихъ и новыхъ печатныхъ книгахъ какое-либо недоумѣніе, тому дозволяется приходить безъ всякаго опасенія и страха въ Святѣйшій Синодъ, гдѣ и дано будетъ надлежащее объясненіе [1]).

Приглашеніе раскольниковъ въ Синодъ для разсужденія о спорныхъ вопросахъ не сопровождалось успѣхомъ; оно не вызвало у раскольниковъ охоты на бесѣды о вѣрѣ. Это видно изъ того, что приглашеніе на бесѣды о вѣрѣ было скоро повторено, съ обозначеніемъ подробныхъ условій явки въ Синодъ и ручательствомъ за безопасность и свободу.

Въ февралѣ 1722 года появилось «объявленіе Святѣйшаго Синода объ обращеніи раскольниковъ къ православной вѣрѣ». Это объявленіе имѣющее характеръ посланія, отличается отъ предыдущаго по объему и содержанію, служа дополненіемъ его; оно настолько замѣчательно, и интересно, что мы главное содержаніе его передаемъ въ свободномъ изложеніи, подобно предшествовавшему.

«Святѣйшему Синоду», говорится въ посланіи, «извѣстно, что расколъ размножается, благодаря скрытому дѣйствію лжеучителей которые, не зная ни божественнаго писанія, ни силы Божіей, обольщаютъ простой народъ къ великому вреду для церкви, выставляютъ себя опытными въ знаніи и толкованіи священнаго писанія, чему простаки и вѣрятъ, не будучи въ силахъ обличить ихъ невѣжество и

[1]) Полн. собр. пост. т. I. № 349 (322); т. II. № 385.

корыстныя цѣли. Эти лжеучители не ищутъ наставленія отъ истинныхъ пастырей, уклоняются отъ разсужденія о вѣрѣ. Да будетъ всѣмъ извѣстно, что отъ Святѣйшаго Синода не будетъ никакого препятствія и непріятности тѣмъ, кто явится для собесѣдованія о спорныхъ предметахъ, лишь бы раскольники, при свободномъ заявленіи своихъ мнѣній, были учтивы и не допускали грубыхъ поступковъ. Если кто, послѣ разсужденій, пожелаетъ присоединиться къ церкви, тотъ будетъ принятъ съ прощеніемъ всѣхъ прежнихъ винъ; а кто не пожелаетъ, тому будетъ дана полная свобода съ письменнымъ ручательствомъ отъ Синода, согласно волѣ государя, въ томъ, что никому не сдѣлано будетъ принужденія. Симъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что Святѣйшій Синодъ принимаетъ всѣ мѣры для выполненія возложенныхъ на него обязанностей для вразумленія раскольниковъ. Чтобы не подвергаться осужденію и наказанію за нерадѣніе о заблуждающихся, Святѣйшій Синодъ приглашаетъ всѣхъ, несогласно съ церковью мыслящихъ, для кроткаго и свободнаго собесѣдованія о спорныхъ предметахъ, иначе расколоучители сами будутъ виновны въ своей погибели. Да будетъ всѣмъ извѣстно и то, что если кто изъ раскольническихъ учителей не явится въ назначенный срокъ въ Синодъ для означенной цѣли, а послѣ будетъ уличенъ въ распространеніи раскола, тотъ будетъ подвергнутъ гражданскому суду и наказанъ безъ всякой пощады и помилованія; раскольническіе учители до тѣхъ поръ и терпимы были, пока о нихъ думали, какъ о заблуждающихся; а съ этого времени неявившіеся учители будутъ считаться безбожниками, обманщиками и тунеядцами, достойными наказанія.—Въ концѣ посланія назначаются разные сроки для явки на собесѣдованія, соотвѣтственно разному разстоянію отъ Петербурга; въ мартѣ 1722 г. назначено явиться живущимъ въ С.-Петербургѣ, въ маѣ—живущимъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, на разстояніи 200 верстъ, въ іюлѣ—живущимъ за 500 верстъ, въ августѣ—живущимъ за 1000 верстъ, а кто живетъ дальше, тѣмъ назначено въ мартѣ слѣдующаго 1723 года [1]); но непрактичность предложенія о собесѣдованіяхъ съ раскольниками скоро обнаружилась.

Къ 1722 г. относится особенное «Увѣщаніе Святѣйшаго Синода къ тѣмъ, кто отъ невѣжества своего или отъ крайнія злобы, прельщающеся именемъ страданія, дерзаютъ неразсудно на мученіе и сами своей погибели бываютъ виновны». Увѣщаніе это общаго характера, т. е. оно относилось не только къ раскольникамъ, но и къ тѣмъ, кто, подобно раскольникамъ, обрекалъ себя на напрасныя страданія, подъ вліяніемъ тогдашнихъ обстоятельствъ.

[1]) Полн. соб. пост., т. II. № 450.

Означенное «Увѣщаніе» составлено было вице-президентомъ Святѣйшаго Синода, епископомъ Θеофаномъ Прокоповичемъ. По синодальному опредѣленію отъ 30 апрѣля 1722 г., при составленіи «Увѣщанія» надлежало воспользоваться извѣстною тогда Святѣйшему Синоду книжицею «Толкованія евангельскихъ блаженствъ». Это—извѣстное сочиненіе Θеофана Прокоповича, появившееся въ печати въ концѣ 1722 года. Въ этомъ сочиненіи, одобренномъ Петромъ и Святѣйшимъ Синодомъ, Θеофанъ, какъ искусный экзегетъ, проводилъ нравственныя гражданскія и политическія мысли, сообразно съ преобразовательными желаніями и идеалами царя. Какъ автору «Толкованія о евангельскихъ блаженствахъ», епископу Θеофану и поручено было сдѣлать извлеченіе изъ его сочиненія, дабы вышло «Увѣщаніе», направленное для вразумленія заблуждавшихся русскихъ гражданъ. Θеофанъ не замедлилъ исполнить возложенное на него порученіе, прилагая общія свои разсужденія (изъ объясненія на блаженства) къ современнымъ требованіямъ и условіямъ жизни, направленія и пониманія раскольниковъ.

Изложеніе «Увѣщанія» отличается ясностію, простотою и убѣдительностію,—качествами, присущими вообще сочиненіямъ Θеофана Прокоповича. Содержаніе «Увѣщанія» состоитъ въ развитіи той мысли, что «не всякое страданіе, но токмо законно бываемое, т. е. за извѣстную истину, за догматы вѣчныя правды, за непремѣнный законъ Божій, полезно и богоугодно есть; не просто бо глаголетъ Господь: блаженни изгнани, но блаженни изгнаны *правды ради*...; аще бо кто не правды ради, не за Христа, не истины ради, терпитъ гоненіе, узы темницы, муки и самую горькую смерть, тотъ отъ Христа не ублажается». Основную мысль «Увѣщанія» авторъ развиваетъ и доказываетъ ссылками на ученіе и примѣры священнаго писанія Новаго Завѣта, противопоставляя факты и гибельныя слѣдствія превратнаго пониманія христіанскаго ученія о страданіяхъ. Извлечемъ нѣсколько мыслей изъ «Увѣщанія».

По мысли «Увѣщанія», страданія для христіанъ душеспасительны, но не слѣдуетъ стремиться къ нимъ и отыскивать случаи и поводы къ испытанію мученій, хотя бы ради самой правды. Напротивъ: нужно избѣгать и уклоняться отъ страданій, если это возможно, пока изволеніе Божіе и обстоятельства не заставятъ подчиниться необходимости перенести мученіе и самую смерть. Самоувѣренность и тщеславіе въ перенесеніи страданій можетъ окончиться паденіемъ, какъ это случалось съ нѣкоторыми, даже съ апостоломъ Петромъ; отъ преслѣдованій и страданій уклонялись и скрывались святые апостолы и отцы церкви, имѣя для себя въ этомъ примѣръ въ ученіи и жизни Іисуса Христа.

Изъ евангельской исторіи ясно, что Іисусъ Христосъ избѣгалъ страданій до опредѣленнаго времени, пока было можно и нужно, а потомъ уже рѣшился перенести всевозможныя мученія, мужественно призывая Бога-помощника со всякою кротостію, не укоряя ни мало мучителей. Достоподражаемымъ образомъ страданія Іисуса Христа, какъ добровольнаго и кроткаго, первенствующая церковь руководилась при опредѣленіи и оцѣнкѣ истиннаго мученичества: истиннымъ мученикомъ считался тотъ, кто страдалъ кротко, безъ «лаянія» властей и безропотно. Эти условія истинныхъ страданій и мученичества не могутъ быть приложимы къ тѣмъ раскольникамъ, которые ставятъ себѣ въ мужество и добродѣтель, когда, въ силу мнимой ревности, причиняютъ предержащей власти безпокойство и оскорбленія.

Кто хулитъ своего судью, хотя бы и неправеднаго, тотъ не подражаетъ Спасителю, тотъ не правъ. Наиболѣе виновны тѣ, кто, вмѣсто почитанія своего государя, какъ главы и отца отечества, причиняютъ ему напрасно досажденія и безчестіе. Такъ поступаютъ раскольники и особенно расколоучители, зломысляще на Монарха и желая его низвергнуть, еслибы это было возможно, поставляя это въ подвигъ и спасеніе. Указавъ на разстригу Василія Левина, который, желая страданія, но не помня суда Божія, не устрашился предъ простымъ народомъ произнести пребезумныя злословія своя на помазанника Божія, власть высочайшую и неприкосновенную, авторъ «Увѣщанія» продолжаетъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: «таковыи же преокаянныи человѣцы прельщаются, симъ будущія славы мечтаніемъ услаждающе себе: хвалимъ буду и блажимъ отъ всѣхъ, аще за сіе постражду, напишется о мнѣ исторія, пронесется всюду похвала; не единъ, удивляяся, скажетъ о мнѣ: великодушенъ мужъ былъ...[1])».

«Увѣщаніе», обширное и не свободное отъ повторенія одного и того же, заканчивается наставленіемъ, да отвержетъ всякъ мечтательные суетнаго и погибельнаго страдальчества помыслы, дабы не лишиться ни временной, ни вѣчноблаженной жизни.

По основной мысли своей «Увѣщаніе» сходно съ «Посланіемъ» Святѣйшаго Синода къ раскольникамъ отъ 27-го января 1722 года, въ которомъ, вмѣстѣ съ приглашеніемъ раскольниковъ на бесѣды о спорныхъ вопросахъ, указывалось на возраставшую, но гибельную для спасенія склонность къ страданіямъ изъ за мнимой правды. Разница— въ томъ, что «Увѣщаніе» позднѣйшее, какъ спеціально направленное на тотъ же предметъ, раскрыло ложное мнѣніе раскольниковъ о страданіяхъ съ возможною полнотою. Есть основаніе думать, что авторомъ и прежняго «Посланія» было одно и то же лице, т. е. Ѳеофанъ Прокоповичъ.

[1]) Собр. т. II. № 588. стр.—234.

По распоряженію Святѣйшаго Синода, означенное «Увѣщаніе», какъ касавшееся глубокаго и опаснаго заблужденія раскольниковъ, священники ради всенароднаго вѣдѣнія должны были ежемѣсячно читать въ воскресные и большіе праздничные дни въ церквахъ, а также на ярмаркахъ, гдѣ могло быть большое собраніе народа, дабы всякъ зналъ это увѣщаніе, составленное на общую пользу, и никто невѣдѣніемъ не отговаривался [1]).

На вторичное приглашеніе Святѣйшаго Синода отъ 28-го февраля 1722 года для собесѣдованій съ раскольниками о недоумѣнныхъ предметахъ никто не явился, ни въ какіе сроки, ни изъ ближайшихъ мѣстъ, ни тѣмъ болѣе изъ дальнихъ. Причину уклончивости раскольниковъ отъ собесѣдованій можно видѣть, помимо внѣшнихъ неудобствъ и опасеній, и въ существованіи у нихъ правилъ, запрещавшихъ «съ еретиками (къ которымъ причислялись и православные) ни въ чемъ и ни подъ какимъ видомъ не сообщаться ни въ молитвѣ, ни въ пищѣ, ни въ питіи; а также о своей вѣрѣ съ никоніанами не спорить, подъ страхомъ тяжкаго наказанія (епитиміи) [2]).

Уклончивость и дикія проявленія фанатизма и самосожигательства противниковъ церковной власти, заботы и опасенія послѣдней вызвали новое посланіе Святѣйшаго Синода, обращенное къ православнымъ, въ предостереженіе ихъ отъ совращенія въ расколъ. Посланіе это появилось въ декабрѣ 1724 года, по минованіи всѣхъ сроковъ, почти чрезъ два года послѣ вторичнаго приглашенія на разглагольствія о спорныхъ предметахъ. Посланіе составлено членомъ Святѣйшаго Синода, епископомъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ.

Увѣщательное посланіе это отчасти повторяетъ прежнее, отчасти содержитъ новыя мысли и предположенія, вызванныя неудачными и неоднократными приглашеніями церковной власти раскольниковъ на разсужденія о вѣрѣ. Такъ какъ это посланіе написано по порученію Святѣйшаго Синода, который разсматривалъ, одобрилъ его и принялъ по содержанію его соотвѣтственныя мѣры, то на это посланіе можно смотрѣть, какъ на выраженіе взглядовъ церковной власти на расколъ, совершенно одинаковыхъ съ взглядами, изложенными въ «Увѣщательныхъ пунктахъ».

Особенныя черты этого посланія состоятъ въ томъ, что на неявку раскольниковъ для разглагольствія о вѣрѣ посланіе смотритъ, какъ на доказательство невниманія къ церковной власти со стороны послѣдователей раскола. Сравненіе прежняго времени и описываемаго по отношенію церковно-гражданской власти къ расколу приводитъ

[1]) Собр. т. II. № 588, стр.—232—235.

[2]) Журавлевъ. Полн. истор. изв. о раскольн. ч. I, стр. 66.

къ признанію преимущества синодальнаго управленія: прежде раскольниковъ насильно приводили къ суду и наказанію за порицаніе ими православной церкви и развращеніе простаго народа; тогда раскольники говорили: «несправедливо страдаемъ за древнее благочестіе, терпимъ гоненіе, подвергаемся наказаніямъ; не выслушавъ отъ насъ никакого оправданія, которое могли бы мы представить на основаніи божественнаго писанія, насъ осуждаютъ въ ссылку, тюрьму и на смерть». А теперь раскольники не являются на состязанія о вѣрѣ, не смотря на неоднократныя приглашенія, обезпечивавшія безопасность и свободу. Причина такой уклончивости раскольниковъ скрывается въ неправотѣ ихъ ученія и поведенія. Раскольники поступаютъ не по примѣру древнихъ христіанъ, съ великою охотою являвшихся къ вопрошающимъ и даже гонителямъ, и не по апостольскому ученію, требующему быть готовымъ всегда къ отвѣту всякому вопрошающему слово о вашемъ упованіи, съ кротостію и страхомъ совѣсть имуще благу. Уклонившись отъ истиннаго ученія и добрыхъ примѣровъ, раскольники впали въ заблужденія, допуская и оправдывая самосожженіе и подвергая такимъ образомъ невинныхъ людей временной и вѣчной смерти; указано нѣсколько случаевъ самосожженія, бывшихъ въ Сибири и Европейской Россіи, въ 1722—1724 г. Такихъ зловредныхъ учителей нужно остерегаться, заключаетъ посланіе; нужно обличать, открывать и *представлять* къ гражданскому суду, согласно царскимъ указамъ [1]).

Итакъ, начавъ въ 1721 г. съ увѣщанія и вразумленія заблуждавшихся, Святѣйшій Синодъ, по причинѣ неуспѣха кроткихъ мѣръ, въ 1724 году пришелъ къ мѣрамъ строгимъ,—къ мѣрамъ понужденія и содѣйствія гражданской власти, о чемъ открыто и заявилъ въ своемъ «Увѣщаніи» къ православнымъ, приглашая однихъ къ дѣятельному участію для ослабленія раскола, а другихъ предостерегая отъ раскольническихъ учителей, какъ людей упорныхъ, лукавыхъ, невѣжественныхъ и своекорыстныхъ.

Увѣщательныхъ посланій въ описываемое время появилось всего четыре, по одному въ годъ. Свои попытки по воздѣйствію на раскольничье движеніе въ цѣляхъ убѣжденія, привлеченія и сближенія церковная власть сама объявила неудавшимися, а раскольниковъ—виновными въ этой неудачѣ. Посредствомъ указанныхъ попытокъ церковная власть думала войти въ самыя близкія, непосредственныя отношенія и объясненія съ представителями раскола,—отношенія, бывшія до сихъ поръ враждебными, напоминавшими какъ бы отношенія людей разнаго вѣроисповѣданія, племени и царства. Стремленіе благородное, христіанское, но оказавшееся безплодным.

[1]) Полн. собр. пост. IV. № 1436.

II.

Миссіонерская дѣятельность церкви противъ раскола.

Другія мѣры по вразумленію и обращенію раскольниковъ состояли въ миссіонерствѣ православныхъ учителей-знатоковъ раскола среди послѣдователей старообрядчества, на мѣстѣ жительства ихъ. Миссію эту, разумѣется, всего удобнѣе и успѣшнѣе могли бы выполнять мѣстные священники, въ приходахъ которыхъ находились раскольники; но этого не было по причинѣ низкаго уровня образованія сельскаго и даже городскаго духовенства, скудости матеріальнаго содержанія, своекорыстія, апатіи и сочувствія даже расколу. Нужда была въ миссіонерахъ подготовленныхъ, способныхъ и дѣятельныхъ; но откуда было ихъ взять?

Еще до учрежденія Святѣйшаго Синода, съ 1706 г. по 1721 г., совершалась полезная дѣятельность епископа Питирима въ предѣлахъ Нижегородской области,—мѣстѣ особеннаго скученнаго населенія раскола, гдѣ дѣятельность Питирима по обращенію раскольниковъ была успѣшна.

Около Питирима образовалась цѣлая школа опытныхъ миссіонеровъ. Особенность нежегородскихъ миссіонеровъ состояла въ томъ, что всѣ они были, подобно ихъ руководителю—Питириму, прежде раскольниками, обратившимися въ православіе въ зрѣломъ возрастѣ; поэтому они хорошо знали какъ мѣста пребыванія тайныхъ раскольниковъ, такъ и ихъ заблужденія, принадлежность къ извѣстнымъ толкамъ, ихъ семейное и экономическое положеніе. Явившейся потребности въ противораскольническихъ миссіонерахъ могли отчасти удовлетворить соединившіяся около Питирима личности, дѣятельность которыхъ извѣстна была церковной власти. Мы видимъ, что Святѣйшій Синодъ обращался къ епископу нижегородскому съ просьбою о высылкѣ опытныхъ миссіонеровъ для порученія имъ дѣла обращенія раскольниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Расколъ сосредоточивался тогда главнымъ образомъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Олонецкомъ краѣ, въ предѣлахъ Стародубья, въ Нижегородскомъ краѣ, на Вѣткѣ, въ Калугѣ и проч.

Потребность въ опытномъ миссіонерѣ прежде всего открылась въ С.-Петербургѣ, при Святѣйшемъ Синодѣ. Въ то время какъ Святѣйшій Синодъ открыто и неоднократно приглашалъ раскольниковъ являться къ нему для разсужденій о вѣрѣ и церкви, нужно было позаботиться о пріисканіи достойнаго и опытнаго лица, которое бы вело бесѣды съ раскольниками отъ лица высшей церковной власти въ случаѣ, если-бы эти собесѣдованія состоялись. Найти такого со-

бесѣдника необходимо было ранѣе, чѣмъ послѣдовало объявленіе объ имѣвшихся быть разсужденіяхъ, дабы явившіеся раскольники не застали православныхъ въ расплохъ. Вотъ почему еще въ іюлѣ 1721 г., за полгода до рѣшенія о вызовѣ раскольниковъ, бывшаго въ декабрѣ того же года, Святѣйшій Синодъ вытребовалъ изъ Нижегородской епархіи іеромонаха Филарета для разглагольствія съ раскольниками. Не то это значило, чтобы члены Святѣйшаго Синода не могли вести собесѣдованія съ раскольниками, а то, чтобы Святѣйшій Синодъ «въ такихъ съ оными противниками, яко съ невѣждами и неуками, нерегулярныхъ диспутахъ и въ упорныхъ ихъ невѣжескихъ словопрѣніяхъ напрасно себя не утруждалъ и въ важнѣйшихъ дѣлахъ, до синодальнаго разсужденія надлежащихъ, препятствія не имѣлъ» [1]).

Синодальное рѣшеніе о вызовѣ Филарета сопровождается слѣдующими соображеніями: «къ случающимся съ противными святой церкви раскольниками, во всероссійскомъ народѣ умножившимися, и въ Святѣйшій Синодъ присылаемыми, диспутахъ и къ надлежащему оныхъ обличенію и довольному противностей ихъ доказательству, взять обратившагося отъ раскольнической противности ко святой церкви іеромонаха Филарета, который обрѣтается у преосвященнаго Питирима при раскольническихъ дѣлахъ и быть ему при Святѣйшемъ Синодѣ неотлучно, дабы въ случайныя времена съ такими противниками о грубой и невѣжественной противности, тому уже вѣдомой, и диспуты обычайные чинить и обличительныя на нихъ доказательства предлагать и въ прочихъ достодолжнаго оныхъ исправленія по надлежащему поступать, какъ отъ Святѣйшаго Синода за благо будетъ разсуждено» [2]). Отъ Питирима требовалось прислать реестръ необходимыхъ для Филарета книгъ съ указаніемъ мѣстъ, откуда оныя получить можно.— Извѣстно, что вмѣсто Филарета вызванъ былъ іеромонахъ Неофитъ. Это сдѣлано во исполненіе просьбы Питирима о томъ, что Филаретъ нуженъ былъ на Керженцѣ болѣе, чѣмъ въ Святѣйшемъ Синодѣ. Въ объясненіе своей просьбы Питиримъ писалъ: «если оный іеромонахъ (Филаретъ) отъ раскольническихъ мѣстъ отлученъ будетъ и въ тѣ мѣста иного послать не-кого, то отъ этого будетъ не малый вредъ дѣлу. Что касается до Неофита, то онъ, по отзыву Питирима, имѣетъ въ разглагольствіи съ раскольщиками неусыпную охоту, смыслъ и ревность, и силу вѣдѣніемъ въ Писаніи имѣетъ не только не менѣе Филарета, но даже и лучше» [3]).

[1]) Опис. т. I. № 403.
[2]) Ibid.
[3]) Опис. т. I. № 403, стр. 473.

1. Краткая характеристика миссiи iеромонаха Неофита среди раскольниковъ Выговской пустыни.

Неофитъ прибылъ въ С.-Петербургъ 24 января 1722 года съ реестромъ книгъ и самыми книгами, взятыми изъ Москвы, изъ «Приказа Церковныхъ Дѣлъ», для бесѣдъ съ раскольниками. Изъ 25 старопечатныхъ, новоисправленныхъ и харатейныхъ Неофитъ выбралъ себѣ «къ удобству» 8 старопечатныхъ патрiаршихъ выходовъ (изданiй). Книги эти должны были храниться въ Синодальной библiотекѣ и выдаваться Неофиту по мѣрѣ надобности безъ удержанiя (задержки). Неофиту предоставлено было помѣщенiе въ Синодальномъ домѣ; содержанiе онъ получалъ наравнѣ съ придворными священниками. Такимъ образомъ все было приготовлено для разсужденiй о вѣрѣ съ раскольниками. Но раскольники не явились. Неофиту при Святѣйшемъ Синодѣ дѣлать было нечего. Однако церковная власть захотѣла воспользоваться опытностiю и готовностiю Неофита для миссiи среди раскольниковъ, жившихъ въ предѣлахъ Олонецкой губернiи, въ Выговской пустынѣ, и приписанныхъ въ административномъ отношенiи къ Петровскимъ (желѣзнымъ) заводамъ. Возникновенiе Выговской, Даниловской или Поморской общины относится къ самымъ раннимъ годамъ существованiя и распространенiя раскола на Сѣверо-Западѣ Россiи, въ предѣлахъ Олонецкой губ.; начало ея относится къ концу XVII ст., 1694 года.

Составъ этой общины образовался и постепенно пополнялся лицами, съ одной стороны недовольными исправленiемъ книгъ при п. Никонѣ, а съ другой бѣглецами, спасавшимися то отъ преслѣдованiй за приверженность къ расколу, то изъ-за страха отвѣтственности за худыя дѣла, то для устроенiя промысловъ и вольной жизни; здѣсь, въ мѣстахъ пустынныхъ, непроѣзжихъ и непроходимыхъ (вслѣдствiе лѣсовъ, болотъ) и слѣдовательно безопасныхъ поселились выходцы изъ Москвы, Соловецкой обители (послѣ разоренiя ея московскимъ войскомъ въ 1776 г.), изъ Нижняго Новгорода и др.; мужчины и женщины, люди разныхъ мѣстностей, характеровъ, привычекъ и занятiй должны были устроить свою жизнь сообразно съ новыми мѣстными условiями; частные и личные житейскiе интересы обитателей должны были регулироваться идеями—сохранить старую вѣру и отстоять самостоятельное и независимое существованiе отъ предержащей, особенно церковной, власти. Всѣ эти разбросанные пришельцы и насельники, бродившiе по Выговской пустынѣ и подверженные опасностямъ со стороны дикой природы и грозной власти, сплотились въ единодушную дружину, благодаря энергiи, опытности и авторитету первоначальныхъ своихъ учредителей и выборныхъ начальниковъ—

Даніила Викулова и братьевъ Андрея и Семена Денисовыхъ. Внутреннему устройству и внѣшнему благополучію Выговской общины болѣе всѣхъ содѣйствовалъ Андрей Денисовъ. Обладая необыкновенными умственными и административными способностями, съ оригинальнымъ въ древнерусскомъ духѣ развитіемъ, Андрей Денисовъ достигъ того, что жители Выговской пустыни, ревностные раскольники-безпоповцы, обособились и замкнулись, составивши изъ себя самостоятельную общину, по своему устройству похожую на общежительный монастырь, но своеобразную, соотвѣтственно съ мѣстными условіями, новизною положенія и характеромъ вошедшихъ въ составъ ея членовъ.

Это была община безпоповцевъ, наиболѣе между собою сплоченная, послѣдовательная и фанатичная, отличавшаяся сильною пропагандою своего ученія какъ въ мѣстахъ ближайшихъ, такъ и отдаленныхъ. Ив. Филипповъ считаетъ Выговское общежительство проистекшимъ отъ соловецкой общины, отъ нея благословеннымъ и утвержденнымъ. Отсутствіе въ общинѣ іерархическихъ лицъ, отчасти принципіальное, отчасти вынужденное оскудѣніемъ священства и необходимостію, замѣнялось избранными изъ общества почетными лицами-мірянами, извѣстными подъ названіемъ настоятелей и отцевъ. Настоятели совершали у нихъ богослуженіе, по сокращенному чину, т. е. съ пропусками нѣкоторыхъ мѣстъ, возгласовъ и обращеній, приличествующихъ священникамъ; они же и поучали въ часовняхъ богомольцевъ; бракъ не совершался; члены общины должны были быть безбрачными, хотя это не мѣшало существованію многочисленнаго молодаго поколѣнія. Новые члены принимались въ общину по первому чину, т. е. чрезъ крещеніе, какъ язычники, хотя бы они были священнаго сана. По свидѣтельству одного изъ обратившихся раскольниковъ (Арсенія монаха), въ Выговской пустыни было великое безчинство; Данила Викулинъ и Андрей Денисовъ были церковными противниками, повелѣвая принимать второе крещеніе отъ непосвященныхъ простецовъ, самовольно сожигаться въ огнѣ; и многіе богомерзскимъ наученіемъ ихъ второе крещеніе приняли и въ огнѣ горѣли. Его, Арсенія, вторично крестили и сожигаться убѣждали; бѣлозерскаго монаха Мануила, къ нимъ пришедшаго, монашества лишили, называя то (православное) монашество еретическимъ, и сдѣлали его у себя простымъ мужикомъ; женокъ и дѣвокъ перекрещивая и воспринимая отъ купели вмѣсто духовныхъ отцовъ, гавшезерскіе монахи (находившіеся въ вѣдѣніи и зависимости отъ Д. Викулина и А. Денисова) берутъ къ себѣ въ келліи и живутъ съ ними блудно [1]. Оскудѣніе благодати признавали всеобщимъ; въ господствующей цер-

[1]) Опис. т.—VI. № 224, стр. 389.

кви православной признавали существованіе антихриста не въ опредѣленномъ лицѣ, а въ духовномъ смыслѣ, въ смыслѣ общаго еретическаго направленія церкви; крайнія мнѣнія выговцевъ и заблужденія, какъ случаи самосожженія и отверженіе въ православной церкви дѣйствительности таинства евхаристіи, были протестомъ (съ конца XVII ст.) противъ насильственнаго образа дѣйствій духовныхъ и гражданскихъ властей среди выговскихъ раскольниковъ и въ другихъ мѣстахъ[1]). По свидѣтельству Ив. Филиппова, «многіе раскольники отъ страха и ужаса, не стерпя обидъ и жестокостей начальныхъ людей и подъячихъ, въ домы своя запирахуся и огнемъ сожигахуся; а иные бѣгаху по лѣсамъ и пустынямъ, всякую нужду терпяше; а нѣкоторые не хотяще, но нуждою приводимы причащахуся; а инымъ силою причастіе и антидоръ во уста влагали; иніи же аще и пріимаху, но во устѣхъ удерживаху не проглотивше и, вышедше изъ церкви, изъ устъ плеваху на землю». Вслѣдствіе этого къ представителямъ церковной власти поморцы питали отчужденность и враждебность, хотя и старались показывать внѣшній видъ покорности и уваженія; къ царской власти при Петрѣ I относились подобострастно въ интересахъ независимости и расширенія своей дѣятельности; изъ вѣротерпимости Петра и его преобразовательныхъ стремленій извлекали свои выгоды. Подъ управленіемъ Андрея Денисова поморская община достигла цвѣтущаго состоянія.

Для ослабленія въ Выговской пустыни раскола и посланъ былъ туда іеромонахъ Неофитъ.

Инициатива посылки Неофита въ Поморскіе раскольническіе станы для разглагольствія о вѣрѣ принадлежала Петру Великому, какъ можно думать на основаніи имяннаго повелительнаго указа объ отправкѣ Неофита. Въ указѣ отъ 22 апрѣля 1722 г. говорится: Государь, будучи въ Преображенскомъ (Приказѣ?) указалъ: въ раскольническіе станы, которые обрѣтаются въ Олонецкомъ уѣздѣ, послать изъ Синода духовное лицо, для разглагольствія съ ними о происходящемъ ихъ съ святою церковію несогласіи, и ради увѣщанія ихъ, немедленно [2]).

Есть мнѣніе противоположное, приписывающее инициативу миссіи Неофита не Петру I, а Святѣйшему Синоду. Такое мнѣніе высказалъ профессоръ И. А. Чистовичъ [3]), не мотивируя его, впрочемъ, никакими соображеніями при существованіи мнѣнія противуположнаго, высказаннаго преосвященнымъ Макаріемъ и А. Муравьевымъ. Мнѣніе это

[1]). Филипповъ, Ист. выгов. пуст., стр. 30—37.

[2]) Сбр. т.—II. № 560.

[3]) Чтен. въ Общ. истор. и древн. 1859 г., книг. 3, стр. 182.

опирается на слѣдующихъ соображеніяхъ: не въ интересахъ Петра была миссія Неофита въ такія мѣста, гдѣ появленіе и пребываніе Неофита могло произвести непріятности и смущеніе среди населенія, хотя и раскольническаго, но которому царь покровительствовалъ, считая его полезнымъ для устроенныхъ своихъ заводовъ; если бы Неофитъ появился среди поморскихъ раскольниковъ во исполненіе сильной воли и настойчивости царя, тогда и пріемъ и отношенія къ миссіонеру были иныя со стороны заводскаго начальства и выговскихъ раскольниковъ, чѣмъ какъ обнаружилось на дѣлѣ; но если Петръ не интересовался миссіею Неофита, то и непрепятствовалъ осуществленію ея, оградивъ напередъ права старцевъ выгорѣцкихъ,—не могъ и препятствовать миссіи Неофита по своему положенію покровителя и защитника предпринимавшихся церковныхъ мѣръ противъ раскола,—мѣръ, начертанныхъ въ Высочайше утвержденномъ «Регламентѣ».

Въ опроверженіе этихъ соображеній можно сказать то, что они противорѣчатъ имянному Высочайшему указу, объявленному въ Святѣйшемъ Синодѣ чрезъ вице-президента архіепископа Ѳеодосія отъ лица Петра; опасенія предупреждались данною Неофиту инструкціею, отличавшеюся снисходительностію къ выговцамъ и вообще мирнымъ характеромъ; правда, отношенія выговцевъ къ Неофиту были неискренни и даже непріязненны, но этимъ они защищали свои убѣжденія, не имѣя въ виду сдѣлать что-либо непріятное царскому Величеству; что касается до неудачи миссіи Неофита, вопреки разсчетамъ Петра, то она была дѣломъ непредвидѣннымъ, какъ непредвидѣнными оказались неудачныя послѣдствія и въ другихъ, подобныхъ миссіи Неофита, предпріятіяхъ, хотя и совершившихся не безъ участія царя.

Побужденіемъ къ отправкѣ Неофита къ раскольникамъ Выговской пустыни былъ, по мнѣнію профессора Н. И. Барсова, успѣхъ дѣйствій преосвященнаго Питирима на Керженцѣ и въ Нижегородскихъ предѣлахъ. Съ мнѣніемъ г. Барсова нельзя не согласиться съ прибавленіемъ того предположенія, что преосвященный Питиримъ, пользуясь довѣріемъ Петра, могъ даже побуждать царя къ ускоренію миссіи среди выговскихъ раскольниковъ, дабы, въ случаѣ удачнаго исхода дѣла, ослабить вліяніе Выговской пустыни на расколъ (въ составленіи вопросовъ діаконцевъ принималъ участіе Андрей Денисовъ) и представить въ истинномъ свѣтѣ двусмысленныя отношенія заправителей ея къ царской власти.

Какъ бы оно ни было, назначеніе іеромонаха Неофита состоялось очень скоро. Это было въ апрѣлѣ 1722 г. Миссія Неофита находилась въ связи съ общею заботою церковной власти объ ослабленіи

раскола, въ тѣхъ особенно мѣстахъ, гдѣ онъ былъ многочисленнѣе, устойчивѣе, фанатичнѣе и угрожалъ пропагандою [1]). Отъ Святѣйшаго Синода Неофитъ снабженъ былъ всѣмъ необходимымъ для безпрепятственнаго и успѣшнаго начала и продолженія дѣла: опредѣленнымъ содержаніемъ, прогонными деньгами, книгами (35); ему обезпечено было содѣйствіе тамошней гражданской власти въ лицѣ ландрата Муравьева. Образъ дѣйствія Неофита, какъ миссіонера и временнаго обывателя въ раскольническихъ станахъ, опредѣлялся подробною инструкціею. Инструкція Неофиту представляетъ интересный документъ не только въ историческомъ, но и руководственномъ практическомъ отношеніи [2]). Кто авторъ ея—неизвѣстно; но видно, что она составлена искусною и опытною рукою; это рѣдкій письменный памятникъ какъ со стороны литературной, такъ и съ руководственно-канонической. Авторъ прекрасно понялъ и выразилъ существовавшіе тогда возвышенные взгляды Святѣйшаго Синода на дѣло миссіи среди раскольниковъ.

По указу Его Императорскаго Величества отъ Святѣйшаго Синода инструкція дана іеромонаху Неофиту ѣхать на Петровскіе заводы... въ раскольничьи станы ради разглагольствія и увѣщанія; и ради охраненія караулу и къ случайному куда надлежитъ проѣзду подводъ требовать отъ тамошняго ландрата Муравьева, къ которому о томъ и указъ изъ Святѣйшаго Синода посланъ. Пріѣхавъ на Петровскіе заводы, Неофитъ долженъ былъ Его Императорскаго Величества указъ къ помянутому ландрату отослать съ кѣмъ пристойно, и получивъ отъ него удобную къ требованію своему квартеру и ко охраненію караулъ, пребывать тамо до полученія изъ Синода повелительства о отъѣздѣ оттуду указу; а во время тамошней бытности въ вышеозначенномъ дѣйствѣ поступать по нижеписаннымъ пунктамъ. Инструкція состоитъ изъ 17-ти пунктовъ.

1) Въ первомъ пунктѣ говорится, чтобы Неофитъ письменно заявилъ ландрату (управляющему заводами отъ казны) о цѣли своего пріѣзда на Олонецкіе заводы, состоявшей въ разглагольствіи съ тамошними раскольниками о ихъ несогласіяхъ съ православною церковію;

[1]) Опис. т.—I. № 113.

[2]) Инструкція эта, почему-то, не вошла ни въ «Собраніе постановленій» Святѣйшаго Синода I—IV т., ни въ «Опис. документовъ» I—IV. Въ полномъ видѣ инструкція помѣщена въ рукописномъ экземплярѣ «Пом. Отв.», принадлежавшемъ покойному проф. Спб. Д. А. Ив. Ѳ. Нильскому. Издатель Братскаго Слова, проф. Н. И. Субботинъ, напечаталъ въ первый разъ инструкцію недавно (Брат. Слово, 1889 г., № 16, стр. 443—51) въ полномъ видѣ по списку, вполнѣ согласному со спискомъ, помѣщеннымъ въ рукописи „Пом. Отв.“, принадлежащей библіотекѣ М. Д. Академіи; въ томъ же видѣ инструкція помѣщена въ соч. архим. Павла: «Замѣчанія на Пом. Отв.»

на эти собесѣдованія, тихія и кроткія, раскольники и приглашаются; если не явятся, то этимъ самымъ они покажутъ свою неправоту и слабость.

2) Когда раскольники согласятся и явятся для разглагольствія въ назначенный срокъ, то требовать ландрата и другихъ лицъ для присутствованія въ качествѣ свидѣтелей и удостовѣренія того, что̀ будетъ происходить, во избѣжаніе перетолкованія обстоятельствъ дѣла.

3) Высказывается желаніе, чтобы при собесѣдованіи Неофита съ раскольниками присутствовали православные священники, діаконы и причетники, а также свѣтскіе люди, и особенно тѣ, кто склоненъ къ совращенію въ расколъ, или совсѣмъ совратился, дабы они, слушая и познавъ истину православія, снова соединились съ православною церковію, къ чему усердно стремится Святѣйшій Синодъ.

4) Неофиту внушается, чтобы онъ, въ присутствіи олонецкихъ властей и обывателей, поступалъ умѣренно и осмотрительно съ явившимися раскольниками, предлагая и утверждая свои вопросо-отвѣты основательно, такъ, чтобы они истину благочестія укрѣпляли, а раскольническое заблужденіе обличали.

5) Особенно Неофитъ долженъ заботиться о томъ, чтобы не оказаться предъ раскольниками безотвѣтнымъ; чрезъ это можно подвергнуться насмѣшкамъ и еще болѣе усилить сомнѣніе раскольниковъ.

6) Требовалось, чтобы главное содержаніе вопросо-отвѣтовъ было записано для памяти и представленія въ Святѣйшій Синодъ; запись должна быть скрѣплена подписью обѣихъ сторонъ и постороннихъ слушателей.

7) Въ сомнительныхъ случаяхъ, когда нельзя дать удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ, нужно отлагать рѣшеніе до другаго удобнаго времени, или, смотря по важности предмета, обстоятельно доносить въ Святѣйшій Синодъ, откуда и ждать окончательнаго разъясненія.

8) Если кто изъ раскольниковъ, при разглагольствіи, сознаетъ свое заблужденіе и пожелаетъ присоединиться къ православной церкви, того принимать, допустивъ его, послѣ исповѣди, до святаго причастія и учинивъ надъ нимъ надзоръ, дабы опять не совратился. Точно такъ же поступать съ тѣми колеблющимися православными, которые заявятъ о своей твердости въ вѣрѣ (9 п.).

10) Въ случаѣ, если раскольники станутъ обнаруживать во время разглагольствія дерзость и грубость, тогда нужно объ этомъ заявить ландрату и другимъ свидѣтелямъ и обо всемъ этомъ составить письменный актъ.

11) Запрещается употреблять насиліе по отношенію къ упорнымъ и непокорнымъ раскольникамъ, записывая только имена ихъ.

12) Если, не смотря на призывъ, раскольники не явятся, то просить тамошнее духовенство, какъ обязанное повиноваться Неофиту, содѣйствовать въ увѣщаніи раскольниковъ для собесѣдованія о вѣрѣ.

13) Этимъ пунктомъ дозволялось духовенству ловить и насильно приводить къ Неофиту раскольниковъ — пропагандистовъ, за что̀ обѣщалась награда отъ Святѣйшаго Синода; а особенно вредныхъ изъ нихъ повелѣвалось отсылать въ Святѣйшій Синодъ подъ конвоемъ.

14) Въ крайнемъ случаѣ, когда никто бы не явился для разглагольствія, предписывалось Неофиту отыскивать въ глухихъ мѣстахъ притоны раскольниковъ въ цѣляхъ увѣщанія и обращенія заблуждавшихся.

15) Тоже самое предписывалось дѣлать и мѣстному духовенству подъ руководствомъ Неофита, съ обязательствомъ доношенія о результатахъ миссіи.

16) О всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ Неофитъ обязанъ былъ доносить въ Святѣйшій Синодъ чрезъ каждые четыре мѣсяца.

17) Въ послѣднемъ пунктѣ строго предписывалось, чтобы Неофитъ поступалъ умѣренно и законно, подъ опасеніемъ безпощаднаго наказанія за подозрительныя дѣйствія.

Вникая въ смыслъ инструкціи Неофиту, въ то, съ какою осторожностію и проницательностію она составлена, можно думать, что авторъ ея и церковная власть, одобрившая ее, очень ясно и отчетливо представляли истинное положеніе дѣла, т. е. знали какъ настроеніе выговскихъ расколоучителей, такъ и трудность вести съ ними препирательства о спорныхъ вопросахъ. Нужно было имѣть змѣиную мудрость и голубиную невинность, чтобы можно было разсчитывать на успѣхъ преній. Съ другой стороны, церковная власть дала Неофиту возможность выхода и почетнаго отступленія въ затруднительныхъ случаяхъ, дабы и самому ему не подпасть укоризнѣ и чрезъ то не нанести на Святѣйшій Синодъ нареканія; этотъ выходъ давался тѣмъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ Неофитъ долженъ былъ просить совѣта и указаній отъ Святѣйшаго Синода. Вѣжливое и снисходительное обращеніе съ выговскими старцами могло облегчать трудное положеніе Неофита; недостатокъ аргументаціи могъ вознаградиться тѣмъ же кроткимъ обращеніемъ.

Нужно, впрочемъ, сказать, что не во всѣхъ частяхъ инструкція отличается выдержанностію и послѣдовательностію. Такъ, 13 п., допускающій ловить и отсылать въ Святѣйшій Синодъ непреклонныхъ и весьма опасныхъ раскольниковъ, противорѣчитъ не только 1 п., которымъ обѣщалось тихое, кроткое и безопасное разглаголь-

ствіе, но и общему духу инструкціи и характеру миссіи, какъ способу воздѣйствія на раскольниковъ духовно - нравственному, увѣщательному.

Не смотря на содѣйствіе, участіе и одобреніе церковною властію миссіи Неофита, полная неудача постигла дѣло, начатое съ ревностію, и большими благожеланіями многихъ. Обстоятельства, сопровождавшія пребываніе Неофита въ предѣлахъ Выговской пустыни, взаимныя отношенія между нимъ и раскольниками, хитрости и клеветы послѣднихъ, неудачные и неприведшіе ни къ какому соглашенію споры извѣстны какъ изъ православныхъ, такъ и раскольническихъ источниковъ; извѣстно пристрастіе и искаженіе извѣстій о нравственныхъ свойствахъ іеромонаха Неофита изъ «Исторіи Выговской пустыни» Ив. Филиппова. Фактическая сторона дѣла представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Когда Неофитъ прибылъ на Петровскіе заводы въ сент. 1722 г., раскольники, заранѣе знавшіе о цѣли пріѣзда, просили миссіонера отложить разсужденія о вѣрѣ до зимы, дабы имъ, жившимъ въ большемъ разстояніи другъ отъ друга и при неудобствѣ сообщенія, можно было собраться; просили его и о томъ, чтобы заранѣе изложилъ предметъ имѣвшихъ быть разглагольствій. Обѣ просьбы Неофитъ уважилъ, составивъ 106 вопросовъ о спорныхъ предметахъ съ увѣщаніемъ явиться для отвѣтовъ въ декабрѣ. Копію съ 106 вопросовъ Неофитъ сообщилъ въ Св. Синодъ, который и одобрилъ ихъ.

Между тѣмъ выговцы не являлись ни на собесѣдованія къ назначенному сроку, ни представляли письменныхъ отвѣтовъ на предложенные вопросы, отговариваясь разными уважительными предлогами: то краткостью назначеннаго времени для составленія отвѣтовъ, требовавшихъ обдуманности и справокъ съ староцерковными и новопечатными книгами, то рудными работами и другими по царскимъ указамъ, то изысканіемъ необходимыхъ средствъ для существованія (ловлею птицъ и живыхъ оленей). Такъ прошло время до Троицына дня 1723 г., а раскольники не являлись къ Неофиту, не смотря на данное обѣщаніе и на троекратное понужденіе ихъ къ тому со стороны ландрата Муравьева. Письменные отвѣты поданы были Неофиту 1-го іюля; эти отвѣты состояли изъ 106 пунктовъ. По разсмотрѣніи отвѣтовъ Неофитъ нашелъ, что они преисполнены ко святой церкви всякаго грубословія и противословія, лживыми и суемудрыми доводами, написанными по всякой безопасной смѣлой дерзости. Посылая отвѣты раскольниковъ въ Синодъ, Неофитъ извѣщалъ, что онъ приступилъ къ сочиненію, въ защищеніе св. церкви на ихъ лжесловесныя вопросоотвѣтствованія, возобличенія, которыя намѣренъ прочитать 1-го сентября, при раскольникахъ, въ присутствіи собраннаго много-

людства. Дѣйствительно, въ сентябрѣ Неофитъ читалъ свои возобличенія къ раскольникамъ при священномъ чинѣ, при ландратѣ и при прочихъ знатныхъ персонахъ; но при этомъ не присутствовали главные представители выговскихъ раскольниковъ—начальникъ выговской пустыни Данила Викуловъ и авторъ 106-ти отвѣтовъ на вопросы іеромонаха Неофита—Андрей Денисовъ [1]). Дѣйствуя по заранѣе обдуманному плану, явившіеся на собесѣдованія раскольники или отмалчивались отъ возобличенія Неофита, ссылаясь на письменные отвѣты, или

[1]) Считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о двухъ этихъ раскольническихъ дѣятеляхъ и взглядъ на нихъ изъ сочиненія П. О. Любопытнаго для представленія того, какимъ уваженіемъ и вліяніемъ на дѣла пользовались въ средѣ современниковъ и послѣдователей, близкихъ и отдаленныхъ, названныя лица.

Даніилъ Викульевичъ (род. 1653 г., ум. 1733 г., жилъ 80 л.), изъ духовнаго званія, основатель Выгорѣцкой киновіи или Даніилова, въ Олонцѣ, старовѣрческаго монастыря; рѣдкій былъ буквалистъ, твердаго духа и знатной памяти, мужъ благочестивый, опытный въ церкви и примѣрной добродѣтели, славный учитель (мнимаго) правовѣрія въ олонецкихъ предѣлахъ, отважный и разительный обличитель никоновыхъ догматовъ и обычаевъ; тщательный созидатель выгорѣцкой Христовой церкви и рѣдкій въ украшеніи ея благолѣпіемъ, претерпѣвшій не разъ ужасъ и снискавшій дивныя милости отъ грознаго царя Петра перваго. Писатель былъ нѣкоторой нравственности и догматизма въ пользу и утвержденіе Христовой (поморской) церкви, собравшій гонимый за благочестіе Израиль, скитавшійся долговременно въ дичи и лѣсахъ, одержимый гладомъ, ужасомъ и мразомъ, и онъ ему былъ избавитель, покоище и тишина. Его любовь къ ближнимъ, пріятное обращеніе, осѣненное веселымъ взоромъ, смиреніе и текущая милость удивляли всѣхъ и многихъ убѣждали послѣдовать его стопамъ и осыпать лаврами высокихъ похвалъ. Онъ былъ росту средняго, круглолицъ и смуглъ, браду имѣлъ мало продолговатую, рѣдкую и скудную, украшенную сѣдинами. Онъ скончался благочестно въ Выгорѣціи, 1733 года, окт. 12-го, отъ рожденія своего 80 лѣтъ.

Андрей Діонисьевичъ (родился 1674 г., умеръ 1730 г., жилъ 56 лѣтъ). Повѣнецкій уроженецъ, произшедшій отъ Мышецкихъ князей, поморской церкви знаменитый членъ, мужъ ученѣйшій, высокихъ талантовъ, твердаго духа и дивной памяти, примѣрной добродѣтели, первый образователь Выгорѣцкой киновіи и украситель церковнаго благолѣпія, славный писатель и строгій дѣятель нравственности, рѣдкій въ созиданіи Христовой (точнѣе своей поморской) церкви, первый и единственный побѣдитель бывшей бури лютаго никоніанизма, твердый признатель вѣчности брачнаго бытія въ Христовой церкви, громкій киновіархъ Выгорѣцкой Лавры, носившій въ ней крестъ Христовъ непрерывно 38 лѣтъ. Онъ, будучи знатный политикъ, былъ собесѣдникъ царскаго двора и высокихъ особъ іерархіи и другъ великихъ вельможъ. Писатель Діаконовыхъ отвѣтовъ противъ Питирима, нижегородскаго епископа. Славный мужъ во всѣхъ концахъ Христовой (правильнѣе своей поморской) церкви и знаменитый въ отличномъ кругѣ внѣшнихъ особъ, просвѣтившій благочестіемъ многіе страны и обезсмертившійся своими доблестями во всей пространной Россіи, управляя славно своей киновіею непрерывно 27 лѣтъ.

Андрею Денисову приписывается 119 сочиненій, написанныхъ въ защиту и восхваленіе раскола.

отвѣчали уклончиво. Такъ, на 6-й и 8-й вопросы Неофита: троеперстное сложеніе православно, или нѣтъ (ересь), они отвѣчали: «судомъ облагати не дерзаемъ, а пріяти не можемъ»; на вопросъ: Государь, Св. Синодъ и всѣ православные христіане въ православной-ли пребываютъ нынѣ вѣрѣ, или нѣтъ, выговцы отвѣчали: «Императорское Величество именуемъ благочестива и православна», а Св. Синодъ и всѣхъ православныхъ христіанъ не называли православными, заявивши: «мы не зазираемъ». Уклоняясь отъ собесѣдованій, выговцы своимъ присутствіемъ, разговорами съ Неофитомъ и формальною запискою (актомъ) засвидѣтельствовали, что они исполнили свое дѣло и волю правительства, т. е. что они отъ разглагольства не отбывали, но явно извѣщеніе о себѣ дали, что пребываютъ въ древне-церковныхъ, православныхъ святоотеческихъ преданіяхъ. Желая подѣйствовать на раскольниковъ угрозою, Неофитъ предложилъ Св. Синоду, взамѣнъ разглагольствій, чинить изысканіе раскольниковъ, особенно требоисправителей ихъ, отобраніе отъ нихъ книгъ, обложеніе двойнымъ окладомъ и т. п. мѣры, понеже, по словамъ его, Олонецкіе раскольники по всякой свободѣ жили безъ всякаго опасенія. Хотя съ разрѣшенія Св. Синода и позволено Неофиту сдѣлаться изъ миссіонера сборщикомъ штрафныхъ денегъ и передатчикомъ ихъ въ новгородскій архіерейскій разрядъ, но эта роль поставила Неофита въ болѣе худшее положеніе и отношеніе къ тамошнимъ раскольникамъ,—тѣмъ болѣе, что Муравьевъ держалъ сторону раскольниковъ. Замѣтивъ расположеніе къ себѣ гражданской власти, выговцы, на основаніи указовъ 1705 и 1714 гг., отказывались отъ платежа двойнаго оклада, ссылаясь на то, что имъ велѣно отыскивать руду на Повѣнецкіе заводы и рѣшительно отказались дать о себѣ вѣдомость. Св. Синодъ требовалъ удовлетворенія у Сената, но напрасно. Стало очевидно, что Сенатъ, если не открыто держалъ сторону раскольниковъ, то дѣйствовалъ очень слабо. Тяготясь своимъ положеніемъ, бездѣятельнымъ и безцѣльнымъ, Неофитъ просилъ Синодъ объ увольненіи его оттуда, ссылаясь на свою немощь и болѣзнь глазами.

Каково было положеніе Неофита среди олонецкихъ раскольниковъ, какъ самъ онъ смотрѣлъ на это дѣло, въ чемъ видѣлъ причину его неуспѣха и средство для выполненія возложенныхъ на него обязанностей, это ясно усматривается изъ донесеніе Неофита въ Св. Синодъ отъ 13 окт. 1724 г. Это донесеніе доказываетъ, что не одна миссія Неофита потерпѣла неудачу, но та же участь постигла и всѣ общія противораскольническія мѣры, предпринятыя церковью и гражданскою властію.

По заявленію Неофита, выговцы, вопреки запрещенію, распространяли свое ученіе, не платили положеннаго денежнаго оклада,

отказались отъ представленія поименныхъ росписей о количествѣ раскольниковъ обоего пола, требы у нихъ совершались не посвященными монахами и простыми мужиками, запрещенныя книги у нихъ не отобраны, штрафныя деньги собирались медленно и неисправно, положеннаго съ раскольниковъ, въ пользу православнаго тамошняго духовенства, подворнаго сбора не собирается, не смотря на множество раскольниковъ и бѣдное нищенское положеніе духовенства, питавшагося хлѣбомъ съ мякиною и сосновою корою. По словамъ Неофита, начальство Петровскихъ заводовъ не только не понуждало раскольниковъ къ исполненію законныхъ требованій, но и препятствовало миссіонеру въ сборѣ денегъ, то не давая подводъ для разъѣздовъ, то не выдавая жалованья ему, не смотря на службу «у государева дѣла»; отъ этого происходило то, что выговцы укрѣпляются въ дерзости и самомнѣніи, отъ чего «на таковыхъ смотря и простой народъ идетъ въ расколъ» [1]).

Печальное донесеніе свое Неофитъ заканчиваетъ просьбою объ удовлетвореніи его нуждъ и улучшеніи условій (имѣть подводы) для исправленія службы. Положеніе Неофита ухудшалось еще неопредѣленностью, въ какую поставляла медленность отвѣтовъ Св. Синода на его запросы о томъ, что̀ оставалось дѣлать послѣ неудачныхъ разглагольствій. Къ донесенію Неофита Св. Синодъ отнесся довѣрчиво, видя въ гражданской власти противодѣйствіе дѣлу миссіи. По поводу донесенія Неофита Св. Синодъ опредѣлилъ сдѣлать докладъ въ кабинетъ Е. И. Величества (отъ 30 окт. 1724), но изъ этого не вышло никакихъ благопріятныхъ послѣдствій для миссіи Неофита. Однако Св. Синодъ не увольнялъ его, надѣясь на перемѣну дѣла миссіи къ лучшему; но надежды эти не оправдались, хотя Неофитъ прожилъ на мѣстѣ своего назначенія до 1727 г. Въ этомъ году Неофитъ и умеръ на Петровскихъ заводахъ [2]). Неофитъ не оставилъ подробной записи о своихъ разглагольствіяхъ съ выговскими раскольниками.

Такъ представляется дѣло съ одной стороны, по офиціальнымъ документамъ. Иначе излагается дѣло у Ив. Филиппова.

По взгляду автора «Исторіи выговской пустыни», іеромонахъ Неофитъ не только исполнялъ дѣло миссіи неумѣло, вяло и вопреки данной ему инструкціи, но и какъ бы уклонялся отъ разглагольствій съ выгорѣцкими старовѣрами. Вмѣсто того, чтобы дать выговцамъ свободу и время для составленія и подачи письменныхъ и словесныхъ отвѣтовъ, какъ это было нужно въ такомъ важномъ дѣлѣ и какъ предписывалось инструкціею, Неофитъ торопилъ и стѣснялъ своихъ противниковъ, требуя постоянно то письменныхъ отвѣтовъ, то самихъ

[1]) Сбор. т. IV. № 1400.

[2]) Опис. т. I. № 403, стр. 472—482.

отвѣтчиковъ на собесѣдованія; а когда должны были происходить собесѣдованія, то Неофитъ оказывался самъ неготовымъ, откладывалъ ихъ до другаго времени; во время бесѣдъ оказывался безсильнымъ и не знающимъ дѣла; вмѣсто уясненія вопросовъ, запутывалъ собесѣдниковъ, читая не то, что̀ слѣдовало; прерывалъ противниковъ, заставляя ихъ молчать и угрожая доносами и наказаніями; вообще заявилъ себя мелочнымъ, придирчивымъ и пристрастнымъ, такъ что возбудилъ противъ себя неудовольствіе, протестъ и жалобу со стороны выговцевъ (и другихъ обывателей Петровскихъ заводовъ) въ Св. Синодъ, окончившуюся порицаніемъ его дѣйствій и выговоромъ [1]).

Изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ миссію Неофита, открылось, что сношенія и собесѣдованія съ раскольниками не такъ легки, какъ это могло казаться; что на содѣйствіе гражданской власти въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ нельзя было полагаться; что раскольники разсуждали съ Неофитомъ неохотно, по необходимости; что они продолжаютъ подозрительно и даже унизительно смотрѣть на высшую церковную власть, которую представлялъ собою Св. Синодъ, когда эту власть выговцы не могли признать православною, не смотря на всѣ увѣщанія Неофита, всего духовенства и властей [2]).

Одну изъ причинъ неудачи миссіи Неофита видятъ въ неопытности послѣдняго, какъ человѣка «самаго простѣйшаго и неученаго». Это не вѣрно. Если бы Неофитъ былъ на самомъ дѣлѣ такимъ простецомъ, какъ представленъ онъ проф. Барсовымъ, то какъ могъ рекомендовать его Питиримъ Св. Синоду въ качествѣ опытнаго и надежнаго миссіонера? Это было бы ни съ чѣмъ несообразно. Сомнительно, чтобы отзывъ преосв. Питирима о неучености 15 монаховъ Спасской Раевской пустыни (балах. у., нижег. губ.), въ числѣ которыхъ числился и Неофитъ, относился къ послѣднему; но нужно замѣтить, что означенный отзывъ высказанъ былъ *въ 1713* г., а миссія Неофита относилась къ *1722—23* г. [3]). Такимъ образомъ, если допустить предположеніе о невѣжествѣ іер. Неофита въ 1713 г., то въ 1723 г., т. е. чрезъ *10* лѣтъ, онъ могъ быть пригоденъ для миссіи, пріобрѣтши нѣкоторую опытность посредствомъ практики, подъ руководствомъ Питирима. Съ другой стороны, тогда весьма были ограничены требованія отъ миссіонеровъ, легко превращавшихся въ простыхъ сборщиковъ денегъ съ раскольниковъ.

Въ безуспѣшности миссіи Неофита имѣли значеніе болѣе общія причины, удачно сочетавшіяся съ наличными дарованіями состави-

[1]) Филипповъ. „Ист. выгов. пустыни", стр. 169—190.

[2]) Опис. т. II. № 403.

[3]) Прав. Обозр. 1865 г. III часть стр. 515—516.

телей своеобразныхъ отвѣтовъ. Невозможно и безполезно было разсуждать съ тѣми, кто предубѣжденъ былъ противъ церкви и ея представителя, кто, подъ видомъ исканія истины, старался запутать дѣло посредствомъ уклончивости и двусмысленныхъ вопросовъ и отвѣтовъ; безполезно и (въ интересахъ достоинства православія) не безопасно было разсуждать о важныхъ предметахъ съ фанатиками—невѣждами «въ присутствіи цѣлой толпы такихъ же невѣждъ, какъ они сами, потому что въ подобныхъ преніяхъ преимущество остается не на сторонѣ внушеній справедливости, но на сторонѣ дерзости, которая ничего не слушая и ничѣмъ не вразумляясь и будучи поддерживаема цѣлымъ скопищемъ изувѣровъ вопіетъ о своей мнимой побѣдѣ» [1]).

Хотя миссія Неофита бѣдна видимыми фактическими послѣдствіями, однако она имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что вызвала выговскихъ представителей раскола на письменные отвѣты, извѣстные подъ названіемъ «Поморскихъ». Появленіе «Пом. Отв»., сдѣлавшихся извѣстными церковной власти, побудило ее къ разбору и оцѣнкѣ ихъ. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, сообщимъ сначала нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся миссіонерской противораскольнической дѣятельности въ другихъ мѣстахъ.

2. Краткая характеристика дѣятельности I. Рѣшилова среди стародубскихъ раскольниковъ.

Одновременно съ Неофитомъ отправленъ былъ Св. Синодомъ въ качествѣ миссіонера іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ на югъ, для обращенія раскольниковъ, жившихъ въ предѣлахъ Малороссіи, въ губ. Кіевской и Черниговской. Въ этихъ мѣстахъ раскольниковъ поповщинской секты было не мало; часть ихъ состояла изъ постоянныхъ жителей, часть изъ великорусскихъ крестьянъ, переселившихся сюда изъ центральныхъ и сѣверныхъ губерній вслѣдствіе строгихъ мѣръ и преслѣдованій въ прежнее время; бѣгство раскольниковъ продолжалось и въ то время, когда Св. Синодъ дѣятельно заботился объ обращеніи послѣдователей раскола посредствомъ особыхъ миссіонеровъ. Подобно Неофиту, Іосифъ Рѣшиловъ избранъ былъ миссіонеромъ въ Стародубье и Черниговъ по рекомендаціи епископа Питирима и заявленію о томъ, что Питириму «въ монахѣ Іосифѣ Рѣшиловѣ великой нужды нѣтъ» для нижегородскаго края. Назначеніе Рѣшилова состоялось въ мартѣ 1722 года.

Миссія I. Рѣшилова сопровождалась обращеніемъ многихъ раскольниковъ въ православіе; она отличалась полицейски—сыщниче-

[1]) Чт. въ Общ. Истор. и древ. 1859 г., кн. 3, стр. 166.

скимъ характеромъ, т. е. сборомъ денегъ и розыскомъ раскольниковъ съ допущеніемъ понудительныхъ и насильственныхъ мѣръ.

О дѣятельности іеромонаха Іосифа Рѣшилова въ предѣлахъ Стародубья имѣется очень много подробныхъ свѣдѣній, разнообразныхъ и между собою несогласныхъ до противорѣчія. Сгруппированныя и разобранныя свѣдѣнія о Рѣшиловѣ могутъ составить предметъ отдѣльнаго очерка; мы представимъ общій характеръ его дѣятельности [1]).

Іосифъ Рѣшиловъ былъ обратившійся къ православной церкви «раскольническій всѣхъ толковъ учитель»; церковной власти сталъ извѣстенъ по рекомендаціи Питирима въ 1721 г. Будучи въ расколѣ, Рѣшиловъ совратилъ многое число жителей Бѣлевскаго, Глуховскаго и другихъ уѣздовъ, но, обратившись изъ раскола, онъ самъ просилъ Питирима отправить его въ означенные уѣзды для увѣщанія прежде совращенныхъ имъ раскольниковъ. Сначала, въ 1721 г., Рѣшиловъ былъ назначенъ въ Калугу для искорененія и изысканія раскольнической ереси, но первоначальное назначеніе его измѣнилось. Вмѣсто Калуги, Рѣшиловъ, по собственному выбору, былъ опредѣленъ, въ 1722 г., для обращенія и разслѣдованія раскольниковъ въ Стародубье, Черниговской епархіи, гдѣ онъ прежде жилъ, состоя въ расколѣ.

Дѣятельность Рѣшилова продолжалась съ 5-го марта 1722 г. до конца 1724 г. По словамъ Рѣшилова, заявлявшаго объ успѣхахъ своей дѣятельности, въ теченіе двухлѣтняго пребыванія въ Черниговской епархіи, онъ «къ святой церкви обратилъ до 800 ч., а съ упорныхъ раскольниковъ и не бывшихъ у исповѣди собралъ до 1700 руб. Успѣха было-бы больше, если бы не было препятствій въ сборѣ денегъ и сыскѣ раскольниковъ отъ свѣтскихъ командировъ; эти препятствія настолько были серьезны, что побудили Рѣшилова оставить свою дѣятельность и пріѣхать въ С.-Петербургъ для объясненія дѣла и оправданія отъ обвиненій, взведенныхъ на него врагами его—потаковниками раскольниковъ. Главнымъ личнымъ врагомъ Рѣшилова и его миссіи былъ стародубскій комендантъ Илья Пашковъ. Положеніе Рѣшилова было таково, что онъ былъ «не опасенъ о своемъ здравіи, понеже раскольники—жители слободы Еленки согласились его убить». Для охраненія Рѣшилова отъ насилія и убійства со стороны раскольниковъ, Св. Синодъ требовалъ отъ Кіевскаго губернатора солдатъ. Изъ неоднократныхъ донесеній епископа черниговскаго Иродіона и Рѣшилова видно, что Пашковъ—великій защитникъ стародубскихъ раскольниковъ; не только самъ онъ, но и подчиненные его много пакостятъ и не-

[1]) Полн. собр. пост. т. I. № 252 (227); IV т. №№ 1454 и 1323. Опис. док. Св. Синод. т. I. № 507; т. II. 2. 815. 50; т. III. № 343.

обузданнымъ и продерзкимъ своимъ языкомъ касаются чести Св. Синода. Такъ, Пашковъ препятствовалъ разрѣшенной отъ Св. Синода постройкѣ церкви среди раскольничьяго населенія, приказавши перебить плотниковъ и не допустивши ихъ до осмотра мѣста для постройки; Пашковъ производилъ соблазнительные и кощунственные проступки [1]): выпускалъ на свободу многихъ посаженныхъ въ острогъ раскольниковъ, не разъ Рѣшилова выгонялъ изъ города и изъ квартиры, укрывалъ у себя раскольническихъ поповъ, монаховъ и монахинь, а посыльныхъ за ними билъ; по словамъ Рѣшилова, Пашковъ укрывалъ долго попа Бориса калужанина, жившаго въ слободѣ Воронкѣ, у котораго было въ вѣдѣніи 20 слободъ, гдѣ онъ крестилъ, муропомазывалъ и вѣнчалъ въ простыхъ избахъ [2]). Рѣшиловъ жаловался и на другихъ свѣтскихъ лицъ, мѣшавшихъ успѣху миссіи, къ которымъ причисляется Кіевскій губернаторъ, князь Трубецкой [3]).

Такъ представляется дѣло Рѣшилова съ одной стороны. Но иначе представляется дѣло съ другой, на основаніи донесеній о Рѣшиловѣ со стороны его противниковъ, главнымъ образомъ Пашкова [4]).

Противъ І. Рѣшилова, со стороны Пашкова и князя Трубецкаго, представленъ цѣлый рядъ поступковъ безнравственнаго и даже уголовнаго характера. По донесеніямъ ихъ, Рѣшиловъ является не миссіонеромъ, а развратникомъ, хищникомъ, разбойникомъ и грабителемъ Стародубскаго края; въ донесеніи Рѣшилову приписываются нѣкоторыя дѣла такого свойства, что имъ трудно повѣрить, имѣя въ виду ту неразборчивость въ средствахъ для достиженія цѣлей, на которую бываетъ способна ненависть и клевета, и искусственный подборъ подробностей въ нѣкоторыхъ обвиненіяхъ противъ Рѣшилова. Искусственнымъ подборомъ частностей отличается синодальное дѣло 1724 года подъ № 351—210 отъ 18 іюля о присылкѣ изъ кіевской губернской канцеляріи въ Святѣйшій Синодъ двухъ раскольницъ, для изслѣдованія доноса ихъ на І. Рѣшилова. Дѣло это—скабрезнаго свойства. Къ тому же 1724 году, третьему году дѣятельности Рѣшилова, относится цѣлый реэстръ худыхъ дѣлъ Рѣшилова по части грабительства и насилія Рѣшилова и его подручныхъ людей въ Стародубскомъ краѣ. Подробному перечисленію противузаконныхъ дѣйствій Рѣшилова, доходящихъ до 23-хъ, предшествовало доношеніе князя Трубецкаго въ Сенатъ объ общемъ характерѣ дѣятельности І. Рѣшилова. Въ доношеніи сообщается, что Рѣшиловъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, попомъ Игнатіемъ «описнымъ стародубскихъ слободъ

[1]) Опис т. III. № 441 (454 стр.).

[2]) Опис. т. I. № 507.

[3]) Ibid.

[4]) Полн. собр. пост. т. IV. № 1454 и 1323.

обывателямъ чинятъ обиды, притѣсненія и разоренія, разсылая письма съ приказаніемъ ловить и грабить обывателей по торгамъ и дорогамъ и присылать къ нему и попу Игнатію, которые слобожанамъ чинятъ обиды, и бьютъ, и мучатъ, и что̀ при нихъ бываетъ, все грабежомъ отбираютъ [1]).

Взаимныя обвиненія между Рѣшиловымъ и Пашковымъ послужили предметомъ препирательства между Синодомъ и Сенатомъ и побудили духовную власть къ отозванію Рѣшилова изъ Стародубья въ С.-Петербургъ. Святѣйшій Синодъ старался защищать Рѣшилова, усматривая въ доношеніяхъ и дѣйствіяхъ свѣтской власти противъ Рѣшилова нарушеніе Высочайшаго отъ 2-го іюня 1724 года указа, по которому слѣдуетъ чинить дѣйство (судебный процессъ) въ Малороссійской коллегіи объ однихъ токмо тамошнихъ обывателяхъ—малороссійцахъ, а не о посылаемыхъ изъ Святѣйшаго Синода управителяхъ,—тѣмъ болѣе, что іеромонахъ Рѣшиловъ, по заключенію Святѣйшаго Синода, посыланъ для изысканія раскольниковъ и обращенія ихъ въ православную вѣру, за что̀ раскольники, негодуя на него, можетъ быть, и затѣваютъ напрасно,—чего для оному доносу вѣрить не надлежитъ и слѣдованія (слѣдствія) по доносу производить не въ Малороссійской Коллегіи, а въ Святѣйшемъ Синодѣ. Посланный въ Кіевъ по этому случаю синодальный указъ внушалъ тамошнимъ властямъ, «чтобы въ такія и тѣмъ подобныя духовныя дѣла впредь свѣтскіе командиры вступать отнюдь не дерзали, и тѣмъ священному чину напраснаго ругательства и въ народѣ соблазна и посмѣянія не чинили». Обиженный этимъ, князь Трубецкой отвѣчалъ въ Святѣйшій Синодъ слѣдующее: «какъ мнѣ Пашковъ доносилъ, такъ и я по должности своей главнаго командира доносилъ (о Рѣшиловѣ) въ Святѣйшій Синодъ, требуя на то резолюціи, но въ то дѣло не вступалъ и розыска никакого не дѣлалъ, и того дѣла не вершилъ и тѣмъ указовъ и «Регламента» не нарушалъ. А не доносить о томъ въ Синодъ отнюдь невозможно; поелику въ указѣ 21-го января 1724 года, съ согласія Правительствующаго Сената съ Святѣйшимъ Синодомъ состоявшемся, сказано: «дѣламъ вѣдомымъ въ свѣтскомъ судѣ быть—о любодѣяніи и блудномъ насиліи». И потому прошу Святѣйшій Синодъ, дабы впредь не изволилъ на меня безвинно въ презрѣніи духовныхъ указовъ нарекать, чему я и не подлежу, понеже посланное по тому дѣлу доношеніе къ нарушенію указовъ весьма не приличествуетъ». Чѣмъ окончился протестъ князя Трубецкого, какъ и самое дѣло вызвавшее его, неизвѣстно [2]).

[1]) Полн. собр. т. IV. № 1454.

[2]) Опис. т. IV. № 351.

Изъ представленнаго изложенія дѣлъ, относившихся до миссіи І. Рѣшилова въ Стародубьѣ, можно видѣть, насколько неудачна была миссія іеромонаха Рѣшилова; она вызвала одни препирательства между предержащими властями и смущеніе среди Стародубскаго раскольническаго и православнаго населенія. Причины неудачи были и въ самой личности Рѣшилова, не говоря о помѣхахъ со стороны Пашкова и подобныхъ ему. Это видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: какъ ни защищалъ Святѣйшій Синодъ І. Рѣшилова во избѣжаніе соблазна и поруганія священнаго чина, однако на дѣлѣ онъ остался Рѣшиловымъ недоволенъ; не подвергая Рѣшилова гласному наказанію, Святѣйшій Синодъ оказывалъ ему явное невниманіе, отчего и происходило то, что, находясь не у дѣлъ въ С.-Петербургѣ, въ октябрѣ 1724 года, и ожидая резолюціи, Рѣшиловъ, по собственному его заявленію, «пристанища себѣ нигдѣ не имѣлъ, скитался между дворомъ, и жалованья не получалъ, и помиралъ съ голоду, и платьишкомъ и обувью обносился» [1]). На основаніи имѣющихся офиціальныхъ свѣдѣній можно заключать о строптивости характера Рѣшилова и ревности его не по разуму при изслѣдованіи раскола. «Излишество всякое и жестокость оставиши, умѣренно поступай, дабы къ намѣренію своему противніи ваши не имѣли откуда причинъ на честность твою сыскать», писалъ Рѣшилову расположенный къ нему епископъ Черниговскій Иродіонъ. «Вѣдомо вашей честности буди», писалъ Рѣшилову бурмистръ зыбковской слободы, раскольникъ Ерема Карповъ въ отвѣтъ на требованіе миссіонера собраться для разглагольствія ради духовныхъ дѣлъ, «не погнѣвайтесь на насъ: которые у насъ были люди, на такое духовное дѣло способные, и тѣ отъ твоего прежняго страха и утѣсненія—всѣ разбѣжались безъ вѣсти и многое число простыхъ людей [2]).

Правда, раскольникамъ и особенно расколоучителямъ естественно было страшиться сыщиковъ, отчего отъ послѣднихъ они убѣгали, какъ это было и въ другихъ мѣстахъ, но Рѣшиловъ заявилъ себя положительно страшилищемъ въ предѣлахъ Вѣтки и Стародубья.

Къ добрымъ сторонамъ дѣятельности І. Рѣшилова нужно отнести слѣдующее: 1) по его иниціативѣ предположено было выстроить церковь въ слободѣ Зыбкой съ цѣлію привлеченія и обращенія раскольниковъ въ православную вѣру, хотя постройка церкви, вызвавшая кровавое побоище между плотниками и раскольниками, не удалась. 2) Рѣшиловъ поднялъ вопросъ о томъ: на какомъ именно разстояніи отъ польскаго рубежа (границы) слѣдуетъ считать расколь-

[1]) Опис. т. І. № 507.

[2]) Ibid.

никовъ за порубежныхъ, которые, по закону 1716 года, не подлежали платежу штрафныхъ за расколъ и пошлинныхъ за вѣнечныя памяти денегъ? Дѣло въ томъ, что по закону 1716 года велѣно описать и положить въ окладъ раскольниковъ, мужчинъ и женщинъ, кромѣ тѣхъ, которые живутъ *близъ* рубежей; зарубежные и близрубежные были освобождены. Это была для нихъ льгота, вызванная политическими соображеніями. Отсутствіе въ законѣ точныхъ географическихъ указаній на разстоянія между раскольническими поселеніями и рубежемъ, въ разныхъ мѣстахъ неодинаковыми, дало поводъ многимъ раскольникамъ, жившимъ отъ рубежа на разстояніи 100 верстъ и даже болѣе, причислять себя къ порубежнымъ во избѣжаніе платежа [1]). Отъ этого казна терпѣла большой убытокъ, а церковь, лишаясь части денежной, была въ неизвѣстности относительно состоянія раскола въ юго-западномъ краѣ въ количественномъ и качественномъ отношеніи, т. е. относительно численности раскольниковъ и степени ихъ заблужденій, богослужебныхъ и общественныхъ. Слѣдовательно вопросъ состоялъ въ точномъ опредѣленіи разстояній для раздѣленія раскольниковъ на подлежавшихъ окладу, или изъятыхъ отъ него. Вопросъ объ этомъ рѣшался послѣ, не сразу, а *когда* рѣшился окончательно, и рѣшился-ли, намъ неизвѣстно. 3) Относительно розыска раскольниковъ и сборовъ денегъ съ нихъ Рѣшиловъ былъ исправенъ и дѣятеленъ. Намъ уже извѣстно, что Рѣшиловъ обратилъ изъ раскола въ православную вѣру 800 чел. въ продолженіе 2-хъ лѣтъ, проведенныхъ среди постоянной борьбы съ противниками и фанатичными раскольниками. Счетъ приведенныхъ въ извѣстность раскольниковъ Рѣшиловъ велъ особеннымъ образомъ, по слободамъ и дворамъ. Такъ, по исчисленію Рѣшилова, въ продолженіе 1720—1721 гг. на Вѣткѣ и около нея изъ бѣглыхъ раскольниковъ населилось: 24 слободы на земляхъ пановъ Холецкаго, Красильскаго и Любомірскаго, два монастыря и нѣсколько поселковъ за Днѣпромъ въ разныхъ мѣстахъ по пустынямъ и заводамъ; дворовъ до 335; число раскольниковъ, по приблизительному счету Рѣшилова, простиралось до 30,000 и болѣе. «Всѣхъ раскольщиковъ», заключаетъ Рѣшиловъ свое доношеніе, въ окт. 1724 г., «блазнитъ неосвященная церковь Вѣтковская, которая за паномъ Холецкимъ, а оный Холецкій великій себѣ отъ нихъ интересъ получаетъ, и имперіи Великороссійской не малая тщета, и убыль интересу и суммы, а душамъ христіанскимъ гибель» [2]).

Было не мало и другихъ вопросовъ, представленныхъ Рѣшиловымъ вмѣстѣ съ епископомъ Иродіономъ въ Св. Синодъ на обсужденіе;

[1]) Полн. собр. т. IV. № 1455; т. V. № 1669.

[2]) Опис. т. I. № 507.

ихъ было до 34; они вызывались обычными недоумѣніями и затрудненіями при разслѣдованіи раскола.—Такъ, 8-й вопросъ состоялъ въ томъ, можно-ли выбирать раскольниковъ въ должности войтовъ, (городскихъ головъ), бурмистровъ и старостъ? По указу 1718 г. и «Духовному Регламенту» запрещалось раскольниковъ возводить на власти не только духовныя, но и на гражданскія, даже до послѣдняго начала и управленія. На дѣлѣ оказывалось, что законъ этотъ въ Малороссіи не только не исполнялся, но и какъ бы попирался, такъ какъ бурмистръ слободы Зыбкой Е. Карповъ былъ завзятымъ раскольникомъ, на враждебныя дѣйствія котораго Рѣшиловъ жаловался. Можно думать, что и въ другихъ мѣстахъ допускалось такое же нарушеніе закона.—Отвѣтъ былъ: «поступать по Духовному Регламенту».—27-й вопросъ касался того, какъ поступить съ «пресквернымъ причастіемъ (коего многое число), которое было отобрано у бѣглыхъ раскольническихъ черницъ и бѣлицъ»?—Опредѣлено: «епископу сжечь». Въ 23-емъ вопросѣ епископъ спрашивалъ, можно-ли оставить Рѣшилову сборъ штрафныхъ денегъ до осени, какъ просили объ этомъ стародубскія власти, ссылаясь на трудное время въ экономическомъ отношеніи, значительность штрафа, людскіе недостатки, дороговизну хлѣба, болѣзненность нѣкоторыхъ и т. п. ?—Отвѣтъ: «штрафы исправлять по закону». Къ числу недоумѣнныхъ вопросовъ относится и слѣдующій 14-й: къ Рѣшилову привели двухъ раскольниковъ-бородачей, у которыхъ, по приказанію Пашкова, были острижены бороды, «за которыя бы по приводу слѣдовало взять денегъ по 50 руб., отчего интересъ (казны) утратился».—Это курьезное сообщеніе не составляло, впрочемъ, всего вопроса 14-го, а часть его вмѣстѣ съ другими извѣстіями о дѣйствіяхъ Пашкова.—Св. Синодъ требовалъ къ себѣ Пашкова для объясненія.—Цѣлый рядъ вопросовъ заканчивается просьбою выслать Рѣшилову инструкцію для надлежащаго въ дѣлахъ отправленія, какъ и посланному для такихъ же дѣлъ іеромонаху Неофиту. Это было въ концѣ 1723 г.; слѣдовательно чрезъ годъ послѣ поѣздки Рѣшилова въ Стародубье. Такимъ образомъ Рѣшиловъ въ теченіе почти двухъ лѣтъ производилъ розыскъ раскольниковъ безъ инструкціи. Не отъ забвенія со стороны Св. Синода это произошло, а, думается, отъ большаго довѣрія со стороны высшей церковной власти къ Рѣшилову, какъ знатоку раскола, рекомендованному такимъ опытнымъ и вліятельнымъ лицемъ, какъ Питиримъ. Можетъ быть, это излишнее довѣріе и было одною изъ причинъ къ проявленію строгаго, усерднаго и шумнаго образа дѣйствія Рѣшилова въ Малороссіи. Замѣчательно, что Св. Синодъ въ руководство Рѣшилову далъ инструкцію, согласно прошенію его, одинаковую съ іеромонахомъ Неофитомъ. Отсюда видно, что дѣятельность *іеро-*

монаха Рѣшилова должна была быть иная въ принципѣ, миссіонерская по преимуществу, а на дѣлѣ она отличалась свѣтскимъ характеромъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была хуже дѣятельности свѣтской изслѣдователей раскола. Нѣтъ нужды воспроизводить здѣсь содержаніе данной Рѣшилову инструкціи, какъ уже извѣстной намъ прежде, когда была рѣчь о дѣятельности іеромонаха Неофита среди поморскихъ раскольниковъ. Къ характеристикѣ обоихъ миссіонеровъ, долженствовавшихъ дѣйствовать на раскольниковъ одинаковымъ духовнымъ образомъ, хотя и въ разныхъ мѣстахъ, нужно сказать, что хотя Неофитъ потерпѣлъ неудачу въ преніяхъ о вѣрѣ, но Рѣшиловъ и не особенно стремился къ разсужденіямъ о предметахъ духовныхъ, а преслѣдовалъ болѣе практическіе интересы.— Въ донесеніяхъ Рѣшилова находятся, впрочемъ, указанія на то, что со стороны его въ ноябрѣ 1722 г. были приглашаемы раскольничьи учители на бесѣду для разсужденія «о разнствіи между православіемъ и расколомъ»; на эту бесѣду согласны были и раскольники, надѣясь на мудрость вѣтковскихъ учителей, «смыслъ святого писанія вѣдущихъ». Привлечь вѣтковскихъ учителей на бесѣду старался извѣстный намъ уже бурмистръ Ерема Карповъ, но бесѣда не состоялась по причинѣ бѣгства учителей изъ-за опасенія подвергнуться суду и преслѣдованію Рѣшилова.—Къ 20-му вопросу приложено «посланіе увѣщательное» І. Рѣшилова къ стародубскимъ раскольникамъ съ указаніемъ на ихъ заблужденія и закоснѣлость въ расколѣ и приглашеніемъ присоединиться къ господствующей вѣрѣ, исповѣдуемой государемъ Петромъ Великимъ, какъ спасительной и истинной. Посланіе это находится въ связи съ дѣятельностью автора его.

Изъ сказаннаго о Рѣшиловѣ видно, что онъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе со стороны стародубскаго начальства—Пашкова и Карпова; оба эти лица открыто противодѣйствовали Рѣшилову въ сыскѣ раскольниковъ, сборѣ съ нихъ денегъ и устройствѣ собесѣдованій о спорныхъ предметахъ вѣры, офиціально обвиняя въ то же время Рѣшилова предъ гражданскимъ начальствомъ въ обидахъ, поборахъ и даже грабежѣ раскольниковъ и ихъ имущества. Оправдывая себя, Рѣшиловъ обвинялъ Пашкова и Карпова въ сопротивленіи царскимъ указамъ, въ возбужденіи раскольниковъ къ уклоненію отъ платежа двойнаго оклада и т. п. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ писано посланіе Рѣшилова по адресу его противниковъ.

Посланіе Рѣшилова—полемическаго характера, съ рѣзкими нападками на лицъ управленія въ Стародубьѣ, потакавшихъ расколу въ явную противность царскимъ указамъ; оно касается и заблужденій тамошнихъ раскольниковъ. Авторъ посланія обвиняетъ Ерему Кар-

пова и его товарищей во враждебномъ отношенiи къ правительству, обнаруживавшемся въ неплатежѣ двойного оклада, въ открытомъ бунтѣ при постройкѣ церкви въ слободѣ Зыбкой и уклоненiи отъ разглагольствiй о вѣрѣ, вопреки данному обѣщанiю.

Слабыя стороны, заблужденiя и особенности стародубскихъ раскольниковъ состояли, по описанiю Рѣшилова, въ несогласiи и разладѣ между ними, доходившихъ до чрезвычайности, согласно поговоркѣ: что ни дворъ, то учитель, что баба, то типикъ; отъ этой розни и происходила слабость раскольниковъ въ защищенiи своей вѣры. Къ важнымъ заблужденiямъ Рѣшиловъ относилъ отверженiе стародубскими раскольниками православнаго епископа, безъ котораго не могло быть св. мура и хиротонiи,—и неповиновенiе властямъ духовнымъ и гражданскимъ; авторъ посланiя упрекаетъ своихъ противниковъ за то, что они вмѣсто епископа управляются въ дѣлахъ церковныхъ неизвѣстными и сомнительными лицами, отказавшимися отъ посвятившаго ихъ епископа ради корыстныхъ разсчетовъ и прельщенiя простаковъ. «Не въ расколѣ», писалъ Рѣшиловъ, «спасенiе ваше, а въ признанiи той вѣры, какую исповѣдуетъ царь».

Въ подтвержденiе своихъ разсужденiй и обличенiй Рѣшиловъ приводилъ много изреченiй изъ Свящ. Писанiя Ветхаго и Новаго Завѣта и свято-отеческихъ писанiй,—изреченiй, неудачно приведенныхъ, а потому не убѣдительныхъ. Тонъ посланiя рѣзкiй, насмѣшливый, высокомѣрный; такъ, главнаго учителя стародубскихъ раскольниковъ, отца ихъ духовнаго, Бориса калужанина, онъ называлъ пустопопомъ, правившимъ козлиное стадо, смѣшанное съ дивiими звѣрьми; а другаго учителя (Димитрiя, жителя м. Лужковъ) называлъ попищемъ, мужиковщиною.....

Вообще посланiе заслуживаетъ вниманiя въ двухъ отношенiяхъ: во 1-хъ, содержитъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣнiй о стародубскомъ расколѣ, а во 2-хъ, характеризуетъ автора его съ невыгодной стороны, т. е. какъ миссiонера, который не могъ дѣйствовать въ примирительномъ духѣ съ заблуждавшимися.

Изъ свѣдѣнiй, относящихся къ дѣятельности Рѣшилова, видно, что подобно расколу выговскому на сѣверѣ, поповщина здѣсь—на югѣ Россiи пустила глубокiе корни. Была большая потребность въ миссiонерахъ, но съ инымъ характеромъ и прiемами, чѣмъ Рѣшиловъ и ему подобные. Миссiю Iосифа Рѣшилова въ предѣлахъ Стародубья нужно считать неудачною.

Болѣе удачною была миссiонерская дѣятельность архiепископа нижегородскаго Питирима въ предѣлахъ обширнаго нижегородскаго края.

3. Характеристика административной противораскольнической дѣятельности нижегородскаго архіепископа Питирима.

Дѣятельность нижегородскаго архіепископа отличалась смѣшаннымъ характеромъ; это была дѣятельность административно-миссіонерская, совершавшаяся при ближайшемъ содѣйствіи и непосредственномъ участіи гражданской власти, подъ особымъ покровительствомъ царя. Этотъ смѣшанный двойственный характеръ миссіонерской дѣятельности Питирима даетъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ основаніе неодинаково смотрѣть на миссіонерскіе труды Питирима: одни миссію Питирима одобряютъ, а другіе—порицаютъ.—Съ другой стороны, дѣятельность Питирима по обращенію раскольниковъ къ православной церкви началась и развилась гораздо ранѣе учрежденія Св. Синода; начало ея относится къ 1705 г. [1]); ко времени учрежденія Св. Синода успѣшная дѣятельность Питирима въ санѣ епископа доставила ему уже извѣстность и авторитетъ. Поэтому, когда явился Св. Синодъ, то онъ смотрѣлъ на миссіонерскую дѣятельность Питирима какъ на дѣло заслуживающее одобренія и подражанія. Отсюда самая мысль Св. Синода объ избраніи и посылкѣ достойныхъ миссіонеровъ въ мѣста съ густымъ раскольническимъ населеніемъ могла явиться подъ вліяніемъ извѣстій объ успѣшныхъ и полезныхъ трудахъ нижегородскаго епископа; Св. Синодъ только одобрялъ и вознаграждалъ Питирима за его труды, побуждаемый къ тому еще вниманіемъ Петра къ нижегородскому дѣятелю.

Описывать подробно дѣятельность Питирима нѣтъ нужды потому, что она уже достаточно оцѣнена и разсмотрѣна въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ съ литературной и административно-миссіонерской стороны,—тѣмъ болѣе, что составленіе его «Духовной Пращицы» (1721 г.) и извѣстныя, надѣлавшія много шума, собесѣдованія съ раскольниками въ с. Пафнутовѣ (1719 г.) относятся ко времени до учрежденія Св. Синода. Первое изданіе «Пращицы» было при Св. Синодѣ, въ 1721 году. «Пращица» издана по имянному Высочайшему повелѣнію, въ іюлѣ 1721 г. Книга отвѣтовъ Питирима, т. е. «Пращица», приближалась печатаніемъ уже къ концу. Синодальнаго указа о разрѣшеніи къ печати «Пращицы» намъ неизвѣстно; можно думать, что разрѣшеніе дано было ранѣе, до учрежденія Синода.

«Пращица» есть плодъ противораскольнической дѣятельности Питирима до учрежденія Св. Синода. Сочиненіе это содержитъ 240 отвѣтовъ на 240 вопросовъ со стороны раскольниковъ, поповцевъ и

[1]) Братск. Слов. 1888 г., 650 стр.

безпоповцевъ, о спорныхъ церковныхъ предметахъ, разногласіяхъ и причинахъ появленія раскола при п. Никонѣ. Въ своихъ отвѣтахъ авторъ «Пращицы» обнаружилъ обширную начитанность по исторіи церковныхъ обрядовъ и по библіографіи древнихъ богослужебныхъ книгъ; отвѣты Питирима были *относительно* удовлетворительны, хотя они не рѣшали всѣхъ довольно серьезныхъ возраженій, касавшихся главнымъ образомъ тѣхъ источниковъ, или памятниковъ, на которые Питиримъ самоувѣренно опирался въ своихъ рѣшеніяхъ и обличеніяхъ [1]). Указывая на множество заблужденій и худыя стороны жизни раскольниковъ, Питиримъ не скрываетъ успѣховъ руководителей раскола, объясняя эти успѣхи хитростію, обманомъ и лицемѣрнымъ благочестіемъ.

Мы коснемся дѣятельности Питирима по части раскола на основаніи документовъ синодальнаго архива въ общей связи съ дѣятельностью Святѣйшаго Синода.

Епископъ Питиримъ былъ самымъ виднымъ дѣятелемъ по изслѣдованію раскола въ нижегородской епархіи, по обращенію послѣдователей раскола въ православіе и вліянію на общій ходъ правительственной противораскольнической дѣятельности [2]). Въ личности Питирима церковно-гражданская власть нашла удобнаго дѣятеля для осуществленія своихъ мѣръ къ упорядоченію и умиротворенію раскольническаго вопроса. Въ разсматриваемый періодъ дѣятельности своей по расколу, т. е. съ 1721—1725 г., епископъ Питиримъ былъ и сыщикомъ, и миссіонеромъ, и администраторомъ, и писателемъ-обличителемъ, и совѣтникомъ Петра. Въ своихъ отношеніяхъ къ расколу, въ качествѣ дѣятеля его, Питиримъ испыталъ всѣ мѣры и способы для воздѣйствія на раскольниковъ, переходя отъ однихъ къ другимъ, отъ мѣръ кротости и увѣщанія, къ мѣрамъ строгости и наказанія, или соединяя то и другое одновременно, смотря по обстоятельствамъ и разсчету на успѣхъ. Принципъ дѣятельности Питирима противъ раскольниковъ существенно и документально можетъ быть выраженъ такъ: слѣдуетъ «хватать, ловить раскольниковъ, подъ тѣсноту штрафовъ, увѣщавая писаніемъ [3]).

[1]) Христ. Чт. 1874 г. 262, 294.

[2]) Соб. пост. т. 1. № 23 (17); т. II. № 409; т. III. № 1075; т. IV. №№ 1287 1466. Опис. т. I. № 180, стр.—314, 429—31, 527, 580, 582; CXXV; 46, 95, 734, т. II. №№ 81, 88, 117, 151, 325, 575, № 755, стр. 1157; II. 2. № 963, 782, 792, 815, 1118, 853; III. № 75, 449; IV. № 142. «Словарь историч. о бывш. въ Россіи писателяхъ духов. чина, т. II, стр. 168—175; архим. Макарій. Исторія нижегород. іерархіи, 32—103 стр.; Христ. Чт. 1874 г. 1—44, 247—312. Брат. Слов. 1888 г. 643, 725; 1890 г. 5, 81, 177; Странникъ 1881 г. апр., авг., и сент. Раск. д.—Есиповъ. I—II т. Истор. русской церкви Филарета Черниговъ. т. IV; Расколъ, обличаемый своею исторіей.

[3]) Есип. т. II, стр.—220.

Отличительную особенность полемики архіепископа Питирима составляла неразборчивость автора «Пращицы» въ употребленіи средствъ для доставленія превосходства и торжества дѣлу при рѣшеніи спорныхъ предметовъ между православнымъ ученіемъ и мнѣніями раскольниковъ. Неразборчивость эта, впервые внесенная Питиримомъ въ принципъ и практику, дошла до небрежности и произвола; вмѣсто торжества и силы, она обнаружила слабость аргументаціи какъ самого Питирима, такъ и его подражателей; не всѣмъ это было извѣстно и ясно, но не укрылось это отъ многихъ начитанныхъ и наблюдательныхъ раскольниковъ, открыто и письменно заявлявшихъ свой протестъ и порицаніе противъ неблаговидныхъ дѣйствій и пріемовъ полемики нижегородскаго епископа.

Дѣло въ томъ, что преосвященный Питиримъ при составленіи «Пращицы» пользовался подложнымъ документомъ, заимствуя изъ него, якобы подлиннаго историческаго и каноническаго источника, важныя свѣдѣнія и доказательства въ опроверженіе многихъ раскольническихъ заблужденій о двуперстіи, о сугубой аллилуіа, о противосолонномъ хожденіи и т. п. Рѣчь идетъ о «Соборномъ дѣяніи на еретика армянина, монаха Мартина», бывшемъ въ 1157 г. въ городѣ Кіевѣ, при великомъ князѣ Ростиславѣ и митрополитѣ Константинѣ.

До 1709 г. означенный памятникъ никому не былъ извѣстенъ; никто имъ не пользовался ни для полемическихъ, ни для справочныхъ цѣлей; первый сталъ имъ пользоваться Питиримъ какъ при состязаніи съ раскольниками, такъ и при составленіи «Пращицы». О существованіи «Соборнаго дѣянія» 1157 года, какъ памятника, благопріятствовавшаго для опроверженія раскольническихъ заблужденій, Питиримъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, узналъ отъ святаго Димитрія Ростовскаго въ 1709 году. Ознакомившись съ содержаніемъ памятника—*списка,* Питиримъ не могъ не оцѣнить большого значенія его въ дѣлѣ ослабленія раскола. Дѣйствительно, содержаніе «Соборнаго дѣянія» вполнѣ и безъусловно благопріятно православному ученію въ томъ смыслѣ, что заблужденія еретика Мартина, тожественныя съ заблужденіями старообрядцевъ-раскольниковъ XVII—XVIII в., осуждены были, по означенному памятнику, на мѣстномъ церковномъ русскомъ соборѣ еще въ 1157 г., а самъ Мартинъ за свое лжеученіе подвергся смертной казни чрезъ сожженіе. Но для убѣжденія въ подлинности и древности «Соборнаго дѣянія» нужно было видѣть не списокъ памятника, а *оригиналъ;* въ 1717 г., по просьбѣ Питирима, въ Кіевѣ отысканъ былъ древнѣйшій пергаментный списокъ памятника, поспѣшно и самоувѣренно признанный за подлинный документъ, составленный и писанный будто бы въ 1157 году.

Не подвергнувъ означеннаго памятника надлежащему критическому разбору, а можетъ быть надѣясь на простоту и невѣжество раскольниковъ, архіепископъ Питиримъ пользовался «Соборнымъ дѣяніемъ» въ рѣшеніи важныхъ спорныхъ вопросовъ старообрядства. Питиримъ продолжалъ пользоваться названнымъ памятникомъ и тогда, когда подлинность его была раскольниками заподозрѣна, и основательно, научно и неотразимо была скоро, въ 1722 г., доказана Андреемъ Денисовымъ его подложность. Объ этомъ открыто и смѣло заявляли раскольники. Такъ, по донесенію архимандрита златоустовскаго монастыря Антонія, раскольникъ Дубовскій, яко великій развратникъ и противникъ святой церкви, на допросѣ въ 1721 г. показалъ, что онъ «Дѣяніе, бывшее въ Кіевѣ на Мартина еретика и руку святаго Андрея Первозваннаго, содержащуюся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, не пріемлетъ и за истину не поставляетъ [1]). По донесенію въ 1722 году черниговскаго епископа Иродіона и іеромонаха І. Рѣшилова, раскольническій бурмистръ Ерема Карповъ произносилъ хулу на преосвященнаго Питирима за книжицу зовомую «Соборное Дѣяніе», бывшее въ Кіевѣ на еретика Мартина: сіе де выдалъ и выгодалъ проклятый Питиримъ [2]). Обнаруженіе такого неблаговиднаго пріема въ полемикѣ составляетъ слабую сторону «Пращицы», важный ея недостатокъ. Хотя «Пращица» сама по себѣ представляетъ болѣе полное и лучшее полемическое сочиненіе въ сравненіи съ предшествовавшими литературными противораскольническими трудами, но подозрѣніе предубѣжденнаго читателя относительно неразборчивости автора въ средствахъ защиты православной истины возбуждаетъ недовѣрчиво относиться ко многимъ другимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ продолжительнымъ и самостоятельнымъ трудомъ автора «Пращицы».

Неблаговидный пріемъ автора «Пращицы» далъ худой примѣръ и другимъ полемистамъ прибѣгать къ сомнительнымъ и завѣдомо ложнымъ способамъ и средствамъ для опроверженія раскольническихъ взглядовъ, въ чемъ обличали и уличали православныхъ полемистовъ раскольники-начетчики какъ времени Петра I, такъ и послѣдующаго, отдаленнѣйшаго (наприм. 1841 г.). Во избѣжаніе соблазна и напрасныхъ препирательствъ, Святѣйшій Синодъ, найдя, по мнѣнію митрополита Филарета, означенный документъ подверженнымъ сомнѣніямъ и спорамъ, и зная, что раскольники, по ихъ неразсудительности, оспариваніе одного документа могутъ принять за оспариваніе всей правоты церковной, имѣющей въ свою пользу довольно дово-

[1]) Опис. т. I. № 502.

[2]) Собр. п. т. IV № 1323, стр. 158.

довъ очевидныхъ, разсудилъ устранить сей документъ, т. е. мнимый подлинникъ и списки его отъ продолженія споровъ [1]).

Къ особенностямъ полемики Питирима нужно отнести и то, что Питиримъ прибѣгалъ къ насилію и угрозамъ, когда видѣлъ безуспѣшность или медленность своихъ увѣщаній на раскольниковъ, на ихъ обращеніе въ православіе. Это была особая система обращенія, сопровождавшаяся обращеніями раскольниковъ цѣлыми массами; обращались скоро, но лицемѣрно, чисто внѣшнимъ образомъ. Этого не могъ не видѣть Питиримъ, но онъ самъ внѣшне относился къ дѣлу, какъ чиновникъ, сообразно съ духомъ тогдашняго времени.

Нагляднымъ примѣромъ для характеристики пріемовъ Питирима при собесѣдованіяхъ съ раскольниками и обращеніяхъ ихъ къ православной церкви служатъ публичныя разглагольствія его съ послѣдователями раскола, происходившія 1-го окт. 1719 г. въ с. Пафнутовѣ (балахнинскаго уѣзда). Устроенныя для окончательнаго пораженія раскола—въ лицѣ его представителей—старцевъ діакона Александра, Іосифа, Варсанофія, Наѳанаила и др. и для доставленія торжества православію, эти собесѣдованія, веденныя искусственнымъ, заранѣе придуманнымъ образомъ, доставили Питириму временную побѣду надъ противниками церкви, въ ущербъ справедливости и свободѣ совѣсти лицъ, участвовавшихъ въ разглагольствіяхъ со стороны раскольниковъ. Новѣйшіе изслѣдователи, вопреки современникамъ и прежнимъ историкамъ, неодобрительно относятся къ Питириму за образъ дѣйствій въ с. Пафнутовѣ, и въ дѣлѣ, возникшемъ по жалобѣ діакона Александра на принужденіе его къ соглашенію и подписанію требованій Питирима.

Еп. Питиримъ искусно воспользовался всѣми обстоятельствами для того, чтобы оправдать избраніе и довѣріе къ нему царя и даже имѣть вліяніе на послѣдняго въ мѣропріятіяхъ противъ раскольниковъ. И природныя дарованія, и прежняя принадлежность къ расколу, и большое знакомство съ древне-русской церковной письменностью, и знаменательный случай знакомства Питирима съ Петромъ, умѣвшимъ усмотрѣть въ немъ человѣка не дюжиннаго—все послужило на пользу Питириму, личную и общественную.

Говорятъ, что ренегаты отличаются фанатизмомъ. Мнѣніе это, близкое къ справедливости и вѣрное въ психологическомъ отношеніи, можетъ быть приложено отчасти къ еп. Питириму, какъ дѣятелю противъ раскола; но фанатизмъ Питирима былъ особенный, одобренный и узаконенный высшею свѣтскою властію,—фанатизмъ, могущій

[1]) Собр. мнѣній митрополита Филарета. Т. III, стр. 306—8.

назваться ревностью, источникъ которой вытекаетъ съ одной стороны изъ убѣжденій въ проповѣдуемой и защищаемой истинѣ, а съ другой—изъ стремленія содѣйствовать торжеству ея надъ случайными временными уклоненіями отъ нея невѣжественныхъ и упорныхъ людей заблуждающихся.

Подъ вліяніемъ такой ревности Питиримъ выработалъ и приводилъ въ дѣйствіе свои взгляды при обращеніи послѣдователей раскола. Вмѣсто кроткаго медленнаго воздѣйствія на раскольниковъ, посредствомъ убѣжденія и увѣщанія, — способа, какой сначала считалъ Петръ I разумнымъ и необходимымъ, Питиримъ, при самомъ началѣ своей дѣятельности, обратился къ болѣе скорому и легкому средству обращенія—штрафамъ, наказаніямъ и лишеніямъ,—средству насильственному, имѣющему гражданскій, полицейскій характеръ,— характеръ свѣтскихъ судей и сыщиковъ, служившихъ въ то время по дѣламъ раскола. Этотъ способъ отношенія къ раскольникамъ выходилъ у Питирима изъ его взглядовъ на послѣдователей раскола, которыхъ онъ считалъ людьми не только заблуждавшимися, еретиками, но и опасными гражданами, вредившими добрымъ цѣлямъ царя - преобразователя непокорствомъ, клеветами, злыми навѣтами и смущеніемъ народа. По взглядамъ Питирима, неоднократно выраженнымъ въ «Пращицѣ» (стр. 358 — 361, 380 — 381, 383 и др.), раскольниковъ, какъ еретиковъ и мятежниковъ, слѣдуетъ подвергать такимъ же наказаніямъ и смерти, какимъ подвергались древніе еретики и раскольники въ древне-восточной и русской церкви, а равнымъ образомъ бунтовщики и измѣнники въ церкви ветхозавѣтной и апостольской, какъ-то: мятежники при прор. Моисеѣ, ложные священники при прор. Иліи, Ананія съ Сапфирою, еретикъ Арій и др., русскіе расколоучители — Аввакумъ, Лазарь, Никита Пустосвятъ и т. п. Если, разсуждаетъ самоувѣренно авторъ «Пращицы» яко-бы въ духѣ свящ. писанія, въ ветхозав. церкви непокорныхъ повелѣно убивать, тѣмъ болѣе въ «новой благодати подобаетъ наказанію и смерти предавати непокоряющихся восточной церкви; понеже тамо сѣнь, здѣ же благодать: тамо образы, здѣ же истина: тамо агнецъ, здѣ же Христосъ: тамо манна и вода изъ камене, здѣ же тѣло Христово и кровь, изъ ребръ Его изтекшая, и прочая таковая, оныхъ древнихъ превосходящая. Не точію убо древле, но и въ новой благодати, непокоряющихся и преслушателей святыя церкве, повелѣваетъ вамъ Христосъ Спаситель имѣти ихъ яко язычниковъ и мытарей. У Матѳея бо, въ главѣ VII, глаголетъ Христосъ: аще кто церкви не послушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь: еретики же и раскольщики не суть сынове церкве; но сущіи преслушницы, убо достойни суть предани быти къ наказанію гражданскаго

суда» [1]). У Питирима замѣтна манера искусственнаго подбора изреченій и фактовъ изъ свящ. писанія Новаго Завѣта для оправданія своего взгляда на необходимость и пользу жестокихъ карательныхъ мѣръ противъ раскольниковъ; аргументація его въ этомъ отношеніи во многомъ напоминаетъ пріемы полемики противъ «жидовствующихъ» преп. Іосифа Волоколамскаго († 1515 г.), автора «Просвѣтителя», предлагавшаго (съ успѣхомъ) и оправдывавшаго евангельскимъ ученіемъ жестокую расправу съ еретиками. Изъ такого искусственнаго подбора выходило, что Іисусу Христу приписывалось одобреніе и освященіе жестокихъ мѣръ противъ еретиковъ и раскольниковъ. Это значитъ, что преосв. Питиримъ умалялъ значеніе христіанства, какъ религіи высшей во всѣхъ отношеніяхъ, и въ отношеніи требованія милосердія, справедливости и великодушія къ согрѣшающимъ и заблуждающимъ. Это была крайность, вытекавшая съ одной стороны изъ недостатка истинныхъ понятій о сущности нравственнаго христіанскаго ученія въ то малопросвѣщенное время, а съ другой — изъ преувеличеннаго представленія о враждебности и политической неблагонадежности раскольниковъ.

Питириму нужно приписать внушеніе Петру I мысли о раскольникахъ, какъ людяхъ ненадежныхъ и даже опасныхъ въ политико-гражданскомъ отношеніи. Хотя мысль о видимомъ господствѣ антихриста въ лицѣ Петра I, распространенная среди раскольниковъ и ведшая къ заключенію о политической неблагонадежности ихъ, могла быть и была извѣстною и помимо Питирима, но оцѣнить и уяснить силу ея живучести, распространеніе и проникновеніе ея во внѣшнюю и внутреннюю жизнь раскольниковъ могъ Питиримъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой,—Питиримъ, какъ судившій объ этомъ по собственному опыту и непосредственному наблюденію надъ раздѣлявшими означенное мистическое мнѣніе—раскольниками, къ которымъ онъ и самъ ранѣе принадлежалъ; въ этомъ Питириму довѣряли болѣе, чѣмъ какому-либо другому. Петръ I, какъ болѣе другихъ заинтересованный въ этомъ, вполнѣ положился на заявленія Питирима объ убѣжденіяхъ послѣдователей раскола. Если раскольники, по донесенію Питирима, благополучію государственному не радовались, а радовались несчастію, не считая нужнымъ молиться за царя, то строгія мѣры противъ нихъ вытекали сами собою изъ простыхъ соображеній и даже опасеній. Здѣсь, въ совѣтахъ и вліяніи Питирима нужно искать объясненія крутого поворота во взглядахъ и отношеніяхъ Петра Великаго къ раскольникамъ; правда, поворотъ этотъ подготовлялся постепенно, по мѣрѣ наблюденія Петра надъ жизнію и движеніемъ раскольниковъ, но вліяніе Питирима

[1]) Д. Пращиц. л.—360—2.

на рѣшительный образъ дѣйствій царя было неоспоримо сильное; это не противорѣчитъ независимому и самостоятельному характеру Петра, который, какъ извѣстно, цѣнилъ и принималъ благоразумные совѣты, своевременно предлагавшіеся ему. Довѣріемъ Петра къ Питириму и вліяніемъ послѣдняго на перваго объясняется усиленная переписка между ними,— переписка и успѣхъ въ дѣятельности Питирима по части раскола,—тотъ успѣхъ, какого желали, согласно требованіямъ тогдашняго времени.

Дѣятельность Питирима состояла въ розыскѣ раскольниковъ, въ собираніи съ нихъ штрафныхъ и окладныхъ денегъ, въ обращеніи послѣдователей раскола къ православной церкви, въ донесеніяхъ въ Св. Синодъ и лично Петру I о состояніи раскола, о приведеніи въ исполненіе частныхъ и общихъ мѣропріятій для успокоенія, или наказанія раскольниковъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что Питиримъ долженъ былъ дѣлать по отношенію къ раскольникамъ обязательнаго по долгу епархіальнаго епископа, во исполненіе общеобязательныхъ синодальныхъ постановленій. Разсматриваемая съ чисто внѣшней количественной стороны, дѣятельность Питирима уже однимъ тѣмъ была замѣчательна, что о ней имѣется, благодаря отчасти Питириму, сравнительно болѣе, свѣдѣній, чѣмъ о дѣятельности другихъ епископовъ, современныхъ Питириму и долженствовавшихъ представлять отчеты о расколѣ.

Намъ уже приблизительно извѣстно, какъ о количествѣ раскольниковъ въ нижегородской епархіи въ первые годы архіерейства Питирима (1719—1724 г.), такъ и о числѣ обратившихся изъ нихъ въ православіе въ то же время, благодаря ревностной миссіи Питирима. Число тѣхъ и другихъ весьма значительное: съ 1718 по 1724 годъ въ двѣнадцати участкахъ, находившихся подъ духовнымъ управленіемъ Питирима (Нижній, Балахна, Юрьевецъ, Городецкая волость, Чернораменскіе Лѣса, Арзамасъ, Алатырь, Курмышъ, Гороховецъ, Вязники, Ерополчь, Ветлуга) всѣхъ раскольниковъ, окладныхъ и неокладныхъ, значилось 122,258 (мужеска пола 61,014, женска 61,244); изъ нихъ обратилось въ православіе 68,462 (мужеска пола 35,375, женска 33,087); бѣжало 12,701, умерло 1,585; высланы въ разныя вотчины 579, выслано на каторгу 19, взято въ рекруты 22, взято въ плотники 3 [1].

О своихъ успѣхахъ по обращенію раскольниковъ Питиримъ сообщалъ въ Св. Синодъ часто. Чѣмъ болѣе онъ управлялъ епархіею, тѣмъ болѣе было успѣха по части раскола, тѣмъ болѣе пользуется довѣріемъ Петра, тѣмъ болѣе дѣйствуетъ самостоятельнѣе. Особенность противораскольнической дѣятельности Питирима состояла въ слѣдующемъ: посредствомъ нарочитыхъ разъѣздовъ по мѣстамъ, населеннымъ раскольниками, и вслѣдствіе строгихъ требованій и взы-

[1]) Опис. т. VI. № 59, стр. 125.

сканій со священниковъ за укрывательство Питириму было извѣстно какъ число раскольниковъ, такъ и состояніе раскольническаго движенія, чему способствовала прежняя принадлежность Питирима къ расколу, давшая ему возможность знать тайные притоны раскольниковъ, ихъ нравы и нужды. Не однимъ словомъ убѣжденія дѣйствовалъ Питиримъ на обращеніе раскольниковъ къ церкви, но и посредствомъ обезпеченія и устройства судьбы обращенныхъ, посредствомъ удовлетворенія церковно-религіозныхъ и общежитейскихъ ихъ нуждъ.

Такъ, въ 1721 г., Питиримъ устроилъ и освятилъ въ Керженскихъ лѣсахъ храмъ для обратившихся изъ раскола монахинь, «ради лучшаго другихъ отъ раскола ко св. церкви обращенія». По ходатайству Питирима, Св. Синодъ снабдилъ означенную церковь богослужебными и учительными книгами и колоколами «для отправленія всякаго молитвословія обратившимся и впредь обращающимся отъ раскола и того ихъ обращенія имъ во утвержденіе, а желающимъ обращенія къ лучшей ревности» [1]). Предположенія Питирима скоро оправдались. «Смотря на то церковное устроеніе», писалъ онъ, «многіе раскольщики другихъ скитовъ обратились и обратитися желаютъ и при помянутой церкви жить тщатся». Но являлся вопросъ о содержаніи обратившихся; послѣдніе лишились подаянія отъ раскольниковъ, чѣмъ прежде пользовались, и стали терпѣть нужду. Для облегченія ихъ нуждъ Питиримъ просилъ Св. Синодъ отдать обратившимся во владѣніе «розчистныя полянки» и кельи около церкви, опустѣвшія послѣ побѣга въ разныя мѣста раскольниковъ, старцевъ, старицъ и бѣльцовъ, которые не захотѣли платить наложеннаго за расколъ двойнаго оклада. Представленная въ 1722 г. Св. Синодомъ просьба Питирима на усмотрѣніе Сената, послѣ справокъ и запросовъ о неимѣніи препятствій къ отчужденію упомянутой земли дворцоваго вѣдомства, была удовлетворена, хотя и не скоро [2]).

Въ 1722 г. Св. Синодомъ удовлетворено было ходатайство Питирима объ опредѣленіи жалованья и кормовыхъ денегъ монахамъ и монахинямъ, обратившимся изъ раскола въ православіе, изъ сбираемой съ раскольниковъ суммы, по пяти рублей въ годъ на каждаго; это было сдѣлано по причинѣ «большой скудости монашествовавшихъ въ самыхъ нужныхъ потребахъ и для того, чтобы обратившіеся усерднѣе потщались прочихъ отъ расколу обращати» [3]).

Дѣйствія и хлопоты по устройству церквей и монастырей и обезпеченію ихъ были не чѣмъ либо случайнымъ, а входили въ по-

[1]) Полн. собр. т. II. № 406.
[2]) Опис. т. II. №№ 81, 117.
[3]) Собр. пост. т. II. № 407.

стоянную административную систему Питирима; такихъ церквей устроено было много въ цѣляхъ обращенія [1]). Этимъ самымъ Питиримъ привлекалъ на свою сторону многихъ раскольниковъ изъ бѣдныхъ и безпріютныхъ.

Но не всѣ поддавались этой приманкѣ. Когда на раскольниковъ не дѣйствовало ни слово увѣщанія, ни предложеніе имъ матеріальныхъ и служебныхъ выгодъ, тогда Питиримъ прибѣгалъ къ мѣрамъ строгости, штрафамъ и наказаніямъ, пользуясь предоставленною ему властію, поддержкою вице-губернатора Ю. Ржевскаго и довѣріемъ царскимъ. Когда выборные расколоучители—керженцы діаконовскаго толка не согласились на условіе Питирима—или дать отвѣты на спорные вопросы вѣры, или сознаться въ своей слабости и неправости, то онъ арестовалъ выборныхъ и держалъ ихъ въ заключеніи болѣе года, до тѣхъ поръ, пока не получилъ отъ нихъ рѣшительнаго отвѣта; отъ самоуправства Питиримъ былъ далеко не свободенъ.

Строго Питиримъ относился къ тѣмъ изъ раскольниковъ, которые посылались въ Нижегородскую губернію, отъ духовныхъ властей [2]), для водворенія на мѣсто ихъ прежняго жительства, и въ то же время на испытаніе, исправленіе и утвержденіе. Такъ, въ 1722 г. 7 крестьянъ Нижегородской губерніи, сосланные за расколъ въ каторжную работу въ Ревель, и помилованные по случаю заключенія вѣчнаго мира со Швеціей въ силу заявленія ихъ о непринадлежности къ расколу, провѣреннаго въ Святѣйшемъ Синодѣ, отправлены были съ допросными рѣчами къ Питириму для учиненія имъ исправленія, какъ Его Величества указы о таковыхъ повелѣваютъ. Если вѣрить донесенію Питирима объ означенныхъ раскольникахъ, то они оказались сущіе раскольники, и отцевъ духовныхъ не имѣли, только крестились двоеперстнымъ сложеніемъ, а во всемъ остальномъ явились святой церкви противны, притворяясь церковниками предъ Святѣйшимъ Синодомъ. Впослѣдствіи всѣ эти 7 раскольниковъ были обращены Питиримомъ въ православіе [3]).

Строго Питиримъ относился къ священникамъ, неисправнымъ въ доставленіи свѣдѣній о раскольникахъ и тѣмъ болѣе къ укрывателямъ и потаковникамъ раскола; виновные въ этомъ священники подвергались лишенію сана, тѣлеснымъ наказаніямъ и ссылкѣ въ каторжную работу [4]). Тѣлесное наказаніе и ссылка относились къ

[1]) «Сказаніе о миссіонерскихъ трудахъ нижегородскаго архіепископа Питирима» (Брат. Слов. 1888—9 г.).

[2]) Опис. т. II. 1. № 575.

[3]) Опис. т. II. 2. № 782. Полн. собр. т. II. № 724.

[4]) Въ 1723 г. Питиримъ лишилъ сана 52 священниковъ разныхъ селъ нижегородскаго, алаторскаго и балахнинскаго уѣздовъ за укрывательство раскольни-

наказаніямъ гражданскаго суда, но есть указаніе на жестокость лично допущенную Питиримомъ въ отношеніи къ двумъ священникамъ, заподозрѣннымъ въ потакательствѣ раскольникамъ. Въ цѣляхъ оправданія два священника «сказали за собою «слово и дѣло», почему и взяты были въ синодальную канцелярію для допроса. Изъ показаній священниковъ Петрова и Иванова слѣдовало, что они ни за собою, ни за другими не знали ни какого слова и дѣла, а сдѣлали это съ цѣлью принести жалобу на Питирима за незаслуженное наказаніе ихъ съ его стороны. По показанію истцовъ, они свои обязанности исполняли усердно, вѣдомости о бывшихъ у исповѣди и святаго причастія подавали по указамъ; крестившихся двуперстно по-раскольнически не причащали, раскольниковъ не таили, и понаровки имъ не дѣлали, да и не могли по причинѣ отсутствія въ ихъ приходѣ раскольниковъ; церковную службу отправляли по новоисправленнымъ книгамъ; не смотря однако на это, Питиримъ, въ ноябрѣ 1723 г., вызвалъ ихъ къ себѣ, самоустно допрашивалъ ихъ, будто бы у нихъ въ приходѣ есть раскольники, а кто ему о томъ сказалъ, того не объявилъ; когда же Петровъ отвѣтилъ, что раскольниковъ у него нѣтъ, то Питиримъ, взявъ его за бороду, закричалъ: «что ты запираешься, я тебя отдамъ въ розыскъ, гдѣ скажешь правду», а потомъ приказалъ бить его плетьми, приговаривая: «повинись, и я тебя прощу» и, по наказаніи, велѣлъ кинуть въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ около 10 дней. Не стерпя жестокихъ побоевъ, Петровъ, по совѣту архіерейскаго дьяка, повинился предъ Питиримомъ, въ надеждѣ на помилованіе, но вмѣсто прощенія, Питиримъ снялъ съ него санъ и отослалъ къ Ржевскому, который, по наказаніи кнутомъ, отправилъ его въ вѣчную галерную работу, а дворъ и пожитки велѣлъ отписать на Его Императорское Величество. Между тѣмъ другихъ поповъ, дѣйствительно укрывавшихъ раскольниковъ, Питиримъ подвергалъ, по словамъ истцовъ, только денежнымъ взысканіямъ. Другаго священника, Иванова, Питиримъ билъ плетьми съ цѣлію вынудить его повиниться въ укрывательствѣ раскольниковъ [2]). Кто былъ правъ въ этомъ дѣлѣ и кто виноватъ, сказать рѣшительно нельзя, по причинѣ оставленія Святѣйшимъ Синодомъ жалобы безъ послѣдствій, хотя справедливость требовала разъясненія дѣла. Есть основаніе болѣе склоняться на сторону пострадавшихъ священниковъ, чѣмъ Питирима,—потому что,

ковъ, а одного изъ нихъ за то, что въ церковныхъ догматахъ имѣлъ расколъ, именно: въ вѣнчаніи браковъ хожденіе чинилъ по-солнцу, при проводахъ умершихъ ходилъ позади гроба, къ церковному служенію просфоры печаталъ церковною звѣздою (звѣздицею?) для раздачи раскольникамъ за деньги, младенцевъ крестилъ по старому требнику.

[1]) Опис. т. IV. № 142.

еслибы жалоба истцовъ была несправедлива, они подверглись бы жестокому наказанію въ дополненіе къ прежде испытаннымъ за ложный доносъ.

Ревность Питирима по обращенію раскольниковъ, исчисленію ихъ, успѣшному содѣйствію его со стороны гражданской власти въ сборѣ и доставленіи по принадлежности штрафныхъ и окладныхъ денегъ обратила вниманіе высшей духовной власти; а поощренія и награды [1]) за его труды побудили его къ еще большей дѣятельности. Зная ревность и исправность Питирима, начальство поручало ему производство и выполненіе дѣлъ, требовавшихъ осторожности и опытности, какъ это было, напр. въ 1724 г., когда Питириму поручено было изслѣдовать дѣло, возникшее въ казанскомъ архіерейскомъ домѣ о поселившихся въ Раменскихъ лѣсахъ бѣглыхъ изъ Керженскихъ лѣсовъ раскольникахъ. Возникшее въ 1724 г. по доносу руднаго искателя и строителя желѣзныхъ заводовъ при рѣкѣ Устѣ А. В. Колмовскаго, дѣло это состояло въ томъ, что болѣе 2000 тайныхъ раскольниковъ, проживая въ Раменскихъ лѣсахъ, не только никакого оброка не платили и противныя хульныя на святую церковь книги и тетради письменныя имѣли, но и заговорныя воровскія (т. е. запрещенныя) книжицы, волшебству приличныя, у себя держали, принимая къ себѣ бѣглыхъ съ каторжной работы раскольниковъ. Изслѣдованіе дѣла объ означенныхъ раскольникахъ со взысканіемъ съ нихъ сбора и отправленіе по принадлежности, водвореніе бѣглецовъ на мѣста прежняго жительства и донесеніе о заговорныхъ книгахъ поручено свѣтскому чиновнику, и разслѣдованіе о противныхъ благочестію раскольническихъ книгахъ поручено Питириму, какъ лицу, которое не могло сдѣлать расколу ни потачки, ни послабленія. Насколько успѣшно выполнено было Питиримомъ порученіе, видно изъ того, что нѣсколько позже, именно въ мартѣ 1725 г., Питиримъ былъ уполномоченъ производить подобныя разслѣдованія тайныхъ раскольниковъ въ другихъ мѣстахъ, даже въ предѣлахъ Казанской епархіи, гдѣ, въ отсутствіе наличнаго епископа, въ дѣлахъ по расколу была неисправность [2]).

Современникъ Питирима характеризуетъ дѣятельность его такъ: «Питиримъ, по силѣ имяннаго указа, расколъ истребляше, къ церкви людей обращаше, имъ монастыри строяше, ко обращенію въ нихъ другихъ посаждаше, жить въ терпѣніи повелѣваше, въ чемъ его и слушаша, за которое въ терпѣніи послушаніе ихъ, по имянному указу, пожалованы крестьянами, землями, лѣсами, бортовою ухожею т. е. пчелинымъ

[1]) Полн. собр. пост. т. IV. № 1287.

[2]) Полн. собр. т. IV. № 1466; т. V. № 1497.

промысломъ, звономъ колоколъ, кругъ лѣта книгами и учительными довольно, штатомъ денежнаго жалованія и во охраненіе солдатами» [1]).

Въ качествѣ миссіонера, Питиримъ «множество народу изъ раскола въ свѣтъ привелъ» [2]).

Миссіонерская и административная противораскольническая дѣятельность Питирима продолжалась среди большихъ препятствій и опасностей. Хотя энергіи Питирима и удавалось устранять и побѣждать затрудненія, но они замедляли всетаки успѣхъ дѣятельности Питирима и побуждали послѣдняго чаще прибѣгать къ мѣрамъ строгости и наказанія, вмѣсто убѣжденія и кротости. Указанныя препятствія состояли въ общемъ гражданскомъ неустройствѣ нижегородскаго края, въ подвижности и бродячествѣ тогдашняго населенія, въ существованіи разбоевъ, дѣлавшихъ поѣздки Питирима затруднительными и небезопасными, но по-преимуществу въ враждебности раскольниковъ. До открытаго противодѣйствія дѣло, правда, не доходило, благодаря поддержкѣ и вліянію Ю. Ржевскаго, но у раскольниковъ не было недостатка въ косвенныхъ путяхъ, подкупахъ и интригѣ, съ которыми труднѣе бываетъ бороться, чѣмъ съ явнымъ противодѣйствіемъ. Если въ средѣ самого духовенства бѣлаго и чернаго [3]) раскольники находили людей сочувствовавшихъ заблужденіямъ ихъ, то тѣмъ легче было привлечь на свою сторону, въ качествѣ укрывателей и потатчиковъ, людей должностныхъ свѣтскихъ, менѣе дорожившихъ (въ сравненіи съ духовенствомъ) тѣми цѣлями, которыхъ хотѣла достигнуть церковная власть. Послѣдователямъ раскола не безъизвѣстенъ былъ господствовавшій тогда недостатокъ—это падкость бюрократіи на взятки; кто могъ, тотъ взятками и защищался отъ непріятностей и лишеній, сопряженныхъ съ принадлежностью къ опальному раскольническому обществу; чтобы вредить Питириму, раскольники употребляли противъ него угрозы и клевету. Не легко было Питириму бороться съ этимъ, а относиться равнодушно къ тайнымъ злоухищреніямъ раскольниковъ было не въ духѣ Питирима, какъ дѣятельнаго и настойчиваго.

Между другими многими клеветами была и та, что будто бы ревность Питирима по обращенію раскольниковъ вытекала не изъ благородныхъ побужденій, а изъ честолюбія. Такой отзывъ о Питиримѣ характеренъ, можетъ быть онъ въ принципѣ и вѣренъ, но доказать вѣрность его трудно, дабы не впасть въ крайность подобно одному новѣйшему изслѣдователю, по взгляду котораго «Питириму

[1]) Брат. Слов. 1889 г. 1-я часть, стр. 194.

[2]) Опис. т. I, прил.—XVI.

[3]) Опис. т. I. 333. CCLVIII. CCLXX.

слѣдовало самымъ дѣломъ опровергнуть означенную клевету: не принимать рѣшительно никакой офиціальной должности и все время оставаться частнымъ человѣкомъ»,—каковое ограниченіе было не въ характерѣ нижегородскаго епископа. Не входя въ разборъ такого наивнаго соображенія, считаемъ нужнымъ замѣтить, что если бы должностныя и вліятельныя лица стали опровергать взводимыя на нихъ недоброжелательствомъ, завистью и невѣдѣніемъ многія клеветы, то пришлось бы, вмѣсто серьезнаго дѣла, тратить время на мелочныя препирательства и постоянно оставаться въ тѣсномъ кругу обязанностей и отношеній, не переносимыхъ для лицъ съ широкими планами и неустанною дѣятельностью [1]).

За Питиримомъ нужно еще признать способность выбора достойныхъ людей — помощниковъ. Если Петръ I не ошибся въ выборѣ Питирима для борьбы съ расколомъ, то удаченъ былъ составъ лицъ, выбранныхъ Питиримомъ для противораскольнической дѣятельности. Не говоря уже объ Ю. Ржевскомъ, утвердившемся на мѣстѣ по настоянію и хлопотамъ Питирима и бывшемъ правою рукою его, около нижегородскаго епископа образовалась цѣлая дружина духовныхъ должностныхъ лицъ, полезная дѣятельность которыхъ по части обращенія и исчисленія раскольниковъ была оцѣнена высшею духовною властію. Іеромонахи: Іосифъ Рѣшиловъ, Филаретъ, Неофитъ, Варсонофій, Гурій, сдѣлавшіеся извѣстными по обращенію раскольниковъ не только въ нижегородской епархіи, но и за предѣлами ея, кто въ Малороссіи, кто въ Олонецкихъ мѣстахъ, получили первоначальное направленіе подъ руководствомъ Питирима. Къ Питириму, а не къ кому-либо другому, обращался Св. Синодъ съ вызовомъ лицъ для борьбы съ расколомъ въ разныя мѣста Россіи— въ центръ и на окраины,—лицъ, въ которыхъ сознавалась тогда большая потребность. Лично не виновенъ былъ Питиримъ въ томъ, если нѣкоторые изъ вышедшихъ по его рекомендаціи дѣятелей не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. За то какъ общій образъ дѣйствій самого Питирима къ раскольникамъ ставили въ примѣръ для подражанія, такъ и нѣкоторыя частныя его распоряженія, какъ, напр., взиманіе съ записавшихся въ расколъ «поголовныхъ денегъ» [2]); поголовный сборъ представлялъ отдѣльную статью взиманія съ раскольниковъ денегъ при записи ихъ въ реестръ помимо штрафныхъ и податныхъ сборовъ; поголовный сборъ существовалъ не вездѣ; этотъ сборъ шелъ на пополненіе жалованья лицамъ, служившимъ по дѣламъ о расколѣ, въ предупрежденіе взятокъ, въ

[1]) Странникъ 1881 г., 1 ч., стр. 74.

[2]) Опис. т. II. 1. № 755. 1157.

оправданіе которыхъ обыкновенно ссылались на скудость содержанія (трактамента).

Вліянію Питирима обязано было постановленіе о переписи раскольниковъ и объ устраненіи послѣднихъ отъ выборовъ и назначеній ихъ на должности сельскихъ старостъ, волостныхъ начальниковъ; послѣднее ограниченіе правъ раскольниковъ вошло, какъ обязательное правило, въ содержаніе «Духовнаго Регламента».

Преосвященному Питириму принадлежала мысль о вредныхъ послѣдствіяхъ отъ ссылки раскольниковъ въ отдаленныя сибирскія мѣста, каковая ссылка тогда практиковалась въ цѣляхъ наказанія и ослабленія раскола. Питириму удалось убѣдить Петра I въ обратной мысли, т. е. въ томъ, что отъ переполненія Сибири раскольниками распространеніе и усиленіе раскола будетъ продолжаться, а не сокращаться. Такимъ образомъ постановленіемъ объ удержаніи раскольниковъ во внутреннихъ мѣстахъ Европейской Россіи, въ Ревелѣ, тюрьмахъ и монастыряхъ, положено было препятствіе къ пропагандѣ раскола, хотя наплывъ раскольниковъ въ Сибири былъ настолько значителенъ, что остановить раскольническое движеніе не представлялось возможности.

Преосвященный Питиримъ имѣлъ вліяніе на усиленіе строгости по отношенію къ укрывателямъ раскола, духовнымъ и гражданскимъ. По просьбѣ Питирима состоялся извѣстный своею строгостію царскій указъ 1715 года объ обязательномъ содѣйствіи духовнымъ властямъ со стороны гражданскихъ чиновниковъ въ дѣлѣ отысканія и увѣщанія раскольниковъ. Въ указѣ говорилось: «по прошенію о. игумена Питирима, запрещается всѣмъ ему возбранять въ его равноапостольскомъ дѣлѣ, но повелѣвается паче ему помогать. Ежели кто въ семъ святомъ дѣлѣ ему препятствовать будетъ, тотъ безъ всякаго милосердія казненъ будетъ смертію, яко врагъ святыя церкви; а буде кто изъ начальниковъ не будетъ помогать, тотъ лишенъ будетъ своего имѣнія» [1]). Указъ этотъ имѣлъ общеобязательное, а не мѣстное значеніе, хотя изданъ по частной жалобѣ нижегородскаго епископа на неблаговидныя, благопріятствовавшія расколу, дѣйствія со стороны гражданскихъ властей.

Ему же нужно приписать вліяніе на нѣкоторыя странныя, но допущенныя Св. Синодомъ временныя мѣры, относившіяся къ раскольникамъ. Такъ, въ предупрежденіе укрывательства раскольниковъ со стороны православныхъ священниковъ, Питиримъ предлагалъ подозрѣваемаго раскольника «исповѣдывать не постоянному духовнику, а другому попу, суще вѣрному, который не укрылъ бы рас-

[1]) Е. Болховитиновъ. Слов. Историч. ч. II, 170 стр.

кольщика; а по исповѣданіи раскольщика, хотя бы онъ былъ и недостоинъ святыхъ таинъ причащенія, но ради достовѣрнаго о немъ свидѣтельства, подобаетъ архіерею грѣхи, возбраняющіе отъ святаго причащенія, разрѣшать и св. таинъ повелѣть причастить». Предположеніе и предложеніе Питирима впослѣдствіи вошло въ законную силу и практику, хотя не безъ соблазна, затрудненія и смущенія.

Въ цѣляхъ открытія и отличія истинно-православныхъ отъ раскольниковъ Питиримъ придумалъ проектъ клятвы раскольника, которая должна предшествовать акту причащенія православнаго, подозрѣваемаго въ расколѣ и прощеннаго отъ грѣховъ, препятствовавшихъ причащенію. Не видно, чтобы проектъ Питирима принятъ былъ и одобренъ для постояннаго руководства священникамъ въ сомнительныхъ случаяхъ, но возможно то, что самъ авторъ указаннаго проекта клятвы позволялъ пользоваться нижегородскому духовенству въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ видахъ пользы службы. Приведеніемъ этого проекта можно закончить рѣчь о дѣятельности Питирима, дабы характеризовать его не съ одной внѣшней, но и съ внутренней стороны. По нашему мнѣнію, приводимый проектъ клятвы рисуетъ Питирима болѣе, чѣмъ какой-либо другой документъ. По приведеніи подозрѣваемаго лица въ праздничный день въ соборную церковь, священникъ предъ часами долженъ требовать отъ него проклятія раскольниковъ, самого себя и всѣхъ тѣхъ, кто п. Никона называетъ еретикомъ и неправославнымъ,—кто восточныхъ патріарховъ и московскихъ по Никонѣ и до сего настоящаго года престолъ правящихъ, а также и священниковъ, называетъ раскольщиками и еретиками,—кто нынѣ не исповѣдаетъ и не вѣруетъ во святѣй восточнѣй и велико-россійской церквѣ отъ архіереевъ и іереевъ совершающееся подъ видомъ хлѣба тѣло Христово и подъ видомъ вина кровь Христова,—кто нынѣ не вѣруетъ и не исповѣдаетъ во святѣй восточнѣй и великороссійской церквѣ отъ архіереевъ и іереевъ совершающихся всѣхъ святыхъ седьми тайнахъ и о прочемъ ихъ церковномъ дѣйствіи,—кто нынѣ не крестится тремя первыми персты, но крестится двумя персты указательнымъ и среднимъ, — кто нынѣ говоритъ по псалмѣхъ аллилуіа по дважды, а не по трижды, — кто нынѣ еретиковъ раскольщиковъ бывшихъ Аввакума протопопа и Никиту попа и Лазаря и Θеодора и всѣхъ тогда и нынѣ имъ послѣдующихъ и не проклинаетъ ихъ, но исповѣдуетъ ихъ мучениками и страдальцами,— кто нынѣ восточнѣй и великороссійской церквѣ и ея пастырямъ не покоряется и учитъ не покорятися, якоже поповщина, ануфріевщина, они-же и аввакумовщина, софонтіевщина, они же и стариковщина, діаконовщина, они же и лысеновщина, и кадильники, и прочихъ

толковъ поповщина и безпоповщина, перекрещиванцы, ѳедосѣевщина и андрѣевщина; отрекаться нужно и тѣхъ, кто живутъ за рубежомъ и въ поморьѣ и въ Польшѣ на Вѣткѣ и на Керженцѣ и во всѣхъ градѣхъ и въ уѣздѣхъ, какъ мірскихъ, такъ и старцовъ и старицъ и лживыхъ ихъ поповъ и учителей изъ разныхъ толковъ.

«Если же я», говорится въ заклинательномъ проектѣ, «или отецъ мой, или мати моя, или братія и сестры мои, или жена моя, или дѣти мои, или сродники мои, онымъ вышеписаннымъ толкамъ, аще всѣмъ или коему отъ нихъ послѣдую и послѣдуютъ и таяжде противная мудрствую и мудрствуютъ, буди азъ проклятъ и анаѳема, и они будите прокляти и анаѳема.

И если я вышеписанныхъ всѣхъ противниковъ и раскольщиковъ и своихъ родственниковъ и себѣ самаго проклиналъ ложно и лестію, буди я проклятъ и анаѳема не прощенно въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. Аминь» [1]).

Изъ представленнаго проекта видно, что ревность преосв. Питирима дошла до nec plus ultra. Но благоразуміе высшей духовной власти сдерживало порывы этой ревности. По свидѣтельству авторовъ проекта о томъ, «какъ можно раскольническую прелесть познать и изслѣдовать кратко», преосв. Питиримъ представлялъ исключеніе въ смыслѣ безкорыстнаго дѣятеля противъ раскола [2]). Нѣтъ, дѣйствительно, данныхъ сомнѣваться въ безкорыстіи Питирима, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что ревность его была суровая, т. е. тотъ недостатокъ, который могъ отвращать отъ миссіонера заблуждавшихся раскольниковъ.

4. Замѣчанія о противораскольнической миссіи въ другихъ мѣстахъ.

Были и другія мѣста, гдѣ раскольники составляли значительный, а иногда исключительный элементъ населенія, и гдѣ слѣдовательно была нужда въ миссіонерахъ для вразумленія однихъ и для обращенія другихъ. Послѣ олонецкихъ, стародубскихъ и нижегородскихъ раскольническихъ центровъ нужно упомянуть о г. Калугѣ, ея окрестностяхъ и предѣлахъ, гдѣ было большое число раскольниковъ. Въ началѣ 1721 года въ Св. Синодѣ обсуждался вопросъ о посылкѣ въ Калугу миссіонера и рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ. 20-го мая 1721 года велѣно было судьѣ Церковнаго Приказа, Антонію, послать въ Калугу надежнаго, добраго и учительнаго чело-

[1]) Раск. дѣл. Есип. II т., стр. 215—17.

[2]) Опис. т. I. прил. № XXV, CCLXIV.

вѣка для искорененія и изыскиванія раскольнической ереси. Оказалось, что въ Москвѣ «таковыхъ людей, искусныхъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ, не обрѣтается, потому что хотя нѣкоторые отъ божественныхъ книгъ и весьма довольно имѣютъ, но только раскольническихъ тонкостей познать и съ раскольниками разглагольствовать не могутъ». Но такого человѣка нашли внѣ Москвы, изъ нижегородскаго края. Это былъ Іосифъ Рѣшиловъ, отчасти уже извѣстный намъ. По отзыву Антонія, Рѣшиловъ всѣ раскольническіе падежи знаетъ и вести дѣло оное можетъ безъ нужды. На основаніи хорошихъ отзывовъ Питирима и Антонія о Рѣшиловѣ, послѣдній былъ назначенъ миссіонеромъ въ Калугу, Вязники, Ржевъ, Тверь, Торжокъ и другія подобныя мѣста для обращенія раскольниковъ. Но первоначальное назначеніе Рѣшилова измѣнилось; онъ былъ посланъ, согласно его желанію, въ Стародубье. Какая была причина такого переназначенія, изъ документовъ не видно; трудно сдѣлать какія-либо предположенія для объясненія образа дѣйствій Рѣшилова — личности довольно загадочной. Къ характеристикѣ Рѣшилова прибавить нужно то, что по распоряженію митрополита Игнатія (Смолы), Рѣшиловъ явился (въ 1720 г.) въ «Церковный Приказъ» (въ Москвѣ) для разговора о вѣрѣ съ записными раскольниками, для чего и приглашены были послѣдніе изъ ближайшихъ мѣстъ; но раскольники заявили, что «безъ имяннаго царскаго указа они съ Рѣшиловымъ разговоровъ ни о чемъ имѣть не будутъ и что имъ въ раскольнической вѣрѣ уволилъ быть Царское Величество, о чемъ публиковано было и указами по Градскимъ вратомъ» [1]). Такимъ образомъ, попытка собесѣдованія съ раскольниками въ Москвѣ не удалась.

Что касается до Калуги—мѣста первоначальнаго назначенія Рѣшилова, то туда никто не былъ посланъ вслѣдствіе недостатка въ наличныхъ миссіонерахъ, какъ можно думать; а между тѣмъ Калуга съ ея окрестностями и лѣсами представляла благодарную тогда почву для миссіонерской дѣятельности. По официальнымъ свѣдѣніямъ, раскольниковъ въ Калугѣ было очень много; духовенство сельское и городское потакало и даже сочувствовало расколу, отправляя службу по старопечатнымъ книгамъ и совершая запрещенные обряды; раскола держались архимандритъ Каріонъ и игуменія одного монастыря со старицами. Еще въ 1720 г. изъ Москвы былъ посылаемъ въ Калугу для устроенія церковнаго благочинія священникъ Н. Михайловъ, представившій неутѣшительныя свѣдѣнія о состояніи тамошняго раскола и фанатическихъ проявленіяхъ его. Для ослабленія раскола въ Калугѣ, въ 1721 г. архимандритъ Антоній просилъ Св. Синодъ послать

[1]) Опис. т. I. № 507, стр. 572.

туда искусныхъ священниковъ или ему самому ѣхать въ Калугу для лучшаго въ томъ изслѣдованія, дабы ту раскольническую прелесть искоренить (?), скрываемую подъ видомъ благочестія. Просьба Антонія осталась безъ послѣдствій [1]), быть можетъ потому, что нѣсколько ранѣе, именно въ мартѣ 1721 г., Св. Синодъ отправилъ въ Калугу протоинквизитора и инквизитора для совѣщанія съ мѣстными управителями о расколѣ [2]). Въ послѣдующее время въ Калугѣ по временамъ появлялись то свѣтскія, то духовныя лица для переписи раскольниковъ и для сбора съ нихъ денегъ; были-ли тамъ лица съ спеціально-миссіонерскою цѣлію и какими послѣдствіями сопровождалась миссія ихъ, неизвѣстно. Можно сомнѣваться не только въ успѣхѣ миссіонерскаго дѣла, но и въ существованіи его......

Такимъ образомъ, хотя сомнительны и даже ничтожны были успѣхи противораскольнической миссіи, предпринятой и совершавшейся по мысли и подъ руководствомъ Святѣйшаго Синода, однако она полезна была тѣмъ, что сообщила Святѣйшему Синоду вѣрныя свѣдѣнія какъ о состояніи раскольниковъ, такъ и объ образѣ дѣйствія миссіонеровъ. Съ другой стороны, присутствіе среди раскольниковъ миссіонеровъ, какъ довѣренныхъ лицъ отъ церковно-гражданской власти, снабженныхъ полномочіями, должно было дѣйствовать на нихъ сдерживающимъ и устрашающимъ образомъ, предохраняя православныхъ отъ совращенія.

Несравненно хуже было тамъ, гдѣ расколъ могъ распространяться безпрепятственно; такія мѣста были. Не говоря уже о мѣстахъ отдаленныхъ, гдѣ росту раскола не могла противодѣйствовать ни гражданская, ни церковная власть, былъ въ описываемое нами время одинъ замѣчательный уголокъ, въ которомъ поселившіеся раскольники нашли всѣ благопріятныя условія, какъ для устроенія своей жизни и развитія ученія, такъ и для вліянія на раскольниковъ другихъ мѣстъ. Это была Вѣтка, находившаяся въ предѣлахъ (нынѣшней) Могилевской губ., въ помѣстьяхъ пана Халецкаго.

Расколъ на Вѣткѣ образовался очень рано, въ формѣ поповщины; онъ составился изъ великорусскихъ и малорусскихъ бѣглецовъ, спасавшихся здѣсь отъ преслѣдованія, бывшаго въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны (1682—1689 г.). Вѣтка была не въ предѣлахъ русскаго царства, а за-границею его, за рубежемъ. По указу 1716 г., зарубежные раскольники не подлежали ни переписи, ни обложенію двойнымъ окладомъ, ни штрафамъ [3]). Чтобы избавиться отъ преслѣдованій и тяжелыхъ повинностей, множество раскольниковъ пересе-

[1]) Опис. т. I. № 296 стр. 333—4. № 180, стр. 180—1.
[2]) Ibid. № 180, стр. 180—1.
[3]) Опис. т. I. № 607, стр. 662.

лилось на Вѣтку, гдѣ имъ предоставлялись отъ польскихъ пановъ дешево удобныя мѣста для жительства, свобода вѣры и безопасность. Наплывъ туда раскольниковъ продолжалъ усиливаться [1]) во время синодальнаго управленія при Петрѣ I; внутреннее состояніе своеобразнаго и вліятельнаго вѣтковскаго раскола требовало мѣръ вразумленія и обличенія. Миссіонера на Вѣтку не посылали.

Итакъ, въ заключеніе о миссіонерской дѣятельности церкви нужно сказать, что какъ размѣры ея, такъ и успѣхъ были весьма незначительны, исключая дѣятельность преосвященнаго Питирима, начало которой относилось ко времени до учрежденія Святѣйшаго Синода.

III.

Полемическая дѣятельность церковной власти противъ раскола.

Успѣшнѣе была другого рода дѣятельность церкви по отношенію къ расколу,—дѣятельность полемическая,—дѣятельность въ области мысли, въ сферѣ свободнаго теоретическаго обсужденія раскола въ сравненіи съ православною церковію. Въ области полемики дѣятельность высшей церковной власти выразилась въ распоряженіи о составленіи «Обличенія неправды раскольническія, показанныя въ отвѣтахъ выгоцкихъ пустосвятовъ, на вопросы честнаго іеромонаха Неофита, ко увѣщанію и призыванію ихъ ко святѣй церкви, отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, къ нимъ посланнаго»..... Авторомъ этого сочиненія былъ архіепископъ Тверской Ѳеофилактъ Лопатинскій († 1741 г.). Составленіе «Поморскихъ отвѣтовъ», противъ которыхъ направлена была полемика Ѳеофилакта, приписываютъ какъ раскольническіе писатели, такъ и православные Андрею Денисову (р. 1674 г.—ум. 1730 г.), при участіи его брата Семена (1682—1741 г.) и Трифона Петрова (1670—1766 г.), «знатнаго члена поморской общины».

«Обличеніе» архіепископа Ѳеофилакта и «Поморскіе Отвѣты» А. Денисова характеризуютъ взгляды церковной власти на расколъ и взгляды раскольниковъ на церковную власть и всю церковь русскую, во время синодальнаго управленія, и церковь до-никоновскую. Въ задачу нашу не входитъ разборъ и подробная критическая оцѣнка обоихъ этихъ замѣчательныхъ литературныхъ памятниковъ,—тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ, «Поморскіе Отвѣты», былъ неоднократно

[1]) Ibid. № 507, стр. 573.

предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій [1]). Но тѣмъ не менѣе мы не можемъ обойти молчаніемъ существеннаго содержанія, направленія и духа полемики между официальными лицами со стороны церковной власти—авторами «Обличенія неправдъ раскольническихъ» и авторомъ «Поморскихъ Отвѣтовъ»; въ наше изложеніе войдутъ тѣ спорные, находящіеся въ «Поморскихъ Отвѣтахъ», вопросы, которыхъ касается «Обличеніе» Ѳеофилакта Лопатинскаго.

«Поморскіе Отвѣты» представляютъ собою замѣчательное сочиненіе, важное, какъ для раскола въ общемъ его видѣ и частныхъ проявленіяхъ, въ догматическомъ и историческомъ отношеніи, такъ и для православныхъ полемистовъ и изслѣдователей. Всѣ причины, всѣ мнѣнія и разности, произведшія образованіе раскола, сведены въ «Поморскихъ Отвѣтахъ» въ одно цѣлое: все, что прежде высказывалось раскольниками въ разныхъ челобитныхъ, отрывочно, неполно, приведено въ порядокъ, раскрыто, обосновано и доказано. Это есть не только сборникъ, но и справочная книга по расколу; она есть въ то же время и руководство для раскольниковъ, въ которомъ они находили и находятъ причины и оправданія своего разрыва съ церковью; книга эта особенно нравится безпоповцамъ. Сочиненіе Денисова задержало многихъ раскольниковъ въ ихъ заблужденіяхъ и такимъ образомъ представляло большое противодѣйствіе мѣрамъ церковной власти по увѣщанію раскольниковъ. Съ другой стороны, «Поморскіе Отвѣты» являются офиціальнымъ документомъ, вызваннымъ по требованію высшей церковной власти чрезъ уполномоченное лице, съ согласія и одобренія гражданской власти. Содержаніе и число «Отв. пом.» опредѣлялось вопросами, предъявленными іеромонахомъ Неофитомъ. На 106 вопросовъ было 106 отвѣтовъ; отвѣты исчерпывали все существенное въ расколѣ, всѣ вѣрованія, особенности и крайніе взгляды старообрядцевъ, близко стоявшихъ къ православію и далеко уклонившихся отъ него. Намъ нѣтъ необходимости подробно перечислять всѣ отвѣты поморцевъ потому, что догматика поморцевъ болѣе или менѣе извѣстна. Тогда издана была уже «Духовная Пращица» (1721 г.), разобравшая предложенные автору ея вопросы; «Поморскіе Отвѣты» были направлены отчасти и противъ «Пращицы». Съ главнѣйшими вопросами «Отв. Пом.» мы познакомимся при изложеніи «Обличенія» Ѳеофилакта.

Къ особенностямъ содержанія «Поморскихъ Отвѣтовъ» относится то, что въ нихъ рѣшается вопросъ объ отношеніи послѣдователей раскола къ церковно-гражданской власти,—вопросъ очень важный, неоднократно и настойчиво предлагавшійся поморцамъ Неофитомъ,—

[1]) Замѣчанія на книгу Помор. Отв. Архим. Павла; Москва. 1890 г.

вопросъ, на который поморцы отвѣчали въ томъ смыслѣ, что власти царской они повинуются безпрекословно, а по отношенію къ церковной власти они ссылаются на установленія и древне-отеческія преданія, которымъ они остаются и желаютъ остаться всегда и во всемъ вѣрными.

Авторъ «Поморскихъ Отвѣтовъ», собравши въ одно всѣ раскольническія мнѣнія, постарался обосновать ихъ всѣми своеобразными доказательствами и соображеніями, дабы не быть ни голословнымъ, ни побѣжденнымъ противною стороною. Нужно удивляться начитанности, изворотливости и въ нѣкоторыхъ спорныхъ предметахъ основательнымъ критическимъ научнымъ пріемамъ, которыми отличается трудъ Денисова, поднявшій духъ тогдашнихъ расколоучителей; нельзя, съ другой стороны, не удивляться и крайней самоувѣренности и настойчивой, но не логической послѣдовательности, съ которыми защищаются невѣрные, односторонніе и ложные взгляды раскольниковъ. «Поморскіе Отвѣты» обнаруживаютъ въ авторѣ ихъ высоко-даровитаго, но ложно убѣжденнаго, враждебно настроеннаго противъ церкви человѣка; въ угоду предвзятой мысли Денисовъ жертвовалъ и фактами исторіи, и духомъ вѣры, какъ проникающимъ обряды, такъ и долженствующимъ соединять членовъ церкви при всѣхъ видимыхъ, неважныхъ, внѣшнихъ разногласіяхъ. Смѣшеніе догмата съ обрядомъ, неизмѣняемость послѣдняго, принятіе символа, выраженіе мысли за самую мысль, рабское, иногда безсмысленное, слѣдованіе буквѣ—отличительные печальные признаки воззрѣній автора «Поморскихъ Отвѣтовъ», проходящіе красною нитью по всему сочиненію. Черты этого односторонняго воззрѣнія—чисто древнерусскія, образовавшіяся въ древней Руси вскорѣ по принятіи русскими христіанства, благодаря скудости и поверхностности образованія Если въ происхожденіи и существованіи раскола внѣшнее пониманіе христіанства обнаружилось самымъ нагляднымъ и грубымъ образомъ, то въ «Поморскихъ Отвѣтахъ» такое ложное пониманіе христіанскаго ученія думали оправдывать канонически, исторически, археологически, какъ бы научно, въ обличеніе господствовавшей церкви, какъ будто измѣнившей древнеотеческому и древне-русскому православію. Точка зрѣнія, съ которой Денисовъ разсматриваетъ спорные вопросы, не догматическая, не раціональная, а своеобразная, узко-традиціонная; т. е. спорныя обрядовыя разности разсматриваются не столько по существу, сколько потому, какъ онѣ оказались на практикѣ до патріарха Никона; истинность ихъ зависѣла отъ древности и неизмѣняемости. Впрочемъ, этой точки зрѣнія держался и Неофитъ; предлагая вопросъ, Неофитъ спрашивалъ не о томъ, насколько извѣстный спорный вопросъ, какъ напр. вопросъ о перстосложеніи, согласовался съ ученіемъ вѣры, т. е. со

священнымъ писаніемъ и преданіемъ, а о томъ, въ какомъ видѣ употреблялось перстосложеніе въ древнѣйшій періодъ русской церкви, въ формѣ-ли двуперстія, или триперстія. Такъ какъ іеромонахъ Неофитъ, предлагая вопросы, держался одинаковой съ противникомъ точки зрѣнія, то Денисову представлялся удобный поводъ и полный просторъ пользоваться усвоеннымъ, одностороннимъ, но для непросвѣщеннаго большинства убѣдительнымъ пріемомъ изслѣдованія. Такая точка зрѣнія обще-раскольническая; въ «Поморскихъ Отвѣтахъ» она проводится настойчиво, до nec plus ultra, до смѣшнаго, до уровня съ первыми раскольническими челобитными, отличавшимися фанатизмомъ, невѣжествомъ и враждебнымъ чувствомъ къ предержащей церковной власти. Къ внѣшнимъ особенностямъ «Поморскихъ Отвѣтовъ» относится благоприличность выраженій, болѣе или менѣе спокойный тонъ, какъ къ вопрошавшему, такъ и тому учрежденію, отъ котораго Неофитъ былъ посланъ, хотя нельзя не замѣтить въ авторѣ «Поморск. Отвѣт.» стремленія игнорировать новое духовное управленіе. Внѣшняя стройность въ расположеніи собраннаго Денисовымъ матеріала, многословіе, увѣренный тонъ, уклончивость, а иногда запутанность отвѣтовъ, выведеніе изъ неопредѣленнаго и неожиданно предложеннаго возраженія неблагопріятныхъ для противной стороны послѣдствій, заставляли какъ противниковъ раскола, такъ и сторонниковъ его, признать «Поморскіе Отвѣты» трудомъ замѣчательнымъ: для послѣднихъ—трудъ Денисова былъ достоинъ уваженія и руководства, а для первыхъ—заслуживалъ разсмотрѣнія и опроверженія.

Извѣстно, что разбирать и опровергать «Поморскіе Отвѣты» не пришлось іеромонаху Неофиту. Для обстоятельнаго и подробнаго разсмотрѣнія и обличенія «Поморскихъ Отвѣтовъ» требовалась сила не единичная, но коллективная. «Обличеніе» явилось, хотя не такъ скоро, какъ бы слѣдовало. Нужно оговориться, что «Обличеніе» не касается подробнаго разбора «Поморскихъ Отвѣтовъ», ни каждаго въ отдѣльности, ни всѣхъ вообще 106-ти; оно касается общаго духа и направленія выговцевъ, выраженнаго въ «Поморскихъ Отвѣтахъ»; разбираетъ только нѣкоторые излюбленные предметы, которымъ поморцы придавали первостепенную важность и въ зависимости отъ которыхъ полагали свое спасеніе.—Въ «Поморскихъ Отвѣтахъ» были такія стороны и доказательства, которыя для своего рѣшенія и обличенія требовали не столько теоретическихъ соображеній и обоснованій, сколько археологическихъ изысканій и чисто практическихъ непосредственныхъ наблюденій; трудность рѣшенія множества обрядовыхъ частностей, представленныхъ «Поморскими Отвѣтами», останавливала авторовъ «Обличенія» отъ подробнаго изслѣдованія. Затруднительность въ рѣшеніи множества мелочныхъ указаній и ссылокъ

зависѣла оттого, что авторъ «Поморскихъ Отвѣтовъ» не указывалъ источниковъ, изъ которыхъ онъ заимствовалъ свои свѣдѣнія (археологическаго, литургическаго и церковно-историческаго содержанія), или оттого, что автору «Обличенія» невозможно было пріобрѣсти цитированные Денисовымъ древне-письменные рѣдкіе памятники.

Болѣе или менѣе самостоятельное существованіе выговской общины, покровительство гражданской власти, внутренняя благоустроенность, начитанность братьевъ Денисовыхъ и другихъ, стоявшихъ во главѣ управленія, лицъ, и увѣренность въ правотѣ своего дѣла вліяли на общій тонъ «Поморскихъ Отвѣтовъ», замѣтный особенно въ предисловіи къ нимъ.

Предисловіе къ «Поморскимъ Отвѣтамъ» состоитъ: 1) изъ указаній и изложенія причинъ и обстоятельствъ, побудившихъ старообрядцевъ при патріархѣ Никонѣ къ отдѣленію отъ господствующей церкви вслѣдствіе будто-бы допущенія имъ многихъ весьма важныхъ измѣненій и уклоненій во многихъ обрядахъ и содержаніи древне-православной вѣры; 2) изъ исповѣданія старой вѣры, т. е. тѣхъ основаній, по которымъ образовалось и существуетъ поморское безпоповское общество старовѣровъ; и 3) изъ оправданія себя въ данныхъ отвѣтахъ Неофиту во избѣжаніе гнѣва и опасеній со стороны церковной власти.

Послѣ обычнаго привѣтствія, радости и готовности *отвѣчать* на вопросы Неофита, а не *разглагольствовать*, въ «Предисловіи» излагаются общія причины отдѣленія старообрядцевъ отъ единенія и общенія съ всероссійскою церковію. Въ массѣ многословія и повторенія одного и того же въ «Предисловіи» можно различить три главныя причины отдѣленія старообрядцевъ; это: 1) допущенное исправленіе старопечатныхъ книгъ и происшедшія отсюда новшества, измѣнившія порядокъ, составъ и даже содержаніе древне-русскаго богослуженія и вѣры, 2) преслѣдованіе тѣхъ, кто отказался отъ принятія вновь исправленныхъ при патріархѣ Никонѣ книгъ вмѣсто старыхъ и 3) положенныя на старообрядцевъ и на самые обряды осужденія и клятвы на Соборахъ 1666—1667 годовъ.

«Отъ Никона патріарха и протчихъ по немъ премѣнишася, приложишася и отложишася древле церковная многая содержанія: еже о крестномъ персты знаменованіи, еже о печатованіи креста на просфирахъ, еже о аллилуія, еже во многихъ чинѣхъ и славословіихъ и тайнодѣйствіихъ церковныхъ, еже старопечатныя книги отложишася, еже съ жестокими клятвами нововводства укрѣпишася, еже съ гоненіемъ и мучителствомъ на древле-церковное содержаніе тая проповѣдашася» [1]).

[1]) Пом. Отв. Предислов. № 16.

Послѣ изложенія причинъ отдѣленія отъ церкви слѣдуетъ изложеніе вѣроисповѣданія поморскаго общества. «Не новины какія затѣяхомъ, не догматы своесмышленные нововнесохомъ, не за своевольная преданія утвержаемся: но готовая древлеправославныя церкве преданія содержимъ, по готовымъ священнымъ книгамъ службу Богу приносимъ, еже есть, въ готовѣй древле православной церкви пребываемъ, по божественному Златоусту: церковь есть не стѣны и покровъ но вѣра и житіе; не стѣны церковныя, но законы церковные» [1]. «И аще отъ апостольскихъ временъ въ нужныя случаи во святѣй Божіей церкви, кромѣ видимыхъ церквей и священниковъ, такоже и въ пустыняхъ пребывающе тако благоугождаху Богу, убо и мы въ нужныхъ сихъ случаѣхъ, древле-православная церковная преданія соблюдающе, спасеніе можемъ получити и святыя Божія церкви не отлучены быти».....

Объ отношеніи поморцевъ къ православію въ «Предисловіи» говорится слѣдующее:

«Православно-каѳолическую вѣру исповѣдуемъ и вся евангельская и апостольская заповѣданія всевѣрно пріемлемъ: святоотеческая наказанія благоговѣйно почитаемъ; святыхъ соборовъ преданія и поученія всепокорно лобызаемъ; вся таинства церковная, содѣваемая по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, всевѣрно исповѣдуемъ и всеговѣйно пріемлемъ и почитаемъ; и аще чего за нужными случаями не можемъ получити, обаче всевѣрно вѣруемъ и желаемъ и исповѣдуемъ и въ тѣхъ случаяхъ тако пребываемъ, якоже древле святіи во времена нужная пребываху». Въ такой старой вѣрѣ поморцы и желали навсегда остаться, отказываясь отъ общенія съ господствующею церковію изъ опасенія измѣнить древнему православію и такимъ образомъ подвергнуться осужденію за вѣроотступничество.

Побужденія, заставившія поморцевъ написать отвѣты на вопросы Неофита, состояли, по словамъ «Предисловія» не въ укоризнѣ, или препирательствѣ, но въ заявленіи и убѣжденіи, чтобы Неофитъ призналъ выговцевъ «въ свято-отеческихъ древле-церковныхъ преданіяхъ крѣпко пребывающихъ; отвѣтное разглагольство они творятъ не съ гордостію, но смиренно, дабы оно со вниманіемъ было выслушано, прочитано и обсуждено съ евангельскою кротостію». «Благоволи», говорится въ концѣ «Предисловія», «симъ разглагольствомъ, по нашей немощи многими труды составленнымъ, удоволенъ быти, и не много волнуя во излишнихъ стязаніяхъ, оставити насъ о спасеніи душъ своихъ пещися» [2].

[1]) Пом. Отв. Предислов.

[2]) Опис. т. III. Приложеніе LVIII, стр. CCCLVIII.

Вотъ главныя мысли «Предисловія»; онѣ развиты и изложены ясно, послѣдовательно и краснорѣчиво. Излагать здѣсь частныя, дополняющія главныя, мысли нѣтъ необходимости; это было бы повтореніемъ всего «Предисловія», такъ какъ оно есть ничто иное, какъ краткое изложеніе «Пом. Отв.». Со многими мыслями изъ «Предисловія» мы познакомимся при изложеніи «Обличенія» на «Пом. Отв.». Главная, одушевляющая Предисловіе» мысль состоитъ въ указаніи на правовѣріе и правоту дѣла поморцевъ въ ихъ жизни и отношеніяхъ къ церкви. Если дѣло поморцевъ правое, то неправота церкви и даже неправовѣріе послѣдней являются отсюда какъ неизбѣжное слѣдствіе; но въ «Предисловіи» такого вывода прямо не дѣлается, не по убѣжденію, а по осторожности и опасенію навлечь на себя преслѣдованіе со стороны предержащей власти. Вообще «Предисловіе», какъ принадлежащее одному и тому же автору вмѣстѣ съ «Пом. Отв.», отличается вѣжливымъ тономъ, исключающимъ всякое грубое, дерзкое и оскорбительное выраженіе; авторъ «Предисловія» и всего сочиненія относится къ противной сторонѣ съ уваженіемъ. Правда, можно заподозривать и оспаривать чувства уваженія поморцевъ къ Неофиту, Св. Синоду и всему, что̀ отличалось отъ ихъ установившагося церковно-общиннаго строя; но источникомъ такого сомнѣнія должны быть иныя данныя, находящіяся не въ «Пом. Отв.», а въ другихъ свидѣтельствахъ.

Появленіе «Пом. Отв.», ихъ внѣшнія искусственныя формальныя достоинства, скрывавшія внутреннюю несостоятельность, распространеніе ихъ среди старообрядцевъ, опасность, угрожавшая при чтеніи ихъ многимъ нетвердымъ въ православіи, видимое превосходство «Отв.» предъ вопросами простодушнаго Неофита сильно побуждали церковную власть къ немедленному разсмотрѣнію и опроверженію сочиненія Андрея Денисова. Для обличенія «Пом. Отв.» требовалось не мало времени и трудовъ. Медлительность и особенно неудачный шагъ въ возотвѣтствованіи, могли истолковываться раскольниками во вредъ господствующей церкви, въ смыслѣ ея слабости и невниманія къ интересамъ вѣры. Это и случилось.

По распоряженію Св. Синода, книга «Пом. Отв.» немедленно передана была Ѳеофилакту Лопатинскому для разбора и обличенія. Ѳеофилактъ, южно-русскаго происхожденія, получилъ образованіе въ кіевской академіи и въ заграничныхъ школахъ; по возвращеніи оттуда, съ 1706 г. по 1722 г. былъ профессоромъ и ректоромъ московской академіи; съ 1722 г. былъ архимандритомъ Чудовскаго монастыря и совѣтникомъ Св. Синода. Въ 1723 г. назначенъ былъ епи-

скопомъ тверскимъ и кашинскимъ; 1725 г. произведенъ архіепископомъ и вторымъ по Ѳеофанѣ Прокоповичѣ вице-президентомъ Св. Синода. Съ 1734 г. Ѳеофилактъ испыталъ много горя и униженій отъ своихъ враговъ за полемику противъ лютеранства. Скончался въ 1741 г. [1]).

Случилось нѣчто странное. По офиціальнымъ извѣстіямъ дѣло представляется такъ, что впослѣдствіи, уже въ 1733 г., вспомнили (?) объ «Отв. Пом.» и стали разыскивать, гдѣ они находятся. Оказалось, что они уже 10 лѣтъ находились у Ѳеофилакта. Въ объясненіе медленности исполненія синодальнаго порученія, Ѳеофилактъ отозвался, что обличеніе давно бы было уже готово, если бы, «по кончинѣ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Петра Великаго, раскольники отъ синодальнаго вѣдомства въ свѣтскую команду не отошли [2]) и на новописанныя книги тяжкія цензуры не настали». Въ авг. 1734 г. Ѳеофилактъ представилъ «Обличеніе» въ Св. Синодъ на разсмотрѣніе. По желанію Питирима, бывшаго въ то время членомъ Св. Синода, книга дана была ему для просмотра, а въ 1742 г. (когда авторъ ея послѣ испытанныхъ страданій и униженій уже умеръ), книгу отослали для разсмотрѣнія тобольскому (впослѣдствіи ростовскому) митрополиту Арсенію Мацієвичу. Когда митрополитъ Арсеній одобрительно отозвался о книгѣ, тогда ему поручено было приготовить ее къ печати. «Въ 1744 г. м. Арсеній представилъ «Обличеніе» въ исправленномъ видѣ въ Синодъ. Книга напечатана была въ сент. 1745 г. по указу Св. Синода съ разрѣшенія Е. И. Величества, Императрицы Елизаветы Петровны [3]). Такимъ образомъ «Обличеніе» на «Пом. Отв.» появилось въ печати чрезъ 22 года послѣ книги Денисова, ставшей извѣстной (и остающейся) въ рукописи [4]) съ 1723 г. Но въ

[1]) Свѣдѣнія о немъ можно читать у м. Евгенія Болховитинова, въ Истор. словарѣ, т. II., стр. 324—29; у арх. Филарета Гумилевскаго, въ „Обзор. рус. д. лит.,“ II ч., 303—306 стр. 3-яго изд.; у И. А. Чистовича, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время».

[2]) Разумѣется распоряженіе правительства 7 февр. 1726 г. о передачѣ отъ Синода какъ вѣдомостей по сбору съ раскольниковъ и бородачей, такъ и денегъ съ нихъ сбираемыхъ въ вѣдѣніе Сената. «Собр.» т. V. № 1730.

[3]) Замѣчательно, что изданіе «Обличенія» Ѳеофилакта послѣдовало послѣ смерти автора его. Есть основаніе сдѣлать, на однихъ хронологическихъ данныхъ, предположеніе, что смерть Ѳеофилакта устранила, или по крайней мѣрѣ облегчила дѣло изданія книги. Авторъ «Историческаго словаря о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина» годъ изданія «Обличенія» относитъ къ 1742 г., а не 1745 году, вопреки выходному листу, гдѣ поставленъ послѣдній, а не первый (т. II, изд. 2, стр. 329). Тоже самое и такъ же голословно утверждаетъ архіеп. Филаретъ Гумилевскій въ «Обзорѣ русской духовной литературы» (т. II, изд. 3, стр.—305).

[4]) Въ 1886 г. «Пом. Отв.» изданы за границею въ исправленномъ видѣ, т. е. съ нѣкоторыми сокращеніями. Редакторомъ 1-го печатнаго изданія былъ Онисимъ Швецовъ, извѣстный подъ именемъ инока Арсенія.

рукописи «Обличеніе» появилось гораздо раньше. Есть указаніе на то, что «Обличеніе» Θеофилакта составлено было въ 1723 г., т. е. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ порученія о составленіи книги; но это не многимъ было извѣстно. Для большинства и для раскольниковъ могла бросаться въ глаза и производить немалое смущеніе продолжительная медленность составленія и изданія «Обличенія»; причину такой медленности недоброжелатели приписывали церкви, ея нерадѣнію и даже «безотвѣтности», т. е. безсилію отвѣчать на «Пом. Отв.»[1]). Въ оправданіе причины поздняго изданія «Обличенія» м. Арсеній писалъ слѣдующее.

«Что съ великимъ пристрастіемъ и домогательствомъ требуете отъ насъ письменныхъ возотвѣтствованіевъ на ваши іеромонаху Неофиту отвѣты и симъ до сихъ поръ предъ невѣдущимъ народомъ хвастаете и величаетеся, будто бы мы вамъ за скудоуміемъ нашимъ, а за вашими премудрыми и не побѣдимыми отвѣтами не возотвѣтствовали; но сія ваша бѣсовская ложь и заобыкновенная пустынническая спѣсь отъ вѣдущихъ и въ вѣрѣ искусныхъ людей довольно извѣстна и посмѣятельна, понеже отъ Св. Синода *тогда жъ вамъ письменное возотвѣтствованіе было*, и книга противо вашея неправды раскольническія сочинена, токмо за различными препятіями и неудобствіями до сихъ поръ не выпечатана. Не великое же мнится быти порицаніе, хотя бы и безъ возотвѣтствованія ваши отвѣты оставить, которыи здраваго ума и ученія совсѣмъ чужды и слова добраго недостойны. Однакожъ да не возносите на высоту рога вашего нечестиваго и да не хвалитеся безуміемъ своимъ, не токмо показанная отъ Св. Синода противу вашихъ отвѣтовъ книга сочинена и Божіимъ поспѣшеніемъ будетъ вскорѣ выпечатана, но и другая въ дополненіе съ настоящими обличеніями будетъ составлена [2])».....

Это писалъ Арсеній Мацѣевичъ въ 1743 г., имѣя въ виду составленное, но не изданное «Обличеніе» Θеофилакта, отчасти и свое «Дополненіе» къ «Обличенію», касавшееся «Предисловія» къ «Помор. Отвѣт.».

Полнаго изложенія «Обличенія» Θеофилакта мы дѣлать не намѣрены; подобная работа можетъ составить предметъ отдѣльнаго обширнаго изслѣдованія. Изъ «Обличенія» мы извлечемъ существенное содержаніе для характеристики взглядовъ церковной власти на спорные вопросы православія и раскола и отношенія къ его послѣдователямъ. Содержаніе «Обличенія» представится яснѣе и рѣзче чрезъ сравненіе общаго духа и направленія «Обличенія» съ болѣе ранними и ближайшими по времени противораскольническими сочиненіями, къ

[1]) Опис. т. I. № 403, стр. 483—4.

[2]) Опис. т. III. Прил. 58, 348.

которымъ «Обличеніе» относилось въ качествѣ дальнѣйшаго развитія, преемства и дополненія полемическаго воздѣйствія на расколъ.

Существенное содержаніе «Обличенія» опредѣляется тѣми вопросами, которыми интересовались поморцы; на разъясненіе и защиту этихъ вопросовъ авторъ «Поморскихъ Отвѣтовъ» употребилъ всю свою начитанность и изобрѣтательность. Соотвѣтственно съ этимъ авторъ «Обличенія» не всѣмъ спорнымъ вопросамъ придавалъ одинаковое значеніе, останавливая свое вниманіе на однихъ болѣе, на другихъ менѣе, одни разбирая, другихъ не касаясь, на нѣкоторые ограничиваясь только однимъ указаніемъ. «Ради лучшаго показанія неправости нѣкоторыхъ вопросовъ», авторъ «Обличенія» предлагаетъ на обсужденіе читателямъ отвѣты поморцевъ, которые безъ всякаго опроверженія оказываются несостоятельными: «иные бо ложными доводами утверждаются, иные пустымъ многословіемъ и приборными рѣчами покрываютъ силу вопросовъ; иные мимо вопросовъ колобродятъ» [1]).

Къ вопросамъ существеннымъ, составлявшимъ камень претыканія и соблазна между православіемъ и расколомъ съ самаго возникновенія послѣдняго, принадлежали слѣдующіе: 1) о перстосложеніи для крестнаго знаменія, 2) о двоеніи или троеніи аллилуіа, 3) о хожденіи по солнцу или противъ солнца, 4) о произношеніи имени Іисусъ, или Ісусъ, 5) о клятвахъ московскаго собора 1666—67 гг., 6) объ исправленіи книгъ при патріархѣ Никонѣ, какъ причинѣ и поводѣ возникновенія раскола и множество раскольническихъ своеобразныхъ и большею частію невѣрныхъ мнѣній и заблужденій. Эти главные и другіе находящіеся съ первыми въ связи второстепенные вопросы были предметомъ разбора у прежнихъ полемическихъ авторовъ—«Жезла Правленія», «Увѣта духовнаго», «Розыска» и «Пращицы». Хотя эти вопросы достаточно уяснены, но авторъ «Обличенія» разсматриваетъ ихъ съ новыхъ сторонъ, сообразно съ новыми данными, вызывавшимися содержаніемъ и направленіемъ «Поморскихъ Отвѣтовъ». Не всѣ вопросо-отвѣты поморцевъ разсмотрѣны съ тою полнотою, на какую можно бы разсчитывать, имѣя въ виду полемическій талантъ и ученость Ѳеофилакта Лопатинскаго, но это зависѣло не отъ недостатка усердія автора «Обличенія», а отъ внѣшнихъ препятствій и отчасти слабости и недоказанности положеній Денисова, ясныхъ изъ предшествовавшихъ полемическихъ трудовъ, на которые «Обличеніе» и ссылается, во избѣжаніе повторенія.

Общая точка зрѣнія «Обличенія неправды раскольниковъ» архіепископа Ѳеофилакта на «Поморскіе Отвѣты» согласуется съ господствовавшими взглядами церковной власти, состоявшими въ

[1]) Облич. гл. 10, стр. 49.

признанiи раскольниковъ заблудившимися отступниками и противниками православной церкви, къ которымъ нужно прилагать строгiя мѣры наказанiя, исправленiя и обличенiя. Въ «Обличенiи» Ѳеофилакта не видно снисходительнаго взгляда на заблужденiя раскольниковъ и житейскiя отношенiя къ нимъ. Авторъ «Обличенiя» не свободенъ и отъ общаго тогдашняго пренебрежительнаго и насмѣшливаго тона къ страннымъ мелочнымъ мнѣнiямъ и хитрымъ уверткамъ, встрѣчающимся въ «Поморскихъ Отвѣтахъ», хотя направленiе «Обличенiя» вообще серьезное, сосредоточенное. Будучи выраженiемъ господствовавшихъ церковныхъ взглядовъ на раскольниковъ, «Обличенiе» не является шаблоннымъ сколкомъ съ полемическихъ прежнихъ противораскольническихъ трудовъ, но, обнаруживая въ Ѳеофилактѣ ученѣйшаго и многосвѣдущаго человѣка, представляетъ черты оригинальнаго личнаго воззрѣнiя на спорные вопросы вѣры. Съ появленiя раскола и до появленiя «Обличенiя» Ѳеофилакта, церковная власть и полемисты въ излюбленныхъ раскольническихъ мнѣнiяхъ не дѣлали никакой уступки, т. е. признанiе за нѣкоторыми мнѣнiями раскольниковъ историческихъ и теоретическихъ оправданiй считали униженiемъ. Такимъ образомъ, если раскольники считали двуперстiе какъ conditio sine qua non древне православнаго благочестiя, то представители господствующей церкви усвояли такое же какъ бы догматическое значенiе троеперстiю, хотя упрекали старообрядцевъ въ приверженности къ буквѣ и обряду; обѣ противоположныя стороны взаимною неуступчивостiю примиренiе дѣлали невозможнымъ. Конечно, истина была на сторонѣ церковной власти, но во имя той же истины, и особенно въ силу присущаго церковной iерархiи полномочiя, можно было-бы не употреблять крутыхъ мѣръ, чтобы такими мѣрами не соблазнять и не раздражать малыхъ тѣхъ, т. е. приверженцевъ старины, тѣмъ болѣе, что нѣкоторая часть этой старины, имѣвшей тогда руководственное значенiе въ опредѣленiи истины, узаконена была общеизвѣстнымъ и общепризнаннымъ «Стоглавымъ соборомъ», одно дискретированiе котораго, доведенное на соборѣ 1666—1667 гг. до небытiя, приводило заблуждавшихся до крайняго смущенiя и недовѣрiя къ намѣренiямъ церковной власти. Церковная власть по отношенiю къ расколу вполнѣ воспользовалась предоставленною ей властью, но проявила ли она къ заблуждавшимся полноту христiанской любви и снисходительности—въ этомъ трудно убѣдить раскольниковъ.—Во взглядахъ на практически-жизненныя отношенiя къ раскольникамъ, «Обличенiе» Ѳеофилакта не представляетъ рѣзкаго исключенiя изъ общаго церковно-общественнаго настроенiя противъ послѣдователей раскола,—хотя легкiй добродушный юморъ Ѳеофилакта, какъ малоросса, не возбуждаетъ непрiятнаго отталкивающаго чувства, какимъ сопровождается чтенiе «Пращицы» чер

стваго, ригористическаго и неуступчиваго Питирима. Но нельзя не признать поворота во взглядахъ Θеофилакта *на спорные предметы;* поворотъ этотъ незначителенъ, но въ то время это былъ шагъ впередъ, сдѣланный не великорусскимъ, а малороссійскимъ ученымъ, получившимъ научное образованіе отчасти въ заграничныхъ школахъ, отчасти въ Кіевской академіи, въ которой былъ и профессоромъ (префектомъ). Укажемъ здѣсь для примѣра взглядъ архіепископа Θеофилакта на вопросъ о перстосложеніи,—самый, кажется, важный спорный пунктъ между православными и старообрядцами. По мнѣнію автора «Обличенія», святые отцы въ вопросѣ о перстосложеніи—триперстномъ или двуперстномъ «ничтоже воспоминаютъ, и таковымъ о томъ молчаніемъ гласятъ, что сложеніе перстовъ сихъ или оныхъ къ знаменію крестному не есть весьма нужно, понеже кіими либо персты, равно то знаменіе изобразуется..... Коими либо персты, или коимъ либо перстомъ безъ всякаго перстосложенія крестъ назнаменанный, истинный крестъ есть» [1]). Эта выдержка—не частность; она вытекаетъ изъ присущаго автору «Обличенія» критическаго взгляда на спорные вопросы. Нужно было имѣть большое развитіе и вѣрное пониманіе христіанства, но болѣе всего смѣлость, чтобъ заявить свободный для того времени и вѣрный взглядъ на вопросъ о формѣ перстосложенія, въ разрѣзъ господствовавшему направленію не только среди общества, но и среди церковной власти, не сдѣлавшей до сего времени (1723 г.) никакой уступки невѣдѣнію и заблужденію раскольниковъ, какъ это можно было бы сдѣлать для успокоенія возбужденныхъ умовъ. Правда, авторъ «Обличенія», по своему официальному положенію, сообразовался со взглядомъ соборнаго постановленія 1666—67 г. о двуперстіи, которому, наравнѣ съ другими обрядовыми разностями, не придано было ни каноническаго, ни тѣмъ болѣе догматическаго значенія, но Θеофилактъ развилъ общія мысли собора 1666—67 г. по данному предмету до ясности и убѣдительности; правда, что высказанный взглядъ Θеофилакта не получилъ дальнѣйшаго и должнаго развитія, какъ въ отношеніяхъ церковной власти къ расколу, такъ и въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ автора «Обличенія»; но на него можно смотрѣть, какъ на первоначальные зачатки и проблески мысли объ единовѣріи, установленномъ гораздо позже, при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; хотя патріархъ Іоакимъ еще въ 1682 г. высказалъ ту мысль, что «креститися кто какъ хочетъ, двѣма или тремя перстами, или всею рукою—все едино, какого бы знаменія креста на себѣ не изобразити», но это мнѣніе сказано было подъ вліяніемъ страха, во время извѣстнаго бунта Ни-

[1]) Облич. Θеоф., л. 30.

киты Пустосвята въ Московскомъ кремлѣ, для успокоенія, а не по убѣжденію патріарха Іоакима, бывшаго крайнимъ охранителемъ старыхъ порядковъ; правда и то, что еще ранѣе появленія «Обличенія», около 1700—1705 г., нѣкоторые соглашались на употребленіе обращающимися изъ раскола излюбленнаго двуперстія, чтенія и служенія «по старонарѣчію» [1]), но это допускалось частнымъ образомъ и въ крайнихъ случаяхъ, въ цѣляхъ обращенія въ православіе, пока не привыкнутъ къ новонарѣчію; съ другой стороны, авторъ «Обличенія» дошелъ до означеннаго взгляда на перстосложеніе самостоятельнымъ образомъ, путемъ теоретическимъ, какъ болѣе убѣдительнымъ, научнымъ. Такимъ образомъ, въ противоположность Денисову, Ѳеофилактъ смотрѣлъ на спорные вопросы съ иной точки зрѣнія, со стороны ихъ важности въ дѣлѣ вѣры и спасенія, со стороны догматической, а не археологической.

Послѣ предварительныхъ общихъ замѣчаній о полемическомъ трудѣ Ѳеофилакта, слѣдуетъ изложить кратко содержаніе «Обличенія» для характеристики этого сочиненія, которое церковная власть и авторъ противопоставили «Поморскимъ Отвѣтамъ», для опроверженія и ослабленія вліянія послѣднихъ среди православныхъ и особенно раскольниковъ.

«Обличеніе» Ѳеофилакта не есть полное опроверженіе «Поморскихъ Отвѣтовъ», а только части ихъ. Изъ 106-ти отвѣтовъ, входящихъ въ составъ сочиненія Денисова, авторъ «Обличенія» взялъ только одинъ, 50-й. Причина этого заключается въ томъ, что многое, содержащееся въ «Поморскихъ Отвѣтахъ», находило объясненіе и опроверженіе въ предшествовавшихъ полемическихъ трудахъ православныхъ писателей противъ раскола; съ другой стороны, 50-й отвѣтъ представляетъ собою сокращенное изложеніе содержанія «Поморскихъ Отвѣтовъ», отличающихся въ изложеніи растянутостію, повтореніемъ и утомительнымъ многоглаголаніемъ..... Знакомый съ полемическими трудами своихъ предшественниковъ и пользуясь ими для изслѣдованія и опроверженія спорныхъ предметовъ, Ѳеофилактъ относится къ нимъ не рабски, а вполнѣ самостоятельно; къ извѣстнымъ доказательствамъ, сторонамъ и взглядамъ на спорные вопросы онъ присоединяетъ свои собственныя соображенія, заимствуя ихъ изъ данныхъ церковной исторіи и археологіи, или изъ наблюденій надъ жизнію и состояніемъ тогдашняго раскола.

[1]) Сказаніе объ обращеніи раскольниковъ заволжскихъ, іеромонаха Іоанна. 138—142 стр.

То, что сказано объ общемъ характерѣ «Поморскихъ Отвѣтовъ», относится въ-частности и къ 50-му отвѣту.

50-й отвѣтъ представляетъ отчасти повтореніе сказаннаго въ предшествовавшихъ отвѣтахъ, отчасти представляетъ новое напряженное усиліе доказать мнимую правоту раскола.

Вопросъ Неофита состоялъ въ слѣдующемъ: если выговцы считаютъ великороссійскую церковь погрѣшившею въ ученіи и обрядахъ, то требуется пунктуально, по статьямъ, указать на заблужденія ея со времени патріарха Никона.

50-й отвѣтъ, самый обширный по своему объему и замѣчательный по своему содержанію, состоитъ изъ 38 пунктовъ, или статей, подъ которыми нужно разумѣть спорные вопросы между расколомъ и православіемъ.

Изъ предварительныхъ общихъ замѣчаній с «Пом. Отв.» видно, какихъ руководящихъ принциповъ и литературныхъ пріемовъ держался Денисовъ въ отвѣтахъ Неофиту. Авторомъ «Пом. Отв.» руководило не стремленіе узнать церковную истину и безпристрастно уяснить ее себѣ и другимъ, а желаніе подыскать и представить какъ можно болѣе свидѣтельствъ и доказательствъ правоты раскола безъ критическаго отношенія къ нимъ, хотя въ принципѣ авторъ и обладалъ большимъ критическимъ талантомъ, какой фактически и обнаружилъ при разборѣ извѣстнаго подложнаго памятника—«Соборнаго дѣянія на еретика Мартина»,—разборѣ настолько основательномъ, что авторъ «Обличенія» благоразумно объ этомъ умолчалъ, въ знакъ внутренняго, хотя и не совсѣмъ пріятнаго, согласія. Но эта критика «Соборнаго дѣянія» стоитъ особнякомъ, какимъ-то страннымъ оазисомъ въ многословной пустынѣ «Пом. Отв.» и 50-го, противорѣча обычнымъ искусственнымъ и тенденціознымъ пріемамъ Денисова. Не только изъ внимательнаго но и изъ поверхностнаго, чтенія 50-го отвѣта ясно слѣдуетъ общая замашка Денисова—упорство въ восприятіи истины и сознаніи въ своихъ заблужденіяхъ. Къ тому, что̀ можетъ служить, хотя внѣшнимъ образомъ, къ подтвержденію раскольническихъ мнѣній, Денисовъ относится съ страннымъ дѣтскимъ довѣріемъ; а что̀ не сообразуется съ его мнѣніемъ, то онъ опускаетъ, выбирая то, что̀ подходитъ. Чтобы придать бо́льшее значеніе излюбленному мнѣнію, какъ напр. вопросу объ осьмиконечномъ крестѣ, или трисоставномъ, Денисовъ приводитъ даже мѣсто изъ пророчества Исаіи (гл. 60, стих. 13), какъ относящееся будто-бы къ двуперстному сложенію. Не вникнувши хорошо въ рѣчь автора «Розыска», Денисовъ то приводитъ св. Димитрія Ростовскаго въ свою пользу, то указываетъ на него, какъ на противника и хулителя въ одномъ и томъ же вопросѣ о двуперстіи и такимъ образомъ впадаетъ въ явное про-

тиворѣчіе [1]). По взгляду Денисова обрядъ есть нѣчто неподвижное, долженствующее остаться навсегда неизмѣннымъ, какъ догматъ. Съ измѣненіемъ обряда измѣняется, по Денисову, и догматъ, является ересь. Такъ, въ перемѣнѣ двуперстнаго сложенія на триперстное Денисовъ видитъ если не прямое измѣненіе догматическаго ученія о Св. Троицѣ и отношеніи къ Ней второго Лица, какъ Искупителя людей, то, по крайней мѣрѣ, посягательство на измѣненіе этого важнаго догмата вѣры; употребленіе же православною церковью именословнаго священническаго благословенія, непризнаваемаго раскольниками за истинное, какъ-бы нововводное, Денисовъ считаетъ признакомъ оставленія вѣры во Св. Троицу и существованіе двухъ естествъ во Іисусѣ Христѣ [2]). За измѣненіе двуперстія Денисовъ обвиняетъ прав. церковь, какъ не компетентную въ дѣлѣ исправленія древнихъ святоотеческихъ преданій; сюда относятся обвиненія: 1) за отложеніе осьмиконечнаго креста (10—12 ст.) вообще и тамъ, гдѣ онъ прежде изображался; 2) за употребленіе имени Іисусъ вмѣсто прежняго Ісусъ (13-я ст.); 3) за отмѣну земныхъ поклоновъ во св. Четыредесятницу и наклоненія главъ въ «троицкую вечерню» и на литургіи преждеосвященныхъ даровъ; 4) за оставленіе молитвы къ Господу Іисусу. На ряду съ приведенными обвиненіями авторъ 50-го вопроса ставитъ еще два обвинительныхъ пункта по затронутому составителемъ «Жезла Правленія» [3]) вопросу о взаимномъ отношеніи между тѣломъ и душею въ моментъ зачатія и возрастанія человѣка въ утробной жизни—это во-первыхъ, и во-вторыхъ—по вопросу о томъ, въ какомъ видѣ воскреснутъ тѣла умершихъ при второмъ пришествіи Сына Божія—съ различіемъ-ли половъ, или безъ различія. По первому вопросу взглядъ Денисова состоитъ въ томъ, что тѣло и душа одновременно сосуществуютъ и дѣйствуютъ въ образованіи человѣка, тогда какъ другой, оспариваемый Денисовымъ и допускаемый новоисправленными книгами, взглядъ признаетъ предварительное существованіе и образованіе тѣла, въ которое вселяется *послѣ* начало духовное. По второму вопросу взглядъ Денисова состоитъ въ отрицаніи различія имѣющихъ воскреснуть тѣлъ по поламъ, тогда какъ противоположный оспариваемый взглядъ допускаетъ такое различіе. И тотъ и другой вопросы не относятся къ догматической сторонѣ христіанства, и рѣчь о нихъ была мимоходомъ, какъ выраженіе частнаго мнѣнія, но авторъ «Пом. Отв.» придаетъ имъ особенное значеніе для увеличенія числа мнимыхъ заблужденій господствующей церкви. Къ чему-то намѣренному, какъ-

[1]) Сравн. Розыскъ о Брынской вѣрѣ (467 стр. и 491) и Пом. Отв., 50-й вопросоотвѣтъ (стр. 300—3.)

[2]) Пом. Отв. 303—4 стр.

[3]) Жезл. Правлен. л. 27—29.

бы злонамѣренному Денисовъ относитъ слѣдующія новизны: явившееся со времени Никона стремленіе къ улучшенію иконописанія, случаи несоотвѣтствія первообразному виду реставрированныхъ на иконахъ лицъ [1]), писаніе иконъ на полотнѣ, изображеніе Божіей Матери съ непокрытою головою, измѣненіе символическихъ изображеній при евангелистахъ, измѣненіе церковныхъ напѣвовъ, чинопослѣдованія въ св. крещеніи, мvропомазаніи, въ литургіяхъ св. Іоанна Златоуста (относительно пятипросфорія вмѣсто 7, пѣнія аллилуіа то трижды, то однажды, замѣны слова «припѣвающе» вмѣсто «приносяще», отмѣненіе поклоновъ на великомъ выходѣ и т. п.), св. Василія Великаго и преждеосвященныхъ даровъ, въ чинѣ исповѣди, вѣнчанія, иноческаго постриженія, воцерковленія, измѣненіе хожденія по солнцу, допущеніе обливательнаго крещенія, принятіе латинянъ не по первому чину. Въ концѣ 50-го отвѣта, въ послѣдней 38-ой статьѣ, Денисовъ отстаиваетъ достоинство и превосходство старопечатныхъ, старописьменныхъ дониконовскихъ книгъ, изгнанныхъ изъ употребленія церковною властію и осужденныхъ на забвеніе и уничтоженіе, тогда какъ новоисправленныя книги, не смотря, по мнѣнію Денисова, на несходство ихъ съ старопечатными и погрѣшительность перевода, одобрялись и должны были всѣми приниматься вмѣсто прежнихъ,—тѣхъ самыхъ книгъ, по которымъ служили и многіе спаслись, «просіяли знаменіями, чудесами и нетлѣніемъ тѣлесъ». Вслѣдствіе измѣненія, приложенія и отложенія многаго, что̀ не соотвѣтствуетъ старопечатнымъ и старописьменнымъ книгамъ, и руководствуясь обычнымъ опасеніемъ, дабы за допущеніе новинъ не подвергнуться анаѳемѣ, Денисовъ отказывается отъ принятія новоисправленныхъ книгъ, оспаривая самое право церковной власти и нужду въ исправленіи книгъ.

Таково въ сущности содержаніе 50-го поморскаго отвѣта. При изложеніи этого отвѣта мы не имѣли въ виду ни излагать подробностей отвѣта, ни относиться къ нему критически; къ 50-му отвѣту мы относимся, какъ къ поводу или вызову, на который далъ надлежащій отвѣтъ авторъ „Обличенія“; съ другой стороны, этотъ памятникъ интересуетъ насъ какъ обнаруженіе умственной силы и дѣятельности, выставленной церковною властію для противодѣйствія не дремавшему въ то время раскольническому литературному движенію. Само собою разумѣется, что сила узнается и оцѣнивается по сравненію ея съ силою противоположною. Полемико-литературные пріемы Ѳеофилакта и аргументація «разглагольствій» его, можетъ быть отчасти оцѣниваема по той общей характеристикѣ, какая уже сдѣлана о «Пом. Отв.» ранѣе.

[1]) Брат. Сл. 1889 г. № 4.

Если выговцы, не удовлетворившись отвѣтами іеромонаха Неофита, могли считать себя правыми и даже побѣдителями, то они должны были очень смириться по прочтеніи «Обличенія,» если только они дѣйствительно искали истины. Трудно опредѣлить, какое вліяніе на расколъ имѣло «Обличеніе». Но слѣды и степень этого вліянія можно искать только въ послѣдующей (послѣ Петра I) раскольнической письменности, когда появилось въ печати «Обличеніе», т. е. въ 1745 г.

Такъ какъ 50-й отвѣтъ Денисова состоитъ изъ 38 статей, или обвиненій, то авторъ «Обличенія» разбираетъ каждую статью 50-го отвѣта въ томъ же послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ онѣ изложены у Денисова. Подробному опроверженію ихъ Ѳеофилактъ предпосылаетъ общее о нихъ замѣчаніе, очень важное въ томъ отношеніи, что въ немъ авторъ-полемистъ высказываетъ руководящіе принципіальные взгляды и основную точку зрѣнія на спорные вопросы и причины разногласія и раздѣленія послѣдователей старины и раскола отъ единенія съ церковью. По взгляду Ѳеофилакта, ни каждая изъ указанныхъ 38 статей въ отдѣльности, ни совокупность ихъ не достаточны для церковнаго раздѣленія, потомучто указанныя разности не составляютъ догматовъ вѣры, а суть внѣшніе чины и обряды церковнаго богослуженія и благоустройства, установленные не І. Христомъ и Его апостолами, не помѣстными или вселенскими соборами, но пастырями церкви,—введены для внѣшняго порядка и однообразія; нѣкоторые изъ этихъ спорныхъ обрядовъ установлены неизвѣстно кѣмъ и когда, удержавшись отъ долговременной практики. Кто эти обряды вмѣняетъ въ догматы, тотъ долженъ основаніе для этого показать въ священномъ писаніи, гдѣ такого основанія не имѣется. Поэтому, если бы и было какое измѣненіе въ указанныхъ чинахъ и обрядахъ, какъ утверждаютъ раскольники, то и тогда никто не имѣлъ бы уважительной причины къ отдѣленію отъ церкви, такъ какъ чрезъ такую перемѣну обряда не лишимся ничего потребнаго ко спасенію. Между тѣмъ раскольники, по своему упрямству и неразумію, указаннымъ обрядамъ придали значеніе догматовъ, безъ которыхъ нельзя и спастись: безъ этихъ обрядовъ, яко-бы догматовъ, и вѣра—не вѣра, и церковь—не церковь, и таинства—не таинства......

Послѣ рѣзкихъ и неоднократныхъ упрековъ по адресу раскольниковъ за ихъ неспособность къ исправленію, не смотря на увѣщаніе и обличеніе со стороны православныхъ пастырей, Ѳеофилактъ особенно возмущается тѣмъ, что выгорѣцкіе и другіе раскольники осмѣлились уподоблять себя древнимъ св. пустынножителямъ и мученикамъ, по примѣру которыхъ будто-бы выговцы терпятъ преслѣдованіе отъ православныхъ за вѣру, и такимъ образомъ церковь, ея служи-

телей и даже государей приравниваютъ къ бывшимъ гонителямъ, врагамъ и отступникамъ христіанства [1]).

Итакъ, неспособность раскольниковъ къ различенію догматовъ и обрядовъ, существеннаго и несущественнаго въ дѣлѣ вѣры, привела ихъ къ предубѣжденію противъ православной церкви; въ представителяхъ ея они усмотрѣли посягательство на искаженіе вѣры, и отдѣленіе отъ единенія съ церковью, къ чему, по взгляду Ѳеофилакта, они не имѣли уважительной причины.

Но потребность въ оправданіи себя и своихъ заблужденій побудила автора «Пом. Отв.» ссылаться на свящ. писаніе въ доказательство истинности одного раскольническаго мнѣнія (въ вопросѣ о двуперстіи), которому они усвояютъ значеніе догмата; Ѳеофилактъ особенно старается это опровергнуть.

Если раскольники, по взгляду Ѳеофилакта, кромѣ двуперстнаго сложенія не признаютъ никакого другого, ни триперстнаго, ни одноперстнаго, ни именословнаго, то они силу крестному знаменію приписываютъ не отъ креста Христова и страданія Его на немъ, но отъ своего сложенія перстовъ, какъ отъ волшебнаго какого-то дѣйствія. Ссылкою на св. Евангеліе отъ Луки (24, 50) Денисовъ считаетъ двуперстіе установленіемъ не только апостольскимъ, но и Христовымъ, т. е. преданнымъ отъ Христа. Въ указанномъ мѣстѣ св. евангелиста Луки говорится, по словамъ Ѳеофилакта, о двухъ рукахъ, которыми благословилъ Іисусъ учениковъ, а не двухъ перстахъ; если считать персты, то ихъ оказывается не два, а десять, считая по 5 въ каждой рукѣ; въ Евангеліи не говорится, какъ сложены были персты для благословенія, двуперстно или триперстно. Если основываться на Евангеліи, то болѣе основанія было бы креститься и благословлять обѣими руками, т. е. десятиперстно, чѣмъ приводить означенное евангельское изреченіе въ доказательство двуперстія. Слабость этого доказательства сознавалъ, вѣроятно, и Денисовъ, поэтому онъ думалъ усилить и дополнить его указаніемъ на распространенное тогда мнѣніе о томъ, что св. евангелистъ Лука въ написанной имъ иконѣ Божіей Матери, перешедшей въ Россію и сдѣлавшейся извѣстной подъ названіемъ чудотворной «Тихвинской», изобразилъ Предвѣчнаго Младенца держащимъ правую руку въ формѣ двуперстнаго сложенія.

По остроумному, но хитроумному разсужденію автора «Пом. Отв.» выходило то, что св. евангелистъ Лука не могъ противорѣчить самъ себѣ въ указаніи способа благословенія Спасителя въ Евангеліи и иконѣ. Съ формальной стороны, умозаключеніе Денисова построено искусно и могло казаться для простаковъ убѣдительнымъ.

[1]) Обличеніе Ѳеофилакта, л. 3.

Въ настоящее время умозаключеніе Денисова не имѣетъ никакого научнаго значенія, какъ по недоказанности древности и принадлежности тихвинской иконы св. Лукѣ, такъ и по признанію въ благословляющей рукѣ Предвѣчнаго Младенца именословнаго благословенія, а не двуперстія. Не ускользнула слабость доводовъ Денисова и отъ Өеофилакта, поставившаго изобрѣтателя такой аргументаціи ниже Аввакума, Никиты Пустосвята и его товарищей [1]). «Безумни были», говоритъ Өеофилактъ, «суевѣрія твоего начальницы, Аввакумъ, Никита Пустосвятъ съ товарищи, обаче умнѣе тебе были: понеже о перстномъ сложеніи не слалися на Луку евангелиста, ты же явно дерзнулъ еси на него лгати» [2])......

Указаніемъ на тихвинскую икону Божіей Матери воспользовался Өеофилактъ для разсужденія о превосходствѣ свящ. писанія предъ иконнымъ писаніемъ въ дѣлѣ обоснованія и раскрытія, какъ общихъ догматическихъ истинъ, такъ и частнаго спорнаго вопроса о двуперстіи.

По взгляду Өеофилакта, невозможно доказать иконописаніемъ того, что́ доказывается священнымъ писаніемъ; послѣднее есть слово Божіе, а первое дѣло рукъ человѣческихъ; слово Божіе есть Премудрость, свободная отъ заблужденія, а иконописаніе есть произведеніе фантазіи художника, не свободное отъ погрѣшности. Хотя искусное иконописаніе можетъ замѣнять книжное, но не можетъ замѣнить божественнаго. Безмѣрное разстояніе между священнымъ писаніемъ и иконописаніемъ. Если приложить иконописаніе въ качествѣ доказательства не догматическихъ положеній, гдѣ оно совсѣмъ неприложимо, вопреки увѣреніямъ и попыткамъ раскольниковъ, а къ разсмотрѣнію вопроса о двуперстіи, то и здѣсь оно не можетъ служить вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ защиты двуперстнаго сложенія, какъ единственно вѣрной формы крестнаго знаменія.

Иконный способъ доказыванія двуперстія, доведенный Денисовымъ до широкихъ размѣровъ и крайностей, Өеофилактъ сравниваетъ съ разнорѣчивыми показаніями свидѣтелей на судѣ, желая тѣмъ самымъ показать непригодность его. Непригодность этого способа вытекаетъ изъ неодинаковаго сложенія перстовъ для крестнаго знаменія на иконахъ, происходящаго отчасти отъ свободы иконописцевъ, отчасти оттого, что уклоненіе отъ оригинала не ставилось въ вину прежде, до появленія старообрядства. Если, по взгляду Өеофилакта, неизвѣстно было иконы, напр., Божіей Матери, во всемъ сообразной истинному лику Ея, то тѣмъ болѣе замѣчается разнообразія и несо-

[1]) Облич. Өеофилакта, л. 5.

[2]) Idib. л. 5.

гласія въ изображеніи двуперстнаго раскольническаго сложенія на иконахъ. Въ представленныхъ Денисовымъ 118 рисункахъ (изображеніяхъ) съ древнихъ иконъ, сложеніе перстовъ различно: много есть уклоненій отъ двуперстія, замѣчается то недосложеніе, то пересложеніе. Чтобы обратить мысли раскольниковъ отъ внѣшняго къ внутреннему—существенному и тѣмъ ослабить пристрастіе къ обрядности, Ѳеофилактъ указываетъ на такія иконы, гдѣ изображеніе крестнаго знаменія не можетъ быть допущено, какъ нѣчто несообразное, анахроническое. Такъ, иконописцы двуперстное сложеніе приписываютъ тѣмъ лицамъ на иконахъ, которыя не знали и не могли употреблять крестнаго знаменія, въ формѣ ли благословенія, или моленія. Кто можетъ доказать, чтобы знаменовали себя крестнымъ знаменіемъ Іоаннъ Предтеча, Симеонъ Богопріимецъ и Анна пророчица, руки которыхъ (съ изображеніемъ двуперстія) раскольники списали съ древнихъ иконъ въ свое оправданіе? Иконописцы, по своему невѣжеству, изображали благословляющими (крестнымъ знаменіемъ) святыхъ не только новаго завѣта, но и ветхаго, не только мужчинъ, но даже женщинъ,—изображали, не зная сами, чѣмъ они, т. е. изображаемые спаслись. Разумѣется, спаслись отъ вѣры и добрыхъ дѣлъ, а не отъ употребленія двуперстія, не отъ сложенія перстовъ. «Вспомни говоритъ Ѳеофилактъ, молитву мытаря и фарисея, и увидишь, что дѣйствіе молитвы зависѣло отъ расположенія ума и сердца, а не отъ сложенія перстовъ. Сложеніе перстовъ, какое бы то ни было, не есть, по мысли Ѳеофилакта, догматъ, или членъ вѣры, потребный для спасенія. Догматъ долженъ имѣть основаніе въ божественномъ писаніи, или преданіи. Основанія для перстосложенія нѣтъ ни въ священномъ писаніи, ни въ преданіи. Всякому приходящему къ церкви предлагается для исповѣданія символъ вѣры, а не сложеніе перстовъ, о чемъ въ символѣ нѣтъ и не можетъ быть рѣчи. Между тѣмъ, раскольники сложеніе перстовъ (двухъ) ставятъ въ догматъ. Это ни съ чѣмъ несообразно.

Но если форма перстосложенія безразлична, то почему, спрашивается, отъ раскольниковъ требуютъ употребленія триперстнаго сложенія, притѣсняютъ ихъ, преслѣдуютъ ихъ, называютъ раскольниками? Этотъ вопросъ задалъ Ѳеофилактъ, и самъ же отвѣчаетъ на него. По взгляду его, триперстіе навязывается раскольникамъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, это дѣлается какъ-бы наперекоръ раскольникамъ, какъ противникамъ; во вторыхъ, это дѣлается въ силу древнѣйшаго церковнаго обычая изображать крестное знаменіе въ видѣ триперстнаго сложенія, а не двуперстнаго.

Первую причину не трудно было выяснить, указавши на враждебныя отношенія раскольниковъ къ православной церкви, которую

они порицаютъ, какъ-бы лишенную всякой благодати и святости; это они дѣлаютъ не по невѣжеству только, но отъ враждебности и крайняго упорства.

Гораздо труднѣе было выяснить вторую причину, оправдывавшую, по взгляду Ѳеофилакта, стремленіе и усиліе церковной власти ввести среди раскольниковъ триперстіе, вмѣсто двуперстія. Но Ѳеофилактъ выходитъ легко изъ затрудненій, рѣшая вопросъ отчасти посредствомъ теоретическихъ соображеній, а отчасти опираясь на нѣкоторыя свидѣтельства, древнѣйшія и ближайшія къ своему времени. Обычай изображенія крестнаго знаменія въ формѣ триперстнаго сложенія Ѳеофилактъ причисляетъ къ предметамъ среднимъ и недоумѣннымъ, какъ не имѣющимъ основанія въ священномъ писаніи. Такіе предметы должны, по его мнѣнію, рѣшаться и утверждаться на основаніи церковной практики, древняго обычая, которому и нужно слѣдовать, во избѣжаніе ошибокъ и упорства. Этому древнему обычаю слѣдовалъ п. Никонъ, вводя триперстное сложеніе вмѣстѣ съ другими перемѣнами и исправленіями, согласно съ обычаями восточной церкви и съ одобренія представителей ея—восточныхъ патріарховъ [1]).

Таковы мысли автора «Обличенія» во вступленіи и при разборѣ вопроса о двуперстіи. Эти мысли о смѣшеніи Денисовымъ догматовъ и обрядовъ,—смѣшеніи, повлекшимъ за собою оставленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ первыхъ изъ-за послѣднихъ, находятся у Ѳеофилакта при разборѣ и другихъ статей.

Такъ, Денисовъ ставитъ въ вину православной церкви отмѣну изображенія на просфорахъ осьмиконечнаго креста, вмѣсто котораго стали изображать четырехконечный съ такою же печатію вмѣсто прежней кругловидной. Старую форму печати раскольники считаютъ настолько дѣломъ существеннымъ, что совершеніе таинства св. причащенія на просфорахъ съ новою печатью признали недѣйствительнымъ, хотя о печати нѣтъ никакого постановленія ни въ Евангеліи, ни въ апостольскихъ посланіяхъ, ни въ соборныхъ постановленіяхъ и отеческихъ писаніяхъ, чего и сами раскольники не могутъ отрицать. «Но послѣдніе», говоритъ авторъ «Обличенія», «настолько упорны, что они крѣпко содержатъ то, чего Христосъ не повелѣлъ, но не признаютъ того, что̀ Онъ повелѣлъ творить въ Его воспоминаніе». Если, по мысли Ѳеофилакта, хлѣбъ, подъ видомъ котораго Христосъ далъ тѣло Свое, не имѣлъ печати, что̀ несомнѣнно, то и нынѣ совершается эта тайна силою Святаго Духа, а не печатію. Какъ изъ-за печати не совершается у раскольниковъ литургіи, такъ изъ-за введенія пятипросфорія вмѣсто прежняго седмипросфорія, оставлена

[1]) Обличеніе Ѳеофилакта, л. 31.

литургія и священство; между тѣмъ какъ церковныя правила дозволяютъ, въ случаѣ нужды, служить литургію и на одномъ хлѣбѣ.

Изъ приведенныхъ разсужденій Ѳеофилакта вытекаютъ слѣдующія, проникающія все сочиненіе автора, основныя воззрѣнія на дѣло: спорные вопросы, возбужденные и истолкованные Денисовымъ, не касаются сущности вѣры и церкви, относятся не къ догматамъ, а предметамъ второстепеннымъ, внѣшнимъ. Оберегая эту внѣшнюю обрядовую сторону, церковная власть можетъ дополнять и устранять случайныя, произвольныя и неправильныя отступленія отъ духа и порядка христіанской древности; это она и сдѣлала, когда была нужда въ исправленіи богослужебныхъ книгъ. Итакъ, раскольники неправы, какъ въ непризнаніи сдѣланныхъ исправленій богослужебныхъ книгъ и обрядовъ при п. Никонѣ, такъ и отдѣленіи отъ церкви.

«Обличеніе» Ѳеофилакта отличается полнотою, самостоятельностью, оригинальностью и основательностью; эти качества совмѣстно обнаруживаются у автора въ той или иной степени при разборѣ спорныхъ вопросовъ. Въ авторѣ замѣтно знакомство съ литературою, въ главныхъ ея проявленіяхъ и подробностяхъ по возбужденнымъ вопросамъ; у автора въ каждомъ вопросѣ сказано главное и существенное. Если «Пращица» обнаруживаетъ въ авторѣ ея, Питиримѣ, большое знакомство съ современною ему и старинною письменностію, то познанія Ѳеофилакта въ его «Обличеніи» не только оказываются не меньше, а по характеру изложенія и группировки они представляются болѣе убѣдительными и научными. Эта полнота обслѣдованія проходитъ по всему «Обличенію», при разсмотрѣніи всѣхъ важнѣйшихъ недоумѣнныхъ вопросовъ. Укажемъ на нѣкоторые вопросы, разсматриваемые въ «Обличеніи» со стороны церковно-археологической.

Вопросъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія.

Какъ православные, такъ и раскольники признавали важность крестнаго знаменія съ церковно-исторической и символической стороны, не согласуясь въ способѣ изображенія крестнаго знаменія. Утвержденію Денисова, основанному на многихъ, односторонне понятыхъ данныхъ, авторъ «Обличенія» противоставляетъ рядъ ясныхъ теоретическихъ и фактическихъ доказательствъ въ пользу триперстія. Указанія на эти послѣднія доказательства были и у всѣхъ прежнихъ полемистовъ, но у Ѳеофилакта вполнѣ обоснованы высшими общими взглядами и соображеніями и выяснены до мельчайшихъ подробно-

стей, доведены до слѣдствій, а по отношенію къ противной сторонѣ— до absurd'а. Наши мысли могутъ уясниться посредствомъ приведенія слѣдующихъ сопоставленій и примѣровъ.

Нужно замѣтить, что расколоучители, при оправданіи своихъ мнѣній, не входятъ, и, по своей точкѣ зрѣнія, не могутъ входить въ какія-либо общія соображенія, могущія хотя нѣсколько разумно, безъ натяжки и уступокъ, оправдать привязанность ихъ къ извѣстнымъ обрядамъ и страннымъ мнѣніямъ. Вмѣсто разумныхъ объясненій, они ограничиваются ссылкою на старину, ложныя свидѣтельства, прибѣгаютъ къ странной символикѣ, не отличаютъ догмата отъ обряда, подозрѣваютъ пастырей церкви и духовное правительство въ склонности къ еретичеству, обвиняютъ православныхъ въ искаженіи вѣроученія и т. д. Самая любимая и распространенная аргументація расколоучителей — это ссылка на древнія свидѣтельства, извлеченныя изъ древнеотеческой и славянорусской письменности. Этотъ видъ аргументаціи доведенъ у автора «Пом. Отв.» до чрезвычайности. Обличителю «Пом. Отв.» не легко было разобраться въ приведеніи въ порядокъ ссылокъ Денисова, не столько по основательности ихъ, сколько по запутанности, отрывочности, тенденціозности и умолчанію объ источникахъ, откуда заимствованы эти ссылки. Изъ провѣрки многочисленныхъ ссылокъ Денисова открывается то, что послѣдній спѣшилъ какъ можно больше написать, а не обдумать написанное. Заслуживаютъ вниманія нижеслѣдующія свидѣтельства, бывшія предметомъ взаимныхъ споровъ въ вопросѣ о двуперстномъ сложеніи, и показывающія полемическіе пріемы противниковъ.

Авторъ «Пом. Отв.», въ доказательство древности, истинности и преимущества двуперстія предъ триперстіемъ, повторилъ, извѣстную съ появленія раскола, ссылку на св. Мелетія, архіепископа Антіохійскаго († 381 г.), жившаго во время аріанскихъ споровъ. «Есть нѣчто», говоритъ Ѳеофилактъ, въ «исторіи церковной о перстахъ Мелетіевыхъ, но не въ благословеніи, ниже въ знаменіи крестномъ, но въ показаніи тріѵпостаснаго Божества».

Дѣло въ томъ, что когда св. Мелетій увѣщавалъ народъ держаться никео-цареградскаго Символа, то ему аріане препятствовали говорить; тогда св. Мелетій вынужденъ былъ изъяснять свое исповѣданіе вѣры посредствомъ перстовъ. «Показавъ людемъ», продолжаетъ Ѳеофилактъ, «во первыхъ три персты (какіе, о томъ неизвѣстно), потомъ тыя совокупивъ, а единъ токмо простеръ (который, невѣдомо), а злочестивый архидіаконъ, видя, что загражденіемъ устъ святительскихъ ничтоже успѣлъ, оставивъ уста, емлетъ за руку святителя, который имѣя свободный языкъ, изъясни словомъ благочестіе: и егда заграждаше уста его архідіаконъ, то онъ рукою про-

повѣдаше, егда же держаше его руку, усты своими богословствоваше» [1]).

По словамъ Денисова, Мелетій «два перста совокупивъ, а три пригнувъ, благослови люди, и прослави Господь сіе благословеніе снитіемъ огня» [2]). Приведеніемъ этихъ словъ Денисовъ и ограничился, не объяснивши, какъ бы слѣдовало, ни связи сказаннаго съ общимъ предметомъ рѣчи св. Мелетія, ни обстоятельствъ, заставившихъ св. отца прибѣгнуть къ сложенію перстовъ, и не провѣривъ четьи-минейнаго сказанія о чудесномъ огнѣ съ первоначальными источниками о томъ же. Эту критическую работу сдѣлалъ авторъ «Обличенія». Передавши со словъ историковъ—Созомена, Ѳеодорита и Никифора разсказъ о случаѣ, бывшемъ со св. Мелетіемъ при исповѣданіи имъ и проповѣданіи единосущности Св. Троицы при единствѣ существа, Ѳеофилактъ устанавливаетъ несомнѣнныхъ три факта: 1) отсутствіе въ сложеніи перстовъ св. Мелетія благословенія; 2) отсутствіе двуперстнаго сложенія и 3) отсутствіе чудеснаго знаменія, о каковомъ знаменіи сдѣлана прибавка въ Россіи; она встрѣчается въ русской письменности не раньше XVI ст.; прибавка эта не содѣйствуетъ утвержденію раскольническаго заблужденія.

Обличая такимъ образомъ Денисова за неосновательность и невѣрность ссылки на св. Мелетія, Ѳеофилактъ въ то же время восполняетъ недостатки и недомолвки прежнихъ полемистовъ по тому же вопросу и по тому же пункту. Такъ, извѣстно, что авторы «Жезла», «Увѣта» и «Пращицы» касались ссылки расколоучителей на св. Мелетія, опровергая эту ссылку каждый по своему. По словамъ «Жезла», св. Мелетій «не съ послѣдними двема перстома совокупи первый перстъ, но съ указательнымъ и среднимъ, якоже пóвѣсть являетъ въ его житіи (12 ф.), и разумъ (?) показуетъ: «и сотвори тако чудо. Убо по намъ есть сіе свидѣтельство, а не противно» [3]). Отвѣчая на возраженіе Никиты (22), находившаго несоотвѣтствіе между благословеніемъ св. Мелетія *треми* перстами и требованіемъ инаго согбенія перстовъ для именословнаго благословенія, авторъ «Жезла» признаетъ это противорѣчіе, но въ объясненіе указываетъ на чудесный характеръ событія: «яко чудо не бѣ дѣло обычно, тако и благословеніе странно; единожды се бысть вдохновеніемъ Св. Духа, въ законъ же намъ не положися» [4]). Изъ сказаннаго видно, что отъ невѣрной передачи факта, бывшаго со св. Мелетіемъ, православные полемисты создали себѣ замѣтныя для противниковъ противорѣчія,

[1]) Обличеніе, Ѳеофилакта, л. 10.

[2]) Пом. Отв. 48—49.

[3]) Жезл. Правл. л. 61.

[4]) Жезл. Правл. л. 63.

для выхода изъ которыхъ прибѣгали къ натяжкамъ. Разъ допущенная невѣрность и несообразность повторялась послѣ другими; время не исправляло. Авторъ «Увѣта» повторяетъ и мудрые совѣты, и ошибки своего предшественника и руководителя [1]). Авторъ «Розыска не входилъ въ разсмотрѣніе свидѣтельства св. Мелетія, ограничиваясь общими разсужденіями о крестномъ знаменіи, какъ не составляющемъ догмата, и отсылая желающихъ къ «Жезлу», «Увѣту» и другимъ руководственнымъ объясненіямъ касательно перстосложенія [2]). Касаясь сказанія о св. Мелетіи, авторъ «Пращицы», послѣ пересказа событія на основаніи четьи-минейнаго повѣствованія, поправляетъ редакцію о сложеніи перстовъ св. Мелетіемъ «Стоглава», сличая текстъ послѣдняго съ текстомъ житія по Четьи-Минеи; но Питиримъ находитъ прибавку въ текстѣ Стоглава въ сравненіи съ житіемъ благопріятною для раскола; слова житія: «два перста совокупль и единъ пригнувъ, благослови люди» превращены такъ: «два перста совокупль и три пригнувъ, благослови люди» [3]). Передачею разсказа съ обстоятельнымъ разъясненіемъ смысла сказаннаго и сдѣланнаго св. Мелетіемъ и провѣркою текста Стоглава, допущеннаго по невѣдѣнію, а можетъ быть и по злоупотребленію, авторъ «Пращицы» сдѣлалъ большой шагъ впередъ въ полемикѣ [4]). Еще большій шагъ сдѣлалъ авторъ «Обличенія», не нашедши въ греческомъ прологѣ указанія ни на благословеніе св. Мелетія, ни на чудесное явленіе огня. Замѣчательно, что Θеофилактъ ни до разбора свидѣтельства св. Мелетія, ни послѣ разбора, во многомъ отличнаго отъ прежнихъ полемистовъ, не упоминаетъ о послѣднихъ, молчаливо исправляя ихъ недостатки [5]).

Бо́льшую сравнительно полноту обслѣдованія можно видѣть при разборѣ Θеофилактомъ и другихъ свидѣтельствъ, приведенныхъ послѣдователями раскола въ пользу двуперстнаго сложенія. Сюда относятся: свидѣтельства Θеодорита, Петра Дамаскина, Максима Грека, Константина Панагіота, Стоглаваго собора и др. По поводу всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, на которыя ссылается авторъ «Пом. Отв.», Θеофилактъ даетъ довольно полныя объясненія, не прибѣгая къ повторенію чужихъ доказательствъ, и избѣгая голословности, неопредѣленности и темноты, вопреки своему противнику.

Второе свидѣтельство въ пользу двуперстія раскольники заимствуютъ изъ такъ называемаго «Слова Θеодорита». Подобно свидѣтельству св. Мелетія, «Слово Θеодорита» о двуперстіи вошло въ по-

[1]) Увѣт. л. 135.

[2]) Розыск. 25—26 гл.

[3]) Стогл. 31 гл.

[4]) Пращ. 67—8.

[5]) Облич. л. 10—11.

становленіе Стоглава и тѣмъ самымъ пріобрѣло себѣ каноническое значеніе. Въ «Стоглавѣ» оно приводится въ такомъ видѣ: «иже кто не знаменается двема персты, якоже и Христосъ, да есть проклятъ. Креститися и благословляти два дольніе, а третій верхній къ дольныма перстома, тоже согбеніе персту толкуетъ, преклонь бо небеса и сниде нашего ради спасенія, а два верхніе, и сима же двѣма благословити божество и человѣчество знаменатися подобаетъ и благословити; персты три совокупити низу, а два верхніи купно, тѣми благословити и знаменатися въ божество и человѣчество, такожe Мелетій Севастійскій и Θеодоритъ научаютъ насъ» [1]).

Авторы «Жезла» [2]), «Увѣта» [3]), «Розыска» [4]) и «Пращицы» [5]) оспаривали принадлежность «Слова» извѣстному учителю церкви Θеодориту Кирскому († 457 г.) на томъ основаніи, что защитники двуперстія не указывали того, въ какомъ изъ сочиненій Θеофилакта находится означенное изреченіе о двуперстіи. Для объясненія страннаго и строгаго свидѣтельства «Стоглава» о двуперстіи, авторъ «Розыска» нашелъ въ одномъ печатномъ экземплярѣ «Большаго Требника» иную редакцію «Слова Θеодоритова», гдѣ стояло слово крéститъ, а не крестится, именно: «аще кто не креститъ двумя перстами, якоже и Христосъ». «И абіе показалося», говоритъ св. Дмитрій Ростовскій, «ложь раскольническая. Въ печати написано: аще кто не креститъ; они же приложиша сіе *ся*; аще кто не крестится. Такъ они людей простыхъ обманываютъ лжами своими, прилагающе къ писаннымъ не писанная; ино бо есть крестити кого, а ино крестити себе» [6]). Сравнительно полнѣе сдѣлано опроверженіе Θеодоритова свидѣтельства авторомъ «Пращицы», который, съ одной стороны, рѣшительно отрицалъ принадлежность свидѣтельства Θеодориту, или другому какому-либо церковному писателю, съ другой—считалъ выдумкою раскольниковъ то, что они приписывали происхожденіе двуперстія Іисусу Христу и апостоламъ. Однако разборъ со стороны трехъ полемистовъ раскольническаго заблужденія не помѣшалъ автору «Пом. Отв.» представить снова «Θеодоритово Слово» въ доказательство двуперстія. У Денисова это свидѣтельство приведено въ такомъ видѣ: «Древній греческій учитель блаженный Θеодоритъ, поучаетъ и протолкуетъ: сице благословите рукою окреститься, три персты вкупѣ имѣти, во исповѣданіе святыя единосущныя Троицы; а двѣма перстома образо-

[1]) Стоглав., вопросъ 3, стр. 104.
[2]) Жезл., л. 62. 3.
[3]) Увѣт. л. 124.
[4]) Розыскъ, стр. 491—2.
[5]) Пращ. л. 68.
[6]) Розыскъ II ч., гл. 26, стр. 491.

вати оба естества во Христѣ, Божество и человѣчество, еже о семъ самого Θеодорита богословное писаніе во многихъ древлецерковныхъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгахъ, ясно засвидѣтельствуетъ» [1]). Приведеніемъ этого свидѣтельства Денисовъ и ограничился, не вдаваясь ни въ какія разъясненія.

Помимо другихъ соображеній, отчасти одинаковыхъ съ прежними полемистами, доказывающихъ ложность и несообразность ссылки на Θеодорита Кирскаго въ вопросѣ о двуперстіи, какъ вопросѣ не возбуждавшемся, и, слѣдовательно, неизвѣстномъ въ древне-христіанской церкви, Θеофилактъ приводитъ, въ опровержение Денисова, характеръ сочиненій Θеодорита, съ которымъ (характеромъ) не можетъ имѣть никакого соотношенія означенное свидѣтельство ни по предмету, ни по способу изслѣдованія. «И такъ-ли Θеодоритъ пишетъ и глаголетъ (какъ написано «свидѣтельство Θеодоритово» въ формѣ голословнаго повелѣнія), говоритъ авторъ «Обличенія»? «Посмотри въ его книги, прочти хотя едино слово (!), увидиши, каково у него сочиненіе, каково витійство, каково богословіе! Не обрящеши слова безъ утвержденія; не указы онъ пишетъ, но крѣпкіе доводы».

Опредѣленіемъ характера сочиненій Θеодорита Кирскаго Θеофилактъ обнаруживаетъ знакомство съ древнеотеческою литературою.— Къ новымъ соображеніямъ, ослаблявшимъ свидѣтельство изъ «Слова Θеодорита» и принадлежавшимъ лично Θеофилакту, относится то, что послѣднему удалось отыскать въ Патріаршей ризницѣ въ Москвѣ одинъ рукописный сборникъ, въ которомъ находился вложенный въ средину книги отдѣльный листокъ, заключавшій въ себѣ указаніе св. Θеодорита о томъ, какъ подобаетъ креститься, т. е. извѣстное «Слово Θеодоритово». По мнѣнію Θеофилакта, этотъ листокъ написанъ «отъ нѣкоего малоумнаго суевѣрца и въ помянутую книжицу вложенъ, на прельщеніе другимъ неразсуднымъ людямъ» [2]). Трудно судить теперь, насколько можно довѣрять послѣднему доводу автора «Обличенія».

Свидѣтельство Максима Грека.—Авторъ «Пом. Отв.» ссылается на преп. Максима Грека въ доказательство истинности двуперстія. Дѣйствительно, въ сочиненіяхъ Максима Грека находится одно и единственное мѣсто, благопріятствовавшее расколу въ вопросѣ о двуперстіи. «Преп. Максимъ Грекъ», говоритъ Денисовъ, «о знаменованіи честнаго креста засвидѣтельствуетъ и все вкупѣ благовѣрія таинство симъ исповѣдовати глаголетъ: совокупленіемъ тріехъ перстъ тайну святыя единосущныя Троицы, и протяженіемъ двою, указательнаго и средняго, сшедшася два естества во Христѣ исповѣдовати

[1]) Пом. Отв. стр. 47.

[2]) Обличеніе, Θеофилакта, л. 12.

поучаетъ» [1]). Такъ какъ Максимъ былъ грекъ, то изъ разсужденій Денисова слѣдовало, что въ греческой церкви было въ употребленіи двуперстіе, а не триперстіе. Но это мѣсто очень рано возбудило у православныхъ полемистовъ сомнѣніе въ принадлежности его автору по своей отрывочности, голословности и несообразности съ общимъ характеромъ сочиненій Максима Грека. Въ «Пращицѣ» Питиримъ опредѣленно развилъ свои сомнѣнія въ достовѣрности свидѣтельства Максима Грека о двуперстіи. По взгляду Питирима, означенное свидѣтельство отличается неопредѣленностію, двусмысленностію, т. е. оно склоняется въ доказательство двуперстія и триперстія; но такой неопредѣленности въ важномъ вопросѣ не могъ допустить Максимъ Грекъ, какъ человѣкъ ученый, наукою богословъ. Еслибы, разсуждалъ Питиримъ, Максимъ Грекъ былъ сторонникъ двуперстія, тогда отцы Стоглаваго Собора внесли бы мнѣніе Максима въ свое опредѣленіе «во свидѣтельство всѣмъ достовѣрное», чего однако не было [2]), хотя нужно сказать, что мнѣніе Максима Грека не могло имѣть въ то время надлежащаго вліянія и авторитета по причинѣ обвиненія Максима въ еретичествѣ и заточенія его въ монастырѣ. Сомнѣніе въ принадлежности свидѣтельства Максиму Греку Ѳеофилактъ довелъ до отрицанія, основываясь на слѣдующихъ остроумныхъ соображеніяхъ: 1) Ѳеофилактъ считаетъ Максима Грека такимъ писателемъ, который, подобно Ѳеодориту Кирскому, не могъ чего-либо утверждать безъ достаточнаго основанія и доводовъ,—2) тѣмъ болѣе не могъ писать неопредѣленно, давая отвѣтъ къ вопрошавшимъ его, какъ это видно изъ начала того «Слова», изъ котораго приводится самое свидѣтельство;—3) такъ какъ Максимъ Грекъ во всемъ былъ согласенъ съ греческою церковью, то не могъ и въ формѣ перстосложенія отступить отъ обычая своей церкви,—церкви, гдѣ употреблялось триперстіе, а не двуперстіе; 4) еслибы Максимъ Грекъ ставилъ сложеніе перстовъ въ догматъ, подобно раскольникамъ, то онъ объ этомъ упомянулъ бы, когда представлялъ свое исповѣданіе вѣры, оправдываясь противъ обвиненій въ еретичествѣ со стороны нѣкоторыхъ злобныхъ невѣждъ; 5) если Максимъ Грекъ предостерегалъ христіанъ не принимать писаній, не засвидѣтельствованныхъ отъ св. отцевъ, то какъ онъ могъ предлагать ученіе о перстосложеніи безъ подтвержденія писаніями св. отцевъ; 6) авторъ «Обличенія» придавалъ значеніе и тому обстоятельству, что свидѣтельство преп. Максима Грека находилось въ сборникахъ сочиненій его, не въ одной и той же главѣ, а въ разныхъ, то въ 40-й, то 32-й, то въ 33-ей,—отсюда онъ выво-

[1]) «Пом. Отв.» 49.

[2]) «Пращ.» л. 141—142.

дилъ заключеніе о подложности свидѣтельства подобно слову Өеодоритову [1]).

Отзывъ Өеофилакта о Стоглавомъ Соборѣ.—Постановленіе Стоглаваго Собора о двуперстіи, какъ и самый Соборъ, подверглись безпощадному разбору со стороны Өеофилакта. Это было необходимо сдѣлать по причинѣ чрезвычайнаго значенія и авторитета, какимъ пользовалось въ глазахъ раскола соборное опредѣленіе 1551 г. о двуперстіи, хотя оно и не имѣло уже каноническаго значенія со времени 1666—67 г. Разбору этому посвященъ цѣлый трактатъ (15—20 л.), въ которомъ доказывается, путемъ аналогій и фактовъ, не только возможность заблужденія членовъ Стоглаваго Собора, хотя бы и извѣстныхъ тогда святостію жизни, но и дѣйствительность уклоненія ихъ отъ истины, какъ въ вопросѣ объ употребленіи двуперстнаго крестнаго знаменія, такъ и въ мнѣніяхъ о другихъ предметахъ, какъ напр., въ постановленіяхъ о брадобритіи, объ аллилуіа, о наложеніи жестокой клятвы (проклятія) на некрестящихся двумя перстами и т. п. Съ ослабленіемъ значенія Собора должны были ослабѣть и сдѣланныя имъ постановленія.

Авторъ «Пращицы» о Стоглавомъ Соборѣ сдѣлалъ отзывъ словами Московскаго Собора 1666—67 г. [2]). Къ сказанному Питиримомъ Өеофилактъ прибавилъ еще нѣсколько своихъ соображеній для доказательства канонической несостоятельности собора 1551 г., неосновательности его постановленій и противорѣчиваго отношенія къ нему со стороны раскольниковъ.

Лучшимъ доказательствомъ истинности и древности мнѣнія Денисова о двуперстіи была бы, по взгляду Өеофилакта, ссылка не на единичныя и сомнительныя свидѣтельства, а на свидѣтельства вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ; но вопросъ о перстосложеніи не былъ предметомъ обсужденія на соборахъ, ни на помѣстныхъ, ни вселенскихъ,—посему раскольники не могли и не могутъ представить такихъ несомнѣнныхъ и древнихъ свидѣтельствъ. Свидѣтельство отъ Стоглаваго Собора не дѣйствительно, потому что Соборъ этотъ происходилъ безъ вѣдома, безъ согласія и утвержденія (его рѣшеній) вселенскою церковью, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя постановленія его неправильны. Сюда относится: постановленіе о брадобритіи, за допущеніе котораго, по Стоглаву, люди, творящіе сіе ради угожденія человѣческаго, противящеся законамъ ненавидимы будутъ отъ Бога, создавшаго насъ по образу Своему, какъ будто-бы образъ Божій состоитъ въ бородѣ. «Сице мнѣти», по словамъ Өеофилакта, «есть глуп-

[1]) Обличеніе, л. 14.

[2]) Пращица, л. 75—77.

шею ересью недуговати, нежели держаться антропоморфическихъ (человѣкообразныхъ) представленій о Божествѣ. Особенно странными представляются мнѣнія Собора о двуперстіи, соединенныя съ тяжкими проклятіями на тѣхъ, кто не знаменуется двуперстно, какъ будто бы сложеніе перстовъ было догматомъ вѣры, безъ котораго нельзя спастися, «хотя бы кто правую всю вѣру имѣлъ и весь законъ исполнилъ». Изъ строгаго постановленія Собора о не крестящихся двуперстно Ѳеофилактъ вывелъ нелѣпыя слѣдствія: «И сицевымъ неразсуднымъ изреченіемъ коснулися всѣхъ православныхъ христіанъ во иныхъ странахъ, не подъ ихъ властію сущихъ, знаменавшихся и знаменающихся тремя персты, отлучили отъ спасенія и младенцевъ, никакими персты не знаменующихся, отлучили больныхъ, связанныхъ и необученыхъ перстному ихъ сложенію» [1]).

Авторъ «Обличенія» обратилъ вниманіе на то, что Денисовъ вмѣстѣ съ другими раскольниками поставилъ себя въ противорѣчіе съ постановленіями Собора, когда допустилъ одно заблужденіе, состоявшее въ прибавленіи къ 8-му члену Символа вѣры слова *истиннаго*, вопреки постановленію «Стоглаваго Собора» [2]). «Что имъ пріятно, то отъ Собора утвердити хощутъ; а что непріятно, въ томъ противятся тому же Собору. Не на утвержденіе убо своего суевѣрія приводятъ онаго Собора уставленіе о перстосложеніи, но на прельщеніе иныхъ: а сами единымъ своимъ суемудріемъ утверждаются и упрямствомъ, якоже всѣмъ еретикомъ есть свойственно».

Указывая на погрѣшительныя мнѣнія и постановленія отцовъ Собора 1551 г., Ѳеофилактъ не оспаривалъ святости нѣкоторыхъ изъ членовъ Собора, на которой настаивалъ Денисовъ, но разрѣшалъ это видимое противорѣчіе ссылкою на мнѣніе Максима Грека о совмѣстимости заблужденія съ святостію жизни; мнѣніе это Максимъ Грекъ высказалъ тогда, когда отстаивалъ сдѣланныя имъ исправленія книгъ, которыми (т. е. неисправленными, заключавшими въ себѣ невѣрныя мысли) чудотворцы угодили Богу и спаслись. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ принять во вниманіе ученіе св. апостола Павла о различіи дарованій Св. Духа, даваемыхъ людямъ каждому на пользу, и (1 Коринѳ. 12, 7—9) *заблужденіе*—нѣкоторыхъ *святыхъ* апостоловъ въ вопросѣ объ отношеніи христіанъ къ обрядовому Моисееву закону (Дѣян. 15, 24).

Изъ сказаннаго видно, что сужденія автора «Обличенія» вращаются и сосредоточиваются въ области разумныхъ соображеній; спорные вопросы разсматривались со стороны ихъ сущности и важ-

[1]) Облич., Ѳеофилакта, л. 7.

[2]) Стогл. Соб., гл. 9.

Bayerische Staatsbibliothek München

ности. Есть еще двѣ стороны въ этомъ вопросѣ, которыхъ нельзя не коснуться при характеристикѣ «Обличенія». При разсмотрѣніи этихъ сторонъ можно видѣть, во-первыхъ, положительный взглядъ Θеофилакта на отношеніе между двуперстіемъ и триперстіемъ, а во-вторыхъ не совсѣмъ удачный способъ примиренія широкихъ взглядовъ полемиста съ практическими требованіями.

Въ своемъ мѣстѣ мы изложили основные взгляды Θеофилакта на спорные вопросы и вопросъ о крестномъ знаменіи, какъ первый спорный предметъ, въ разсужденіи о которомъ полемисту пришлось много высказать общихъ замѣчаній и мыслей, приложимыхъ и къ другимъ вопросамъ. По вопросу о формѣ перстосложенія Θеофилактъ частнѣе развиваетъ свои мысли въ томъ смыслѣ, что крестное знаменіе, по подобію креста Господня творимое, одинаково можетъ изобразиться, не только двумя или тремя перстами, не и единымъ и цѣлою рукою. Сложеніе перстовъ, трехъ, двухъ или одного бываетъ не ради знаменія крестнаго, какъ внѣшняго условнаго обнаруженія, но для выраженія внутреннихъ мыслей, представленія о св. Троицѣ, о соединеніи двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ, о единствѣ божества и Св. Троицы. Подтвержденіе этихъ мыслей полемистъ находитъ въ тѣхъ древнихъ церковныхъ писателяхъ, которые, похваляя крестное знаменіе, и великую пользу его доказывая, ничего не говорятъ о сложеніи перстовъ и тѣмъ самымъ число перстовъ и форму сложенія ихъ считаютъ дѣломъ второстепеннымъ, не важнымъ. Дѣйствительно, соединенныя съ триперстіемъ или двуперстіемъ представленія о свойствахъ и отношеніяхъ лицъ Св. Троицы настолько условны и несовершенны, что эти формы крестнаго знаменія не могутъ служить, по словамъ Θеофилакта, совершеннымъ подобіемъ живоначальныя Троицы, тайна Которой превосходитъ всякое созданное естество, всякое подобіе, и не только это, но и всякъ языкъ, умъ человѣческій и ангельскій. Когда говоримъ: три персты совокупленные составляютъ Троицу божественныхъ Ипостасей, а два Двоицу естествъ І. Христа, сіе глаголемъ по изволенію нашему, а не по естеству перстовъ нашихъ, яко бы то собою изъявляющихъ. Повидимому, это принуждены признать и выговцы,— когда они на вопросъ—какимъ перстомъ какую Ипостась изображать, отвѣчали: «сего намъ св. отцы не предаша и опредѣлити не повелѣша»; однако это не воспрепятствовало раскольникамъ полагать въ перстахъ тщетную свою вѣру и спасеніе. Эти мысли Θеофилакта направлены противъ возраженій Денисова о несоотвѣтствіи и невозможности изобразить въ триперстномъ сложеніи различіе и единство естествъ во Іисусѣ Христѣ распятомъ. «Сомнительно», говорилъ Денисовъ, «тремя перстами образовати распятіе Христово; понеже во Христѣ распеньшемся естествъ различіе, а не Ипостасей исповѣдати научаемся; въ три-

перстномъ же знаменованіи Ипостасей различіе, а не естествъ изъявляется; во Христѣ распеньшемся Ипостаси единство, а не естества исповѣдати повелѣваемся; въ триперстномъ же знаменованіе естества единство, а не Ипостасей исповѣдается» [1]).

Изъ приведеннаго мѣста видно, что Денисовъ условному и усвоенному обычаемъ придавалъ значеніе догматическое, въ противоположность взглядамъ Өеофилакта.

Нельзя не цѣнить высокихъ взглядовъ автора «Обличенія». Этотъ свободный взглядъ приложимъ не къ одному только крестному знаменію, но и къ другимъ спорнымъ предметамъ, поселявшимъ вражду и отчужденіе между православными и раскольниками. Прямое слѣдствіе отсюда должно бы состоять въ предоставленіи раскольникамъ свободы въ употребленіи двуперстнаго сложенія, такъ какъ и триперстное сложеніе не было какимъ-либо неизбѣжнымъ требованіемъ, необходимымъ для спасенія, а само было нѣчто условное, вмѣсто чего въ первоначальной церковной практикѣ могъ быть какой-либо другой символъ, иная форма крестнаго знаменія, какъ это теперь, при лучшемъ знакомствѣ съ древнею исторіею, и основательно допускается; на основаніи нѣкоторыхъ соображеній можно думать, что въ древнехристіанской церкви крестное знаменіе изображалось *однимъ* перстомъ [2]). Дать свободу въ употребленіи двуперстія или триперстія могли побуждать соображенія о невѣжествѣ и упорствѣ раскольниковъ, изъ среды которыхъ не могъ стать выше буквальнаго пониманія христіанскаго ученія такой видный и книжный представитель, какъ Денисовъ. Однако этого не случилось. Повидимому, свободолюбивый въ области теоретическихъ общихъ разсужденій, Өеофилактъ отличается строгостію и нетерпимостію въ практическомъ отношеніи, въ дѣлѣ уступокъ и соглашенія, дѣлаемыхъ обыкновенно людьми благоразумными—упорнымъ, сильными—слабымъ, старшими—дѣтямъ. Мы имѣли уже случай ознакомиться со взглядами автора «Обличенія» на вопросъ о триперстной формѣ крестнаго знаменія, издавна бывшей въ церковномъ употребленіи, но измѣненной раскольниками въ двуперстіе. Стоя твердо на требованіи отъ раскольниковъ употребленія триперстія, какъ формѣ крестнаго знаменія, освященной и узаконенной обычаемъ и свидѣтельствами, Өеофилактъ допускалъ не-послѣдовательность въ основныхъ своихъ взглядахъ на значеніе формы перстосложенія въ изображеніи крестнаго знаменія. Эту непослѣдовательность въ принципѣ и на практикѣ видѣлъ самъ Өеофилактъ, но старался оправдать ее, ссылаясь на упорство и злобу раскольниковъ, которымъ старался

[1]) Пом. Отв. 303.

[2]) См. у арх. Павла. Замѣч. на Пом. Отв., 98—99 стр.

противопоставить настойчивость и послѣдовательность въ принятіи установившихся взглядовъ и отчасти мѣръ противъ приверженцевъ старины. Сходясь въ этомъ отношеніи со своими предшественниками-полемистами, Өеофилактъ отличается отъ нихъ проведеніемъ и разъясненіемъ болѣе возвышенныхъ и оригинальныхъ воззрѣній на важнѣйшій вопросъ о крестномъ знаменіи. Такимъ образомъ, правильная точка зрѣнія, на которой стоялъ авторъ «Обличенія», могла служить почвою и источникомъ мыслей, приведшихъ впослѣдствіи къ возможности соглашенія между противными сторонами въ формѣ единовѣрія.

Вопросъ о формѣ креста Господня.

Въ вопросѣ о крестѣ раскольники обнаружили привязанность къ чисто внѣшней случайной особенности. «Якоже знаменія крестнаго силу не отъ креста Господня, но отъ сложенія перстовъ», говоритъ Өеофилактъ, «тако и самого креста Господня, не отъ Христа распятаго на немъ, но отъ сложенія древъ нѣкіихъ мнятъ быть раскольщики; понеже крестъ не всякій почитаютъ, но только сложенный по ихъ мудрованію; требуютъ, чтобы крестъ состоялъ изъ трехъ древъ, имѣлъ бы дщицу на крестѣ, словомъ, былъ бы осьмиконечный; а четыреконечнаго креста раскольники не почитаютъ, не поклоняются ему, а хулятъ его, называя его крыжемъ латинскимъ». Требованіе раскольниками указанныхъ трехъ условій отъ креста, употребляется ли онъ при общественномъ богослуженіи, частномъ, или въ домашнемъ быту, возведено въ нѣчто особенное, догматическое, въ членъ вѣры, необходимый для спасенія.

Өеофилактъ разсматриваетъ этотъ вопросъ широко, со многихъ сторонъ, рѣшая всѣ бывшія, сдѣланныя Денисовымъ и возможныя возраженія со стороны приверженцевъ старины. Сравнивая разборъ автора «Обличенія» въ этомъ отношеніи съ прежними полемистами, нужно признать за нимъ преимущество въ рѣшеніи дѣла. Өеофилактъ не только усвоилъ труды своихъ предшественниковъ, самостоятельно критически отнесся къ нимъ, изложилъ въ болѣе литературно-научной формѣ, но и привелъ не мало своихъ соображеній отчасти путемъ анализа извѣстныхъ до него данныхъ, отчасти путемъ чтенія и провѣрки многочисленныхъ источниковъ и свидѣтельствъ въ области церковной исторіи, археологіи и старопечатной письменности. Авторъ «Обличенія» отнесся рѣшительно и опредѣленно къ тому, къ чему его предшественники отнеслись или безразлично, или даже совсѣмъ уклончиво, отказываясь отвѣчать по незнанію, ставя такимъ образомъ себя и защищаемое ими дѣло въ невыгодное положеніе. Такъ, Өеофилактъ съ недовѣріемъ относится къ повѣсти «Розыска» о со-

ставѣ дѣйствительнаго историческаго креста Господня изъ трехъ древъ—кедра, певга и кипариса, какъ повѣсти апокрифической, на которую раскольники могли опираться въ подтвержденіе своего мнѣнія о трисоставности креста [1]).

На 112-й вопросъ, предложенный діаконовцами Питириму и требовавшій объясненія извѣстныхъ словъ изъ пророчества Исаіи (60 гл., ст. 13), авторъ «Пращицы» отказался отвѣчать по незнанію даже того, есть ли отеческія толкованія на означенное изреченіе, но которое раскольники съ Денисовымъ во главѣ относили къ кресту Христову, какъ осьмиконечному и приготовленному изъ извѣстныхъ древъ,—тогда какъ Ѳеофилактъ написалъ по тому же вопросу цѣлый трактатъ, показавши свое знакомство съ отеческими комментаріями и извлекши изъ нихъ въ свою пользу все, что было можно. Толкованія Ѳеофилакта библейскихъ мѣстъ отличаются ясностью, исключающею буквализмъ и символизмъ, свойственные Денисову.

Всѣ разсужденія Ѳеофилакта, направленныя противъ Денисова въ обличеніе пристрастія къ осьмиконечному кресту, отличаются широтою взгляда, основательностію, остроумными сближеніями, самымъ очевиднымъ образомъ доводившими противника до нелѣпыхъ выводовъ. У Ѳеофилакта есть какая-то особенная способность находить очень простое объясненіе вопросамъ, въ глазахъ противниковъ мудренымъ. Такъ, извѣстная изъ «Розыска» повѣсть о составѣ креста Господня нашла весьма удачное объясненіе въ своемъ происхожденіи у Ѳеофилакта. По мнѣнію полемиста, когда благочестивые христіане начали, со времени св. Константина Великаго, почитать образъ креста, нося при себѣ и поставляя его въ разныхъ мѣстахъ; то стали, для приданія ему большей чести, думать и желать, чтобы крестъ былъ сдѣланъ не изъ худаго матеріала, а самаго лучшаго, т. е. если не изъ сребра и золота, то изъ дорогихъ и негніющихъ деревъ, которыми признавались всегда—кедръ, певгъ и кипарисъ. Кресты изъ такихъ деревъ и вошли въ большое употребленіе. Впослѣдствіи времени многіе, по простотѣ и невѣжеству, стали думать, что и самый крестъ, на которомъ распятъ былъ Христосъ, составленъ изъ указанныхъ трехъ древъ; а церковные пѣснописцы, зная такое народное мнѣніе о составѣ евангельскаго креста, но не изслѣдовавши достовѣрности его, и заботясь о краснорѣчіи, написали согласно съ господствовавшимъ мнѣніемъ (въ октоихѣ гласъ 3-й), «яко на кедрѣ, и певгѣ, и кипарисѣ Господь нашъ распятъ бысть». Это мѣсто изъ канона 3-го гласа Денисовъ приписываетъ св. Іоанну Дамаскину, что отвергаетъ Ѳеофилактъ, хотя и при допущеніи мнѣнія о принадлеж-

[1]) Розыск. (394—405).

ности канона Дамаскину дѣло не склоняется въ пользу раскольниковъ вслѣдствіе того, что въ канонѣ говорится о трисоставномъ древѣ, а раскольникамъ нуженъ четыресоставный, т. е. осьмиконечный крестъ [1]).

Для убѣжденія раскольниковъ въ четвероконечной формѣ креста Христова, Ѳеофилактъ приводитъ, между многими соображеніями, и слѣдующее, оригинальное, заимствованное изъ разбора извѣстнаго разсказа объ обрѣтеніи царицею Еленою животворящаго креста Господня въ 326 году. Если бы, по мысли Ѳеофилакта, крестъ Господень былъ осьмиконечный, т. е. четверочастный, и составленъ изъ извѣстныхъ дорогихъ древъ, то не было бы никакой нужды прибѣгать къ особенному чудесному способу для отличія его отъ другихъ двухъ крестовъ разбойниковъ; если прибѣгали, то слѣдовательно всѣ три креста были одинаковы по составу и устройству. Не мало доказательствъ въ пользу четвероконечности креста авторъ «Обличенія» приводитъ изъ разсмотрѣнія обстоятельствъ смерти Іисуса Христа, не дозволявшихъ позаботиться о сооруженіи «почетнаго» креста для Іисуса Христа, изъ умолчанія объ этомъ евангелія, апостольскихъ писаній и другихъ соображеній, взятыхъ полемистомъ «отъ богословнаго разсужденія», каково, напримѣръ слѣдующее: «на злодѣйскомъ (т. е. одинаковомъ съ двумя злодѣйскими) крестѣ пригвожденъ былъ Спаситель нашъ, понеже Онъ, аще и былъ Агнецъ непороченъ и безскверненъ, по неправедному суду іудейскому и Пилатову, какъ злодѣй осужденъ былъ на смерть крестную, поносную, злодѣйскую, по пророчеству Исаіи: «зане предана бысть на смерть душа Его, и со беззаконными вмѣнися» (Исаія, 53).

Вопросъ о начертаніи и произношеніи имени Іисусъ.

Вопросъ объ имени Іисусъ разсматривался въ «Розыскѣ» и «Пращицѣ» въ обличеніе мнѣнія раскольниковъ, стоявшихъ за правильность произношенія и писанія Ісусъ, а не Іисусъ, какъ правильно употребляли православные. Если гдѣ, то здѣсь аргументація Денисова была весьма слаба; она состояла въ защищеніи раскольническаго мнѣнія отъ насмѣшливаго и рѣзкаго отношенія къ спорному предмету авторовъ «Розыска» и «Пращицы» и въ искусственномъ подборѣ изъ старопечатныхъ и древне-письменныхъ книгъ такихъ мѣстъ, въ которыхъ слово ошибочно употреблено въ благопріятномъ для раскольниковъ смыслѣ и опущеніи мѣстъ неблагопріятныхъ для раскола, т. е. гдѣ употреблено слово правильно.

[1]) Облич. л. 43—44.

Установивъ правильность имени Іисусъ на основаніи перевода LXX, его филологическаго значенія въ соотвѣтствіи съ евангельскимъ, Θеофилактъ опровергаетъ доводы Денисова указаніемъ на двоякое одновременное начертаніе имени Іисусъ въ старинныхъ книгахъ: Ἰησοῦς и Ἰσοῦς, чрезъ η и ι, тогда какъ Денисовъ привелъ начертаніе чрезъ ι, опуская чрезъ η. Если, разсуждаетъ Θеофилактъ вопросительно, неправо писано съ одною итою безъ іоты, то слѣдуетъ усомниться и въ правильности написанія съ одною іотою безъ иты. Ничѣмъ нельзя доказать преимущества послѣдняго предъ первымъ способомъ начертанія. Для рѣшенія спора и недоумѣній Θеофилактъ утверждаетъ, что имя Іисусъ заключало и заключаетъ въ себѣ обѣ литеры, іоту и иту, а переписчики, по невѣжеству и для сокращенія, употребляли то ту, то другую букву. Къ рѣчи Θеофилакта по данному вопросу можно прибавить еще слѣдующее. Неправильное употребленіе раскольниками имени «Ісусъ» вмѣсто «Іисусъ» дало св. Дмитрію Ростовскому и Питириму нижегородскому поводъ производить это слово отъ греческаго языка, отчего явилось оскорбительное и кощунственное для религіознаго чувства понятіе. «И по таковому произведенію» (ἴσος равный и οὖς ухо) пишетъ Θеофилактъ, «Ісусъ будетъ изъявляти не Спасителя, но равноуха: якоже то уже въ Розыскѣ и въ Пращицѣ показано. Но сицевое произведеніе не токмо ангельскому благовѣстію, и самой вещи противно, но и раскольщикомъ непріятно: сіе, рече, жестокословіе слышати, болѣзненно намъ и сомнительно, и опасно зѣло: изрядно глаголете, но разсудите, отъ кого вамъ сія болѣзнь, аще истину глаголете; отъ васъ самихъ, иже безумнымъ упрямствомъ своимъ таковое имя Спасителю, еже не Спасителя, но равноуха знаменуетъ, причитаете: а не отъ Розыска ни отъ Пращицы вамъ сія болѣзнь, которые отводя васъ отъ таковаго безумія и болѣзни, показали, что имя Ісусъ безъ иты, равноухаго знаменуетъ». Денисовъ доказывалъ невѣрность толкованія слова «ἰσοῦς»православными полемистами. Возраженію Денисова: «отъ двухъ именъ «ἴσος» и «οὖς», сложенныхъ во едино, Ἰσοσῆς будетъ, а не Ісусъ», Θеофилактъ противоставляетъ объясненіе: въ сложеніи двухъ или множайшихъ именъ, усѣченіе бываетъ не только въ греческомъ, но и въ русскомъ языкѣ, какъ напримѣръ: ἴσος и ἄγγελος по сложеніи пишется не Ἰσοσάγγελος, но Ἰσάγγελος (Лук. 20, 36) [1]).

Вопросъ объ аллилуіа.

Въ вопросѣ объ аллилуіа Θеофилактъ обстоятельно и подробно опровергъ всѣ основанія и доводы Денисова, направленные къ защи-

[1]) Облич. л. 81 обор.

щенію двоенія аллилуіа—съ одной стороны, и утвердилъ церковный взглядъ на троеніе аллилуіа—съ другой. Послѣдняя положительная сторона въ этомъ вопросѣ вытекала изъ первой критической. Особенности разбора мнѣнія въ пользу сугубаго аллилуіа состояли въ указаніи несообразностей и противорѣчій въ пресловутой повѣсти изъ житія преп. Евфросина Псковскаго,—несообразностей и противорѣчій, на которыя указывалъ еще Неофитъ, но которыхъ не хотѣлъ признать Денисовъ изъ-за уваженія къ святости и непогрѣшимости Отцевъ Стоглаваго Собора. Посредствомъ разбора житія преп. Евфросина, на которомъ Стоглавый Соборъ основывается въ своемъ опредѣленіи о сугубомъ аллилуіа, Ѳеофилактъ указалъ на многія хронологическія и логическія несообразности житія, побуждающія признать соборное постановленіе объ аллилуіа невѣрнымъ. Неизвѣстность списателя житія, заключающіяся въ немъ еретическія мысли, вложеніе въ уста Божіей Матери странныхъ мыслей о двоеніи аллилуіа, какъ какой-то тайны, обусловливающей дѣло спасенія людей, самый характеръ сообщенныхъ свѣдѣній въ состояніи сновидѣнія, а не въ дѣйствительности, невѣрность толкованія слова аллилуіа самого по себѣ и значенія употребленія его въ Апокалипсисѣ (19, 1—6)—все это вмѣстѣ съ ошибками въ годахъ, лицахъ и событіяхъ давало Ѳеофилакту полное право отвергать сказаніе изъ житія св. Евфросина, какъ нелѣпость, а автора его считать «предерзкимъ и преглупымъ плутомъ» [1]).

Подробный разборъ житія преп. Евфросина, принадлежащаго неизвѣстному составителю, привелъ автора «Обличенія» къ признанію слѣдующаго анахронизма. Въ житіи говорится о томъ, что преп. Евфросинъ писалъ къ архіепископу Новгородскому Евѳимію посланіе, прося его признать общеобязательнымъ двоеніе аллилуіа, но получилъ отвѣтъ отрицательный, состоявшій въ томъ, что Евфросинъ можетъ двоить аллилуіа, если считаетъ свое мнѣніе правымъ, а другимъ пусть не зазираетъ, если они вмѣсто двоенія аллилуіа, будутъ троить [2]). Время написанія посланія и полученія отвѣта относилось къ концу жизни Евфросина; оно писано было послѣ взятія (1453) турками Царьграда (куда будто-бы ходилъ Евфросинъ для удостовѣренія въ истинѣ двоенія аллилуіа); Евфросинъ умеръ 1481 г., между тѣмъ какъ Евѳимій Новгородскій умеръ гораздо раньше, въ 1458 г. Если посланіе было писано, то оно могло быть послано только въ промежутокъ времени между 1453 и 1458 гг., т. е. въ продолженіе 5-ти лѣтъ. Но такъ какъ время отправленія посланія авторъ житія отнесъ къ концу жизни преп. Евфросина, то, по мнѣнію Ѳеофилакта, раздѣляемому и новѣй-

[1]) Облич. л. 95.

[2]) Макарій. «Исторія русской церкви», т. VIII, 133—4.

шими учеными, оказывается, что преп. Евфросинъ писалъ къ Евѳимію уже по преставленіи его, т. е. живой къ умершему и отъ умершаго получилъ отвѣтъ [1]).

Непослѣдовательность и противорѣчіе Ѳеофилактъ указывалъ и въ ссылкѣ Денисова на автора житія преп. Евфросина, какъ лицо неизвѣстное по имени. Если при судебномъ разборѣ требуется свидѣтель извѣстный и незазорный, то тѣмъ болѣе нуженъ свидѣтель извѣстный и надежный въ дѣлахъ, относящихся къ вѣрѣ. Въ приведеніи авторомъ «Пом. Отв.» доказательства отъ неизвѣстнаго списателя житія въ пользу двоенія аллилуіа Ѳеофилактъ видѣлъ великую слѣпоту и злобу раскольническую: слѣпоту въ томъ, что они инымъ показуютъ то, чего сами не вѣдятъ; злобу въ томъ, что они видяще не видятъ, т. е. «притворяютъ себѣ невѣдѣніе». Здѣсь авторъ «Обличенія» имѣетъ въ виду одно свидѣтельство въ пользу триперстнаго сложенія, принадлежащее иподіакону Дамаскину въ сочиненіи его «Ѳисавросъ» и приведенное Ѳеофилактомъ въ трактатѣ о двуперстіи для установленія достовѣрности и доказательности триперстія въ опроверженіе Денисова, какъ оспаривавшаго свидѣтельство Дамаскина на основаніи непринадлежности послѣдняго къ числу святыхъ и неподкрѣпленія означеннаго свидѣтельства свидѣтельствами святыхъ. «Аще убо вы сицевыхъ ради винъ по совѣсти усумнѣваетеся о Дамаскиновомъ ученіи, еже есть о треперстномъ сложеніи, для чего сицевыхъ же ради винъ не усумнѣваетеся о повѣсти списателя житія Евфросинова о двугубой аллилуіа; для чего о немъ не глаголете: той списатель въ лицѣ святыхъ Божіихъ нигдѣже поминается, и со святыми въ книгахъ древлецерковныхъ не числится. Не обрѣтается въ числѣ учителей церковныхъ, и не токмо учительствъ его, но ниже имене его въ Россіи слышася когда. Еже о двогубой аллилуіи написа, не утверди писанія своего свидѣтельствы святыхъ, но кому вы вѣрите, пріемлюще повѣсть о двогубой аллилуіи написанную въ житіи преп. Евфросина; ино что отвѣщати невозможно имене того списателя невѣдущымъ, какими ни есть ухищренными словесы, кромѣ сего: не вѣдаемъ кому вѣримъ, понеже и имене того списателя не знаемъ. Обаче вы на повѣсти того списателя о двогубой аллилуіи утверждаетеся доброю вашею совѣстію; о, исполненніи всякія злобы и неправды, премерзскіи плуты» [2]).

Авторъ «Обличенія» подробно и основательно разсмотрѣлъ повѣсть о житіи преп. Евфросина потому особенно, что житіе это послужило «Стоглавому Собору» основаніемъ для извѣстнаго постановленія о двоеніи аллилуіа. Такимъ образомъ ослабленіемъ основанія

[1]) Обличеніе. л. 106.

[2]) Облич. л. 99—100.

Θеофилактъ опровергалъ самое постановленіе Собора, чрезъ что отвергалъ каноническое значеніе Собора.

Разбору вопроса объ аллилуіа Θеофилактъ посвятилъ обширный трактатъ, отличающійся полнотою и основательностью обслѣдованія. Нужно, впрочемъ, сказать, что по данному вопросу Θеофилактъ имѣлъ хорошихъ руководителей въ лицѣ авторовъ «Пращицы» и «Жезла Правленія»; авторъ «Увѣта» буквально повторилъ по данному вопросу, какъ и по другимъ, разсужденія «Жезла». То, что намѣчено было означенными авторами, Θеофилактомъ развито и выяснено подробнѣе.

Θеофилактъ признавалъ существованіе обычая до «Стоглаваго Собора» двоенія и троенія аллилуіа, каковой обычай могъ продолжаться и послѣ, не нарушая мира и не приводя приверженцевъ его къ раздѣленію и враждѣ; однако случилось противное. Нельзя было, дѣйствительно, и отрицать существованія двоякаго употребленія аллилуіа во времена до «Стоглаваго Собора». Изъ-за употребленія сугубаго и трегубаго аллилуіа происходили извѣстные споры въ г. Псковѣ, въ 1455—1481 гг. Въ доказательство двоенія пѣсни, а не троенія, авторъ «Пом. Отв.» представилъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ изъ древнихъ рукописныхъ, старопечатныхъ и даже новопечатныхъ, исправленныхъ при патріархѣ Никонѣ (1653 г.) книгъ, въ которыхъ предписывалось двоить аллилуіа [1]). При разсмотрѣніи этихъ свидѣтельствъ Θеофилактъ не придавалъ значенія тѣмъ изъ нихъ, какія заимствованы были изъ книгъ, написанныхъ и напечатанныхъ *послѣ* 1551 г., со времени «Стоглаваго Собора», какъ потерявшаго всякое руководственное значеніе со всѣми его особенно неправильными постановленіями; свидѣтельства о двоеніи аллилуіа древнѣйшія, относившіяся ко времени до «Стоглаваго Собора», Θеофилактъ старался объяснить тѣмъ соображеніемъ, что дважды употребленное аллилуіа («по псалмоглаголаніи на концѣ славъ») написано краткости ради, а не ради наставленія, аки бы должно пѣти токмо по дважды, якоже во многихъ (мѣстахъ богослужебныхъ книгъ) и Слава Тебѣ Боже оставлено, обаче чтущіе не оставляютъ, но прибавляютъ [2]) что нужно; есть, по словамъ Θеофилакта, и такія книги (точно не указывая), гдѣ ради краткости не написано аллилуіа и однажды, однакоже это не даетъ основанія для подтвержденія сугубой аллилуіа. Разборъ этихъ свидѣтельствъ сопровождается упрекомъ Денисову въ склонности его ссылаться на свидѣтельства изъ такихъ старыхъ книгъ, имѣть которыя не всякій можетъ,—не всякій можетъ поэтому и обличать раскольниковъ во лжи.

[1]) Пом. Отв. 16—17 вопр.

[2]) Облич. л. 110—111.

Но главную силу убѣдительности въ истинѣ сугубой аллилуіа авторъ «Пом. Отв.» основывалъ на постановленіи «Стоглаваго Собора», на который Денисовъ опирался, какъ на краеугольный камень и въ данныхъ, и въ другихъ вопросахъ. Неоднократная ссылка Денисова на соборъ 1551 г. уясняла ту мысль, что постановленіемъ о сугубой аллилуіа отцы Собора утвердили не что-либо *нововводное*, но исконный древне-церковный обычай двоенія аллилуіа въ опроверженіе и отверженіе уклоненія отъ него, бывшаго во Псковѣ и другихъ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новгородской области. Отвѣтомъ на всѣ разсужденія Денисова былъ подробный и критическій научный разборъ житія преподобнаго Евфросина.

Чтобы видѣть, какъ относился Денисовъ къ тѣмъ несообразностямъ, противорѣчіямъ и даже еретическимъ мыслямъ, которыя допустилъ неизвѣстный авторъ житія преп. Евфросина и на которыя указывалъ еще іеромонахъ Неофитъ въ вопросѣ 19-мъ [1]), считаемъ нужнымъ привести небольшой отрывокъ изъ своеобразныхъ хитроумныхъ разсужденій автора «Пом. Отв.».

Вопросъ Неофита состоялъ въ томъ: какъ можно утверждаться въ пользу двукратнаго аллилуіа на житіи преп. Евфросина Псковскаго, повѣря соннымъ его мечтательствамъ, исполненнымъ лжи, несогласія съ святою церковью и ересей?—Хотя Неофитъ не указалъ подробно, какія ереси и несообразности заключались въ житіи Евфросина, но изъ отвѣтовъ Денисова (19-го—20-го) видно, что послѣднему извѣстны были всѣ подробности изъ житія, странныя и невѣроятныя.

Отвѣтъ Денисова составленъ искусно, лукаво и офиціально. Выходя изъ положенія о признаніи житія преп. Евфросина, какъ мужа святаго, отцами «Стоглаваго Собора» достовѣрнымъ, Денисовъ вращается въ слѣдующихъ общихъ разсужденіяхъ: «вѣдый вся Господь Богъ въ россійстѣй церкви, прочитаемо житіе преподобнаго видя и двойственное аллилуіа славословимо слыша, съ симъ славословіемъ множество святыхъ прослави и предивными знаменіи и чудесы почте. Тѣмъ же како мы послѣдніи, на толико прославленную Богомъ святую церковь смѣемъ возвыситися и ересьми и лжами дерзословнѣ порицати? Аще ли отъ васъ многимъ стязаніемъ и наношеніемъ порицается писанное житіе преп. Евфросина; но мы древле православнѣй церкви покоряющеся исторію сію о преподобнѣмъ древле писанную церковію пріятую и священными отцы содержанную и не зазрѣнную вѣрно пріемлемъ и отметати и порицати не смѣемъ; толковати-же, истязовати богословныхъ въ повѣсти сей глаголовъ

[1]) Пом. Отв. л. 202.

недерзаемъ; наипаче, понеже прежде выданныя отъ списателя исторіи не имѣемъ, въ преписанныхъ же житіяхъ многія прописи (пропуски) познаваются, чесо ради и разумъ сложенія во многихъ глаголѣхъ неясенъ познавается, якоже и въ прочихъ древле писанныхъ житіяхъ святыхъ, и въ самѣхъ Макаріевскихъ минѣяхъ четіихъ исторія убо истинно повѣствуется и разумѣется, многія же глаголы прописей ради не познаваются. Но сихъ ради не смѣемъ мы на отеческая писанія состязаніемъ надходити и въ темно рѣченныхъ рѣчехъ или въ прописныхъ словесѣхъ не дерзаемъ коварствовати и соннымъ разумомъ реченная не можемъ инудѣ относити, но и къ дерзающимъ таковая стязанія творити не можемъ соглашатися. Понеже съ развращенными нравы нѣцыи и въ евангеліихъ и апостольскихъ словесѣхъ инако обрѣтоша реченная словеса: отсюду Павелъ Самосадскій и Фотинъ Сремскій развращенно обрѣтоша Сына Божія отъ Маріи начало пріемша,—отсюду Савелій возмечта въ едино лице сливати Тріипостасную Троицу. Отсюду Арій возмнѣ Сына Божія не единосущна Отцу. Отсюду Македоній Духа Святаго тварію возмудрствова. Отсюду инніи мнози евангельская и апостольская словеса своенравіемъ развративше, инако возмудрствоваша. И аще евангельская и апостольская словеса развращенными нравы инако развратиша: кольми паче святыхъ преданію непослѣдствующіи могутъ и смѣютъ святыхъ словеса подзирати инако развращати. Чесо ради мы своесмышленнаго потопленія бѣгающе таковыхъ стязаній опасаемся» [1]). Изъ приведеннаго отрывка можно видѣть способъ доказательствъ автора «Пом. Отв.» въ защищеніи излюбленныхъ раскольническихъ заблужденій.

Вопросъ о книжномъ исправленіи.

По вопросу объ отношеніи старопечатныхъ книгъ къ новопечатнымъ Ѳеофилактъ выяснилъ и рѣшилъ всѣ существенныя и второстепенныя стороны и недоумѣнія, вызванныя исправленіемъ книгъ при патр. Никонѣ и возраженіями автора «Пом. Отв.». Вопросъ о необходимости исправленія церковно-богослужебныхъ и учительныхъ книгъ согласно съ оригинальнымъ греческимъ и древнеславянскимъ текстомъ, какъ и самый фактъ исправленія книгъ при патр. Никонѣ, породившій расколъ, были предметомъ обсужденія и защищенія со стороны церковной власти и полемистовъ, авторовъ «Жезла», «Увѣта» и «Пращицы». Между указанными сочиненіями существуетъ въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ,

[1]) Пом. Отв. л. 214—16.

преемство, зависимость и улучшеніе. 14-й отвѣтъ «Пращицы» Питирима представляетъ обстоятельное, детальное, посредствомъ сравненія разновременныхъ исправленій богослужебныхъ книгъ, разсмотрѣніе вопроса объ отношеніи новопечатныхъ книгъ къ старопечатнымъ. Ѳеофилакту оставалось только воспользоваться трудами своего предшественника, что̀ онъ и сдѣлалъ, представивши дѣло съ бо́льшею полнотою и обобщеніемъ.

Къ серьезному и обширному разсмотрѣнію вопроса о книжномъ исправленіи побуждали Ѳеофилакта рѣзкость и пристрастіе, замѣтныя въ возраженіяхъ Денисова противъ новоисправленныхъ книгъ.

Указавъ на неоднократныя, но неудачныя попытки церковно-гражданской власти къ исправленію книгъ въ дѣятельности преп. Максима Грека († 1556 г.), Стоглаваго Собора (1551 г.), четырехъ первыхъ патріарховъ (1589—1652 г.) Іова, Филарета, Іоасафа и Іосифа, представивъ примѣры грубыхъ важныхъ ошибокъ и искаженій смысла въ древне-письменныхъ и старо-печатныхъ книгахъ съ объясненіемъ препятствій къ успѣшному исправленію, Ѳеофилактъ смотритъ на дѣло патр. Никона въ этомъ отношеніи, какъ необходимое, своевременное, полезное и законное, совершенное не единолично, но соборно, по всѣмъ правиламъ обще-каноническимъ и мѣстно-административнымъ, въ духѣ любви и согласія съ восточною церковью, «а не отъ умышленія своего», какъ утверждалъ Денисовъ [1]).

Возраженія Денисова по вопросу объ исправленіи книгъ при патр. Никонѣ можно раздѣлить на частныя и общія. Первыя касаются тѣхъ отдѣльныхъ словъ и выраженій новоисправленныхъ книгъ, какія представлялись Денисову менѣе удачными въ сравненіи съ прежними, бывшими въ старопечатныхъ книгахъ, Филаретовскаго и Іосифовскаго изданія.

Возраженія Денисова общаго свойства не отличаются серьезностію, а упорствомъ, крайнимъ одностороннимъ взглядомъ, доходящимъ до непризнанія очевидной правды, и, слѣдовательно, пристрастіемъ. Возраженія эти вытекали во 1) изъ смутныхъ опасеній за вѣру при перемѣнѣ словъ и реченій въ богослужебныхъ и учительныхъ книгахъ,—а во 2) изъ мысли объ исправности древнеписанныхъ и старопечатныхъ книгахъ. По взгляду Денисова, «прикладати что, или отъимати, или премѣняти въ церковныхъ преданіяхъ», запрещаютъ древніе соборы и учители. Боязнь за перемѣну дошла у раскольниковъ до смѣшнаго. Нужно быть слѣпымъ, или упорнымъ до невозможности, чтобы не видѣть въ новопечатныхъ книгахъ никакого улучшенія, а въ старопечатныхъ—никакого недостатка и

[1]) Пом. Отв. вопросъ 79, 550 стр.

ошибокъ, какъ это настойчиво заявляетъ и утверждаетъ авторъ «Пом. Отв.»; исправленіе книгъ при патр. Никонѣ онъ считалъ излишнимъ, а исправленныя книги—неудовлетворительными, худшими въ сравненіи съ старопечатными. Жалуясь на порицаніе церковною властію старопечатныхъ книгъ, авторъ «Пом. Отв.» самъ еще болѣе порицаетъ новопечатныя, голословно считая ихъ погрѣшительными. «Аще всякое приложеніе или отъятіе противно есть», разсуждаетъ Ѳеофилактъ, «то и приложеніе ризы новыя вмѣсто ветхія, или приложеніе плата новаго къ ризѣ ветхой, противно будетъ, и иная множайшая, отнюдь непротивная и незазорная, въ противность и въ зазоръ поставляется.—Вѣдати подобаетъ, яко не всякое приложеніе, или отъятіе въ новость и худость ставится, но токмо сіе, еже противно есть Божію, Христову и апостольскому ученію». Въ примѣръ возможности и бывшихъ случаевъ исправленія неисправныхъ книгъ, Ѳеофилактъ указываетъ на исправленіе перевода LXX, Акилы, Ѳеодотіона, Симмаха и др. «Не въ приверженности къ буквѣ и книгамъ состоитъ наше спасеніе», говоритъ Ѳеофилактъ, «а въ живой вѣрѣ во Іисуса Христа; Самъ Спаситель заповѣдалъ намъ испытывать писанія»[1]).

Сказаннаго достаточно для характеристики «Обличенія» Ѳеофилакта. Что касается до взглядовъ и мнѣній автора «Обличенія» на остальные мелкіе вопросы полемиста, то мы ограничимся краткими общими замѣчаніями о нихъ, не вдаваясь въ подробности, сдѣланныя нами при характеристикѣ нѣкоторыхъ особенно важныхъ спорныхъ вопросовъ. Изъ второстепенныхъ вопросовъ заслуживаютъ упоминанія слѣдующіе, характеризующіе обѣ противныя стороны.

Краткія замѣчанія автора «Обличенія» о другихъ спорныхъ вопросахъ.

Вопросъ о «зачатіи человѣческомъ» возбужденъ былъ Денисовымъ по поводу взгляда, высказаннаго авторомъ «Жезла правленія»,—взгляда, состоящаго въ допущеніи, согласно мнѣнію физіологовъ, предварительнаго существованія тѣла, въ которомъ послѣ зарождается душа; это сказано въ обличеніе Никиты Пустосвята, допускавшаго особыя условія зачатія и утробнаго развитія младенца Іисуса [2]), произведшія то, что душа Его пречистая абіе съ плотію «Ипостаси Бога Слова соединися въ единой чертѣ времени, а не послѣ (40-ка дней) зачатія плоти создася». По мнѣнію Денисова, взглядъ «Жезла» невѣренъ и противенъ ученію церковному, по ко-

[1]) Обличеніе л. 132—33.

[2]) Жезлъ, л. 25—26.

торому будто-бы душа и тѣло одновременно возникаютъ и сосуществуютъ. Для рѣшенія этого вопроса, хотя и суетнаго, не богословскаго, къ вѣрѣ христіанской, а тѣмъ болѣе ко спасенію не относящагося, Ѳеофилактъ обращается, помимо другихъ соображеній, къ *библейскому* сказанію и ученію о созданіи человѣка, гдѣ сначала говорится о тѣлѣ, а о душѣ *послѣ*.—И при рѣшеніи вопроса о воскресеніи мертвыхъ Ѳеофилактъ заставляетъ своего противника обращать больше вниманія на *Священное Писаніе,* чѣмъ на второстепенныя доводы, заимствованные изъ смутныхъ, апокрифическихъ источниковъ, и ложно раскольниками истолкованныхъ.

Разногласіе между раскольниками и православными во взглядахъ на образъ воскресенія умершихъ состояло въ слѣдующемъ: первые думали, что тѣла умершихъ людей будутъ «единаго возраста, вида и начертанія, различія между мужчинами и женщинами не будетъ, но инаковы нетлѣнны яко ангели будутъ»; а послѣдніе учили, «что мужіе въ мужескомъ, а жены въ женскомъ полу востати имутъ». Трудно сказать, когда возникла такая разность взглядовъ между русскими. Денисовъ приписываетъ послѣднее мнѣніе новопечатнымъ книгамъ, съ чѣмъ соглашается и Ѳеофилактъ, дѣлая основательныя возраженія противъ утвержденія Денисова о безразличіи половъ въ будущемъ воскресеніи мертвыхъ. Мнѣніе Денисова, повидимому правильное, основывается на извѣстныхъ словахъ Спасителя, сказанныхъ на вопросъ саддукеевъ о будущей жизни: «въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели Божіи суть» [1]), однако Ѳеофилактъ это евангельское изреченіе приводитъ и въ свою пользу, видя въ немъ указаніе на *оба* пола. Далѣе, уподобленіе людей ангеламъ не означаетъ премѣненія естества ихъ въ ангельское, а означаетъ уподобленіе жизни ихъ жизни ангельской. Много приведено Ѳеофилактомъ соображеній и библейскихъ изреченій въ свою пользу, какъ напримѣръ такое: церковь, въ призываніи и почитаніи святыхъ, мужей называетъ мужами, а женъ—женами; Богородица Марія и есть, и будетъ; мироносицы есть и будутъ. Нужно сказать, что Ѳеофилактъ держится не грубаго представленія о будущемъ состояніи воскресшихъ тѣлъ, а возвышеннаго, правильнаго, приписывая имъ нетлѣніе, безстрастіе, безболѣзненность и т. п. свойства, имѣющія уничтожить въ будущихъ тѣлахъ члены, потребные къ ядѣнію и сваренію пищи, но не могущія уничтожить различіе лицъ по возрасту и полу въ высшемъ нравственномъ смыслѣ. Разсужденія его интересны, многосторонни. Но разсужденія эти тѣмъ особенно важны, что, ослабляя мнѣніе противной стороны и давая спорному вопросу болѣе широкую постановку, полемистъ даетъ

[1]) Матѳ. 22, 30.

объясненіе какъ происхожденію оспариваемаго мнѣнія, такъ и ослабленію его посредствомъ провѣрки источниковъ, которыми пользовались расколоучители и въ частности Денисовъ. Источники эти, сами по себѣ темные и ненадежные, прикрываются авторитетами извѣстныхъ писателей. По мнѣнію Ѳеофилакта, Денисовъ допустилъ въ изложеніи изъ сомнительныхъ источниковъ (мнимыхъ отвѣтовъ Аѳанасіевыхъ) передержки и неточности, благопріятствовавшія защищаемому Денисовымъ мнѣнію. Такъ, у Денисова, въ переводѣ «мнимыхъ отвѣтовъ Аѳанасіевыхъ», сказано невѣрно: «въ пакибытіи единъ человѣкъ востанемъ»; по Ѳеофилакту нужно: «аки единъ человѣкъ востанемъ, еже зѣло разно есть: иное бо единъ, а иное аки единъ,—якоже иное ангелъ, и иное: аки ангелъ; первое—сущее, а второе подобно сущему показуетъ».—Другой источникъ даннаго вопроса Ѳеофилактъ усматривалъ въ неправильномъ толкованіи апостольскаго ученія о безразличіи и равенствѣ въ дѣлѣ вѣры и спасенія всѣхъ людей разнаго званія, возраста, пола и національности (Колос. 3, 11).

При разборѣ мнѣнія о состояніи тѣлъ воскресшихъ людей, какъ и другихъ многихъ спорныхъ предметовъ, Ѳеофилактъ внушаетъ раскольникамъ обращаться не къ буквѣ, а къ здравому смыслу и духу священнаго писанія, какъ вѣрнымъ руководителямъ въ познаніи истины. Въ устахъ автора «Обличенія» такое приглашеніе не фраза, а вѣрное замѣчаніе, обращавшее вниманіе на пріемъ изслѣдованія, какъ-бы забытый раскольниками въ порывѣ увлеченія и противленія. Старопечатныя книги сдѣлались для раскольниковъ какимъ-то особеннымъ авторитетомъ, едва не большимъ священнаго Писанія и святоотеческаго преданія. Указывая и доказывая односторонность и ошибочность взглядовъ Денисова на предметы разногласія и споровъ, Ѳеофилактъ обнаруживаетъ много начитанности, вѣрныхъ сужденій и остроумныхъ догадокъ для объясненія разницы между старопечатными и новопечатными книгами, смущавшей старообрядцевъ [1]).

Раскольники смущались не только новою мыслію, но и всякою перемѣною въ текстѣ богослужебныхъ книгъ, въ измѣненіи порядка службъ и сокращеніи ихъ. На нѣкоторыя сокращенія въ чинопослѣдованіяхъ, допущенныя въ новопечатныхъ книгахъ съ благоразумною цѣлію, они смотрѣли со страхомъ и какимъ-то недобрымъ зловѣщимъ предчувствіемъ; раскольниковъ смущали и такія добрыя намѣренія церковной власти, какъ попытки по улучшенію церковной живописи, пѣнія, и т. п. Изъ этихъ страховъ и опасеній вытекали возраженія раскольниковъ «по отложенію поклоновъ» въ великій постъ, по измѣненію въ писаніи святыхъ иконъ, по сокращенію чинопослѣдованій

[1]) Обличеніе, гл. 9, л. 14—19.

въ таинствѣ крещенія и т. п. Всѣ эти возраженія, вошедшія въ 50-й отвѣтъ, нашли въ авторѣ «Обличенія» обстоятельное объясненіе.

Такъ, въ вопросѣ объ отложеніи въ новопечатныхъ книгахъ нѣкоторыхъ земныхъ поклоновъ во св. Четыредесятницу, т. е. сокращеніи, или уменьшеніи числа ихъ, Ѳеофилактъ даетъ основательное, для того времени замѣчательное, опредѣленіе «церковнаго типика», какъ руководства, устанавливающаго составъ и порядокъ нашего богослуженія. По Ѳеофилакту, типикъ не одинъ, а ихъ много (преп. Саввы Освященнаго, Евѳимія, іерусалимскій, александрійскій и друг.); между собою типики не согласны; постановленія типиковъ—не законоположенія, не соборныя опредѣленія, а наставленія, какъ подобаетъ творити чинно моленія къ Богу во уреченные дни, не запрещающіе *инако* творити, но многая полагается на *изволеніе* настоятеля.

Въ вопросѣ о святыхъ иконахъ Денисовъ указываетъ на измѣненіе со времени патріарха Никона живописцами преданнаго отъ святыхъ Апостоловъ первообразнаго подобія древнихъ чудотворныхъ образовъ, греческихъ и россійскихъ; отъ своего разсудительнаго смышленія и видъ плоти Спаса Христа и прочихъ святыхъ одебелѣваютъ (живописцы). Въ подтвержденіе своихъ мыслей Денисовъ указывалъ, между прочимъ, на изображеніе Пресвятой *Богородицы* съ непокрытой головою и власы украшенну, въ противность древнимъ образцамъ и запрещенію патріарха Іоакима.

Какъ нужно писать иконы, отвѣчаетъ Ѳеофилактъ, о семъ учитъ иконописное искусство, а не церковь (?). Апостолы учили не иконописному художеству, какъ ошибочно утверждалъ Денисовъ, а другому высшему служенію слова (проповѣди). Если, по Ѳеофилакту, патріархъ Іоакимъ возставалъ противъ изображенія Божіей Матери съ непокрытою головою, то онъ показалъ себя ревнителемъ русскихъ деревенскихъ мужицкихъ суевѣрій, по которымъ замужней женщинѣ невозможно было ни къ кому являться съ непокрытою головою; такимъ образомъ патріархъ Іоакимъ думалъ и видъ Божіей Матери подчинить деревенскому обычаю. «Развѣ не зналъ онъ, что Богородица была не русская, и оставалась Дѣвою не только послѣ обрученія, но и послѣ рождества Сына Божія? [1])

Въ вопросѣ о символическомъ изображеніи евангелистовъ съ четырьмя животными возраженіе Денисова состояло въ томъ, что по древлецерковнымъ печатнымъ книгамъ св. Маркъ изображался съ орломъ, а св. Іоаннъ со львомъ, тогда какъ въ новопечатныхъ сдѣлано наоборотъ: Маркъ со львомъ, а Іоаннъ—съ орломъ [2]). По взгляду

[1]) Обличеніе, гл. 9, л. 19—21.

[2]) Пом. Отв., 50 вопросъ, стр. 21.

Θеофилакта «сія четыре животная, видѣнная Іоанномъ богословомъ, и прежде его Іезекіилемъ пророкомъ, уподобляются четыремъ евангелистомъ, не по какому свойству и природѣ, ни по какому о томъ божественному Новаго или Ветхаго Завѣта писанію: нигдѣ бо о томъ ни едино слово обрящеши, о томъ одни догады обрѣтаются. Да вѣдаютъ убо расколщики, яко нѣсть о томъ извѣстія, подобаетъ ли евангелистовъ уподобляти онымъ животнымъ, и кое которому. Которіи убо приписуютъ евангелистомъ сія животная, не по естеству ихъ, то творятъ, но по нѣкоему умственному приличію, сообразно съ содержаніемъ первыхъ главъ» [1]).

Итакъ, символическое изображеніе евангелистовъ съ четырьмя животными Θеофилактъ считаетъ дѣломъ совершенно случайнымъ и условнымъ, вопреки Денисову, дѣлавшему упрекъ исправителямъ новопечатныхъ книгъ за переносъ символа отъ одного евангелиста къ другому. Что касается до ссылокъ Денисова на нѣкоторыхъ древнихъ толковниковъ, какъ напримѣръ Андрея Кесарійскаго, то мнѣнія ихъ, какъ личныя, имѣютъ характеръ предположеній, а не каноновъ, или соборныхъ опредѣленій.

Насколько Денисовъ чисто внѣшне относился къ разностямъ между старопечатными и новопечатными книгами, не вникая во внутренній ихъ, оставшійся неприкосновеннымъ, смыслъ, видно, между прочимъ, изъ вопроса «объ измѣненіи въ чинѣ св. крещенія». По старопечатнымъ книгамъ на вопросы священника «объ отрицаніи сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всея службы его, и всѣхъ ангелъ его, и всего студа его» воспріемники отвѣчали *повторяя всѣ слова* положенныя въ вопросѣ. Въ новопечатныхъ книгахъ отвѣты воспріемниковъ изложены сокращенно, съ оставленіемъ словъ, выражающихъ сущность дѣла: «отрицаюся» (сатаны) и «сочетаваюся» (Христу). Это Денисовъ поставилъ въ упрекъ новопечатнымъ книгамъ; но это можетъ сдѣлать, по Θеофилакту, развѣ только безумный человѣкъ, и не вѣдущій, какъ говорятъ люди между собою, ограничиваясь отвѣтомъ—«да, или нѣтъ». Отвѣты безъ повторенія словъ положенныхъ въ вопросѣ часто встрѣчаются въ священномъ писаніи и принимаются какъ вполнѣ удовлетворительные.

Въ своихъ возраженіяхъ по поводу нѣкоторыхъ сокращеній и измѣненій въ чинахъ литургіи, таинства брака и другихъ службахъ авторъ «Пом. Отв.» обнаружилъ мелочность, придирчивость и даже противорѣчіе себѣ. Въ примѣръ противорѣчія Θеофилактъ указывалъ на возраженіе Денисова противъ того, будто-бы пѣніе аллилуіа единожды на третьемъ антифонѣ въ литургіи на нѣкоторые праздники не вѣрно,—

[1]) Обличеніе, гл. 9., л. 21—23.

нужно *трижды* [1]). Θеофилактъ замѣчаетъ: «сіе предлагается на посмѣяніе безумства раскольническаго: прежде двоихъ аллилуй домогалися, а здѣ троихъ аллилуй захотѣли. О, несмысленніи! сколько хощете, вамъ отъ насъ не возбраняется» [2]). Еще замѣчаніе на другое возраженіе: Денисовъ усмотрѣлъ прилогъ въ новопечатныхъ книгахъ къ «Трисвятой пѣсни» въ концѣ—*сила*. Это правда; но, по объясненію Θеофилакта, слово «сила» положено внѣ пѣсни Трисвятаго; *сила* положена въ наставленіе поющимъ, дабы имъ послѣднее (въ третій разъ) пѣти сильнѣе, высшимъ гласомъ; а въ пѣніи та рѣчь (сила) никогда не поминается, и никто ея въ церкви не слыхалъ [3]).

На спорный вопросъ о томъ, какъ совершать хожденіе въ церковныхъ дѣйствіяхъ (во время вѣнчанія, литій, вокругъ церкви, въ крестныхъ ходахъ и т. п.), по-солонь, или противо-солонь, т. е. начинать хожденіе съ правой стороны, или лѣвой, Θеофилактъ ограничился краткимъ отвѣтомъ, предпочитая хожденіе противъ солнца, начиная съ правой южной стороны. Противосолонное хожденіе у православныхъ, вмѣсто посолоннаго стариннаго раскольническаго, относилось въ глазахъ раскольниковъ къ важнымъ измѣненіямъ, допущеннымъ исправителями книгъ при патріархѣ Никонѣ. Нужно сказать, что этотъ вопросъ обстоятельно и полно разсмотрѣнъ въ «Пращицѣ», хотя Θеофилактъ объ этомъ и не заявляетъ, какъ-бы слѣдовало это сдѣлать въ виду той важности, какую раскольники придавали означенному вопросу. Разница между двумя полемистами во взглядахъ на спорный предметъ состоитъ въ томъ, что обычай хожденія противъ солнца, какъ обычай вполнѣ сообразный съ сущностію священнодѣйствій и согласный съ святоотеческими указаніями и толкованіями, по мнѣнію Питирима, ведетъ свое начало отъ древней греческой церкви, каковому обычаю слѣдуетъ и русская церковь, а Θеофилактъ защищаетъ православный обычай не съ принципіальной точки зрѣнія, а въ видахъ бо́льшаго его удобства въ сравненіи съ хожденіемъ «по солнцу», указывая на возможные и неизбѣжные случаи отступленія отъ него то въ пользу по-солоннаго, то противо-солоннаго (во время крестныхъ ходовъ). Привязанность раскольниковъ къ по-солонному хожденію Θеофилактъ считалъ суевѣріемъ, одинаковымъ съ вѣрою въ чохъ, встрѣчу и другія нелѣпыя примѣты.

Къ спорнымъ предметамъ между православными и раскольниками принадлежалъ вопросъ о крещеніи латинъ. Сущность возраженія автора «Пом. Отв.» состояла въ томъ, какъ присоединять католиковъ къ

[1]) Пом. Отв., 50 в., ст. 25, 400 стр.
[2]) Обличеніе, гл. 9, л. 31—34.
[3]) Обличеніе, гл. 9, л. 32.

православной церкви, чрезъ повтореніе надъ ними таинства крещенія, или нѣтъ. Такъ какъ русская церковь не требовала въ то время повторенія крещенія надъ католиками, какъ христіанами, то возраженіе Денисова сводилось къ обвиненію церкви въ отступленіи отъ установившагося будто-бы обычая перекрещиванія латинъ. Обвиненіе Денисова было несправедливо; невѣрны ссылки его на правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и правила отеческія, требовавшія крещенія еретиковъ, но не латинянъ, которые къ еретикамъ не причислялись [1]); относительно вѣрною могла считаться ссылка на соборное постановленіе патріарха Филарета въ 1620 году о перекрещиваніи католиковъ, хотя это постановленіе было неправильное, временное и уже потерявшее свою силу ко времени синодальнаго управленія. Для разрѣшенія вопроса Θеофилактъ представлялъ дѣло съ той стороны: всякаго-ли отъ иновѣрцевъ приходящаго къ церкви крестить нужно, или не всякаго. Изъ сопоставленія древнихъ соборныхъ каноническихъ постановленій и изъ сравненія разныхъ перечисленныхъ еретиковъ по ихъ относительной близости или отдаленности къ истинному ученію, а равно и ихъ степени раскаянности, Θеофилактъ пришелъ къ вѣрному заключенію о непринадлежности латинъ къ еретикамъ, подлежащимъ крещенію. Итакъ, по взгляду полемиста, слѣдуетъ разсмотрѣть, къ какимъ еретикамъ латинъ нужно причислять: тѣмъ-ли, которые безъ крещенія пріемлются по 7-му правилу втораго вселенскаго собора, или тѣмъ, которые съ крещеніемъ, якоже еллины (язычники, злые еретики) по 8-му правилу того же собора [2]). Если къ первымъ, то на требникъ Петра Могилы (гдѣ отрицается обычай перекрещиванія латинъ) нечего и ссылаться (какъ свидѣтельство частнаго лица при обязательности каноническихъ постановленій); а если ко вторымъ, то необходимо вѣрными доводами подтвердить еретичество католиковъ. Присоединеніе латинъ слѣдуетъ совершать чрезъ таинство мѵропомазанія, съ обычнымъ отреченіемъ отъ нѣкоторыхъ заблужденій. Въ самомъ дѣлѣ, если по церковнымъ правиламъ аріане, македоніане и новатіане принимались въ церковь по второму чину, то тѣмъ болѣе не должны были подвергаться крещенію католики, свободные отъ древнихъ ересей. Θеофилактъ не подвергалъ разбору приведенныхъ Денисовымъ изъ древнерусской церковной практики свидѣтельствъ, вообще сомнительныхъ по происхожденію и содержанію.

Вопросъ о присоединеніи латинъ обсуждался въ «Пращицѣ»; но рѣшенъ менѣе опредѣленнымъ, уклончивымъ образомъ. «Латинъ» Питиримъ самъ не причислялъ ни къ еретикамъ перваго, ни втораго

[1]) Книга правилъ изд. 1874 г., слово: «присоединеніе иновѣрцевъ», стр. 71.

[2]) Книга правилъ, изд. 1874 г.

рода, какъ это сдѣлалъ авторъ «Обличенія» на основаніи соборныхъ опредѣленій. Авторъ «Пращицы» предоставлялъ дѣло разсмотрѣнію власти епископа, слѣдовательно допускалъ на практикѣ возможность двоякаго чинопріятія католиковъ, по взгляду церковному и раскольническому. Указаніемъ на епископскую власть, какъ руководственное и авторитетное начало, Питиримъ думалъ сдѣлать упрекъ вопрошавшимъ діаконовцамъ, подъ которыми скрывались и поморскіе раскольники,—упрекъ за отсутствіе и непризнаніе ими епископовъ [1]).

На происхожденіе взгляда раскольниковъ о крещеніи латинъ имѣло вліяніе, помимо представленія объ ихъ еретичествѣ, и то обстоятельство, что они крещены не погружательнымъ, а обливательнымъ крещеніемъ. Два эти спорныхъ вопроса находились въ тѣсной связи.

Обливательное крещеніе допускалось въ практикѣ русской церкви въ особыхъ крайнихъ случаяхъ, при крещеніи «немощныхъ младенцевъ», хотя авторъ «Пращицы» считалъ обливательное крещеніе латинскимъ обычаемъ [2]), вошедшимъ въ постоянное употребленіе въ Кіевской и Смоленской епархіяхъ, въ мѣстахъ смѣшаннаго населенія, православнаго и католическаго. По мнѣнію Денисова, основанному на многихъ свидѣтельствахъ изъ древней христіанской святоотеческой письменности, обливательное крещеніе запрещено, а потому и недѣйствительно. Авторъ «Обличенія», въ противоположность Питириму и Денисову, одинаковое значеніе придавалъ обоимъ способамъ крещенія, хотя погружательное крещеніе было видомъ крещенія господствовавшимъ и обязательнымъ. Для опроверженія мнѣнія своего противника Ѳеофилактъ указывалъ на явное противорѣчіе Денисова въ разсужденіяхъ по данному вопросу. Противорѣчіе Денисова состояло въ томъ, что, защищая дѣйствительность крещенія въ своей выговской пустынѣ лицами не посвященными, Денисовъ, въ свое оправданіе, приводитъ изъ церковной древности нѣкоторые факты необычнаго, особеннаго, но дѣйствительнаго крещенія, какъ напримѣръ тотъ случай, когда святой мученикъ Власій (Вуколъ), испытывая страданія (въ 316 году) отъ горячей воды въ конобѣ (чану), обратилъ вѣровавшихъ во Іисуса Христа чрезъ окропленіе водою изъ чана,—и это вмѣнилось въ дѣйствительное крещеніе [3]). Обсуждая этотъ случай Ѳеофилактъ доказывалъ дѣйствительность обливательнаго крещенія: если покропленія было достаточно для крещенія, тѣмъ болѣе обливанія; если (въ другомъ случаѣ) святый Аѳанасій крестилъ своихъ сверстниковъ посыпаніемъ песка на главу, то тѣмъ болѣе можно крестить

[1]) Пращица вопр. 166.

[2]) Пращица вопр. 14, л. 46.

[3]) Пом. Отв., вопр. 72, стр. 611.

обливаніемъ. Для большей убѣдительности противника, Ѳеофилактъ совѣтывалъ ему прочитать вышедшее въ то время (1724 году) разсужденіе о поливательномъ крещеніи, глѣ довольно сильно доказана одинаковая сила крещенія чрезъ погруженіе и обливаніе [1]. —Нужно впрочемъ сказать, что изданная Святѣйшимъ Синодомъ книжка о поливательномъ крещеніи не содержитъ ученія о всеобдержномъ употребленіи обливанія, но издана съ цѣлію разъяснить, что по случаю какихъ-либо обстоятельствъ совершенное обливательное крещеніе не должно быть повторяемо, какъ правильное [2].

Впрочемъ достоинства названнаго сочиненія и принадлежность его такому замѣчательному писателю, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, побуждаютъ насъ сказать нѣсколько словъ о немъ въ дополненіе къ краткому замѣчанію Ѳеофилакта о поливательномъ крещеніи. Ссылка Ѳеофилакта на сочиненіе Ѳеофана указываетъ на солидарность взгляда перваго съ послѣднимъ по данному вопросу. Такъ какъ трактатъ о поливательномъ крещеніи писанъ по распоряженію Святѣйшаго Синода, и изданъ съ его одобренія и согласія, то въ разсужденіяхъ Ѳеофана Прокоповича о поливательномъ крещеніи нужно видѣть взгляды высшей церковной власти, въ противовѣсъ взглядамъ автора «Пом. Отв.» и другихъ расколоучителей.

Книжица Ѳеофана о поливательномъ крещеніи не только служила отвѣтомъ на возраженія раскола противъ обливательнаго крещенія, сосредоточенныя въ «Пом. Отв.», но и представляла и представляетъ собою обстоятельное научное разсмотрѣніе и рѣшеніе вопроса о значеніи поливательнаго крещенія, какъ формы одинаковаго достоинства съ формою погружательнаго. Для нашей цѣли имѣютъ интересъ тѣ соображенія Ѳеофана Прокоповича, которыя направлены были противъ умствованій раскольниковъ.

Необходимо замѣтить, что точка зрѣнія Ѳ. Прокоповича на спорные вопросы между православіемъ и расколомъ была совершенно одинакова съ авторомъ «Обличенія». Вопреки Денисову, принимавшему свидѣтельства древне-отеческія и древне-русскія не только безъ критики, но и тенденціозно, Ѳеофанъ установилъ и развилъ свой взглядъ на спорный пунктъ путемъ свободнаго и полнаго обсужденія его со всѣхъ сторонъ, догматической, церковно-исторической, канонической, экзегетической, сакраментальной и т. п.

По взгляду Прокоповича, «тайнодѣйствіе святаго крещенія поливаніемъ творимое, равно какъ и творимое погруженіемъ, есть правильное, важное и дѣйствительное; для совершенія его необходимо

[1]) Обличеніе, гл. 9, л. 46—47.

[2]) Архим. Павелъ. «Замѣчанія на Пом. Отв.», стр. 338—39.

водное омовеніе, а омовенія, поливаніемъ ли, или погруженіемъ бываемыя есть дѣло среднее, къ существу дѣла не относящееся, не чрезъ внѣшній образъ омовенія возрождается крещаемый чрезъ прощеніе грѣховъ, а чрезъ внутреннюю благодать Божію, невидимо посылаемую при совершеніи таинства святаго крещенія».

Изъ множества доказательствъ правильности и дѣйствительности обливательнаго крещенія нужно указать на два слѣдующія, какъ опровергающія доводы Денисова. Многочисленныя свидѣтельства и доводы Денисова можно свести къ двумъ категоріямъ: въ первой доказывается, что обливательное крещеніе запрещено, а во второй утверждалось, что поливательное крещеніе не соотвѣтствуетъ символическому представленію о крещеніи, какъ такомъ священнодѣйствіи, которое съ внѣшней видимой стороны чрезъ трикратное погруженіе крещаемаго въ воду должно выражать тридневное Христово погребеніе [1]) и возрожденіе отъ грѣха, какъ духовной смерти, къ жизни вѣчной.

Не разбирая въ отдѣльности всѣхъ свидѣтельствъ Денисова о запрещеніи будто-бы поливательнаго крещенія, можетъ быть потому, что появленіе ихъ въ совокупности стало извѣстно Ѳеофану позже составленія разсужденія о семъ предметѣ, а вѣроятнѣе потому, что онъ могъ видѣть неосновательность ихъ на основаніи ранѣе ему извѣстныхъ раскольническихъ по этому вопросу мнѣній, авторъ указывалъ на отсутствіе въ первоначальной церковной христіанской практикѣ правилъ и фактовъ, изъ которыхъ можно бы заключать о запрещеніи поливательнаго крещенія, или, что̀ то же, исключительнаго употребленія погруженія, каковой способъ не всегда былъ удобенъ и даже возможенъ (при болѣзненномъ состояніи крещаемаго, при отсутствіи надлежащей глубины рѣки и т. п.). Подобно Ѳеофилакту, Ѳеофанъ обращалъ вниманіе противниковъ поливательнаго крещенія на *первоначальный руководящій источникъ* христіанскихъ установленій, а не на послѣдующіе *позднѣйшіе обычаи*, вошедшіе въ силу благодаря пристрастію и враждебности церковныхъ дѣятелей. Самое убѣдительное доказательство вѣрности своихъ разсужденій Ѳеофанъ усматривалъ въ томъ, что «Христосъ опредѣлилъ крещенію быти водою, а не опредѣлилъ, дабы всеконечно погруженіемъ было, а не возліяніемъ». Одинаковое значеніе слѣдуетъ признать за обоими видами крещенія со стороны филологической, потому что слово крещеніе (Βαπτίσμος) во многихъ мѣстахъ Священнаго Писанія означаетъ и погруженіе, и обливаніе, и даже окропленіе; даже славяно-русское *крещеніе* происходитъ отъ крестъ, а не отъ другаго чего-либо, что̀

[1]) Пом. Отв. л. 428—9.

соотвѣтствовало бы представленію о глубинѣ и погруженіи; это значитъ, что сила крещенія зависитъ отъ вѣры распятаго на крестѣ, а не отъ того или другого способа омовенія водою; по Ѳеофану, водное омытіе въ таинствѣ крещенія—символъ, т. е. нѣчто условное, а не источникъ дѣйствія и воздѣйствія благодати Святаго Духа, которая посылается невидимо, непостижимо и принимается вѣрою. Далѣе, если раскольники допускаютъ въ нѣкоторыхъ крайнихъ случаяхъ крещеніе *пескомъ* вмѣсто воды—способъ не предусмотрѣнный, противный евангелію (Іоан. 3, 5) и совсѣмъ неудобный, то отчего они, по мысли Ѳеофана, отвергаютъ обливательное крещеніе, болѣе удобное, вполнѣ сообразное съ сущностью дѣла и несомнѣнно употреблявшееся въ церковной практикѣ первоначальной апостольской церкви и въ послѣдующія времена.

Символическое уподобленіе въ Священномъ Писаніи троекратнаго погруженія при крещеніи погребенію Іисуса Христа и Ноеву ковчегу, принимавшееся раскольниками по свойственному имъ представленію за нѣчто догматическое, Ѳеофанъ Прокоповичъ ослабляетъ ссылкою на тѣ мѣста изъ посланій святаго апостола Павла, въ которыхъ онъ прообразованіе крещенія полагаетъ «въ облацѣ и въ морѣ». По словамъ полемиста, «въ сихъ крещеніяхъ образованіяхъ, т. е. въ облацѣ и въ морѣ, не видимъ изобразуемаго погруженія; ибо облакъ оный ходилъ *предъ* людьми израилевыми, иногда же и *надъ* людьми показывался, или *позади* ихъ; подобнѣ и образъ крещенія въ морѣ не изъявлялъ собою погруженія. Блаженный Ѳеодоритъ, который образъ крещенія въ облацѣ, купно и въ морѣ полагаетъ, едино токмо море за вещество крещенія держитъ, чрезъ облакъ же разумѣетъ образованнаго духа, въ крещеніи невидимо дѣйствующаго. Не выражаетъ погруженія и образъ крещенія, представляемый въ плаваніи Ноева ковчега, такъ какъ, по мнѣнію Ѳеофана, ковчегъ плавалъ *по* водѣ, а не *въ водѣ*. Посредствомъ многихъ удачныхъ примѣровъ полемистъ старался обратить противниковъ къ духовному пониманію таинства крещенія, внутренней его стороны, состоящей въ оставленіи грѣховъ, въ усыновленіи Богу, которое различными рѣчи образами нарицается омовеніемъ, погребеніемъ, банею паки бытія, возстаніемъ, одѣяніемъ во Христа, просвѣщеніемъ, печатію, обрѣзаніемъ и еще иными многими нарещися можетъ; а всѣ тые рѣчи, образы внѣшними видимыми дѣйствіями изобразить не узаконилъ Христосъ, но токмо узаконилъ *омовеніе*. А понеже въ погружательномъ крещеніи видѣли древніе учители добрѣ образуемо погребеніе и возстаніе отъ мертвыхъ, того ради по приличію и образованію (символъ) такое показали, но въ законъ его не ставили, инако не приняли бы никогда поливательнаго крещенія, какъ тое

принимали и дѣйствовали. Когда же апостолъ Павелъ глаголетъ о погребеніи нашемъ и востаніи со Христомъ, не глаголетъ о внѣшнемъ погребеніи и востаніи образѣ, но о самомъ внутреннемъ и духовномъ премѣненіи крещаемыхъ, т. е. дабы крещаемый вѣдалъ, что онъ пріемля отъ Бога таковымъ тайнодѣйствіемъ всѣхъ грѣховъ прощеніе и одолжаяся прочее блюстися грѣха и творить волю Господню, умираетъ грѣху и оживаетъ Богу...; таковое же духовное умертвіе и оживленіе довольно обнимать вѣрою, а внѣшнимъ видомъ, т. е. погруженіемъ изображать,—есть приличіе изрядное, но нужды нѣтъ: какъ-то и грѣховъ обрѣзаніе въ крещеніи творимое вѣрити подобаетъ, а изображать внѣшнимъ нѣкіимъ видомъ нѣтъ нужды, и какъ поливаніемъ, такъ и погруженіемъ отнюдь не образуется».

Изъ сказаннаго можно видѣть сходство между Ѳеофилактомъ и Ѳеофаномъ въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ, возбужденныхъ раскольниками; точка зрѣнія у православныхъ полемистовъ была одна и та же. Какъ тотъ, такъ и другой придавали значеніе важному и существенному въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ, а не внѣшнему и видимому, исторически сложившемуся. Сходство между названными полемистами, современниками, вышедшими изъ одной и той же школы, усматривается въ основныхъ взглядахъ на расколъ, его происхожденіе и сущность. Сходство это видно и въ рѣзкости тона, съ которою отзываются о раскольникахъ оба полемиста, сильные въ учености, діалектикѣ и научныхъ пріемахъ. То, что можетъ быть сказано о тонѣ «Обличенія» Ѳеофилакта, относится и къ Ѳеофану Прокоповичу, автору посланій, замѣчаній и увѣщаній по отношенію къ раскольникамъ. Замѣчательно, что рѣзкій пренебрежительный тонъ и насмѣшливыя выраженія Ѳеофана по отношенію къ раскольникамъ заключаются въ трактатѣ «О поливательномъ крещеніи» чаще и сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Тѣмъ болѣе это странно и печально, что авторъ самъ противорѣчитъ себѣ, употребляя такой пріемъ увѣщанія заблуждавшихся раскольниковъ, какой прежде отвергалъ, какъ безуспѣшный и недостойный христіанскаго проповѣдника. Интересно и поучительно сопоставить такое нарушеніе писателемъ своихъ собственныхъ здравыхъ требованій.

Въ «Толкованіи на евангельскія блаженства», изданномъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ 1722 году, есть, между прочимъ, разсужденія о расколѣ, его послѣдователяхъ и спорныхъ предметахъ, изъ-за которыхъ происходили раздоры и отпаденія отъ церкви. Гибкая мысль Ѳеофана умѣла ввести вопросъ о расколѣ и въ такой общехристіанской трактатъ, какъ нагорное ученіе Христа о девяти блаженствахъ и придать своимъ разсужденіямъ современный интересъ.

Такъ, къ дѣятельности миротворцевъ Ѳеофанъ относитъ и то, какъ слѣдуетъ поступать при увѣщаніи раскольниковъ для примиренія ихъ съ церковію. Между прочимъ, полемистъ требовалъ слѣдующаго: «должны суть блюстися всѣхъ таковыхъ, и въ дѣлѣ, и въ словѣ, и въ пишемыхъ отъ себе разсужденіяхъ, дѣйствій, которыя раздражаютъ сердце человѣческое, ибо таковыя раздражательныя дѣйствія не токмо мира составити не могутъ, но еще и вящшія распри и раздоры вводятъ. Суть же именно сія наипаче: слово, или тѣлесное движеніе гордое, презрѣніе и руганіе лицъ спорныхъ... Кія сія раздираютъ, а не связуютъ, брань, а не миръ творятъ...; или аще съ презорствомъ и ругательствомъ другаго, и сіе вящше раздражаетъ сердца. И неразумно творятъ, которые въ проповѣдяхъ, или въ разговорахъ, или въ пишемыхъ отъ себе книгахъ на противниковъ православія, ругательныя рѣчи, и притчи бодущія, досады и лаи мещутъ на нихъ. Не помнятъ таковые дѣла своего: дѣло бо пріемлютъ обращати заблуждшія, а не жестоко раздражати. И неправильная отговорка, если кто скажетъ: съ еретиками или раскольниками дѣло мнѣ злыхъ злѣ поччую, но помнити долженъ еси, что дѣло твое не казнити, но врачевати злыхъ хочеши, лаями же и укоризнами не увpачуеши [1]).

Разсужденія и совѣты Ѳеофана здравые, чисто христіанскіе; но черезъ два года, въ трактатѣ, составленномъ въ цѣляхъ убѣжденія и увѣщанія раскольниковъ въ дѣйствительности поливательнаго крещенія, тотъ же авторъ позволяетъ глумиться надъ ними, называя ихъ глупыми и упрямыми невѣждами, подземными кротами, сумазбродами, безумною и пьяною кликою, глупцами, осмѣлившимися разсуждать о томъ, что̀ имъ недоступно и неприлично для обсужденія. Вмѣсто того, чтобы съ любовію и охотою просвѣтить темное сознаніе заблуждавшихся, представитель церкви лишаетъ ихъ права вдаваться и интересоваться тѣми предметами, изъ-за которыхъ возникли распри и раздѣленія. Возбуждать и рѣшать церковные вопросы составляетъ, по мнѣнію Ѳеофана Прокоповича, обязанность іерархіи, знатоковъ христіанскаго ученія и богослуженія, а не простыхъ членовъ церкви, которые должны во всемъ повиноваться установившимся обычаямъ и правиламъ [2]).

Изъ представленной характеристики «Обличенія» можно видѣть существенные взгляды Ѳеофилакта, способы выясненія спорныхъ сторонъ и опроверженій противника; послѣдняго онъ думалъ убѣдить обращеніемъ вниманія его на духъ христіанскаго ученія и здравый

[1]) Христовы о блаженствахъ пропов. Кіевъ, 1864 г., 60—1 стр.

[2]) Сочин. Ѳеоф. Прокоп. т. IV, 1—82 стр.

смыслъ, вмѣсто которыхъ въ воззрѣніи Денисова преобладали буквализмъ, внѣшнее чисто обрядовое пониманіе христіанскаго ученія и тенденціозность.

Точки зрѣнія и способы обсужденія спорныхъ вопросовъ у Ѳеофилакта и Денисова совершенно различны до противоположности: тогда какъ первый всякое положеніе, доводъ и свидѣтельство подвергалъ критическому разбору, уясненію отношенія второстепенныхъ мыслей къ основному началу (ученію, догмату), второй старался приводить какъ можно болѣе свидѣтельствъ въ пользу своего взгляда, не провѣряя ни взгляда, ни приводимыхъ свидѣтельствъ. Однако справедливость требуетъ сказать, что какъ ни односторонни, запутанны и мелочны были способы доказыванія Денисовымъ раскольническихъ заблужденій, но они требовали обсужденія, справокъ, провѣрки. По причинамъ очень уважительнымъ авторъ «Обличенія» не могъ выполнить эту трудную, въ большинствѣ случаевъ даже невозможную, утомительную работу, хотя въ полемическихъ цѣляхъ весьма важную,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ представленныхъ свидѣтельствъ заслуживали вниманія и обстоятельнаго разбора. Къ числу замѣчательныхъ свидѣтельствъ и разсужденій автора «Пом. Отв.» нужно отнести во 1) критику Денисова «Соборнаго дѣянія на Мартина еретика» и 2) свидѣтельство въ пользу двуперстія патріарха Іова.

Неизвѣстный авторъ «Соборнаго дѣянія» отнесъ время существованія и осужденія ереси Мартина къ 1157 г. Памятникъ этотъ сталъ извѣстенъ въ 1717 году; открытъ въ Кіевскомъ монастырѣ святаго Николая пустыннаго; оригиналъ (?), писанный на пергаментѣ 1158 года, положенъ въ московскую государеву книгохранительницу; а буквальный списокъ съ него отданъ Питириму для руководства въ собесѣдованіяхъ съ раскольниками. Въ 1721 году «Дѣяніе» было напечатано въ приложеніи къ «Духовной Пращицѣ» съ изложеніемъ обстоятельствъ открытія памятника. Авторъ «Пращицы» пользовался «Соборнымъ дѣяніемъ» для опроверженія раскольниковъ въ вопросахъ о триперстномъ сложеніи, трегубой аллилуіа, хожденіи по-солонь, объ имени Іисусъ, о двоечастномъ крестѣ на просфорахъ (вмѣсто изображенія распятія) и т. п.; изъ изложенія «соборнаго дѣянія» слѣдуетъ, что упомянутыя раскольническія заблужденія вмѣстѣ со многими другими латинскими и армянскими составляли ересь Мартина и, какъ заблужденія, были осуждены. Отвѣчая на вопросы діаконовцевъ о «Соборномъ дѣяніи», какъ историческомъ памятникѣ, Питиримъ признавалъ его достовѣрнымъ, не подлежавшимъ сомнѣнію [1]). Авторъ «Пом. Отв.» подвергъ «Соборное дѣяніе»

[1]) Пращица, вопр. 88—98.

строгому критическому разбору; свои сомнѣнія, вытекавшія изъ мѣткихъ основательныхъ соображеній, Денисовъ довелъ до отрицанія достовѣрности какъ существованія собора 1157 г., такъ еретичества Мартина и слѣдовательно самаго памятника [1]). Авторъ «Обличенія» не единымъ словомъ не коснулся ни «Соборнаго дѣянія», ни критики на него, сдѣланной въ «Пом. Отв.». Причина молчанія Ѳеофилакта состояла, какъ нужно думать, не въ томъ, что разборъ «Дѣянія соборнаго» помѣщался въ 9-мъ вопросо-отвѣтѣ, не входившемъ въ задачу полемиста, а въ томъ, что возражать противъ критики Денисова было не легко. Правда, удачный разборъ «Соборнаго дѣянія» не оправдывалъ раскольниковъ въ отдѣленіи ихъ отъ церкви, но въ интересахъ безпристрастія было бы не лишне полемисту поставить себя въ извѣстное отношеніе къ сомнительнымъ свидѣтельствамъ, на которыя опирался самоувѣренно авторъ «Пращицы» [2]).

Взглядъ на повѣсть о «соборномъ дѣяніи» высказалъ митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ въ своемъ «Дополненіи» къ «Обличенію» Ѳеофилакта. Взглядъ Арсенія Мацѣевича приводимъ здѣсь; онъ писалъ: «мы сію о Мартинѣ Армянинѣ повѣсть (а не дѣяніе) не въ такой силѣ содержимъ, какъ вы раскольщики врата мѣдны и великоновгородскія, или напр. стоглавый соборъ содержите, паче Евангелія почитающе, понеже такъ намъ тоя повѣсти содержать нужды отнюдь не имѣется, имущимъ кромѣ ея... больши по премногу свидѣтельства, ко утвержденію троеперстнаго въ крестномъ знаменіи сложенія: къ сему ниже за догматъ вѣры и главизну богоугожденія ставимъ троеперстное въ крестномъ знаменіи, какъ вы двоеперстное,

[1]) Пом. Отв. в. 9, стр. 91—115. Авторъ «Пом. Отв.» критически, вполнѣ научно и всесторонне разсмотрѣлъ «Дѣяніе», разобралъ его съ внѣшней и внутренней стороны, со стороны исторической, логической, археологической, лингвистической и т. п. Разборъ «Дѣянія» обнаружилъ въ Денисовѣ замѣчательный самородный критическій талантъ. Современные Денисову духовные и свѣтскіе ученые и не воображали, что-бы среди раскольниковъ нашелся такой глубокій знатокъ древнерусской письменности, который такъ легко и неотразимо доказалъ несостоятельность «Соборнаго Дѣянія», какъ историческаго памятника («Странникъ» 1881 г. 544—55 стр.).

[2]) Тѣмъ болѣе это нужно было сдѣлать, что по одному циркулярному указу отъ 20-го іюня 1719 года повелѣвалось «книгу Соборное изложеніе о Мартинѣ еретикѣ на утрени въ воскресные дни вмѣсто Пролога читать всѣмъ въ слышаніе жъ. Дабы о прелестномъ его мудрствованіи были всѣ свѣдомы и непокоряющіяся святыя церкви слыша оное прелестное ученіе еретика Мартина обращалися ко святой матери нашей восточной апостольской Церкви. А оному проклятому еретическому преданію не ревновали. Аще же кто по сему великого Государя указу и по вышеявленному соборному свидѣтельствованному изложенію отъ того прелестнаго ученія не отщетится и церкви святѣй не покорится, и таковаго оному же суду предается, яко же и учитель ихъ проклятый еретикъ Мартинъ». Когда отмѣненъ означенный указъ, неизвѣстно. («Христ. Чтеніе.» 1895 г. I, 41 стр. прилож.)

но признаемъ несумнѣнно, яко отъ упрямства не слагать троихъ перстовъ когда крестимся, и печатію антихристовою называть, противность не малая и крайне безбожная: слагать же... не есть правовѣрія сила и богоугожденія главизна. О Мартинѣ Армянинѣ повѣсть мы полагаемъ и содержимъ, того ради не надлежало бы намъ отвѣтствовать, да не *покажемся ревностію ся защищать*. Однако отъ толь малыя вещи да не возносятъ рога на церковь святую раскольники»[1]).

Важное значеніе имѣло и другое свидѣтельство, приведенное Денисовымъ въ пользу двуперстнаго сложенія и оставленное Ѳеофилактомъ безъ всякаго разбора. Въ «Пом. Отв.» свидѣтельство патріарха Іова приведено кратко: «сей патріархъ Іовъ въ посланіи своемъ въ грузинскую землю повелѣваетъ знаменоватися двѣма перстома» [2]). Въ первый разъ посланіе патріарха Іова появилось въ 1869 г. Ссылка Денисова вполнѣ подтвердилась. О перстосложеніи въ посланіи говорится слѣдующее: «и молящися креститися подобаетъ двѣма персты: прежде положити на чело главы своея, тоже на перси, потомъ же на плечо правое, таже и на лѣвое, согбеніе персту именуетъ сшествіе съ небесъ, а стоящій перстъ указуетъ вознесеніе Господне, а три персты равны держати—исповѣдуемъ Троицу нераздѣльну, т. е. истинное крестное знаменіе [3]). Посланіе патріарха Іова, содержащее приведенное свидѣтельство, напечатано изъ рукописнаго сборника XVII в., принадлежавшаго софійской новгородской библіотекѣ съ рукописи, которую издатель и очевидецъ считалъ неисправною [4]).

Трудно сказать, отчего Ѳеофилактъ не упомянулъ о свидѣтельствѣ патріарха Іова, оттого ли, что ему неизвѣстно было посланіе патріарха Іова, или онъ затруднялся объяснить такое странное въ устахъ представителя русской церкви свидѣтельство въ пользу раскола. Авторъ «Пращицы» или не зналъ посланія патріарха Іова, или игнорировалъ его, когда, доказывая истинность двуперстія вопреки «Стоглавому Собору», считалъ патріарха Іова, (вмѣстѣ съ Гермогеномъ, Филаретомъ и Іоасафомъ) такимъ правовѣрнымъ архипастыремъ, который не могъ «дерзнуть *напечатать* какое-либо повелѣніе *новое* и церкви святой противное»; *напечатать* по Питириму тоже значитъ, что и написать; оказалось, что самоувѣренность Питирима была воображаемая: патріарху Іову принадлежало свидѣ-

[1]) Странникъ 1881 г., часть I, стр. 456.

[2]) Пом. Отв., отв. 5, 69 стр.

[3]) Никаноръ архіеп. Бесѣда о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Спб. 1890 г., стр. 265.

[4]) Христіанск. Чтен. 1869 г., стр. 286—63.

тельство, доказывающее въ немъ сторонника и приверженца двуперстія, а не триперстія.

Свидѣтельство перваго русскаго патріарха Іова въ пользу двуперстія составляетъ въ настоящее время предметъ обсужденія и спора. То, чего не касался въ свое время авторъ «Обличенія», думаютъ сдѣлать теперь, спустя 160 лѣтъ, въ дополненіе къ «Обличенію. Посланіе п. Іова написано по слѣдующему поводу. Въ 1587 г. царь Грузіи Александръ II отправилъ въ Москву пословъ своихъ «князя Каплана да Хуршита да старца Кирилла», и просилъ царя Θеодора Іоанновича о помощи противъ невѣрныхъ. Митрополитъ Николай съ своей стороны въ особыхъ посланіяхъ къ царю Θеодору и п. Іову просилъ вразумленія и содѣйствія по части устроенія религіозныхъ и церковныхъ дѣлъ. Посланіе Іова было отвѣтомъ на посланіе м. Николая [1]).

Новѣйшіе ученые не одинаково относятся къ свидѣтельству п. Іова: одни признаютъ его подлиннымъ, другіе сомнѣваются въ его достовѣрности, третьи стараются объяснить его по своему, въ пользу православія.

Митрополитъ Макарій (Булгаковъ), въ 1881 г., въ X т. «Ист. русской церкви», признавая свидѣтельство п. Іова о двуперстіи достовѣрнымъ, приписываетъ его п. Іову, который слѣдовательно и держался двуперстія, возведеннаго «Стоглавымъ Соборомъ» на степень догмата, обязательнаго для всѣхъ и огражденнаго анаθемой за неисполненіе [2]). Проф. Каптеревъ раздѣляетъ взглядъ м. Макарія съ присоединеніемъ мнѣнія о распространенности и общеобязательности во время п. Іова и послѣ него *двуперстія,* а не триперстія, сдѣлавшагося обязательнымъ со времени п. Никона. Мнѣніе г. Каптерева высказано въ 1888 г., въ спеціальномъ изслѣдованіи: «Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ». Архіепископъ Никаноръ (Бровковичъ) съ одной стороны сомнѣвается въ подлинности всего посланія и въ особенности того мѣста, гдѣ ясно говорится о двуперстіи, а съ другой, при допущеніи свидѣтельства, приписываетъ п. Іову какую-то странную двойственность, нерѣшительность и неувѣренность въ справедливости написаннаго о двуперстіи и еще болѣе странное желаніе, чтобы грузинская церковь поняла наставленія его о двуперстіи превратнымъ образомъ, т. е. въ смыслѣ триперстія. Странное разсужденіе преосвященнаго Никанора по поводу разсматриваемаго свидѣтельства находится въ изданномъ имъ въ 1890 г. замѣчательномъ сочиненіи его: «о перстосложеніи для

[1]) Никаноръ. «Бесѣда о перстосложеніи», стр. 268.

[2]) Макарій. «Ист. р. церкви», т. X, стр. 72.

крестнаго знаменія и благословенія»[1]). Хотя профес. Н. И. Барсовъ и считаетъ посланіе п. Іова достовѣрнымъ въ цѣломъ и частяхъ, однако свидѣтельство о двуперстіи объясняетъ въ томъ смыслѣ, какъ будто п. Іовъ одинаково вѣрными признавалъ обѣ формы крестнаго знаменія, двуперстное и триперстное [2]). Къ характеристикѣ мнѣній преосвященнаго Никанора и профес. Барсова нужно присоединить и то, что, по взгляду означенныхъ двухъ ученыхъ, постановленія «Стоглаваго Собора» были для п. Іова и его времени не обязательными.

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ важно свидѣтельство п. Іова для рѣшенія вопроса объ употребительности и общеобязатель-

[1]) Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь своеобразныя догадки преосвященнаго Никанора, представленныя имъ для подтвержденія своего предположенія о возможности со стороны патріарха Іова намѣренно затемнить въ посланіи смыслъ въ указаніи на дѣйствительное употребленіе въ русской церкви крестнаго знаменія въ формѣ двуперстія. Прежде всего нужно сказать, что преосвящ. Никаноръ считалъ двуперстіе господствовавшею и обязательною формою крестнаго знаменія во времена патріарха Іова въ Россіи, тогда какъ въ церкви грузинской употреблялось въ то время триперстное сложеніе. По мнѣнію епископа Никанора, патріархъ Іовъ, давая наставленія грузинскому патріарху въ догматахъ, обрядахъ «и священнодѣйствіяхъ, не хотѣлъ указывать на рѣзкое различіе двухъ дружественныхъ церквей въ такомъ пунктѣ, который тогда московскимъ книжникамъ представлялся однимъ изъ существенныхъ членовъ вѣры, и за отступленіе отъ котораго, по опредѣленію Стоглаваго Собора, полагалась анаѳема. И вотъ, по мнѣнію изслѣдователя, раздумавши основательно, обстоятельно и всесторонне, безъ сомнѣнія (?), царь и патріархъ рѣшили: изложить въ посланіи о крестномъ знаменіи словами Стоглаваго Собора (см. выше, стр. 93, гдѣ приведенъ текстъ собора о двуперстіи) съ устраненіемъ анаѳематизмъ на некрестящихся двуперстно, да и самое изложеніе розни между московскою высшею частью церкви, стоявшею за двуперстіе, и грузинскою церковію, употреблявшею троеперстіе, присудили представить въ такомъ смутномъ словевыраженіи, въ которомъ и сущность московской вѣры о перстосложеніи была бы исповѣдана, и въ тоже время исповѣдана такъ, чтобы грузины не выразумѣли ровно ничего опредѣленнаго: надобно полагать, что это было положительною въ данномъ случаѣ дипломатическою цѣлію. И оттого безсвязно изложенная 31-я глава Стоглава въ посланіи патріарха Іова въ сокращеніи получила такое словоизложеніе, что въ путаницѣ словъ здравому образованному смыслу рѣшительно невозможно уловить правильно логически состроенную сконцентрированную мысль. Сквозь туманную мглу словъ выглядываетъ развѣ только мысль, что молящися крестититися подобаетъ двѣма персты, какими—разумѣй какъ хочешь,а три персты равны держати—какіе три—разумѣй какъ хочешь, и сими ли тремя или тремя и двумя, т. е. всѣми пятію—разумѣй какъ хочешь—исповѣдуемъ Троицу нераздѣльну, что исповѣдуютъ и грузины, и то есть истинное крестное знаменіе, а какое—то разумѣй какъ хочешь. Не смотря на все это или лучше—по всему этому, подъ рукою составителя посланія 31-я глава Стоглава явно искажена до неузнаваемости, или даже до противорѣчія посланія съ Стоглавомъ.» (Бесѣд. 287—8 стр.)

[2]) Барсовъ. Н. Ив. Какъ училъ о крестномъ знаменіи свят. п. Іовъ. 1890. Спб.

ности тогда той или другой формы перстосложенія, а вмѣстѣ съ нимъ и множества другихъ вопросовъ, исторически и логически связанныхъ между собою, если нынѣшніе изслѣдователи придумываютъ странныя до невѣроятности соображенія для ослабленія свидѣтельства п. Іова, для направленія его не въ пользу раскола, а въ пользу православія. По нашему мнѣнію, не нужно особыхъ искусственныхъ усилій для исключенія п. Іова изъ числа приверженцевъ и проповѣдниковъ двуперстія, потому что во время п. Іова не было той рѣзкости и противоположности въ употребленіи той или другой формы крестнаго знаменія, какая явилась впослѣдствіи, послѣ признанія и осужденія раскола и его приверженцевъ, благодаря строгимъ мѣрамъ, рѣзкой полемикѣ, страстности и враждебности несогласныхъ сторонъ. Напрасны и не основательны усилія отрицать каноническое значеніе «Стоглаваго Собора» для п. Іова, когда извѣстно, что обязательность постановленій собора отмѣнена гораздо позже, на соборахъ 1666—1667 гг. Мнѣніе, отрицающее обязательность постановленій «Стоглаваго Собора», въ теченіи болѣе 100 лѣтъ (1551—1667), принадлежитъ не давнему времени; оно крайне несостоятельно. Самое лучшее опроверженіе его вытекаетъ изъ того, что оно неизвѣстно было ни п. Никону, ни слѣдовавшимъ за нимъ и послѣ него полемистамъ съ Θеофилактомъ Лопатинскимъ во главѣ и концѣ. Кому, какъ не п. Никону, удобнѣе всего было бы воспользоваться мыслію о недѣйствительности (канонической) постановленій отцевъ Собора 1551 г., еслибы не тяготѣла надъ совѣстью русскихъ сила «Стоглаваго Собора»? Ужели могъ не знать отношенія современной церкви къ опредѣленіямъ національнаго собора п. Никонъ, родившійся въ 1605 г., еще при жизни п. Іова? Мысли о недѣйствительности Собора, мысли въ высшей степени благопріятной для п. Никона и полемистовъ въ дѣлѣ обличенія раскола, мы не находимъ ни у кого. Если бы мысль о необязательности Собора до 1666—67 г. была у полемистовъ, то Θеофилакту облегчился бы способъ обличенія своего противника. Замѣчательно, какъ ни сильно и безпощадно опровергалъ Θеофилактъ постановленія «Стоглаваго Собора» и самый Соборъ, но у полемиста не находится мысли о томъ, что постановленія его были во все время (1551—1667) не обязательны ни для кого [1]). Если такъ, то ясно, что п. Іовъ былъ офиціально правъ, внушая грузинской церкви держаться того, чему и самъ слѣдовалъ какъ въ вопросахъ догматическихъ, такъ и обрядовыхъ.

Вотъ причина, почему авторъ «Обличенія» обошелъ молчаніемъ важное свидѣтельство п. Іова о двуперстіи: Θеофилакту нельзя было

[1]) Облич. Θеоф., гл. 8, л. 146 (обр.).

ни отрицать приведенное въ «Пом. Отв.» свидѣтельство п. Іова о двуперстіи, исповѣданное первымъ патріархомъ и проповѣданное другой единовѣрной церкви какъ лучшее («подобаетъ»), ни объяснить его въ свою пользу по хитроумному и лукавому способу своего противника; заподозрѣвать подлинность свидѣтельства, считать его позднѣйшею вставкою,—не было у Ѳеофилакта ни смѣлости, ни находчивости—пріемовъ,—явившихся и развившихся впослѣдствіи. Оставалось молчать.

Говорится это не въ укоръ автору «Обличенія», а въ похвалу и достоинство; хотя, съ другой стороны, откровенный взглядъ полемиста на свидѣтельство п. Іова, свойственный вообще Ѳеофилакту, избавилъ бы изслѣдователей отъ произвольныхъ и тщетныхъ усилій въ выясненіи дѣла. Но молчаливый въ данномъ случаѣ, авторъ «Обличенія» откровененъ, словоохотливъ и находчивъ во многихъ другихъ,—въ этомъ мы уже достаточно убѣдились изъ общей и частной характеристики полемики Ѳеофилакта.

По поводу мыслей и взглядовъ, вызывавшихся вопросами Денисова и сгруппированныхъ авторомъ «Обличенія» въ стройномъ систематическомъ порядкѣ, Ѳеофилактъ высказалъ въ своемъ сочиненіи не мало здравыхъ и мѣткихъ сужденій, находящихся въ близкомъ или отдаленномъ соотношеніи съ главнымъ предметомъ своей полемики. Эти сужденія и свѣдѣнія автора «Обличенія» иногда стоятъ отрывочно, но большею частію развиты, какъ это свойственно Ѳеофилакту,—писателю, старавшемуся развить и уяснить свои мысли до очевидности. Къ такимъ сужденіямъ нужно отнести оцѣнку Ѳеофилактомъ главныхъ источниковъ и пособій, на которые опирались раскольники въ своихъ доказательствахъ и упорствѣ. Эта критическая сторона «Обличенія», совмѣстно съ нѣкоторыми оригинальными и замѣчательными сужденіями, послужила опорою для послѣдующихъ ученыхъ въ дальнѣйшей разработкѣ тѣхъ-же спорныхъ вопросовъ между православіемъ и расколомъ.

Авторъ «Обличенія» первый обстоятельно доказалъ каноническую несостоятельность «Стоглаваго Собора» и какъ вообще, такъ и въ вопросахъ, касающихся раскола, хотя официально Соборъ имѣлъ обязательное значеніе до осужденія его въ 1666—67 годахъ. Некомпетентность Собора, по взгляду Ѳеофилакта, вытекаетъ съ одной стороны изъ того, что этотъ Соборъ составлялся безъ вѣдома и утвержденія восточной церкви, съ другой—изъ характера самыхъ его постановленій, относящихся до раскола, какъ постановленій неосновательныхъ (о двуперстіи) и даже странныхъ (объ аллилуіа). Правда, толчокъ и основаніе къ сомнѣнію въ компетентности «Стоглаваго Со-

бора» подалъ Московскій Соборъ 1666—67 г., но Θеофилактъ пунктуально представилъ всѣ данныя для такого сомнѣнія. Сужденія и соображенія Θеофилакта о «Стоглавомъ Соборѣ» впослѣдствіи сдѣлались достояніемъ церковной исторіи и повторяются всѣми (исключая раскольниковъ), какъ доказанныя научныя положенія.

Θеофилактъ подорвалъ довѣріе и ко многимъ другимъ источникамъ, изъ которыхъ раскольники приводили доводы для подтвержденія своихъ заблужденій. Вся 8-я глава «Обличенія» посвящена Θеофилактомъ краткому критическому обзору главнѣйшихъ источниковъ раскольническаго умствованія. «Книга о вѣрѣ», «Кириллова книга» мнимыя мѣста изъ сочиненій св. Мелетія, Θеодорита, Петра Дамаскина, Максима Грека, Константина Панагіота, Макаріевскія Четьи-Минеи, Катехизисы Большой и Малый—нашли въ «Обличеніи» весьма мѣткую и вѣрную оцѣнку, какъ произведенія и отрывки изъ сочиненій, или несоотвѣтствовавшіе своимъ названіямъ и придаваемому имъ смыслу, или заключавшіе въ себѣ неточное и неправильное толкованіе и изложеніе православной вѣры, сомнительныя и даже ложныя свѣдѣнія, еретическія и раскольническія мысли.

Такъ, послѣ разбора «Кирилловой книги», Θеофилактъ пришелъ къ вѣрнымъ заключеніямъ, 1) объ авторѣ означенной книги, какимъ оказался южно-русскій ученый, протоіерей Стефанъ Зизаній (1595—1630)[1]), 2) о причинѣ названія книги именемъ св. Кирилла Іерусалимскаго, каковая причина состояла въ расположеніи читателя къ большему довѣрію и принятію содержащагося тамъ ученія, и 3) о ложномъ толкованіи Стефаномъ Зизаніемъ слова св. Кирилла Іерусалимскаго о кончинѣ міра и явленіи антихриста, по каковому толкованію явленіе антихриста послѣдуетъ въ восьмой тысячѣ лѣтъ отъ сотворенія міра. Такъ какъ мнѣніе о кончинѣ міра и явленіи антихриста усвоено было раскольниками и доведено было ими до представленія о видимомъ воцареніи антихриста въ лицѣ Петра I, то указаніемъ на нелѣпость его и противорѣчіе евангельскому ученію о неизвѣстности времени послѣдняго конца Θеофилактъ обращалъ вниманіе раскольниковъ на сомнительность и ненадежность Кирилловой книги, какъ источника странныхъ, даже еретическихъ мыслей; принадлежность книги не святому Кириллу, а другому, погрѣшительному во мнѣніяхъ, лицу Θеофилактъ доказывалъ ссылкою на разнообразіе составныхъ частей книги, заимствованныхъ изъ церковныхъ и учительныхъ писателей разнаго времени, отъ древнихъ, жившихъ послѣ святаго Кирилла

[1]) Указанныя цифры означаютъ не годы рожденія и смерти Стефана Зизанія, а обстоятельства, при которыхъ упоминается имя Зизанія, раннѣйшія и позднѣйшія. Точнаго опредѣленія времени рожденія и смерти Стефана Зизанія не сдѣлано.

(386†) до современныхъ первому изданію книги (1644 г.),—на несвойственную церковнымъ писателямъ похвалу составителя своей книгѣ, какъ доброй, блаженной и дорогой, что, по Өеофилакту, сдѣлано для обмана и прельщенія простыхъ людей [1])......

Еще болѣе имѣлъ побужденій авторъ «Обличенія» ослабить значеніе «Книги о вѣрѣ», въ которой находили себѣ подтвержденіе нѣкоторыя раскольническія мнѣнія, какъ-то: о сложеніи двухъ перстовъ для изображенія и употребленія крестнаго знаменія, о чтеніи 8-го члена символа вѣры съ прибавленіемъ *истиннаго,* о явленіи въ міръ антихриста и т. п., хотя, съ другой стороны, есть мысли благопріятныя для опроверженія раскольническихъ заблужденій, какъ напримѣръ, о противосолонномъ хожденіи и о четвероконечномъ крестѣ. По поводу совмѣщенія противорѣчивыхъ указаній на спорные предметы Өеофилактъ настойчиво обращается къ раскольникамъ съ слѣдующею рѣчью: «пріемлете-ли сіе ученіе (о четвероконечномъ крестѣ)? Аще пріемлете: то пора вамъ уже о крестѣ осьмоконечномъ распрю оставити. Пора съ православною церковію единомудрствовати. Аще же не пріемлете сего отъ него (т. е. составителя книги) [2]), то почто иная отъ тогоже пріемлете? Напримѣръ, о сложеніи перстовъ въ знаменіи крестномъ, еже сице творити наставляетъ: совокупляти три персты правыя руки, сирѣчь, великій и малый перстъ и третій что подлѣ малаго, и протягати два персты вышній и средній. А того отнюдъ ни чимъ не утверждаетъ. Обаче вы то отъ него пріемлете: а о четвероконечномъ крестѣ, которое, какъ ни есть утверждаетъ, не хощете пріяти. Чесо ради видно, что вы и на той книгѣ не утверждаетеся, но токмо на своихъ прихотяхъ. Что вамъ любо, пріемлете отъ сея книги, во еже бы вамъ именемъ ея покрыти своя прихоти, и тѣмъ простолюдинъ обманути: а что въ ней вамъ не любо, то молчаніемъ покрываете отъ нихъ. Горе вамъ лицемѣри окаяннѣйшіи!» [3]).

[1]) Облич. Өеофил., гл. 8, л. 135—140. «Кириллова книга» представляетъ сборникъ статей, направленныхъ къ обличенію лжеученій латинянъ, лютеранъ и армянъ Въ первый разъ книга напечатана въ Москвѣ, въ 1644 году, съ цѣлію дать православнымъ полемистамъ руководство въ борьбѣ съ инославными; раскольники издали книгу въ Гродно, въ 1786 году. Спеціальное и обстоятельное изслѣдованіе о «Кирилловой книгѣ» сдѣлано Лиловымъ. Казань, 1858 года.

[2]) Өеофилакту неизвѣстенъ былъ составитель «Книги о вѣрѣ»; на основаніи предположеній Өеофилактъ считалъ составителемъ или Зизанія, или единомышленника—ученика его. Новѣйшія изысканія признаютъ авторомъ книги игумена Наөанаила. «Книга о вѣрѣ»—сборникъ догматико-полемическихъ сочиненій противъ уніи, вводившейся въ юго-западной Руси въ XVI—XVII вв. Первое изданіе сборника было въ Москвѣ, въ 1648 году. Спеціальное изслѣдованіе о книгѣ сдѣлано въ 1883 году, г. Дементьевымъ.

[3]) Облич. гл. 8, л. 143 (обор.).

Такъ какъ между двумя книгами—«Кирилловой» и «Книгою о вѣрѣ» много есть сходнаго въ содержаніи, направленіи, а главнымъ образомъ въ привязанности къ нимъ раскольниковъ, то сказанное о первой изъ нихъ относится и ко второй. Для характеристики «Книги о вѣрѣ» Ѳеофилактъ привелъ, между прочимъ, случай анахронизма и извращенія факта: въ статьѣ о латинахъ святому Осіи, епископу Кордубскому (260—359 г.) приписывается нелѣпое мнѣніе по вопросу о безбрачіи католическаго духовенства, позволявшее «попу имѣти лучше сто наложницъ, нежели едину законную жену» [1]), тогда какъ вопросъ о безбрачіи духовенства возбужденъ былъ гораздо позже, при папѣ Григоріи VII, Гильдебрандѣ (1073—85 г.).

Заслуживаетъ вниманія взглядъ Ѳеофилакта на Макарьевскія Четьи-Минеи, въ которыхъ много писано, но, по взгляду его, мало достойнаго пріятія: «которыхъ святыхъ, не токмо житія, но ниже именъ обрѣтается у древнихъ достовѣрныхъ писателей, то въ Минеяхъ Макаріевскихъ обрящеши, напримѣръ: Святый Хрусъ; а расколщики, и слова его приводятъ изъ тѣхъ Миней во свидѣтельство тридревнаго креста. Кто пишетъ житіе чіе, тому долженъ быти или самовидецъ, или отъ достовѣрныхъ, прежде о томъ писавшихъ, извѣстившійся; а Макаріевскихъ Миней писатель не видалъ тѣхъ, которыхъ житія писалъ: далече бо прежде его жили, то долженъ убо былъ написати, отъ кого какое житіе взялъ; а понеже Макаріевскихъ Миней писатель сего не сотворилъ, самъ себе показалъ недостовѣрна. Новѣйшихъ святыхъ таковая чудеса удивительная написалъ, каковыхъ и древніи святіи, и апостоли, и Самъ Христосъ Богъ не творили; а по чему-бы то вѣрить, не показалъ изъ какова кладязя почерпе таковыя бисеры. Житія святыхъ и всякихъ людей не сочиняются отъ ума, каковъ-бы онъ ни былъ высокій, но отъ самыхъ вещей, яже пишетъ, извѣстія».

Изъ «Большаго Катихизиса», на который раскольники ссылались въ вопросѣ о двуперстіи, Ѳеофилактъ привелъ до 19 неправильныхъ, латинскихъ и даже еретическихъ (въ ученіи объ отношеніи лицъ Святыя Троицы) мыслей, въ какихъ былъ обличенъ и сознался авторъ означенной книги, протоіерей Лаврентій Зизаній, во время испытанія православія его въ Москвѣ, по распоряженію патріарха Филарета, въ 1626 году. Ученіе Большаго Катихизиса о двуперстіи ослабляется и даже уничтожается допущеніемъ триперстія, правильность котораго подтверждается соображеніями, приводимыми въ пользу двуперстія [2]).

Указывая на склонность къ латинству автора «Малаго Катихизиса», гдѣ вмѣстѣ съ неправильнымъ ученіемъ о времени пресуществле-

[1]) Обличеніе, гл. 8, л. 142 (обор.).

[2]) Обличеніе, гл. 8, л. 146—47.

нія святыхъ даровъ также находится мнѣніе о двуперстіи, противное какъ православной церкви, такъ и «раскольническому суевѣрію», Ѳеофилактъ отрицалъ руководственное значеніе означенной книги [1]).

Разборъ всѣхъ означенныхъ излюбленныхъ раскольниками книгъ авторъ «Обличенія» заканчиваетъ упрекомъ и тѣмъ предостереженіемъ, «да видятъ раскольщики, на каковыхъ книгахъ и учителяхъ утверждаютъ свои суевѣрія; въ нихъ многая погрѣшенія суть, яже и самимъ имъ непріятна суть, обаче притворяются сія не видѣти, а еже обрящутъ своему суевѣрію аки согласно, то едино хватаютъ» [2]).

Хотя авторъ «Обличенія» сдѣлалъ разборъ указанныхъ книгъ бѣгло, мимоходомъ, однако сказанное Ѳеофилактомъ было вѣрно и остается таковымъ до настоящаго времени, кромѣ нѣкоторыхъ библіографическихъ подробностей, сдѣлавшихся достояніемъ науки впослѣдствіи, постепенно и незамѣтно, путемъ изслѣдованія духовной литературы XVII—XVIII столѣтія. Исключительно отрицательное отношеніе Ѳеофилакта къ содержанію и направленію «Кирилловой книги», «Книги о вѣрѣ» и другимъ можно считать одностороннимъ по той причинѣ, что въ нихъ находится и добрая сторона, потребная для опроверженія нѣкоторыхъ заблужденій, но строгое отношеніе полемиста объяснялось намѣреніемъ охладить то довѣріе со стороны расколоучителей и Денисова къ названнымъ книгамъ, какого онѣ не заслуживали.

Къ интереснымъ свѣдѣніямъ, находящимся въ «Обличеніи», относятся краткія указанія на толки, образовавшіеся въ средѣ раскола, со времени его возникновенія до смерти Петра I (1666—1725 г.) [3]). О многихъ различныхъ и между собою враждебныхъ толкахъ извѣстно изъ «Розыска» святаго Димитрія Ростовскаго; по «Розыску» число раскольническихъ сектъ въ 1709 году доходило до 20; по Ѳеофилакту число сектъ было до 37, хотя нужно сказать, что нѣкоторыя изъ нихъ можно соединить въ одну по ихъ сходству и тождеству, какъ

[1]) Обличеніе, гл. 8, л. 147—149.

[2]) Обличеніе, гл. 8, л. 150. «Большой Катихизисъ» есть изложеніе православной вѣры; написанный въ началѣ XVII столѣтія Лаврентіемъ Зизаніемъ и исправленный по распоряженію патріарха Филарета, Катихизисъ былъ напечатанъ въ 1627 году, въ Москвѣ; въ 1787 году перепечатанъ былъ въ старообрядческихъ типографіяхъ, въ Гродно. Авторомъ «Малаго Катихизиса» былъ митрополитъ Петръ Могила († 1646 г.). Первое изданіе его было въ Кіевѣ, въ 1645 г.; въ Москвѣ онъ напечатанъ былъ въ 1649 году при патріархѣ Іосифѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями и поправками по тогдашнему образу мыслей, напримѣръ: наставленіе о триперстіи замѣнено было (хотя и неудачно) указаніемъ на двуперстное сложеніе.

[3]) Означенные годы находятся въ текстѣ «Обличенія». Если признать отдѣлъ о сектахъ принадлежащимъ автору «Обличенія», то это хронологическое указаніе можетъ служить новымъ доказательствомъ быстраго и своевременнаго выполненія Ѳеофилактомъ возложеннаго на него порученія.

напримѣръ авраамовщину съ растриговщиною. Какъ въ числѣ и названіи нѣкоторыхъ сектъ, такъ и въ опредѣленіи сущности ученія ихъ Ѳеофилактъ отличается отъ автора «Розыска». Не видно, чтобы Ѳеофилактъ воспользовался собранными святымъ Димитріемъ свѣдѣніями для полной характеристики толковъ, ни обобщивъ ихъ, ни сопоставивъ, т. е. не отдѣливъ случайныхъ чертъ отъ постоянныхъ: авторъ «Обличенія» то приводитъ новыя черты при описаніи сектъ, то ограничивается общими опредѣленіями ихъ. Большое число сектъ объясняется съ одной стороны раздробленностью и взаимною враждебностію, съ другой стремленіемъ полемиста показать въ дробленіи раскола его несостоятельность и слабость,—стремленіе, одинаковое съ стремленіемъ автора «Пом. Отв.» представить какъ можно болѣе обвиненій противъ церкви [1]). Съ фактической стороны свѣдѣнія Ѳефилакта о современныхъ ему сектахъ весьма цѣнны для составленія понятія о тогдашнемъ расколѣ, о глубокомъ паденіи его приверженцевъ [2]).

Но главное значеніе «Обличенія» Ѳеофилакта со стоитъ въ томъ что онъ обратилъ вниманіе на догматическую сторону спорныхъ вопросовъ и тѣмъ ослабилъ историко-археологическую точку зрѣнія, господствовавшую до тѣхъ поръ. Не свободенъ былъ отъ

[1]) По поводу множественности сектъ и обвиненій нужно сказать слѣдующее: 38 нововведеній, или отступленій, за которыя авторъ «Поморскихъ Отвѣтовъ» обвинялъ церковную власть, представляется числомъ не случайнымъ, а какимъ-то загадочнымъ и символическимъ. Число это почти приближается къ числу отступленій римско-латинской церкви, въ которыхъ обвиняли послѣднюю древне-русскіе полемисты XI—XV вѣк., отчасти со словъ греческихъ писателей (послѣ времени раздѣленія церквей), отчасти по своимъ измышленіямъ. Извѣстно, что число заблужденій латинской церкви, сначала незначительное, доведено было враждебными греко-русскими полемистами къ концу XV вѣка до 35 (Поповъ А. Обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ XI—XV вѣковъ. Москва. 1876 г.). Денисовъ число отступленій русской церкви довелъ до 38, на 3 болѣе въ сравненіи съ числомъ обвиненій латино-западныхъ. Есть основаніе допустить вліяніе древне-русскихъ полемистовъ на автора «Пом. Отв.» въ его нападкахъ на русскую церковь, которую онъ считалъ, подобно латинской, уклонившеюся отъ истиннаго православія. По отзыву авторовъ раскольническихъ челобитныхъ, содержаніе которыхъ Денисову было извѣстно и любезно, патріархъ Никонъ внесъ въ русскую церковь латинскій духъ и направленіе. Авторъ «Русскаго раскола старообрядства», А. Щаповъ, первый указалъ на связь между происхожденіемъ и развитіемъ раскола и взглядами русскаго общества на ложное еретическое направленіе западной церкви, которымъ будто-бы увлекался патріархъ Никонъ въ дѣятельности своей по исправленію книгъ и обрядовъ (87—90 стр.; Истор. выгов. пуст., стр. 25).—Число раскольническихъ сектъ у автора «Обличенія» доведено почти до 38.

[2]) Этими свѣдѣніями о сектахъ мы воспользуемся при характеристикѣ состоянія раскола, побуждавшее церковную власть не ограничиваться полемикою противъ раскола, а прибѣгать къ мѣрамъ болѣе практическаго воздѣйствія на послѣдователей его.

односторонней обрядовой точки зрѣнія авторъ «Пращицы»; но въ «Розыскѣ», хотя и болѣе раннемъ полемическомъ опытѣ въ сравненіи съ «Пращицей», замѣтны признаки догматической точки зрѣнія въ рѣшеніи спорныхъ предметовъ, возбужденныхъ расколомъ. Авторъ «Обличенія» болѣе своихъ предшественниковъ держался догматической точки зрѣнія, которую послѣдовательно и провелъ во всемъ своемъ сочиненіи, отъ начала и до конца. Опредѣленіе спорнаго предмета, какъ не имѣвшаго догматической важности, а составлявшаго дѣло внѣшняго благоустройства или церковной дисциплины, предшествовало у Ѳеофилакта всякому разбору спорнаго вопроса. Указаніе на невозможность найти основанія въ священномъ писаніи и древне-отеческомъ, подкрѣпленномъ соборами, преданіи для утвержденія представленныхъ расколомъ мнимыхъ догматовъ принадлежитъ всецѣло Ѳеофилакту и составляетъ цѣнную новизну въ его полемикѣ. Такое направленіе противораскольнической полемики принципіально наносило смертельный ударъ расколу, какъ основанному на смѣшеніи догматовъ и обрядовъ, а не на сущности дѣла.

Серьезность, основательность и полнота разбора раскольническихъ заблужденій со стороны Ѳеофилакта, какъ и правильная точка зрѣнія, проходящая по всему «Обличенію», не освободила знаменитаго полемиста отъ современнаго тогдашняго недостатка, ослабляющаго въ читателѣ «Обличенія» общее хорошее впечатлѣніе; недостатокъ этотъ ослаблялъ силу доказательствъ противъ раскола, такъ искусно и удачно изложенныхъ въ «Обличеніи». Мы говоримъ объ отсутствіи спокойнаго, благороднаго и снисходительнаго тона въ «Обличеніи». Неспокойный, раздражительный, бранчливый и пренебрежительный тонъ «Обличенія» стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ серьезностью и основательностью изслѣдованія Ѳеофилакта. По всему «Обличенію» архіепископа Ѳеофилакта разбросаны рѣзкіе упреки раскольникамъ, сопровождающіеся бранными, неприличными, насмѣшливыми и саркастическими словами и эпитетами; авторъ «Обличенія» называетъ раскольниковъ «злокозненными и деревенскими мужиками», упрямыми дураками, пустосвятами, безсовѣстными прелестниками, плутами; автора «Пом. Отв.» называетъ безбожнымъ и безсовѣстнымъ раскольщикомъ, безсловеснымъ мужикомъ [1]). Какъ-бы мы ни оправдывали и ни объясняли эти шероховатости и выходки автора «Обличенія», однако замѣтное присутствіе ихъ составляетъ существенный недостатокъ въ сочиненіи Ѳеофилакта. Господствующій тонъ въ «Обличеніи» указываетъ на отсутствіе въ авторѣ того свойства, которое одно жизненно и дѣйственно въ христіанствѣ—недостатокъ любви и

[1]) Обличеніе, листы: 21, 36, 60, 68, 83, 84, 95, 98, 101.

снисхожденія къ ближнимъ, требовавшимъ духовнаго врачевства. Мы намѣренно выше привели буквальныя выдержки изъ «Обличенія», чтобы можно было вѣрно судить о рѣзкомъ тонѣ въ сочиненіи Ѳеофилакта. Есть мѣста и выраженія въ «Обличеніи», рѣшительно нетерпимыя и соблазнительныя, какъ напримѣръ, употребленіе слова *чортъ* для вразумленія (!?) заблуждавшихся раскольниковъ [1]). Нужно удивляться, какъ могли удержаться подобныя выраженія въ офиціальномъ изданіи книги, вышедшей послѣ исправленія ея митрополитомъ Арсеніемъ Маціевичемъ по порученію Святѣйшаго Синода. Недостатокъ этотъ, объясняемый тогдашними нравами, рѣзко бросается въ глаза при сравненіи «Обличенія» съ «Пом. Отв.», гдѣ тонъ вѣжливости и спокойствія выдержанъ съ начала до конца, какъ мы уже прежде имѣли случай замѣтить; съ этой стороны автора «Пом. Отв.» нельзя упрекнуть. Правда, можно сомнѣваться въ искренности расположеній Денисова къ іеромонаху Неофиту, предержащимъ и духовнымъ властямъ, но нельзя не поставить въ достоинство отсутствіе грубости и рѣзкости, которыми отличались первыя произведенія раскольниковъ. Насколько «Пом. Отв.» представляютъ значительный и рѣзкій шагъ въ смыслѣ улучшенія тона въ сравненіи съ предшествовавшими произведеніями раскольническаго пера, настолько-же «Обличеніе» можетъ служить поучительнымъ примѣромъ того, какъ трудно бываетъ освободиться отъ нежелательныхъ и вредныхъ для дѣла установившихся полемическихъ пріемовъ такимъ недюжиннымъ литературнымъ дѣятелямъ, какимъ несомнѣнно былъ Ѳеофилактъ Лопатинскій. Этотъ недостатокъ не забывается, несмотря на другія, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія достоинства замѣчательнаго труда Ѳеофилакта.

Не смотря на значительный объемъ «Обличенія», оно читается легко, нѣсколько разъ легче, чѣмъ «Поморскіе Отвѣты», производящіе какое-то мрачное, подавляющее впечатлѣніе. Легкому чтенію и скорому усвоенію содержанія «Обличенія» способствуетъ языкъ его». «Обличеніе» писано на славяно-русскомъ современномъ языкѣ. Славяно-русскій языкъ былъ тогда господствующимъ, литературнымъ. Языкъ «Обличенія» отличается чистотою, правильностію, отсутствіемъ періодичности, растянутости; не встрѣчается и иностранныхъ словъ; это—языкъ какъ-бы разговорный, живой, не книжный. Не смотря на свое южно-русское происхожденіе и образованіе, гдѣ русская рѣчь искажена была до неузнаваемости, Ѳеофилактъ, живя въ центрѣ

[1]) Обличеніе, листы: 12, 21, 26, 92, 95—96, 98, 100, 102, 104, 107, 113, 133, 136.

Великороссіи, усвоилъ всѣ особенности московской тогдашней рѣчи; есть слова, обличающія южно-русское происхожденіе (какъ напримѣръ, рѣли, баешь, гукъ, т. е. шумъ) [1]), но эти вычурныя мѣста не многочисленны. Если славяно-русскій языкъ достигъ при святомъ Димитріи Ростовскомъ († 1709) наибольшаго развитія, то нужно признать, что языкъ въ «Обличеніи» представляетъ не упадокъ въ строеніи славяно-русской рѣчи, а напротивъ, шагъ впередъ. По живости, ясности и конструкціи языкъ сочиненій Θеофана Прокоповича и тѣмъ болѣе митрополита Стефана Яворскаго уступаетъ тѣмъ-же качествамъ въ «Обличеніи» Θеофилакта. Рѣчь автора ясна и вездѣ понятна, что̀ происходитъ отъ убѣжденности въ истинѣ того, о чемъ трактуется, какъ результатѣ основательнаго знакомства съ предметомъ.

По изложенію мыслей и отношенію однихъ частей сочиненія къ другимъ «Обличеніе» отличается стройностію, послѣдовательностію и соотношеніемъ главныхъ частей къ второстепеннымъ. Это первый и лучшій сравнительно опытъ научнаго изложенія обличенія русскаго раскола; если «Обличеніе» Θеофилакта по содержанію и направленію нужно признать лучшимъ сочиненіемъ въ сравненіи съ прежними полемическими трудами противъ раскола, то и по внѣшности оно стоитъ выше прежнихъ. Въ авторѣ «Обличенія» легко узнать воспитанника той высшей духовной школы, гдѣ формальное логическое мышленіе и природная даровитость удачно сосредоточиваются и успѣшно управляются съ обработкою сыраго, запутаннаго матеріала, каковъ представляли собою «Пом. Отв.». «Обличеніе» раздѣлено на главы, главы на разсужденія. Опредѣленіе предмета въ каждой главѣ и распредѣленіе его по пунктамъ («разсужденіямъ») не чуждо, впрочемъ, той искусственности и излишняго дробленія, какія господствовали тогда въ сочиненіяхъ юго-западныхъ ученыхъ, мѣшая отчетливому усвоенію. Раскрытіе главныхъ и второстепенныхъ мыслей отличается постепенностію и законченностію; нѣтъ сбивчивости, запутанности, двусмысленности. Въ «Обличеніи» нѣтъ повторенія и тождесловія— этого утомительнаго недостатка «Пом. Отв.».

Въ довершеніе характеристики противораскольнической полемики Θефилакта нужно упомянуть о дополненіи къ «Обличенію», сдѣланномъ м. Арсеніемъ Маціевичемъ въ 1745 году. Съ внѣшней хронологической стороны, рѣчь о дополненіи къ «Обличенію» представляется довольно значительнымъ анахронизмомъ (1725—1745 г.), но оба эти литературные памятника имѣютъ внутреннюю, взаимную, логическую, историческую зависимую связь, такъ что могутъ быть разсматриваемы какъ нѣчто коллективное однородное цѣлое по содержанію, цѣлямъ и направленію.

[1]) Облич., гл. I, л. 8; л. 1 (въ концѣ).

«Дополнительное обличеніе» м. Арсенія было написано одновременно съ исправленіемъ «Обличенія», послѣ смерти автора послѣдняго,—Ѳеофилакта († 1741 г.) «Дополненное обличеніе» митрополита Арсенія вызвано было неполнотою «Обличенія» Ѳеофилакта, тѣмъ, что послѣдній почти исключительное вниманіе обратилъ на 50 отвѣтъ Денисова. Правда, авторъ «Обличенія» касался немного и другихъ вопросоотвѣтовъ (5, 19, 29, 34, 35, 37, 57, 65, 90, 101 и 104) Денисова, но ограничивался болѣе приведеніемъ доводовъ своего противника, чѣмъ критикою раскольническихъ разглагольствій, находившихъ опроверженіе въ сказанномъ по поводу 50-го отвѣта,—съ цѣлію болѣе полнаго ознакомленія читателей со всѣми заблужденіями своихъ противниковъ [1]).

Принадлежность «Дополненнаго Обличенія неправыхъ и лжесловесныхъ отвѣтовъ раскольническихъ» Арсенію Мацѣевичу въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію. Это сочиненіе Арсенія Мацѣевича, извѣстное до 1868 года ученымъ по рукописямъ синодальной библіотеки, сполна напечатано въ I и III томахъ «Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Синода». По объему оно обширно, а по содержанію однообразно, бѣдно и блѣдно, хуже въ сравненіи съ «Обличеніемъ» Ѳеофилакта, которое Арсеній думалъ пополнить. Такъ какъ оно касается разбора одного «Предисловія» къ «Поморскимъ Отвѣтамъ», то это «Дополненное обличеніе» можно считать началомъ предполагавшагося обширнаго, но неоконченнаго сочиненія. Въ своемъ «Дополненіи» Арсеній Мацѣевичъ не подвергаетъ критическому разбору, подобно Ѳеофилакту, частныхъ спорныхъ предметовъ между православіемъ и расколомъ, но касается ихъ съ общей обличительной точки зрѣнія. Вмѣсто доказательствъ и соображеній, которыя опровергали бы раскольническія заблужденія, авторъ «Дополненія» ограничивается насмѣшливыми сравненіями, оскорбительными эпитетами и уподобленіями раскольниковъ. Нельзя сказать, чтобы

[1]) Арсеній Мацѣевичъ, воспитанникъ кіевской академіи, въ 1734—1736 г. былъ въ составѣ членовъ камчатской экспедиціи для изслѣдованія береговъ Азіи. Въ это время, живя въ соловецкой обители, старался возвратить къ св. церкви игумена Іоасафа, заточеннаго въ Соловки за упорство въ расколѣ. Въ 1731 г. опредѣленъ въ синодальнаго іеромонаха. Въ 1741 г.—митрополитъ тобольскій и съ 1742 г.—ростовскій. Подавъ отзывъ о синодальномъ управленіи, онъ по желанію его благосклонно уволенъ императрицею отъ присутствія въ синодѣ. Въ Ростовѣ онъ открылъ семинарію, которою занимался отъ души. Въ 1764 г. за протесты противъ отобранія имуществъ церковныхъ заточенъ въ архангельскій корельскій монастырь, подъ суровый караулъ. Въ 1766 г. по доносу солдата подвергнутъ новому суду к послѣ разговоровъ съ Екатериною и Шешковскимъ запертъ въ ревельскую крѣпость, гдѣ и скончался въ 1772 г. (Филаретъ. «Обзоръ духовной литературы», стран. 343, т. II).

у Арсенія не было доказательствъ и соображеній, ослабляющихъ и представляющихъ расколъ въ непривлекательномъ видѣ, но не они составляютъ преобладающее содержаніе «Дополненнаго Обличенія», а нѣчто другое: обличительное многоглаголаніе, исполненное рѣзкихъ упрековъ и пренебреженія къ заблуждавшимся, господствуетъ надъ дѣйствительнымъ содержаніемъ, въ противоположность «Обличенію» Ѳеофилакта, гдѣ дѣйствительно полемическій элементъ, состоящій въ разборѣ и опроверженіи заблужденій, преобладаетъ надъ голословнымъ обличеніемъ; по своей повторяемости и многословію «Дополненное Обличеніе «напоминаетъ автора «Пом. Отв.»,—уступая послѣднему по отсутствію спокойнаго и вѣжливаго тона. Нужно, впрочемъ, сказать, что такой общій обличительный характеръ «Дополненія» Арсенія объясняется свойствомъ самого «Предисловія», какъ заключающаго общія вступительныя мысли, духъ раскольническихъ заблужденій и противленія. Общимъ мыслямъ «Предисловія» «къ Пом. Отв.» соотвѣтствуютъ мысли «Дополненія», каковы разсужденія Арсенія: о мнимомъ сходствѣ по жизни и направленію выговцевъ съ древними пустынножителями и мучениками, о неправильномъ пониманіи выговцами церкви въ отвлеченномъ смыслѣ, о перстосложеніи въ опроверженіе двуперстія, о неисправности древнеписьменныхъ и старопечатныхъ книгъ въ доказательство необходимости исправленія при патріархѣ Никонѣ, о справедливомъ усвоеніи выговцамъ и имъ подобнымъ названія раскольниковъ и осужденіи за противленіе церкви, о несоотвѣтствіи между словами и дѣлами выговцевъ, въ жизни которыхъ Арсеній усматриваетъ богопротивныя и безнравственныя явленія, какъ-то: безбожіе, развратъ, дѣтоубійство, самосожигательство, невоздержность, любостяжаніе, роскошь, торговый духъ, фарисейское лицемѣріе и т. п.; все это авторъ поставляетъ въ зависимость отъ уклоненія отъ церкви [1]). Далѣе слѣдуютъ обвиненія въ отверженіи священства и таинствъ, хотя бы это и вызывалось и объяснялось нуждою, – о поврежденіи вѣры чрезъ отверженіе таинствъ и приближеніи ея къ лютеранству и другимъ ересямъ,—о томъ, насколько умѣстны кроткія мѣры по отношенію къ раскольникамъ. Вотъ главныя мысли «Дополненнаго Обличенія» Арсенія на «Предисловіе» къ «Поморскимъ Отвѣтамъ». Эти мысли изложены Арсеніемъ не въ такой послѣдовательности и раздѣльности, какъ въ «Обличеніи» Ѳеофилакта. Арсеній часто возвращается къ одному и тому же вопросу, не рѣшая его окончательно, пунктуально, отчего чтеніе «Дополненія» представляется затруднительнымъ и утомительнымъ отъ безпорядочнаго изложенія.—Представимъ нѣсколько примѣровъ «обличенія» Арсеніемъ выговцевъ для характери-

[1]) Опис. докум. т. III, LVIII. Приложеніе, стр. 333—331.

стики взглядовъ и пріемовъ полемики автора «Дополненія» по нѣкоторымъ спорнымъ вопросамъ. Изъ этихъ примѣровъ открывается сходство и разница между полемикою Ѳеофилакта и Арсенія [1]).

По содержанію своему вопросы «Дополненія» можно раздѣлить на два разряда: одни касаются нѣкоторыхъ спорныхъ предметовъ вѣры и церкви, а другіе относятся къ жизни выговскихъ раскольниковъ, къ ихъ нравственности и занятіямъ. Къ первымъ относятся вопросы: о двуперстіи, о церковной іерархіи, о таинствахъ и главнѣйшемъ изъ нихъ—таинствѣ святой евхаристіи и правовѣріи раскольниковъ; другихъ спорныхъ вопросовъ—объ аллилуія, осьмиконечномъ крестѣ и др. авторъ не разсматривалъ, ограничиваясь голословнымъ перечисленіемъ ихъ; къ остальнымъ предметамъ обсужденія принадлежатъ мнѣнія митрополита Арсенія по поводу усвоенія себѣ выговцами названія пустынножителей, о зазорной жизни поморскихъ раскольниковъ, о враждебности ихъ къ православной церкви, о промышленномъ направленіи ихъ дѣятельности; сюда нужно отнести разсужденія о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ раскольникамъ въ интересахъ церкви и государства. Около этихъ предметовъ сосредоточивается много другихъ мыслей автора, стоящихъ въ близкомъ или отдаленномъ отношеніи къ главнымъ предметамъ.

Въ разсмотрѣніи вопроса о двуперстіи м. Арсеній находился подъ вліяніемъ Ѳеофилакта, но не усвоилъ вполнѣ взглядовъ его (кажется) по независимости своего характера, хотя эта независимость кажущаяся, и не свидѣтельствуетъ о самостоятельномъ изученіи, основательномъ и документальномъ знаніи раскола. Арсеній смотрѣлъ на спорные вопросы, подобно Ѳеофилакту, съ догматической точки зрѣнія, правильно усвояя спорнымъ предметамъ второстепенное значеніе, хотя въ длинныхъ разсужденіяхъ по данному вопросу придаетъ ученію о двуперстіи больше значенія, чѣмъ сколько оно заслуживало по первоначальному опредѣленію. Если, по мысли Арсенія, всякій догматъ основывается на священномъ писаніи или преданіи, и если двуперстіе—догматъ, то изъ какой книги священнаго писанія указать на двуперстіе (и вообще перстосложеніе) какъ на догматъ? Нельзя, съ другой стороны, указать примѣра, чтобы кто пострадалъ за два перста. Несостоятельность двуперстія и превосходство предъ нимъ триперстія Арсеній пространно доказываетъ, невѣрно прилагая здѣсь признаки достовѣрности или ложности писаній по руководству Максима Грека. По взгляду Максима Грека, «всякое писаніе (не священное, а святоотеческое и назидательное) тремя нѣкими свойствы

[1]) Библіографическій обзоръ «Дополненія» м. Арсенія сдѣланъ въ Прав. Собесѣдн. за 1861 г., ч. III, 350—395 стр.

изряднѣ достовѣрное имать: первое, аще отъ благовѣрнаго (православнаго) и соборнѣй церкви знаема и знаменіи таковаго списателя сложено бысть; второе, аще по всему согласуетъ, яко же предречеся, догматомъ и преданіемъ; третіе, аще что само къ себѣ по всему согласуетъ, а нигдѣ же различуетъ [1]. Этотъ критерій, касающійся содержанія писанія, а не символа и обряда, приложенъ авторомъ «Дополненія» къ вопросу о двуперстіи. Полемистъ нашелъ несоотвѣтствіе сложенія перстовъ въ двуперстіи съ представленіемъ о совершенствѣ и равенствѣ Лицъ Пресвятой Троицы съ одной стороны, а сложеніе перстовъ между собою—противорѣчивымъ обыкновенному ихъ названію и преемству—съ другой. «Если», по ученію раскольниковъ, «совокупленіемъ тріехъ перстъ, сирѣчь пальца (большаго) и еже отъ средняго и малаго тайну исповѣдуемъ Богоначальныхъ тріехъ упостасей Отца и Сына и Святаго Духа Единаго Бога трое, то послѣ перваго большаго перста или пальца четвертый перстъ еже отъ средняго вторымъ, пятый же или малый третьимъ нарицается, слѣдовательно чрезъ четвертый перстъ Сынъ, а чрезъ пятый Духъ Святый разумѣется. И какъ же здѣсь нѣтъ различія и крайняго не токмо съ собою, но и съ самимъ Богомъ несогласія, съ Богомъ не согласуетъ потому: понеже Богъ естественнымъ и природнымъ обычаемъ заопредѣлилъ ручнымъ перстомъ человѣческимъ быть безъ всякой перемѣны надлежащимъ исчисленія порядкомъ, сирѣчь быть большему персту первымъ, указательному вторымъ, великосреднему третьимъ, малосреднему четвертымъ, послѣднему пятымъ. И по таковому Божію опредѣленію не токмо отъ вѣрныхъ, но ниже отъ невѣрныхъ никто не споритъ и малѣйшаго прекословія ниже во умъ принимаетъ, а здѣсь противъ всего свѣта споръ и Божія опредѣленія явственный развратъ, понеже пятый перстъ вторымъ, а четвертый третьимъ дѣлается, а въ другое послѣ перваго четвертый вторымъ, а пятый третьимъ исчитается. И разъ вторая Божія упостась Сынъ Божій пятымъ перстомъ, Духъ же Святый третья упостась четвертымъ. А въ другое Сынъ Божій четвертымъ, а Духъ Святый пятымъ перстомъ изобразуется и посему сіе писаніе и исповѣданіе ниже самому себѣ согласуетъ, слѣдовательно надлежитъ его въ числѣ тѣхъ подметныхъ писаній полагать, о которыхъ преподобный Максимъ Грекъ засвидѣтельствовалъ [2]). Приведенные раскольниками архіерейскіе дикиріи и трикиріи въ доказательство двуперстія авторъ «Дополненія» не считаетъ удачною попыткою. «Это», говоритъ онъ, «отнюдь не можетъ способствовать и вашея кривотолковщины выправить, понеже трикирій и дикирій

[1]) Опис. т. III, стр. 302.

[2]) Опис. докум. т. III, стр. 303—4.

дѣло рукъ человѣческихъ, а персты человѣческое дѣло и созданіе Божіе» [1]).

Разсужденіе Арсенія, только повидимому оригинально и остроумно, но оно не ново; оно высказано авторомъ «Жезла Правленія» и повторено въ «Пращицѣ» [2]). Въ подобныя разсужденія искусственныя Ѳеофилактъ не входилъ, высказывая по этому вопросу нѣсколько иныя мысли, отчасти уже намъ извѣстныя. По Ѳеофилакту, персты наши недостаточны для символическаго выраженія таинства Святыя Троицы. Оригинальность Арсенія Маціевича по вопросу о двуперстіи выразилась въ глумленіи и издѣвательствѣ надъ совершенно искреннимъ и самимъ по себѣ безвреднымъ заблужденіемъ въ этомъ вопросѣ. Арсенію первому принадлежитъ названіе двуперстія армянскимъ кукишемъ, неоднократно повторенное для большаго раздраженія раскольниковъ; два перста въ двуперстіи Арсеній называетъ двумя козлиными рогами [3]).

Послѣ разсужденія о двуперстіи вниманіе автора «Дополненія» долго остановилось на вопросѣ объ отсутствіи у выговцевъ священныхъ лицъ для отправленія богослуженія, совершенія таинствъ и проповѣданія Слова Божія вслѣдствіе того, что принадлежность свою къ безпоповщинѣ авторъ «Предисловія» старался оправдать, повидимому, основательными соображеніями, наличными временными неблагопріятными обстоятельствами и примѣрами изъ древней церковной исторіи.

«Понеже отъ самихъ апостольскихъ временъ», говорилось въ «Предисловіи», «во многа времена въ гонительныя, тѣсноты и нужныя случаи церковь Христова со угодники Божіими и съ вѣрными христіаны пребываше многажды кромѣ видимыхъ церквей и кромѣ священниковъ и кромѣ пространныхъ тайнодѣйствъ. Такожде и по пустынямъ кромѣ сихъ многажды пребывающе угодницы Божіи спасахуся. И аще отъ апостольскихъ временъ въ нужныя случаи во святѣй Божіей церкви, кромѣ видимыхъ церквей и священниковъ, также и въ пустыняхъ пребывающе тако благоугождаху Богу, убо и мы въ нужныхъ сихъ случаѣхъ, древне-православная церковная преданія соблюдающе, спасеніе можемъ получити и святыя Божія церкви не отлучены быти, по словеси Златоустаго отца: церковь есть не стѣны и покровъ, но вѣра и житіе.—Православно-каѳолическую вѣру исповѣдуемъ и вся евангельская и апостольская заповѣданія всевѣрно пріемлемъ; святоотеческая наказанія благоговѣйно почитаемъ; святыхъ соборовъ преданія и поученія всепокорно лобызаемъ; вся таинства церковная, содѣваемая по преданію святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ, всевѣрно

[1]) Опис. докум. т. III, стр. 304.

[2]) Жезлъ, л. 59—60. Пращица, л. 105—106; Обличеніе, л. 11—12.

[3]) Опис. докум. Святѣйшаго Синода, т. III, LVIII.

исповѣдаемъ и всеговѣйно пріемлемъ и почитаемъ; и аще чего за нужными случаями не можемъ получити, обаче всевѣрно вѣруемъ и желаемъ и исповѣдуемъ и въ тѣхъ случаяхъ тако пребываемъ, якоже древле святіи во времена нужная пребываху» [1]).

Вопроса объ отсутствіи у выговцевъ церковной іерархіи касался авторъ «Обличенія» [2]), намѣтивши главныя возраженія противъ доводовъ Денисова. Повторяя мысли Θеофилакта, митрополитъ Арсеній входилъ въ подробное разсмотрѣніе дѣла. Прежде всего, авторъ «Дополненія» указывалъ на то, что отсутствіе и тѣмъ болѣе отрицаніе, хотя-бы и временное, священства со стороны выговской безпоповщины, какъ и всякой, прямо находится въ противорѣчіи со взглядами раскольниковъ на старопечатныя книги; всѣ старопечатныя книги неопровержимо признаютъ необходимость священства и тайнодѣйствій, безпрерывно, безостановочно. Для бо́льшаго обличенія раскольниковъ въ ихъ заблужденіяхъ и противорѣчіяхъ, авторъ «Дополненія» привелъ цѣлый рядъ очевидныхъ свидѣтельствъ изъ наиболѣе уважаемой раскольниками «Кирилловой книги» въ доказательство той истины, что священная іерархія также необходима, какъ и безкровная евхаристическая жертва, «ибо сіе вкупѣ бываетъ, и ни едино безъ другаго не можетъ быти». По смыслу приведенныхъ свидѣтельствъ ясно, что кто лишается священнодѣйствій, т. е. всѣхъ таинствъ, тотъ теряетъ вѣру, не вѣритъ стариннымъ книгамъ и отлученъ отъ церкви [3]).

Далѣе, мысль о непрерываемости и постоянствѣ евхаристической жертвы и священной іерархіи полемистъ доказываетъ, въ духѣ святаго Апостола Павла: 1) отношеніемъ новозавѣтнаго священства къ ветхозавѣтному, какъ вѣчнаго и превосходнаго къ временному и низшему, прообразовательному (Евр. 7 гл.); 2) указаніемъ на многія Евангельскія и Апостольскія изреченія; и 3) на святоотеческія толкованія (святаго Іоанна Златоуста, Θеофилакта Болгарскаго). Считаемъ излишнимъ приводить отрывки изъ обширныхъ, вошедшихъ въ «Дополненіе», разсужденій святаго Іоанна Златоуста о необходимости священства, потому что сводъ подобныхъ свидѣтельствъ не представлялъ для полемиста никакихъ затрудненій при существованіи тогда святоотеческихъ переводовъ на славянскомъ языкѣ.

Гораздо труднѣе было опровергнуть тѣ случаи временнаго и мѣстнаго оскудѣнія священства, на которые указывалось въ «Предисловіи» и которые перечислены въ 101 отвѣтѣ. Признавая уважительными случаи временнаго оскудѣнія священства, митрополитъ Арсеній

[1]) Опис. т. III, LVIII, стр. 323, 325, 327, 350.

[2]) Обличеніе гл. 10, л. 54—55.

[3]) Опис. т. III—LVIII, стр. 321—322.

не оправдывалъ раскольниковъ въ неимѣніи у себя священнодѣйствій пространныхъ или краткихъ, такъ какъ объяснялъ ни чѣмъ инымъ, какъ только принадлежностью выговцевъ къ безпоповщинѣ, слѣдовательно принципіальными воззрѣніямъ ихъ, а не чѣмъ-либо случайнимъ; подтвержденіе своей мысли полемистъ усматривалъ въ возможности легкаго устраненія препятствій для устроенія выговцами нормальнаго церковнаго порядка, но попытокъ къ этому не было: «понеже у васъ», говоритъ полемистъ, «старинныя пространныя книги имѣются, и, кажется, воля (свобода) и довольство имѣется, только одного не достаетъ, что вамъ, какъ лютеранамъ и жидамъ, священства требовать совѣсть единонравная (мѣшаетъ)» [1]). Если, по взгляду полемиста, раскольники отвергли священство и другія таинства,— бóльшее, то нѣтъ нужды въ меньшемъ—старопечатныхъ книгахъ, постановленія и обряды которыхъ не исполнялись [2]).

Отрицаніе священной іерархіи сопровождалось у выговцевъ отверженіемъ всѣхъ таинствъ, кромѣ крещенія и покаянія, какъ необходимыхъ для спасенія; безъ остальныхъ пяти таинствъ, въ принципѣ признаваемыхъ, можно, по взгляду выговцевъ, спастись. За отсутствіемъ священниковъ, крещеніе и покаяніе совершались у выговцевъ мірянами. Въ совершеніи таинства крещенія допущено было требованіе перекрещивать обращавшихся къ нимъ изъ православныхъ, хотя-бы священниковъ и діаконовъ. Въ подтвержденіе того, что безъ причащенія, какъ и безъ мѵропомазанія, можно крещеному спастись, въ 104-мъ отвѣтѣ приведено нѣсколько примѣровъ изъ жизни древнихъ пустынножителей, просіявшихъ святостію и чудесами, хотя и не причащавшихся отъ 30—50 лѣтъ (препп. Марія Египетская, Петръ Аѳонскій, Маркъ Фраческій); въ свое оправданіе раскольники приводили соображенія о недостойномъ причащеніи однихъ и невозможности причащенія другихъ за отсутствіемъ священника, по причинѣ внезапной болѣзни, смерти и т. п., что̀ однако не только не мѣшало спасенію послѣднихъ, но соединялось иногда съ преизбыткомъ благодати.

Такъ какъ авторъ «Дополненнаго Обличенія» не отдѣлялъ вопроса о священствѣ отъ тѣсно соединеннаго съ нимъ вопроса объ евхаристіи, то и доказательства опроверженія раскольническихъ мнѣній у митрополита Арсенія совершенно одни и тѣ же, какія приведены были выше для подтвержденія необходимости и постоянства таинства священства: полемистъ не представилъ никакихъ соображеній въ опроверженіе приведенныхъ примѣровъ отчужденія отъ таинства причащенія нѣкоторыхъ святыхъ. Замѣчательно, что и авторъ «Обличенія»

[1]) Опис. т. III, LVIII, стр. 323.

[2]) Обличеніе, гл. 10, л. 55.

оставилъ вопросъ открытымъ, приведши лишь въ ясность мнѣніе раскольниковъ о таинствѣ евхаристіи.

Что касается до брака, то полемистъ обличалъ выговцевъ за отверженіе этого таинства, поведшее къ печальнымъ безнравственнымъ и безчеловѣчнымъ поступкамъ: дѣтоубійству, свальному грѣху и всякому разврату, одинаковому съ язычниками. Къ характеристикѣ выговцевъ авторъ «Дополненія» сообщаетъ, что въ случаѣ, если кто приходилъ къ нимъ съ законною женою, то такихъ заставляли законный бракъ проклинать и съ женою не жить. Незаконность и гибельность извращенныхъ понятій о бракѣ у выговцевъ полемистъ доказывалъ ссылкою на 51-ое апостольское правило, подвергающее отлученію отъ церкви тѣхъ, кто удаляется отъ брака не ради подвига воздержанія, но по причинѣ гнушенія бракомъ.

Отверженіе таинства священства, безъ котораго не могли совершаться и всѣ остальныя, по мнѣнію полемиста, подтвержденному авторитетомъ апостольскаго писанія и толкованіемъ святаго Іоанна Златоуста, достаточно для того, чтобы, исключивъ раскольниковъ изъ сонма православныхъ, причислить ихъ къ еретикамъ—лютеранамъ, кальвинистамъ и даже жидамъ, вопреки самоувѣренному заявленію выговцевъ о своемъ православіи, основанному на признаніи ими «символа вѣры» безъ исполненія ученія о церкви и таинствахъ (т. е. 9—10 членовъ и даже 11-го по связи таинства евхаристіи съ вѣрою и надеждою на воскресеніе мертвыхъ [1]).

На томъ же основаніи полемистъ признавалъ общество выговцевъ собраніемъ незаконнымъ, отверженнымъ и отлученнымъ, ссылаясь на 35-ое правило Лаодикійскаго собора и уподобляя хвастливыхъ раскольниковъ еретикамъ-ангеловцамъ, осужденнымъ означеннымъ соборомъ [2]).

Опредѣленіе раскольниками церкви не въ смыслѣ видимаго зданія, стѣнъ и покрововъ, а въ смыслѣ вѣры и житія,—опредѣленіе, сдѣланное, повидимому, на основаніи ученія святаго Іоанна Златоуста и оправдывавшее отсутствіе у поморцевъ видимыхъ храмовъ и таинственныхъ чиносовершеній, нашло въ авторѣ «Дополненія» обстоятельное опроверженіе [3]). Пространныя разсужденія полемиста по этому предмету можно изложить кратко слѣдующимъ образомъ:

[1]) Описаніе, т. III, LVIII, стр. 352—57.

[2]) Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ «Дополненія» преувеличилъ дѣло, приписавши выговцамъ мысли еретиковъ—гностиковъ, учившихъ не молиться Богу и Христу, а только ангеламъ, какъ творцамъ и правителямъ міра. Такихъ мыслей у раскольниковъ не было и не могло быть, не смотря на большое развитіе у нихъ безпоповщины и отрицаніе таинствъ, дававшія митрополиту Арсенію поводъ къ такимъ далекимъ, невѣрнымъ и неостроумнымъ сближеніямъ. «Книга Правилъ», 184 стр.

[3]) Описаніе, т. III, LVIII, стр. 327—330.

При вопросѣ о церковномъ устройствѣ рѣчь была не о видимыхъ храмахъ, которые должны всетаки освящаться и благословляться епископами и священниками для совершенія богослуженія и таинствъ, а о священной тристепенной іерархіи, объ архіереяхъ и священникахъ, безъ которыхъ христіанское общество никогда не обходилось, начиная съ древнѣйшихъ апостольскихъ временъ; оскудѣніе священства было временное, мѣстное и не продолжительное, скоро возстановлявшееся; оскудѣнія и перерыва священства повсюднаго, повсемѣстнаго никогда не было; на время такого оскудѣнія раскольники не могли указать безъ противорѣчія исторіи, при усиленіи ихъ обольщать простаковъ и клеветать на святую церковь. Еслибы допустить такой перерывъ священства, а съ нимъ и прекращеніе совершенія священной литургіи, то кто посвятилъ-бы новыхъ архіереевъ и священниковъ? Не изъ чего не видно, чтобы во второй разъ приходилъ съ неба Христосъ для постановленія архіереевъ, или посылалъ Апостоловъ съ небесъ для хиротоніи епископовъ; у полемиста указанъ особый исключительный случай невидимаго небеснаго (чрезъ ангеловъ) посвященія въ санъ святителя святаго Амфилохія иконійскаго (память 23-го ноября, † 395 г.), хотя это посвященіе не воспрепятствовало совершить надъ нимъ хиротонію при участіи 7 епископовъ.

Такова была, по взгляду автора «Дополненія», несостоятельность выговскихъ раскольниковъ въ вопросахъ вѣры и церковнаго устройства. Но не лучше было уклоненіе противниковъ церкви отъ правилъ въ области нравственности и жизни. Паденіе нравственное полемистъ поставлялъ въ зависимость отъ догматическихъ заблужденій. Безнравственныя явленія въ жизни выговскихъ раскольниковъ, начиная отъ мнимой святости и оканчивая дѣтоубійствомъ, тѣмъ были вреднѣе и глубже, что искусно скрывались и замаскировывались проявленіями патріотически-гражданскихъ чувствъ, преданности и услугъ правительству и неутомимой промышленно-торговой дѣятельности.

Авторъ «Дополненія» считалъ выговцевъ тщеславными, лицемѣрными и пустосвятами. При описаніи тщеславія ихъ и ложнаго смиренія, какъ и другихъ дурныхъ качествъ, полемистъ не былъ осторожнымъ и краткимъ, сгустивъ мрачныя краски до чрезвычайности.

Такъ, по взгляду полемиста, выговцы дерзнули равнять себя (верстать) съ «древними сущими святыми отцами пустынножительными». Основаніе для такого преувеличеннаго умозаключенія полемистъ усмотрѣлъ въ слѣдующихъ словахъ «Предисловія», служившихъ для поморцевъ оправданіемъ въ ихъ твердости своимъ убѣжденіямъ. «Но чесого же ради», спрашивали выговцы, «тако въ древлеправославныя церкве уставѣхъ утверждаемся быти? еда славы ради міра сего? но отлученное отъ славныхъ міра сего и чести и славы міра

не имѣющее сироткое житіе живемъ. Полученія ли ради богатства? но убожествомъ и напастми ради храненія древлеправославного обогащаемся. Чиновъ-ли ради на земли высокихъ въ сихъ пребывати усердствуемъ? но въ нужныхъ пустынныхъ мѣстѣхъ нужное Богорадное житіе живуще, сихъ не имѣемъ и имѣти не надѣемся» [1]).

Но ни изъ «Предисловія», ни изъ «Поморскихъ отвѣтовъ» не видно, чтобы выговцы по жизни и вѣрѣ считали себя равными съ древними знаменитыми пустынножителями—ѳиваидскими, сирійскими, іерусалимскими и т. п. Уподобленіе—не равенство и тождество, предполагающее полное соотвѣтствіе убѣжденія съ дѣятельностію и жизнію.

Между тѣмъ авторъ «Дополненія» усвоялъ выговцамъ горделивое самовосхваленіе какъ что-то несомнѣнное, фактическое. Повидимому, полемисту давало поводъ такъ думать названіе выгорѣцкой общины «пустынью», но названіе это въ то время было не новымъ, но давно извѣстнымъ, вошедшимъ въ общее употребленіе и уваженіе; возникновеніе пустыни, жизнь въ ней по древнимъ образцамъ, обще-христіанскихъ-ли то, или древне-русскихъ подвижниковъ, считалось явленіями похвальными,—не заслуживали порицанія, хотя-бы подвиги жителей пустыни и далеки были отъ начертанныхъ идеаловъ и прежнихъ примѣровъ. Митрополиту Арсенію извѣстно было, при какихъ тяжелыхъ условіяхъ возникла и возрастала выговская пустынь, какимъ трудамъ, лишеніямъ, и опасностямъ подвергали себя первые ея основатели и сколько нужно было настойчивости, терпѣнія и умѣнія для приведенія въ благоустройство и дальнѣйшую поддержку выговской общины. Заботу объ устроеніи жилищъ, попеченія выговцевъ объ удовлетвореніи необходимыхъ жизненныхъ потребностей и о запасахъ на будущее время полемистъ ставитъ въ порицаніе съ цѣлію провести рѣзкое различіе между древними подвижниками и выговскими раскольниками, когда послѣдніе и не думали равняться съ первыми въ отношеніи святости.

Извѣстно, что выговская община, благодаря распорядительности и дѣятельности своихъ членовъ, торговлѣ, вещественнымъ и денежнымъ пожертвованіямъ отъ многихъ раскольниковъ изъ разныхъ мѣстъ, пришла въ цвѣтущее состояніе во время миссіи іеромонаха Неофита (1722—1727 г.) и послѣ; экономическое благосостояніе ея дало полемисту обильный и благодарный матеріалъ для сопоставленій и остроумныхъ сближеній.

Такимъ образомъ, довольству и стяжательности выговцевъ авторъ противоставляетъ бѣдность и безкорыстіе пустынниковъ синайскихъ и раифскихъ; безмолвію, богомыслію, постничеству и полнотѣ церковной службы пустынниковъ противополагаетъ мірской порядокъ

[1]) Описаніе, т. I. прил. XXXVII, стр. 436.

выговской пустыни, гдѣ «все вопреки дѣлается и содержится, понеже упражняющеся въ торгахъ и промыслахъ нельзя имъ быть безъ богатства и всякаго лишняго стяжанія и мшалоимства; церковь же съ безкровною жертвою или божественною литургіею отнюдь не надобна и вовсе непотребна» [1]). Мірской характеръ общины полемистъ указывалъ въ допущеніи свѣтскихъ начальниковъ вмѣсто монаховъ, въ позволеніи жить женскому полу, послѣдствіемъ чего являются: жизнь богомерзкая, грѣхъ содомскій, грѣхъ свальный и дѣтоубійство, въ языцѣхъ насилу именуемое, за грѣхъ невмѣняющее, скверна и нечистота вмѣсто благодати и святыни. «Что же лишеніемъ и презрѣніемъ выговскихъ чиновъ и въ пустынныхъ мѣстахъ пребываніемъ хвастаете», говоритъ полемистъ, «то симъ не хуже васъ могутъ похвалиться всѣ воры и разбойники, по пустынямъ, дебрямъ и лѣсамъ скитающіеся» [2]).

Итакъ, жизнь выговскихъ раскольниковъ, названная ими богорадною, превратилась у полемиста въ брюхорадную, какую-то скотскую, плутовскую и скопидомную, доходившую до того, что они денежки и полушки въ воду не бросятъ, но отыщутъ ей надлежащее мѣсто и употребленіе» [3]). О способахъ пріобрѣтенія выговцами богатства полемистъ пишетъ: «посмотрѣвши обстоятельно на ваши скиты, которые не славословіемъ Божіимъ, но едиными торгами и обманами и по большей части колдунствомъ бавятся и упражняются, видѣть можно всякому, здравый разумъ имущему, что къ себѣ наипаче тѣхъ прельщаютъ, и обманываютъ, которые деньги и имѣнія имѣютъ, а послѣ когда въ ваши руки совсѣмъ отдадутся и вамъ лишніи покажутся, то вы ихъ къ самовольному сожигательству и убивству наговариваете и въ жертву діаволу во адъ купно со Іудою препосылаете, а имѣнія ихъ и деньги при васъ остаются и потому ваши скиты всѣмъ нескудны и довольны и перевестись немогущіи. А каково бы они убожество претерпѣвали, древнимъ отцемъ святымъ пустыннымъ подобное, отнюдь не видно» [4]).

Обвиненіе въ такомъ извращенномъ поведеніи проходитъ по всему сочиненію митрополита Арсенія, повторяется кстати и не кстати. Если «Исторію выговской пустыни» Ивана Филиппова можно назвать панегирикомъ, то описаніе жизни выговцевъ авторомъ «Дополненія» нужно признать памфлетомъ; правда заключается въ срединѣ двухъ противоположныхъ взглядовъ; но возстановить правду не легко, хотя и желательно для примиренія противорѣчій. Въ самомъ

[1]) Опис., т. III, LVII, стр. 293—4.

[2]) Опис., т. III, LVIII, стр. 294.

[3]) Ibid. стр. 292.

[4]) Авторъ Историч. извѣстія о древнихъ стригольникахъ и раскольникахъ приводитъ примѣры вымогательства поморцами денегъ у довѣрчивыхъ людей, не обозначая того, къ какому времени относятся эти извѣстія. Андр. Іоанновъ. стр. 119.

дѣлѣ, трудно согласиться съ нарисованною картиною полнаго паденія и разложенія нравственныхъ началъ жизни выговцевъ, если извѣстно, что митрополитъ Арсеній не былъ ни очевидцемъ жизни выговскихъ раскольниковъ, ни составлялъ своего очерка на основаніи документальныхъ свѣдѣній; источникомъ для полемиста были частные слухи и разсказы нѣкоторыхъ изъ обратившихся къ православію,—разсказы лицъ недовольныхъ, озлобленныхъ, не провѣренные[1]).

Мрачно и подозрительно описывалъ полемистъ взгляды и отношенія поморскихъ раскольниковъ къ православной церкви. По мнѣнію митрополита Арсенія, въ вѣжливыхъ и благопристойныхъ рѣчахъ «Предисловія» о православной церкви и офиціальныхъ лицахъ скрывались враждебныя чувствованія и фарисейская гордость [2]). Самымъ очевиднымъ доказательствомъ презрѣнія выговцевъ къ церкви и ея таинствамъ было правило перекрещивать православныхъ, совращавшихся въ расколъ; это равнялось признанію ихъ отверженными, проклятыми, язычниками. Если, по словамъ полемиста, въ «Предисловіи» заявляется, что хотя выговцы не пріобщаются къ нынѣшней Россійской церкви, однако церковныхъ собраній ея не гнушаются и священныхъ сановъ не отрицаютъ, и тайнодѣйствъ церковныхъ не ненавидятъ, то это такая же горькая правда и насмѣшка, какъ если бы кто сказалъ матери: «въ глаза плюю, однакожъ ее почитаю и люблю» [3]).

Прикрывая свою враждебность внѣшнею покорностію предержащей власти и льстивыми словами, выгорѣцкіе старовѣры выставляли себя страдальцами за вѣру, испытывавшими такую же участь, какая выпала на долю первенствующихъ христіанъ въ эпоху гоненій и мученій отъ іудеевъ и язычниковъ; въ примѣръ сходства и едва не тождества невинныхъ страданій за исповѣданіе вѣры составители «Предисловія» указывали на епископа Павла Коломенскаго, многихъ отцовъ Соловецкой обители и прочей братіи священнаго, иноческаго и мірскаго чина, какъ претерпѣвшихъ гоненія, бѣганія и смерти за древле-отеческое благочестіе. Намекая этими сравненіями на прежнія и современныя строгія правительственныя мѣры противъ раскольниковъ, составители «Предисловія» въ то же время просили церковную власть (въ лицѣ Неофита) о кроткомъ съ ними обращеніи и отношеніи въ духѣ евангельской любви и снисходительности. Такія рѣчи выговцевъ дали автору «Дополненія» поводъ къ разсужденію о томъ, какъ сами раскольники держали себя въ отношеніи къ церкви и какъ надлежитъ относиться къ нимъ церковно-гражданской власти.

[1]) Опис., т. III, LVIII, стр. 364.

[2]) Ibid. стр. 336, 317.

[3]) Опис., т. III, LVIII, стр. 317. Опис., т. VI, № 224.

Авторъ «Дополненія» не отвергаетъ факта строгости бывшихъ мѣръ противъ раскола, но считаетъ строгія и жестокія мѣры необходимыми, какъ съ принципіальной точки зрѣнія, такъ и съ фактической.

По взгляду полемиста, строгія мѣры противъ раскола вызывались упорствомъ, дерзостью и видимою непріязненностію послѣдователей раскола противъ свѣтскаго правительства и духовнаго; духъ сопротивленія, буйства и открытаго мятежа составлялъ существенную черту раскола, начиная съ Аввакума, Лазаря, Никиты и кончая Степаномъ Разинымъ и его товарищами, возмутившими Соловецкую обитель противъ царской власти и пролившими столько неповинной крови... Мятежный духъ раскольниковъ лишаетъ ихъ права причислять своихъ страдальцевъ къ числу древнихъ извѣстныхъ мучениковъ; послѣдніе не буйствовали противъ своихъ государей, хотя и язычниковъ[1]). По словамъ полемиста, «отъ начала вашего на Руси ехиднаго порожденія не токмо церковь Божія, но и все государство наше православно-россійское коликое зло, вредъ и разореніе претерпѣваетъ»!...[2]).

Забота объ ослабленіи раскола, частые случаи совращенія въ расколъ православныхъ, враждебность послѣдователей его къ церкви побуждали церковно-гражданскую власть принимать строгія мѣры противъ раскольниковъ. Взглядъ автора «Дополненія» на характеръ отношеній къ расколу отличался строгостію, доходившею до жестокости. По автору, раскольниковъ, какъ враговъ церкви и государства, надлежитъ мечемъ духовнымъ и гражданскимъ истреблять и искоренять, дабы отнять всякую возможность распространенія и усиленія раскола; истребленіе раскольниковъ должно совершаться съ бо́льшимъ прилежаніемъ и настойчивостью, чѣмъ жидовъ и другихъ еретиковъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, если послѣдніе (т. е. всѣ иновѣрцы), какъ въ зловѣріи родившіеся, не совращаютъ православныхъ въ свою вѣру и не вредятъ церкви и государству; раскольники заслуживаютъ не только вѣчнаго, но и временнаго мученія и казненія за то, что они, будучи по рожденію православными, отвергли и попрали всѣ таинства и благодатные дары [3]). Этотъ взглядъ высказанъ полемистомъ съ замѣчательною прямотою и искренностію; правильность своего взгляда митрополитъ Арсеній старался доказать слѣдующимъ образомъ.

Для обоснованія и подтвержденія своего взгляда авторъ «Дополненія» пользуется мыслями и примѣрами, взятыми изъ Священнаго Писанія ветхаго (преимущественно) и новаго завѣта, апостольскими

[1]) Опис. т. I, стр. 427—428.

[2]) Опис. т. III, стр. 387—8.

[3]) Опис. т. III, стр. 390—391.

изреченіями (св. ап. Павла) и толкованіями святаго Іоанна Златоуста. Способъ приведенія и объясненія текстовъ Священнаго Писанія въ доказательство необходимости карательныхъ мѣръ состоитъ въ искусственномъ подборѣ мѣстъ, сходныхъ между собою внѣшнимъ, а не внутреннимъ образомъ, и относящихся къ разнымъ временамъ, лицамъ и событіямъ. Такой способъ доказательствъ могъ быть убѣдительнымъ въ томъ случаѣ, еслибы нельзя было сдѣлать другаго болѣе систематическаго подбора изъ того же источника мѣстъ, доказывающихъ взглядъ противоположный на характеръ противораскольническихъ мѣръ. Но этотъ выборъ не только возможенъ, но и неизбѣженъ логически, потому что въ сужденіяхъ по этому вопросу, какъ разсматриваемому съ принципіальной точки зрѣнія, нужно руководиться первѣе и ближе всего евангельскимъ ученіемъ Іисуса Христа, а не чѣмъ либо второстепеннымъ, дополнительнымъ, пояснительнымъ, тендеціознымъ. Въ усиліи подтвердить свой взглядъ полемистъ забываетъ рѣзкое различіе въ характерѣ нравственнаго ученія ветхаго завѣта и новаго; ученіе новаго завѣта выше и совершеннѣе ветхаго.

Христіанское ученіе проповѣдуетъ безкорыстную любовь къ ближнему и особенно единовѣрцу, заблуждающемуся, нуждающемуся въ наученіи, утѣшеніи и исправленіи, но это наставленіе должно совершаться въ духѣ любви, кротости и терпѣнія; это истины очевидныя: ихъ не нужно выбирать изъ Евангелія; потомучто все Евангеліе состоитъ изъ такихъ истинъ, изложенныхъ подъ видомъ прямаго ученія, притчей, примѣровъ и увѣщаній. Правда, со стороны раскольниковъ были совращенія и пропаганда заблуждедній, но ослабленіе и опроверженіе этихъ заблужденій составляло долгъ пастырей и архипастырей. Правда и то, что раскольники, въ царствованіе Петра Великаго, какъ и прежде, хотя въ меньшей степени, питали непріязненныя чувства къ гражданскому правительству, не исключая и царственныхъ особъ, но у м. Арсенія не являлось мысли о томъ, не было-ли со стороны гражданской власти допущено тяжелыхъ и несправедливыхъ мѣръ, возбуждавшихъ и настраивавшихъ гражданскія чувства раскольниковъ на иной своеобразный ладъ? И зачѣмъ правительству нужно было вмѣшиваться въ дѣла вѣры, когда это дѣло, какъ таковое, подлежало вѣдѣнію церковной власти? Правда, гражданская власть помогала церковной при улаженіи осложнившагося раскольническаго вопроса, но такъ какъ опытъ показалъ вредныя послѣдствія гражданской опеки въ улаженіи возникшихъ препирательствъ, то авторъ «Дополненія» бралъ на себя большую смѣлость подстрекать гражданскую власть къ принятію и поддержкѣ враждебныхъ и карательныхъ мѣръ противъ заблуждавшихся и безъ того возбужденныхъ единовѣрцевъ, когда онъ, по долгу проповѣдника

христіанской любви и кротости, обязанъ былъ дѣйствовать въ примирительномъ духѣ какъ на правительство, такъ и на раскольниковъ, тѣмъ болѣе, что правительству не угрожала тогда опасность отъ раскольниковъ настолько, чтобы истреблять ихъ, какъ зачумленный скотъ.

Вотъ мысли, отсутствіе которыхъ замѣтно при обоснованіи и подтвержденіи полемистомъ своего взгляда на то, какъ должна относиться церковно-гражданская власть къ раскольникамъ; забвеніе такихъ мыслей повело къ тому, что авторъ «Дополненія» приписалъ даже Іисусу Христу мысль объ умѣстности употребленія иногда мѣръ ревностной и правосудной *жестокости* къ людямъ заблуждающимся. Постараемся свести мысли полемиста въ одно краткое цѣлое.

Право казненія раскольниковъ вытекаетъ у полемиста изъ положенія объ отношеніи Бога, какъ міроправителя, къ человѣческому роду. Ссылкою на изгнаніе изъ рая Адама и Евы за грѣхопаданіе, на преданіе евреевъ въ руки язычниковъ за нечестіе, ропотъ и идолопоклонство и угрозы имъ въ будущемъ чрезъ пророковъ полемистъ доказывалъ то, что Богъ управлялъ избраннымъ народомъ то кротко, то строго; такимъ же образомъ Онъ управляетъ всѣми людьми. Отсюда у полемиста выводъ: «какимъ образомъ Богъ съ нашею волею и самоволіемъ поступаетъ, такимъ же и властямъ отъ Него на землѣ узаконеннымъ гражданскимъ и духовнымъ велитъ поступать, т. е. иногда кротко и милосердо, иногда же по надлежащему правосудію жестоко и неослабно» [1]. Въ подтвержденіе своего вывода м. Арсеній ссылался не прямо на *ученіе* Спасителя о совмѣстимости кротости съ жестокостью, чего не могъ представить, а на *пророчество* Іисуса Христа о разрушеніи Іерусалима, во отмщеніе своимъ распинателямъ (Лук; 19, 42—44) [2]. Такъ какъ въ ученіи апостола Павла находится не мало изреченій (2 Тимоѳ. 2, 24; Галат. 6, 1) объ отношеніи и наставленіи противниковъ—еретиковъ и грѣшниковъ въ духѣ кротости, то авторъ «Дополненія» старался ограничить и ослабить ихъ значеніе указаніемъ на примѣры и изреченія противоположнаго свойства. Внезапная смерть Ананіи и Сапфиры, пораженіе волхва Елимы слѣпотою (Дѣян. 5, 5—10; 13, 7—8), наказаніе Именея и Александра за богохульство (1 Тимоѳ., 20) и угрозы въ посланіяхъ къ Коринѳянамъ (4, 13) приведены полемистомъ для доказательства строгаго отношенія къ виновнымъ; для той же цѣли приведены два случая изъ жизни свв. Константина Великаго и епископа Льва Катанскаго, состоявшіе въ томъ, какъ царь велѣлъ отрѣзать уши у евреевъ, вздумавшихъ строить

[1]) Опис. т. III, стр. 370—1.
[2]) Опис. т. III, стр. 381—82.

храмъ Іерусалимскій ко вреду христіанства, и какъ святитель, «будучи исполненъ ревности Иліины, служеніе свое архіерейское оставя, во всемъ облаченіи зловѣрнаго Иліодора волхва и богоотступника взялъ за шею омофоромъ и живаго на срубѣ дровъ сожегъ, а послѣ литургію божественную безъ всякаго зазора служилъ и оканчивалъ» [1]). Если, по мысли полемиста, такъ поступилъ царь съ природными зловѣрцами, согласно съ евангельскими (?) и апостольскими заповѣдями, то можно судить, какъ нужно расправляться съ отступниками отъ своей вѣры—раскольниками; съ ними надлежитъ то же дѣлать, что сдѣлалъ пророкъ Илія съ жрецами Ваала, или просто сожигать раскольниковъ, имѣя образецъ во св. Львѣ,—тѣмъ болѣе, что сами раскольники предаются самосожженію и учатъ другихъ тому же слѣдовать.

Изъ апостольскихъ посланій полемистъ приводилъ тѣ катихизическія изреченія, въ которыхъ содержатся наставленія о повиновеніи предержащей гражданской власти (Римл. 13). Эти наставленія вмѣстѣ съ вышеприведенными примѣрами должны были, по мнѣнію полемиста, ослабить тѣ выраженія «Предисловія», гдѣ кротость и духъ миролюбія выставлялись желательными условіями и признаками истиннаго миссіонера во время разглагольствій и во взаимныхъ отношеніяхъ между православными и раскольниками. Для объясненія противорѣчивыхъ основному взгляду апостольскихъ наставленій авторъ «Дополненія» опирался на авторитетъ св. Златоуста, толкованіями котораго наполнена значительная часть сочиненія м. Арсенія. Длинныя выписки изъ толкованій св. Златоуста, приведенныя сырьемъ, въ неудовлетворительномъ славянскомъ переводѣ, не сопоставленные и не провѣренныя съ общимъ взглядомъ и съ мыслями св. отца, разбросанными по другимъ его сочиненіямъ, затемняютъ ясность взгляда полемиста, затемняютъ ясность и точность смысла святоотеческихъ толкованій, какъ неудачно приведенныхъ, а потому и не убѣдительныхъ. Считаемъ не лишнимъ привести двѣ выдержки изъ Златоуста и Ѳеофилакта Болгарскаго, приведенныя полемистомъ въ подтвержденіе мысли объ употребленіи строгихъ мѣръ къ еретикамъ и раскольникамъ. Изъ толкованія Златоуста на посланіе къ Ѳессалоникійцамъ: «велико есть зло еже нерадити о прещеніи, ибо презираяй прещеніе скоро вещьми ощутитъ искусъ. Ничтоже такъ полезно, якоже о геennѣ бесѣдовати, сребра всякаго чистѣйшую намъ содѣловаетъ душу. Слыши убо пророка глаголющаго, яко судьбы своя предо мною суть вину и Христосъ же часто о томъ бесѣдуетъ, аще бо и опечалити слышателя, но пользуетъ зѣло вельми. Таковая бо суть пользующая вся, и не чудися,

[1]) Ibid. стр. 372—3.

ибо былія и брашна опечаляютъ немощнаго первѣе, тогда пользу наводятъ» [1]). Изъ Ѳеофилакта на Матѳ., гл. 10, 35—6 (не мните, яко пріидохъ воврещи миръ на землю,—не миръ, но мечъ): «нѣсть добро вездѣ соединеніе, но бываетъ время подобно и раздѣлитися; но убо о вѣрѣ слово еще отсѣщаетъ насъ отъ любве внутреннихъ и отъ сродникъ повреждающихъ насъ отъ благовѣрія. Не тако бо просто раздѣлятися отъ своихъ, глаголетъ, но егда не послѣдуютъ токмо, но и повреждаютъ о вѣрѣ» [2]). Изъ сопоставленія того и другаго можно видѣть, что связь между мыслями двухъ толкованій и мыслію полемиста чисто внѣшняя, отдаленная, искусственная.

Искусственность такого подбора святоотеческихъ изреченій для цѣлей полемики чувствовалъ самъ авторъ «Дополненія». Этимъ и можно объяснить продолжительную его остановку на данномъ вопросѣ и утомительную повторяемость однихъ и тѣхъ же доказательствъ; для полемиста это былъ заколдованный кругъ, изъ котораго онъ никакъ не могъ выдти съ сознаніемъ удовлетворительнаго рѣшенія и исполненнаго долга. Затруднительность положенія полемиста и недостатокъ самостоятельнаго объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ «Предисловія» особенно замѣтны въ слѣдующихъ трехъ попыткахъ рѣшенія представлявшихся противорѣчій; эти три частности послужатъ нѣкоторымъ дополненіемъ къ общей характеристикѣ сочиненія.

Авторъ «Дополненія» долженъ былъ отвѣтить, во 1-хъ, на то заявленіе выговцевъ, что при заботѣ церкви объ обращеніи ихъ въ православіе не слѣдуетъ стѣснять ихъ свободы, каковое стѣсненіе было бы противно и духу, и требованію евангельскому, и пользѣ дѣлу спасенія; желаніе выговцевъ состояло въ томъ, чтобы оставили ихъ въ покоѣ, предоставили имъ самимъ думать о спасеніи, въ надеждѣ на полученіе его помимо іерархіи. Отвѣтъ полемиста: «хотя ученіе евангелія о необходимости свободы пріемлемъ и лобызаемъ, но не слѣдуетъ давать раскольщикамъ въ нашемъ древнемъ благочестивомъ государствѣ волю и крайнюю ослабу самимъ въ душепагубномъ расколѣ пребывать и другихъ къ тому приводить, понеже, хотя по священному писанію доброхотна дателя любитъ Богъ и насиліемъ никого не спасаетъ, однако для склоненія воли нашей къ доброхотству, спасительному и полезному, нужно «пользоваться нѣкоторыми извѣстными способами». Способы эти—болѣе и чаще карательнаго, чѣмъ внушительнаго характера: «искони бо благимъ благая созидахуся, лукавымъ же—лукавая» [3]).

[1]) Опис. т. III, стр. 378.

[2]) Ibid. стр. 379.

[3]) Опис. т. III, стр. 369—371—374.

Полемисту нужно было, во 2-хъ, дать отвѣтъ на жалобу выговцевъ, состоявшую въ томъ, что старообрядцамъ наносятся отъ православныхъ обиды, разоренія и домовъ расхищенія, тогда какъ «Христосъ, апостоли и вси св. отцы благовѣстіемъ и проповѣдію народамъ непослушнымъ и несогласнымъ такихъ обидъ и лишеній не производили, отчего никто чрезъ нихъ не скорбѣлъ и не бѣгалъ въ пустынныя мѣста для укрывательства». На это обвиненіе полемистъ отвѣчалъ равносильнымъ обвиненіемъ: «о горе вамъ, волкамъ хищнымъ и душегубительнымъ во плоти бѣсамъ, во ангелы свѣтлыя и въ незлобивыя агнцы преобразующимся! Не отъ вашего-ли раскольническаго плевосѣвательства и ехиднаго порожденія слезитъ и плачетъ не только церковь Божія, но все наше государство, претерпѣвая не токмо христіанства, но и имѣнія и душъ человѣческихъ убыль и разореніе» [1]). Не отрицая кротости и отсутствія насилія въ ученіи и образѣ дѣйствій Спасителя, апостоловъ и послѣдующихъ проповѣдниковъ, м. Арсеній примѣрами изъ ветхаго и новаго завѣта доказывалъ случаи отмщенія Божія и наказанія явныхъ грѣшниковъ и противниковъ дѣла Божія. Для ослабленія жалобы раскольниковъ полемистъ указывалъ на униженія, лишенія и бѣдствія, которымъ подвергались апостолы, великодушно перенося ихъ.

Особенно искусственностію отличается послѣдняя попытка полемиста объяснить въ свою пользу изреченіе апостола Павла (2 Тимоѳ. 2, 24), приведенное въ «Предисловіи» для увѣщанія въ кротости собесѣдованій и вообще отношеній православныхъ къ раскольникамъ: «рабу Господню не подобаетъ сва́ритися, но тиху быти, ко всѣмъ, учительну, незлобиву, съ кротостію наказующу противныя». Въ отвѣтъ на это полемистъ писалъ: «приводите намъ о кротости показанное апостольское слово: съ кротостію наказующе противныя, и на томъ рѣчь свою окончеваете. А у апостола святаго здѣсь рѣчь не окончена, понеже запятая имѣется, а послѣ слѣдующихъ словъ точка настоящая: еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины. Рѣчь же совсѣмъ окончавается послѣ сихъ словъ: и возникнутъ отъ діавольскія сѣти, живи уловлени отъ него въ свою его волю. По таковому убо вашему не полному и не прямому апостольскихъ словъ представленію, можно видѣть, что вамъ сіи слова апостольскіи рожномъ въ совѣсти имѣются и чувствительно васъ касаются и обличаютъ, что вы непремѣнно сыны діаволи, живо и самовольно воли его и области предавшіися. Того ради по всѣмъ вашимъ злохитрымъ нравамъ и начинаніямъ знатно, что таковой отъ насъ кротости требуете, каковой вси невѣрніи и еретическіи мучители отъ правовѣрныхъ мучениковъ и исповѣдниковъ требовали. Слѣдовательно

[1]) Ibid. стр. 381—82.

дабы съ вами не ревностно, какъ бы съ хищными волками, но кротко какъ бы съ незлобивыми овцами поступать, резона не имѣемъ» [1]).

Главный недостатокъ полемиста въ вопросѣ о мѣрахъ противъ раскола состоитъ въ томъ, что онъ въ своихъ разсужденіяхъ опирался не на евангельскомъ ученіи, какъ бы слѣдовало по существу дѣла и по постановкѣ вопроса въ «Предисловіи», а на примѣрахъ, взятыхъ то изъ ветхаго завѣта, то изъ церковной исторіи, а то изъ святоотеческой литературы. Примѣры—не правила, не законы; опираться нужно на ученіе, какъ нѣчто постоянное и руководственное, а не на случаи, которые совершаются иногда по особымъ обстоятельствамъ и необходимости; указаннымъ у м. Арсенія примѣрамъ строгаго отношенія къ еретикамъ и грѣшникамъ можно противопоставить образцы чисто христіанскаго кроткаго отношенія къ противникамъ церковной власти. Побуждая выговцевъ къ перенесенію лишеній и «оземствованій» примѣрами апостольскихъ страданій, м. Арсеній тѣмъ самымъ представляетъ предержащую русскую церковно-гражданскую власть въ роли силы притѣсняющей.

Изъ представленной характеристики «Дополненнаго Обличенія» м. Арсенія видно большое усиліе и усердіе полемиста обличить духъ раскольническихъ заблужденій и ложное направленіе ихъ жизни, удалившіе выговцевъ отъ единства съ православною церковью, отъ благочестія къ нечестію. Къ характеристикѣ сочиненія можно прибавить еще слѣдующее.

«Дополненное Обличеніе» м. Арсенія, по объему обширное, не представляетъ чего-либо особеннаго, въ смыслѣ достойнаго продолженія «Обличенія» Ѳеофилакта. Встрѣчающіяся здравыя сужденія, не отличаясь ни новизною, ни оригинальностью, являются скорѣе плодомъ чтенія «Обличенія» Ѳеофилакта, чѣмъ самостоятельнаго изученія раскола. Главный недостатокъ обличенія Арсенія состоялъ въ смѣшеніи теоретической и фактической стороны въ расколѣ выговцевъ, т. е. неправота выговцевъ въ вѣрѣ (приверженность къ заблужденіямъ, составлявшимъ расколъ) служила для Арсенія основаніемъ и причиною для поголовнаго обвиненія ихъ во всемъ остальномъ. Все въ выговцахъ не нравилось строгому Арсенію: монастырское устройство общины, названіе ея пустынью, дѣятельность членовъ общины; ихъ практичность и расчетливость. Правда, довольство и даже богатство выговцевъ не соотвѣтствовало монастырскому направленію, положенному въ началѣ первыми отшельниками и устроителями, но выговская община, за существованіе которой обитатели ея всегда опасались, не представляла собою исключенія среди не мень-

[1]) Опис., т. III, стр. 346.

шаго довольства и матеріальнаго обезпеченія многихъ тогдашнихъ русскихъ монастырей. Умноженіе молодаго поколѣнія и соединенныя съ нимъ преступленія, конечно, противорѣчили основнымъ началамъ общины. Нельзя бездоказательно оспаривать взглядовъ м. Арсенія на нравственный упадокъ выговцевъ, но желательно было бы видѣть подтвержденіе ихъ изъ другаго достовѣрнаго источника...

Въ меньшей степени замѣтно это поголовное обвиненіе раскольниковъ въ «Обличеніи» Ѳеофилакта; хорошія стороны послѣдняго сочиненія какъ-то мало имѣли вліянія на «Дополненіе» Арсенія. Не многія рѣшенія полемиста могли удовлетворить обѣ стороны, православную и раскольническую. Такъ, въ вопросѣ о мѣрахъ противъ раскола полемистъ давалъ поводъ къ основательнымъ возраженіямъ со стороны противниковъ.

Между архіепископомъ Ѳеофилактомъ и м. Арсеніемъ, какъ авторами «Обличенія» и «Дополненія», большое, рѣзкое различіе. Ѳеофилактъ отличается сомастоятельнымъ, философски и богословски развитымъ умомъ; умъ м. Арсенія—не самостоятельный, а компилятивный, не отличающійся ни глубиною, ни послѣдовательностью въ раскрытіи опредѣленныхъ положеній. Знанія Ѳеофилакта въ области раскола широки, ясны и законченны; эрудиція м. Арсенія не широкая. Сочиненіе м. Арсенія болѣе приближается къ «Обличенію» Ѳеофилакта по тону, чѣмъ по способу изслѣдованія вопросовъ.

Тонъ «Дополненія» м. Арсенія необыкновенно рѣзкій, ругательный и неспокойный. Въ отношеніи тона м. Арсеній превзошелъ архіепископа Ѳеофилакта. Какъ ни часто Ѳеофилактъ обращался къ раскольникамъ съ нелестными грубыми обращеніями и эпитетами, но въ этихъ обращеніяхъ замѣчается что-то простоватое, не особенно отталкивающее, а доброе сердце отца, учителя и пастыря. Не то просвѣчиваетъ у Арсенія. Во 1-ыхъ, въ «Обличеніи» Арсенія несравненно болѣе обидныхъ словъ и выраженій по адресу выговцевъ, чѣмъ у Ѳеофилакта. Есть много словъ «новаго страннаго производства», не получившихъ, впрочемъ, дальнѣйшаго употребленія въ обличительной литературѣ. Къ числу новопроизводныхъ словъ нужно отнести названія раскольниковъ «сатановѣрами» (8 п. Облич.), перстовѣрами» (13 п. Облич.), «брюхорадниками» (16 п.), «буесловами» (17 п.), «жидами»—(любимое выраженіе Арсенія, повторяется очень часто), «зловѣрниками» (18 п.), «христаненавистниками» (ibid), «глухими аспидами» (20 п.), «жидовѣрами» (24 п.), «душегубительными бѣсами» (28 п.) [1]. Не перечисляемъ множества другихъ бранныхъ словъ,

[1]) Предисловіе къ «Пом. Отв.» м. Арсеній раздѣлилъ на 31 пунктъ, представляя ихъ въ формѣ возраженій, или положеній; соотвѣтственно этому и число опроверженій 31.

встрѣчающихся у м. Арсенія, какъ-то: окаянные пустосвяты, хищные волки, безсовѣстные и безтолковые плуты, прелестники, діаволы и т. п. Одно число этихъ словъ и частое повтореніе ихъ говоритъ не въ пользу полемиста-епископа. Если же взять во вниманіе голословность и даже несправедливость нѣкоторыхъ обличительныхъ словъ, какъ, напримѣръ, обвиненіе въ христоненавистничествѣ, или жидовствѣ, то ясно, что тонъ обличенія Арсенія долженъ быть для противной стороны невыносимымъ и даже кощунственнымъ. Можно, правда, соглашаться съ обвиненіями Арсенія въ безнравственности и даже въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ выговцевъ (самовольное сожигательство, убійство 8 п.), но простирать обвиненіе до христоненавистничества, или безбожія—это было верхомъ неблагоразумія и безтактности; такіе пріемы въ полемикѣ не привлекаютъ, а отталкиваютъ. Рѣзкость тона обличенія Арсенія бросается въ глаза потому еще, что въ изслѣдованіи спорныхъ предметовъ *по существу* Арсеній далеко уступаетъ Ѳеофилакту, съ сочиненіемъ котораго онъ связалъ свое имя. Если значеніе «Обличенія» Ѳеофилакта могло ослабляться рѣзкостью тона, то о значеніи «Дополненія» м. Арсенія въ смыслѣ благотворнаго воздѣйствія на раскольниковъ нельзя и говорить, не впадая въ противорѣчіе съ обычными здравыми требованіями.

Итакъ, мы кончили характеристику противораскольнической полемики, вызванной миссіею іеромонаха Неофита въ Олонецкія мѣста для борьбы съ расколомъ въ первые годы Синодальнаго управленія. Изъ изложенныхъ обстоятельствъ и полемики видно, что представителемъ литературной борьбы съ расколомъ въ данное время было одно лице—архіепископъ Ѳеофилактъ Лопатинскій. Дѣятельность Арсенія Мацѣевича относилась къ другому послѣпетровскому времени, хотя мы присоединили противораскольническую дѣятельность Арсенія къ дѣятельности Ѳеофилакта въ дополненіе общей характеристики. Изъ полемики преосвященнаго Ѳеофилакта, Ѳеофана и Арсенія противъ раскола можно заключать не о недостаточности умственныхъ и нравственныхъ силъ въ дѣятельности противъ сильнаго врага, а, напротивъ, объ обиліи этихъ силъ, къ сожалѣнію внутренне не объединенныхъ благонамѣренною и мощною рукою. Ѳеофилактъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ, составлявшихъ высшую церковную власть. Сама высшая церковная власть не оставалась безъ дѣятельности по отношенію къ расколу, употребляя всѣ возможные способы для воздѣйствія на послѣдователей раскола. Обозрѣніе мѣръ церковной власти, предпринятыхъ ею по отношенію къ расколу совмѣстно съ гражданскою властію, составитъ дальнѣйшую часть нашего изслѣдованія.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Церковно-гражданскія мѣры высшей духовной власти противъ раскола и его послѣдователей въ первые годы Синодальнаго управленія (1721-1725 г.).

Такъ какъ принятыя церковною властію мѣры противъ раскола должны были приводиться въ исполненіе чрезъ существовавшія тогда церковно-правительственныя учрежденія и при содѣйствіи должностныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, то эта часть изслѣдованія должна состоять изъ обзора 1) того какія мѣры принимались противъ раскола, 2) какъ эти мѣры приводились въ исполненіе и 3) при содѣйствіи какихъ лицъ и учрежденій приводились въ исполненіе.

I.

Общій характеръ и направленіе противораскольническихъ мѣръ.

Мѣры противъ раскола въ первые годы синодальнаго управленія составляли унаслѣдованную, традиціонную и непрерывавшуюся прямую обязанность церковной власти. Къ исполненію этой обязанности высшей церковной власти въ указанное время побуждали и распоряженія Петра I и особыя обстоятельства раскола. Изъ «Регламента» Петра Великаго намъ уже извѣстно, какія лежали обязанности на Святѣйшемъ Синодѣ по отношенію къ расколу; изъ «Регламента»-же извѣстно, по какимъ признакамъ можно и нужно было узнавать раскольниковъ и отличать ихъ отъ православныхъ.

Такъ какъ вопросъ о признакахъ, по которымъ слѣдовала узнавать раскольниковъ, связывается съ вопросомъ о числѣ раскольниковъ и мѣрахъ противъ послѣднихъ, то изложенію мѣръ должно предшествовать: а) изложеніе признаковъ или примѣтъ для отличія рас-

кольниковъ отъ православныхъ и в) опредѣленіе количества раскольниковъ въ указанное время, 1721—1725 года.

Признаки для отличія раскольниковъ отъ православныхъ.—По требованію «Духовнаго Регламента», всѣ православные подданные Россійскаго государства обязаны ежегодно исповѣдываться и причащаться св. Христовыхъ Таинъ. Поэтому, кто уклоняется отъ исполненія означенныхъ двухъ таинствъ, тотъ, по «Регламенту», «не есть сообщникъ церкви, но раскольщикъ»; это было самымъ лучшимъ средствомъ узнать раскольника. Такимъ оброзомъ, епископы «должны наблюдать и приказывать, чтобы имъ ежегодно приходскіе священники доносили, кто изъ ихъ прихожанъ не причащался чрезъ годъ, кто чрезъ два, и кто никогда. И таковыхъ понуждать ко исповѣданію клятвенному, аще суть они сыны церкви, и проклинаютъ-ли всѣ толки раскольническіе, которые гдѣ ни есть въ Россіи обрѣтаются» [1]). Для побужденія къ такой клятвѣ «Регламентъ» дозволяетъ прибѣгать къ угрозѣ, т. е. къ донесенію, что, если не похотятъ клястися и проклинать всѣ раскольническія согласія, то объявленіе о нихъ будетъ какъ о раскольникахъ. «Регламентъ» не малую пользу отъ этого видѣлъ, потому что, «многіе раскольщики, подъ личиною православія, вмѣсто того, чтобы боятися, еще сами воздвигаютъ гоненіе на церковь, и не только ругаютъ чинъ священный, и сильно могутъ вредить ему, но и мірскихъ, своему безумію несогласныхъ, всячески утѣсняютъ, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать люди, вѣры достойные» [2]). Необходимость клятвы вызывалась возможными и дѣйствительными случаями неискренности при исполненіи таинствъ исповѣди и св. причащенія. Къ неискренности и лжи побуждали и принуждали раскольниковъ тяжелыя условія ихъ церковной и гражданской жизни—преслѣдованія, ограниченія ихъ гражданскихъ правъ, штрафы, двойной окладъ податей....

Если явные раскольники доставляли не мало хлопотъ церковно-гражданской власти, то тайные считались вредными и опасными для государства и церкви. По указу Святѣйшаго Синода 1722 года, въ дополненіе къ «Регламенту», для удобнаго способа къ открытію тайныхъ раскольниковъ, установлена была нижеслѣдующая присяга, обязательная какъ для тѣхъ, кто подалъ поводъ къ сомнѣнію въ принадлежности къ православію, такъ и вообще для поступавшихъ на государственную службу, исключая инославныхъ; нижеслѣдующая форма присяги составляла часть общей присяги:

.... «Клянусь и еще Богомъ живымъ, что во всю мою жизнь церковнымъ раскольникамъ сообщаться и никакихъ съ ними согла-

[1]) Реглам. стр. 26. (Собр. т. I).

[2]) Реглам. стр. 26. (Собр. т. I).

сій употреблять, ни подъ какимъ подлогомъ, отнюдь не дерзну, но вся раскольническія согласія, а именно: поповщину, онуфріевщину, софонтіевщину, діаконовщину, безпоповщину, иже суть перекрещеванцы, ѳеодосіевщину, андреевщину, христовщину и прочая множайшая, елика гдѣ нынѣ суть, или и впредь будутъ, проклинаю и всѣхъ ихъ отчуждаюся, и не точію отъ вреднаго ихъ согласія отчуждаться, но и согласующихся имъ и самихъ ихъ противниковъ по всѣмъ моимъ возможностямъ изыскивать и обличать всеусердно потщуся, и которыхъ въ какомъ мѣстѣ раскольниковъ чрезъ удаленіе отъ покаянія и отъ святой евхаристіи или чрезъ иныя примѣты, усмотрю или увѣдаю, не буду утаивать молчаніемъ, но безъ всякаго медленія буду о нихъ духовной власти письменно объявлять, нескрытно и неотложно доносить; запрещеннаго и отреченнаго никакимъ видомъ творить отнюдь не буду подъ объявленнымъ во оной присягѣ страхомъ» [1]).

Вторымъ признакомъ для отличія раскольниковъ отъ православныхъ должно было служить употребленіе первыми двуперстнаго сложенія, которому раскольники придавали чрезвычайное значеніе, такъ что поступиться этимъ признакомъ значило отречься отъ раскола, или измѣнить древнеотеческому благочестію. Въ «Регламентѣ» не говорится о двуперстномъ сложеніи, какъ о признакѣ для узнанія по немъ раскольниковъ. Но изъ послѣдующихъ неоднократныхъ синодальныхъ постановленій видно, что этотъ признакъ былъ однимъ изъ существенныхъ при заключеніяхъ о приверженцахъ къ расколу. Такъ, въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода 1722 года говорится: «многіе раскольники, хотя другія свои противности, которыя отправляться могутъ, тайно утаиваютъ, а которое тайно отправляемо быть не можетъ, а именно двуперстное креста изображеніе, что всякій присмотрѣть за ними можетъ, якобы не важную причину, не таятъ и объявляютъ;—и то есть *противность* и раскольнической же прелести, и подъ клятвою того ради оное двоеперстное креста изображеніе всякихъ чиновъ людямъ изображать запретить, а кто послушанія не похощетъ, таковыхъ писать по указу въ *расколъ*» [2]). Такое же опредѣленіе Святѣйшаго Синода состоялось въ 1724 году, въ отвѣтъ на запросъ тобольскаго митроп. Антонія о томъ, какъ поступать съ тѣми, кто троеперстнаго изображенія креста не пріемлетъ, хотя и придерживается святой церкви; опредѣлено: писать въ расколъ тѣхъ, которые троеперстнаго ко крестовоображенію сложенія не пріемлютъ, хотя они церкви святой и придерживаются, знатно подъ видомъ, по-

[1]) Полн. собр. II, № 877.

[2]) Полн. собр. II, № 453, стр. 101—2.

неже въ перстосложеніи противятся [1]). Этими указами руководствовались при розыскѣ раскольниковъ [2]).

Итакъ, на основаніи указанныхъ трехъ признаковъ—уклоненія отъ исповѣди, св. евхаристіи и триперстнаго сложенія надлежало записывать виновныхъ въ расколъ, принадлежность къ которому измѣняла гражданское, общественное и даже внѣшнее положеніе человѣка. Такихъ записанныхъ раскольниковъ, въ четырехлѣтній періодъ времени, оказалось очень много. Это будетъ видно изъ слѣдующихъ числовыхъ данныхъ и нѣкоторыхъ соображеній.

Число раскольниковъ въ первые 4 года синодальнаго управленія.— Такъ какъ съ понятіемъ о числѣ раскольниковъ соединяется представленіе о мѣстѣ ихъ пребыванія и переселенія, то наши цифры имѣютъ восполняться указаніемъ на области, епархіи, города и села, гдѣ находились раскольники.

О приблизительномъ числѣ раскольниковъ въ означенное время мы узнаемъ изъ вѣдомостей разныхъ духовныхъ учрежденій и лицъ, какія отъ послѣднихъ требовались синодальною властію. Объ этихъ вѣдомостяхъ упоминается нѣсколько разъ въ тогдашнихъ синодальныхъ документахъ. Первое синодальное опредѣленіе о необходимости представленія свѣдѣній о раскольникахъ въ Св. Синодъ изъ провинцій относится къ 11 февр. 1722 г., хотя свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ собираемы были раньше 1721 г., по требованію гражданскаго начальства въ цѣляхъ обложенія раскольниковъ двойнымъ окладомъ [3]). Указовъ о представленіи вѣдомостей было нѣсколько [4]). Но присылались вѣдомости о числѣ раскольниковъ неисправно, какъ это видно изъ состоявшагося въ концѣ 1724 года опредѣленія о побужденіи къ собиранію и своевременному представленію свѣдѣній о числѣ раскольниковъ въ интересахъ казны (для обложенія и сбора денегъ) и церковнаго правительства. «По указамъ, такихъ о раскольникахъ вѣдомостей ниоткуда не прислано»—говорится въ синодальномъ опредѣленіи отъ 28 окт. 1724 г. [5]). Къ 1724 г. относится наиболѣе данныхъ для составленія приблизительнаго понятія о количествѣ раскольниковъ въ разныхъ частяхъ Россіи; видно, что требованія церковной власти оказывали свое дѣйствіе на тѣхъ, кого касалось дѣло, хотя были и такія,

[1]) Полн. собр. пост. IV. 1724. № 1393.—Опис. д. IV. 1724. № $^{522}/_{293}$.

[2]) Опис. IV. № 522.

[3]) Полн. собр. п. т. I. 1721. № 52, стр.—71.

[4]) Еще въ 1714 г. Петръ I предписалъ привести раскольниковъ въ извѣстность посредствомъ переписи и обложить двойнымъ окладомъ податей («Раскольническія дѣла XVIII ст.» Есипова, II т. 218 стр.). Но этотъ указъ по чему-то остался совершенно не исполненнымъ. Въ 1716 г. Петръ повторилъ его.

[5]) Полн. сбр. пост. т. IV. 1724. № 1399.

впрочемъ немногія, лица, которыя отличались ревностію и исправностію и по части собиранія и своевременнаго доставленія свѣдѣній о числѣ и состояніи раскола въ находившихся подъ ихъ управленіемъ мѣстахъ. Есть, правда, свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ и за предшествовавшіе годы, т. е. за 1721—1723 гг., но эти свѣдѣнія кратки, недостаточны и отрывочны; свѣдѣнія эти заимствованы изъ репортовъ гражданскихъ и церковныхъ учрежденій, въ вѣдѣніи которыхъ находились дѣла о раскольникахъ. Но вообще свѣдѣнія о раскольникахъ присылались медленно, неисправно и даже неохотно, вопреки требованію церковно-гражданской власти. Не смотря на неоднократныя побужденія и требованія, обстоятельныхъ свѣдѣній о числѣ раскольниковъ представлено не было [1]).

По свѣдѣніямъ 1721 г., въ Москвѣ и ея уѣздахъ всѣхъ раскольниковъ, мужчинъ и женщинъ, значилось 5679 человѣкъ; но ихъ было больше, потому что и многіе раскольщики, вѣдая указы (отъ 1716 г.), не записались въ расколъ» [2]); съ другой стороны, множество раскольниковъ укрывалось, благодаря поблажкѣ православныхъ поповъ, бравшихъ съ раскольниковъ за укрывательство взятки, что̀ въ то время было обычнымъ дѣломъ, неискоренимымъ зломъ. По свѣдѣніямъ 1722 г., число раскольниковъ въ Москвѣ было 403 человѣка. Въ нижегородской епархіи, ко времени назначенія туда Питирима епископомъ (1719 г. марта 22), считалось раскольниковъ 86,000, не смотря на успѣшную миссіонерскую дѣятельность Питирима въ бытность его архимандритомъ Кержебѣльбашскаго монастыря (1717—1719 г.) [3]). По табели 1721 г., всѣхъ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи было 37,771 человѣкъ обоего пола [4]). По докладнымъ пунктамъ вице-губернатора нижегородскаго Ржевскаго Святѣйшему Синоду, въ одной Городецкой волости показано 16,000 раскольниковъ; пункты опирались на исповѣдныя росписи за 1725 г. [5]). По донесенію миссіонера Рѣшилова изъ Стародубья Черниговской епархіи отъ 5-го марта 1722 г., многочисленное число народовъ, великороссіянъ и малороссіянъ, бѣжали за Польскую границу, въ сосѣдніе Вѣтковскіе скиты [6]). Къ 1722 г. относится вѣдомость о числѣ раскольниковъ въ центральныхъ епархіяхъ. По свѣдѣніямъ канцеляріи бѣлгородскаго епископа Епифанія, въ тамошней епархіи всего сыскано раскольниковъ 9 человѣкъ, но одинъ изъ нихъ обратился

[1]) Опис. т. III. №№ 597 и 605.
[2]) Полн. соб. пост. 1. 1721. № 52, стр. 71.
[3]) Ист. Ниж. іерар., Макарія, 64—5.
[4]) Опис. т. I. 1721, № $^{123}/_{260}$.
[5]) Опис. т. II. 1. 1722. № 356, стр. 498.
[6]) Опис. 1. 1721. № $^{517}/_{264}$.

въ православіе; по донесенію Кіевскаго архіепископа Варлаама, раскольники тамошніе пересчитаны по дворамъ, которыхъ всѣхъ 18. Изъ перечня Ростовскаго епископа Георгія видно, что въ Романовѣ всѣхъ раскольниковъ записалось 149 человѣкъ; по другимъ свѣдѣніямъ за то же время, въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ раскола держались, тайно или явно, почти всѣ поголовно [1]). Въ Ярославлѣ записалось 27 человѣкъ [2]). Въ 1723 г., епископъ Черниговскій Иродіонъ Жураховскій увѣдомлялъ Святѣйшій Синодъ, что изъ жителей тамошнихъ зѣло много людей всякаго чина бѣгутъ за пановъ Холецкаго, Красильскаго и иныхъ помѣщиковъ, которые при самой границѣ живутъ и слободы Московскими людьми населяютъ, отчего и государству тщета и пустота, а душамъ чинится гибель, понеже зѣло имъ, раскольникамъ, свободно. Увѣдомляя объ этомъ, епископъ Иродіонъ просилъ стѣснить и ограничить такое движеніе, «въ чемъ будетъ польза не малая» [3]). Въ 1722 г. судья новгородской епархіи Андроникъ «съ товарищи» представилъ, по требованію Святѣйшаго Синода, вѣдомость о количествѣ раскольниковъ въ новгородской епархіи, но сколько было раскольниковъ и какая была послѣдующая судьба ихъ всѣхъ, кромѣ одного, умершаго подъ арестомъ, этого изъ документовъ не видно [4]). По донесенію въ 1723 г. рижскаго оберъ-іеромонаха Маркелла Родышевскаго, число раскольниковъ въ Ригѣ простиралось до 500 [5]). По донесенію Рѣшилова въ 1724 г., число раскольниковъ за Днѣpromъ простиралось до 30 тысячъ и болѣе [6]). Въ донесеніи Рѣшилова есть указаніе на появленіе раскольниковъ въ Турціи [7]). Изъ донесенія іеромонаха Неофита видно, что по росписямъ священническимъ за 1724 г., раскольниковъ явилось въ приходахъ олонецкаго уѣзда многое число и развратное ученіе раскольниковъ не пресѣкается [8]). По провѣркѣ въ 1724 г. поповскихъ сказокъ, возбужденной провинціалъ-инквизиторомъ Казанской епархіи, іеромонахомъ Моисеемъ Макарьевскимъ, оказалось, что въ одномъ только елабужскомъ уѣздѣ (заказѣ), въ которомъ числилось 30 церквей, не были внесены въ исповѣдныя вѣдомости 1720 г., по укрывательству поповъ, 30,500 человѣкъ, а всѣхъ церквей въ казанской епархіи было около 600 [9]);

[1]) Опис. т. II. 2. 1722. № 815.

[2]) Опис. т. II, 2. 1722. № 807/583.

[3]) Опис. 1. 1721. № 507/264.

[4]) Опис. т. II, 2. 1722. № 1075.

[5]) Опис. т. III. 1729.

[6]) Полн. собр. пост, IV. 1724. № 1386 (стр. 239).

[7]) Ibid.

[8]) Ibid. № 1399.

[9]) Опис. 1724. № 519.

подъ неисповѣдывавшимися разумѣются здѣсь приверженцы раскола, почему возбуждено было формальное дознаніе, раскрывшее большія злоупотребленія приходскихъ священниковъ и завершившееся наложеніемъ денежнаго штрафа (10 р.) на тѣхъ изъ нихъ, которые чинили утайку въ теченіи 2 лѣтъ, а которые, по правдивому свидѣтельству, явились повинны въ одномъ году, съ тѣхъ взять по 5 р. [1]). Заслуживаетъ вниманія слѣдующее извѣстіе, указывающее на трудность опредѣленія числа раскольниковъ въ одномъ мѣстѣ казанской епархіи: въ 1722 г., въ бытность казанскаго митрополита Тихона († 24 марта 1724 г.), «въ г. Козмодемьянскѣ для увѣщанія и обращенія къ святой церкви раскольниковъ, многіе изъ жителей этого города, принадлежавшіе къ расколу, не желая слушать увѣщаній, скрылись изъ города» [2]). Изъ представленнаго митрополитомъ Тобольскимъ Антоніемъ реестра видно, что число неисповѣдавшихся съ 1718 до 1723 г. все больше и больше увеличивалось, такъ что въ продолженіе 5 лѣтъ не бывшихъ у исповѣди обоего пола въ тобольской епархіи было 36,521 человѣкъ [3]). Не всѣ, разумѣется, въ этомъ числѣ были раскольники, но на основаніи «Регламента» и дополнительныхъ указовъ о признакахъ, по которымъ слѣдовало записывать въ расколъ, неисповѣдывавшіеся формально считались приверженцами раскола. О числѣ раскольниковъ въ другихъ мѣстахъ тобольской епархіи сообщались неопредѣленныя свѣдѣнія; «а которые тайные раскольники обрѣтались», говорится въ дополненіи изъ той епархіи въ 1722 г., «тіи, къ соединенію святой церкви неприклоньшіеся, и не хотящіе подъ платежемъ быти двойнаго оклада, самоохотно сгорѣли, а коликое число душъ, подлинно неизвѣстно» [4]). Судья вологодскаго епископскаго дома духовныхъ дѣлъ, архимандритъ Арсеній, 1722 г. доносилъ, «что, по поданнымъ священническимъ росписямъ, раскольниковъ по городамъ и уѣздамъ не явилось; точно также не явилось и не сыскано было въ томъ же году раскольниковъ и въ воронежской епархіи» [5]). По вѣдомости «Приказа церковныхъ дѣлъ» за 1724 г., записалось въ расколъ въ разныхъ городахъ и уѣздахъ 14,043 человѣка обоего пола [6]).

На основаніи представленныхъ данныхъ нѣтъ возможности даже приблизительно вѣрно опредѣлить число раскольниковъ какъ во всѣ четыре года (1721—1725 гг.) Синодальнаго управленія, такъ и въ

[1]) Опис. IV. 1724. № 522.
[2]) Опис. IV. 1724. № 522.
[3]) Опис. II. 2. 1722. № 807/583.
[4]) Опис. II. 2. 1722. № 815.
[5]) Опис. II. 2. 1722. № 815.
[6]) Опис. IV. 1724. № 331.

каждый отдѣльно; если число раскольниковъ въ одной нижегородской области ко времени учрежденія Святѣйшаго Синода простиралось по офиціальнымъ даннымъ болѣе чѣмъ до 200 тысячъ, то, принимая во вниманіе распространенность послѣдователей раскола по всей Россіи и внѣ ея, означенную цифру нужно умножить не разъ, чтобы получить приблизительное представленіе о количествѣ приверженцевъ раскола [1]). Несомнѣнный выводъ изъ всѣхъ цифръ тотъ, что количество раскольниковъ было велико. Одно уже это побуждало церковную власть серьезно и постоянно думать о заблуждавшихся и постепенно отчуждавшихся приверженцахъ раскола.

Изъ общей характеристики состоянія раскола до Петра Великаго видно, что число раскольниковъ, а вмѣстѣ съ нимъ и территоріальное постепенное его расширеніе безъостановочно продолжалось, съ появленія раскола и до времени Петра I. Обстоятельства царствованія Петра Великаго благопріятствовали усиленію и распространенію раскола. Расколъ распространялся, т. е. появлялся въ новыхъ мѣстахъ, и тогда, когда Петръ I, въ первую и бо́льшую половину своего правленія, снисходительно смотрѣлъ на расколъ и старался относиться къ послѣдователямъ его великодушно и вѣротерпимо; расколъ распространялся и тогда, когда великій царственный труженикъ, въ видахъ государственной и церковной пользы, въ послѣдніе годы своего правленія, относился строго къ приверженцамъ раскола, какъ къ противникамъ преобразовательныхъ началъ и нововведеній. Если при благосклонномъ отношеніи Петра I къ расколу послѣдній распространялся влѣдствіе не самаго способа отношенія царя къ раскольникамъ, нормальнаго въ принципѣ и желательнаго для раскольниковъ, а по причинѣ другихъ распоряженій и дѣйствій Петра, противорѣчившихъ узкимъ, но стариннымъ и сильнымъ симпатіямъ и предразсудкамъ раскольниковъ; то неестественно и странно было бы ожидать ослабленія раскола при строгомъ и даже жестокомъ отношеніи къ нему и преслѣдованіи его, хотя бы такое отношеніе къ расколу допускалось въ интересахъ церкви и государства, какъ это и было въ дѣйствительности; нельзя было разсчитывать на ослабленіе раскола тѣмъ болѣе, что Петръ Великій до конца своей жизни неуклонно и настойчиво проводилъ въ русскую жизнь начала и нововведенія, смущавшія и отталкивавшія не однихъ раскольниковъ, но и тѣхъ, кто противился расколу....

О степени распространенія послѣдователей раскола въ послѣдніе годы царствованія Петра I можно отчасти судить по вышеприведен-

[1]) Извѣстіе о количествѣ раскольниковъ въ нижегородскомъ краѣ въ 200 тысячъ взято изъ донесенія Питирима въ 1718 г.; съ 1718 по 1724 г. число раскольниковъ опредѣлялось въ количествѣ 122 тысячъ. Есиповъ, Раскольничьи дѣла XVIII ст., т. II, стр. 219.—Описаніе документовъ Св. Синода, т. VI., стр. 125. № 59.

нымъ даннымъ о численности раскольниковъ. Чѣмъ болѣе было раскольниковъ, тѣмъ въ большихъ мѣстахъ они появлялись. Указать точно географически мѣста распространенія раскола въ концѣ правленія Петра Великаго, нѣтъ возможности не только по причинѣ отсутствія достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ, но и по характеру самой жизни тогдашнихъ раскольниковъ, неустойчивой, бродячей, подверженной случайностямъ и опасностямъ.

Главными центрами, сосредоточивавшими и притягивавшими раскольниковъ, оставались въ это время прежніе города и мѣстности, извѣстныя изъ прежней исторіи раскола, до учрежденія Святѣйшаго Синода. Въ первые годы синодальнаго управленія было всѣхъ 24 епархіи, въ европейской и сибирской Россіи; въ каждой изъ этихъ епархій были раскольники въ большемъ или меньшемъ количествѣ; исключеніе составляли, повидимому, двѣ епархіи, кіевская и вологодская, гдѣ не было раскольниковъ, если вѣрить донесеніямъ отъ тамошнихъ властей; а вѣрить имъ нельзя, потому что эти донесенія относятся не ко всѣмъ четыремъ годамъ, а къ одному изъ четырехъ годовъ. Такъ, по донесенію кіевскаго архіепископа Варлаама, число дворовъ раскольническихъ въ предѣлахъ кіевской епархіи въ 1722 г. было 18, а въ донесеніи за 1723 г. говорится объ отсутствіи въ ней раскольниковъ. Если по свѣдѣніямъ изъ Вологды за 1722 г. раскольниковъ тамъ не явилось, то констатировать отсутствіе тамъ раскольниковъ и въ слѣдующемъ 1723 г. нельзя по причинѣ непредставленія требовавшихся донесеній; отсутствіе свѣдѣній о раскольникахъ не говоритъ еще объ отсутствіи раскольниковъ [1]).

Но расколъ сосредоточивался преимущественно въ нѣкоторыхъ излюбленныхъ мѣстахъ, каковыми были: Поморье, керженскіе лѣса (въ Костромской губ.), многія мѣста въ нижегородской области, Стародубье, Вѣтка, Донъ, Поволжье, Казань, Сибирь. Есть извѣстія о появленіи русскихъ раскольниковъ въ Японіи [2]). Такимъ образомъ послѣдователи раскола распространились повсюду, по всей Россіи; распространеніе раскола шло отъ московскаго центра къ сѣверу, югу, юго-востоку и юго-западу, къ востоку, въ Сибирь и за предѣлы Россіи, за рубежъ, т. е. расколъ появился въ Польшѣ, Австріи, Пруссіи, Бессарабіи, Турціи, за Кавказомъ въ Дагестанѣ, Сиріи, Малой Азіи и т. д. Быстрое распространеніе раскола облегчалось тѣмъ, что оно совпадало съ общимъ тогдашнимъ колонизаціоннымъ движеніемъ русскаго народа, какъ съ другой стороны, и само содѣйствовало послѣднему движенію, давая ему большую силу, стремительность и нѣкоторый религіозный

[1]) Опис. II. 1722 г. № 141, т. III. 1723 № 597. II. 2. 1722. № 815.

[2]) Мельниковъ. Очерки поповщины.

оттѣнокъ. Подъ вліяніемъ житейской нужды, страха отъ преслѣдованія, двойнаго оклада, опасенія за имущество, подъ вліяніемъ мыслей о странныхъ новыхъ Петровскихъ порядкахъ, казняхъ и страшныхъ временахъ антихриста, раскольники спѣшили укрыться въ мѣстахъ безопасныхъ и отдаленныхъ, каковыми были пустынныя назаселенныя мѣста, болота, острова, лѣса и степи. Такому обширному и быстрому массовому движенію, разносившему расколъ по всѣмъ мѣстамъ, правительство не препятствовало до тѣхъ поръ, пока нижегородскій еп. Питиримъ не высказалъ весьма здравой мысли о томъ вредѣ, какой приносило церкви и государству раскольническое движеніе, направлявшееся отчасти распоряженіями правительства. Мысль эту Питиримъ высказалъ въ 1720 г. два раза въ докладныхъ запискахъ къ Петру I по дѣламъ о раскольникахъ въ нижегородской епархіи. Въ первый разъ по дѣлу о діаконѣ Александрѣ, когда послѣдняго, находившагося въ то время въ С.-Петербургѣ, за ложное будто бы донесеніе на Питирима о незаконныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ его съ раскольниками во время споровъ о вѣрѣ въ с. Пафнутовѣ, въ маѣ 1719 года, осудили предать смертной казни въ Нижнемъ Новгородѣ. Питиримъ желалъ отклонить прибытіе діакона Александра въ Нижній Новгородъ для казни по весьма уважительнымъ причинамъ. «Намъ слышно», писалъ Питиримъ кабинетъ-секретарю А. В. Макарову, «что раскольщика діакона велѣно казнить въ Нижнемъ, а мое мнѣніе—въ Нижній возить его не надо бы и не полезно весьма,—лучше здѣсь (т. е. казнить въ Петербургѣ), понеже дорогою, и тамъ будучи можетъ развращать, отчего вмѣнятъ его быть за страдальца и себѣ за гоненіе» [1]). Мысль о вредѣ отъ переходовъ и перемѣщеній раскольниковъ изъ однихъ мѣстъ въ другія, хотя бы и отдаленнѣйшія, высказалъ Питиримъ въ другой разъ по случаю бѣгства многихъ раскольниковъ изъ предѣловъ нижегородской губ. въ казанскую. «Многіе, не хотя платить за расколъ денегъ», писалъ Питиримъ Петру Великому, «побѣжали за рѣку Усту и на Метіаръ рѣку, въ казанскую губ., и тѣхъ бѣглыхъ раскольниковъ не поволитъ-ли Ваше Величество приказать Ржевскому вѣдать и перевести на старыя мѣста, такъ и другимъ будетъ бѣгать неповадно, да и въ другихъ градѣхъ и уѣздахъ въ казанской губерніи, чтобы ихъ на старыя мѣста брать» [2]). Болѣе опредѣленно высказался Питиримъ по тому же вопросу въ 1722 году, когда, совмѣстно съ гражданскимъ дѣятелемъ по расколу, Ржевскимъ, донесъ Петру, что раскольниковъ не слѣдуетъ ссылать въ Сибирь, гдѣ они распространяютъ расколъ,—и уже многіе изъ нижего-

[1]) Раск. дѣл., Есиповъ, I, 618.

[2]) Есиповъ. II, 214.

родскихъ предѣловъ бѣгутъ въ Сибирь и тамъ остаются жить [1]). Это весьма важное донесеніе Питирима сдѣлано 2 іюля 1722 года непосредственно послѣ личнаго свиданія его съ Петромъ въ Нижнемъ Новгородѣ 1-го іюля 1722 года. Согласно съ донесеніемъ Питирима состоялся отъ 31-го октября того же года сенатскій указъ, требовавшій возвращенія изъ ссылки (изъ Сибири) каторжныхъ невольниковъ—упорныхъ раскольниковъ въ другое мѣсто, въ Рогервикъ (Ревель, въ вѣчную работу; «и впредь раскольниковъ—говорилось въ указѣ—отнюдь въ Сибирь не посылать, ибо тамо и безъ нихъ раскольщиковъ много, а чтобы ихъ посылать въ Рогервикъ, гдѣ дѣлаютъ новую гавань) дабы тамъ (т. е. Сибири) по городамъ и уѣздамъ бѣглыхъ раскольщиковъ не принимали и которые тамъ поселились, тѣхъ бы выслали оттоль на старыя мѣста, отколь они бѣжали, съ наказаніемъ, и впредь смотрѣть накрѣпко, чтобы такихъ раскольщиковъ въ Сибири не было» [2]). Итакъ, изъ доношеній Питирима можно видѣть, что движеніе раскола, бѣгство послѣдователей его было весьма сильно и опасно. Такимъ образомъ распространенность раскола по всей Россіи, проникновеніе его въ мѣста отдаленныя, глухія и пустынныя, озабочивало церковную власть для принятія своевременныхъ и цѣлесообразныхъ мѣръ для противодѣйствія усиливавшемуся движенію раскольниковъ.

Но внутренняя сторона русскаго раскола въ указанное время была еще болѣе мрачною, побуждавшею высшую церковную власть къ постоянной неослабной дѣятельности по части раскола.

Основные взгляды раскольниковъ, ихъ идеалы. стремленія и образъ ихъ жизни, составившіе изъ нихъ особенную церковную общину, представлены нами при характеристикѣ противораскольнической полемики. То, что въ «Пом. Отв.» заключалось оригинальнаго, отличнаго отъ православія, раскольническаго содержанія, то внушалось и другимъ, всѣмъ послѣдователямъ раскола, принимавшимъ всякія внушенія отъ наставниковъ и отцовъ традиціонно, безъ разсужденія и сомнѣнія. Но «Пом. Отв.» заключали въ себѣ лучшую сторону раскольническаго мудрованія, какъ ни своеобразнымъ, одностороннимъ и превратнымъ представляется это «лучшее» съ критической точки зрѣнія. Въ то время, когда Андрей Денисовъ, указывалъ на множество отступленій православной русской церкви, ошибочно увлекаясь внѣшностью и обрядностью, онъ не сообщалъ, что̀ творилось въ расколѣ во внутренней его жизни.

Господствующими явленіями въ тогдашнемъ расколѣ были слѣдующія.

[1]) Есиповъ, II, 276.

[2]) Полн. сбр. пост. II. 1722. № 882.

Самымъ общимъ явленіемъ въ тогдашнемъ состояніи раскола было раздѣленіе его на секты, толки, или согласія [1]). Начавшись очень рано, скоро послѣ появленія раскола, это раздѣленіе на секты постепенно усиливалось. Число сектъ было велико: «поповщина, онуфріевщина, софонтіевщина, діаконовщина, безпоповщина (перекрешиванцы), ѳеодосіевщина, андреевщина, христовщина и прочая множайшая» [2]). Перечень этихъ сектъ относится къ 1722 — 23 гг. По реестру Ѳеофилакта, приложенному къ «Обличенію», число всѣхъ толковъ простиралось до 37. Впрочемъ, такая множественность сектъ зависѣла болѣе отъ произвольнаго частнаго подраздѣленія толковъ, чѣмъ отъ фактическаго отличія ихъ между собою; поэтому нѣкоторые толки, разсматриваемые въ «Обличеніи», какъ отдѣльные и отличные, могутъ и должны быть соединены въ одинъ толкъ, или согласіе въ цѣляхъ обобщенія и исторической вѣрности; такъ, дѣтоубійство не составляло толка, или, по выраженію полемиста, «ереси», а было преступленіемъ нѣкоторыхъ раскольниковъ, послѣдствіемъ совмѣстной жизни мужчинъ и женщинъ въ выговской пустыни; такимъ образомъ, дѣтоубійство было одною изъ отличительныхъ сторонъ жизни выговскихъ раскольниковъ, а не спеціальною принадлежностью какихъ-либо отдѣльныхъ раскольниковъ; дѣтоубійство могло встрѣчаться и у другихъ раскольниковъ и не въ смыслѣ принципіальномъ, а въ смыслѣ случайности, объясняемой и оправдываемой то паденіемъ или грѣхомъ, то распущенностію нравовъ; точно также можно соединить въ одинъ толкъ «ересь» діаконовщину съ новокадильниками, согласно съ фактическими обстоятельствами происхожденія этого *толка*, раздѣленнаго въ «Обличеніи» на *два* согласія. Хотя въ дѣленіи раскола на секты слѣдуетъ усматривать его слабость и несостоятельность, однако худая и вредная сторона этого заключалась въ трудности веденія борьбы съ такимъ множествомъ сектъ, взаимныя особенности которыхъ были не уловимы. Раздробленность и взаимная часто враждебность раскольническихъ толковъ, происходившая изъ-за корыстныхъ и честолюбивыхъ побужденій главныхъ заправилъ и старшинъ, не мѣшали однакоже проявленію единодушія и активнаго сопротивленія въ отношеніи къ господствующей церкви, въ защищеніи своихъ интересовъ.

Отличительными чертами раскольническихъ сектъ являются крайнія мнѣнія и увлеченія, вредныя и даже опасныя въ общественномъ и нравственномъ отношеніи, не говоря о церковномъ. Сюда относятся: мнѣнія о послѣднихъ временахъ и видимомъ царствованіи

[1]) Опис. т. I. 1721. №№ 113 (80 стр.), 185 (185), 279 (314).

[2]) Полн. собр. пост. II. 1722 г. № 877. III. 1723. № 972.

антихриста въ лицѣ Петра I, объ отрицаніи семейной жизни и оправданіи разврата, многочисленные факты самосожженія для достиженія спасенія, случаи неповиновенія и даже отрицанія царской власти. Послѣдователи крайнихъ мыслей находились не въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, а встрѣчались во многихъ мѣстахъ, сосредоточиваясь тамъ, гдѣ раскольники успѣвали устрояться общинами, благодаря то счастливымъ обстоятельствамъ, то своей самодѣятельности и умѣнью. Такихъ мѣстъ было, впрочемъ, мало. Если исключить Выговскую пустынь, Вѣтку, Стародубье, керженскіе и нижегородскіе скиты, какъ мѣста болѣе или менѣе осѣдлыхъ и матеріально устроенныхъ раскольниковъ, то на остальныхъ раскольниковъ, разсѣянныхъ во множествѣ по всему русскому царству, можно было смотрѣть, какъ на скитальцевъ и бродячихъ жителей, переносившихъ изъ одного мѣста въ другое странныя до нелѣпости и фанатическія убѣжденія о церковныхъ и государственныхъ дѣлахъ съ такою быстротою и неуловимостью, что борьба съ ними становилась невозможною. О выговской пустынѣ нужно сказать и то, что она, помимо своего значенія въ смыслѣ экономическомъ и благотворительномъ для своихъ членовъ, была центромъ умственнаго раскольническаго движенія и мѣстомъ пропаганды. О значеніи выговской пустыни въ умственномъ отношеніи была рѣчь при изложеніи и разборѣ взглядовъ Андрея Денисова, выраженныхъ въ «Пом. Отв.». Указанія на пропаганду раскола въ мѣстахъ не только окрестныхъ и ближайшихъ, но и отдаленныхъ, можно находить въ «Исторіи выговской пустыни» Ив. Филиппова (1862 г. Спб., изд. Кожанчикова); тамъ же есть и указанія на существованіе у выговцевъ училища, въ которомъ получали подготовку многіе старцы, сдѣлавшіеся усердными распространителями и защитниками раскола [1]), путешествуя, по городамъ и селамъ, то за милостынею, то по другимъ дѣламъ обители [2]). Правда, нельзя видѣть въ миссіонерской школѣ выговскихъ раскольниковъ что-либо систематическое, опредѣленную программу дѣятельности, но нельзя отказать имъ въ усердіи и настойчивости для достиженія дѣла пропаганды,—тѣмъ болѣе нельзя отрицать успѣха въ ихъ дѣлѣ. Насколько эта пропаганда успѣшно дѣйствовала, видно изъ слѣдующаго офиціальнаго сообщенія: на Мезени и въ Пустозерскѣ многіе люди развращены отъ церкви въ расколъ, а паче въ крестномъ сложеніи упрямствуютъ, а оная прелесть размножена въ тѣхъ мѣстахъ отъ Выгорскихъ общежителей Данилова согласія, которые по часту въ тѣхъ мѣстахъ бываютъ, а индѣ и довольное время живутъ для разсѣянія расколу, а взять таковыхъ опасно, понеже имѣютъ

[1]) Истор. выгов. пуст. гл. 38, 168—9. Христ. Чт. 1863—4 г.

[2]) Ibid.

указъ Его Величества и пашпорты съ Олонецкихъ Петровскихъ заводовъ отъ ландрата Муравьева, что такіе общежители уволены для промыслу въ домъ Его Императорскаго Величества звѣрей живыхъ соболей, песцовъ и прочихъ, такожде и оленей живыхъ; и кто куда изъ тѣхъ раскольниковъ ни поѣдетъ, хотя за купечествомъ своимъ или за какою своею нуждою, а въ пашпортѣ прописываютъ, что для промыслу звѣрей, и таковымъ вездѣ свобода жить и оные много прельщаютъ къ расколу. И отъ таковаго ихъ прельщенія научены многіе и тверды въ своемъ отъ нихъ наученіи и о смерти своей ни мало разсуждаютъ и вмѣняютъ себѣ въ законное нѣкое мученіе» [1])...

Руководственную роль въ пропагандѣ и совращеніи въ расколъ многихъ мужчинъ и женщинъ нужно приписать Андрею Денисову [2]).

Если потерпѣлъ неудачу отъ выговцевъ Неофитъ, спеціально подготовленный и присланный для собесѣдованія о вѣрѣ съ выгорѣцкими «пустосвятами», то при другихъ столкновеніяхъ съ православными проповѣдники раскола могли легко разсчитывать на успѣхъ. Успѣшную дѣятельность Питирима слѣдуетъ считать исключеніемъ,— дѣломъ, совершавшимся при особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Внѣшнее благосостояніе и видимый успѣхъ выговцевъ не избавлялъ, однакожъ, послѣднихъ отъ прикосновенности къ крайнимъ мнѣніямъ, указаннымъ выше; есть даже основаніе приписывать происхожденіе и развитіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Выговской пустынѣ, какъ наприм., мнѣніе о самосожигательствѣ, жертвами котораго погибло (по исчисленію Ив. Филиппова, до 4200 чел.) множество раскольниковъ-выговцевъ (поморцевъ). Частые случаи самосожженія среди поморцевъ были ранѣе разсматриваемаго нами времени, но возможность повторенія ихъ и въ первые годы синодальнаго управленія оставалась прежняя; отсутствіе такихъ случаевъ зависѣло отъ благосклоннаго снисходительнаго отношенія къ выговцамъ царя Петра I. Но зато въ это время упоминается о многихъ случаяхъ самосожженія въ другихъ отдаленныхъ мѣстахъ. Такъ, въ «Увѣщаніи» Св. Синода 1722 г. къ раскольникамъ приводятся случаи самосожженія, отъ котораго гибнутъ и сами расколоучители, и безвинно люди Божіи придаютъ лютой смерти, вѣчной и временной.—«Въ 1722 г., въ тобольской епархіи, въ Ишимской волости, въ двухъ пустыняхъ раскольники сами сожглись, а колико, неизвѣстно; неизвѣстное число сожглось и въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ. Того же года, *въ день Рождества Христова*, въ одной храминѣ самоохотно сгорѣли, а

[1]) Опис. т. III. № 441, стр. 457.

[2]) Опис. т. I. № 113, стр. 80.

колико, неизвѣстно. Въ 1723 г., въ устюжской епархіи, въ деревнѣ Нестеровской, сгорѣло мужчинъ и женщинъ 25 человѣкъ. Въ 1724 г., въ тобольской епархіи, въ тюменскомъ уѣздѣ, въ пустыни на сожженіе и съ малыми младенцы собралося было 190 человѣкъ, и изъ нихъ разбѣжалось 45, а остальные 145 человѣкъ сгорѣли» [1]). Въ 1725 г., 8 марта, холмогорскій архіепископъ сообщилъ, что въ его епархіи, въ одной волости, раскольники, собравшись въ одну избу въ числѣ 108 человѣкъ, мужчины, женщины, дѣвицы и младенцы, сожглись, «да и прочіе къ тому готовы» [2]). Нужно замѣтить, что случаи самосожигательства имѣли мѣсто и развитіе болѣе среди раскольниковъ неосѣдлыхъ, чѣмъ въ дружно сплоченныхъ раскольническихъ общинахъ. Въ послѣднихъ развивались другія крайности, болѣе постоянныя и глубоко пустившія корни. Къ крайнимъ мнѣніямъ относятся: 1) мысль объ антихристѣ и 2) ученіе о безбрачной жизни.

1. Мнѣніе о наступленіи послѣдняго времени и царствованіи антихриста появилось очень рано. Оно возникло подъ вліяніемъ господствовавшаго въ XVI-XVII ст. предубѣжденія противъ грековъ, католическаго и протестантскаго запада,—предубѣжденія, дошедшаго, въ періодъ преслѣдованія раскола, до мысли объ еретичествѣ русской церкви и даже до олицетворенія антихриста въ лицѣ п. Никона, а послѣ—въ Петрѣ I. Несбывшееся предсказаніе раскольниковъ о кончинѣ міра въ 1666 году, паденіе и смерть п. Никона побудили расколоучителей измѣнить взглядъ на самое представленіе объ антихристѣ, господствовавшее до тѣхъ поръ; вмѣсто видимаго антихриста стали представлять его духовнымъ образомъ, въ смыслѣ превратныхъ мнѣній и еретическаго направленія тогдашняго времени, сосредоточившагося въ лицѣ Петра I и господствовавшей, какъ потакавшей царю, православной церкви. Мнѣніе о духовномъ царствованіи антихриста развилось въ періодъ затишья въ состояніи раскола, въ кроткое и краткое царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. Съ воцареніемъ Петра I, когда послѣдовали страшныя казни стрѣльцовъ, пытки раскольниковъ и другихъ противниковъ нововведеній и преобразованій царя, чувственное представленіе объ антихристѣ въ лицѣ Петра возобновилось и усилилось, дошедши къ концу царствованія Петра— времени особенно подозрительнаго и враждебнаго отношенія царя къ раскольникамъ—до большихъ небывалыхъ размѣровъ. Если еще въ 1703 году м. Стефанъ Яворскій выступилъ съ опроверженіемъ усиливавшихся толковъ и движеній въ пользу мнѣнія о Петрѣ, какъ антихристѣ, то можно представить, какъ сильны были эти движенія

[1]) Опис. т. II. 1. 1722 г. № 116—580.

[2]) Опис. т. III. 1723 г. № 441.

въ послѣдніе годы царствованія Петра, примѣромъ и доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, дѣло капитана-старца В. Левина и его единомышленниковъ, казненныхъ въ 1722 году за разглашеніе и возмущеніе народа противъ царя, якобы антихриста [1]). Хотя Левинъ по убѣжденіямъ не принадлежалъ къ расколу, но въ мнѣніи о Петрѣ, какъ антихристѣ, онъ вполнѣ сходился съ послѣдователями раскола, выдѣляясь между ними въ этомъ отношеніи своею смѣлостью и фанатизмомъ въ качествѣ представителя. «Послушайте, православные», говорилъ Варлаамъ Левинъ въ церкви, на своей родинѣ, въ пензенской губ., въ 1721 году, въ присутствіи большой толпы народа, «нынѣ у насъ преставленіе свѣта скоро будетъ..... Государь нынѣ загналъ весь народъ въ Москву и весь его погубитъ.—Вотъ здѣсь, въ этомъ мѣстѣ», говорилъ онъ народу, указывая на свою руку между указательнымъ и большимъ пальцемъ,... «въ этомъ мѣстѣ царь ихъ будетъ пятнать и станутъ они въ него вѣровать [2]). Будутъ и вамъ бороды брить», говорилъ онъ, обращаясь къ священнику, «и станутъ табакъ тянуть и будетъ у васъ по двѣ жены и по три, какъ кто хочетъ жить» [3]). Преобладающее количество печатныхъ и руко-

[1]) Есиповъ. Раск. дѣл. т. I, 8—57.

[2]) Страннымъ можетъ показаться глубокое и фанатическое заблужденіе Левина, но многія изъ распоряженій Петра I давали поводъ и причину для возникновенія, поддержки и упорнаго распространенія ложныхъ и преувеличенныхъ представленій о царѣ. Такъ, изъ судебнаго дѣлопроизводства царствованія Петра извѣстно, что простой народъ, особенно раскольники, сильно роптали на «печать антихристову, которую будто бы, по повелѣнію царя, накладывали на всѣхъ обращенныхъ въ вѣру антихриста; недоброжелатели царя, не любившіе новыхъ порядковъ, поддерживали въ невѣжественномъ народѣ нелѣпыя суевѣрія. Поводомъ къ безумнымъ толкамъ о печати антихриста было по всему вѣроятію письмо Петра Великаго, писанное въ 1712 году къ тайному совѣтнику, сенатору, князю Якову Θедоровичу Долгорукову. Въ письмѣ этомъ Петръ, между прочимъ, писалъ, чтобъ всѣмъ рекрутамъ, при отправленіи ихъ въ войска, въ устраненіе ихъ побѣговъ, накалывался на лѣвой рукѣ крестъ, и натирался порохомъ (какъ клейма у каторжныхъ), для чего и рисунокъ руки, съ наколомъ креста, приложенъ при письмѣ. Хотя, вслѣдствіе суровости указа и произведеннаго имъ сильнаго смущенія въ народѣ, распоряженіе о клейменіи руки было объявлено, въ 1713 г., въ измѣненномъ видѣ, однако строгая мѣра эта приводилась въ исполненіе въ позднѣйшіе годы; изъ донесеній Военной канцеляріи въ Сенатъ отъ 5 декабря 1718 года видно, что въ числѣ приводныхъ людей для распредѣленія ихъ въ службу упоминаются солдаты «запятненные въ лѣвыя руки рекрутскимъ пятномъ». Ни откуда не видно, чтобы эта мѣра была отмѣнена въ послѣдующее время царствованія Петра, вообще отличавшееся большою строгостію и подозрительностію къ людямъ; быть можетъ, эта мѣра была отмѣнена, но важно здѣсь то, что клейменіе крестомъ на *лѣвой* рукѣ давало полный поводъ къ убѣжденію и роспространенію мысли о томъ, «что мужиковъ обращаютъ въ вѣру антихристову наложеніемъ его печати, какъ признака послѣдняго времени» (Рус. Архив. 1873 г., кн. 10—11).

[3]) Есиповъ, Раск. дѣл., т. I, 8—57.

писныхъ книгъ о послѣднихъ временахъ міра, открытыхъ и взятыхъ изъ библіотекъ тогдашнихъ раскольниковъ, всего яснѣе свидѣтельствуетъ о настроеніи ихъ мыслей и воображенія [1]). Увлеченіе мыслію о господствѣ антихриста въ лицѣ Петра I доводило нѣкоторыхъ до рѣшимости умертвить царя. Извѣстно два случая покушенія на жизнь Петра I со стороны раскольниковъ-фанатиковъ; одинъ случай относится къ 1720 году, а другой—къ 1722 году; благодаря только случайности и находчивости Петра, оба покушенія кончились благополучно для царя. Насколько сильно и въ то же время искренно было мнѣніе раскольниковъ о «пагубномъ» заблужденіи царя Петра, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что въ 1721 году одна раскольница-Алена Еѳимова, составила оригинальную молитву объ обращеніи Петра отъ заблужденій на путь истины. Въ этой молитвѣ все приглашается для умилостивленія Бога о спасеніи царя «отъ злыхъ дѣлъ, отъ всѣхъ худыхъ помысловъ, отъ душевной пагубы, ради будущаго вѣка, ради втораго пришествія Христова, для ради пресвѣтлаго краснаго рая: и всѣ святые силы небесныя и божіе святые, и православная церковь, со всѣми иконами и мелкими образами, съ священными книгами, паникадилами, свѣщами, пеленами и ризами, и солнце, и свѣтелъ мѣсяцъ, и звѣзды, и облака, и море, и вся вообще природа со стихіями»..... Длинная, хотя и монотонная, молитва эта не лишена религіозно-поэтическаго воодушевленія. Зашивъ молитву въ пелену, означенная раскольница подала ее въ московскій успенскій соборъ и скрылась; съ тою же цѣлію она нанимала нѣкоторыхъ читать акаѳисты [2]).

2. Въ связи съ ученіемъ о послѣднемъ времени и воцареніи антихриста развилось у раскольниковъ другое крайнее мнѣніе о всеобщемъ безбрачіи и дѣвствѣ. Если, по ученію раскольниковъ, наступало послѣднее время,—время пришествія антихриста и кончины вѣка, то попеченія о женитьбѣ и дѣтяхъ становились излишними, неумѣстными, несовмѣстимыми съ обстоятельствами и поэтому невозможными. Ученіе это, небывалое на Руси и оригинальное, возникло и развилось въ средѣ безпоповщины, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для раскола, въ періодъ преслѣдованій его и строгихъ статей указа 1685 года. Главнымъ образомъ это ученіе сосредоточилось и утвердилось среди поморцевъ въ Выговской пустыни, въ періодъ первоначальнаго ея устройства, подъ вліяніемъ страха за жизнь, лишеній и бѣдъ. Строгимъ проведеніемъ въ жизнь этого ученія отличалась секта Ѳедосѣевская, возникшая изъ поморской, но утвердившаяся въ Польшѣ, на Вѣткѣ, по желанію своего основателя Ѳеодосія Васильева († 1711 г.). Послѣдователи Ѳеодосіева ученія

[1]) Опис. т. III. № 360, стр. 358—360.

[2]) Опис. т. I. № 387, стр. 442—446.

еще были строже, чѣмъ основатель ихъ секты, дѣлавшій уступки въ проведеніи своего принципа о всеобщемъ безбрачіи признаніемъ законными браки, совершенные въ православной церкви до перехода въ расколъ. Подъ вліяніемъ поморцевъ, установившихъ въ своей общинѣ общее безбрачіе, ѳедосѣевцы, въ разсматриваемое нами время, требовали отъ всѣхъ послѣдователей своего толка строгаго дѣвства [1]). Не говоря уже о томъ, что такое ученіе о бракѣ, уничтожавшее христіанскую семью, было противообщественно и вредно, оно и на дѣлѣ не выполнялось, какъ въ началѣ своего возникновенія, такъ и особенно впослѣдствіи. Такимъ образомъ послѣдствіями ученія о безбрачіи являлись лицемѣріе, развратъ и другія преступленія безнравственнаго, уголовнаго и даже политическаго характера [2]), на которыя впослѣдствіи указывали авторъ «Исторіи выговской пустыни» и м. Арсеній Мацѣевичъ [3]).

Появленіе нѣкоторыхъ странныхъ и нелѣпыхъ раскольническихъ заблужденій относится къ разсматриваемому нами времени; на происхожденіе нижеслѣдующихъ мнѣній вліяли распространенныя тогда среди раскольниковъ мысли о пришествіи антихриста и оскудѣніи благодати среди христіанъ, духовенства и народа.

Такъ, по ученію толка «аврамовщины», царство антихристово уже настало, и «пророки Енохъ, Иліа и Іоаннъ Богословъ уже обличили антихриста и страждутъ [4])». По ученію капитоновщины, «день Господень уже наста». «Разстриговщина» учила: «нынѣ уже антихристово царство, и пророцы Иліа и Енохъ пріиде и Іоаннъ Богословъ». Послѣдователи секты «гробополагателей», ожидавшіе пришествія Христова въ 1700 г., ложились во гробы и толковали: «по седьми тысячахъ (7208 г. отъ міросозданія) приходъ Христовъ будетъ, а когда не будетъ, то мы и самое Евангеліе сожжемъ, а прочимъ книгамъ и вѣрить нечего».

По взгляду нѣкоторыхъ толковъ, пришествіе антихриста сопровождалось оскудѣніемъ Божіей благодати. Такъ, по ученію «самокрещенцевъ», примыкавшихъ къ «даниловскому поморскому согласію», въ нынѣшнее время всѣ отступили отъ православія, благодать Св. Духа не дѣйствуетъ какъ отъ (чрезъ) поповъ, такъ и отъ чернцовъ и простыхъ мужиковъ; отсюда потребность въ повтореніи крещенія

[1]) Ив. Ѳ. Нильскій. Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Т. I. 81—108 стр

[2]) Опис. т. II. 1. № 172, стр. 258. Опис. т. III. № 360.

[3]) Филипповъ. Истор. выг. пуст., и Опис. III. № 360, стр. 357—8.

[4]) Свѣдѣнія объ ученіяхъ разныхъ сектъ заимствованы отчасти изъ документовъ Синодальнаго архива, но бóльшею частью изъ «Объявленія разныхъ толковъ схизматиковъ, россійскихъ раскольниковъ въ разныхъ мѣстахъ», приложеннаго къ «Обличенію» Ѳеофилакта; свѣдѣнія эти относятся ко времени 1666—1725 г.,—ко времени, благопріятствовавшему для составленія разныхъ толковъ.

до двухъ и трехъ разъ[1]). По ученію «Нѣтовщины», «благодати Божіей нѣтъ ни въ церквахъ, ни въ чтеніи, ни въ пѣніи, ни въ иконахъ, ни въ какой вещи; все взято на небо; и мы де чаемъ спастися упованіемъ».

Такіе мрачные взгляды способствовали возникновенію и развитію сектъ «морильщиковъ» и «сожигателей», преждевременно и безразсудно прекращавшихъ свою жизнь въ подземельяхъ и огнѣ.

Другіе раскольники, подъ вліяніемъ мрачныхъ отчаянныхъ мыслей, впадали въ распущенность и нравственную дикость, совѣтуя и другимъ дѣлать то же самое. Такъ, основатель секты «капитоновщины», отлучая мужей отъ женъ, называлъ брачное сожительство блудомъ: лучше бо обще женъ имѣти, нежели по нынѣшнему времени женитву имѣти.

По случаю оскудѣнія священниковъ и прекращенія таинства св. евхаристіи у большинства раскольниковъ, неудовлетворенную потребность нѣкоторые пытались замѣнить и вознаградить особеннымъ своеобразнымъ внѣзаконнымъ способомъ. По ученію «степановщины», причащаться можно святою водою и хлѣбомъ, приносимымъ и освященнымъ въ день праздника Пасхи [2]).

Отличительная общая черта раскольническихъ толковъ состояла въ стремленіи къ обособленности; стремленіе это иногда мотивировалось опасеніемъ зараженія заблужденіями и грѣховностью противоположнаго согласія; приверженцы «потемковщины» ни пили, ни ѣли со всѣми другими толками.

Въ отношеніи къ предержащей власти раскольники старались враждебныя чувства прикрыть внѣшнею преданностью и покорностью. Такъ, «перекрещиванцы», т. е. поморцы, «за государей Россійскихъ Бога не молятъ ни въ тропаряхъ и кондакахъ, но молятъ такъ: побѣды рабомъ своимъ даруй на сопротивные никоніаны и супостатовъ нашихъ; также и за умершихъ государей нашихъ не молятъ Бога, православными не называютъ ни живыхъ, ни мертвыхъ».—Не мало было, впрочемъ, случаевъ открытаго оскорбленія царскаго Величества.

Характеристику раскола можно закончить заключительными словами «Обличенія» Ѳеофилакта: «гдѣ Іеремія, да станетъ съ нами и плачетъ, якоже плакаше горько о сынѣхъ Іраилевыхъ? не меньшаго потреба плача о отпадшихъ братій нашихъ отъ правовѣрія, и умершихъ вѣрныхъ невѣріемъ, и сколько тѣхъ мертвецовъ, аще бы возможно видѣть душевныма очима»?...

Вотъ общія и частныя явленія среди раскольниковъ въ первые годы синодальнаго управленія. Разумѣется само собою, что эти явленія были и ранѣе разсматриваемаго нами времени и позже. Но мы и не имѣемъ въ виду выдѣлять въ этомъ случаѣ взятые нами

[1]) Обличеніе Ѳеофилакта, прил. № 21.

[2]) Облич., прил. № 9. Опис. т. II. 2. № 1152, стр. 475.

четыре года изъ общей исторіи царствованія Петра Великаго, да едва-ли это возможно; общая характеристика состоянія раскола сдѣлана съ цѣлію указать на то, какъ необходимо было принять усиленныя мѣры для противодѣйствія расколу со стороны церковной власти. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что наша характеристика раскола не можетъ считаться полною; она пополнится фактически частными чертами при обзорѣ и выясненіи церковно-гражданскихъ мѣръ противъ раскола и его послѣдователей.

II.

Церковно-гражданскія учрежденія и лица, принимавшія, по указамъ Петра I, участіе въ розыскѣ раскольниковъ.

Дѣятельность Св. Синода по отношенію къ расколу находилась въ зависимости отъ общихъ преобразовательныхъ мѣръ Петра Великаго по всѣмъ частямъ управленія русскаго государства. Церковное управленіе и жизнь, неотдѣлимая отъ гражданской сферы и вліявшая на послѣднюю, озабочивала Петра не менѣе, чѣмъ какая либо иная область государственнаго управленія.

Данный при учрежденіи Св. Синода «Духовный Регламентъ» въ руководство, долженъ былъ направлять церковную власть сообразно съ видами и цѣлями великаго преобразователя. Ко времени изданія «Духовнаго Регламента» точка зрѣнія Петра I на церковь и даже практическіе способы воздѣйствія его на нее должны были достаточно выясниться и утвердиться. Съ воцаренія Петра русская церковь стала въ чисто служебное отношеніе къ верховной власти, въ полное подчиненіе и зависимость отъ нея. Объ упадкѣ церковной власти при Петрѣ можно привести слѣдующее важное свидѣтельство. По отзыву Блюментроста, бывшаго лейбъ-медикомъ Петра Великаго и первымъ президентомъ академіи наукъ, «русское духовенство не имѣетъ такой власти какую воображаютъ иностранцы. Въ Россіи самъ императоръ есть supremus pontifex и онъ управляетъ не такъ, какъ угодно духовенству, которое обязано повиноваться ему [1])»..... Хотя и прежде, въ періодъ патріаршества, представители русской церкви всегда старались служить благу и пользѣ государства и противодѣйствія верховной власти государя не оказывали, но церкви прежде принадлежала въ своей сферѣ иниціатива дѣлъ и способъ осуществленія ихъ, слѣдовательно на ней лежала и отвѣтственность. Но говорить о самостоятельности русской церкви при Петрѣ I, со

[1]) Пекарскій, Наука и литература при П. В. I т., стр. 37—38.

времени фактическаго (1700 г.) и особенно юридическаго (1721 г.) уничтоженія патріаршества, уже не приходится; трудно говорить и объ инціативѣ церкви при Петрѣ I не потому, чтобы ея вовсе не было въ частныхъ и единичныхъ мѣропріятіяхъ церковной власти въ дѣлахъ по расколу, но потому, что эта инціатива, хотя и ничтожная, скрывается въ общей всесторонней дѣятельности царя—Петра и его исполнителей,—она не видна вслѣдствіе господствовавшаго смѣшенія церковной и гражданской сферы при производствѣ дѣлъ по расколу въ существовавшихъ тогда учрежденіяхъ. Если, поэтому, извѣстную изложенную нами выше противораскольническую полемику мы отнесли къ способамъ воздѣйствія на расколъ *чисто церковнымъ*, то мѣры противъ раскола, имѣющія разсматриваться въ этомъ отдѣлѣ сочиненія, названы нами *церковно-гражданскими* на основаніи смѣшаннаго характера происхожденія и совершенія этихъ мѣръ, соприкосновеннаго отчасти къ дѣятельности Святѣйшаго Синода, отчасти къ Сенату. Смѣшанный характеръ мѣръ по происхожденію, существу и совершенію отразился и на ихъ послѣдствіяхъ, въ отношеніи успѣховъ дѣла.

Сгруппировать всѣ мѣры противъ раскола, извѣстныя изъ офиціальныхъ источниковъ, въ одно стройное цѣлое не легко. При изложеніи мѣръ можно пользоваться методомъ хронологическимъ, или погоднымъ, при сознаніи его неудовлетворительности. Болѣе предпочитается другой методъ изложенія—прагматическій, состоящій въ уясненіи существовавшей связи между тѣми или другими мѣрами, съ указаніемъ на обстоятельства, благопріятствовавшія или препятствовавшія выполненію мѣръ, на время возникновенія извѣстной мѣры и окончанія ея, и на нѣкоторыя подробности и случайности, вліявшія въ томъ или въ другомъ отношеніи на мѣры и послѣдствія ихъ. Порядокъ изложенія мѣръ долженъ основываться на относительной важности церковно-гражданскихъ мѣропріятій, т. е. чѣмъ больше мѣры должны были вліять на расколъ, чѣмъ онѣ серьезнѣе и общѣе, тѣмъ болѣе онѣ заслуживаютъ предварительнаго и обстоятельнаго обозрѣнія; и наоборотъ: чѣмъ мѣры частнѣе и случайнѣе, тѣмъ рѣчь о нихъ будетъ короче. Конечно, съ исторической точки зрѣнія было бы интересно и поучительно видѣть то, какъ постепенно и преемственно церковная власть переходила отъ одной мѣры къ другой, какъ, почему и чрезъ сколько времени она повторяла одну и ту же мѣру, или замѣняла одну мѣру другою, болѣе соотвѣтственною, лучшею и т. п.; но мы отъ такого историческаго пріема обозрѣнія мѣръ не только не отказываемся, но будемъ ему и слѣдовать, насколько позволятъ данныя и наши соображенія. Но дѣло въ томъ, что не всѣ, а только нѣкоторыя мѣры даютъ возможность и матеріалъ для установленія между ними исторической связи и преемственности; сюда

относятся тѣ изъ нихъ, какія повторялись или пополнялись; большинство изъ нихъ вызывалось и направлялось общимъ характеромъ тревожно-дѣятельнаго царствованія Петра Великаго.

Высшая церковная власть должна была, въ предположенныхъ противъ раскола мѣрахъ, обнять и коснуться послѣдователей раскола со всѣхъ сторонъ, съ внѣшней и внутренней жизни. Взглядовъ и религіозныхъ раскольническихъ убѣжденій церковь касалась въ полемикѣ и нѣкоторыхъ посланіяхъ и увѣщаніяхъ, обращенныхъ по адресу заблуждавшихся. На долю церковно-гражданскихъ мѣръ оставалось еще многое помимо того, чего касалась полемика Ѳеофилакта Лопатинскаго. Если для полемики важны были чисто теоретическія и церковно-обрядовыя заблужденія раскольниковъ, то для церковно-гражданскихъ мѣръ интересны и важны были *личности* раскольниковъ, ихъ количество, характеръ ихъ отношенія къ церковной и гражданской власти, степень повиновенія ихъ предержащей власти, уживчивость съ православными,—словомъ ихъ внѣшнее поведеніе.

Первая мѣра, съ которой должна была начаться дѣятельность Святѣйшаго Синода по отношенію къ расколу, состояла въ исчисленіи раскольниковъ. Съ численностью раскольниковъ должно было сообразоваться множество мѣръ.

Свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ требовались «Духовнымъ Регламентомъ», которымъ церковная власть должна была руководствоваться съ января 1721 года. Запись раскольниковъ находилась въ связи съ общею мѣрою правительства объ исчисленіи всего населенія Россіи, до Петра не приводившагося въ извѣстность и опредѣленность. Въ исчисленіи раскольниковъ дѣятельность Святѣйшаго Синода должна была направляться и сообразоваться съ раннѣйшими указами гражданскаго правительства по приведенію въ извѣстность числа раскольниковъ съ цѣлію обложенія ихъ двойнымъ окладомъ податей. Еще въ 1714 году Петръ I предписалъ переписать и обложить раскольниковъ двойнымъ окладомъ податей, а съ женщинъ, со вдовъ и дѣвицъ брать половину. Такъ какъ этотъ указъ остался совершенно неисполненнымъ, то въ 1716 году онъ былъ повторенъ. Для большаго успѣха, въ указѣ 1716 года повелѣвалось всѣмъ и каждому по всей Россіи исповѣдываться ежегодно, а о не бывшихъ у исповѣди нужно было подавать именныя росписи отъ духовнаго начальства губернаторамъ и ландратамъ. Хотя указъ 1716 года, чрезъ обложеніе раскольниковъ двойнымъ окладомъ, ослаблялъ строгія узаконенія 1685 года и отмѣнялъ смертную казнь и преслѣдованіе раскольниковъ, однако надежда правительства на то, что раскольники охотно будутъ записываться въ переписныя книги и платить положенный налогъ за

спокойное житье при своихъ заблужденіяхъ, не оправдалась. Опасеніе записываться въ расколъ, помимо денежнаго расчета, поддерживалось и усиливалось распространеннымъ тогда мнѣніемъ о господствѣ антихриста, печать котораго и представляли, между прочимъ, подъ видомъ *записи* въ расколъ.

Къ записи въ расколъ старовѣры относились враждебно, съ суевѣрнымъ страхомъ и зловѣщимъ предчувствіемъ. При приближеніи переписчиковъ раскольники то разбѣгались, то прогоняли переписчиковъ. Какъ о записи въ расколъ, такъ вообще о народной переписи при Петрѣ среди народа вращались такіе отзывы со стороны раскольническихъ писателей: «отъ гордости въ немъ (Петрѣ) духа учиніе—описаніе народное, исчисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, возвышаясь надъ ними и изыскуя всѣхъ, дабы никто не могъ скрыться руки его [1]). Таково тиранство учини: и съ мертвыхъ дани востребова. Сего и въ древнія времена бывшіе мучители (гонители христіанъ) не творили. Мы отъ Христа Спаса научихомся законъ и заповѣди Его сохраняти и вѣру святую блюсти; а сему царю въ послушество отдаться не хощемъ». При покровительствѣ священниковъ легко было прибѣгнуть къ обману, утайкѣ, и не записываться въ расколъ. Такимъ образомъ, указъ 1716 года остался безъ исполненія до 1718 года.

Съ 1718 года Петръ сталъ энергичнѣе и послѣдовательнѣе дѣйствовать въ достиженіи дѣла переписи раскольниковъ. Распоряженія Петра въ это время, отъ 1718 до 1720 года, отличаются строгостію, идущею въ разрѣзъ съ прежнимъ снисходительнымъ образомъ дѣйствій его по отношенію къ раскольникамъ. Перемѣну взглядовъ Петра I на раскольниковъ и отношенія его къ нимъ можно объяснить вліяніемъ на царя нижегородскаго епископа Питирима, описавшаго предъ Петромъ раскольниковъ съ худой стороны, какъ людей ненадежныхъ и подозрительныхъ, и неблагопріятными обстоятельствами, подѣйствовавшими на настроеніе царя угнетающимъ образомъ.

Къ 1718 году относится, какъ извѣстно, донесеніе Питирима о состояніи раскола въ нижегородской епархіи, замѣчательное по вліянію своему на Петра и послѣдствіямъ для раскола вообще и въ частности нижегородскаго. По донесенію Питирима, «раскольниковъ во всѣхъ городахъ (нижегородской епархіи) болѣе 200 тысячъ; число ихъ увеличивается; въ балахонскомъ и Юрьевецкомъ—повольскомъ уѣздахъ ихъ болѣе 20 тысячъ. Раскольники благополучію государственному не радуются, а радуются несчастію; безпоповщина въ молитвахъ царя не поминаетъ, а поповщина именуетъ царя благород-

[1]) Щебальскій, Лекціи по р. истор., вып. III. 60.

нымъ (а не благовѣрнымъ); церковь, догматы и таинства разными хулами хулятъ. Между раскольниками много несогласія, но на церковь всѣ злобно согласны. Попы едва-ли не всѣ скрыли раскольниковъ, записывая ихъ какъ бывшими у исповѣди, или совсѣмъ не записывая въ исповѣдныя книги, и не положено на нихъ ни штрафа, ни двойнаго оклада. Въ Польшу на Вѣтку, въ имѣніе пана Халецкаго множество бѣжали и еще сбираются, потому что у нихъ тамъ устроена церковь. Раскольники—безпоповцы послали своего учителя учить въ Сибирь, и другіе толки имѣютъ намѣреніе посылать учителей по городамъ» [1]). На основаніи этого донесенія Петръ долженъ былъ измѣнить вглядъ на раскольниковъ. Достойно замѣчанія то, что донесеніе Питирима совпало съ тяжелыми обстоятельствами, происходившими тогда (1718—1719 года) по дѣлу наслѣдника Алексѣя Петровича [2]). Такимъ образомъ къ однимъ врагамъ Петра прибавлялось еще много другихъ въ лицѣ раскольниковъ. Послѣдствіемъ донесенія Питирима были слѣдующія распоряженія царя относительно раскольниковъ. Предписывалось: во-1-хъ, потребовать отъ поповъ росписи неисповѣдывавшимся и раскольникамъ за 1716—17 г.; попамъ давалось полгода срока для предъявленія сдѣланной ими утайки, но по прошествіи полугода наказывать; 2) указомъ 1720 г. предписывалось всѣмъ раскольникамъ безъ всякаго сомнѣнія и страха записываться «въ Приказѣ церковныхъ дѣлъ», а ежели кто вѣдая сей указъ... за расколъ въ платежѣ двойнаго оклада къ запискѣ не явится, а въ томъ отъ кого изобличенъ будетъ, и тому преслушнику учинено будетъ жестокое гражданское наказаніе [3]). Эти распоряженія Петра исполнялись гораздо строже, чѣмъ предшествовавшіе указы 1714 и 1716 гг., хотя и не въ полной силѣ, какъ бы слѣдовало.

Итакъ, вопросъ объ исчисленіи раскольниковъ озабочивалъ гражданскую властѣ гораздо ранѣе учрежденія Св. Сунода, но предпринятыя мѣры не имѣли успѣха по причинамъ, состоявшимъ въ томъ, что послѣдователи раскола опасались чрезъ запись подвергнуться какимъ-либо наказаніямъ по примѣру прежняго времени, и особенно (опасались) попасть въ число слугъ антихриста; офиціальная запись въ расколъ считалась своего рода печатію антихриста. Однако и изъ неудачныхъ опытовъ по исчисленію послѣдователей раскола можно было убѣдиться какъ въ цѣли, къ которой стремилось правительство чрезъ приведеніе въ извѣстность числа раскольниковъ, такъ и въ трудности достиженія ея. Ясно было, что чрезъ обложеніе

[1]) Есиповъ. Раск. д. XVIII ст., т. II, 218—220.

[2]) С. Соловьевъ. Истор. Россіи, изд. 3, т. XVIII, 125—230.

[3]) Ѳ. Елеонскій. О сост. раскола въ царств. Петра Великаго. 1863 г. 145. (Хр. чтен. 1864 г., ч. 3).

раскольниковъ двойнымъ окладомъ достигалась цѣль экономическая, получалась новая статья прихода на государственныя нужды,—получалась не даромъ, но въ вознагражденіе лишенія тѣхъ услугъ, какія могли бы принести государству раскольники, будучи полноправными гражданами, какими они не были въ дѣйствительности. Говоримъ: ясна была *экономическая* цѣль при обложеніи двойнымъ окладомъ и штрафами, хотя церковная власть неоднократно заявляла, что оклады съ раскольниковъ положены не для прибыли какой, но ради понуждательства раскольниковъ къ обращенію [1]).

Дѣла о приведеніи въ извѣстность численности раскольниковъ, бывшія до сихъ поръ въ вѣдѣніи гражданскаго начальства, съ 1721 г. перешли въ духовное вѣдомство, въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода. Переходъ этотъ совершился въ силу указа Петра отъ 16 февраля 1721 г. [2]); съ большою неохотою и недовольствомъ уступила свѣтская власть духовному вѣдомству сборъ денегъ, продолжая и послѣ, вопреки указу, вмѣшиваться въ эти сборы, въ ущербъ дѣлу и къ взаимнымъ неудовольствіямъ между духовными и гражданскими учрежденіями. Если смотрѣть съ внѣшней хронологической стороны на эту передачу, то дѣло можетъ представиться въ томъ смыслѣ, что церковной власти было удобнѣе заняться дѣломъ счисленія раскольниковъ посредствомъ записи во время исповѣди. Принимая на себя такое дѣло, церковная власть должна была его исполнить, и такимъ образомъ помочь правительству въ новомъ, важномъ и трудномъ дѣлѣ.

Повидимому, справиться съ этою задачею могло приходское духовенство, на обязанности котораго лежало побуждать и понуждать прихожанъ къ тому, чтобы они не уклонялись отъ таинствъ исповѣди и святаго причащенія; исполненіе послѣднихъ признано было правительствомъ существеннымъ условіемъ принадлежности къ православной церкви, а уклоненіе—было признакомъ принадлежности къ расколу, склонностію къ нему; священники обязаны были своевременно и исправно представлять своему начальству исповѣдныя росписи съ указаніемъ на наличныхъ раскольниковъ; они же должны были собирать съ раскольниковъ положенный за небытіе у исповѣди и святаго причастія штрафъ, кромѣ тѣхъ мѣстностей, куда назначены были особые чиновники отъ Святѣйшаго Синода [3]); двойной окладъ податей съ раскольниковъ должны были собирать особые сборщики изъ свѣтскихъ лицъ, судьи, по записямъ духовенства о раскольникахъ; собранныя деньги представлять въ Святѣйшій Синодъ.

[1]) Опис. т. IV. № 530, стр. 543—2.

[2]) Полное собр. пост. 1721 г., т. I. № 4 и 52, 71—72 стр.

[3]) Собр. т. II, № 721, стр. 408.

Такимъ образомъ, простое, повидимому, дѣло исчисленія раскольниковъ на основаніи исповѣди и святаго причащенія, составлявшее прямую церковную обязанность, осложнялось необычнымъ требованіемъ и собираніемъ штрафныхъ денегъ,—дѣломъ, выходившимъ за предѣлы церковной власти и противорѣчившимъ духовному характеру отношеній церкви къ прихожанамъ и заблуждавшимся раскольникамъ.

Хотя указы гражданскаго правительства до 1721 г. о приведеніи въ извѣстность числа раскольниковъ мало на дѣлѣ исполнялись, однако они продолжали дѣйствовать, какъ неотмѣненные. Съ учрежденіемъ Святѣйшаго Синода, которому переданы были всѣ дѣла по расколу, возобновились и усилились требованія въ исполненіи прежнихъ указовъ. Указы отъ 16 марта 1719 г. и 14 марта 1720 г. настолько были внушительны, что Святѣйшему Синоду, на первыхъ порахъ, не было нужды напоминать подвѣдомому духовенству объ его обязанностяхъ по дѣлу о переписи раскольниковъ. Вотъ почему кажется, и не встрѣчается въ продолженіе 1721 г. особаго циркулярнаго указа о доставленіи свѣдѣній о числѣ раскольниковъ. Такой указъ съ обязательнымъ характеромъ относится къ слѣдующему 1722 г., ко второму году существованія и дѣятельности Святѣйшаго Синода. Въ 1722 г., 7 марта, Святѣйшій Синодъ отправилъ во всѣ епархіи къ епископамъ указы съ требованіемъ свѣдѣній о числѣ неисповѣдавшихся по даннымъ священническимъ имяннымъ росписямъ и о количествѣ раскольниковъ въ ихъ епархіяхъ. Въ своихъ требованіяхъ Святѣйшій Синодъ опирался, помимо своей власти, на то, что сборъ штрафныхъ денегъ съ неисповѣдавшихся и съ раскольниковъ двойнаго оклада предоставленъ былъ особымъ указомъ царя Святѣйшему Синоду [1]). Такой же указъ былъ посланъ отъ Святѣйшаго Синода епархіальнымъ архіереямъ въ 1724 г., отъ 28 октября. Необходимо прибавить, что послѣдній указъ посланъ былъ Святѣйшимъ Синодомъ не по собственной инціативѣ, но во исполненіе воли Петра, чрезъ Сенатъ. Причина этого заключалась въ томъ, что полныхъ и точныхъ свѣдѣній о числѣ раскольниковъ изъ провинцій въ Святѣйшій Синодъ не поступало, не смотря на указы послѣдняго въ епархіи, губерніи, провинціи и прочія мѣста о тщательномъ собираніи тамъ свѣдѣній и понудительствѣ всѣхъ съ крѣпкимъ подтвержденіемъ о присылкѣ собранныхъ свѣдѣній въ канцелярію Святѣйшаго Синода [2]).

Свѣдѣнія о раскольникахъ, равно какъ и допросы о нихъ и ихъ вредныхъ дѣйствіяхъ, производились и доставлялись въ Святѣй-

[1]) Опис. 1722 г. т. II, 2. № 1075.

[2]) Опис. 1723 г. т. III, № 597.

шій Синодъ чрезъ особыя спеціальныя церковныя и гражданскія учрежденія; это были органы, чрезъ которые Синодъ непосредственно дѣйствовалъ въ своихъ мѣропріятіяхъ противъ раскола. Нѣкоторые изъ этихъ органовъ не только служили посредственными передаточными пунктами, но и могли направлять въ ту или другую сторону возникавшія «раскольныя дѣла», благодаря юридической своей самостоятельности и отсутствію строгаго контроля за ихъ (т. е. учрежденій) дѣятельностію. Къ такимъ учрежденіямъ принадлежали: 1) «тіунское правленіе», 2) Приказъ церковныхъ дѣлъ» и 3) «Розыскная раскольническихъ дѣлъ канцелярія».

Тіунское правленіе [1]). Это была особая канцелярія въ С.-Петербургѣ, при Святѣйшемъ Синодѣ, и съ отдѣленіемъ въ Москвѣ, учрежденная 17 апрѣля 1721 г. согласно «Духовному Регламенту». Кругъ дѣятельности тіунскаго правленія опредѣленъ особою инструкціею тіуну, назначенному Святѣйшимъ Синодомъ изъ духовныхъ лицъ. Первымъ тіуномъ былъ архимандритъ калязинскаго монастыря Трифилій. Главною обязанностію тіунскаго правленія, помимо надзора «во святыхъ церквахъ всякаго благочинія въ новозавоеванныхъ городахъ и уѣздахъ» (Шлиссельбургѣ, Ямбургѣ, Выборгѣ, Копорьѣ и о-вѣ Котлинѣ) было отыскиваніе раскольниковъ, обложеніе ихъ двойнымъ окладомъ и взиманіе его съ нихъ, а также наблюденіе за тѣмъ, чтобы священники не утаивали раскольниковъ.

Въ инструкціи тіуну, въ пунктахъ ея, касающихся раскола, много сходнаго и общаго съ инструкціями протоинквизиторамъ, провинціалъ инквизиторамъ, сыщикамъ и другими общими и частными распоряженіями, относившимися къ дѣламъ по расколу.

Изъ документовъ не видно, чтобы дѣятельность тіунскаго правленія была чѣмъ-либо замѣчательна. Архимандритъ Трифилій служилъ мало (съ апрѣля 1721 г. по іюнь 1723 г.), будучи перемѣщенъ изъ тіунскаго правленія на должность настоятеля Саввина Сторожевскаго монастыря. Дѣятельность Трифилія въ качествѣ тіуна отмѣчается заботами и прошеніями объ увеличеніи состава членовъ тіунской палаты, объ ассигнованіи ему и прибавкѣ жалованья, объ исправленіи тіунской избы и т. п. [2]). Еще менѣе было дѣятельности по части раскола при преемникѣ Трифилія, протоіереѣ Троицкаго собора, Іоаннѣ Семеновѣ [3]), человѣкѣ притязательномъ, честолюбивомъ и упорномъ, поступившимъ сюда послѣ неудачной службы въ Святѣйшемъ Синодѣ [4]).

[1]) Полн. собр. пост. т. I, №№ 60 и 348, стр. 85—90 и 404. п. 9. Опис. т. I. № 216.

[2]) Описан. т. I, стр. 206—7; 225. т. II. 2. №№ 798 и 1109.

[3]) Ibid № 68, 125, 374, 321.

[4]) Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. 97 стр.

Изъ вопросовъ, разсматривавшихся въ тіунскомъ правленіи, заслуживаетъ вниманія слѣдующій, рѣшавшійся при Трифиліи, въ первый годъ его управленія, въ 1721 году.

По 17 п. тіунской инструкціи требовалось, чтобы въ С.-Петербургѣ и въ новозавоеванныхъ городахъ всякихъ чиновъ людей, имѣющихъ бороды, кромѣ духовенства, сибирскихъ и низовыхъ обывателей, крестьянъ и ямщиковъ, ловить и приводить въ тіунскую палату для допроса о томъ, имѣютъ-ли бородачи выданные имъ въ уплатѣ пошлинъ ярлыки и о прочемъ, что надлежитъ къ раскольническому сыску и съ чего можно признать въ бородачахъ раскольниковъ. Пунктъ этотъ предоставлялъ тіунскому правленію много власти, доходившей въ лицѣ ревностныхъ исполнителей до превышенія ея; это превышеніе власти могло происходить вслѣдствіе искренняго усердія и служебной ревности, а могло происходить и по корыстнымъ побужденіямъ. Послѣдствія такого превышенія обнаружились такъ скоро, что уже въ іюлѣ 1721 г. Святѣйшій Синодъ вынужденъ былъ сдѣлать поясненіе къ 17 п. инструкціи для тіуна Трифилія, его помощниковъ и преемниковъ. Объясненію предпослано раннѣйшее разсужденіе правительства о томъ, что запрещеніе носить бороду извѣстнымъ лицамъ, какъ и другія распоряженія о раскольникахъ, вызваны были съ цѣлію отвлеченія послѣдователей раскола отъ заблужденія, упрямства и присоединенія ихъ къ святой церкви посредствомъ увѣщанія и вразумленія, а въ случаѣ неповиновенія ихъ—къ отправкѣ къ гражданскому суду и поступленію съ ними по законамъ. «А въ тіунской палатѣ», говорится въ синодальномъ объясненіи отъ 12-го іюля, «свыше предписаннаго повелѣнія ничего по оному отъ помянутой инструкціи 17 п. не повелѣннаго не чинить, и въ брадобритіе, яко духовному правительству несвойственное дѣйство, отнюдь никому въ оной тіунской палатѣ не вступать, но токмо повелѣнные допросы и изслѣдованія чинить; а ежели кто отъ подчиненныхъ оной тіунской палатѣ, какого званія ни есть, въ такое не порученное имъ дѣйство (какъ въ Святѣйшемъ Синодѣ происходитъ слухъ) вступить когда дерзнулъ или впредь дерзнетъ, такого, яко дерзкаго самовольника и безстрашника и на духовное правительство нареканіе наносящаго, жестоко, по мѣрѣ вины, наказать, да и прочіе страхъ возымѣютъ и неповелѣннаго чинить не дерзнутъ [1]).

Изъ приведеннаго объясненія слѣдуетъ, что дѣятельность тіунскаго правленія приняла несоотвѣтственное направленіе по отношенію къ расколу. Нужно, впрочемъ, сказать, что объясненіе не отличается ясностью, не рѣшаетъ возникающихъ возраженій и находится въ

[1]) Собр. т. I, № 143. 195—196 стр.

противорѣчіи съ позднѣйшими требованіями относительно бородачей[1]). Неясно то, какъ понимать требованіе «не вступать въ брадобритіе, какъ дѣйствіе, духовному правительству несвойственное». Если объясненіе запрещаетъ вступать въ дѣла о бородачахъ, то этимъ уничтожался 17-й п. инструкціи, исключительно касавшійся бородачей. Но такое пониманіе не согласуется съ послѣдующимъ временемъ, когда вопросъ о бородачахъ и брадобритіи продолжалъ занимать правительство, исполнителей воли его и тѣхъ, кто подавалъ поводъ къ тому, то есть раскольниковъ.

Такъ, въ началѣ 1722 года, извѣстный архимандритъ Антоній, въ доношеніи Святѣйшему Синоду отъ 9 февраля, между прочимъ, спрашивалъ: «въ расколъ записавшіеся повинны-ли платить окладъ съ бородъ, какъ и другіе (т. е. бородачи—нераскольники) платятъ, и одинаковой-ли, или двойной? Антоній думалъ: который сборъ взимается съ бородъ и въ другихъ канцеляріяхъ, приличествуетъ весьма къ сбору штрафныхъ денегъ съ раскольниковъ, понеже которые съ бородъ платятъ окладъ, едва не всѣ раскольщики суть, чрезъ что вящшее о нихъ познаніе будетъ». Рѣшеніе: съ записныхъ раскольниковъ двойнаго окладу съ бородъ не брать. Изъ дѣлъ, относящихся къ 1723 году, видно и то, что требованія правительства касательно сбора денегъ съ бородачей не всюду исполнялись какъ слѣдуетъ, не исполнялись даже въ мѣстахъ, спеціально на то назначенныхъ. Даже возбуждался со стороны «Приказа церковныхъ дѣлъ» вопросъ: слѣдуетъ-ли брать штрафъ съ бородачей. Неизвѣстно, продолжало-ли тіунское правленіе въ 1722—23 годахъ имѣть дѣло съ бородачами, или нѣтъ. Есть далѣе основаніе думать, что тіунское правленіе, въ силу объясненія 17 п. инструкціи, не вступалось въ дѣла о бородачахъ по примѣру розыскной раскольныхъ дѣлъ канцеляріи, въ которой въ 1723 году никакихъ сборовъ съ бородачей не было и не было привода такихъ людей. Чѣмъ объяснить это? отсутствіемъ-ли опредѣленности въ повелительныхъ указахъ, какими либо особенными препятствіями, или небрежностію чиновниковъ, сказать рѣшительно трудно; церковная власть не могла оставить этого, хотя и непріятнаго для нея, дѣла безъ выполненія,—тѣмъ болѣе, что часть денегъ изъ сбора сего шла на нужды духовныхъ учрежденій и лицъ, принимавшихъ участіе въ собираніи штрафныхъ денегъ. Какъ церковная власть была заинтересована въ этомъ дѣлѣ, можно видѣть изъ того обстоятельства, что въ 1724 году Синодъ не согласился на передачу въ вѣдомство Сената означеннаго сбора безъ особаго Высочайшаго повелѣнія; Сенатъ могъ надѣяться на извлеченіе выгодъ отъ болѣе ис-

[1]) Собр. т. II. № 454. п. 29. Собр. т. IV. № 1450.

правнаго веденія дѣла на государственныя потребности. Попытка Сената на передачу сбора въ свое вѣдомство была не единственная [1]), и всякій разъ сопровождалась со стороны Синода заявленіемъ протеста. Попытка Сената изъять изъ вѣдѣнія Синода сборъ денегъ съ бородачей вмѣстѣ со сборомъ двойнаго оклада удалась уже послѣ смерти Петра Великаго, въ февралѣ 1726 года [2]).

На основаніи всего сказаннаго слѣдуетъ заключить, что хотя тіунское правленіе призвано было главнымъ образомъ къ разбору и розыску дѣлъ раскольничьихъ и бородачей, однако дѣятельность его была незамѣтна вслѣдствіе какихъ то неблагопріятныхъ, но неясныхъ обстоятельствъ.

Болѣе дѣятельности и болѣе ясности усматривается въ другомъ, подобномъ тіунскому, правленію, церковномъ учрежденіи. Разумѣемъ «Приказъ церковныхъ дѣлъ».

Приказъ церковныхъ дѣлъ.—Онъ представлялъ собою главное духовное учрежденіе въ Москвѣ; учрежденіе его относилось ко времени патріарха Іоакима (1673—1690 г.). При патріархѣ Іоакимѣ приказъ образовался изъ тіунской избы, замѣнивъ ее по существу. Когда учрежденъ былъ Святѣйшій Синодъ, приказъ сдѣлался какъ бы главною канцеляріею его въ Москвѣ, синодальною конторою, съ большимъ кругомъ обязанностей, нѣкоторою самостоятельностію и иниціативою. Тогда какъ тіунское правленіе въ С.-Петербургѣ главною задачею своею имѣло дѣла о расколѣ, въ извѣстныхъ новозавоеванныхъ мѣстахъ, «Церковный Приказъ» наравнѣ съ дѣлами по части раскола вѣдалъ и другія дѣла, къ которымъ относились: 1) дѣла о бывшихъ у исповѣди и святаго причащенія, 2) о крестныхъ ходахъ въ Москвѣ, 3) о надзорѣ за благочиніемъ въ Москвѣ, 4) о выборѣ поповскихъ старостъ, 5) о родившихся, умершихъ, 6) сборы денежные и разсчеты по выдачѣ пособій отправлявшимся въ полки церковнымъ служителямъ и т. п. Всѣ дѣла по расколу, не только мѣстныя, но и общія, вѣдались въ «церковномъ приказѣ» послѣ закрытія патріаршаго разряда, въ 1700 году. Съ церковнымъ приказомъ Святѣйшій Синодъ сносился непосредственно и первѣе всего, посылая ему повелительные указы для увѣдомленія, исполненія, извѣщенія и требованія того же отъ низшихъ зависимыхъ отъ него учрежденій и лицъ.— Судьею «церковнаго приказа» былъ златоустовскій архимандритъ Антоній съ 1718 года по срокъ закрытія его, 20 мая 1724 года [3]).

[1]) Опис. т. IV. № 358.

[2]) Собр. т. V. № 1507.

[3]) Опис. т. I. № 35. Собр., т. IV. № 1265.—Закономъ требовалось, чтобы судьи, опредѣленные у дѣлъ раскольническихъ, смѣнялись не часто; судья увольнялся по Высочайшему указу. (Собр. т. I. № 3.)

Намъ неизвѣстна инструкція «церковнаго приказа, опредѣлявшая его дѣятельность по дѣламъ раскола. Есть основаніе думать, что ея не было [2]). Но о направленіи его дѣятельности можно составить вѣрное понятіе на основаніи пунктовъ инструкціи тіунскаго правленія относившихся къ расколу, и раскольническихъ дѣлъ, производившихся въ приказѣ.

Изъ 38 пунктовъ тіунской инструкціи въ 10 (8—14, 17—19) изложены правила наблюденія и дѣйствія по отношенію къ раскольникамъ, т. е. обязанности тіунскаго правленія состояли въ томъ, чтобы 1) священники не скрывали раскольниковъ ни подъ какимъ предлогомъ и видомъ, а узнавши ихъ, или заподозрѣвши кого въ расколѣ по извѣстнымъ признакамъ (уклоненію отъ исповѣди, святаго причащенія, крещенія и присяги), о тѣхъ доносили бы; 2) поповъ—укрывателей раскольниковъ подвергать лишенію имущества и отправкѣ ихъ въ тіунскую палату, которая, послѣ сообщенія объ этомъ въ Синодъ, должна была вознаграждать доносителя изъ конфискованнаго имущества раскольника; 3) особенное вниманіе должно быть обращено на недопущеніе распространенія раскола чрезъ раскольническихъ учителей; 4) съ записныхъ раскольниковъ слѣдовало брать положенный двойной окладъ для представленія въ тіунскую контору. Эти общія противораскольническія правила тіунскаго правленія должны были служить руководствомъ и для церковнаго приказа въ его одинаковой по сущности дѣятельности по части раскола. Для ознакомленія съ фактической стороною дѣлъ «церковнаго приказа», укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

За 4 года существованія Святѣйшаго Синода въ церковномъ приказѣ перебыло множество дѣлъ, касавшихся правъ и обязанностей его по отношенію къ расколу. Роль приказа, какъ подчиненнаго учрежденія, была исполнительная. Разсматривая приказъ со стороны исправности въ исполненіи и распространеніи требованій высшей церковной власти, долгъ справедливости требуетъ признать «церковный приказъ» учрежденіемъ весьма дѣятельнымъ, правою рукою Святѣйшаго Синода. При незначительномъ составѣ служащихъ лицъ приказъ не только справлялся со всѣми дѣлами по расколу, т. е. съ запросами, допросами, провѣркою, отношеніями, донесеніями и объясненіями, но и успѣвалъ и дерзалъ обращаться въ Святѣйшій Синодъ съ вопросами, требовавшими рѣшенія и часто тормозившими ходъ канцелярскаго дѣла. Дѣятельнымъ лицемъ приказа былъ извѣстный архимандритъ московскаго златоустовскаго монастыря Антоній. Послѣднему принадлежала иниціатива множества предложенныхъ Свя-

[1]) Опис. т. I. № 446, стр. 522.

тѣйшему Синоду на обсужденіе вопросовъ [1]); вопросныхъ пунктовъ со стороны церковнаго приказа могло бы быть и больше, если бы получались всегда на нихъ своевременные отвѣты [2]).

Къ особенностямъ церковнаго приказа нужно отнести слѣдующее. Подобно тому, какъ въ 1721 году прикомандированъ былъ къ Святѣйшему Синоду іеромонахъ Неофитъ для собесѣдованія съ раскольниками о спорныхъ предметахъ, одновременно съ этимъ вызванъ былъ въ приказъ для той же цѣли монахъ Рѣшиловъ (Іосифъ). Это сдѣлано было по примѣру и въ подражаніе Святѣйшему Синоду, въ удовлетвореніе тогдашней потребности, но вести разговоры о вѣрѣ съ раскольниками Рѣшилову не пришлось съ приглашенными было послѣдователями раскола потому, что не было на то царскаго указа, какъ объясняли старообрядцы въ свое оправданіе [3]). У Антонія были попытки къ улучшенію порядковъ церковнаго приказа, какъ относительно раскольническихъ дѣлъ, такъ и другихъ сторонъ, но неудачныя. Неудачи эти заставляли его думать объ увольненіи отъ должности судьи церковнаго приказа, пока, наконецъ, обстоятельства такъ сложились, что послѣдовало упраздненіе церковнаго приказа и передача дѣлъ его въ нѣкоторыя сродныя съ нимъ учрежденія. Причины упраздненія церковнаго приказа обстоятельно изложены въ современныхъ, т. е. тогдашнихъ документахъ [4]). Въ то время, какъ внутренняя дѣятельность церковнаго приказа была замѣтною, со-внѣ складывались неблагопріятныя обстоятельства и вліянія, которыя ограничивали и ослабляли его дѣятельность, не смотря на усилія Антонія въ пользу своего учрежденія, въ цѣляхъ отстоять его самостоятельность. Изъ документовъ усматривается три главныхъ причины закрытія церковнаго приказа: противодѣйствіе распоряженіямъ приказа со стороны гражданской власти, малочисленный составъ служившихъ чиновниковъ, несоотвѣтственный съ постоянно возраставшимъ количествомъ дѣлъ и «умноженіемъ раскольническимъ», и отсутствіе со стороны церковной власти распоряженій и указаній (содѣйствія) на донесенія Антонія и просьбы о принятіи надлежащихъ мѣръ къ поддержанію церковнаго приказа [5]). Указанныя причины препятствовали исправному веденію текущихъ дѣлъ церковнаго приказа, вслѣдствіе чего самое существованіе его представлялось излишнимъ [6]). Затрудненіе справляться съ дѣлами, переходившее въ невозможность быть исправнымъ,

[1]) Собр. т. II. № 454. т. IV. № 1323. 582. 476.

[2]) Опис. т. II. 2. № 825.

[3]) Опис. т. I. № 507.

[4]) Опис. т. I. № 586.

[5]) Опис. т. I. № 586. стр. 55.

[6]) Опис. т. I. № 586. стр. 644.

побудила Антонія просить о передачѣ дѣлъ по сбору денегъ съ раскольниковъ въ другое учрежденіе и вѣдомство, согласно нѣкоторымъ указамъ [1]). Репутаціи церковнаго приказа вредили слухи о взяточничествѣ служившихъ въ немъ лицъ, не исключая и самого судьи; слухи эти имѣли фактическое основаніе (въ показаніяхъ нѣкоторыхъ лицъ); слухи эти не подтвердились, но и не были опровергнуты, къ соблазну многихъ, особенно недоброжелателей церковнаго приказа съ начальникомъ его во главѣ [2]). Все это вмѣстѣ взятое повело къ упраздненію церковнаго приказа.

Есть мнѣніе, что уничтоженіе приказа церковныхъ дѣлъ произошло отъ неумѣлости архимандрита Антонія и постоянныхъ жалобъ его въ Святѣйшій Синодъ на трудность управлять дѣлами. По нашему мнѣнію, неумѣлость Антонія не единственная и даже не главная причина закрытія приказа. Причинъ было много. Еслибы дѣло зависѣло отъ одной неумѣлости судьи, то слѣдовало бы подыскать другое, болѣе благонадежное лице. Правда, благонадежныхъ въ то время людей было мало, но и въ другихъ канцеляріяхъ служили лица подобныя Антонію и худшія, однакоже изъ-за этого не закрывались самыя учрежденія.

Закрытіе приказа послѣдовало въ началѣ 1724 года. Дѣла приказа о раскольникахъ, т. е. сборы окладныхъ денегъ съ раскольниковъ и штрафовъ съ неисповѣдниковъ, переданы въ «раскольническую розыскныхъ дѣлъ канцелярію» [3]).

Примѣчаніе.—Церковный Приказъ, какъ непосредственный органъ Святѣйшаго Синода, нужно отличать отъ нѣкоторыхъ другихъ сходныхъ съ нимъ учрежденій, находившихся отчасти въ подчиненіи церковному приказу. Такихъ учрежденій, называвшихся приказами, было немного: костромской, переименованный изъ патріаршаго въ приказъ синодскаго правленія, духовный приказъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ (Преображенскій), астраханскій, приказъ инквизиторскихъ дѣлъ и др.; въ этихъ приказахъ производились, между прочимъ, дѣла по расколу согласно даннымъ инструкціямъ. Эти инструкціи были составлены на основаніи «Д. Регламента», примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ [4]).

По инструкціи, данной 30-го апрѣля 1722 г., Ипатьевскаго монастыря архимандриту Серапіону на управленіе Костромскимъ духовнымъ приказомъ (бывшимъ патріаршимъ), между прочимъ (п. 10—14), требовалось строго наблюдать за раскольниками и особенно раскольническими учителями, имѣть записныя книжки, для внесенія туда всѣхъ

[1]) Опис. т. I. № 586.
[2]) Опис. т. II. 1. № 212.
[3]) Опис. т. I. № 586.
[4]) Опис. т. I. 1. № 93.

раскольниковъ, брать съ нихъ двойной окладъ съ выдачею росписокъ въ полученіи денегъ, сказывая имъ Е. И. В. указъ съ запискою и рукоприкладствомъ подъ жестокимъ страхомъ, дабы они раскольнической прелести другихъ никого не учили и у себя учителей не держали; если кто изъ оныхъ раскольниковъ явится учитель, таковаго подъ крѣпкимъ карауломъ въ Синодъ присылать. Собранныя съ раскольниковъ деньги слѣдовало присылать въ Святѣйшій Синодъ безъ замедленія и ожиданія особенныхъ указовъ [1]).

Розыскная раскольническихъ дѣлъ канцелярія.—Нужно различать двѣ канцеляріи раскольническихъ дѣлъ: одна была въ Москвѣ, а другая въ С.-Петербургѣ, при Святѣйшемъ Синодѣ. Дѣла изъ приказа по расколу перешли въ первую, московскую.

Московская канцелярія существовала ранѣе Петербургской; учрежденіе ея можно относить къ 1716 г., когда установленъ былъ штрафъ съ неисповѣдниковъ и раскольники были обложены двойнымъ окладомъ податей. Дѣла о наложеніи и взиманіи штрафовъ съ раскольниковъ вѣдались тогда въ раскольнической канцеляріи, какъ гражданскомъ учрежденіи. Это продолжалось до 1721 г., до перенесенія въ означенную канцелярію дѣлъ Святѣйшаго Синода по раскольному вопросу, согласно синодальному указу отъ 15 февраля 1721 г. [2]). Слѣдуетъ оговориться, что не всѣ дѣла изъяты были изъ канцеляріи, а нѣкоторыя, перешедшія въ приказъ церковныхъ дѣлъ; часть дѣлъ раскольныхъ оставалась въ вѣдѣніи канцеляріи. Переходъ дѣлъ изъ канцеляріи въ церковной приказъ сопровождался неблагопріятными послѣдствіями для церковнаго приказа и былъ одною изъ внутреннихъ причинъ паденія его. Сущность дѣла въ слѣдующемъ.

Для канцеляріи раскольныхъ дѣлъ было весьма непріятно и невыгодно распоряженіе о передачѣ части раскольническихъ дѣлъ въ церковный приказъ. Неудовольствіе вытекало не изъ за власти, честолюбія или уменьшенія дѣятельности, а изъ другихъ побужденій, побужденій чисто матеріальнаго денежнаго свойства.

Различіе между церковнымъ приказомъ и канцеляріею въ дѣлахъ по расколу состояло въ томъ, что, съ переходомъ нѣкоторой части дѣлъ изъ канцеляріи въ приказъ, послѣднему принадлежала иниціатива производства дѣлъ; приказъ имѣлъ и непосредственное отношеніе къ Святѣйшему Синоду и другимъ учрежденіямъ. Въ церковный приказъ шли собранныя съ раскольниковъ штрафныя и окладныя деньги, въ немъ составлялись вѣдомости о собранныхъ ефимкахъ; приказъ имѣлъ право тратить часть изъ штрафныхъ и даже окладныхъ денегъ на свои

[1]) Собр. т. II. № 582.

[2]) Собр. т. I. № 4.

нужды, на содержаніе и прогоны лицъ, командированныхъ для сыска и разслѣдованія раскольниковъ. Въ церковномъ приказѣ производился допросъ раскольниковъ по порученію Синода, по доносу частныхъ и официальныхъ лицъ, и по его распоряженію. Свои рѣшенія приказъ препровождалъ то въ Святѣйшій Синодъ на утвержденіе, то въ другія учрежденія для исполненія, примѣняясь къ характеру и важности дѣлъ. Много было въ приказѣ дѣла, но много и средствъ и самостоятельности. Личность судьи приказа, архимандрита Антонія, содѣйствовала значенію и вліянію учрежденія на ходъ дѣлъ. Сфера дѣйствій церковнаго приказа была широкая.

Нельзя сказать того же самого о «канцеляріи раскольныхъ дѣлъ» и составѣ чиновниковъ ея; положеніе ея было хуже; сфера дѣйствій уже. Прежде всего, не въ пользу ея служило уже то обстоятельство, что, съ передачею главной части раскольныхъ дѣлъ, она утратила свой церковный характеръ. Это было, дѣйствительно, полуцерковное учрежденіе [1]), находившееся въ вѣдѣніи Сената; чрезъ эту канцелярію Сенатъ продолжалъ оказывать на расколъ свое вліяніе, прежде очень сильное, но теперь ослабленное дѣятельностью Синода. Составъ служащихъ лицъ былъ свѣтскій. Отличительный характеръ дѣятельности канцеляріи былъ болѣе исполнительный, полицейскій, нежели административный. Въ канцелярію приводили подсудимыхъ раскольниковъ изъ церковнаго приказа, для дополнительнаго разслѣдованія, раскольниковъ упорныхъ и подозрительныхъ, для приведенія въ исполненіе опредѣленнаго тѣлеснаго наказанія и духовнаго, какъ напр. заточенія въ монастырь, или ссылки въ каторжную работу [2]). Сюда для допроса присылались раскольники и изъ другихъ мѣстъ, близкихъ и отдаленныхъ, по распоряженію сыщиковъ [3]). Начальнику канцеляріи поручалось иногда ревизія по обвиненію духовныхъ лицъ въ растратѣ церковныхъ суммъ [4]). Вообще, дѣлъ въ канцеляріи было не мало, но въ то же время канцелярія поставлена въ тяжелыя матеріальныя условія. Зависимая со всѣхъ сторонъ административно, она поставлена была въ зависимость отъ церковнаго приказа въ экономическомъ отношеніи. Это послужило поводомъ ко взаимнымъ пререканіямъ и недоразумѣніямъ между церковнымъ приказомъ и раскольническою канцеляріею; кстати нужно замѣтить, что послѣдняя называлась канцеляріею Плещеева, по имени своего начальника, полковника Плещеева.

[1]) Опис. т. II. 1 № 623.

[2]) Опис. т. I. №№ 119, 91—2, 180, 178; 180; 181; 252, 239; 506, 571; 583, 642.

[3]) Опис. т. IV. № 470.

[4]) Ему же поручено было, какъ извѣстно, изслѣдованіе и розыскъ раскольниковъ въ предѣлахъ московской епархіи.

Такъ, въ 1721 году не было выдано жалованья всему составу канцеляріи Плещеева. На просьбу Плещеева о назначеніи имъ жалованья Синодъ отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: «если дьякъ и подъячіе [1]) канцеляріи нынѣ и впредь будутъ токмо при дѣлахъ синодскаго вѣдомства, то давать имъ жалованье изъ сборныхъ съ раскольниковъ денегъ; а если они вмѣстѣ съ раскольническими отправляютъ и другія дѣла, производящіяся въ канцеляріи Плещеева, то жалованье давать имъ по разсчету приказнаго труда ихъ». По полученіи такого отвѣта, Плещеевъ объяснилъ Св. Синоду, что въ канцеляріи его вѣдомства денежной казны—сбору съ раскольниковъ нѣтъ, потому что которые раскольники въ канцелярію его сысканы бываютъ, тѣ для платежа денегъ отсылаются въ приказъ церковныхъ дѣлъ, гдѣ и хранится наличная денежная касса. Отъ исполненія указа въ выдачѣ жалованья изъ церковнаго приказа Антоній отказался, оправдываясь неимѣніемъ на то синодальнаго предписанія и неизвѣстностію о томъ, синодальными-ли только дѣлами, или еще другими какими заняты подъячіе канцеляріи Плещеева. Окончательное предписаніе Антонію о выдачѣ жалованья Плещееву изъ сборныхъ раскольническихъ денегъ послѣдовало въ мартѣ слѣдующаго 1722 года, т. е. черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ подачи прошенія Плещеева о назначеніи содержанія (въ іюлѣ 1721 г.) [2]).

Приведенный отрывокъ можетъ служить образчикомъ того, какая была неопредѣленность и случайность въ установленіи такого важнаго предмета, какъ полученіе официальными лицами содержанія, «безъ чего было жить не возможно». При такой неопредѣленности свободно могъ проявляться личный произволъ, равнымъ образомъ какъ при неравномѣрности правъ и средствъ одинаковыхъ по рангу учрежденій происходили враждебныя и завистливыя со стороны обиженной отношенія. Канцелярія Плещеева стремилась возвратить отнятое у нея право сбора съ раскольниковъ и неисповѣдниковъ; гражданская власть въ лицѣ Сената поддерживала это стремленіе [3]). Антоній вынужденъ былъ уступить этому домогательству, въ ущербъ церковнымъ интересамъ, но въ облегченіе своего положенія.

Въ канцеляріи Плещеевъ служилъ до мая 1722 года, когда, по Высочайшему опредѣленію, былъ назначенъ герольдмейстеромъ. Мѣсто его оставалось не занятымъ около $1\frac{1}{2}$ года. Продолжительное незамѣщеніе объясняется отчасти напрасными препирательствами со стороны церковной власти изъ-за того, что она не хотѣла отпускать Плещеева на новую должность, пока не убѣдилась въ томъ, что на то была воля

[1]) Опис. т. I № 364, стр. 399—401.

[2]) Опис. т I. № 364, стр. 399—401.

[3]) Опис. т. I, № 113.

Петра, а не произволъ гражданскаго начальства, обычный въ то время въ подобныхъ дѣлахъ,—отчасти медленностію въ пріисканіи и назначеніи новаго судьи вмѣсто Плещеева. Далѣе оказалось, что Плещеевъ, сдѣлавшись герольдмейстеромъ, взялъ къ себѣ на службу изъ канцеляріи дьяка Исакова и подъячихъ, бывшихъ при немъ въ канцеляріи. Такимъ образомъ дѣла канцеляріи пришли въ полное разстройство и застой. Въ это безначальное время раскольники пересылались изъ одного мѣста въ другое. Нѣкто Ушакъ, раскольникъ, безъ вины содержался подъ стражею въ монастырскомъ приказѣ; домашнее его хозяйство приходило въ раззореніе, а семейство его лишалось возможности вносить казенныя подати [1]).

Изъ приказа церковныхъ дѣлъ присылалось въ Святѣйшій Синодъ нѣсколько доношеній о томъ, что приказъ не знаетъ, куда посылать раскольниковъ и колодниковъ. Для облегченія и упорядоченія дѣлъ, церковный приказъ предлагалъ ту мѣру, что «ежели повелѣно будетъ розыскныя дѣла вѣдать въ церковномъ приказѣ дьяку Швартову, то для этого потребуется особая сумма денегъ для вознагражденія за труды чиновникамъ приказа. Въ видахъ сбереженія Св. Синодъ не согласился съ мнѣніемъ церковнаго приказа. Вмѣсто Плещеева судьею канцеляріи назначенъ былъ ландрихтеръ московскаго надворнаго суда И. Топильскій. Это было 26 января 1723 года. Не сряду опредѣлены были къ новому судьѣ дьяки на мѣсто выбывшихъ (съ Плещеевымъ), опытныхъ Исакова и Сахарова, изъ-за которыхъ церковная власть также напрасно препиралась съ гражданскою, думая удержать ихъ на прежнихъ мѣстахъ въ раскольнической канцеляріи.

Нижеслѣдующее дѣло можетъ дать ясное представленіе о взаимныхъ отношеніяхъ между двумя этими учрежденіями въ дѣлахъ по расколу. «Въ январѣ 1722 года розыскной канцеляріи оказалось нужнымъ допросить раскольника, Ѳедора Сергѣева, который говорилъ гдѣ-то какія-то «важныя слова,» но потомъ «долговременно бѣгалъ и отъ посланныхъ укрывался». Наконецъ, въ августѣ 1723 года канцелярія увѣдомилась, что «оный раскольникъ держится въ церковномъ приказѣ», куда поэтому и отправлена была промеморія о высылкѣ Сергѣева въ канцелярію «къ слѣдованію показаннаго на него дѣла». Приказъ требованія канцеляріи не исполнилъ, а послалъ ей свою промеморію, которою требовалъ, «чтобы изъ раскольнической канцеляріи въ тотъ приказъ показано было имянно: какіе до онаго раскольника причины показаны». Канцелярія не находила нужнымъ объяснять этого и послала въ приказъ другую промеморію, въ которой прописала, что «касающагося до того раскольника дѣла въ тотъ при-

[1]) Опис. т. II, 2, № 938.

казъ показать не надлежитъ, понеже до него касается розыскъ, и ежели тотъ раскольникъ и по вторичной промеморіи присланъ не будетъ, то канцелярія раскольническихъ дѣлъ принуждена будетъ доносить Святѣйшему Синоду». Посланный съ этою промеморіею, подканцеляристъ Игнатій Сахаровъ, подалъ ее судьѣ церковнаго приказа архимандриту Антонію, который тотчасъ же передалъ дьяку Швартову, а «сей Швартовъ, прочтя ту промеморію, сказалъ ему, Сахарову, что оный раскольникъ Сергѣевъ въ раскольническую канцелярію не пришлется того ради, что настоящаго до него дѣла въ той промеморіи не показано, а канцелярія опредѣлена отъ приказа церковныхъ дѣлъ и надлежитъ ей вѣдать токмо тѣ дѣла, которыя будутъ присылаться изъ того приказа, понеже, по имянному приказу Его Императорскаго Величества, всякія раскольническія дѣла поручены архимандриту Антонію и безъ вѣдома его въ той канцеляріи дѣлъ никакихъ дѣлать не надлежитъ». Въ такомъ отвѣтѣ Швартова начальникъ канцеляріи, Топильскій, усмотрѣлъ себѣ самому не малый афронтъ, а канцеляріи его дѣйствительное уничиженіе, о чемъ и донесъ Святѣйшему Синоду, объяснивъ, что въ приказѣ розысковъ никакихъ не имѣется, а вѣдомы раскольники только запискою въ расколъ и платежемъ, и буде такія противности отъ «приказу» будутъ и впредь происходить, то оной канцеляріи въ дѣлахъ, порученныхъ ей, нимало дѣйствительною быть не можно, ибо оные раскольники, видя себѣ протекцію, весьма оную канцелярію уничтоженну въ дѣйствіи ея признавать будутъ». По жалобѣ Топильскаго, Святѣйшій Синодъ приказалъ, чтобы Швартовъ впредь такихъ неучтивыхъ словъ объ оной канцеляріи не произносилъ, но признавалъ бы ту канцелярію, подъ страхомъ наказанія за неисполненіе, прочимъ правительствамъ равносильною и единому только Святѣйшему Синоду подчиненною [1]). Упраздненіе церковнаго приказа послѣдовало при Топильскомъ [2]). Характерно то, что Топильскій, въ продолженіе цѣлаго года со времени назначенія судьею (февр. 1723—февр. 1724 г.) не получалъ жалованья пока по прошенію не былъ удовлетворенъ на основаніи указовъ общихъ и синодальныхъ[3]).

Московская канцелярія Плещеева называлась первою, въ отличіе отъ другой, которая учреждена была въ С.-Петербургѣ съ тѣмъ же именемъ «второй раскольническихъ дѣлъ канцеляріи» [4]). Учрежденіе второй канцеляріи относится къ началу 1722 года. Штатъ ея, состоявшій изъ 25 лицъ, одинаковъ былъ съ московскою [5]).

[1]) Опис. т. III, № 500.

[2]) Опис. т. I, № 586, стр. 645—47.

[3]) Сбр. т. IV, № 1230

[4]) Сбр. т. II, № 448, стр. 93.

[5]) Ibid., стр. 611. Опис. т. II, 1, № 283.

С.-Петербургская канцелярія учреждена при существованіи тіунской палаты, въ видахъ лучшаго управленія синодальными дѣлами, какъ говорится въ указѣ отъ 28 февр. 1722 года. 2-я канцелярія поручена была надзору члена Синода, архимандриту Заиконоспасскаго монастыря, Ѳеофилакту Лопатинскому. Особой инструкціи для новой канцеляріи не дано; сдѣлано только общее замѣчаніе о рѣшеніи дѣлъ, имѣвшихъ разсматриваться въ канцеляріи: мелкія дѣла предоставлено рѣшать Ѳеофилакту, а о важныхъ слѣдовало докладывать на усмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

Вторая канцелярія существеннымъ образомъ отличалась отъ московской. Это было спеціальное учрежденіе при Св. Синодѣ по дѣламъ раскола, учрежденіе чисто церковное, соотвѣтствовавшее нынѣшнимъ отдѣленіямъ Св. Синода, или постояннымъ комитетамъ при немъ; въ производствѣ дѣлъ успѣха было мало; когда въ 1725 г. оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода Болтинъ потребовалъ отъ канцеляріи обстоятельныхъ свѣдѣній о раскольникахъ, то канцелярія не имѣла свѣдѣній ни о числѣ раскольниковъ, ни о собранныхъ съ нихъ денегъ [1]).

Изъ представленныхъ свѣдѣній и замѣчаній объ учрежденіяхъ, служившихъ органами Святѣйшаго Синода въ его дѣйствіяхъ противъ раскола, можно видѣть, какая была у нихъ задача, какая дѣятельность и взаимное отношеніе. Всѣ онѣ содѣйствовали главной цѣли центральной власти—скорому и безпристрастному производству дѣлъ, возникавшихъ по открытію, исчисленію и сбору съ раскольниковъ денегъ. Задача ихъ была формальная, хотя добросовѣстное исполненіе ея вело къ достиженію основной цѣли церковно-гражданской власти—ослабленію раскола и приведенію его къ примиренію съ правительствомъ. Отъ служившихъ въ означенныхъ учрежденіяхъ обязательно требовалась при вступленіи въ должность присяга [2]).

Трудно сказать, насколько учрежденія достигали своихъ цѣлей. Нельзя преувеличивать ихъ значенія, но нельзя и отрицать ихъ заслугъ. Долгъ справедливости побуждаетъ болѣе ограничиться заключеніемъ о скромной ихъ роли. Если принять во вниманіе малый штатъ чиновниковъ, неопредѣленность и скудость содержанія, нелестную репутацію объ ихъ умственномъ и нравственномъ цензѣ, случаи перехода и даже ухода ихъ въ другія гражданскія учрежденія, затруднительность центральной власти въ пріисканіи подходящихъ лицъ на мѣста по духовному вѣдомству, то много есть данныхъ усомниться въ успѣшной дѣятельности синодскихъ учрежденій, предназ-

[1]) Опис. т. III, № 597, стр. 649—650.

[2]) Собр. т. II, № 439.

начавшихся къ содѣйствію власти въ упорядоченіи сложнаго и важнаго раскольническаго вопроса. Не въ пользу этихъ учрежденій говоритъ многочисленность жалобъ раскольниковъ духовному начальству на притѣсненія и взяточничество служившихъ въ нихъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія. Если не безупречны были духовныя лица, то трудно было уберечься отъ соблазна и паденія подъячимъ и канцеляристамъ [1]).

Означенныя учрежденія были органами церковной власти постоянными, существовавшими и ранѣе, до учрежденія Святѣйшаго Синода, только усложнившими свою дѣятельность по части раскола въ силу требованій синодальной власти. Для успѣха дѣла, этихъ учрежденій было недостаточно какъ по причинѣ ихъ малочисленности, такъ и по присущимъ имъ недостаткамъ стараго дѣлопроизводства, медленности и пристрастія. Издавая два указа въ 1721—1722 году съ общимъ и обязательнымъ требованіемъ о приведеніи въ извѣстность состоянія раскола, Святѣйшій Синодъ, въ силу именнаго указа и въ цѣляхъ обезпечить успѣхъ дѣла, избралъ особенныхъ чиновниковъ-сыщиковъ для посылки ихъ въ ближайшія къ столицамъ мѣстности, зараженныя расколомъ; это была своего рода комиссія, вызванная къ дѣятельности по иниціативѣ Петра.

Мѣста, куда положено послать особыхъ лицъ, были слѣдующія: 1) уѣзды псковскій, дерптскій, нарвскій, копорскій, ямбургскій; 2) новгородская епархія; 3) епархія московская и 4) калужская. Роль этихъ лицъ была фискальная, роль сыщиковъ; они должны были въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться данною имъ отъ Святѣйшаго Синода инструкціею и представлять въ Святѣйшій Синодъ срочный отчетъ о своей дѣятельности и собранныхъ деньгахъ. Необходимо познакомиться съ содержаніемъ инструкціи для означенныхъ дѣятелей по части изслѣдованія и преслѣдованія раскола.

«Царскаго Величества отъ Святѣйшаго Синода инструкція.... въ городахъ и уѣздахъ быть у раскольническихъ дѣлъ и управлять оныя по нижеслѣдующимъ пунктамъ; этими пунктами требовалось: 1) усердно отыскивать раскольниковъ—мужчинъ и женщинъ и переписывать всѣхъ ихъ безъ утайки, съ указаніемъ, кто гдѣ живетъ, въ городѣ-ли, слободѣ, или селѣ, какого званія, природные-ли жители или пришлые, откуда пришли, чѣмъ прежде занимались.

2) При переписи раскольниковъ требовать обстоятельныхъ показаній о томъ: съ какого времени они находятся въ расколѣ, сколько уплачиваютъ въ казну денегъ, сколько прежде уплачивали, есть-ли на это достовѣрныя росписки, или свидѣтели.

[1]) Опис. т. II, 1, № 755.

3) Если на увѣщаніе оставить свое заблужденіе раскольники не согласятся, то слѣдуетъ обложить ихъ двойнымъ окладомъ податей со взятіемъ обязательства въ уплатѣ ежегодно и своевременно положеннаго оклада сполна; сборъ денегъ требуется производить, начиная съ 1716 г. Неплательщиковъ допрашивать, отчего не платили, и обязывать къ уплатѣ.—Со вдовъ и дѣвицъ брать половину въ сравненіи съ мужчинами.

4) Съ раскольниковъ, имѣющихъ войти въ записи, требовать за 1721 годъ весь окладъ и всѣ прежнія недоимки, ничего не отсрочивая. О собранныхъ деньгахъ репортовать ежемѣсячно, а сборъ денегъ представлять въ Святѣйшій Синодъ ежегодно.

5) Отъ священниковъ и завѣдывавшихъ именными исповѣдными записями требовать, кто, начиная съ 1718 года, вопреки указу означеннаго 1718 года, не былъ у исповѣди, и взятъ-ли за это штрафъ, куда отправленъ; если не взятъ, то почему; недоимки допрашивать безъ послабленія.

6) Перепись раскольниковъ, оклады и сборъ съ нихъ денегъ.... чинить самою сущею правдою, безъ подлога и фальши, какъ честному и вѣрному порученныхъ дѣлъ управителю долженствуетъ; а возбраненныхъ Е. И. В. указомъ поступковъ и дѣйствій отнюдь не употреблять и запрещеннымъ взяткамъ не касаться, подъ страхомъ наказанія.

7) Если гдѣ изъ властей или простыхъ людей будутъ препятствовать въ разслѣдованіи и переписи раскольниковъ, укрывая ихъ отъ уплаты денегъ, то съ укрывателей и потакателей брать двойный окладъ, равнымъ образомъ и съ укрывающихся раскольниковъ.

8) Для содѣйствія сыщику въ розыскѣ раскольниковъ положено имѣть нѣсколько солдатъ, отъ двухъ и болѣе, смотря по надобности [1]).

При сравненіи изложенной инструкціи съ инструкціею Неофита можно видѣть большую разницу между ними. Насколько послѣдняя отличалась осторожностію, настолько первая—рѣшительностію и требовательностію; преобладающій характеръ инструкціи Неофита церковный, миссіонерскій, а инструкціи сыщиковъ—гражданскій, не исключающій и цѣлей обращенія раскольниковъ къ православію...

Изъ содержанія инструкціи можно видѣть кругъ дѣйствій сыщиковъ, ихъ права и отвѣтственность предъ высшею властію. На основаніи инструкціи можно судить, что эти лица, снабженныя большими полномочіями, должны были имѣть большое значеніе какъ для духовнаго вѣдомства, такъ и для послѣдователей раскола. Духовная власть должна была получить много обстоятельныхъ свѣдѣній какъ о числѣ раскольниковъ, такъ и вообще о состояніи раскольническаго

[1]) Собр. т. I, 1721 г. № 89; 116—117 стр.

движенія; гражданское правительство вмѣстѣ съ свѣдѣніями о состояніи раскола, въ которыхъ оно нуждалось, имѣло въ виду получать очень значительную сумму податнаго сбора. Казеннаго жалованья сыщикамъ не положено; жалованье, разъѣздныя и кормовыя деньги должны были они получать изъ штрафныхъ денегъ, собиравшихся съ раскольниковъ. Необходимо думать, что на должности фискаловъ должны были избираться лица благонамѣренныя, испытанныя въ честности и опытности.

Въ охотникахъ для такихъ новыхъ должностей не было недостатка. Составъ ихъ образовался изъ военныхъ и духовныхъ особъ. Представимъ дѣятельность всѣхъ ихъ отдѣльно въ хронологическомъ порядкѣ, на основаніи указовъ о назначеніи ихъ и отчетовъ сыщиковъ о своей дѣятельности.

III.

Краткая характеристика противораскольнической дѣятельности сыщиковъ Зиновьева, Коптѣлова, Плещеева, Ю. Ржевскаго и др. [1]).

Первымъ по времени сыщикомъ упоминается поручикъ гвардіи *Зиновьевъ*, назначенный, отъ 8 мая 1721 года, для розыска и изслѣдованія раскольниковъ въ ямбургскій и копорскій уѣзды вмѣстѣ съ уѣздами псковскимъ, дерптскимъ и нарвскимъ [2]). Въ первые два уѣзда Зиновьевъ посланъ былъ еще 18 окт. 1720 г. отъ Сената, а въ остальные—отъ Синода, послѣ перехода въ Синодъ дѣлъ по расколу; въ 1724 году Зиновьевъ назначенъ былъ въ Ревель и въ ревельскій уѣздъ, а также и въ рижскую губ., для изысканія раскольниковъ и сбора съ нихъ окладныхъ и штрафныхъ денегъ.

Дѣятельность Зиновьева продолжалась съ 1721 года по 1725 г., во все время краткаго существованія должности сыщиковъ, упраздненной послѣ Петра, при Екатеринѣ I [3]). Зиновьевъ дѣйствовалъ на основаніи данной ему инструкціи, дополненной новыми синодальными указами и указаніями епархіальнаго архіерея, въ вѣдѣніи котораго

[1]) О дѣятельности архіеп. Питирима и іером. І. Рѣшилова сказано прежде.

[2]) О дѣятельности П. Зиновьева находятся свѣдѣнія въ Полн. собр. пос. т. I, № 89; т. IV, № 1424. Опис. докум. Св. Синод. т. I, №№ 608, 491, т. IV, № 127· № 377.

[3]) Описаніе документовъ Святѣйшаго Синода, т. IV, № 377, 378 стр.

находились опредѣленные для розысковъ уѣзды; дополнительные указы иногда посылались Зиновьеву въ разрѣшеніе недоумѣній, которыя встрѣчались ему при исполненіи его обязанностей. Недоумѣнія эти состояли, между прочимъ, въ слѣдующемъ: 1) ни въ указѣ отъ 17 февраля 1718 года, ни въ синодальной инструкціи отъ 8 мая 1721 года Зиновьевъ не находилъ указаній на то, въ какомъ количествѣ брать штрафъ съ небывшихъ у исповѣди мужнихъ женъ, вдовъ и дѣвокъ; 2) такъ какъ указомъ отъ 17 февраля 1718 года штрафъ положено брать въ прогрессивномъ количествѣ, т. е. съ небывшихъ у исповѣди въ 1718 году—1 р., въ 1719 году—2, въ 1720 году—3, въ 1721—4 р., то являлось затрудненіе въ опредѣленіи того, сколько брать штрафа съ тѣхъ, кто, напримѣръ, въ 4 года (1718—1721 года) не былъ у исповѣди въ два послѣдніе года, именно за 1720 годъ,—1 рубль, какъ за первый (1718 годъ) ихъ небытія, или три—по указу, за 1721—два, или четыре; 3) какъ поступать съ тѣми, кто долженъ платить штрафъ, но не могъ по бѣдности; 4) случалось, что священники не представляли Зиновьеву исповѣдныхъ вѣдомостей за 7 л., съ 1718 по 1725 годъ; 5) требовалась провѣрка нѣкоторыхъ лицъ относительно того, принадлежатъ-ли они къ расколу, или къ православной вѣрѣ; 6) были мѣста привиллегированныя, принадлежавшія, напримѣръ, дворцовому вѣдомству, гдѣ производить розыскъ Зиновьевъ, безъ особаго разрѣшенія, затруднялся [1]). На всѣ такія недоумѣнія, задерживавшія дѣло изслѣдованія раскола, Зиновьевъ долженъ былъ просить и ждать разрѣшенія. Разрѣшенія приходили весьма медленно и то не на всѣ запросы. Такъ, въ разрѣшеніе 1-го вопроса Зиновьева, возбужденнаго въ 1721 году, отъ Святѣйшаго Синода послѣдовалъ отвѣтъ 15 февраля 1723 года въ томъ смыслѣ, чтобы какъ съ мужчинъ, такъ и женщинъ брать штрафъ одинаково, ровно, понеже отъ женскаго полу паче происходятъ раскольническія мерзостныя прелести. По жалобѣ Зиновьева на непредставленіе нѣкоторыми священниками вѣдомостей, Святѣйшій Синодъ послалъ, чрезъ епархіальнаго епископа, послушные указы. По ходатайству дворцовой канцеляріи Святѣйшій Синодъ отсрочилъ сборъ штрафныхъ денегъ съ крестьянъ ямбургскихъ дворцовыхъ мызъ въ трудное пашенное и сѣнокосное лѣтнее время, во избѣжаніе крайняго разоренія и нищеты, съ тѣмъ однако, чтобы, по прошествіи срока, деньги были собраны безъ опущенія [2]).

Въ продолженіе всей своей службы въ качествѣ сыщика раскольниковъ, Зиновьевъ велъ дѣло довольно успѣшно и скоро, не смотря

[1]) Опис. т. I, № 491.

[2]) Собр. т. IV, № 1343.

на многія затрудненія съ разныхъ сторонъ. Зиновьеву въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не давали, вопреки инструкціи, ни солдатъ, ни подъячаго, котораго долженъ былъ, по распоряженію духовнаго начальства, замѣнить церковный дьячекъ. Особенно много было столкновеній у Зиновьева при переписи раскольниковъ близъ польской границы. Здѣсь раскольники были, какъ кажется, ѳеодосѣевцы; изъ донесеній Зиновьева видно, что почти всѣ они жили съ работницами, или женами невѣнчанными, а изъ дѣтей ихъ одна половина была крещена простыми учителями, а другая оставлена безъ крещенія. Наибольшее сосредоточеніе раскола въ копорскомъ уѣздѣ представляли деревни: Зарѣчье, вотчина князя Меньшикова; Грязна́я, вотчина царицы Парасковьи Ѳеодоровны, жены царя Іоанна Алексѣевича V, урожденной Салтыковой, и Фалилѣево, вотчина князя Меньшикова. Изъ раскола Зиновьевъ обратилъ 428 человѣкъ, а денегъ собралъ съ раскольниковъ въ продолженіе 1721—1725 гг. около 2500 рублей [1]).

Въ октябрѣ 1723 году Зиновьевъ донесъ, что въ приходѣ Велье псковской епархіи, вотчины генералъ-прокурора Ягужинскаго, а также въ монастырскихъ и дворцовыхъ вотчинахъ, близъ польскаго рубежа, живутъ раскольники и говорятъ: «если онъ, Зиновьевъ, въ тѣ мѣста къ нимъ пріѣдетъ для сбора, то они уйдутъ за польскій рубежъ». Синодъ опредѣлилъ: описи раскольниковъ въ тѣхъ мѣстахъ не производить на основаніи указа 1716 года. Въ то же время Зиновьевъ доносилъ, что штрафовъ брать съ нѣкоторыхъ «нечего за бѣдностію»,—опредѣлено: штрафы править [2]). Зиновьеву особыми указами поручалось отыскивать наиболѣе дѣятельныхъ и слѣдовательно вредныхъ раскольниковъ, или возбуждавшихъ подозрѣніе [3]). Иногда у Зиновьева недоставало солдатъ для исполненія очень важнаго порученія. Такъ, изъ одного дѣла за 1724 годъ видно, что Зиновьеву нельзя было управиться, когда онъ преслѣдовалъ и ловилъ одного раскольничьяго учителя, Тимоѳея Широкова, явившагося въ копорскомъ уѣздѣ и долго скрывавшагося, благодаря отсутствію необходимыхъ для Зиновьева солдатъ [4]).

Заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя частныя свѣдѣнія, заключающіяся въ донесеніяхъ Зиновьева и характеризующія тогдашнее состояніе раскола. Изъ одного донесенія видно, что съ поповъ за утайку раскольниковъ взято штрафныхъ денегъ 80 руб.; послѣ бѣглаго раскольника за продажную лошадь взято 3 рубля; послѣ бѣглыхъ раскольниковъ продажнаго хлѣба и домоваго скарба получено 11 руб.

[1]) Опис. т. I. № 608.

[2]) Опис. т. I. № 608.

[3]) Опис. т. I. №№ 472, 608.

[4]) Собр. т. IV. № 1424.

На основанiи донесенiя Зиновьева представлено было Святѣйшему Синоду, что, послѣ бѣглыхъ раскольниковъ въ копорскомъ уѣздѣ, остался въ распоряженiи Зиновьева, между другими старыми иконами, образъ во облацѣ Пресвятыя Богородицы, предъ нимъ написанъ нѣкто молящiйся, а въ рукѣ сложенiе для изображенiя крестнаго знаменiя написано двуперстное. «Куда дѣвать его?» Отвѣтъ: «присланный отъ поручика Зиновьева съ ветхими Святыхъ иконами написанный предъ образомъ Пресв. Богородицы безъ подписи, по раскольническому вымыслу, съ изображенiемъ двуперстнаго къ крестному знаменiю сложенiя, *кумиръ*, истребить немедленно, а святыя иконы хранить, гдѣ пристойно [1]).

Справедливость требуетъ привести два случая о дѣятельности Зиновьева, для характеристики ея. По одному приходо-расходному отчету Зиновьева, относящемуся къ 1724 году, сборъ съ раскольниковъ опредѣлялся въ 4,744 руб. 9 коп.; а расходъ—въ 5,015 руб. $43^1/_4$ коп.; слѣдовательно расходъ превышалъ приходъ на 271 руб.

[1]) Опис. т. IV. № 377. Подъ кумиромъ здѣсь нужно разумѣть раскольническую икону, писанную своеобразно вопреки установившемуся православному обычаю; на основанiи документовъ нужно видѣть въ раскольнической иконѣ изображенiе неизвѣстнаго святого, представленнаго стоящимъ предъ Богоматерью съ изображенiемъ двуперстнаго сложенiя. По объясненiю проф. Нильскаго, въ то время у раскольниковъ вошло въ обычай изображать на иконахъ своихъ первыхъ расколоучителей какъ святыхъ; такъ, въ 1724 году розыскная раскольническихъ дѣлъ канцелярiя доносила Святѣйшему Синоду, что въ ней находится икона, на которой раскольническимъ вымысломъ написанъ предъ образомъ Спасителя съ двумя ангелами на престолѣ крестъ осьмиконечный, а въ предстоянiи бывшiй раскольникъ Аввакумъ; по сему проф. Нильскiй допускаетъ, что изображенiе нѣкоего неизвѣстнаго молящагося двуперстно было названо кумиромъ и уничтожено Святѣйшимъ Синодомъ не потому, что здѣсь было написано лицо, молящееся двумя перстами, а потому, что было изображено лицо, неизвѣстное церкви, по всѣмъ вѣроятiямъ раскольническое. Это объясненiе высказано было въ 1873 году во время разсужденiй и споровъ о нуждахъ единовѣрiя въ опроверженiе невѣрнаго пониманiя и объясненiя г. Т. И. Филипповымъ взглядовъ и распоряженiй церкви относительно содержимыхъ раскольниками старыхъ обрядовъ. По мнѣнiю г. Филиппова, клятвы московскаго собора 1667 года были положены на старые обряды и чины,—въ томъ числѣ, и двуперстiе, отъ котораго раскольники особенно неохотно отступали при переходѣ къ православiю. Для подтвержденiя своего односторонняго взгляда г. Филипповъ ссылался, между прочимъ, на названiе Святѣйшимъ Синодомъ означеннаго раскольническаго изображенiя кумиромъ и осужденiе его на сожженiе, изъ чего, по мнѣнiю г. Филиппова, слѣдуетъ заключить о пренебрежительномъ взглядѣ церкви тогдашняго времени какъ на двуперстiе, такъ и многое другое, дозволенное правилами единовѣрiя 1800 года въ противорѣчiе яко-бы къ положеннымъ прежде порицанiямъ Собора 1667 года. (Христ. Чт. 1873 г. II. 294—5. Т. Филип. Церков. вопр. стр. 315. Собр. пост. т. V. № 1726, стр. 298). Нужно впрочемъ, замѣтить, что отъ мнѣнiя своего, высказаннаго очень рѣшительно, г. Филипповъ впослѣдствiи отказался, убѣжденный доводами своего противника. (Церков. вопр., стр. 315).

33 коп. [1]). Вопреки 5 п. инструкціи, Зиновьевъ не всегда исправно присылалъ въ Святѣйшій Синодъ штрафной сборъ денегъ,—поэтому въ 1724 году ему послано было отъ Святѣйшаго Синода требованіе о немедленной высылкѣ штрафныхъ денегъ. Зиновьевъ медлилъ присылкою, ссылаясь на малолюдство приказныхъ служителей и невозможность, вслѣдствіе этого, своевременнаго составленія отчета за 1723 года. И только послѣ третьяго указа, съ крѣпкимъ подтвержденіемъ и угрозою за неисполненіе, со истязаніемъ не малаго штрафованія, Зиновьевъ прислалъ скоро весь сборъ [2]). Другихъ подобныхъ фактовъ въ дѣлахъ о Зиновьевѣ не встрѣчается. Однако подозрѣніе въ чистотѣ и исправности Зиновьева оставалось до конца его дѣятельности; когда въ 1727 году, по случаю перехода раскольническихъ дѣлъ въ гражданское вѣдомство, Зиновьевъ обратился въ Святѣйшій Синодъ съ просьбою о предоставленіи ему какой-либо должности по духовному вѣдомству, а равно о выдачѣ ему жалованья за 1827 годъ, то ему было отказано какъ въ томъ, такъ и въ другомъ по причинѣ числившихся за нимъ недочетовъ изъ сборныхъ денегъ.—Вознагражденія Зиновьевъ получалъ въ годъ по 83 руб. 26 коп. [3]).

Въ дѣятельности Зиновьева принималъ участіе, въ качествѣ помощника, ямбургскій священникъ Константинъ Өедоровъ [4]), настоятель церкви архистратига Михаила.

К. Өедоровъ самъ прежде принадлежалъ къ расколу, но обратившись къ православной церкви, изъявилъ желаніе содѣйствовать церковной власти въ обращеніи раскольниковъ посредствомъ увѣщаній и сообщеній свѣдѣній о послѣдователяхъ раскола въ извѣстныхъ ему мѣстахъ. 17-го февраля 1718 года К. Өедорову вмѣстѣ съ другими лицами дана была Высочайшая грамота, уполномочившая ихъ въ копорскомъ и ямбургскомъ уѣздахъ располагать и обращать раскольниковъ въ православіе. 26-го сентября 1721 года К. Өедоровъ уже былъ извѣстенъ Святѣйшему Синоду какъ полезный и дѣятельный священникъ-миссіонеръ, подъ надзоръ къ которому посылаются подозрительные и нетвердые въ православіи обращенцы, для лучшаго исправленія и всегдашняго въ несумнительномъ святой церкви покореніи содержанія. Присоединивъ къ церкви одного очень важнаго

[1]) Опис. т. IV, № 377. Изъ штрафныхъ денегъ шло жалованье: Зиновьеву, солдатамъ при немъ; оттуда же брались деньги на подводы, письменныя принадлежности, свѣчи, мѣшки, холстъ и т. п.

[2]) Опис. т. IV, № 127.

[3]) Опис. т. VII, № 221, стр. 330.

[4]) Свѣдѣнія о священникѣ К. Өедоровѣ находятся: Опис. т. II. 2. № 1062; Опис. т. II, 1, въ прил. XLV; Опис. т. I, стр. 78, 59, 120, 434—38, 661; Опис. т. III, № 476, 500 стр.

раскольника изъ Ряпиной мызы (дерптскаго, нынѣ юрьевскаго уѣзда), Ивана Парѳенова и другихъ, священникъ Ѳедоровъ постарался препроводить Парѳенова въ Святѣйшій Синодъ, гдѣ на допросѣ отъ Парѳенова собраны были важныя указанія о мѣстѣ нахожденія многихъ раскольниковъ, о покровительствѣ имъ, какъ своимъ крѣпостнымъ, со стороны управителя Ряпиной Мызы, иноземца Левольда, объ укрывательствѣ раскольниковъ со стороны православныхъ священниковъ. По произведенному на основаніи сего Зиновьевымъ слѣдствію открылось, что въ деревнѣ Тошковичахъ (около Дерпта) держался раскола сельскій староста, Дмитрій Даниловъ, который подъ вліяніемъ страха и увѣщанія въ Святѣйшемъ Синодѣ, «отрекся отъ двуперстія и другаго раскольничества».

Будучи официальнымъ совѣтникомъ Зиновьеву въ дѣлахъ по расколу, священникъ Ѳедоровъ своими указаніями и доношеніями помогалъ ему производить перепись раскольникамъ въ ямбургскомъ уѣздѣ. Въ 1723 году за дѣятельность священника Ѳедорова по обращенію и указанію раскольниковъ (о мѣстахъ ихъ пребыванія) онъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея; съ званіемъ протоіерея кругъ дѣятельности и компетентности его расширился по надзору надъ мѣстными священнослужителями ямбургскаго уѣзда.

Изъ отрывочныхъ свѣдѣній о свящ. К. Ѳедоровѣ можно заключать о томъ, что дѣятельность его по части раскола имѣла нѣкоторое, хотя мѣстное и кратковременное, значеніе; но фактическихъ подробностей о ней не имѣется въ документахъ; поэтому нельзя о ней сказать что-либо опредѣленное и рѣшительное. Заслуживаетъ вниманія «письмо нѣкоего Евдокима къ К. Ѳедорову», писанное въ 1721 году отъ 2-го января, въ бытность Ѳедорова ямбургскомъ священникомъ, а не протоіереемъ. Письмо это весьма замѣчательно; изъ него открывается, что расколъ въ то время не только возрасталъ, но и враждебно относился къ православной церкви. Авторъ письма считаетъ священника К. Ѳедорова защитникомъ православныхъ противъ раскольниковъ, въ ямбургскомъ и копорскомъ уѣздахъ, прося его быть покровителемъ и ходатаемъ предъ высшею церковною властію противъ раскольниковъ, жившихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ съ авторомъ; гдѣ именно—неизвѣстно; но, замѣтно, недалеко отъ Ямбурга и Ряпиной Мызы. «Слышалъ промыслъ твой объ уѣздахъ вашихъ, а насъ забылъ еси», жалуется авторъ; «блаженни люди (означенныхъ уѣздовъ); окаянни и безмощны мы, оставлены будучи на погибель и расхищеніе волкамъ, сквернымъ учителямъ раскольнымъ. Пріѣзжаютъ къ намъ и ряпинскіе изъ Новагорода, и яко зміи ужаляютъ. А что много глаголати, когда самъ ты знаешь нашу страну и *погибель ея* . . . Наши люди вси глаголютъ тебѣ, да взыщетъ по тебѣ Богъ, яко не про-

мышляеши о насъ; но намъ ниоткуда помощи нѣтъ, и смѣются надъ нами враги церковные, укоря насъ: что де вамъ поможетъ никоновъ внукъ, ямбургскій чтитель православія (т. е. раскола). Мы же, яко послѣдніе во святой церкви сироты, отбѣгаемъ отъ нихъ. Нынѣ же просимъ, дабы намъ отъ святоцарствующаго царя или отъ Божіихъ архипастырей нашихъ смотрительная учинилася помощь» [1]).

Однимъ изъ слѣдствій приведенной просьбы было открытіе, при содѣйствіи К. Θедорова, до 75 дворовъ раскольниковъ въ Дерптскомъ округѣ и запись ихъ въ расколъ со всѣми обязательными требованіями; были-ли другія какія-либо послѣдствія, неизвѣстно. Объ авторѣ письма нужно сказать то, что если можно признать справедливымъ замѣчаніе его о враждебномъ отношеніи раскола къ православію, то нельзя не назвать преувеличеннымъ мнѣніе автора о значеніи священника Θедорова въ дѣлахъ по расколу.

Вторымъ послѣ Зиновьева дѣятелемъ по части разслѣдованія раскола, одновременно назначеннымъ въ 1721 году, былъ поручикъ гвардіи *Ив. Коптѣловъ*; онъ былъ посланъ въ новгородскую епархію для сыска и переписки раскольниковъ, съ обязательствомъ доносить о дѣйствіяхъ своихъ Святѣйшему Синоду ежемѣсячно рапортами [2]).

Дѣятельность Коптѣлова продолжалась немного менѣе, чѣмъ Зиновьева, съ іюня 1721 года по 15 іюня 1724 года, т. е. до самой смерти его († 15-го іюня 1724 г.). Такъ какъ Коптѣлову дана совершенно одна и та же инструкція, какъ и Зиновьеву, для руководства въ розыскѣ раскольниковъ, то внѣшняя фактическая сторона его дѣятельности не представляетъ ничего особеннаго, хотя, съ другой стороны, дѣятельность Коптѣлова, по своимъ результатамъ, не уступаетъ дѣятельности Зиновьева. Нѣкоторыя изъ прежнихъ недоумѣній повторяются и Коптѣловымъ и также рѣшаются, какъ, напр., вопросъ о томъ, какъ поступать съ тѣми, кто не во всѣ годы былъ у исповѣди,—относительно уплаты штрафныхъ денегъ соотвѣтственно съ требованіемъ указа 1718 года. Къ особеннымъ обстоятельствамъ, вызваннымъ состояніемъ раскольническаго движенія въ новгородской епархіи, нужно отнести слѣдующія. Извѣстно, что по «духовному регламенту» и дополнительнымъ указамъ требовалась отъ поступавшихъ на службу присяга на вѣрность государю и проклятіе раскола и всѣхъ извѣстныхъ его развѣтвленій (толковъ); это требованіе должно было строго исполняться какъ вообще, такъ особенно по отношенію къ тѣмъ, кто подавалъ поводъ къ подозрѣнію въ прина-

[1]) Описаніе т. I, № 87, стр. 59—61.

[2]) Свѣдѣнія о Коптѣловѣ находятся: въ I. т. Собр. № 128, стр. 107; въ I т. Опис. стр. 151, 256—67, 260, 576: CXXXVI—CXL; 266, 706; II т. 1. №№ 145, 523, 585, стр. 718; т. III. №№ 449 и 597; IV т. №№ 324, 358, 159 и 274.

длежности къ расколу [1]). Изъ донесеній Зиновьева не видно, чтобы это требованіе имъ предъявлялось при разслѣдованіи раскольниковъ. Но изъ дѣлъ, относящихся до дѣятельности Коптѣлова, открывается, что для отысканія раскольниковъ въ предѣлахъ новгородской губерніи присяга, соединенная съ отреченіемъ и проклятіемъ раскола, была вызвана необходимостію, по причинѣ укрывательства послѣдователей и пособниковъ раскола, какъ доносилъ [2]) объ этомъ Коптѣловъ въ 1722 году. Присяга признана обязательною для «всякаго званія обывателей обоего пола людей, кромѣ повсегодно исповѣдающихся и сумлѣнію не подлежащихъ персонъ»; а которые къ присягѣ не пойдутъ, тѣхъ записывать въ расколъ [3]).

Изложимъ кратко сущность извѣстій о дѣятельности Коптѣлова.

Въ двухъ донесеніяхъ въ концѣ 1721 года Коптѣловъ сообщалъ, что «въ Новгородѣ отъ духовныхъ правителей никакого доказательства о раскольникахъ, ни словесно, ни письменно, не получено»; а «собою никто» изъ раскольниковъ, для записки подъ двойной окладъ, не является; неудачны были поиски раскольниковъ и по уѣздамъ новгородской епархіи. Поэтому дѣятельность Коптѣлова за 1721 годъ ограничивалась сборомъ штрафныхъ денегъ съ не бывшихъ у исповѣди; штрафныхъ денегъ собрано было 1245 руб., съ 1664 человѣка.

При разслѣдованіи раскольниковъ лѣтомъ и осенью 1722 года въ Старой Руссѣ, Коптѣловъ нашелъ ихъ довольно, но они, по донесенію сыщика, признавая богомерзкую свою противность и не желая ко святой церкви обратитися, оставивъ свои дома, пожитки и дѣтей, разбѣжались. Такихъ было 12; домъ одного изъ нихъ, съ лавкою и пожитками, былъ Коптѣловымъ запечатанъ. На запросъ Коптѣлова, какъ поступать ему съ пожитками старорусскихъ бѣжавшихъ раскольниковъ, Святѣйшій Синодъ приговорилъ: дома и пожитки бѣжавшихъ раскольниковъ описывать при инквизиторѣ на Его Императорское Величество и оцѣнивая продавать съ торгу (съ аукціона) и тѣ деньги записывать въ приходъ особливо отъ другихъ сборовъ, понеже оныя велѣно употреблять на госпитали.

Подобно Зиновьеву, и Коптѣлову поручалось отыскивать дѣятельныхъ и вредныхъ расколоучителей. Такъ, въ 1723 году, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 18 сентября, повелѣно было сыскивать въ Крестецкомъ Яму, на родинѣ основателя ѳеодосѣевщины (Ѳеодосія Васильева) расколоучителя Еремея Иванова, новгородскаго посадскаго человѣка, всякими сысками накрѣпко и обязать лицъ, которыя могли

[1]) Собр. II. 1722 г. № 877.

[2]) Собр. III. № 972.

[3]) Ibid.

давать ему убѣжище, подъ смертною казнію и безъ всякихъ оговорокъ поставить его въ архіерейскій «мѣстный разрядъ», но Еремей безслѣдно скрылся; пожитки его были оцѣнены и проданы. Жители Крестецкаго Яма, ямщики, всѣ были расположены къ расколу. По донесенію попа Никитина, его прихожане не обращаются къ нему ни за какими требами; умираютъ безъ покаянія и причастія; въ 1721 году въ Крестецкомъ Яму было 799 церковныхъ противниковъ. При содѣйствіи Коптѣлова число противниковъ въ 1723—1724 гг. уменьшилось.

Но препятствія въ своей дѣятельности Коптѣловъ встрѣчалъ не въ одномъ упорствѣ, многочисленности раскольниковъ и трудностяхъ отыскивать ихъ, но и въ неумѣстномъ заступничествѣ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ это видно изъ дѣла по жалобѣ крестецкихъ ямщиковъ почтъ-директору Дашкову на притѣсненія будто бы Коптѣлова; послѣдствіемъ жалобы была угроза Коптѣлову со стороны Дашкова, и донесеніе Коптѣлова, въ объясненіе своихъ дѣйствій, оставшееся безъ отвѣта. Изъ дѣлъ не видно, чтобы жалоба ямщиковъ признавалась справедливою.

Въ дѣятельность Коптѣлова возникло очень интересное и продолжительное судебное дѣло по обвиненію новгородскаго купца Михаила Сердюкова въ расколѣ. Изъ «дѣла» этого усматриваются какъ пріемы Коптѣлова при розыскѣ раскольниковъ, такъ и взгляды подозрѣваемыхъ въ расколѣ на роль офиціальныхъ сыщиковъ; изъ «дѣла» же видна и большая строгость церковно-гражданской власти къ лицамъ, подавшимъ поводъ въ принадлежности къ расколу.

Дѣло о М. Сердюковѣ, доходившее до царя, возникло въ 1723 году по жалобѣ перваго на притѣсненія Коптѣлова, поданной синодальному секретарю, Семенову. Сердюковъ писалъ: «премногомилостивый ко мнѣ Государь Герасимъ Семеновичь! Многолѣтняго здравія вкупѣ при вашей милости отъ всего сердца желаемъ. Доношу. Раскольническихъ дѣлъ порутчикъ Иванъ Коптѣловъ въ Вышній Волочекъ прибылъ и вышневолоцкихъ жителей многихъ, по дѣламъ ли ихъ, или напрасно, только жестоко держитъ въ учрежденной въ ямскомъ дворѣ конторѣ и поступаетъ къ людѣмъ Божіимъ весьма жестоко, и обо мнѣ убогомъ многимъ людѣмъ объявлялъ страшливыя слова подъ карауломъ держаніемъ; и сего іюля 29 числа къ заводишку моему съ сыскною, съ которой списокъ при семъ приложенъ, солдатъ своихъ присылалъ съ жестокимъ выговоромъ, отъ чего, я, убогой, убоявся его объявленныхъ словъ, къ нему не пошелъ. Того ради васъ, моего премилостивѣйшаго Государя, прилѣжно прошу: Преосвященному архіепископу, премногомилостивѣйшему моему государю и отцу Ѳеодосію (Яновскому) милостивно донести не оставъ, ежели отъ меня и

отъ домашнихъ моихъ въ чемъ есть недоумѣніемъ какое поползновеніе, чтобъ увѣщевать указано было *ученому отъ духовнаго чину духомъ кротостію,* а не *военному* чину военною рукою; буде же есть что по клеветамъ, или взять деньги на мнѣ и на домовныхъ и на людѣхъ, которые у меня при канальномъ и при всякихъ моихъ работахъ,—*вѣдать* во всемъ повелѣно было въ Новгородѣ отцу архимандриту Андронику съ товарищи кромѣ порутчика Коптѣлова» [1]).

Основательная, повидимому, жалоба Сердюкова принесла ему много горя и непріятностей. Ему пришлось около $1^1/_2$ года просидѣть подъ строгимъ военнымъ карауломъ при Святѣйшемъ Синодѣ въ то время, когда производилось судебное о немъ дѣло съ продолжительными и подробными распросами свидѣтелей о прежней жизни его, о знакомствѣ и случайныхъ разговорахъ съ разными лицами, о книгахъ, имѣвшихся въ домашней библіотекѣ М. Сердюкова и т. п. Изъ показаній Сердюкова оказалось, что онъ былъ монгольскаго происхожденія, изъ далекой Сибири; находился въ языческой вѣрѣ до 13-лѣтняго возраста; взятъ былъ въ плѣнъ русскими во время войны 1691 года; христіанскую православную вѣру принялъ въ Москвѣ, куда привезъ его изъ Енисейска русскій купецъ Сердюковъ, купивъ у козака за 10 рублей; въ Москвѣ онъ научился чтенію и письму, принялъ фамилію своего благодѣтеля и руководителя по торговой части. Сердюковъ отрицалъ всякую соприкосновенность свою съ расколомъ и послѣдователями. Изъ дѣла не видно, почему Коптѣловъ заподозрѣлъ Сердюкова въ принадлежности къ расколу; но изъ производства дѣла въ С.-Петербургѣ обнаружилось, что въ числѣ служащихъ у него были трое раскольниковъ, о которыхъ онъ при дознаніи не показалъ; это ему поставили въ вину, хотя о томъ его и не спрашивали; но главное открылось, что Сердюковъ имѣлъ разговоръ о «старой вѣрѣ» на вышневолоцкой почтовой станціи съ нѣкіимъ ѣхавшимъ въ С.-Петербургъ изъ Нижняго человѣкомъ, одѣтымъ въ старое раскольническое платье съ краснымъ козыремъ и бородою; оказалось, что это былъ діаконъ Александръ; онъ хвалилъ предъ Сердюковымъ старую вѣру и говорилъ о своихъ вопросахъ, предложенныхъ Питириму, оставшихся безъ отвѣта, а Сердюкова назвалъ бѣднымъ татаринушкой за исповѣданіе православной вѣры. На основаніи этого Сердюкова обвиняли въ сочувствіи къ расколу и діакону Александру, но, въ виду отрицанія Сердюковымъ всякаго участія въ расколѣ и отсутствія доказательствъ для подтвержденія обвиненія, Сердюковъ получилъ свободу по Высочайшему повелѣнію и по произнесеніи присяги, совершенія надъ нимъ исповѣди и святаго при-

[1]) Опис. т. III, № 449, стр. 468—69.

частія. Особенность дѣла Сердюкова та, что насколько одни относились къ нему придирчиво, настолько другія высшія лица ему покровительствовали. Сердюковъ былъ богатый человѣкъ, ведшій большіе торговые обороты; у него были заводы: «винные, солодовые, мельничные, пильные, хлѣбные, скотскіе и другіе подрядные промыслы хлѣбные и пеньковые и кабацкіе откупы и таможенные канцелярскіе сборы и другія дѣла» [1]).

Можно думать, что экономическое благосостояніе Сердюкова способствовало къ обвиненію его въ принадлежности къ расколу; оно же содѣйствовало и освобожденію его отъ подозрѣнія. Есть основаніе подозрѣвать въ этомъ дѣлѣ пристрастіе и придирки Коптѣлова, на что̀ есть намекъ въ приведенномъ письмѣ М. Сердюкова.

Впрочемъ, изъ дѣла не видно, чтобы дѣятельность Коптѣлова офиціально при его жизни порицалась; былъ только одинъ случай, когда дѣйствія Коптѣлова подверглись со стороны Святѣйшаго Синода неожиданному контролю; контроль вызванъ былъ, какъ можно думать, недоразумѣніемъ, впослѣдствіи разъяснившимся. Недоразумѣніе это возникло вслѣдствіе отчасти неисправности Коптѣлова въ присылкѣ собранныхъ денегъ, отчасти ошибки его въ отправкѣ денегъ въ Москву, гдѣ временно находилось тогда (1721—1722 года) большинство членовъ Святѣйшаго Синода, а не въ С.-Петербургъ, куда слѣдовало бы, какъ мѣсто центральнаго и постояннаго присутствія Святѣйшаго Синода. Такъ какъ Коптѣловъ скоро поправилъ свою ошибку, то недоразумѣніе окончилось выговоромъ и угрозою, во избѣжаніе въ будущемъ подобныхъ случаевъ, которые и не повторялись [2]).

Дѣло разслѣдованія раскольниковъ въ новгородской губерніи продолжалъ, послѣ смерти Коптѣлова, поручикъ Рожновъ, но дѣятельность его относится къ послѣдующему послѣпетровскому времени, котораго мы не касаемся [3]). Однако о преемникѣ Коптѣлова нужно сказать, что онъ раскрылъ нѣкоторыя злоупотребленія своего предшественника по денежной части. По провѣркѣ Рожновымъ денежной отчетности оказалось слѣдующее: за время съ 26 іюня 1721 года по 15-ое іюня 1724 года Коптѣловъ собралъ 3,692 рубля 90 копеекъ; изъ этой суммы, въ три года, онъ взялъ себѣ сверхъ жалованья лишнихъ 465 рублей; за этотъ долгъ, открывшійся послѣ смерти Коптѣлова, по распоряженію Святѣйшаго Синода, было описано его имущество [4]). Приведена-ли въ исполненіе конфискація имущества,

[1]) Опис. т. III, № $^{449}/_{370}$.

[2]) Опис. т. I, № 260.

[3]) Опис. т. IV, № 324.

[4]) Опис. т. IV, №№ 357 и 324.

или сдѣлано снисхожденіе въ уваженіе прошенія жены Коптѣлова о помилованіи, изъ дѣлъ не видно [1]).

Одновременно съ Зиновьевымъ и Коптѣловымъ дѣйствовали по части переписки раскольниковъ и сбора съ нихъ денегъ и другія лица, въ другихъ мѣстахъ,—въ Москвѣ и Калугѣ.

Въ Москвѣ, въ качествѣ сыщика и судьи раскола, былъ полковникъ Иванъ Плещеевъ. О дѣятельности Плещеева, вслѣдствіе отрывочности свѣдѣній, можно сказать менѣе опредѣленнаго, чѣмъ о Зиновьевѣ и Коптѣловѣ, хотя и замѣтно, что Плещеевъ имѣлъ большое значеніе въ качествѣ дѣятеля по дѣламъ раскола въ московскихъ предѣлахъ. Дѣятельность Плещеева сосредоточивалась въ Москвѣ, въ приказѣ церковныхъ дѣлъ, а не въ разъѣздахъ, для которыхъ назначались особыя лица въ 1721 году [2]). Дѣятельность Плещеева была непродолжительна [3]). Она состояла въ отправкѣ изъ Москвы въ города и провинціи указовъ о сыскѣ раскольниковъ и сыщиковъ для разслѣдованія раскола.

Изъ свѣдѣній, сюда относящихся, видны жалобы Плещеева на неисполненіе его указовъ, соединенныя съ просьбою въ Святѣйшій Синодъ о посылкѣ послушныхъ указовъ къ управителямъ духовнымъ [4]).

Замѣчательно то, что для сыска раскольниковъ въ московскомъ округѣ не было спеціальнаго и постояннаго сыщика, въ роли, напр., Зиновьева или Коптѣлова, а были лица временныя, отчасти неизвѣстныя ни по имени, ни по дѣятельности, отчасти извѣстныя [5]). Къ числу послѣднихъ относится маіоръ Норовъ, командированный, во исполненіе указа Святѣйшаго Синода, московскимъ вице-губернаторомъ Воейковымъ для произведенія сыска раскольниковъ въ муромскихъ лѣсахъ, въ Калугѣ, бѣлевскомъ уѣздѣ и Ржевѣ. О послѣдствіяхъ командировки Норова неизвѣстно. Извѣстно только то, что въ Ржевѣ Норовъ встрѣтилъ препятствія своему дѣлу со стороны тамошняго общества, вопреки послушнымъ указамъ. Извѣстно и то, что дѣйствія Норова въ тверской епархіи подверглись контролю со стороны Плещеева по жалобѣ старосты тверскихъ вотчинъ александроневскаго монастыря на взятки и обиды, причиненныя будто-бы Норовымъ и его командою крестьянамъ деревни Митроново. Насколько справедлива была жалоба — неизвѣстно; но она доходила до Святѣй-

[1]) Опис. т. IV, №№ 357 и 324; стр. 353.

[2]) Опис. т. I, 185.

[3]) Опис. т. II, 2. № 938.

[4]) Опис. т. I, № 252.

[5]) Собр. т. II, № 339.

шаго Синода, дѣлавшаго Норову и другимъ подобнымъ строгое внушеніе, «подъ страхомъ безпощаднаго штрафованія» [1]).

Для изслѣдованія раскола въ Калугѣ, въ 1720 г., изъ «приказа церковныхъ дѣлъ» (изъ Москвы), отправленъ былъ туда священникъ Н. Михайловъ, для изслѣдованія церковнаго благочинія и отобранія отъ духовенства росписей. По разслѣдованію его открылось, что «въ пяти верстахъ отъ Калуги, на бору, находились кладбища, въ которыхъ погребены были многіе старцы и старицы *живые*, ибо у нихъ руки и ноги связаны, на устахъ подушки, а сандаліи и чулки сбиты; изъ числа такихъ тамошніе жители почитаютъ одного старца похороненнаго, Ѳеофана, за святаго, и поютъ по немъ панихиды» [2]). Многія другія подробныя и интересныя свѣдѣнія о состояніи раскола въ Калугѣ изложены въ донесеніяхъ архимандрита Златоустовскаго монастыря (Московскаго) Антонія [3]), основанныхъ на рапортахъ священника Михайлова. По взгляду Антонія расколъ въ Калугѣ распространился очень сильно [4]).

Наиболѣе усиленная и успѣшная дѣятельность по части изслѣдованія раскола совершалась въ предѣлахъ Нижегородской епархіи. Много здѣсь было раскольниковъ, — много и положено было трудовъ и усердія къ приведенію въ извѣстность числа и состоянія раскольниковъ и обращенію ихъ въ православную церковь. Духовная и свѣтская власть, совмѣстно дѣйствовавшая въ дѣлахъ по расколу во многихъ главныхъ мѣстахъ Россіи, здѣсь получила особенное благопріятное согласное направленіе. Свѣтскимъ дѣятелемъ по разслѣдованію раскола былъ капитанъ Юрій Ржевскій, назначенный въ этотъ край Петромъ I еще въ 1718 г. дѣйствовать «по соглашенію съ извѣстною нѣкоторою персоною», т. е. епископомъ Питиримомъ.

Въ качествѣ довѣреннаго лица отъ царя, впослѣдствіи въ должности вице-губернатора Нижегородскаго, Ржевскій дѣйствовалъ съ 1718 г. по 1725 г., слѣдовательно продолжительнѣе Зиновьева, Коптѣлова, Плещеева, Норова и др. Дѣятельность и власть Ржевскаго опредѣлялась инструкціею, выданною ему изъ кабинета царскаго [5]), предоставлявшею ему болѣе правъ и власти въ сравненіи съ другими дѣятелями по расколу.

Дѣятельность Ржевскаго состояла въ требованіи отъ духовенства вѣрныхъ росписей о раскольникахъ, въ сборѣ штрафныхъ и окладныхъ денегъ съ раскольниковъ, въ наказаніи упорныхъ раскольни-

[1]) Опис. т. I, № 583. № 185.

[2]) Опис. т. I, № 180.

[3]) Опис. т. I, № 296.

[4]) Опис. т. I, № 296.

[5]) Опис. т. I, № 507.

ковъ собственною властію, или отправкѣ наиболѣе опасныхъ въ С.-Петербургъ для суда и наказанія. Дѣйствуя самъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, Ржевскій въ провинціи и уѣзды посылалъ своихъ помощниковъ. Совокупная дѣятельность Ржевскаго и его помощниковъ съ Питиримомъ во главѣ обнаружилась въ слѣдующемъ.

Ржевскій открылъ потаенныхъ раскольниковъ 46,965 человѣкъ. Изъ этого числа обратилось къ православной церкви 9,194 человѣка. Отъ поповъ представлены Ржевскому удовлетворительныя свѣдѣнія о раскольникахъ. Успѣшная дѣятельность Ржевскаго относится къ 1718—1722 гг., о чемъ можно судить на основаніи переписки Ржевскаго съ Питиримомъ, кабинетъ-секретаремъ А. В. Макаровымъ и самимъ царемъ — Петромъ, — переписки по дѣламъ раскола. Содержаніе переписки можетъ дать представленіе о состояніи раскола въ Нижегородскихъ предѣлахъ. Не мало было раскольниковъ и раскольницъ упорныхъ, «необратныхъ и замерзѣлыхъ, царскому указу противныхъ»; они отказывались отъ уплаты двойнаго оклада податей. Ржевскому предоставлено было право поступать съ такими непокорными по его усмотрѣнію, чѣмъ онъ въ полной мѣрѣ и пользовался. Отсюда въ его донесеніяхъ часто встрѣчаются выраженія: «раскольники за противность государю наказаны, ноздри у нихъ вынуты, пороты, биты кнутомъ и отосланы въ каторжную работу. Согласно указу Петра 1718 г., подвергались наказанію при Ржевскомъ и тѣ попы, которые укрывали раскольниковъ, ложно записывая ихъ въ росписяхъ въ числѣ исповѣдавшихся, православными; за это попы были растригаемы и наказываемы кнутомъ и ссылкою въ каторжную работу [1]).

Этимъ заканчивается рядъ тѣхъ лицъ, чрезъ которыхъ церковная власть собирала свѣдѣнія о состояніи раскола и численности его послѣдователей въ разныхъ мѣстахъ европейской Россіи, въ главныхъ центрахъ раскольническаго населенія и движенія. Мѣра по приведенію раскольниковъ въ извѣстность, предпринятая Святѣйшимъ Синодомъ по предложенію гражданскаго правительства, и исполненная при его содѣйствіи, доставила много самыхъ разнообразныхъ и неутѣшительныхъ, хотя и не полныхъ свѣдѣній о состояніи раскола во всей Россіи. Не будемъ дѣлать общихъ выводовъ о состояніи раскола на основаніи представленныхъ сыщиками отчетовъ во избѣжаніе повторенія, потому что главное изъ отчетовъ указано нами при обзорѣ дѣятельности каждаго изъ нихъ. Правда, есть много интересныхъ частностей, но онѣ еще найдутъ мѣсто въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Были попытки къ изслѣдованію раскольниковъ со стороны другихъ частныхъ лицъ. Повидимому, недостатка въ частной иниціативѣ

[1]) Есиповъ. Раск. дѣл., т. II, 1 ч. 212 стр. Опис. т. I, № 279.

для содѣйствія правительству въ дѣлѣ розысканія послѣдователей раскола не было, но лица, изъявлявшія желаніе отыскивать раскольниковъ, руководились своекорыстными побужденіями, что̀ и не замедлило открыться; были случаи составленія подложныхъ указовъ о розыскѣ раскольниковъ и сборѣ съ нихъ денегъ. Такъ, подъячій новгородскаго архіерейскаго дома, В. Саблинъ, будучи по службѣ въ предѣлахъ Олонецкаго уѣзда, въ 1721 г., составилъ указъ, въ которомъ назвалъ себя подпоручикомъ Кіевцевымъ и поручилъ себѣ отправиться въ Олонецкій уѣздъ, для изыскиванія раскольниковъ Даниловской пустыни. Указъ былъ составленъ по формѣ, подобно тѣмъ указамъ (инструкціямъ), съ которыми отправлялись для розыска раскольниковъ впослѣдствіи Зиновьевъ, Коптѣловъ и др.,—со всѣми подробностями и даже угрозами подвергнуться наказанію за притѣсненіе раскольниковъ и полученіе съ нихъ взятокъ. Подписавши выдуманный указъ именемъ князя Меньшикова, Саблинъ отправился съ нимъ въ Выговскую пустынь, но, по предъявленію указа, Данила Викулинъ съ товарищами «познали, что закрѣпа подъ указомъ не подлинная и подпись руки не Меньшикова, и потому ложному указу никакого вѣдѣнія не дали» [1]). Хотя В. Саблинъ и долженъ былъ сознаться въ своемъ проступкѣ и разсчитывалъ на снисхожденіе Выговскихъ простаковъ, однако, по требованію ихъ, дѣлу дано было офиціальное движеніе чрезъ донесенія въ Святѣйшій Синодъ. Впрочемъ Саблинъ не подвергся заслуженному наказанію по случаю милостиваго манифеста о заключеніи мира со шведами, 19 октября 1721 года.

Въ 1724 году, посадскій человѣкъ Ярославской губерніи, А. Мущининъ, просилъ у Святѣйшаго Синода позволенія розыскивать извѣстныхъ ему лично тайныхъ раскольниковъ. Заподозрѣвши корыстные разсчеты просьбы Мущинина, Святѣйшій Синодъ распорядился объ отобраніи свѣдѣній о Мущининѣ чрезъ разныя конторы и канцеляріи, къ которымъ онъ имѣлъ отношенія въ качествѣ торговца и подрядчика. Подозрѣнія Святѣйшаго Синода оправдались. Оказалось, что торговыя дѣла Мущинина были въ упадкѣ; о неисправности его въ уплатѣ долговъ и поставкѣ товаровъ въ срокъ производились уже дѣла по заявленіямъ и жалобамъ казенныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Было очевидно, что испрошеніемъ себѣ права розыска раскольниковъ Мущининъ надѣялся поправить свои разстроенныя дѣла и избѣжать угрожавшихъ опасностей за неуплату долговыхъ обязательствъ. Поэтому, въ просьбѣ Мущинину было отказано [2]).

[1]) Опис. т. II, 2 ч. № 996.

[2]) Собр. т. IV, № 1442; Опис. т. IV, № 539.

Въ 1723 году, явился охотникъ для розыска раскольниковъ въ лицѣ Ямбургскаго жителя, Ивана Парфенова. Этотъ Парфеновъ, по своемъ обращеніи изъ раскола въ православіе, состоялъ при поручикѣ П. Зиновьевѣ въ качествѣ его помощника по розыску раскольниковъ въ псковской провинціи, гдѣ будто при его руководствѣ во Псковѣ, псковскомъ и дерптскомъ уѣздахъ, обратилось изъ раскола до 300 человѣкъ. Прося позволенія у Святѣйшаго Синода о выдачѣ ему «свободнаго паспорта для взятія раскольниковъ, гдѣ можно, безъ военныхъ людей», Парфеновъ представлялъ слѣдующія соображенія: «нынѣ я при Зиновьевѣ дѣла никакого (?) не имѣю, а прежде сего зналъ я многіе раскольническіе домы и ихъ учителей въ Новгородѣ, Старой Русѣ, въ уѣздахъ—новгородскомъ, старорусскомъ, великолуцкомъ и порховскомъ... того ради доношу, дабы данъ былъ мнѣ въ упомянутыя мѣста свободный паспортъ». Изъ дальнѣйшаго хода дѣла не видно, чтобы просьба Парфенова была уважена, хотя прошеніе его сначала принято было благосклонно [1]).

Къ неудачнымъ попыткамъ по изслѣдованію раскольниковъ нужно отнести командировку въ коломенскую епархію *солдата* синодальной канцеляріи Гавріила Стрекаловскаго. Командировка эта состоялась въ 1724 г. по синодальному опредѣленію въ удовлетвореніе ходатайства коломенскаго епископа Варлаама [2]). Ходатайство епископа о Стрекаловскомъ вызвано было недостаткомъ въ архіерейскомъ домѣ способныхъ *служителей*, которымъ можно было бы довѣрить въ епархіи изысканіе раскольниковъ. Отпуская Стрекаловскаго въ коломенскую епархію, Святѣйшій Синодъ приказалъ довольствоваться ему прежнимъ жалованьемъ въ счетъ сборныхъ съ раскольниковъ денегъ. Нельзя не видѣть странной несообразности въ назначеніи солдата на должность сыщика раскольниковъ съ оставленіемъ его на прежнемъ жалованьи. Если должность сыщика была выше, труднѣе и отвѣтственнѣе, что̀ совершенно вѣрно, то съ какой стати можно было соглашаться Стрекаловскому на новую, хотя болѣе почетную, но одинаковую по содержанію должность? Такъ какъ Стрекаловскаго не принуждали, назначивши его въ сыщики, то онъ безъ сомнѣнія имѣлъ разсчетъ на вознагражденіе себя за труды изъ какихъ-либо негласныхъ источниковъ. Иначе пришлось бы приписать солдату Стрекаловскому такія побужденія, какихъ не имѣли лица, стоявшія гораздо выше его въ служебномъ отношеніи, но для этого данныхъ нѣтъ; не имѣется свѣдѣній и о результатахъ странной командировки, т. е. ни о числѣ собранныхъ денегъ, ни о числѣ обращенныхъ и отысканныхъ

[1]) Опис. т. III, № 451.

[2]) Опис. т. IV, № 308.

раскольниковъ. Хотя вѣдомость приказа церковныхъ дѣлъ о денежныхъ сборахъ съ раскольниковъ и количествѣ записавшихся въ расколъ и обратившихся изъ раскола относится къ 6 іюля 1724 года,— времени позднѣйшему командировки Стрекаловскаго на одинъ мѣсяцъ (10 іюня 1724 года), но такого краткаго срока недостаточно было для проявленія дѣятельности, необычной для низшаго служителя [1]).

Въ 1722 году, Сильвестръ, митрополитъ тверскій, два раза просилъ Святѣйшій Синодъ о командировкѣ въ его епархію «кого-либо изъ офицеровъ, для изысканія раскольниковъ, для вспоможенія и лучшаго противниковъ исправленія». Преосвященный усиленно просилъ объ исполненіи его просьбы, указывая на большое число и упорство раскольниковъ въ тверской епархіи и жалуясь, что онъ одинъ (?) не можетъ властію церковною склонить противниковъ къ послушанію.

Просьба митрополита Сильвестра была исполнена только отчасти; настаивая на исполненіи относившихся до раскольниковъ указовъ непремѣнно, Святѣйшій Синодъ требовалъ отъ мѣстнаго воеводы съ товарищами вспоможенія духовной власти ко изысканію и исправленію раскольниковъ [2]).

Къ частной инициативѣ относится проектъ, представленный въ 1721 году Святѣйшему Синоду двумя священниками и состоявшій въ томъ, какъ можно было изыскать раскольниковъ по всей Россіи въ два года. Въ своемъ проектѣ священники предлагали ранѣе то, что̀ впослѣдствіи было сдѣлано Святѣйшимъ Синодомъ постепенно и, кажется, независимо отъ проекта, по мѣрѣ ознакомленія съ состояніемъ раскола чрезъ командированныхъ лицъ и донесенія епархіальныхъ архіереевъ. Съ этой стороны проектъ не представляетъ чего-либо новаго и особеннаго. Но онъ заслуживаетъ вниманія въ другихъ отношеніяхъ, прибавляя новыя данныя дли характеристики тогдашняго времени и лицъ, прикосновенныхъ къ дѣламъ раскола [3]).

Прежде всего, проектъ заслуживаетъ вниманія потому, что, явившись одновременно съ дѣятельностію Святѣйшаго Синода (засѣданія Синода начались съ 14 февраля 1721 года, а проектъ сталъ извѣстенъ въ іюнѣ того же года), онъ представлялъ первую и даже единственную попытку частныхъ лицъ оказать въ самомъ началѣ вновь учрежденному Святѣйшему Синоду въ трудномъ, но важномъ дѣлѣ по изслѣдованію раскола, усилившагося въ періодъ между патріаршества. Въ то время это было дѣломъ подвига, выраженіемъ

[1]) Опис. т. IV, № 331.

[2]) Опис. т. II, 1, № 139.

[3]) Опис. т. I, № 305; прил. № XXV. Опис. т. II, 1, № 381.

безкорыстія и даже самоотверженія; но, съ другой стороны, проектъ и не былъ дѣломъ необдуманности и несбыточной затѣей. Извѣстно было, что авторы проекта—священники Иванъ Ѳеоктистовъ и Николай Михайловъ состояли на службѣ у дѣлъ раскольныхъ, были знакомы съ расколомъ не по формальному только дѣлопроизводству, но и непосредственно: одинъ (Ѳеоктистовъ) въ качествѣ инквизитора, а другой—въ качествѣ слѣдователя о Калужскихъ раскольникахъ въ 1720 году. Опытность и заслуги Ѳеоктистова и Михайлова съ одной стороны, съ другой—указаніе нѣкоторыхъ, однородныхъ съ предпринятыми самою властію, полезныхъ способовъ къ обнаруженію раскола и злоупотребленій, давали основаніе на вниманіе и принятіе проекта.

Въ самомъ дѣлѣ, по проекту предполагалось: составленіе имянныхъ списковъ раскольниковъ на основаніи исповѣдныхъ росписей, долженствовавшихъ поступить въ Москву скоро, къ августу 1722 года изъ всѣхъ епархій; узаконеніе правила, чтобы переходы прихожанъ изъ приходовъ въ приходы, изъ квартиры на квартиру, равно какъ и поѣздки по разнымъ надобностямъ позволяли не иначе, какъ съ особыми видами отъ мѣстныхъ священниковъ, обязанныхъ означать то, можно-ли подозрѣвать данное лице въ наклонности къ расколу; запрещеніе явнымъ и тайнымъ раскольникамъ собраній, молитвенныхъ домовъ и открытія училищъ, устраненіе препятствій и интригъ, причинявшихся изслѣдователямъ раскола со стороны покровителей (православныхъ) раскола; недопущеніе раскольниковъ въ государственную и общественную службу съ лишеніемъ ихъ права быть свидѣтелями и непринятія клеветъ ихъ на православныхъ. Все это и подобное сдѣлалось предметомъ въ той или другой формѣ заботъ и узаконеній церковно-гражданской власти впослѣдствіи, въ періодъ времени 1721—1725 года. Правда, при сравненіи проекта съ цѣлымъ рядомъ синодальныхъ распоряженій, явившихся одновременно и позднѣе подачи проекта, необходимо отдать предпочтеніе послѣднимъ какъ по широтѣ ихъ, такъ и по выясненію подробностей въ приложеніи ихъ на практикѣ, но и проекту нельзя не придавать значенія не только въ смыслѣ инціативы, но и въ смыслѣ нѣкотораго руководства по указанію на тайное противодѣйствіе состоявшимся и предполагавшимся правительственнымъ мѣрамъ противъ раскола.

Какъ бы то ни было, проектъ священника Михайлова и Ѳеоктистова, составленный и представленный по искреннимъ и благонамѣреннымъ побужденіямъ, хотя и самонадѣянно, не былъ принятъ по сомнѣнію въ его осуществимости. Проектъ разсматривался въ продолженіе 1721—1724 года двумя компетентными лицами—златоустовскимъ архимандритомъ Антоніемъ и епископомъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ. «Увѣдавъ, писалъ Ѳеофилактъ въ отзывѣ своемъ о проектѣ въ 1723 году,

неудобоисполнимые къ сысканію раскольниковъ способы, признаю мнѣніемъ своимъ, что оныхъ въ дѣйствіе безъ доклада и одобренія Его Императорскаго Величества производить невозможно»[1]). Есть основаніе думать, что причиною неодобренія проекта со стороны Антонія послужило то обстоятельство, что въ отвѣтахъ на возраженія Антонія противъ пунктовъ проекта авторы-священники обвиняли Антонія въ неблаговидныхъ и прямо незаконныхъ дѣйствіяхъ, доказывавшихъ пристрастіе, своекорыстіе, потакательство расколу и даже противодѣйствіе (турбованіе) нѣкоторымъ изыскателямъ раскола, соединенное съ насиліемъ и убыткомъ для казны.

Совокупность обстоятельствъ, сопровождавшихъ судьбу означеннаго проекта, замѣчательна. Намъ даже кажется, что, для надлежащаго выясненія неудачи проекта, нужно имѣть одновременно сопутствовавшее проекту судебное дѣло по обнаженію священнаго сана и обращенію въ крестьянство одного изъ авторовъ проекта—Ивана Ѳеоктистова. Есть прямая, зависимая связь между судьбою проекта и дѣломъ «по прошенію тайнаго совѣтника и сенатора, графа А. Матвѣева, о бѣгломъ изъ рязанскихъ его вотчинъ крестьянскомъ сынѣ Иванѣ Ѳеоктистовѣ, посвященномъ въ священники къ церкви Вознесенія за Серпуховскими воротами въ Москвѣ» [2]).

Въ дѣлѣ о возвращеніи попа Ив. Ѳеоктистова въ крестьянское званіе, въ холопство, къ графу Матвѣеву, страннымъ и даже неразумнымъ представляется то, что Иванъ Ѳеоктистовъ, которому въ 1722 году было около 70 лѣтъ, ни по возрасту, ни по привычкамъ былъ не годенъ для крестьянскаго дѣла. Правда, съ внѣшней юридической стороны, съ точки зрѣнія дѣйствовавшихъ тогда постановленій, хотя и не безспорныхъ, право на попа Ивана Ѳеоктистова признано было графомъ Матвѣевымъ, но не разсчетливо было достиженіе цѣли; возвращеніемъ себѣ попа Ивана Ѳеоктистова графъ Матвѣевъ не могъ получить ни прибыли, ни тѣмъ болѣе чести. Трудно допустить, чтобы рабовладѣлецъ Матвѣевъ, возвращеніемъ бывшаго своего крѣпостнаго, имѣлъ въ виду удовлетвореніе нравственнаго закона о наказуемости всякаго преступленія, подводя поступокъ Ѳеоктистова подъ грѣхи 8-ой и 9-ой заповѣдей въ смыслѣ похищенія имъ, безъ согласія господина, священства и допущенія будто-бы лжесвидѣтельства о мнимомъ благородномъ (отъ отца—священника) происхожденіи. Нравственныя соображенія эти стоятъ въ прошеніи на второмъ мѣстѣ, какъ дополнительныя къ главному, руководственному. Главнымъ побужденіемъ въ прошеніи выставленъ, повидимому, матеріальный ущербъ, причи-

[1]) Опис. т. I, № 305, стр. 345.

[2]) Опис. т. II. 1. № 381. стр.—522.

ненный Матвѣеву отъ неплатежа за дворъ Θеоктистовъ, въ теченіи 40 лѣтъ, рекрутскихъ и всякихъ денежныхъ и хлѣбныхъ поборовъ и иныхъ податей. Но это соображеніе Матвѣева достаточно ослаблено указаніемъ попа Ивана Θеоктистова на то, что истецъ «въ теченіи 40 лѣтъ не отыскивалъ крестьянства съ отвѣтчика, зная положеніе и мѣстожительство его». Еслибы Матвѣевъ требовалъ вознагражденія съ отвѣтчика за неплатежъ повинностей, накопившихся въ 40-лѣтній періодъ, вмѣсто безполезнаго и безцѣльнаго возвращенія виновнаго въ крестьянское званіе, то это было бы самымъ естественнымъ дѣломъ,—дѣломъ простаго хозяйскаго разсчета,—дѣломъ притомъ осуществимымъ въ виду зажиточности и служебнаго положенія Θеоктистова. Но этого истецъ не требовалъ. Напрасно отвѣтчикъ ссылался на нѣкоторыя каноническія постановленія въ свою защиту, на давность пребыванія своего въ санѣ священника, на заручныя своихъ прихожанъ, на исправность и пользу своей службы въ качествѣ инквизитора,—ничто не помогло. По опредѣленію Святѣйшаго Синода, состоявшемуся въ 1723 году, ровно черезъ годъ, попъ Иванъ Θеоктистовъ подлежалъ обнаженію священнаго сана и обращенію въ крестьянство, отдачѣ истцу, въ качествѣ крѣпостнаго.

Само собою разумѣется то, какъ трудно было въ тогдашнее время вести тяжбу священнику съ чиновнымъ графомъ, хотя бы дѣло Θеоктистова и было болѣе правымъ, чѣмъ какъ оно представляется. Но заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что невидно было попытки со стороны духовной власти къ защищенію Θеоктистова, человѣка полезнаго въ дѣлахъ раскола,—въ дѣлахъ, слѣдовательно, церковно-государственныхъ, подобно тому, какъ оказана была защита тою-же властію ранѣе въ совершенно одинаковомъ дѣлѣ по челобитной въ 1721 году помѣщиковъ Гулидовыхъ, предъявившихъ свои права на бѣглаго крестьянина Семена Никитина въ то время, когда онъ, по обращенію изъ раскола, назначенъ былъ къ рукоположенію въ священника. Святѣйшій Синодъ не обратилъ вниманія на протестъ Гулидовыхъ, руководствуясь въ отказѣ имъ отъ возвращенія Никитина тѣмъ соображеніемъ, что отъ Никитина, предназначеннаго быть священникомъ среди раскольниковъ, *могла* быть польза церковная, т. е. въ розыскѣ раскольниковъ и ихъ обращеніи въ православіе. Правда, права Гулидовыхъ не такъ признаны были безспорными, какъ графа Матвѣева, но въ другихъ отношеніяхъ Θеоктистовъ могъ надѣяться на защиту болѣе, чѣмъ Никитинъ: первый уже былъ 40 лѣтъ священникомъ, а вторый еще не былъ; Θеоктистовъ уже оказалъ пользу церкви, а отъ Никитина только *ожидали* пользы въ будущемъ [1]). Но еще страннѣе

[1]) Собр. т. I, № 186, 240—242 стр.

конецъ продолжительнаго и настойчиваго иска графа Матвѣева. Въ 1725 году, графъ Матвѣевъ далъ отпускную бывшему священнику Ивану Ѳеоктистову. Чѣмъ, спрашивается, объяснить скорую перемѣну гнѣва на милость графа Матвѣева къ распопѣ Ѳеоктистову и зачѣмъ нужно было доводить почтеннаго старца-священника до позорнаго и бѣдственнаго состоянія? Изъ подробностей судебнаго дѣла нельзя привести ни одного факта для болѣе или менѣе удовлетворительнаго рѣшенія поставленнаго вопроса. По нашему мнѣнію, для объясненія страннаго иска графа Матвѣева слѣдуетъ имѣть въ виду прикосновенность Ивана Ѳеоктистова къ дѣламъ раскола въ качествѣ управителя въ приказѣ церковныхъ дѣлъ и инквизитора. Слѣдующія соображенія наводятъ на мысль о томъ, что въ возбужденномъ графомъ Матвѣевымъ дѣлѣ противъ священника Ивана Ѳеоктистова имѣлось въ виду повредить Ивану Ѳеоктистову, какъ дѣятелю по части раскола и автору «проекта» для розыска и исчисленія послѣдователей раскола.

Авторамъ проекта, какъ офиціальнымъ лицамъ, служившимъ въ церковномъ приказѣ въ качествѣ главныхъ дѣятелей съ 1717 года, многое было извѣстно о раскольникахъ, о дѣлахъ ихъ явныхъ и тайныхъ. Необыкновенный проектъ быстраго исчисленія раскольниковъ, предложенный лицами свѣдущими и дѣятельными, не могъ нравиться раскольникамъ, былъ для нихъ даже страшенъ. Изъ объясненій авторовъ проекта на возраженія противъ него можно видѣть, что осуществленіе проекта могло сопровождаться худыми послѣдствіями не для раскольниковъ только, но и для другихъ лицъ, соприкосновенныхъ съ дѣлами по расколу,—лицъ весьма важныхъ, къ какимъ нужно причислить и златоустовскаго архимандрита Антонія. Инымъ могла не нравиться самая иниціатива проекта, принадлежавшая простымъ приходскимъ священникамъ. Отсюда можно объяснить противодѣйствіе утвержденію проекта.

Противодѣйствіе было съ двухъ сторонъ: одно по существу, противъ самаго проекта, его несостоятельности, а другое—противъ одного изъ авторовъ его, Ивана Ѳеоктистова. Заподозрѣть въ пристрастіи и противодѣйствіи назначенную для разсмотрѣнія проекта коммисію, состоявшую изъ архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго, архимандрита Антонія, протоинквизитора іеродіакона Пафнутія и полковника Плещеева, нѣтъ основаній, хотя нужно сказать, что, еслибы состоялось утвержденіе его и выполненіе, какъ допускалъ Ѳеофилактъ подъ условіемъ Высочайшей апробаціи, этотъ проектъ, какъ заключавшій въ себѣ въ совокупности все, чтò по частямъ приводилось послѣ и постепенно, могъ бы принести пользу. Но подозрительнымъ представляется искъ графа Матвѣева, съ которымъ онъ выступилъ во время разсмотрѣнія проекта. Подозрительно самое совпаденіе двухъ дѣлъ, въ

которыхъ заинтересовано одно и то же лице; одно это совпаденіе дѣлъ неблагопріятствовало успѣху проекта; на это искъ графа Матвѣева былъ и разсчитанъ.

Въ самомъ дѣлѣ, проектъ появился въ 1721 году [1]), а прошеніе графа Матвѣева поступило 15 марта 1722 года, слѣдовательно поступило черезъ годъ, а можетъ быть и раньше; важно то, что поступило *послѣ* проекта, а не ранѣе. Поступленіе прошенія какъ—разъ совпало (15 марта 1722 года) съ моментомъ, когда проектъ, послѣ разсмотрѣнія его тремя членами коммисіи, долженъ былъ разсматриваться въ Святѣйшемъ Синодѣ на основаніи представленныхъ отзывовъ. Извѣстно, что отзывы клонились не въ пользу проекта. Не случайностію мы объясняемъ это совпаденіе разбора проекта съ разборомъ иска графа Матвѣева, а хорошо обдуманнымъ искуснымъ планомъ. Если одинъ изъ авторовъ проекта обвинялся въ похищеніи священнаго сана и лжесвидѣтельствѣ, если найдены были прямые церковно-каноническія постановленія для лишенія его священства и обращенія въ холопство, то какъ можно было одобрить проектъ, забракованный притомъ тремя компетентными лицами? Если проектъ одобрить и утвердить къ выполненію, то кто будетъ его выполнять, когда главный виновникъ его лишается правоспособности и возможности служить дѣлу изслѣдованія и исчисленія раскольниковъ? Найти другое лице, вмѣсто Өеоктистова, опытнаго и дѣятельнаго, было нелегко. Эти мысли такъ естественны, что онѣ не могли не придти въ голову тѣмъ, кто разсматривалъ и рѣшалъ дѣло по иску графа Матвѣева. Высшая церковная власть могла не подозрѣвать отдаленныхъ цѣлей, скрывавшихся подъ формою законнаго домогательства и обнаружившихся впослѣдствіи,— тогда, когда Иванъ Өеоктистовъ, растриженный и удаленный не только отъ проекта, но и отъ всякихъ дѣлъ раскольныхъ, былъ прощенъ своимъ господиномъ и отпущенъ на свободу,—на такую, впрочемъ свободу, которая для него была хуже неволи. Принимая во вниманіе ту настойчивость, съ которою велось дѣло о возвращеніи Ивана Өеоктистова въ холопство послѣ 40-лѣтняго молчанія и попущенія, и дарованіе свободы послѣ лишенія человѣка церковныхъ и гражданскихъ правъ, трудно допустить какую-либо разумную цѣль, если не предполагать тайнаго намѣренія препятствовать успѣху проекта. Окончательное неодобреніе и неутвержденіе проекта относится къ 9 октября 1724 года, а запрещеніе Ивану Өеоктистову священнодѣйствія относится къ 20 октября 1723 года, слѣдовательно предшествовало неутвер-

[1]) Жаль, что въ изложеніи хода дѣла по разсмотрѣнію проекта и иску Матвѣева нѣтъ чиселъ и мѣсяцевъ 1721—1723 гг.; въ этомъ случаѣ числа могли бы быть полезны....

жденію проекта и вліяло на судьбу послѣдняго; здѣсь имѣло мѣсто не post hoc, но propter hoc. Извѣстіе о лишеніи сана относится къ 9 сентября 1724 года; это почти конецъ 1724 года, а между тѣмъ въ 1725 году (мѣсяцъ и число неизвѣстны) «графъ Матвѣевъ далъ отпускную бывшему священнику Ивану Ѳеоктистову». Если такимъ образомъ 9 сентября 1724 года считать временемъ лишенія священнаго сана Ивана Ѳеоктистова, послѣ чего послѣдній юридически обращался въ крестьянское состояніе, то спрашивается, какую пользу могъ принести Иванъ Ѳеоктистовъ своему господину, будучи крѣпостнымъ у него такое краткое время, менѣе года? Если допустить выкупъ Ивана Ѳеоктистова за неплатежъ разныхъ повинностей своему господину въ теченіи 40 лѣтъ, то ужели Ѳеоктистовъ, въ виду грозившей ему во время суда опасности обратиться изъ священника въ холопа, не согласился-бы предварительно войти съ графомъ Матвѣевымъ въ сдѣлку посредствомъ выкупа во избѣжаніе худшихъ послѣдствій,—тѣмъ болѣе, что у Ѳеоктистова было, кажется, кое-какое «иждивеніе», изъ котораго онъ употреблялъ, по его словамъ, нѣчто при постройкѣ церкви. Было бы неразумно объяснять дѣло однимъ капризомъ графа Матвѣева, т. е. удовлетвореннымъ желаніемъ въ возвращеніи къ себѣ пропадавшаго 40 лѣтъ холопа, которому и возвращена эта свобода. Болѣе разумною причиною представляется высказанное нами предположеніе, состоящее въ существованіи тайнаго намѣренія подъ законною формою лишить попа Ивана Ѳеоктистова возможности къ содѣйствію церковно-гражданской власти по розыску раскольниковъ въ качествѣ офиціальнаго дѣятеля по части раскола, но болѣе всего инціатора широкаго проекта по изслѣдованію раскола. Этого проекта, въ случаѣ его осуществленія, могли опасаться не только раскольники, тайные и явные, но и дѣятели по раскольнымъ дѣламъ, духовныя и гражданскія лица, сознававшія за собою нѣкоторыя неисправности и погрѣшности. Мы уже упомянули о томъ, что авторы проекта на дѣйствія архимандрита Антонія набросили значительную тѣнь подозрѣнія, которая могла еще болѣе сгуститься обвинителями; могли быть замѣшаны и другія лица, доселѣ пользовавшіяся, подобно Антонію, славою безпристрастія и даже ревности по ослабленію роскола. Пользуемся случаемъ замѣтить здѣсь, что въ изданныхъ документахъ архива Святѣйшаго Синода нѣтъ извѣстій о томъ, были ли произведены дознанія о пристрастныхъ дѣйствіяхъ архимандрита Антонія, въ которыхъ обвиняли его Иванъ Ѳеоктистовъ и Ник. Михайловъ и насколько обвиненія соотвѣтствовали дѣйствительности. Молчаніе это во всякомъ случаѣ замѣчательно. Какъ бы то ни было, это первый случай, когда обвиненіе архимандрита Антонія въ дѣйствіяхъ его по части раскола остается безъ объясненія и опроверженія.

При допущеніи нашего предположенія является естественно мысль о сочувствіи къ расколу графа Матвѣева, сенатора, тайнаго совѣтника. Предполагать это сочувствіе въ такомъ высокопоставленномъ лицѣ, каковъ графъ Матвѣевъ, повидимому, трудно и фактическихъ данныхъ мы для этого не имѣемъ. Предположеніе это тѣмъ болѣе представляется невѣроятнымъ, что графъ А. А. Матвѣевъ, сынъ знаменитаго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, былъ любимцемъ Петра, состоя въ 1724 году, во время судебнаго процесса по дѣлу о попѣ Иванѣ Ѳеоктистовѣ, предсѣдателемъ правительствуюшаго Сената въ Москвѣ; съ представленіемъ о любимцѣ Петра устранялась мысль о сочувствіи расколу. Повидимому странно; но если примемъ во вниманіе то, какъ часто Петръ I разочаровывался въ близкихъ къ нему людяхъ, не исключая и членовъ собственной своей семьи, особенной странности не будетъ въ предположеніи въ графѣ Матвѣевѣ, если не сочувствія расколу, то попустительства судебнаго процесса, отъ рѣшенія котораго могла хотя и косвеннымъ образомъ пострадать правительственная противораскольническая дѣятельность. Можетъ быть, графъ Матвѣевъ въ странномъ, не обѣщавшемъ ему никакихъ матеріальныхъ выгодъ, искѣ руководился какимъ либо чувствомъ недовольства, или мстительности; думать такъ даетъ основаніе то обстоятельство, что въ 1724 году по распоряженію правительства, запечатана была, принадлежавшая графу А. А. Матвѣеву, фамильная домовая «церковь Живоначальныя Троицы, находившаяся въ городѣ Москвѣ, въ Срѣтенскомъ сороку». Насколько дорога была для графа Матвѣева означенная церковь, устроенная въ 1694 году, «на самомъ пристойномъ и безпорочномъ мѣстѣ не ради какого суетнаго киченія или гордости, но во исполненіе и воспоминаніе воли отца» графа (пострадавшаго во время стрѣлецкаго бунта), видно изъ слезнаго прошенія графа А. Матвѣева въ Святѣйшій Синодъ въ декабрѣ 1722 году о незакрытіи означенной церкви, дабы она «была всегдашнею теплѣйшею о той страдальческой душѣ въ его родительскомъ и моемъ домѣ молебницею». Можно судить, насколько чувствительна была потеря фамильной домашней святыни [1]). Хотя закрытію этому подверглись домовыя церкви, принадлежавшія и другимъ не менѣе высокопоставленнымъ боярскимъ и княжескимъ родамъ, (князей Черкасскихъ, Трубецкихъ, Салтыковыхъ, Одоевскихъ, Долгоруковыхъ, Строгановыхъ, Нарышкиныхъ, Прозоровскихъ и др.) въ силу обязательнаго постановленія отъ 12 апрѣля 1722 года [2]), но это не застраховало графа Матвѣева отъ возникновенія непріятнаго

[1]) Собр. т. II, № 950.

[2]) Собр. т. II, № 533.

чувства недовольства, могшаго обнаружиться въ такой тонкой и совершенно безопасной формѣ, какъ извѣстное намъ отношеніе его къ бывшему его крѣпостному [1]). Далѣе, графъ Матвѣевъ могъ равнодушно относиться къ начатому иску подъ вліяніемъ другихъ лицъ и въ частности своего довѣреннаго по иску Т. Мурзина [2]), не представляя всѣхъ послѣдствій отъ благопріятнаго исхода дѣла и не подозрѣвая, быть можетъ, задней цѣли заинтересованныхъ лицъ.—Таково объясненіе перваго возраженія, возникающаго при предположеніи о существованіи причинной связи между искомъ графа Матвѣева о попѣ Иванѣ Ѳеоктистовѣ и «проектомъ послѣдняго о розыскѣ раскольниковъ».

Легче устраняется другое возраженіе, происходящее изъ того же источника. Возраженіе это состоитъ въ слѣдующемъ: если проектъ принадлежалъ попамъ Ѳеоктистову и Михайлову, то почему добивались низложенія одного Ѳеоктистова, а не обоихъ, тогда какъ и Михайловъ могъ вредить расколу если не въ качествѣ исполнителя проекта, то въ должности управлявшаго «церковнымъ приказомъ» по дѣламъ раскола и лично знавшаго состояніе раскола посредствомъ дѣлопроизводства и поѣздокъ къ калужскимъ раскольникамъ? Не избѣжалъ судебнаго преслѣдованія и товарищъ Ѳеоктистова, попъ Николай Михайловъ. Послѣдній обвинялся раскольниками въ лихоимствѣ. Это было въ 1722 году, когда «проектъ о розысканіи раскольниковъ» уже разсматривался. Михайлова обвиняли во взяточничествѣ калужскіе раскольники, среди которыхъ онъ для розыска находился въ 1722 году. Обвиненіе это подтвердилось сознаніемъ самого Михайлова при слѣдствіи въ синодальной канцеляріи. Но это дѣло почему-то производствомъ замедлилось и даже совсѣмъ затормозилось, такъ что остается неизвѣстнымъ то, подвергся-ли какому либо наказанію виновникъ лихоимства. Кратко объ этомъ сообщается слѣдующее: прежде чѣмъ было постановлено по дѣлу о Михайловѣ рѣшеніе, 12-го февраля 1723 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ дѣла для рѣшенія въ московскую губернскую канцелярію, что̀ и было исполнено, за исключеніемъ *двухъ доношеній, поданныхъ Михайловымъ въ Святѣйшій Синодъ и одного Оберъ-прокурору Синода Болтину* (курсивъ нашъ). О выдачѣ этихъ трехъ бумагъ губернская канцелярія просила Святѣйшій Синодъ; остается неизвѣстнымъ то, какой отвѣтъ послѣдовалъ отъ Синода на эту просьбу [3]); содержаніе дополнительныхъ трехъ документовъ священника Михайлова—неизвѣстно;

[1]) Опис. т. II, 1, № XLVI.

[2]) Ibid. стр. 523, № 381.

[3]) Опис. т. IV, № 394. стр. 403.

можно предполагать, что въ нихъ виновный оправдывался какими-либо обстоятельствами, побудившими его къ лихоимству. Невыясненность и запутанность дѣла попа Михайлова видна особенно изъ того, что оно оставалось нерѣшеннымъ до 1743 года, когда оно сдано было окончательно въ архивъ по случаю смерти Николая Михайлова. Такимъ образомъ странною представляется судьба авторовъ проекта о розыскѣ раскольниковъ.

Приведеніе раскола въ извѣстность—была главная и первая мѣра, повѣдшая къ предпринятію и усиленію другихъ второстепенныхъ мѣръ. Хотя многія второстепенныя мѣры противъ раскола предпринимались одновременно съ первою и предполагались впослѣдствіи, но по мѣрѣ уясненія и поступавшихъ извѣстій о состояніи раскола частныя мѣры проводились церковно-гражданскою властію настойчивѣе и неоднократно повторялись для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

IV.

Подробное изложеніе церковно-гражданскихъ мѣръ.

Извѣстно, что до формальнаго нача́ла въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣла о приведеніи раскольниковъ въ извѣстность, церковная власть многое знала о состояніи раскола. Съ поступленіемъ отчетовъ сыщиковъ и вѣдомостей епархіальныхъ архіереевъ о раскольникахъ свѣдѣнія о послѣднихъ увеличивались въ количествѣ и качествѣ, т. е. дѣлались достовѣрнѣе, полнѣе и точнѣе. Несомнѣнный и наглядный фактъ существованія многочисленнаго раскольническаго движенія, возрастанія и повсюднаго распространенія прежде всего побуждалъ церковную власть къ мысли о принятіи средствъ къ сокращенію раскола, къ уменьшенію послѣдователей и къ ослабленію побужденій къ принятію и привязанности къ расколу. Еслибы приверженность къ расколу составляла одно внутреннее убѣжденіе человѣка и не вела къ замѣтному выраженію во внѣшней гражданской и общественной жизни, тогда вопросъ о мѣрахъ и средствахъ къ сокращенію раскола не представлялъ бы для своего рѣшенія особенныхъ затрудненій. Эти затрудненія могли бы тогда состоять въ средствахъ переубѣжденія путемъ полемики, проповѣди, совѣтовъ и увѣщаній со стороны пастырей церкви и высшей церковной власти въ духѣ христіанской любви, благоразумія и терпѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что такой способъ воздѣйствія на раскольниковъ,

какъ заблуждавшихся, потребовалъ бы много времени и трудовъ, пока получились бы замѣтные успѣхи въ обращеніи раскольниковъ къ единству взглядовъ и соглашенію на обрядовыя разности, бывшія предметомъ взаимныхъ споровъ и вражды. Но этотъ способъ воздѣйствія на заблуждавшихся, въ принципѣ единственно лучшій и приличный, на дѣлѣ признавался не единственнымъ и недостаточнымъ, какъ со стороны наличныхъ силъ церковнаго института, такъ и со стороны раскола, т. е. невѣжества, упорства и враждебности раскольниковъ въ соединеніи съ ихъ численностію, распространенностію и житейскою неупорядоченностію,—словомъ со стороны такихъ проявленій раскола, изъ совокупности которыхъ становилось яснымъ то, что силѣ свободнаго убѣжденія расколъ не поддавался и слѣдовательно не сокращался. Поэтому нужда заставляла обратиться къ другимъ дополнительнымъ средствамъ для сокращенія и умиротворенія заблуждавшихся.

Эти способы и средства состояли въ лишеніи раскольниковъ гражданскихъ правъ, въ духовныхъ наказаніяхъ и тѣлесныхъ, въ денежныхъ штрафахъ, въ ссылкахъ въ дальнія мѣста и заточеніи по монастырямъ. Эти наказанія налагались и примѣнялись къ раскольникамъ неодинаково, въ той или другой степени, смотря по обстоятельствамъ, степени заблужденія и упорства. Но общимъ наказаніемъ для всѣхъ раскольниковъ было наложеніе двойнаго оклада податей. Наложеніе двойнаго денежнаго оклада послѣдовало по особенному указу Петра I-го, состоявшемуся 1716 года и отмѣнившему преслѣдованіе и смертную казнь раскольниковъ, узаконенныя въ 1685 году. Лишенія раскольниковъ правъ, разныя духовныя и тѣлесныя испытанія и наказанія были опредѣляемы съ цѣлью вразумленія и обращенія заблуждавшихся къ православной церкви, отъ которой уклонились и которую хулили. Съ другой стороны, обращеніе раскольниковъ отъ заблужденія возвращало имъ ихъ права съ прощеніемъ всѣхъ ихъ содѣянныхъ въ расколѣ винъ. Наказанію подвергались какъ совратители въ расколъ, такъ и потаковники, защитники и укрыватели раскольниковъ. Гражданскимъ наказаніямъ предшествовали духовныя; недѣйствительность послѣднихъ вела къ гражданскимъ наказаніямъ.

Въ продолженіе 1721—1725 гг. правительство Петра I придумало и приводило въ дѣйствіе цѣлую систему мѣръ для ослабленія раскола. Рядомъ многочисленныхъ мѣропріятій гражданская власть обняла жизнь всѣхъ послѣдователей раскола съ внѣшней и внутренней стороны, доводя стѣснительныя требованія къ раскольникамъ до крайности.

При различеніи и дѣленіи мѣръ противъ раскола можно руководствоваться неодинаковыми соображеніями. Въ различеніи противораскольническихъ мѣръ можно обращать вниманіе на прои-

схожденіе ихъ отъ церковной, или гражданской власти; были въ употребленіи мѣры церковнаго свойства и—нецерковнаго, гражданскаго. Такъ, есть существенное различіе между отлученіемъ отъ церкви раскольниковъ, диспутами между православными и раскольниками и денежными штрафами и лишеніемъ раскольниковъ гражданскихъ правъ. Диспуты и анаѳема—мѣры чисто церковныя, а штрафы и гражданское безправіе—мѣры не церковныя, хотя и тѣ и другія направлены были къ достиженію одной и той же цѣли. Различіе мѣръ по ихъ характеру нужно имѣть въ виду при изложеніи ихъ. Но можно руководствоваться и другимъ соображеніемъ при изложеніи мѣръ; мѣры приводились въ исполненіе то строже, то слабѣе; это зависѣло отъ раскольниковъ, отъ отношенія ихъ къ предержащей власти и ихъ искренности. Одни изъ раскольниковъ были записные, а другіе—незаписные,—были явные и тайные раскольники. Первые были извѣстны церковно-гражданской власти, а вторые скрывались отъ нея то бѣгствомъ, то притворствомъ, выдавая себя за православныхъ, посредствомъ наружнаго исполненія нѣкоторыхъ обязательныхъ требованій, при содѣйствіи низшаго духовенства и мелкаго чиновничества. Къ первымъ церковно-гражданская власть относилась хотя и строго, но болѣе или менѣе опредѣленно; ко вторымъ, тайнымъ и упорнымъ, строже и неопредѣленнѣе, понимая эту неопредѣленность въ неблагопріятномъ смыслѣ для раскольниковъ, приверженность которыхъ къ расколу обнаруживалась болѣе вынужденнымъ, чѣмъ свободнымъ путемъ, что̀ сопровождалось съ большими затрудненіями для духовной и гражданской власти. Такимъ образомъ къ первому, главнѣйшему и логическому дѣленію мѣръ противъ раскола присоединяется другое, основанное на modus vivendi раскольниковъ, въ качествѣ записныхъ и осѣдлыхъ, или тайныхъ и упорныхъ. Есть еще третье основаніе для дѣленія нѣкоторыхъ мѣръ для противодѣйствія расколу,—мѣръ второстепенныхъ и дополнительныхъ. Рядъ этихъ мѣръ относился къ тѣмъ лицамъ, духовнымъ и гражданскимъ, которыя имѣли офиціальное соприкосновеніе къ послѣдователямъ раскола въ качествѣ пастырей церкви, гражданскихъ, судебныхъ властей, сыщиковъ, фискаловъ, тіуновъ, инквизиторовъ и т. п. Всѣ эти лица обязаны были по долгу службы и присяги содѣйствовать церковно-гражданскому правительству въ обнаруженіи раскольниковъ для приведенія ихъ въ извѣстность и для выполненія различныхъ мѣропріятій по дѣламъ раскола; въ противномъ случаѣ они подвергались взысканіямъ, штрафамъ и наказаніямъ, смотря по степени виновности, сообразно съ положенными требованіями.

Итакъ, существеннымъ образомъ мѣры раздѣляются на общія или общеобязательныя, частныя и дополнительныя; первыя двѣ

категоріи мѣръ касаются раскола непосредственно, а послѣдняя— косвенно. Хотя большинство мѣръ церковно-гражданскаго происхожденія и характера, т. е. принудительныя, однако, при сравненіи и оцѣнкѣ всѣхъ ихъ въ цѣлокупности, можно наблюдать въ появленіи и приложеніи нѣкоторую постепенность, миссіонерскую окраску или закваску, состоявшую въ переходѣ къ крутымъ способамъ воздѣйствія на раскольниковъ послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ, терпѣливыхъ и снисходительныхъ. Нужно отмѣтить и еще одну черту относительно мѣръ: чѣмъ церковнѣе мѣра, тѣмъ она общѣе, общеобязательнѣе; чѣмъ менѣе церковности въ извѣстной мѣрѣ, тѣмъ она частнѣе. Впрочемъ, не о всѣхъ мѣрахъ нецерковнаго характера это можно сказать, а только о нѣкоторыхъ.

Общеобязательныя церковныя мѣры противъ послѣдователей раскола.

По церковно-гражданскимъ постановленіямъ времени Петра Великаго, принадлежность къ расколу измѣняла положеніе человѣка какъ вѣрующаго, члена господствовавшей церкви, и какъ гражданина. Долгъ церковной власти по отношенію къ отпавшему и заблудившемуся члену церкви состоялъ тогда, какъ состоитъ и теперь, въ увѣщаніи, вразумленіи и обращеніи послѣдователей раскола къ единенію съ православными христіанами въ религіозно-церковныхъ убѣжденіяхъ, въ богослуженіи, таинствахъ и обрядахъ. Безуспѣшность мѣръ вразумленія, посредствомъ приглашенія для разглагольствія о спорныхъ предметахъ и увѣщаній къ оставленію заблужденій, предпринимавшихся церковною властію въ видахъ обращенія раскольниковъ на истинный путь, нераскаянность, возрастаніе и враждебность ихъ къ самой церкви побудили послѣднюю къ употребленію особыхъ, находящихся въ ея власти, средствъ какъ для вразумленія заблуждавшихся, такъ и для сохраненія отъ заблужденія и совращенія вѣрныхъ, но слабыхъ своихъ членовъ. Средства эти суть духовныя наказанія.—Одновременно, рука объ руку съ духовными наказаніями, шли гражданскія лишенія и даже тѣлесныя наказанія, которыя налагала и приводила въ дѣйствіе гражданская власть при видѣ безуспѣшности церковныхъ наказаній въ отношеніи къ раскольникамъ: она руководилась при этомъ и тѣмъ соображеніемъ, что неповиновеніе и враждебное отношеніе раскольниковъ къ церкви сопровождалось враждебными чувствами и дѣйствіями и къ государству. Въ совокупныхъ дѣйствіяхъ церковной и гражданской власти по отношенію къ раскольникамъ замѣчается принципіальное единство, изрѣдка нарушавшееся въ единичныхъ случаяхъ отдѣльными личностями по ко-

рыстнымъ побужденіямъ, а иногда по формальнымъ недоразумѣніямъ процессуальнаго дѣлопроизводства между тѣми учрежденіями, въ которыхъ вѣдались дѣла по расколу,

По «Регламенту» епархіальные епископы обязаны заботиться «объ исправленіи церквей и обращеніи раскольниковъ». «Если кто покажется, что онъ весьма отъ св. причастія удаляется, тѣмъ самымъ являетъ, что онъ не есть сообщникъ церкви, но раскольщикъ. Сіе прилежно подобаетъ наблюдать епископамъ и приказывать, чтобы имъ приходскіе священники по вся годы о своихъ прихожанахъ доносили, кто изъ нихъ причащался, кто нѣтъ. Всѣ міряне должны причащаться и исповѣдываться разъ въ годъ обязательно; въ противномъ случаѣ, когда объявленъ будетъ раскольщикъ, епископъ долженъ о семъ письменно донести въ Святѣйшій Синодъ. Великій грѣхъ есть и нетерпящій молчанія духовныхъ, что нѣціи мірскіе господа въ своихъ областяхъ, вѣдая раскольщиковъ, покрываютъ для мзды, имъ подаваемой. Иное дѣло о раскольщикахъ явныхъ, ибо отъ тѣхъ напасти блюстися не надобно; но раскольщиковъ, подъ видомъ православія живущихъ, покрывать—сіе дѣло безбожіемъ смердящее и за сіе должны епископы ревновать и доносить о семъ въ духовный коллегіумъ, а коллегіумъ по духовномъ розыскѣ, таковыхъ господъ, аще не похотятъ въ томъ исправиться, можетъ предать анаѳемѣ. Если кто въ подозрѣніи будетъ раскольничества, хотя бы и видъ на себѣ являлъ православія, и того первѣе присягѣ, купно съ клятвою на себя и оныхъ, что онъ не есть и не думаетъ быть раскольщикъ и объявить ему жестокое наказаніе, если бы послѣ противное на немъ показалось и подписаться ему въ томъ своею рукою. Кромѣ уклоненія отъ святаго причастія признаками подозрѣнія въ принадлежности къ расколу служили завѣдомое пристанодержательство раскольническихъ учителей и посылка милостыни въ раскольничьи монастыри [1]).

Приведенныя общія требованія «Регламента» о расколѣ послужили основою послѣдующей дѣятельности о немъ административной, судебной и законодательной; нѣкоторыя постановленія по дѣламъ раскола имѣли основу свою въ прежней церковной дѣятельности, традиціонно существовавшей и продолжавшей имѣть обязательную силу.

Выполненіе таинства Исповѣди и святой Евхаристіи[2]).—Указъ о необходимости исповѣдываться и причащаться каждогодно состоялся въ 1716 г.; цѣль указа состояла въ томъ, чтобы побудить и понудить православныхъ русскихъ подданныхъ къ исполненію христіанскихъ обязанностей, отъ которыхъ они отстали по своей лѣности,

[1]) Собр. т. I, № 1.

[2]) Собр. т. I, № 60. 87, 8 п.

праздности и небрежности. Приходскіе священники должны были вести объ исповѣдывавшихся и неисповѣдывавшихся записи для представленія своему начальству.

За уклоненіе отъ исповѣди положены штрафы: съ разночинцевъ и податныхъ людей взималось въ первый разъ въ годъ 1 р., во второй (то есть за неисполненіе) по 2 р., въ третій—3 р.; съ поселянъ брали: въ первый разъ 5 коп., во второй—10 к., въ третій—15 к.; въ случаѣ дальнѣйшей неисправности, виновныхъ наказывали. Штрафы эти должны были собирать священники и доставлять церковному начальству. Въ свою очередь священники подвергались штрафамъ за недонесеніе о не бывшихъ у исповѣди, или ложное донесеніе, когда неисповѣдающихся писали исповѣдающимися, или, наоборотъ, исповѣдывавшихся неисповѣдывавшимися записывали, что иногда случалось; въ первый разъ штрафъ былъ въ 5 р., во второй—10 р., въ третій—15 р.; въ случаѣ дальнѣйшаго небреженія и послабленія виновные священники подвергались лишенію сана, передавались гражданскому суду, который, по своему усмотрѣнію, вообще строго наказывалъ виновныхъ, ссылая ихъ въ каторжную работу [1]).

Если небытіе у исповѣди и святаго причастія считалось признакомъ принадлежности къ расколу, то это побуждало нѣкоторыхъ къ исполненію исповѣди. Дѣйствіе исповѣди въ качествѣ мѣры для отвлеченія нерѣшительныхъ и слабыхъ отъ раскола обнаруживалось въ разныхъ случаяхъ. Такъ, во время изслѣдованія раскола свѣтскими сыщиками, при требованіи исполненія исповѣди, уклоненіе отъ которой вело къ записи въ расколъ, многіе оставляли послѣдній и обращались къ православной церкви; еще болѣе было случаевъ обращенія въ православіе при изслѣдованіи раскола духовными лицами—епископомъ Питиримомъ, I. Рѣшиловымъ и др. Конечно, къ таинству исповѣди нѣкоторые приступали неискренно, неохотно, во избѣжаніе платежа штрафа и записи въ расколъ, но цѣль церковно-гражданской власти все-таки достигалась, хотя и съ чисто внѣшней стороны; уменьшалось число раскольниковъ. Исполненіе таинства исповѣди давало право на вступленіе во всякую гражданскую службу [2]). Офиціальная принадлежность къ расколу была тяжелымъ роковымъ шагомъ въ церковномъ отношеніи, не говоря о гражданскихъ лишеніяхъ.

Требованіе исполненія исповѣди и святаго причащенія встрѣчало на практикѣ не мало затрудненій, для рѣшенія которыхъ нужно было церковнымъ учрежденіямъ и отдѣльнымъ лицамъ обращаться въ Святѣйшій Синодъ. Исповѣдныя вѣдомости и штрафныя деньги за небы-

[1]) Собр. т. I, № 52, стр. 67.

[2]) Собр. т. I, № 18. 312. 52—1.

тіе у исповѣди и святаго причастія передавались въ Приказъ Церковныхъ дѣлъ. Это учрежденіе и слѣдило, между прочимъ, за исправною доставкою вѣдомостей и штрафныхъ денегъ. Въ 1722 году, изъ донесеній священниковъ и особыхъ свѣтскихъ чиновниковъ—сыщиковъ Церковному Приказу стало извѣстно, что многіе, по своей бѣдности и убожеству, не могли платить штрафа за исповѣдь, будучи неспособны ни къ какой работѣ, ни къ каторжной, ни къ галерной (въ гавани), куда они назначены въ ссылку. На запросъ Церковнаго Приказа по этому дѣлу отъ 17 августа, Святѣйшій Синодъ отъ 28 января 1723 года постановилъ: если раскольники, опредѣленные, за неуплату штрафныхъ денегъ, въ галеры, будучи дряхлы, увѣчны и стары, не желаютъ исповѣди и святаго причащенія, то, по приведеніи къ присягѣ, освобождаются отъ галеръ подъ условіемъ непринадлежности къ расколу; въ противномъ случаѣ подвергаются жестокому на *тѣлѣ* наказанію. Снисхожденіе это сдѣлано для убогихъ раскольниковъ въ силу всемилостивѣйшаго манифеста отъ 8 ноября 1721 года по случаю заключенія мира со Швеціею. Для бѣдныхъ снисхожденія не дано [1]).

Совершеніе таинствъ исповѣди и святаго причащенія сопровождалось не рѣдко большими и неожиданными затрудненіями, для улаженія и устраненія которыхъ требовалось вмѣшательство церковно-гражданской власти. Затрудненія эти происходили отчасти отъ строгихъ, особенныхъ требованій при совершеніи таинства исповѣди, отчасти отъ хитрости раскольниковъ, старавшихся уклониться отъ таинства святаго причащенія подъ разными предлогами.

Такъ, въ апрѣлѣ 1722 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ требовалось, чтобы священники доносили гражданскому начальству объ открытыхъ имъ на исповѣди «преднамѣренныхъ злодѣйствъ», если исповѣдавшіеся въ оныхъ не раскаялись и намѣренія своего совершить таковыя не оставили. Къ злымъ намѣреніямъ, требовавшимъ объявленія, относились: измѣна, или бунтъ на государя и государство, злое умышленіе на честь, или здравіе государево и на фамилію Его Величества и все то, что̀ могло вредить вѣрной службѣ и пользѣ государственной и церковной. Въ изданномъ по этому случаю объявленіи Святѣйшаго Синода говорилось, «что нѣкоторые злодѣи, исповѣдываяся духовнымъ отцамъ въ своихъ грѣхахъ, объявляютъ и злодѣйственное свое намѣреніе не съ раскаяніемъ и отложеніемъ умышленія, но съ непремѣннымъ злаго того дѣйства желаніемъ, а отцы духовные объявлять того никому не дерзаютъ, вмѣняюще то грѣхъ быти, что не есть грѣхъ, но полезное хотящаго быти злодѣйства пре-

[1]) Собр. т. III, № 993.

сѣченіе и отъ такого необъявленія происходятъ многія вредныя дѣйства». Указъ этотъ своею необычностью, неканоничностью и противорѣчіемъ другимъ пунктамъ «Регламента» о неоткрытіи грѣховъ долженъ былъ смутить какъ православныхъ, такъ и раскольниковъ,—тѣмъ болѣе, что область злонамѣреннаго, открытаго на исповѣди, могла быть по взгляду и произволу духовника увеличена и извращена; отсюда неизбѣжнымъ слѣдствіемъ являлось уклоненіе отъ исповѣди, но больше всего лицемѣрная формальная исповѣдь [1]). Распоряженіе объявлять о нѣкоторыхъ преступленіяхъ поставило и духовниковъ въ немалое затрудненіе, а для нѣкоторыхъ изъ нихъ окончилось очень печально, какъ напримѣръ по дѣлу В. Левина, когда привлечены были и строго наказаны попы Семеновъ и Никитинъ за сокрытіе тайныхъ и преступныхъ намѣреній Левина [2]). Какъ ни оправдывалась церковно-правительственная власть въ своемъ странномъ распоряженіи, доказывая, что оно не противорѣчитъ существу исповѣди и полезно въ интересахъ государства, для всѣхъ ясно было, что священникъ сдѣлался опаснымъ человѣкомъ, имѣя полную возможность мстить и вредить своимъ духовнымъ дѣтямъ и могъ даже погубить ихъ, злоупотребивъ ихъ довѣріемъ.

Во избѣжаніе обмана при совершеніи исповѣди, требовалось, чтобы священники, по совершеніи исповѣди у больныхъ наединѣ, святаго причастія сподобляли при церковникахъ и свидѣтеляхъ; распоряженіе это вызвано было случаями, когда «нѣкіе попы, утаевая раскольниковъ, притворно пріобщаютъ святымъ тайнамъ больныхъ, а на дѣлѣ не пріобщаютъ ихъ» по корыстнымъ разсчетамъ [3]). Если кто въ неисполненіи исповѣди у своего приходскаго священника станетъ отговариваться отлучкою изъ дома во время поста, тому нужно исповѣдываться на мѣстѣ временнаго своего пребыванія съ обязательствомъ представить письменное удостовѣреніе отъ мѣстнаго причта за надлежащимъ подписомъ [4]).

Къ уклоненію отъ таинства святаго причащенія раскольники, лицемѣрно принимавшіе православіе, преувеличивали свою грѣховность съ цѣлію показать себя недостойными прощенія и допущенія до причащенія святыхъ таинъ. О такихъ доносили въ 1722 году въ Святѣйшій Синодъ слѣдующее: «нѣцыи, обратившіеся отъ раскола, аки бы и повинуются по всему, а показуютъ за собою тяжкіе грѣхи, а мнится происходятъ подъ видомъ коварства, дабы не причаститься святыхъ таинъ, понеже учители ихъ зловѣрные сего таинства всѣми образы лукав-

[1]) Собр. т. II, № 557; IV т., № 1350.
[2]) Опис. т. II, 2. № 819, 54—5.
[3]) Собр. т. II, № 582, п. 7.
[4]) Собр. т. II, № 582, п. 10.

ства учатъ происходить. А друзіи отъ благочестивыхъ мнимыхъ такожде при исповѣди показуютъ тяжкіе грѣхи, и тѣмъ отлучаютъ себя многолѣтно отъ святаго причащенія, а мнится и о сихъ равнымъ же образомъ вышеписанныхъ злохитрствомъ себя прикрываютъ, подобаетъ ли обоимъ симъ преподаяти святыя тайны» [1])?

Святѣйшему Синоду предстояло разрѣшить вопросъ.

Вопросъ этотъ предложенъ былъ разновременно Тобольскимъ митрополитомъ Антоніемъ и архимандритомъ Антоніемъ. Есть двѣ редакціи рѣшенія этого вопроса, различныя до противорѣчія. По первой болѣе ранней редакціи (отъ 28 февраля 1722 года) вопросъ рѣшенъ былъ слѣдующимъ образомъ: «о отрицающихся тяжкими отъ причастія грѣхами древнія правила были, которыми за нѣкія тяжчайшія беззаконія на долгое время запрещено отъ святаго причастія, и то было врачевство церковное, дабы знали грѣшницы тяжесть беззаконія своего и Божія отъ нихъ раздраженія; а нынѣ, понеже оное врачевство раскольницы обратили себѣ въ отраву и притворно на себѣ сказуютъ грѣхи безмѣстные (т. е. придуманные), дабы тако отбитися отъ причастія святой евхаристіи, ими безбожно хулимой, того ради церковь святая, всегда едину власть имущая издавати правила къ исправленію сыновъ своихъ, по разсужденію временъ и нравовъ человѣческихъ, прощаетъ исповѣдующимся древній канонъ, яко въ отраву отъ злоковарныхъ человѣкъ на погибель ихъ употребленный; кающагося же и исповѣдующаго грѣхи своя, какіе бы ни были, къ причастію святыхъ таинъ припускаетъ безотложно, вѣдая, что Богъ истинно кающагося пріемлетъ скоро по оному: рѣхъ, исповѣмъ на мя беззаконія моя, и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего, а каноны или правила церковныя лучшаго ради грѣшниковъ исправленія отъ церкви же уставляются; имѣемъ же примѣры и самихъ святыхъ отецъ, которые по разсужденію кающихся лицъ каноны церковные разрѣшали и духовнымъ отцемъ разрѣшать повелѣвали» [2]).

Вторая редакція, позднѣйшая, отъ 14 октября 1723 года, гласитъ: «подозрительныхъ въ расколѣ людей, тяжкими отъ святаго причастія грѣхами удаляющихся, отцемъ ихъ духовнымъ увѣщавать, чтобъ они напрасно и ложно такихъ себѣ тяжкихъ грѣховъ не притворяли, ибо какъ за утаеніе грѣховъ, такъ и за ложныя на себѣ клеветы равное бываетъ грѣховъ *неотпущеніе*, а о причащеніи ихъ чинить, какъ объявленный во оной выпискѣ, 1722 года февраля 28 числа состоявшійся» [3]), указъ повелѣваетъ.

[1]) Собр. т. II, № 454. стр. 104, п. 13—14.
[2]) Собр. т. II, № 454, стр. 117.
[3]) Собр. т. III, № 1117, стр. 199.

Изъ сопоставленія обѣихъ редакцій вытекаетъ то противорѣчіе, что придуманные грѣхи прощаются и не прощаются; если грѣхи не прощаются, то недостойно причащаются исповѣдники; при этомъ допустимо и то, что заявленіе о тяжкихъ грѣхахъ могло быть и искреннее; выдумка мнимыхъ преступленій должна была затрудняться тѣмъ, что духовнику вмѣнялось въ обязанность доносить начальству о нѣкоторыхъ открытыхъ на исповѣди тяжкихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, клонившихся ко вреду государя, государства и церкви[1]; «занѐ утаеніе грѣха есть прелесть душегубная, приложеніе же, клевета смертоносная»[2]. Противорѣчіе логическое, но властію церковною разрѣшавшееся.

Нижеслѣдующій фактъ былъ, какъ можно думать, послѣдствіемъ снисходительнаго рѣшенія предложеннаго вопроса. По доношенію митрополита Антонія, 20 марта 1723 года къ нему, въ г. Тобольскъ, присланы были изъ губернской канцеляріи 7 крестьянскихъ дѣвицъ во исправленіе троекратнаго крестовоображенія и по отсылкѣ ихъ въ соборную церковь, онѣ предъ ключаремъ покаялись и святыхъ таинъ сподобились, только дѣвка, Парасковья Перфильева, тайны Божія во уста пріемши и вкупѣ со антидоромъ въ устахъ смѣшавши, изблевала въ платъ свой... и оная дѣвка много распрашивана и сказала: «святое причащеніе, пріемши во уста, проглотить не могла, поелику подучею болѣзнію одержима, отчего и изблевала; расколу не имѣетъ, а троеперстнымъ сложеніемъ креститься не желаетъ». Дѣвка была послана подъ арестъ въ губернскую канцелярію, а принесенныя къ епископу отъ священника изблеванныя тайны спрятаны по церковному преданію. По этому дѣлу опредѣлено Святѣйшимъ Синодомъ: дѣвку, которая святыя тайны смѣшавъ въ устахъ изблевала, отослать къ гражданскому розыску; буде похочетъ быть въ расколѣ, записать въ окладъ, а буде обратится, принять[3]. Между грѣхами, за которые по церковнымъ правиламъ положено лишеніе святаго причащенія, упоминаются въ донесеніи митрополита Антонія «тяжкіе зѣло падежи отъ Содома и Гоморры»[4].

Такимъ образомъ, первая мѣра, касавшаяся одной изъ священныхъ обязанностей христіанина, вмѣсто свободнаго принятія и исполненія, многихъ отталкивала по причинѣ осложненія ея требованіемъ оглашенія нѣкоторыхъ грѣховъ, побуждала исповѣдниковъ къ скрытности, лжи и недоумѣніямъ; смущала и духовниковъ — исполнителей указовъ правительства: одни изъ духовниковъ не могли совершать осложненной исповѣди, другіе не доносили объ открытыхъ грѣхахъ, оправдывая себя многими уважительными причинами.

[1]) Собр. т. IV, № 1350; т. II, № 557. Опис. т. IV, № 395.

[2]) Требникъ 1783 г., стр. 27.

[3]) Опис. т. III, № 580, стр. 631—634.

[4]) Собр. т. III, № 1117, стр. 195—200.

Раскольники должны были подвергаться угнетающему душу наказанію—клятвѣ, или *анаѳемѣ*.—Подъ церковною анаѳемою, или клятвою, т. е. отлученіемъ отъ церкви и лишеніемъ единенія и благодатныхъ даровъ, раскольники находились со времени осужденія ихъ на соборахъ 1666—1667 гг. Изреченная соборная и законная клятва тяготѣла надъ раскольниками, какъ упорными и нераскаянными и во время, нами описываемое. Не только не могло быть рѣчи объ отмѣнѣ наложенной клятвы, но о ней говорится въ «Духовномъ Регламентѣ», какъ о продолжающейся и дѣйствительной духовной карѣ. По «Регламенту», анаѳемѣ, какъ высшему церковному наказанію, подвергается, между прочимъ, тотъ, кто безъ правильной (уважительной) вины покаянія и святой евхаристіи больше году не пріемлетъ, или что-либо иное творитъ съ явнымъ закона Божія ругательствамъ и посмѣяніемъ,—кто гордъ и упрямъ остается по вторичномъ показаніи. Ибо не просто за грѣхъ подлежитъ анаѳемѣ, но за явное и гордое презрѣніе суда Божія и власти церковныя съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій, и тако воню безбожія издаетъ отъ себя [2]). Если анаѳемѣ подвергались пособники раскола, то тѣмъ болѣе сами раскольники. Такъ какъ анаѳемою человѣкъ отсѣкается отъ мысленнаго тѣла Христова, т. е. церкви, дѣлается подобно убіенному, то изреченію ея на ослушника, въ данномъ случаѣ раскольника, долженъ предшествовать рядъ частныхъ мѣръ со стороны епископа для обращенія заблуждавшагося къ покаянію. «Регламентъ» требуетъ, чтобъ епископъ послалъ къ упорному духовника его выговорить вину его наединѣ съ кротостію и со увѣщаніемъ, дабы, принесши покаяніе и эпитимію, причастился бы святой ехваристіи при народѣ. Если же посольство духовника вотще будетъ, то епископъ, спустя нѣкое время, долженъ призвать его къ себѣ честно и увѣщавать его наединѣ въ присутствіи духовника; если откажется идти къ епископу, то должны увѣщавать упорнаго благонамѣренные и опытные духовные и свѣтскіе люди, наиболѣе къ нему расположенные; при неудачѣ и этого средства епископъ долженъ объявить въ церкви въ праздничный день, при большемъ стеченіи народа, о заблужденіи и упорствѣ грѣшника, съ приглашеніемъ помолиться за него Богу, да обратитъ его къ покаянію, и совокупно и частно увѣщавать его, да оставитъ заблужденіе, иначе подпадетъ изверженію отъ церкви. И если послѣ сего останется непреклоненъ, то епископъ и тогда не приступитъ еще къ анаѳемѣ, но прежде о всемъ томъ напишетъ въ духовный коллегіумъ, отъ котораго и получитъ письменное разрѣшеніе на преданіе анаѳемѣ. Если изверженный, не покаявся, учнетъ еще ругать церковную анаѳему или еще вредить епископу,

[1]) Собр. т. I, № 1, стр. 13.

или иному причту, тогда епископъ донести долженъ въ духовный коллегіумъ, прося суда у мірской власти. «Регламентъ» требуетъ и того, чтобы епископы какъ анаѳемы, такъ и разрѣшенія отъ нея не дѣлали ради прибыли своей, или инаго коего собственнаго интереса, и искали бы въ томъ важномъ дѣлѣ не яже своя, но яже Господа Іисуса [1]).

Мы съ особенною подробностію привели изъ «Регламента» тѣ частныя мѣры по отношенію къ заблуждавшемуся, недѣйствительность которыхъ вела къ произнесенію анаѳемы—этого страшнаго слова, порождавшаго отчаяніе или озлобленіе, или то и другое вмѣстѣ въ томъ, кого она касалась. Интересно было бы документально подтвердить, исполнялись-ли на дѣлѣ тѣ предварительныя мѣры увѣщанія къ заблуждавшимся, какія начертаны были «Регламентомъ». Если-бы онѣ соблюдались согласно предписанному, число раскольниковъ было бы гораздо менѣе.

Правда, мы не имѣемъ указаній на частные случаи изверженія отъ церкви раскольниковъ посредствомъ анаѳемы, но можно думать, что такихъ случаевъ съ соблюденіемъ всѣхъ предварительныхъ условій по отношенію къ раскольникамъ было немного, по трудности исполнить все предписанное. Тогда, вмѣсто частныхъ анаѳематствъ, довольствовались общею, совершавшеюся ежегодно въ недѣлю православія и извѣстными клятвами Московскаго собора 1666—1667 гг., тяготѣвшими надъ раскольниками.—Анаѳемѣ подвергались открытые и тайные раскольники ежегодно въ недѣлю православія на основаніи донесеній епархіальныхъ архіереевъ, извѣстныхъ сыщиковъ, миссіонеровъ и др. лицъ, слѣдившихъ и вѣдавшихъ дѣла раскольниковъ. Изъ донесеній всѣхъ этихъ лицъ усматриваются количество собранныхъ денегъ, число раскольниковъ, ихъ побѣги и пожитки, но не видно изъ донесеній того, какія были употреблены духовныя мѣры для обращенія раскольниковъ, за безуспѣшностью которыхъ должна была слѣдовать окончательная запись въ число явныхъ раскольниковъ и дальнѣйшія строгія и карательныя мѣры [2]).

О присягѣ, какъ признакѣ для различенія раскольниковъ отъ православныхъ, мы уже говорили, представивши и самую форму служебной присяги. Подобно исповѣди, *присяга* служила въ то же время средствомъ къ открытію раскольниковъ,—тѣхъ изъ нихъ, которые не могли, въ противорѣчіе своей совѣсти, ложно считаться православными во избѣженіе тяжести и лишеній, соединенныхъ съ принадлежностію къ расколу. Такимъ образомъ чрезъ присягу достигалась та цѣль, что тайные раскольники дѣлались явными. Присяга требовалась «Регламентомъ» и послѣдующими указами.

[1]) Собр. т. I, № 1, 13—14.

[2]) Опис. т. I, № 473.

Были случаи, когда къ присягѣ приводили 7-лѣтнихъ дѣтей; объ этихъ случаяхъ извѣстно было Святѣйшему Синоду изъ донесенія архимандрита Антонія, слѣдовательно подобные случаи одобрялись, или по крайней мѣрѣ допускались, хотя быть можетъ возникновеніе ихъ обязано было произволу частныхъ лицъ [1]).

Разъ данная присяга, хотя бы безсознательно и по принужденію, должна была имѣть обязательную силу навсегда [2]).

Можно различать двѣ формы присяги, указывающія на постепенно возраставшую строгость въ требованіи обязательнаго исполненія данныхъ обѣщаній отъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ расколѣ. Приведенная выше форма присяги при поступленіи на службу, отрицательнаго свойства, а другая, позднѣйшая—положительнаго, указывающая опредѣленно что̀ дѣлать, и чего не дѣлать.

Присяга требовалась и отъ священниковъ при посвященіи; они должны были «проклинать публично въ церкви вся именно (подробно) раскольническія согласія съ присягою, что которыхъ въ приходахъ своихъ усмотрятъ раскольниковъ, чрезъ удаленіе св. евхаристіи или другіе примѣты, не будутъ укрывать молчаніемъ, но подадутъ о нихъ вѣдѣніе на письмѣ своимъ епископамъ» для принятія надлежащихъ мѣръ [3]).

Присяга эта состоитъ изъ 32 пунктовъ, въ которыхъ съ замѣчательною подробностью и точностью изложены всѣ главнѣйшія отступленія раскольниковъ—съ одной стороны, съ другой—указаны основные догматы и соборныя опредѣленія, на которыхъ зиждется православное ученіе и строй греко-восточной и русской церкви. Присяга эта не только отрицаетъ расколъ, какъ заблужденіе и ересь, но и тѣ ложныя мнѣнія лютеранства (напр. относительно иконопочитанія, молитвы за умершихъ и т. п.), которымъ тогда сочувствовали нѣкоторые русскіе. Присяга отличается строго выдержаннымъ тономъ; неизвѣстный авторъ ея предусмотрѣлъ всѣ случаи и отговорки, которые могъ бы представить нарушитель ея въ свое оправданіе [4]).

Запрещеніе раскольнической пропаганды. Извѣстно, что, по распоряженію Святѣйшаго Синода въ февралѣ 1722 года, раскол учители призывались въ Москву и Петербургъ для собесѣдованій о спорныхъ предметахъ вѣры въ извѣстные сроки. Никто изъ раскольническихъ учителей не явился. Но пропаганда раскола была сильна во многихъ мѣстахъ, близкихъ и отдаленныхъ. Въ предупрежденіе и пресѣченіе фанатической дѣятельности раскольническихъ учителей, Святѣйшимъ Синодомъ, одновременно съ приглашеніемъ и послѣ, не-

¹) Опис. т. I, № 296, стр. 332.

²) Опис., т. II, 2. № 1117.

³) Собр. т. II, № 439.

⁴) Присяга помѣщена въ приложеніяхъ къ сочиненію.

однократно объявлено было: если кто послѣ опредѣленнаго срока, яко раскольническій учитель сысканъ, познанъ и обличенъ будетъ, таковый подпадетъ гражданскому суду и казни безъ всякой пощады и помилованія. Позднѣйшій указъ отъ 16 іюля того же года устраняетъ тѣ соображенія, которыми могли оправдываться расколоучители въ распространеніи своего лжеученія. Въ этомъ указѣ, заключающемъ въ себѣ и другіе соприкосновенные съ расколомъ предметы, говорится: «хотя на раскольниковъ записныхъ и положенъ двойной окладъ, но это не для того, чтобы они свою раскольническую прелесть разсѣевать могли и другихъ учили, но за то, что по упрямству своему въ соединеніи съ православною церковію и правовѣрными быть не хотятъ. Того ради обязать всѣхъ раскольниковъ сказками (подписками), съ подтвержденіемъ лишенія имѣнія и ссылкою въ галеры, дабы каждый изъ нихъ о раскольнической прелести разговоровъ и ученія не точію постороннимъ, но и въ одномъ домѣ живущимъ никому отнюдь не дерзалъ произносить, и никого тому не учить, и никакими способами къ той прелести не привлекать, а учителей раскольническихъ и потаенныхъ раскольниковъ въ домъ къ себѣ не принимать.

Съ другой стороны, священники должны были охранять свою паству отъ вторженія разныхъ подозрительныхъ личностей—раскольническихъ монаховъ и учителей; при извѣщеніи о присутствіи проповѣдниковъ раскола, священники обязаны доносить и даже приводить ихъ въ мѣстный духовный приказъ для допроса о дѣйствіяхъ раскольническихъ учителей и задержаніи ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ до высылки; а о важности ихъ проступковъ слѣдовало обстоятельно доносить въ «Приказъ церковныхъ дѣлъ» [1]).

Относительно запрещенія раскольнической пропаганды Святѣйшій Синодъ повторилъ и подтвердилъ уже ранѣе состоявшіяся узаконенія, изданныя по распоряженію Петра и отличавшіяся большою строгостію. Такъ, еще въ 1718 году, въ инструкціи, данной изъ кабинета Его Императорскаго Величества Нижегородскому вице-губернатору, требовалось строго преслѣдовать и наказывать раскольническихъ заводчиковъ и учителей, ссылая ихъ, вырѣзавъ ноздри, на галеры [2]).

Хотя строгость означенной мѣры имѣетъ основаніе въ прежнемъ до-Петровскомъ законодательствѣ, однако опубликованіе ея въ 1718 году и первоначальная ея практика въ Нижегородской губерніи даютъ поводъ усматривать въ появленіи и даже характерѣ ея вліяніе извѣстнаго тогда дѣятеля противъ раскола, архимандрита Питирима. Святѣйшій Синодъ слѣдовалъ по пути, указанному ему примѣромъ Ниже-

[1]) Собр. т. II, № 582.

[2]) Собр. т. IV, № 1323, стр. 158.

городскаго дѣятеля, распространяя частную мѣру на другія мѣстности и оправдывая ее упорствомъ и фанатизмомъ послѣдователей раскола.

Для воспрещенія раскольническимъ учителямъ совершать таинства, требы и распространять свое лжеученіе между православными и раскольниками, — въ 1722 году Святѣйшій Синодъ указомъ требовалъ, «чтобы такихъ самозванныхъ и непосвященныхъ лицъ ссылать и допрашивать, какого былъ кто чина, и если попъ, кѣмъ посвященъ, и имѣеть-ли грамоту, гдѣ и по указу-ли служитъ, не находится-ли подъ запрещеніемъ; если непосвященный, давно-ли въ расколѣ, кѣмъ совращенъ, и зачѣмъ такъ преступно дѣйствуетъ; и по тѣмъ допросамъ, учиня обстоятельное о нихъ слѣдованіе, такихъ поповъ, по обнаженіи священства, отсылать для наказанія и ради ссылки на галеры къ свѣтскимъ управителямъ, а движимое ихъ и недвижимое имущество отписывать на Его Императорское Величество и содержать подъ синодскимъ вѣдѣніемъ [1]). Судить раскольническихъ учителей предоставлено было судьѣ Приказа церковныхъ дѣлъ, полковнику Плещееву [2]). Нужно думать, что объемъ компетенціи Плещеева простирался и ограничивался предѣлами бывшей патріаршей (Московской) области; по другимъ епархіямъ были свои судьи для расправы надъ раскольническими учителями, хотя и съ болѣе ограниченными правами. Однако изъ документовъ видно, что Святѣйшій Синодъ въ Москву вызывалъ для суда и наказанія раскольническихъ учителей изъ такихъ отдаленныхъ мѣстъ, какъ г. Тобольскъ, отстоящій отъ С.-Петербурга на разстояніи 2800 верстъ. Сколько нужно было времени, хлопотъ и затратъ для отысканія и препровожденія на судъ двухъ раскольническихъ учителей, жившихъ въ 1722 году, въ Тобольской губерніи—лжемонаха Сергія и Ивана Смирнова, изъ которыхъ первый, отличаясь фанатизмомъ, былъ политически неблагонадеженъ (отказывался отъ присяги сыну Петра (отъ Екатерины Алексѣевны) Петру Петровичу и другихъ отклонялъ) [3]). Неизвѣстна дальнѣйшая судьба лжемонаха Сергія, этого смѣлаго, начитаннаго и вліятельнаго расколоучителя, писавшаго по дѣламъ раскола письмо къ полковнику А. Ив. Пароеньеву, состоявшему чиновникомъ въ Приказѣ церковныхъ дѣлъ. Въ письмѣ своемъ Сергій представляетъ свое положеніе настолько стѣсненнымъ (отъ православныхъ и раскольниковъ другихъ толковъ—перекрещенцевъ), что случаи самосожженія считаетъ какъ бы неизбѣжными: поистинѣ нельзя что бы намъ

[1]) Собр. т. II, № 719.

[2]) Собр. т. I, № 135.

[3]) Опис. т. III, № 360. Собр. т. II, № 813.

не горѣти [1]). Письмо заканчивается слѣдующимъ полу-вопросомъ: «вы (т. е. православные) насъ раскольниками называете; лучше писаніемъ разобрати, и правда вся явится».

Строгое наблюденіе и преслѣдованіе раскольниковъ — пропагандистовъ вытекало изъ духа и буквы тогдашнихъ узаконеній и изъ упорства и фанатизма приверженцевъ раскола; при сравненіи съ прежнимъ до-Петровскимъ законодательствомъ (1685 года) распоряженія Святѣйшаго Синода противъ пропаганды отличаются большею полнотою, опредѣленностію и меньшею (въ принципѣ) строгостію. Но нѣкоторыя синодальныя распоряженія по данному предмету не только не могли содѣйствовать уменьшенію пропаганды раскола, но и вели къ возникновенію доносовъ и кляузныхъ дѣлъ, усложнявшихъ дѣлопроизводство и часто скрывавшихъ истинное положеніе дѣлъ отъ опытныхъ лицъ по дѣламъ раскола. Сюда относится распоряженіе не говорить о расколѣ ни въ семьѣ, ни въ обществѣ; это распоряженіе неестественное, неисполнимое между лицами одного толка или согласія, живущими въ одномъ домѣ и общинѣ и искренно убѣжденными въ истинѣ своихъ вѣрованій, которыя они должны исповѣдывать и отстаивать. Запрещеніе всякихъ разговоровъ о расколѣ, хотя и неисполнимо на дѣлѣ, но терпимо при взаимномъ согласіи членовъ семьи и общины; но, при начавшемся разъединеніи, ссорахъ и враждѣ, являются поводы къ доносамъ, искаженіямъ и клеветѣ для мести и достиженія корыстныхъ цѣлей. Такихъ доносовъ, возникшихъ въ разсматриваемое нами время на означенной почвѣ, было много; доносы эти требовали провѣрки, разслѣдованія и рѣшенія; сами по себѣ ничтожные и мелочные, они тянулись очень долго, отвлекали отъ дѣлъ настоящихъ, оканчивались то ничѣмъ, то раскаяніемъ доносчика, то обвиненіемъ и наказаніемъ невиновныхъ лицъ; послѣднія не получали никакого вознагражденія и удовлетворенія и въ томъ случаѣ, когда невиновность ихъ была офиціально по суду признана.

Запрещеніе имѣть старопечатныя книги и сочиненія, противныя православной церкви.—Ослабленію раскола содѣйствовало распоряженіе Святѣйшаго Синода объ отобраніи и недержаніи раскольниками старопечатныхъ книгъ. Распоряженіе это, послѣдовавшее въ 1721 году, относилось настолько же къ раскольникамъ, насколько и къ православнымъ. При изслѣдованіи раскола въ Калугѣ оказалось, что тамошніе священники продолжали служить по старопечатнымъ книгамъ. Для искорененія раскольнической прелести опредѣлено изъ церквей старопечатныя книги отобрать и вмѣсто нихъ послать новоисправленныя. Вызванное частнымъ случаемъ, распоряженіе это

[1]) Опис. т. I, № 763, стр. 773.

имѣло общеобязательную силу [1]). По другому позднѣйшему опредѣленію Святѣйшаго Синода того же года, должны быть изъяты изъ употребленія старопечатныя книги, находившіяся въ частныхъ домахъ и книжныхъ лавкахъ [2]) въ обмѣнъ на вновь исправленныя съ обязательствомъ не держать и не продавать старыхъ. Распоряженіе это было въ связи съ общею мѣрою церковно-гражданской власти объ изъятіи изъ употребленія для искорененія раскола «продававшихся на Спасскомъ мосту въ Москвѣ листовъ, письменныхъ и печатныхъ разныхъ изображеній, службъ, каноновъ и молитвъ» [3]). Распоряженіе это относилось къ раскольникамъ и прилагалось къ нимъ съ большою строгостью. По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 28 февраля 1722 года, записные раскольники не должны были книгъ раскольническихъ, печатныхъ и письменныхъ у себя держать, и гдѣ вѣдаютъ книги потаенныхъ раскольниковъ, объявлять безъ всякой утайки [4]). Въ 1724 году, по случаю открытія у старца Сергія (въ Сибири, изъ терской пустыни) раскольническихъ книгъ и писемъ, противныхъ благочестію, богохульныхъ и плутовскихъ, церковно-гражданскою властію строго предписано было по всѣмъ мѣстамъ, «чтобъ, ежели у кого такія и тѣмъ подобныя раскольническія рукописныя книги есть, тѣ люди объявляли оныя въ городѣ духовнымъ управителямъ неукоснительно, безъ всякой боязни, и никто у себя такихъ о расколѣ сумнительныхъ и подозрительныхъ книгъ и тетрадей ни тайно, ни явно, ни подъ какимъ видомъ, держать не дерзали, подъ опасеніемъ жестокой казни». Отобранныя книги должны были пересылаться въ Святѣйшій Синодъ [5]). Въ книгахъ, давшихъ поводъ къ такому строгому опредѣленію, заключались «многія плутовскія бредни, непотребныя слова, касавшіяся до чести Его Императорскаго Величества». Можно думать, что содержаніе означенныхъ книгъ касалось вопроса объ антихристѣ, котораго раскольники олицетворяли въ Петрѣ I. Въ то время такое мнѣніе о Петрѣ получило широкое распространеніе; было оно и въ Сибири [6]) наполненной бѣглецами и катсржниками со всей Россіи.

Съ вопросомъ о книгахъ полемическихъ—раскольническихъ и старопечатныхъ богослужебныхъ, подлежавшихъ изъятію изъ употребленія и преслѣдованію, тѣсно связывался вопросъ и о другихъ богослужебныхъ принадлежностяхъ, требоисправленіяхъ, обрядахъ и

[1]) Собр. т. I, № 52, 75 стр.

[2]) Собр. т. I, №№ 52 и 97, 125—126 стр.

[3]) Ibid № 97, 125 стр.

[4]) Собр. т. II, № 453, стр. 102, п. 9.

[5]) Собр. т. IV, № 1367.

[6]) Собр. т. I, №№ 52, 75.

дѣйствіяхъ, существовавшихъ и могшихъ совершаться подъ условіемъ и въ зависимости отъ наличности гонимыхъ книгъ. Сюда относятся: 1) требоисправленія, обнимающія весь кругъ церковнаго богослуженія, совершеніе таинствъ и другихъ обрядовъ; 2) молитвенные дома; 3) священныя изображенія и иконы; 4) употребленіе крестнаго знаменія.

Требоисправленія у раскольниковъ.—Изъ дѣлъ по расколу открылось, что раскольническіе попы, паче же непосвященные, отправляли всякія требы, именно: крестили младенцевъ, вѣнчали, погребали умершихъ, исповѣдывали и причащали. Случаевъ совершенія раскольническими попами требоисправленій было замѣчено весьма много; нѣкоторые нами уже указаны; для полноты и характеристики раскола описываемаго времени можно указать на православнаго попа Якова Семенова изъ Коломны, который въ Москвѣ, въ домахъ у людей разныхъ чиновъ, дѣйствовалъ раскольническимъ обыкновеніемъ по старопечатнымъ книгамъ. Дѣло о противозаконныхъ дѣйствіяхъ попа Семенова, возникшее въ 1720 году, разсматривалось въ Святѣйшемъ Синодѣ въ 1721 году и окончилось ссылкою попа въ Соловецкій монастырь, въ земляную тюрьму для покаянія, гдѣ ему и опредѣлено быть неисходно до кончины жизни. Къ наказанію отъ Синода присоединилось наказаніе Тайной Канцеляріи, приговорившей попа Семенова, по лишеніи сана, бить кнутомъ нещадно. Наказаніе не приведено въ исполненіе по случаю смерти осужденнаго [1]). Если православные священники позволяли себѣ дѣйствовать противозаконно въ Москвѣ, то тѣмъ болѣе они могли безчинствовать въ глухихъ мѣстахъ, а раскольническіе попы въ исполненіи требъ руководствовались, помимо корыстныхъ побужденій, сознаніемъ правоты своего дѣла при видѣ расположенности православныхъ священниковъ къ расколу. Дѣло попа Семенова и другихъ поповъ (напр. калужскихъ, служившихъ поголовно по старопечатнымъ книгамъ), офиціально православныхъ, побудило духовную власть издать опредѣленіе о лишеніи сана тѣхъ священниковъ, которые совершали требы у раскольниковъ; запрещено и раскольническимъ попамъ севершать требы подъ страхомъ лишенія имѣній и ссылкою на галеры тѣхъ, у кого они совершаютъ требы и кто не донесетъ о нихъ правительству [2]).

Но такъ какъ требы составляли религіозную существенную нужду, безъ удовлетворенія которой раскольники не могли обойтись, не обращаясь къ попамъ, какъ бы ни было сомнительно ихъ происхожденіе и достоинство, то церковная власть издала слѣдующія постановленія, съ одной стороны располагавшія священниковъ къ совер-

[1]) Опис. т. I, № 278.

[2]) Собр. т. II, № 453, п. б.

шенію требъ у раскольниковъ по православному обряду, а съ другой клонившіяся къ удержанію молодого поколѣнія въ нѣдрахъ православія.

Постановленія относительно крещенія дѣтей. Если раскольники пожелаютъ дѣтей своихъ крестить и вѣнчать у православныхъ поповъ, послѣднимъ разрѣшено крестить и вѣнчать по новоисправленнымъ требникамъ съ письменнымъ обязательствомъ и присягою отцовъ — раскольнической прелести не учить и не привлекать къ расколу; 7-лѣтнихъ представлять въ церковь для исповѣди и святаго причастія. Запрещалось раскольникамъ быть воспріемниками дѣтей у записныхъ раскольниковъ. Дѣти, рожденныя у записныхъ раскольниковъ или отъ супруговъ, одинъ изъ которыхъ православный, должны быть крещены и воспитаны въ православіи. Священники могутъ давать очистительную молитву младенцу, рожденному отъ раскольниковъ, но съ отобраніемъ подписки, что младенецъ будетъ крещенъ и воспитанъ въ православіи; а буде всего этого не исполнитъ, то подпадетъ жестокому наказанію.

Постановленія при совершеніи браковъ.— Сущность постановленій о бракахъ раскольниковъ состояла въ томъ, что раскольники могли вѣнчаться не иначе, какъ подъ условіемъ принятія ими православія. Въ указѣ Святѣйшаго Синода 1722 года сказано: «въ брачныхъ раскольниковъ съ православными сочетаніяхъ лице раскольничье, православному сопрягаемое, первѣе да пріиметъ церкви святѣй обѣщаніе съ присягою; обоихъ, расколъ держащихъ, лицъ не вѣнчать»; а если бы кто изъ священниковъ нарушилъ это постановленіе, тотъ подвергался наказанію, какъ наказанію подвергались и сами вѣнчавшіеся. Въ томъ же 1722 году, 16-го іюля, было постановлено о томъ же предметѣ слѣдующее: «раскольники, ежели похотятъ дѣтей своихъ вѣнчать отъ православныхъ іереевъ, и таковыхъ православнымъ іереямъ вѣнчать по чину церковному и по новоисправленнымъ требникамъ, какъ и прочихъ правовѣрныхъ, точію... брачущихся обязывать присягою и сказками, что имъ впредь расколу не держать, но быть въ содержаніи правовѣрія твердымъ и съ раскольниками никакого согласія не имѣть и разговоровъ о раскольническомъ ихъ мнѣніи не употреблять и раскольническихъ учителей при себѣ не держать, и нигдѣ съ ними не общаться, подъ жестокимъ штрафомъ» [1]).

Означенные два указа направлены были противъ безпоповцевъ, обращавшихся къ православной церкви, при всемъ нерасположеніи къ ней, тогда, когда вынуждаемы были обстоятельствами освящать молитвами ея свое брачное сожитіе. Изъ тѣхъ же указовъ вытекали

[1]) И. Ѳ. Нильскій. «Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ», часть I, стр. 150—51.

частныя требованія: въ случаѣ, когда супруги раскольники «безъ церковнаго вѣнчанія жить съ собою станутъ, допросить, кто вѣнчалъ, или безъ всякаго вѣнчанія живутъ, и того вѣнчавшаго сыскать къ наказанію, да и вѣнчавшіеся, яко своего обѣщанія, которое при записаніи своемъ въ явный расколъ съ росписки учинили, преступили, наказанію подлежатъ. Если сами собою сожитіе свое учинили, то ихъ, какъ законопреступниковъ явныхъ, привлекать къ суду архіерейскому; за утайку того, кто вѣнчалъ, а равно какъ и за самовольное сожитіе, подлежатъ розыску. Если нѣкоторые изъ записныхъ раскольниковъ воспрещаютъ дѣтямъ вступать въ бракъ, считая его горѣе блуда, и лишая дѣтей вѣна (приданаго и наслѣдства) и всего стяжанія своего за вступленіе ихъ въ бракъ, то на таковыхъ раскольщикахъ править вѣно вдвое» [1]).

Изложенныя постановленія относительно совершенія требоисправленій у раскольниковъ вообще и въ частности при совершеніи таинствъ святаго крещенія и брака, постановленія, вполнѣ согласныя съ церковно-каноническими правилами, не имѣли, къ сожалѣнію, надежныхъ исполнителей въ лицѣ приходскихъ священниковъ, какъ городскихъ, такъ особенно сельскихъ. Приходское духовенство въ то время стояло очень не высоко въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Будучи малопросвѣщеннымъ, бѣднымъ и зависимымъ отъ своихъ прихожанъ въ самомъ поставленіи на мѣста и особенно въ средствахъ содержанія, духовенство склонно было болѣе ладить съ раскольниками на негласныхъ условіяхъ, чѣмъ приспособляться къ новымъ требованіямъ власти церковной и гражданской. Относясь равнодушно къ преобразовательной дѣятельности Петра и не видя отъ нея для себя никакой пользы, кромѣ частыхъ требованій и угрозъ за неисполненіе ихъ, оно находило осязательную пользу въ совершеніи требоисправленій согласно желанію раскольниковъ, т. е. въ поблажкѣ и укрывательствѣ незаконныхъ ихъ дѣйствій при совершеніи таинствъ, за что можно было и получать вознагражденіе отъ старообрядцевъ, какъ людей зажиточныхъ,—старообрядцевъ, съ которыми не только мирно жили чиновныя лица, но и даже имъ покровительствовали въ возникавшихъ дѣлахъ. Достаточно вспомнить случай, когда священники одновременно, какъ бы сговорясь, при записи въ исповѣдныя книги раскольниковъ отмѣчали какъ православныхъ, а неисповѣдывавшихся бывшими у исповѣди и святаго причастія; одни это дѣлали по сочувствію къ расколу, другіе—большинство по корыстнымъ расчетамъ, третьи по небрежности; таже неисправность замѣтна и при отправленіи другихъ требъ. О неисправности приход-

[1]) Собр. т. II, № 451.

скаго духовенства не безъизвѣстно было церковной власти, которая для выполненія своего долга, повторяла указы и угрозы виновникамъ, усиливала требованія и увеличивала наказанія, а иногда посылала, во многія мѣста особыхъ лицъ изъ бѣлаго и чернаго духовенства для провѣрки образа дѣйствій приходскихъ священниковъ по дѣламъ раскола. Отчеты этихъ ревизоровъ (арх. Антонія, священника Михайлова) представляли дѣло въ неблагопріятномъ свѣтѣ, т. е. приписывали возрастаніе раскола (напримѣръ, въ г. Калугѣ и уѣздахъ калужской губерніи) нерадѣнію духовенства; но замѣчательно то, что сами ревизоры оказывались прикосновенными и виновными во взяточничествѣ и произвольныхъ дѣйствіяхъ.

Распоряженія относительно раскольническихъ часовень, иконъ и мнимой раскольнической святыни.—Въ видахъ ослабленія пропаганды раскола, въ 1722 г. состоялось опредѣленіе Святѣйшаго Синода о недозволеніи раскольникамъ строить новыя часовни и повелѣніи разорять существовавшія. Распоряженіе это, вызвавшее большое смущеніе въ народѣ, касалось не только раскольниковъ, но и православныхъ. По отношенію къ православнымъ распоряженіе это клонилось къ ослабленію и искорененію распространеннаго и вреднаго обычая между русскими «строить близъ церквей, и на торжищахъ и на перекресткахъ, и въ селахъ и въ другихъ мѣстахъ часовень». По словамъ синодальнаго опредѣленія, этимъ часовнямъ «быть отнюдь не надлежитъ, поелику во градѣхъ и селѣхъ обрѣтается и кромѣ часовень довольно церквей, для славословія Божія имени правильно созданныхъ и посвященныхъ, въ которыхъ и безъ оныхъ часовень не точію возможно, но паче и должно общее правовѣрнымъ христіанамъ къ божественной благости возсылать моленіе; а часовни всегда правильнымъ церквамъ препятіе бываетъ, ибо нѣкоторые невѣжды и суевѣрцы не такъ имѣютъ прилежаніе къ церквамъ святымъ, какъ къ часовнямъ» [1]). Еще больше распоряженіе о часовняхъ относилось къ раскольникамъ, которые, по «своему невѣжескому упрямству и умовредной прелести, отчуждающеся святыхъ церквей, могутъ приходить въ тѣ часовни, какъ въ нѣкоторыя свои мольбища, и отправляемую тамо, по своему суемнѣнію, мольбу почитать за церковную, чему быть весьма запрещается». Опредѣлено: «часовень не строить нигдѣ; а которыя донынѣ построены,—деревянныя разобрать, а каменныя—употребить на иныя потребы тѣмъ, кто оныя построили.» Срокъ данъ на недѣлю, «а если кто въ то время не разберетъ, то будутъ разобраны и матеріалы ихъ будутъ проданы отъ Синода» [2]).

[1]) Собр. т. II, № 509.

[2]) Ibid.

По тому же опредѣленію, отчасти и по другимъ, раннѣйшимъ и позднѣйшимъ, требовалось принадлежности часовеннаго богослуженія, какъ то: раскольническія иконы, сосуды и мнимыя таинства, яко непотребныя, отбирать и ниспровергать въ воду или во огнь, а сосуды сбирать въ приказъ церковныхъ дѣлъ. Подъ таинствами здѣсь нужно разумѣть тѣ просфоры, «крошеныя въ сухари, или сухарики румяно засушенные», которые раскольники считали за прежнюю старинную евхаристію[1]).

Мѣра эта была одною изъ неудачныхъ и неосмотрительныхъ; возникновеніе ея нужно приписать отчасти поѣздкѣ царя и пребыванію заграницей, гдѣ часовенъ не было, отчасти вліянію и совѣтамъ иновѣрцевъ, окружавшихъ Петра и недружелюбно относившихся къ внѣшней обрядовой сторонѣ русскаго благочестія. Нужно было не знать характера русскихъ людей, или смѣяться надъ ихъ религіозными привязанностями, чтобы издать подобный неслыханный указъ объ уничтоженіи часовень; не принято при этомъ во вниманіе ни того, что многія часовни замѣняли собою церкви вслѣдствіе ограниченности ихъ, ни того, что съ уничтоженіемъ ихъ народъ лишался святыни, гдѣ собирался для молитвъ и слышанія слова Божія. Этою мѣрою церковная власть не только вооружала противъ себя послѣдователей старообрядства, но и православныхъ, не говоря уже о томъ, что чрезъ означенную мѣру еще болѣе утрачивалось довѣріе къ церковной власти, къ чистотѣ ея побужденій; подозрительность раскольниковъ усиливалась и оправдывалась.

Мысль объ уничтоженіи часовень многіе приписывали вице-президенту Святѣйшаго Синода, архіепископу Ѳеодосію Яновскому. Эту догадку открыто высказалъ московскій подъячій Корнышевъ, пренебрежительно и ругательно отзываясь о личности Ѳеодосія. Въ возникшемъ по этому поводу дѣлѣ Святѣйшій Синодъ не только призналъ невѣрною догадку Корнышева, но, приписавъ себѣ постановленіе объ упраздненіи часовенъ, видѣлъ въ дѣйствіи Корнышева оскорбленіе всего высшаго духовнаго учрежденія. За свою продерзость Корнышевъ подвергся жестокому наказанію (битъ плетьми нещадно) въ томъ мѣстѣ, «гдѣ онъ произнесъ непотребныя слова на синодальное опредѣленіе объ испраздненіи часовенъ, священнымъ писаніемъ утвержденное, съ пространнымъ важныхъ резоновъ изъясненіемъ». Достойно замѣчанія, что свое опредѣленіе о часовняхъ, искусно повидимому составленное, Святѣйшему Синоду пришлось скоро (въ 1727 г.) ограничивать и вовсе отмѣнять [2]) по просьбамъ частныхъ и офиціальныхъ лицъ и учрежденій (монастырей).

[1]) Собр. т. I, № 52 (стр. 74—5) и 141.

[2]) Собр. т. V, № 1959.

Духовная власть обратила вниманіе и на то, чтобы церковные живописцы и иконописцы слѣдовали взглядамъ и предписаніямъ церкви. По донесенію архимандрита Антонія, «какъ записные, такъ и потаенные раскольщики большое упрямство и твердую вѣру емлютъ, смотря на противное начертаніе перстовъ на святыхъ иконахъ, которыя за волю ихъ исполняютъ ради скверныхъ своихъ прибытковъ иконники»... Для искорененія ихъ прелести публиковано было въ Москвѣ и Калугѣ указами, «чтобы которые иконники оное художество имѣютъ впредь съ такимъ противнымъ начертаніемъ перстовъ святыхъ иконъ не писали бъ и тѣмъ простой народъ не прельщали, и у кого въ домѣхъ есть святые иконы противнаго начертанія, оныя бъ всемѣрно переправляли». Медленность и упорство раскольниковъ и живописцевъ въ исполненіи указа о писаніи иконъ съ триперстнымъ, а не двуперстнымъ перстосложеніемъ, побудили церковную власть къ изданію вторичнаго, но болѣе уже строгаго распоряженія по тому же самому дѣлу. Въ новомъ указѣ говорится: «противниковъ иконописцевъ, которые такъ дерзаютъ иконы писать, сыскивать и истязывать, дабы и впредь другіе того не чинили» [1]). Такимъ образомъ сущность дѣла состояла въ запрещеніи двуперстнаго изображенія крестнаго знаменія на иконахъ въ церквахъ и домахъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что состоявшееся въ 1722 г. запрещеніе писать иконы въ раскольническомъ духѣ находилось въ связи съ общею потребностію того времени въ исправленіи и улучшеніи русской церковной живописи по древне-греческимъ и лучшимъ образцамъ, отступленіе отъ которыхъ, при произволѣ и грубыхъ представленіяхъ христіанскихъ догматовъ русскими иконописцами, сопровождалось полнымъ упадкомъ художественности и одухотворенности въ иконописаніи. Вопросъ объ исправленіи церковнаго иконописанія, какъ и объ исправленіи (совершившемся) церковныхъ книгъ, разсматривался на соборѣ 1666—1667 г. Тогда было постановлено наблюдать (чрезъ особо приставленныхъ лицъ духовнаго чина), «да не поругаются невѣжды святымъ иконамъ...., худымъ письмомъ пищуще, и да престанетъ всякое суемудріе неправедное, иже обыкоша всякъ собою писати безъ свидѣтельства,—еще же и ложное сложеніе перстовъ» [2]). Постановленіе собора 1666—67 гг. объ иконахъ приводится въ указѣ Святѣйшаго Синода 1722 г. о неписаніи иконъ въ духѣ раскольниковъ и вообще невѣжества съ цѣлію придать синодальному опредѣленію большій авторитетъ и побудить иконописцевъ къ исполненію давняго постановленія церковной власти.

[1]) Собр. т. I, № 52.

[2]) Дѣянія московскаго собора 1666—67 г., л. 43. Собр. т. II, № 534.

Къ вопросу *о крестномъ знаменіи*, кромѣ сказаннаго о немъ, какъ признакѣ принадлежности или непринадлежности къ расколу, можно прибавить еще слѣдующее. По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 28 февраля 1722 г., согласно «Духовному Регламенту», «двуперстное изображеніе креста всякихъ чиновъ людямъ изображать запретить, а кто послушанія не похощетъ, таковыхъ писать по указу въ расколъ и чинить объ нихъ, какъ и о прочихъ раскольникахъ опредѣлено, безъ всякаго имъ за ту противность послабленія» [1]), хотя бы двуперстники и повиновались святой церкви и всѣ таинства церковныя принимали [2]), «но крестъ изображаютъ нетриперстнымъ сложеніемъ,— тѣхъ, кои съ противнымъ мудрованіемъ и которые хотя и по невѣжеству, но отъ упорства то творятъ, обоихъ писать въ расколъ, не взирая ни на что» [3]).

Употребленіе двуперстія давало поводъ и основаніе для привлеченія къ суду, въ которомъ должно было рѣшаться дѣло о томъ, былъ ли двуперстникъ записанъ въ расколъ или нѣтъ [4]).

Употребленіе двуперстія, вмѣсто триперстія, вызывало много недоумѣній, за разъясненіемъ которыхъ обращались съ слѣдующимъ вопросомъ: многіе изъ простыхъ и грубыхъ обращаются къ святой церкви и всѣ таинства принимаютъ, только по разумію (неразумію) своему и изъ боязни измѣнить обычаю тремя первыми перстами не крестятся, а мудрованія въ противномъ сложеніи перстовъ никакого не показуютъ, а другіе всѣ также таинства церковныя пріемлютъ, а противное (т. е. двуперстное) сложеніе перстовъ мнятъ быти за нѣкій главный свой мнимый догматъ; если тѣхъ и другихъ за одну приверженность къ двуперстію отлучать отъ церкви какъ раскольниковъ, то придется отлучать ихъ чрезъ это отъ Богомъ преданныхъ спасительныхъ пресвятыхъ седьми церковныхъ таинствъ? Въ постановкѣ вопроса замѣтно желаніе рѣшенія его въ положительномъ, благопріятномъ для раскольниковъ смыслѣ. Однако отвѣтъ былъ отрицательный: «которые хотя святой церкви и повинуются и всѣ церковныя таинства пріемлютъ, но крестъ на себѣ изображаютъ двумя перстами, а не тремя, тѣхъ, кои съ противнымъ мудрованіемъ и кои по невѣжеству, но отъ упорства то творятъ, обоихъ писать въ расколъ, не взирая ни на что».

Такой же точно данъ былъ отвѣтъ на однородный вопросъ тобольскаго митрополита Антонія въ 1724 году. Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ: «которые епархіи его (т. е. митрополита Антонія) хри-

[1]) Собр. т. II, № 453.

[2]) Ibid. № 454.

[3]) Собр. т. II, № 453, стр. 102.

[4]) Опис. т. II, 1, № 593.

стіане троеперстнаго къ крестовоображенію сложенія не пріемлютъ, а двойного оклада платить не хотятъ, хотя они церкви святой и придерживаются, знатно подъ видомъ, понеже въ перстосложеніи противятся, такихъ по содержанію Его Императорскаго Величества указа и синодальнаго 1722 г. писать въ расколъ, не взирая ни на что».

Отвѣтъ Святѣйшаго Синода, отвергающій раскольниковъ отъ единенія съ церковію изъ за одного двуперстнаго сложенія, повидимому противорѣчитъ взгляду церкви на спорныя обрядовыя разности между православіемъ и расколомъ, выраженному на соборѣ 1666—67 г. и состоявшему въ томъ, что тогдашняя власть осуждала, отлучала и проклинала упорныхъ противниковъ и хулителей церкви, а не самыя обрядовыя разности и старопечатныя дониконовскія книги, изъ за которыхъ отдѣлились раскольники; по смыслу соборныхъ постановленій и по взглядамъ нѣкоторыхъ церковныхъ писателей-полемистовъ XVII—XVIII столѣтій, приверженность раскольниковъ къ двуперстію и другимъ обрядовымъ особенностямъ, при благосклонности и послушаніи церкви во всемъ остальномъ, не препятствовала принадлежности старообрядцевъ къ православному обществу. Противорѣчіе не кажущееся, а дѣйствительное, между строгимъ отвѣтомъ Святѣйшаго Синода и рѣшеніемъ собора 1666—67 г. усматривали нѣкоторые изслѣдователи раскола и публицисты въ 1870—75 гг., во время обсужденія вопросовъ о нуждахъ единовѣрія.

Главный предметъ оживленныхъ тогда споровъ о нуждахъ единовѣрія состоялъ въ рѣшеніи того, не допустила-ли церковная власть противорѣчія при установленіи единовѣрія въ 1800 г. при митрополитѣ Платонѣ? Вопросъ рѣшается неодинаково: одни находили противорѣчіе, другіе—нѣтъ. Противоположность рѣшенія зависѣла отъ взглядовъ изслѣдователей раскола на клятвы московскаго собора 1666—67 гг.: тѣ, кто признавалъ положенныя клятвы относившимися къ *противникамъ церковной власти*, а не *къ обрядовымъ разностямъ*, не видѣли никакого противорѣчія между соборными опредѣленіями и дозволеніемъ церкви употреблять единовѣрцамъ въ богослуженіи старые обряды и книги дониконовскаго изданія, а тѣ, кто относилъ клятвы собора *къ обрядовымъ разностямъ*, усматривали прямое противорѣчіе, состоящее въ одобреніи и допущеніи того, что прежде осуждено и отвергнуто.

Для устраненія мнимаго противорѣчія въ означенномъ отвѣтѣ Святѣйшаго Синода по вопросу о приверженности раскольниковъ къ двуперстному сложенію, нужно обратить вниманіе на слѣдующее. Съ канонической точки зрѣнія и въ цѣляхъ привлеченія раскольниковъ въ православіе не слѣдовало бы писать въ расколъ тѣхъ, кто во всемъ былъ покоренъ православной церкви, держась одного двупер-

стія. Но церковная власть поступала иначе: во 1) потому, что приверженность къ двуперстію признана была существеннымъ признакомъ принадлежности къ расколу,—признакомъ, котораго не могли раскольники скрывать при всей ихъ изворотливости и хитрости; во 2) приверженность къ двуперстію возбуждала всегда подозрѣніе къ тому, кто во всемъ остальномъ показывалъ себя православнымъ [1]); въ 3) церковной власти желательно было ослабить въ раскольникахъ упорство, бывшее источникомъ другихъ дурныхъ сторонъ. Не смотря однако на это, церковная власть можетъ быть отнеслась бы и снисходительнѣе къ приверженцамъ двуперстія, если бы въ своихъ распоряженіяхъ не была стѣснена ограниченіемъ и вмѣшательствомъ царской власти, старавшейся проводить свои мѣры противъ раскола настойчиво и рѣшительно. Въ вопросѣ, подобномъ настоящему, какъ и въ другихъ, церковь поставлена была въ двусмысленное положеніе: съ одной стороны, утвердительнымъ рѣшеніемъ вопроса Антоніевъ (т. е. златоустовскаго и тобольскаго) она пріобрѣтала бы новыхъ отторгшихся своихъ членовъ, а съ другой, дарованіемъ имъ свободы въ употребленіи двуперстнаго крестнаго знаменія дана была бы многимъ возможность къ злоупотребленію крестнымъ знаменіемъ (двуперстнымъ), подъ которымъ могли бы скрываться и скрывались лица враждебныя церкви, въ цѣляхъ избѣжанія платежа двойнаго оклада и другихъ соединенныхъ съ принадлежностію къ расколу лишеній.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что правильный взглядъ церковной власти на двуперстіе, изложенный въ извѣстныхъ «Увѣщательныхъ пунктахъ», въ дѣйствительности затемнялся и даже искажался; этому содѣйствовали и рѣзкіе отзывы полемистовъ о двуперстіи, и нѣкоторыя распоряженія церковно-гражданской власти, какъ напримѣръ, запрещеніе иконописцамъ писать для раскольниковъ иконы съ изображеніемъ двуперстія, состоявшееся въ 1721 году [1]); нужно сказать, что и опредѣленіе собора 1667 года о двуперстіи также не отличается ясностію и раздѣльностію, которыя устраняли-бы всякое превратное толкованіе. Къ превратному пониманію истинныхъ взглядовъ церкви на двуперстное знаменіе особенно данъ поводъ въ 1720 году, когда, по указу Петра I, присоединяемый изъ раскольниковъ долженъ былъ, между прочимъ, произносить слѣдующія условія: «проклинаю вся ереси и отступства, и злохуленія, и расколы, а именно: сложеніе тріехъ первыхъ перстовъ въ знаменіи крестномъ ересію и печатію антихристовою нарицающихъ и не знаменующихся тремя первыми персты, но двѣма указательнымъ и среднимъ, трикратное глаголаніе аллилуіа и имя Іисусово, пишемое сице: Іисусъ, ересію и крестъ

[1]) Собр. т. II, № 453, 101 стр.

[2]) Собр. т. I, 52, 75—76 стр.

четвероконечный идоломъ, кумиромъ, мерзостію запустѣнія, стоящею на мѣстѣ святѣ; молитву сію: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, новою молитвою еретическою нарицающихъ и глаголющихъ по псалмѣхъ аллилуіа по дважды, а не по трижды, и не глаголющихъ сея молитвы: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ» и проч. [1]).

Хотя по смыслу приведенной присяги и объясненію знатоковъ раскола здѣсь нѣтъ проклятія ни двуперстія, ни другихъ обрядовыхъ разностей, однако людямъ не только простымъ, но и книжнымъ не легко было тогда выдѣлить и отличить конкретныя понятія отъ отвлеченныхъ, т. е. если требовалось проклинать крестившихся двуперстно, то и самое двуперстіе унижалось, пріурочивалось къ отверженію и проклятію [2]). Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить, между прочимъ, донесеніе архимандрита Антонія о тѣхъ раскольникахъ, которые, соглашаясь «принять присягу по указу и сподобиться святаго причащенія, двуперстнаго сложенія *не проклинаютъ*» [3]); это писалъ архимандритъ Антоній, книжный и высокопоставленный дѣятель по дѣламъ раскола; если онъ ожидалъ, а можетъ быть и требовалъ *проклятія* двуперстнаго знаменія, то могли-ли думать объ этомъ предметѣ *иначе другіе*, ему подобные и иные, имъ же имя легіонъ? Замѣчательно, что Святѣйшій Синодъ, въ отвѣтѣ на донесеніе Антонія, о приверженцахъ двуперстія выражается, что «они прежняго своего сложенія перстнаго *не премѣняютъ*» (выраженіе точное и вѣрное), но не указываетъ на излишнюю, незаконную и неразумную ревность Антонія, и не поправляетъ неточности выраженія («проклинаютъ»). Вопросъ о томъ, считать-ли державшихся одного двуперстія, а во всемъ остальномъ повинующихся церкви—раскольниками, смущалъ нѣкоторыхъ еще въ 1719 году и побуждалъ обращаться къ церковной власти за разъясненіемъ [4]).

Отсюда и замѣтна была какая-то двойственность и нерѣшительность во взглядахъ частныхъ лицъ на употребленіе двуперстія; за приверженность къ двуперстію лишали таинства святаго причащенія [5]). Достойно замѣчанія то, что строгость отношенія къ употребленію двуперстнаго сложенія нѣкоторые раскольники приписывали не гражданскому правительству, а церковной власти; нѣкоторые изъ болѣе смѣлыхъ раскольниковъ указывали на противорѣчіе въ пре-

[1]) Нильскій И. Ѳ. Рѣчь по поводу разсужденій о нуждахъ единовѣрцевъ. 97 стр.

[2]) Опис. т. I, № 387, 447.

[3]) Собр. т. 1, № 148, 201 стр.

[4]) Христ. Чт. 1874 г. 4 ч., 39 стр.

[5]) Опис. т. IV, № 142, 177 стр.

слѣдованіи за двуперстіе съ предоставленнымъ правомъ свободно содержать вѣру по старопечатнымъ книгамъ; не зная хорошо дѣла, раскольники винили въ этомъ церковную власть [1]); въ употребленіи же двуперстія не видѣли никакой противности церкви и государству. Такъ, когда раскольника Е. Кадмина увѣщевали покаяться въ своихъ винахъ (въ пропагандѣ раскола и употребленіи двуперстнаго сложенія,) то онъ отвѣчалъ, «что де онъ противности не имѣетъ, а утверждается на старопечатныхъ книгахъ; а о сложеніи перстовъ ко изображенію креста показалъ противность въ томъ: правою рукою сложеніе по старопечатнымъ книгамъ, а лѣвою по новоисправнымъ. И о томъ спрашиванъ же, для чего онъ такъ противно церкви и новоисправнымъ книгамъ чинитъ, на что онъ сказалъ: правою рукою такое сложеніе перстовъ имѣетъ для того, что де старое, а лѣвою для того, что новое» [2]).

Отношеніе къ обращавшимся изъ раскола въ православіе.—Преслѣдуя раскольниковъ, Святѣйшій Синодъ строго и внимательно наблюдалъ за тѣми изъ нихъ, кто оставлялъ свое заблужденіе и упорство и переходилъ къ православной церкви. Обращавшійся изъ раскола принимался въ члены церкви при соблюденіи извѣстныхъ положенныхъ условій и подвергался надзору и испытанію. Приходящаго отъ раскола къ православію принимали по третьему чину, т. е. чрезъ исповѣдь и присягу, состоявшую въ проклятіи и отреченіи отъ раскола и всѣхъ толковъ его. Это было общее правило каноническое, церковное. Но въ приложеніи къ частнымъ случаямъ и отдѣльнымъ лицамъ требовались дополнительныя разъясненія и указанія, которыя и издавались Святѣйшимъ Синодомъ то по собственной инціативѣ, то по просьбѣ офиціальныхъ лицъ, имѣвшихъ дѣло съ раскольниками разнаго званія и положенія.

Въ 1722 году, отъ 9 февраля, златоустовскій архимандритъ Антоній испрашивалъ у Святѣйшаго Синода разрѣшенія на слѣдующіе вопросы: 1) нѣкоторые изъ раскольниковъ, обратившіеся къ церковному соединенію правильно чрезъ присягу, хотя пребываютъ въ православіи твердо и во всемъ покоряются, однако смущаются совѣстію и страшатся того, что крещены не отъ православныхъ, а отъ раскольническихъ поповъ; 2) нѣкоторые изъ обратившихся крещены отъ простыхъ мужиковъ или бабъ (безъ всякаго молитвословія); а другіе не знаютъ, въ какомъ раскольническомъ толкѣ находились; не знаютъ и того, кѣмъ крещены были—попами-ли, или простолюдинами. Какъ поступить? Отвѣтъ: «отъ поповъ крещенаго не крестить,

[1]) Собр. т. II, № 724.

[2]) Петровскій. О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, стр. 321.

а крещеныхъ отъ простого мужика крестить, за неизвѣстіе крещенія перваго» [1]).

Вопросъ: «если монахъ или монахиня, постриженные по раскольнически, обратятся въ православіе, то считать-ли ихъ находящимися въ монашескомъ чинѣ, или для признанія ихъ таковыми требуется еще что-либо»?—Отвѣтъ: «если постриженные отъ раскольническихъ черныхъ поповъ желаютъ по обращеніи монашествовать,—вольно имъ; только въ монастыри принимать ихъ и причислять нужно не просто и скоро, а по надлежащему: монаховъ, по снятіи положенныхъ въ расколѣ черническихъ одеждъ, содержать въ послушаніи монастырскомъ три года, и, смотря по жизни и усердію ихъ, причислять ихъ къ монахамъ, согласно «Духовному Регламенту» [2]); молодыхъ женщинъ по сложеніи съ нихъ одеждъ, не принимать въ монахини до 50-лѣтняго возраста; послѣ чего причислять къ монашескому чину достойныхъ; вступить въ супружество имъ позволяется, если пожелаютъ, по причинѣ недѣйствительности даннаго въ расколѣ обѣщанія» [3]).

Нельзя не видѣть въ приведенныхъ распоряженіяхъ Святѣйшаго Синода благоразумной осторожности и предусмотрительности въ отношеніи къ обращавшимся изъ раскола. Случаи совращенія обратившихся къ прежнему заблужденію заставляли церковную власть относиться подозрительно къ обращенію раскольниковъ. Тотъ же архимандритъ Антоній спрашивалъ у Святѣйшаго Синода разъясненія по слѣдующему дѣлу: 1) какъ поступать съ тѣми изъ обратившихся, которые, проклявши свое зловѣріе, снова возвращаются въ расколъ, какъ песъ на свою блевотину, требуя записи въ число раскольниковъ? 2) когда записной раскольникъ совратитъ въ расколъ кого-либо изъ православныхъ»?—Отвѣтъ на первый вопросъ: «которые изъ раскольниковъ, по обращеніи къ церкви и по учиненіи присяги, паки въ расколъ будутъ возвращаться, таковыхъ отсылать къ гражданскому суду, прописавъ обязательство и сказку того, кто изъ раскола къ церкви обратился; архіерею же мѣста того настоять и буде судья гражданскій понаровитъ оному, писать въ Святѣйшій Синодъ; а если противникъ паки обратится, то по наказаніи гражданскомъ, паки принять къ церкви».—Отвѣтъ на второй вопросъ: «такой раскольщикъ, который аще развратитъ (совратитъ) и единаго отъ правовѣрныхъ, подлежитъ казни, одинаковой съ раскольническими учителями (т. е. тѣлесному наказанію и ссылкѣ), а если обратится, то принять съ поручною роспискою» [4]).

[1]) Собр. т. II, № 454.

[2]) Прибавлен. къ «Духов. Регламенту». Собр. т. II, № 596.

[3]) Собр. т. II, № 454.

[4]) Собр. т. IV, № 1323, стр. 157—8.

До сихъ поръ мы изложили главныя существенныя мѣры Святѣйшаго Синода по отношенію къ послѣдователямъ раскола,—мѣры, имѣвшія церковный характеръ. Всѣ эти мѣры направлялись къ ослабленію раскола, къ ограниченію путей, которыми расколъ могъ распространяться количественно и качественно. Но этими мѣрами церковная власть не могла ограничиться и удовлетвориться. На успѣхи отъ этихъ мѣръ церковь не могла положиться и разсчитывать. Церковь желала большаго и возможно скораго успѣха. Поэтому она прибѣгала къ содѣйствію государственной власти, побуждаемая къ тому трудностію дѣла и давнишнимъ традиціоннымъ обычаемъ; въ этомъ содѣйствіи церкви государственная власть не только не отказывала, но предлагала его и понуждала ее пользоваться всѣми средствами для борьбы съ расколомъ. Такимъ образомъ на мѣры, имѣвшія церковно-гражданскій характеръ, можно смотрѣть какъ на дополнительныя, завершавшія церковныя и гарантировавшія успѣхъ первыхъ. Мы постараемся изложить эти мѣры въ постепенномъ порядкѣ, переходя отъ угрозъ, лишеній, штрафовъ къ мѣрамъ наказанія и истязанія, т. е. отъ мѣръ менѣе строгихъ къ болѣе строгимъ.

Общеобязательныя церковно-гражданскія мѣры противъ раскола.

Указомъ 1716 г. раскольники обложены были двойнымъ окладомъ денегъ, если не обратятся отъ своего раскола къ православной церкви. Исключеніе составляли выговскіе раскольники, которымъ предоставлены были привилегіи указомъ 1714 г., на который они ссылались Неофиту[1]). Денежному обложенію раскольники подверглись «для всегдашняго памятствованія имъ ко обращенію, дабы тѣмъ окладомъ, яко словомъ ученія, ко обращенію побуждалися повсегодно. А хотя раскольщики въ тотъ двойной окладъ и записаны, но не для того, чтобы раскольническую прелесть разсѣвали и другихъ учили, но чтобы отъ упрямства къ святой церкви обращалися сами же, и въ одномъ домѣ живущихъ не учили бы, и дѣтей ихъ крестили бы въ церкви православной; а кто обратится изъ того раскола ко святой церкви, съ тѣхъ оный положенный окладъ снимати, понеже государи (оклады положили), не требуя съ нихъ въ сумму денегъ, но спасенія ихъ и къ церкви примиренія желая» [2]).

[1]) Опис. т. I, № 403, стр. 482.

[2]) Братск. Слово 1889 г., 1 ч., стр. 6—7.

Происхожденіе указа о сборѣ двойнаго оклада съ раскольниковъ нужно приписывать вліянію и совѣту Нижегородскаго епископа (тогда, въ 1716 году, архимандрита) Питирима. Предположеніе это подтверждается тѣмъ, что Питиримъ первый началъ приводить въ исполненіе означенную мѣру, необычную и трудно выполнимую; къ Питириму же прежде всѣхъ посланъ былъ синодальный указъ отъ 29 марта 1721 г., извѣщавшій епископа о томъ, чтобы сборъ съ раскольниковъ двойнаго оклада вѣдался и производился, для успѣха дѣла, въ церковномъ вѣдомствѣ, а не въ гражданскомъ, какъ нѣкоторые хотѣли на основаніи прежней практики [1]). Означенная мѣра сообразовалась съ хозяйственно-практическимъ характеромъ Питирима, состоявшимъ въ неразборчивости средствъ для достиженія цѣлей миссіонерскихъ и административныхъ.

Указъ 1716 года до трехъ разъ публиковался въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и уѣздахъ, дабы никто не отговаривался невѣдѣніемъ. Въ указѣ 1721 года говорилось: «буде которые раскольщики желаютъ отъ раскола обратиться въ соединеніе ко святой Восточной церкви, и тѣ бъ явили себя доношеніями въ приказъ церковныхъ дѣлъ и будутъ приняты въ соединеніе церкви безъ всякаго истязанія, а буде оные раскольники не обратятся, а похотятъ быть во своей раскольнической прелести, и такіе бъ приходили и записывались въ платежъ двойнаго оклада, объявляя о себѣ и о домашнихъ своихъ доношеніями въ «Приказѣ» безъ всякаго сомнѣнія и страха, кончая до 1-го числа генваря сего 1721 года, неотмѣнно, подъ смертною казнію и подъ страхомъ отнятія имѣнія ихъ [2]). Которые послѣ указнаго срока къ запискѣ являются въ расколъ, таковыхъ записывать особо. Съ раскольниковъ, которые самоохотно запишутся въ расколъ, штрафы брать со времени записи; а которые будутъ по доношеніямъ какимъ сысканы и пожелаютъ быть въ расколѣ, съ тѣхъ штрафы брать съ того году, какъ о томъ Царскаго Величества указомъ въ народъ публиковано, т. е. съ 1716 г.» [3]).

Указъ 1716 года и неоднократное повтореніе его, соединенное съ большими угрозами матеріальныхъ лишеній, долженъ былъ произвести чрезвычайное дѣйствіе на раскольниковъ, открытыхъ и тайныхъ. Наложеніе двойного платежа за принадлежность къ той совокупности внѣшне-обрядовыхъ особенностей, которую правительственная власть называла расколомъ, а раскольники—древнимъ благочестіемъ, было дѣломъ страннымъ, неслыханнымъ и въ то же время рѣшительнымъ,

[1]) Собр. т. I, № 52.

[2]) Ibid., стр. 71.

[3]) Собр. т. I, № 52.

обязательнымъ. Таиться и уклоняться отъ исполненія требованій правительства было трудно и опасно; не легко было и открыто причислять себя къ числу особаго рода гражданъ, какихъ-то опальныхъ, безправныхъ, долженствовавшихъ отличаться отъ всѣхъ особымъ ненавистнымъ покроемъ одежды. Самымъ нагляднымъ, видимымъ послѣдствіемъ указа 1716 года было бѣгство раскольниковъ въ разныя стороны, въ мѣста, гдѣ можно было укрыться; кто могъ, тотъ бѣжалъ; кто не могъ бѣжать, тотъ долженъ былъ записываться по необходимости въ расколъ, если нельзя было укрыться и жить въ качествѣ тайныхъ раскольниковъ. Правительство знало это. Отсюда вытекала усиленная дѣятельность церковно-гражданской власти противъ раскола посредствомъ различныхъ мѣропріятій, особыхъ учрежденій и множества оффиціальныхъ лицъ.

Изъ донесеній сыщиковъ и епархіальныхъ архіереевъ Святѣйшему Синоду извѣстно было, что число раскольниковъ — весьма велико. Но число это было неопредѣленно. Поэтому, не могло быть рѣчи о точности и исправности въ платежѣ положеннаго двойного сбора. По донесенію Коптѣлова отъ 25 августа 1721 года, «собою никто изъ раскольниковъ не является для записи подъ двойной окладъ» [1]). Изъ этого донесенія и донесенія Зиновьева и Рѣшилова видно, что двойной окладъ былъ большимъ бременемъ для раскольниковъ, изъ которыхъ большинство принадлежало къ простому бѣдному крестьянскому и рабочему населенію [2]). Тяжесть двойнаго оклада становится очевидною, если взять во вниманіе слѣдующія обстоятельства: не одни мужчины подлежали платежу двойнаго оклада, но и женщины, вся семья и дѣти, начиная съ 8-лѣтняго возраста; съ дѣвицъ и вдовъ брали половину [3]); при открытіи незаписныхъ раскольниковъ окладъ брался съ 1716 года; при сборѣ денегъ допускались притѣсненія и взятки, а послабленія, т. е. отсрочка недоимокъ почти не допускалась. Но двойной окладъ былъ не единственнымъ платежемъ; существовали и другіе сборы съ раскольниковъ.

По указу Святѣйшаго Синода 1722 года отъ 9 февраля, «съ обрѣтающихся въ приходахъ раскольщиковъ со всякаго раскольничьяго двора брать приходскимъ ихъ (православнымъ) священникамъ съ причетниками по гривнѣ отъ души въ годъ, а сверхъ того отъ рожденія гривна, отъ женитьбы гривна и отъ погребенія гривна. Брать эту пошлину съ раскольниковъ въ пользу духовенства разрѣшено Святѣйшимъ Синодомъ, по представленію архимандрита Антонія,

[1]) Опис. т. I, № 260.

[2]) Собр. т. IV, №№ 1323, 171.

[3]) Собр. т. II, № 425.

заявлявшаго, между прочимъ, о томъ, что у многихъ приходскихъ церквей какъ въ Москвѣ, такъ и въ уѣздахъ, прихожане ихъ едва не всѣ записались въ расколъ, а священниковъ ни съ какими церковными потребами въ домы не призываютъ, а между тѣмъ оные священники съ тѣхъ дворовъ платятъ всякія подати[1]). Былъ еще сборъ поголовный, установленный Питиримомъ въ своей епархіи[2]); этому сбору подвергались всѣ члены раскольничьей семьи; съ раскольниковъ взыскивался двойной сборъ за приводъ ихъ ко властямъ для допросовъ[3]).

Питириму же принадлежитъ установленіе сбора съ тѣхъ раскольниковъ, которые вступали въ бракъ внѣ церкви, безъ вѣнечныхъ памятей; брали по 3 рубля съ мужчины и женщины, а съ богатыхъ—и больше[4]).

Если взять въ разсчетъ всѣ денежныя повинности, обязательныя для послѣдователей раскола, то будетъ ясно, какъ тяжела и ненавистна была для раскольниковъ придуманная недальновиднымъ умомъ мѣра обложенія увеличеннымъ окладомъ. При установленіи двойного оклада съ раскольниковъ имѣлось въ виду, послѣ неудачной попытки слова убѣжденія и увѣщанія, воздѣйствовать на упорныхъ способомъ не духовнаго, матеріальнаго свойства,—способомъ, могшимъ дать правительству средство, если не для поправки запутанныхъ экономическихъ дѣлъ, то покрайней мѣрѣ для борьбы съ послѣдователями раскола, для содержанія чиновниковъ, спеціальныхъ по дѣламъ раскола учрежденій. Однако разсчеты эти на дѣлѣ не оправдались. Немного было такихъ раскольниковъ, которые исправно и охотно уплачивали положенный окладъ большинство было бѣдныхъ, изъ которыхъ одни уплачивали неисправно и неполно, другіе должны были подвергаться разоренію своего имущества и хозяйства, а третьи спасались отъ уплаты бѣгствомъ или притворствомъ, а иные многіе, не хотѣвшіе подъ платежемъ быть, самоохотно сгорали[5]). Притворство составляло отличительную черту въ дѣйствіяхъ и показаніяхъ раскольниковъ; къ нему неизбѣжно прибѣгали раскольники для избѣжанія платежа денегъ и избавленія отъ разгрома своихъ пожитковъ и преслѣдованій; тамъ, гдѣ строже и безпощаднѣе производился денежный сборъ двойного оклада и другихъ денежныхъ повинностей, тамъ больше должно было быть и притворства. Вотъ почему есть основаніе заподозрить искренность множества обращеній послѣдователей раскола къ православной церкви въ предѣлахъ нижегородской губерніи, гдѣ дѣла по расколу находились въ рукахъ епископа Питирима и вице-губернатора Ю. Ржевскаго.

[1]) Собр. т. II, № 454, стр. 105—107.
[2]) Собр. т. II, стр. 81.
[3]) Собр. т. I, стр. 148.
[4]) Макарій. Ист. нижегород. іер., 89 стр.
[5]) Собр. т. III., № 1145. 226.

пользовавшихся особыми полномочіями и довѣріемъ гражданскаго правительства. Хотя и тяжело было многимъ раскольникамъ ложно принимать на себя видъ православія, но внѣшняя временная принадлежность къ православной церкви давала людямъ гражданскій покой, свободу и удобство заботиться о хлѣбѣ насущномъ, тогда какъ открытое исповѣданіе древняго благочестія, которое церковная власть называла расколомъ, обрекало, при неуплатѣ оклада, на жизнь скитальческую, нищенскую, на жизнь въ каторгѣ и галерахъ.

Такимъ образомъ, правительство, вмѣсто предположенной большой корысти, получало отъ раскольниковъ ничтожный доходъ, который и непроизводительно тратился отъ недостатка надлежащаго контроля; недоимки были обычнымъ явленіемъ; строгость при взысканіи денегъ вела къ обѣдненію, разоренію и бѣгству раскольниковъ; а церковь принимала притворныхъ членовъ вмѣсто искреннихъ.

Незаписные раскольники за ношеніе бороды обязаны были, наравнѣ съ другими бородачами, платить штрафъ по 50 рублей въ годъ. Указъ о бритьѣ бородъ существовалъ давно, но въ 1722 году, въ апрѣлѣ, онъ былъ повторенъ и подтвержденъ «накрѣпко» въ цѣляхъ исполненія его. Запрещеніе носить бороду появилось въ 1701 году. Явившись сначала въ формѣ шутки, распоряженіе это постепенно становилось все строже, пока не сдѣлалось тяжелымъ бременемъ для тѣхъ, кого оно касалось. Распоряженіе это относилось къ лицамъ служащимъ, т. е. помѣщикамъ, купцамъ и промышленникамъ. Въ указѣ отъ 1705 г. подробно изложено о штрафахъ за небритье бородъ. Царедворцы, дворовые и городскіе жители, всякихъ чиновъ служилые и приказные люди платили по 60 рублей съ человѣка; закономъ предусмотрѣно было и то, чтобы подъ видомъ бритья не подстригали бородъ, поелику стриженую бороду за цѣлую считать надлежитъ и велѣно такихъ бородачей, у которыхъ ножницами подстрижена, а не выбрита борода, ловить и приводить къ суду [1]). Духовенство отъ бритья бороды было освобождено; хотя освобождено было отъ бритья бороды и крестьянство, однако существовало постановленіе, по которому съ крестьянъ взималось вездѣ по воротамъ городскимъ пошлина съ бороды по вся дни, какъ пойдутъ въ городъ и за городъ, а безъ пошлинъ крестьянъ не велѣно впускать въ городъ и за городъ (изъ города). По указу 1722 г. штрафъ за ношеніе бороды опредѣлялся въ 50 руб.—цифра въ то время весьма значительная, особенно для бѣдныхъ людей. Кто платилъ 50 руб. за бороду, тотъ освобождался отъ уплаты двойного оклада; не сразу, впрочемъ, уяснилось это распредѣленіе, а по особому рѣшенію Святѣйшаго Синода въ отвѣтъ на за-

[1]) Опис. т. II, 2, № 808.

просъ архимандрита Антонія отъ 9 февраля 1722 г. [1]); кто, по обращеніи изъ раскола, сбривалъ бороду и не носилъ стараго платья, тотъ освобождался отъ уплаты штрафа за бороду, хотя бы прежде не платилъ по какимъ либо причинамъ [2]); съ людей, запустившихъ бороды, но отъ бритья не отрекавшихся, штрафа не правили [3]).

Послѣдователи раскола упорнѣе всѣхъ сопротивлялись распоряженію о бритьѣ бороды, основываясь отчасти на установившемся священномъ обычаѣ ношенія бороды, но болѣе всего на прежнихъ распоряженіяхъ церковной власти о нестриженіи бородъ. Наставленія и распоряженія о грѣхѣ и безнравственности стриженія бороды и усовъ принадлежали преподобному Максиму Греку, Стоглавому Собору, патріарху Адріану; наставленія эти вошли въ Кормчую книгу и Кириллову книгу. Число раскольниковъ отъ этой мѣры не сократилось, а увеличилось; увеличилось число потаенныхъ раскольниковъ; изъ производившихся дѣлъ по приведенію въ исполненіе мѣръ о брадобритіи открылось, что, по сознанію нѣкоторыхъ раскольниковъ, они перешли въ расколъ изъ-за указа брить бороду [4]). Изъ слѣдственныхъ дѣлъ о бородачахъ, можно видѣть то, какъ трудно было исполненіе указовъ по данному предмету. Въ 1722 г. подтверждено было указомъ слѣдующее: «понеже о бородачахъ по сіе время смотрѣнія нѣтъ и всѣ по старому цѣлыя и стриженныя бороды, противно указу, носятъ, того ради, подтвердить накрѣпко, чтобы фискалы непремѣнно смотрѣли, кто бороды носитъ и не указное платье, и чтобы подъ видомъ бритья не подстригали бородъ, понеже стриженую бороду за цѣлую считать надлежитъ, и дабы такихъ бородачей, у которыхъ ножницами подстрижена, а не выбрита бритвою борода, ловить и приводить въ Губернскую канцелярію, а въ провинціяхъ—къ комендантамъ и воеводамъ. Ежели же которые изъ такихъ бородачей несмотрѣніемъ фискальскимъ впредь явятся, или мимо фискаловъ приводиться будутъ въ приказы, то за оное несмотрѣніе учинено будетъ то, чему подлежатъ тѣ бородачи, и кромѣ того отнятіе имѣнія» [5]). Въ это же время состоялось распоряженіе о ношеніи раскольниками особаго платья для отличія ихъ отъ православныхъ. Платье это нужно было носить лѣтомъ и зимою.

Иниціатива мысли для установленія особаго наряда для раскольниковъ принадлежала архимандриту Антонію. Въ одномъ изъ своихъ

[1]) Собр. т. II, № 454, п. 29.

[2]) Собр. т. II, № 454, п. 24; № 879.

[3]) Описаніе докум. и бумагъ хранящихся въ москов. архивѣ м-ва юстиціи. Книга седьмая, стр. 9.

[4]) Есип. II т. 180—83.

[5]) Опис. т. II, 2, № 808, 41 стр.

вопросныхъ пунктовъ Антоній спрашивалъ: «раскольщики записные между православными не познаваеми суть,—достоитъ-ли имъ на верхнемъ платьѣ нѣкій имѣти знакъ, дабы яко мерзости нѣкія гнушалися православные»?—Святѣйшій Синодъ отвѣчалъ: «записнымъ раскольщикамъ усмотрѣно приличное званію ихъ носить платье самое старинное, долгое, съ долгимъ ожерельемъ и съ нашивками на грудяхъ по четверти, на бокахъ, на подолѣ прорѣхи съ петлями, шапку высокую съ прорѣхами и съ петлями; отъ ношенія указаннаго платья не освобождались ни женщины, ни дѣвицы, ни дѣти раскольниковъ, если они состояли въ расколѣ; въ противномъ случаѣ, за неисполненіе указа, они подвергались такому же штрафу, какъ и мужчины, т. е. взносу 50 руб. [1]); однако же о семъ, прежде публикаціи, предложенъ былъ докладъ Его Императорскому Величеству [2]). Предложеніе это отъ 28 февраля утверждено было очень скоро, именно 6 апрѣля, съ прибавленіемъ, «раскольщикамъ носить козыри (ожерелье?) краснаго сукна, чего для платья имъ краснымъ цвѣтомъ не носить» [3]). Такъ какъ, по мнѣнію архимандрита Антонія, «которые съ бородъ платятъ окладъ—едва не всѣ раскольщики суть,» то нижеслѣдующее дополнительное распоряженіе болѣе всего относилось къ раскольникамъ: «если кто съ бородою придетъ о чемъ бить челомъ не въ томъ платьѣ, то не принимать у нихъ челобитенъ ни о чемъ, и сверхъ того допрашивать вышеозначенную дачу (т. е. 50 руб.), не выпуская изъ приказа, хотя бы оный годовую и платилъ. Также кто увидитъ кого съ бородою безъ такого платья, чтобъ приводили къ комендантамъ, или воеводамъ и приказнымъ, и тамъ оный штрафъ на нихъ правили, изъ чего половина въ казну, а другая приводчику, да сверхъ того его платье» [4]).

Попытки раскольниковъ объ отмѣнѣ распоряженія относительно ношенія ненавистнаго платья остались тщетными. Заслуживаетъ упоминанія просьба нижегородскихъ раскольниковъ объ отмѣнѣ платья. Въ 1722 г. Петръ I былъ въ Нижнемъ Новгородѣ; въ это время тамошніе «записные раскольники подали за руками своими ко обращенію прошеніе, въ которомъ показали, дабы имъ раскольничьяго платья не носить, а ради ихъ ко святой церкви обращенія, платья и бороды носить по прежнему безъ платежа съ бороды денежнаго оброку, покамѣсть они при святой церкви обыкнутъ и о брадоношеніи просятъ не яко стриженіе въ грѣхъ вмѣняя, но точію объявляютъ за стыдъ, стыда своего преломати не могутъ» [5]).

[1]) Собр. т. II, № 844.
[2]) Ibid. т. II, № 454. 108 стр.
[3]) Ibid. № 523.
[4]) Собр. т. II, № 523. Собр. т. II, № 844.
[5]) Есиповъ т. II. стр. 276.

Ограниченіе гражданскихъ правъ раскольниковъ.—Одновременно съ штрафами раскольники подвергались лишеніямъ гражданскихъ правъ и различнымъ стѣсненіямъ. По «Регламенту» положено: по всей Россіи никого отъ раскольщиковъ не возводить на власти не токмо духовныя, но и на гражданскія, даже до послѣдняго начала и управленія, чтобъ не вооружать намъ на насъ же лютыхъ непріятелей, и государству и государю непрестанно зло мыслящихъ» [1]). Такъ какъ это постановленіе не вездѣ исполнялось, то оно было повторено [2]).

Мѣра эта, отнимая у послѣдователей раскола возможность служить на поприщѣ общественной, гражданской и государственной службы, обрекала ихъ въ ограниченный узкій кругъ промышленной и торговой дѣятельности, заставляла ихъ по необходимости и безповоротно вращаться въ средѣ подобныхъ себѣ по невѣжеству людей. Однакоже лишая раскольниковъ гражданскихъ правъ, правительство не только не отказывалось отъ услугъ ихъ, но и само искало ихъ, слѣдовательно, нуждалось. Такъ, въ 1722 году, по сенатскому постановленію, требовалось: «къ пошлиннымъ, и кабацкимъ, и солянымъ, и другимъ всякимъ сборамъ къ счету и отдачѣ денежной казны изъ посадскихъ людей не выбирать, а быть у сборовъ: у большихъ—изъ отставныхъ офицеровъ и дворянъ, у меньшихъ — унтеръ-офицерамъ и рядовымъ достойнымъ людямъ, а къ нимъ въ команду выбирать изъ раскольниковъ и бородачей въ цѣловальники и другія тѣмъ подобныя службы, у которыхъ никого подчиненныхъ не бываетъ; для счета и пріема иностранныхъ золотыхъ ефимковъ и денежной казны въ рентереи (т. е. казначейства) изъ раскольниковъ и бородачей о выборѣ и немедленной присылкѣ въ Московскую рентерею (казначейство), такъ же въ губерніяхъ и провинціяхъ въ рентереи, оныхъ счетчиковъ (раскольниковъ) указное опредѣленіе учинить». Въ 1722 году число цѣловальниковъ и счетчиковъ изъ раскольниковъ простиралось до 1859 человѣкъ [3]). По опредѣленію Святѣйшаго Синода 28 февраля 1722 года, изъ среды раскольниковъ выбирались старосты для сбора штрафныхъ денегъ съ записныхъ раскольниковъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ городахъ и уѣздахъ; этимъ распоряженіемъ не предоставлялось какое-либо право раскольническимъ старостамъ, а имѣлось въ виду то удобство, чтобы исправнѣе былъ денежный сборъ и меньше было укрывательства и уклоненія раскольниковъ отъ уплаты повинностей [4]).

По указу отъ 28 февраля 1722 года раскольники стѣснены были въ *правѣ отлучекъ и перехода изъ одного мѣста въ другое.* Въ озна-

[1]) Реглам. (Собр. № 1, стр. 26). Собр. IV, № 1323.

[2]) Собр. т. IV, 1323.

[3]) Собр. т. I, № 186. Опис. т. II, 2, № 815, стр. 46—8.

[4]) Собр. т. II, № 454, стр. 108.

ченномъ указѣ говорится: «такъ какъ въ отъѣздахъ раскольниковъ въ другіе города и изъ прихода въ приходъ чинится въ томъ мѣстѣ, куда онъ вновь пріѣдетъ, невѣдѣніе, правовѣрный ли онъ, или раскольникъ, и не бѣглый-ли для прикрытія раскола и отъ платежа, паче же не раскольнической-ли прелести учитель, того ради и во изысканіи оныхъ есть немалое препятіе. Поэтому, установлены были два печатные знака, которые отъ приходскихъ священниковъ, за ихъ подписомъ, выдавались отлучавшемуся прихожанину — правовѣрному особый знакъ, а раскольнику — особый съ написаніемъ, что онъ раскольникъ записной, дабы незаписные раскольники, если гдѣ прибудутъ, какъ не имѣющіе знаковъ, познаваемы были и укрываться не могли; безъ этихъ условныхъ знаковъ нельзя было никуда отлучаться. Знаки эти были своего рода паспортами и видами на право жительства,—о чемъ было объявлено всѣмъ къ свѣдѣнію чрезъ духовныя и свѣтскія учрежденія[1]).

По 5 п. того же указа объявлялось, что многіе раскольники уходятъ изъ своихъ мѣстъ, нанимая подъ строеніе землю въ городахъ у разныхъ лицъ, деревняхъ и селахъ и, устроясь, живутъ между православными, отчего, вслѣдствіе переѣздовъ ихъ и переходовъ, отыскивать ихъ трудно и невозможно. Опредѣлено: въ вотчинахъ синодальныхъ, дворцовыхъ и шляхетскихъ раскольниковъ нигдѣ не принимать, и земель подъ строеніе не давать, и въ построенные домы и хоромы жить не пускать. За исполненіемъ этого распоряженія должны смотрѣть низшіе и высшіе чиновники, — въ противномъ случаѣ, за необъявленіе и утайку, подвергнутся жестокому наказанію и штрафу, одинаковому съ раскольниками, въ количествѣ двойнаго оклада, по счету съ 1716 года [2]).

Есть основаніе думать, что состоявшіяся по 4 — 5 п. п. два важныя и тяжелыя для раскола распоряженія были послѣдствіями или по крайней мѣрѣ стояли въ нѣкоторой связи съ раннѣйшимъ указомъ Святѣйшаго Синода о разореніи раскольническихъ скитовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Указъ этотъ состоялся въ 1721 году, 22 марта, въ предупрежденіе и пресѣченіе многихъ безпорядковъ и соблазновъ въ нѣкоторыхъ раскольническихъ скитахъ, о которыхъ подробно и обстоятельно стало извѣстно Святѣйшему Синоду изъ допроса старца-раскольника Антонія, въ мірѣ Антипы Евдокимова, Московскаго крестьянина, при обращеніи его отъ раскола въ православіе. Изъ показаній Антонія открылось, что въ брянскихъ, муромскихъ и керженскихъ лѣсахъ, въ предѣлахъ калужской, казанской и нижегородской губерній, находилось много раскольническихъ скитовъ, гдѣ жили мужчины и

[1]) Собр. т. II, № 453.

[2]) Собр. т. II, № 453, стр. 101.

женщины совмѣстно и блудно: скитники и скитницы различныхъ толковъ—ѳедосѣевцы, поповцы, безпоповцы и др.; для содержанія себя, притворясь мірскими, въ мірскомъ платьѣ, а не въ черническомъ, ѣздили въ разные города для прошенія милостыни и получали отъ добрыхъ людей деньгами, воскомъ, хлѣбными и съѣстными припасами; а въ посты они исповѣдывались у раскольническихъ поповъ, которые ихъ причащали причастіемъ изъ-за рубежа, изъ Покровскаго монастыря, что̀ на рѣкѣ Вѣткѣ. По этому допросу Святѣйшимъ Синодомъ опредѣлено было помянутыхъ раскольническихъ скитниковъ сыскивать, и если они не обратятся и пожелаютъ остаться въ расколѣ и запишутся въ число раскольниковъ, то, взявши съ нихъ двойные штрафы, скиты ихъ прелестные *разорить*, дабы впредь такимъ ворамъ и развратникамъ пристанища не было. По показанію старца Антонія, скитовъ было много; въ одномъ мѣстѣ, за Казанью, было до 50 скитовъ; въ другихъ старцы и старицы жили многими разными скитами» [1]). Въ дополнительномъ къ сему дѣлу указѣ отъ 12 іюля того-же года требовалось: «оставшіяся отъ раскольниковъ (въ муромскихъ и брянскихъ лѣсахъ), послѣ того, какъ они разбѣжались, жилища разорять до основанія, дабы и слѣдъ того мѣста не былъ знаемъ» [2]). Если такимъ образомъ, обитатели скитовъ, по разореніи послѣднихъ, должны были остаться безъ крова и пріюта, то имъ предстояла нужда переходить изъ мѣста въ мѣсто для пріисканія себѣ жилища, постояннаго или временнаго, которое надлежало пріобрѣтать посредствомъ покупки земли или найма домовъ для устроенія жилища. Поэтому можно допустить, что въ числѣ бродячихъ раскольниковъ, которымъ запрещалось покупать и арендовать земли и дома указомъ отъ 18 февраля 1722 года, находились и тѣ скитники и скитницы, жилища которыхъ подверглись разоренію по доносу старца Антонія.

По другому позднѣйшему указу требовалось, чтобы полковникъ Плещеевъ вмѣстѣ съ другими отыскивалъ раскольниковъ въ муромскихъ и брянскихъ лѣсахъ и жилища ихъ искоренялъ. Послѣдній указъ имѣлъ не частное, а общее значеніе, т. е. для всѣхъ раскольниковъ вредныхъ, скрывавшихся въ скитахъ, подобно раскольникамъ муромскимъ и брянскимъ. Исключеніе составляли Выгорѣцкіе пустынножители, укрывавшіеся подъ защитою охранительныхъ указовъ 1711 г. во все время царствованія Петра I, начавшаго свой поворотъ противъ раскола съ 1714 года.

Ограниченія имущественныхъ правъ раскольниковъ.—Съ вопросомъ о разореніи раскольническихъ скитовъ возникалъ вопросъ объ

[1]) Собр. т. I, № 45 (стр. 58—59) и 141.

[2]) Собр. т. I, № 45, стр. 59.

имуществѣ, остававшемся отъ бѣглыхъ раскольниковъ. Дѣла по этому вопросу разсматривались въ Святѣйшемъ Синодѣ два раза, въ 1722—1723 гг. Резолюція Святѣйшаго Синода въ 1722 году гласила: «которые изъ записныхъ раскольниковъ и изъ приличныхъ по раскольнымъ дѣламъ являются въ сбѣгѣ, и оставшеѐся отъ нихъ движимое и недвижимое имущество, описанное на Его Императорское Величество, продавать и отдавать на госпитали лечебные» [1]. Совершенно такая же резолюція Святѣйшаго Синода въ 1723 году по тому же вопросу состоялась на вопросъ Коптѣлова: какъ поступать съ домами, лавками, пожитками и *дѣтьми* раскольниковъ, предавшихся бѣгству, не желая обратиться ко святой церкви? Замѣчательно, что въ резолюціи о дѣтяхъ раскольническихъ, т. е. куда ихъ дѣвать, совсѣмъ не упоминается [2]; такимъ образомъ выходило, что денежные вопросы рѣшались, а вопросы человѣколюбія не затрогивались. Для объясненія этого страннаго явленія, можно думать, что правительство надѣялось на возвращеніе отцовъ и родственниковъ покинутыхъ дѣтей въ свои прежнія жилища по долгу родительскаго чувства, но этого возвращенія могло и не послѣдовать по многимъ причинамъ, или оно могло на долго замедлиться. Итакъ требовался какой-либо надзоръ за дѣтьми, но о немъ нѣтъ и помину въ распоряженіяхъ высшей церковно-гражданской власти [3].

Въ 1724 году, за совращеніе въ расколъ Семена Безчастнаго вопреки данному обѣщанію въ вѣрности православной церкви, имущество его—«дворъ и всякій багажъ и скотина и прочее было запечатано и конфисковано [4].

Заслуживаетъ упоминанія, что оставшимся послѣ бѣгства раскольниковъ имуществомъ спѣшили хотя временно воспользоваться служащіе по духовному вѣдомству. Такъ, въ бытность Святѣйшаго Синода въ Москвѣ, въ 1722 году, четыре синодальныхъ чиновника—Дурдинъ, Башиловъ, Щепинъ и Яковлевъ получили отъ Святѣйшаго Синода, согласно ихъ просьбѣ, разрѣшеніе, во удовлетвореніе ихъ нужды, помѣститься, до выѣзда Святѣйшаго Синода въ С.-Петербургъ, въ пустые раскольническіе дома съ условіемъ не чинить во оныхъ домахъ никакого разоренія [5].

Водвореніе раскольниковъ на мѣсто прежняго жительства.— Упорядоченію раскольниковъ и приведенію ихъ въ извѣстность для обложенія сборами и съ цѣлію пресѣченія соблазна и совращенія пра-

[1] Собр. т. II, № 531, стр. 172—173.

[2] Собр. т. III, № 972.

[3] Опис. т. I, № 260, стр. 259.

[4] Собр. т. IV, № 1323, стр. 157.

[5] Собр. т. II, №№ 435 и 443.

вославныхъ много препятствовали бродячія наклонности тогдашняго низшаго населенія. Это движеніе къ переселенію съ одного мѣста на другое, объясняемое колонизаціонными причинами, среди раскольниковъ особенно было сильно, благодаря правительственнымъ преслѣдованіямъ. Къ ограниченію этого движенія и странничества церковно-гражданская власть неоднократно принимала строгія мѣры [1]. Въ 1722 году, Святѣйшій Синодъ, разсуждая о лукавомъ происхожденіи раскольниковъ, которые, не хотя себя объявить, скрываются, переходя, живучи по городамъ, селамъ и деревнямъ, гдѣ имъ сколько тѣмъ укрывательствомъ прожить возможно, наймуя земли, и дворы и прочія жилища, не только положеннаго оклада избѣгаютъ, но и многія противности чинятъ, прельщая простой народъ къ своему заблужденію, опредѣлилъ: «въ дворцовыхъ, синодальныхъ и шляхетскихъ вотчинахъ раскольниковъ нигдѣ не принимать и земель подъ строеніе не давать», короче: правительство требовало, чтобы раскольники возвратились на прежнія мѣста, на мѣсто постояннаго ихъ жительства [2]. Къ числу мѣстъ, куда раскольники переселялись для свободнаго проживательства, кромѣ Сибири, зарубежныхъ земель, степей и лѣсовъ, была и Курляндія. Курляндія въ то время не принадлежала еще Россіи, но гдѣ русское вліяніе было очень сильно благодаря тому обстоятельству, что правительницею Курляндскаго герцогства была племянница Петра Великаго, Анна Ивановна; были, впрочемъ, въ Курляндіи мѣста, въ которыхъ сосредоточивалось и дѣйствовало русское гражданское и церковное управленіе. Поэтому, хотя послѣдователи раскола и разсчитывали въ Курляндіи на свободу дѣйствій въ дѣлахъ вѣры и жизни, но этому препятствовало синодальное распоряженіе, клонившееся къ стѣсненію раскольниковъ и даже запрещенію имъ жить въ предѣлахъ Курляндіи. Въ 1722 году, управленіе церковными дѣлами въ Ригѣ поручено было оберъ-іеромонаху Маркеллу Родышевскому. Изъ двухъ донесеній М. Родышевскаго видно, что число раскольниковъ въ Ригѣ было весьма значительно, но они скрывались вслѣдствіе нерадѣнія тамошнихъ священниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые сами держались раскола [3]. О своей дѣятельности по отношенію къ расколу Родышевскій извѣщалъ, что онъ «прилежнымъ тщаніемъ вездѣ здѣ крывшійся у бородатыхъ раскольниковъ въ бородахъ ихъ гнѣздившійся пакостный змій съ онымъ гнѣздомъ своимъ, еже есть бородами, истребленъ и всегда истребляется, и суевѣріе всякое отъ среды изъемлется, правда же насаждается, елико мощно». Средствомъ для истребленія раскола М. Родышевскій

[1]) Собр. т. IV, №№ 1361, 657, 453, т. II, № 453. Опис. т. III, №№ 438, 94.
[2]) Собр. т. II, № 453.
[3]) Собр. т. IV, № 1361.

избралъ прямое грубое насиліе; это видно изъ того, что онъ «взялъ подъ караулъ до 500 человѣкъ, небывшихъ у исповѣди и святаго причастія, и, какъ овецъ, загнавъ ихъ въ цитадель, велѣлъ говѣть и всѣхъ сподобить святыхъ Таинъ». Трудно сказать опредѣленно, насколько удачна была такая своеобразная дѣятельность Родышевскаго. Синодальная мѣра состояла въ требованіи, чтобы раскольники не укрывались въ Курляндіи, и чтобы тамошніе начальники не давали имъ тамъ пристанища, а высылали ихъ на прежнія мѣста въ Россію, въ предотвращеніе соблазна и совращенія въ расколъ православныхъ [1]); оставаться въ предѣлахъ Курляндіи можно было только тѣмъ изъ русскихъ, кто значился въ метрическихъ книгахъ бывшимъ у исповѣди и святаго причастія [2]). Къ характеристикѣ раскола въ Курляндіи нужно прибавить, что послѣдователи его, пришедшіе сюда изъ разныхъ ближайшихъ и отдаленныхъ въ Россіи мѣстъ, жили среди враждебнаго отношенія къ нимъ католиковъ и уніатовъ, и слѣдовательно, находили свое существованіе здѣсь сравнительно лучшимъ, нежели въ родныхъ мѣстахъ. Указами 1721 и 1722 гг. о водвореніи бѣглыхъ людей въ мѣста прежняго ихъ жительства хотѣлъ воспользоваться Ѳеофилактъ Лопатинскій для уничтоженія привилегированнаго положенія и самаго существованія выговскихъ старовѣровъ, когда въ 1725 году, послѣ смерти Петра, предлагалъ Святѣйшему Синоду и Сенату разослать выговцевъ по разнымъ мѣстамъ, какъ собравшихся въ Олонецкихъ предѣлахъ изъ многихъ городовъ и селъ. Но предложеніе архіепископа Ѳеофилакта осталось безъ послѣдствій.

Ограниченія правъ раскольниковъ въ дѣлахъ судебныхъ. — Въ трудныя условія поставлены были раскольники и въ судебныхъ дѣлахъ. Большая, можно сказать, радикальная перемѣна къ худшему въ судебныхъ дѣлахъ послѣдовала въ 1724 году, хотя и раньше были не только попытки къ ограниченію правъ въ этомъ отношеніи, но и установились уже нѣкоторыя ограничительныя правила. Одинъ изъ вопросныхъ пунктовъ, предложенныхъ архимандритомъ Антоніемъ Святѣйшему Синоду въ 1722 году на разсмотрѣніе, касался того, нужно ли принимать во вниманіе свидѣтельство раскольника на епископа, или на иную духовную персону въ какомъ-либо враждебномъ дѣлѣ, — когда извѣстно, что раскольникамъ сей чинъ, т. е. санъ епископа, зѣло ненавистенъ и мерзокъ? Резолюція: «отъ раскольника свидѣтельства ни на какое правовѣрное лице не принимать» [3]). Итакъ, опредѣленіе Святѣйшаго Синода имѣло болѣе широкій смыслъ, чѣмъ въ

[1]) Ibid.

[2]) Собр. т. IV, № 1361.

[3]) Собр. т. II, № 454.

какомъ было предложено, если устраняло вообще раскольниковъ въ качествѣ свидѣтелей не только противъ духовныхъ лицъ, но и всѣхъ православныхъ. Къ концу царствованія Петра I строгость въ этомъ отношеніи усилилась еще болѣе. 1-го іюня 1724 года Святѣйшимъ Синодомъ на засѣданіи съ Сенатомъ постановлено: «поелику раскольническая прелесть, упрямства наполненная, правовѣрію противна и злодѣйственна есть, то раскольничья дѣла, исключивъ изъ исковыхъ, т. е. гражданскихъ, причислить къ богохульнымъ, еретическимъ и волшебнымъ, т. е. уголовнымъ; а посему отвѣтчикамъ по дѣламъ раскола копій съ вопросныхъ пунктовъ, прежде дававшихся, не выдавать и вмѣсто отвѣтчиковъ повѣренныхъ за нихъ не допускать для того, что въ таковыхъ Божію закону и святой церкви противныхъ винахъ надлежитъ поступать подобно какъ о злодѣйственныхъ дѣлахъ, о которыхъ и по формѣ копіи давать воспрещено» [1]).

Тяжелое въ высшей степени и обидное для раскольниковъ постановленіе о причисленіи раскольныхъ дѣлъ къ злодѣйственнымъ обязано своимъ происхожденіемъ, повидимому, случайному обстоятельству и личнымъ счетамъ. Поводомъ къ означенному постановленію послужило дѣло по обвиненію бѣлевскаго (тульской губ.) уѣзда помѣщика, генералъ-рекетмейстера (докладчика прошеній на Высочайшее имя) В. К. Павлова, съ женою его и съ сыномъ въ небытіи, въ теченіи многихъ лѣтъ, на исповѣди и святомъ причастіи и держаніи въ своемъ домѣ раскольницъ [2]). Обвинялъ Павлова въ приверженности къ расколу синодальный совѣтникъ, архіепископъ сарскій Леонидъ, по донесенію вдоваго попа, села Спыхова, Никифора и по проискамъ монаха Іосифа Грѣшилова (т. е. Рѣшилова, уже намъ извѣстнаго). Дѣло возникло въ февралѣ 1721 года, а въ Святѣйшемъ Синодѣ разсматривалось фактически и персонально 1-го іюня *1724 г.* по причинѣ долгихъ формальныхъ препирательствъ между Святѣйшимъ Синодомъ и гражданскими учрежденіями и намѣренной задержки производства дѣла. Когда Павловъ, пользуясь правомъ подсудимаго, предоставленнымъ указомъ отъ 5 ноября 1723 года, требовалъ копіи съ обвинительнаго акта, то ему было въ этомъ отказано на томъ основаніи, что дѣло его не истцовое, но раскольное, которое *можетъ* причитаться къ злодѣйству. Такъ какъ Павловъ безъ копіи не далъ отвѣтствованія, то въ тотъ же день (1-го іюня), въ особомъ засѣданіи *двухъ* членовъ Синода [3]) и Сената (въ зданіи послѣдняго) рѣшено

[1]) Собр. т. IV, №№ 1341 и 1293. Опис. т. IV, № 342.

[2]) Опис. т. II, 2, №№ $^{1152}/_{444}$.

[3]) Псковскаго архіепископа Θеофана Прокоповича и архимандрита Колязинскаго Рафаила. Особенное нерасположеніе къ Павлову показалъ архіепископъ Θеодосій Яновскій, вице-президентъ Святѣйшаго Синода. Это видно изъ жалобы

было и въ протоколъ внесено опредѣленіе: «раскольныя дѣла признавать за злодѣйственныя». Такой неожиданный и неблагопріятный для Павлова оборотъ дѣла побудилъ подсудимаго медлить явкою въ Святѣйшій Синодъ для отвѣта; онъ отговаривался тѣмъ, что «имѣются у него въ отправленіи нѣкоторыя Его Императорскаго Величества нужныя дѣла». Павловъ медлилъ въ ожиданіи Петра I изъ низоваго (персидскаго) похода, надѣясь на справедливость, защиту и милость царя; съ другой стороны обвиняемый, сознавая себя правымъ, приготовилъ въ это время письменное объясненіе, которое и разсматривалось въ Святѣйшемъ Синодѣ 21 сентября 1724 года. Хотя въ челобитной Павлова «означились неумѣренныя нарекательства и противныя въ отбывательство допросу отговорки», однако челобитная Павлова во многихъ отношеніяхъ замѣчательна: 1) она даетъ основаніе сомнѣваться въ безпристрастіи къ автору ея со стороны духовныхъ и гражданскихъ судей и доносчиковъ; 2) она указываетъ на несоблюденіе обвинителемъ Павлова предварительныхъ, опредѣленныхъ «Духовнымъ Регламентомъ», условій и дѣйствій со стороны духовныхъ властей по отношенію къ Павлову, какъ заблуждавшемуся и слѣдовательно нуждавшемуся въ совѣтахъ, наставленіяхъ и «посольствахъ» со стороны его духовнаго отца и мѣстнаго епископа для возвращенія заблудшаго на правый путь; только послѣ безуспѣшности испытанныхъ духовныхъ мѣръ можно было бы такъ круто повернуть дѣло обвиненія, какъ это допущено по отношенію къ Павлову. Но этого сдѣлано не было. На этотъ недостатокъ указываетъ Павловъ, приводя изъ «Духовнаго Регламента», относившіяся къ дѣлу обязательныя, но неисполненныя требованія по части вразумленія. Челобитная Павлова интересна и въ томъ отношеніи, что она сообщаетъ много фактическихъ подробностей о лицахъ, соприкосновенныхъ съ процессомъ Павлова,—подробностей, составлявшихъ закулисную сторону дѣла. Но челобитная не

Павлова въ Святѣйшій Синодъ, поданной въ сентябрѣ 1724 года. Въ жалобѣ, между прочимъ, говорится: «когда Его Императорское Величество изволилъ быть въ Коломенскомъ, гдѣ и всѣмъ вышнимъ и нижнимъ былъ публичной столъ, въ которомъ столѣ сидѣлъ я близъ васъ, Святѣйшаго Синода, а архіерей Новгородскій Ѳеодосій сидѣлъ отъ насъ въ другой скамьѣ; и какъ стали пить всѣ за его архіерейское здоровье, которые близъ сидѣли, при томъ и я, въ то время всѣхъ благословлялъ онъ троеперстнымъ крестомъ, а меня особливо, двоеперстнымъ крестомъ (сложеніемъ), и тѣмъ мнѣ учинилъ обиду безвинно.

Потомъ на другой день, въ Коломенскомъ же, въ хоромахъ сидѣлъ онъ же архіерей Ѳеодосій, съ знатными особами, притомъ пришелъ я и поклонился имъ и пришелъ къ нему къ благословенію, и онъ отвратился отъ меня и закрылся рукою, и сказалъ, чтобъ я отъ него шелъ прочь; и тѣмъ мнѣ паки учинилъ обиду жъ. А до того времени завсегда я у него у благословенія бывалъ, и потому онъ архіерей сталъ быть мнѣ подозрителенъ» (Опис. т. II, 2, прил. XII, пп. 6—7).

послужила къ оправданію подсудимаго; она побудила недоброжелателей Павлова еще строже отнестись къ нему. Не въ пользу обвиняемаго послужило искренное словесное показаніе его на судѣ. По словамъ Павлова «сумнительство о расколѣ въ прежнихъ годахъ тому лѣтъ 30 назадъ нѣкое было отъ наученія матери; но нынѣ (въ 1724 году) того сумнительства онъ не имѣетъ и впредь имѣть расколу никогда не будетъ и способствовать раскольникамъ въ противность церкви никогда не станетъ, но истинно во святую церковь вѣруетъ, въ чемъ подписуется своеручно» [1]). Окончательное рѣшеніе дѣла послѣдовало въ мартѣ 1725 года, послѣ смерти Петра; Павловъ былъ признанъ подозрительнымъ въ расколѣ; духовное наказаніе его состояло въ произнесеніи имъ очистительнаго клятвеннаго обѣщанія и приводѣ къ присягѣ; а гражданское — въ лишеніи должности генералъ-рекетмейстера, хотя преемникомъ ему назначено лице (Воейковъ), явно сочувствовавшее расколу [2]).

Мы нѣсколько подробно остановились на дѣлѣ о Павловѣ съ цѣлію отмѣтить ту процессуальную особенность его, что состоявшееся по поводу его важное постановленіе о причисленіи раскольничьихъ дѣлъ къ злодѣйственнымъ, т. е. уголовнымъ, политическимъ, обязано какъ бы случайности, не будучи ни предметомъ обсужденія при полномъ собраніи всѣхъ членовъ Святѣйшаго Синода, ни надлежащимъ образомъ мотивированнымъ. Тѣмъ не менѣе опредѣленію ни что не помѣшало имѣть общеобязательную силу [3]). Хотя указанное постановленіе и примѣнено было къ дѣлу Павлова, но это для него не имѣло особенно вредныхъ послѣдствій, благодаря видному служебному положенію его и умѣнью постоять за себя, но для другихъ раскольниковъ, обвинявшихся въ принадлежности къ расколу, оно должно было отразиться печальными послѣдствіями.

Къ ограниченію правъ раскольниковъ въ дѣлахъ розыскныхъ относится и то, что Святѣйшій Синодъ предоставилъ канцеляріи Плещеева право суда, безъ депутата съ духовной стороны, надъ раскольническими учителями и тѣми изъ раскольниковъ, которые во второй разъ уклонились въ расколъ; это право, предоставленное судьѣ Плещееву въ 1721 году, впослѣдствіи не было ни отнято, ни ограничено, не смотря на случаи злоупотребленія этимъ широкимъ правомъ, выразившіеся, между прочимъ, въ медленности дѣлопроизводства и пристрастіи къ подозрѣвавшимся въ принадлежности къ расколу [4]).

[1]) Опис. т. II, 2, № 1152.
[2]) Ibid. № 1152, стр. 490.
[3]) Опис. т. IV, № 442.
[4]) Собр. т. I, № 135.

Изъ тяжелыхъ наказаній, которымъ подвергались раскольники по приговорамъ суда, на основаніи строгихъ законовъ о нихъ, были слѣдующія: 1) ссылка и 2) тѣлесное наказаніе.

Ссылка.—По указу отъ 28 іюня 1722 года, и бородачей, если взяты (пойманы) будутъ не въ указномъ платьѣ и брить бородъ не пожелаютъ и штрафъ платить имъ будетъ нечѣмъ, посылать въ Ревель (Рогервикъ) для заработыванія за штрафъ. А буде они бороды выбрѣютъ и впредь брить станутъ, и въ томъ утвердятъ себя письменно, такихъ какъ изъ канцелярій, такъ изъ Рогервика освобождать безъ штрафовъ. А буде таковые явятся въ Сибири, тѣхъ въ Рогервикъ за дальностію не посылать, а ссылать на разные тамошніе заводы на работу» [1]). Главнымъ мѣстомъ ссылки раскольниковъ была Сибирь—страшная по дальности разстоянія, по безлюдности и по тяжелымъ условіямъ жизни; туда сослано было очень много раскольниковъ; другіе сами туда ушли во избѣжаніе преслѣдованія и для устроенія жизни сообразно съ своими вѣрованіями и убѣжденіями, для жизни вольной и просторной. На невыгодныя, худыя послѣдствія отъ этого для православія и церковно-гражданской власти первый обратилъ вниманіе епископъ Питиримъ, посовѣтовавши Петру въ 1722 году, 2-го іюля, не ссылать раскольниковъ въ Сибирь изъ центральныхъ областей во избѣжаніе распространенія раскола [2]). Мысль Питирима такъ понравилась Петру, что въ октябрѣ того же года изданъ и опубликованъ указъ, «раскольниковъ въ Сибирь не посылать, а посылать ихъ въ Рогервикъ, гдѣ дѣлается гавань, дабы тамъ по городамъ и уѣздамъ бѣглыхъ раскольниковъ не принимали, а которые тамъ (въ Сибири) поселились, тѣхъ бы выслали на старыя мѣста, отколѣ бѣжали, съ наказаніемъ» [3]). Въ силу этого указа посланъ былъ изъ С.-Петербурга нарочитый курьеръ для возвращенія назадъ капитана Сверчкова, отправившагося было въ Сибирь для водворенія тамъ «каторжныхъ невольниковъ, необратившихся раскольщиковъ».

Изъ указа же о ссылкѣ раскольниковъ, вмѣсто Сибири, въ Рогервикъ видна и вина, за которую нѣкоторые раскольники ссылались въ Сибирь. Такъ, въ числѣ раскольниковъ, находившихся на пути въ ссылку подъ командою капитана Сверчкова, упоминается Василій Власовъ,—«злой раскольщикъ и учитель, необратившійся изъ раскола вмѣстѣ съ другими». Такъ-какъ Власовъ былъ учитель раскола, то онъ наказанъ былъ ссылкою за пропаганду своего ученія [4]). Ссылкою въ Сибирь, въ Рогервикъ, или—что то же—въ каторжную работу на-

[1]) Собр. т. II, № 696.
[2]) Есиповъ. «Раск. дѣл. XVIII ст.», т. II, стр. 214, 276.
[3]) Собр. т. II, № 882.
[4]) Опис. т. II, 2, № 1152, стр. 495.

казывались раскольники, жившіе потаенно и укрывавшіеся отъ двойнаго оклада [1]).

Хотя ссылка, по совѣту Питирима, была ограничена и ослаблена, однако на благія послѣдствія ограниченія ея нельзя было серьезно разсчитывать. Дѣло въ томъ, что возвращаться раскольникамъ изъ далекой Сибири на прежнія мѣста было и трудно, и не выгодно, и даже рискованно. На мѣстахъ прежняго жилища ожидала бѣдность и стѣсненіе отъ строгихъ все болѣе и болѣе усиливавшихся ограничительныхъ мѣръ; водвореніе раскольниковъ по возвращеніи не обезпечено было никакими льготами и вознагражденіемъ за всѣ лишенія, неизбѣжныя при бѣгствѣ, ссылкѣ и возвращеніи; очень трудно было возстановлять свое разоренное хозяйство; у раскольниковъ было болѣе побужденій оставаться въ Сибири, какъ представлявшей много простора для свободы, укрывательства и пропаганды, чѣмъ возвращаться на родину безъ разсчета на улучшеніе своего положенія.

Тѣлесное наказаніе.—Тѣлесному наказанію подвергались наиболѣе упорные и зловредные раскольники. Сообразно съ степенью упорства и злодѣйственныхъ поступковъ раскольниковъ, назначались разные виды тѣлесныхъ наказаній. Упорство нѣкоторыхъ раскольниковъ состояло въ томъ, что они навсегда отказывались отъ уплаты двойнаго оклада; за это они подвергались ударамъ по тѣлу, битью кнутомъ и рванію ноздрей. Число ударовъ простиралось отъ 15 до 55. Случалось, что подъ ударами нѣкоторые умирали, или послѣ вслѣдствіе побоевъ. Были случаи смерти раскольниковъ въ изступленіи ума отъ невыносимыхъ страданій во время совершенія казни [2]). Пытка представляла особый видъ наказанія, которому подвергались раскольники при допросахъ по дѣламъ, касавшимся до чести государя, раскольническіе учители, за побѣгъ отъ штрафовъ и наказаній. Нужно замѣтить, что степень виновности обвиняемаго зависѣла отъ того, сознался ли онъ «съ розыска» предъ гражданскими судьями, «или духовнымъ покаяніемъ» предъ духовными властями; въ первомъ случаѣ вина увеличивалась, а во второмъ—уменьшалась [3]). Представимъ нѣсколько примѣровъ расправы съ раскольниками.

Въ маѣ 1721 г. въ Святѣйшій Синодъ присланы были два раскольника, старецъ Макарій и бѣлецъ Климъ Матвѣевъ, которымъ въ числѣ другихъ 8 «въ Нижнемъ наказанье чинено и ноздри вынуты за то, что жили потаенно въ расколѣ и отъ окладу укрывались».

[1]) Собр. т. I, № 108.

[2]) Опис. т. II, 2. № 1075.

[3]) Опис. т. IV, № 281.

Изъ нихъ 8 остались противниками святой церкви и за то посланы въ каторжную работу, а двое, старецъ Макарій и К. Матвѣевъ, присоединились къ православію. По изслѣдованіи, оба они оказались крестьянскаго происхожденія; жили въ раскольническихъ скитахъ Нижегородской губерніи, куда поселились—Макарій (въ мірѣ Мартынъ) въ чинѣ старца для искуса, а Климъ изъ керженскихъ лѣсовъ ушелъ въ казанскій уѣздъ отъ страха, когда (1720 г.) брали выборнаго ихъ діаконова согласія старца Варсонофія въ Петербургъ. Продержавши ихъ немного времени въ Александроневскомъ монастырѣ, и не видя въ нихъ никакой противности святой церкви, Святѣйшій Синодъ отправилъ ихъ къ епископу Питириму съ подтвержденіемъ «жить въ постоянномъ крестьянствѣ, ни мало не возвращаясь на прежнюю богопротивную раскольническую прелесть подъ страхомъ лишенія живота и имѣнія [1])».

Въ «Раскольничьихъ дѣлахъ XVIII столѣтія «Есипова, извлеченныхъ изъ архива «Преображенскаго» Приказа» и «Тайной канцеляріи», можно видѣть множество примѣровъ того, кто и когда подвергался пыткамъ за расколъ, и роды и виды самыхъ пытокъ, придуманныхъ человѣческою жестокостью и изобрѣтательностью. Нѣкоторые изъ несчастныхъ, подвергшихся невыносимымъ страданіямъ, заслуживаютъ хотя краткаго упоминанія.

Василій Левинъ, извѣстный подъ именемъ старца Варлаама, фанатически преданный расколу и распространявшій его, занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ между людьми, ожесточенными противъ Петра I и тогдашняго порядка дѣлъ до болѣзненности и омраченія. Считая царя антихристомъ, В. Левинъ, бывшій капитанъ, произносилъ всенародно «злыя и возмутительныя къ бунту слова, относившіяся къ превысокой персонѣ Его Императорскаго Величества, вѣру христіанскую православную хулилъ и тѣло и кровь Христа Спасителя за истинное тѣло и кровь не принималъ, былъ богохульникомъ и иконоборцемъ (противъ новыхъ иконъ), поборникомъ двуперстія. За эти вины Левинъ былъ подвергнутъ мучительной казни. Это было въ 1722 г., лѣтомъ, въ Санктъ-Петербургѣ. Пытка Левина состояла, по описанію Есипова, въ томъ, что его повели въ застѣнокъ, раздѣли, поставили къ дыбѣ [2]) и положили руки въ хомутъ; Левина потянули на дыбу; одинъ изъ палачей придерживалъ веревкою за ногу и Левинъ повисъ съ вывернутыми изъ суставовъ руками. Левинъ былъ въ это время человѣкъ старый. Ему дали 11 ударовъ и на вискѣ онъ висѣлъ $^3/_4$ часа.

[1]) Опис. т. I, № 279, стр. 312—315.

[2]) Дыба или виска—орудіе пытки, посредствомъ котораго вывертывали руки изъ плечевыхъ суставовъ, поднимая человѣка на воздухъ веревками за кисти рукъ.

Подъ вліяніемъ страданій во время пытки Левинъ то раскаявался, то снова запирался, считая свои заблужденія истиною, которую обѣщался всюду разглашать и за которую рѣшался страдать. Послѣдній и наиболѣе мучительный видъ пытки—поставленіе на спицахъ вынудилъ Левина принесть покаяніе въ надеждѣ на помилованіе, котораго не дано. 26 іюля 1722 г. Левину отсѣчена была голова, туловище сожжено; а голову отправили въ городъ Пензу, гдѣ онъ чинилъ возмущеніе, и поставили на столбѣ, для страха прочимъ злодѣямъ; голова Левина была обставлена головами другихъ соприкосновенныхъ съ дѣломъ и казненныхъ лицъ—попа Глѣба Никитина, попа Ивана Семенова, игумена Михаила и старца Іоны [1]); послѣдніе подверглись наказанію за то, что, будучи духовниками Левина, не донесли своевременно о преступныхъ замыслахъ его [2]).

Подобной жестокой участи подвергся полковникъ И. Нѣмчиновъ. Это было въ 1722 г., въ Тобольскѣ, въ Тарскомъ округѣ, когда, во время привода къ присягѣ чиновниковъ и монаховъ на вѣрность и подданство царевичу Петру Петровичу, Нѣмчиновъ вмѣстѣ съ другими не только отказался отъ присяги, но и другихъ возмущалъ къ тому же, одинаково упорствуя вмѣстѣ съ раскольниками; за это Нѣмчинову сняли голову, а тѣло его, въ страхъ другимъ, по кольямъ было растыкано [3]).

Вообще тѣлесное наказаніе, какъ дисциплинарная и карательная мѣра, была въ духѣ и практикѣ того времени, считалось дѣломъ обычнымъ и дозволеннымъ. Изъ послѣдующаго близкаго (1726 г.) времени извѣстны случаи, когда по указу священники имѣли право виновныхъ (особенно въ пьянствѣ) діаконовъ сажать на цѣпь, а причетниковъ подвергать тѣлесному наказанію [4]); въ 1726 г. былъ случай, что игуменью тверскаго монастыря, по распоряженію духовной власти, наказали плетьми за отпускъ монахинь въ Санктъ-Петербургъ безъ согласія мѣстнаго епископа. Достигало-ли тѣлесное наказаніе цѣли, не говоря уже о его грубости, жестокости и физическихъ послѣдствіяхъ (уродства и безобразія отъ рванія ноздрей, болѣзней, потрясеній и обмороковъ), которыми сопровождалось выполненіе этой нецерковной (въ принципѣ) мѣры? Мѣра эта была древнерусская, отчасти заимствованная, отчасти самобытная, очень утвердившаяся и сроднившаяся съ характеромъ русской жизни.

Цѣль тѣлеснаго наказанія была двоякая: съ одной стороны имѣлось въ виду устранить и отвратить многихъ отъ сочувствія и со-

[1]) Свѣдѣнія о Левинѣ, помимо Есипова, находятся въ Опис. т. II, № 414, 528.

[2]) Опис. т. II, 1. № 494.

[3]) Опис. т. III, № 300, стр. 357—8.

[4]) Собр. т. V, № 1777.

вращенія въ расколъ; съ другой—вывѣдать отъ наказуемыхъ всю правду, т. е. образъ мыслей, поступковъ и намѣреній какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ единомышленниковъ. Излишне вдаваться въ теоретическія разсужденія, когда посредствомъ фактовъ краснорѣчиво доказываются результаты отрицательные, противоположные ожидаемымъ.

Изъ производившихся пытокъ надъ раскольниками открывалось, что мученія побуждали упорныхъ и фанатичныхъ приверженцевъ раскола не къ отреченію отъ ихъ заблужденій, а къ ожесточенію, умоизступленію, или ложному лицемѣрному сознанію и показанію, соотвѣтственно домогательству пытавшихъ,—говорили ложь, дабы избавиться отъ страданій, часто невыносимыхъ. Такимъ образомъ происходило то, что число раскольниковъ отъ тѣлесныхъ наказаній не уменьшалось; наказанные не исправлялись, а развращались, придумывая обвиненія и преступленія на себя и другихъ, отъ чего послѣ отказывались, оправдываясь въ своихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ невозможностью перенести страшныхъ пытокъ; были случаи, когда, подъ вліяніемъ пытокъ, раскольники взводили на себя такія вины, какъ богохульство, за которое полагалась смертная казнь, отъ чего послѣ отказывались, заявляя, что «они то говорили не стерпя мукъ», обычное выраженіе послѣ пытокъ, когда возвращалось къ человѣку ясное сознаніе. Итакъ вмѣсто правды, въ показаніяхъ раскольниковъ при пыткахъ обнаруживались ложь, запирательство, выдуманныя преступленія, т. е. фактическая сторона дѣла (состоянія раскола) затемнялась и извращалась,—цѣль правительства не достигалась; если нѣкоторые, вслѣдствіе пытокъ, отказывались отъ раскола, то это были искалѣченные, уроды (отъ рванія ноздрей и жженія огнемъ), озлобленные и сомнительные члены церкви.

Въ доношеніяхъ Ю. Ржевскаго въ С.-Петербургъ о числѣ и именахъ раскольниковъ, посланныхъ, послѣ учиненія надъ ними пытокъ и тѣлесныхъ наказаній, въ каторжную работу интересъ не малый представляютъ разныя вины, за которыя кто наказанъ: одни раскольники «царскаго пресвѣтлаго Величества имянному указу оказали противное и весьма отреклися положеннаго на себѣ окладу платить, переписать себя не дали, и въ слышаніи указу ругательными словами надѣвъ шапки поносили, что царскаго указу непослушны»; другіе «необратные и развратники, которые ходили лестно и лукаво притворно подъ образомъ юродства и въ расколъ обращали другихъ»; третьи «раскольническіе учители, за возмущеніе народа и за ложное называніе книги «соборнаго Дѣянія на Мартина еретика», напечатанной въ Москвѣ по указу Государя, подставною, и за неповиновеніе повелѣнію Государя.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для составленія представленія о качествѣ и степени тѣлесныхъ наказаній, употреблявшихся въ то время по отношенію къ раскольникамъ. Разумѣется само собою, что наложеніе и совершеніе тѣлесныхъ наказаній относилось къ правамъ и обязанностямъ гражданской, а не церковной власти. Но въ то время не было ни канонической, ни фактической отчужденности въ отношеніяхъ церкви къ преступленіямъ по дѣламъ, наказуемымъ приговорами гражданской власти. Церковь не только не протестовала противъ наложенія гражданскою властію тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній упорнымъ, вреднымъ и опаснымъ раскольникамъ, но принципіально она въ этомъ случаѣ и согласовалась съ существовавшимъ гражданскимъ законодательствомъ, санкціонируя его традиціонно и предварительно въ лицѣ верховной власти. Собственно говоря, взглядъ русской церкви на отношенія къ еретикамъ и раскольникамъ въ цѣляхъ ихъ исправленія и для избѣжанія опасности отъ нихъ, оставался въ первые годы синодальнаго управленія тотъ же самый, какой высказанъ былъ представителями церкви на московскихъ соборахъ 1666—67 гг. Перемѣнъ не послѣдовало никакихъ. Постоянныя дѣла изъ-за раскольниковъ заставили церковную власть опредѣленно высказаться касательно практиковавшихся тѣлесныхъ наказаній.

Въ 1722., Св. Синодъ, разрѣшая нѣкоторыя недоумѣнія Іосифа Рѣшилова по дѣламъ раскола, привелъ въ извѣстность и повторилъ постановленіе «Кормчей книги» объ еретикахъ и раскольникахъ и наказаніи ихъ гражданскимъ закономъ, тождественное съ тѣмъ, какое было приведено на соборахъ 1666—1667 гг. по тому же самому дѣлу [1]). По опредѣленію Св. Синода, основанному на соборныхъ постановленіяхъ и практикѣ древне-вселенской и русской церкви, еретиковъ и раскольниковъ подобаетъ наказати церковнымъ и гражданскимъ казненіемъ. Сдѣлана ссылка на «Уложеніе» 1649 г., на «Военный Артикулъ» и на «Патріаршій разрядъ» для оправданія и необходимости подвергать раскольниковъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Такимъ образомъ гражданская власть была только исполнительницею крайнихъ послѣднихъ мѣръ въ отношеніи къ раскольникамъ,—мѣръ, которыя церковь одобряла, но совершеніе которыхъ она предоставляла гражданской власти, убѣдившись въ безуспѣшности мѣръ духовныхъ.

Но это была уже крайность, къ которой церковь прибѣгала по необходимости, по причинѣ осложненія за раскольниками дѣлъ церковныхъ съ гражданскими и политическими, какъ это было въ дѣлѣ

[1]) Собр. т. III, № 1086, стр. 127—130. Собр. узакон. Рус. Госуд. Изд. Карновича. Спб. 1874 г., т. I, № 412, 692 стр.

Левина. По долгу пастырства, церковь должна была прибѣгать помимо духовныхъ мѣръ, къ мѣрамъ наказаній церковныхъ, дабы не прибѣгать къ содѣйствію власти гражданской [1]). Это дозволялось и бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда проступки раскольниковъ по своему качеству подлежали суду церковному. Такому же суду подлежали тѣ, кои повидимому не принадлежали къ расколу, но образомъ жизни и дѣйствій возбуждали подозрѣніе въ вѣрности православію. Для испытанія и наказанія такихъ лицъ церковь прибѣгала къ заточенію ихъ въ монастыряхъ подъ надзоръ тамошняго начальства. Впрочемъ, иногда, заточеніе слѣдовало послѣ тѣлеснаго наказанія. Такъ поступлено было, напр., съ коломенскимъ попомъ Яковомъ Семеновымъ за совершеніе въ Москвѣ въ разныхъ домахъ церковныхъ требъ раскольническимъ обычаемъ; Якова Семенова приговорили послать въ Соловецкій монастырь послѣ снятія съ него священническаго сана и битія его кнутомъ нещадно. Заточеніе въ монастырь было тяжелымъ наказаніемъ. Семеновъ долженъ былъ находиться въ земляной тюрьмѣ безвыходно до смерти; надзоръ за нимъ требовался строгій подъ страхомъ отвѣтственности какъ здѣсь «предъ царскимъ Величествомъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ, на второмъ пришествіи Христовѣ» [2]). Правда, попъ Я. Семеновъ умеръ до приведенія въ исполненіе тѣлесныхъ и духовныхъ наказаній, на опредѣленное по этому случаю наказаніе можетъ служить примѣромъ отношенія церковно-гражданской власти къ подобнымъ Семенову лицамъ и поступкамъ.

Нельзя не упомянуть еще объ одной мѣрѣ противъ раскольниковъ. По своему происхожденію, мѣра эта случайная, но дѣйствіе ея на послѣдователей раскола должно было быть чрезвычайнымъ. Разумѣемъ исключеніе раскольниковъ изъ дѣйствія милостиваго манифеста, обнародованнаго по случаю заключенія мира со Швеціею [3]).

Извѣстно, что по случаю прекращенія «Сѣверной войны» и заключенія мира Россіи со Швеціей, состоявшагося 30 авг. 1721 г., въ знакъ благодарности за Божію милость, дано было прощеніе всѣмъ осужденнымъ преступникамъ, освобождены государственные должники, сложены недоимки, накопившіеся съ начала войны по 1718 годъ. Радость была тогда общая и продолжительная [4]). Однако дѣйствіе ми-

[1]) Были случаи, когда за неисполненіе таинствъ исповѣди и св. причащенія позволялось чинить по разсмотрѣнію архіерейскому тѣлесное наказаніе нѣкоторымъ лицамъ, какъ, напр., церковнымъ сторожамъ, пѣвчимъ, иподьякамъ, дьячкамъ и пономарямъ, какъ всегда при церкви сущимъ и неотложно исповѣдь чинить могущимъ (Опис. т. IV, № 324. 310 стр.).

[2]) Опис. т. I, № 278, 311 стр.

[3]) Собр. т. II, № 590. Опис. т. IV, № 530, стр. 542—43.

[4]) Истор. Россіи. С. Соловьева, т. XVIII, стр. 387—8.

лостиваго манифеста не распространилось на раскольниковъ. Это лишеніе послѣдователей раскола милостей царскихъ въ такой великій историческій моментъ вытекало не изъ самого манифеста, а изъ приложенія его къ лицамъ, случаямъ и отношеніямъ, которыхъ касался онъ впослѣдствіи во время судебнаго производства и денежныхъ разсчетовъ. Не сразу, поэтому, выяснилось надлежащее толкованіе означеннаго манифеста; были недоумѣнія, запросы и протесты какъ со стороны заинтересованныхъ лицъ, такъ и со стороны правительственныхъ учрежденій. Съ запросами по этому предмету въ Св. Синодъ обращались златоустовскій архимандритъ и епископъ Питиримъ [1]). Возникшее по этому случаю дѣло было рѣшено въ Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 30 апрѣля 1722 года, слѣдующимъ образомъ:

«Хотя милосердымъ Е. И. В. указомъ (19 окт. 1721 г.) нынѣшней ради государственной о вѣчномъ Россійской Имперіи со Шведскою короною мирѣ генеральное прощеніе и отпущеніе винъ и учинено, однакоже по Его Императорскаго Величества указу и по сенатскому приговору показано обрѣтающимся въ каторжной работѣ раскольщикомъ хотящеся быть свобода какъ обратятся, а до обращенія велѣно быть во оной работѣ. И отъ сего дается знать, что какъ раскольщикамъ безъ обращенія вина ихъ не оставляется, такъ и тѣмъ, которые неисполненіемъ исповѣди подобни суть, оставлять штрафы не надлежитъ». Опредѣленіе это сопровождалось слѣдующими соображеніями, въ объясненіе бывшихъ недовольства и жалобъ. Съ раскольниковъ надлежало собирать штрафы и лишать дѣйствія манифеста потому, что «тѣ штрафы положены для возбужденія нерадивыхъ ко исполненію, по христіанской должности, повсегодной исповѣди и пресѣченія ради размножающейся раскольнической прелести; а ежели онымъ, помянутыя штрафныя деньги, которыя хотя и не для умноженія Его Императорскаго Величества казны, но вышеозначенныхъ ради причинъ положены, оставить, то наибольши нерадивые въ слабость пріидутъ и раскольническая прелесть наипаче размножаться будетъ» [2]).

Мѣра эта, состоявшая въ царской немилости къ послѣдователямъ раскола и исходившая отъ самого престола, должна быть отнесена къ тяжкимъ наказаніямъ; она дѣйствовала угнетающимъ образомъ на раскольниковъ; послѣдніе не могли надлежащимъ образомъ понять и оцѣнить всѣ тѣ соображенія, которыми руководилась власть, ограничивая дѣйствія манифеста 30 августа 1721 года по отношенію къ раскольникамъ. Тщетно раскольники ссылались на ма-

[1]) Собр. т. II, №№ 590 и 657.

[2]) Собр. т. II, № 590.

нифестъ отъ 30 августа 1721 года, надѣясь на облегченіе своего положенія и дальнѣйшей участи во время допросовъ по судебнымъ дѣламъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, ослабленіемъ дѣйствія означеннаго манифеста раскольники поставлены были ниже и хуже преступниковъ; обида и тяжесть такого униженія тѣмъ болѣе были чувствительны, что раскольники наравнѣ съ другимъ податнымъ и служилымъ населеніемъ несли бѣдствія продолжительной и обременительной войны посредствомъ постановки солдатъ и уплаты особыхъ военныхъ податей; а нѣкоторые изъ раскольниковъ оказали особенное усердіе и помощь русскому войску въ 1709 году, во время передвиженій его предъ Полтавскимъ сраженіемъ [2]).

Всѣ перечисленные до сихъ поръ нами штрафы, ограниченія и лишенія правъ раскольниковъ вмѣстѣ съ наказаніями и ссылками должны были, по мнѣнію властей, дѣйствовать на ослабленіе раскола. Означенныя мѣры направлены были прямо непосредственно противъ раскола. Но были еще косвенныя мѣропріятія со стороны церковно-гражданской власти къ ослабленію раскола. Мѣропріятія эти состояли, съ одной стороны, въ устраненіи поддержки, поблажки и укрывательства, какія оказывали расколу разныя лица по различнымъ, преимущественно корыстнымъ, побужденіямъ; съ другой стороны, мѣры состояли во благосклонности, помощи и покровительствѣ обратившимся изъ раскола въ православіе, для устроенія ихъ внѣшняго, матеріальнаго положенія наравнѣ съ устройствомъ церковно-каноническаго, о чемъ была рѣчь ранѣе.

Усерднѣе всѣхъ могли содѣйствовать укрывательству раскольниковъ по чисто нравственнымъ дружескимъ побужденіямъ сами же раскольники; изъ-за корыстныхъ побужденій и отчасти изъ-за сочувствія къ заблужденіямъ раскольниковъ могли содѣйствовать священники и вообще низшій клиръ, матеріально не обезпеченный и невѣжественный; тѣ же побужденія входили въ разсчетъ гражданскихъ властей въ ихъ содѣйствіи расколу. Противъ этого общеизвѣстнаго явленія и были направлены главнымъ образомъ мѣры въ ослабленіе раскола.

По сенатскому и синодскому указу въ 1722 году было объявлено: записные раскольники обязаны были доносить о раскольникахъ потаенныхъ и незаписныхъ [3]), если это будетъ имъ извѣстно. Требованіе это по отношенію къ священникамъ усиливалось, и должно было выполняться очень строго подъ страхомъ большой отвѣтственности. Обязательство не укрывать раскольниковъ, а доносить о нихъ, требо-

[1]) Собр. т. II, № 724.

[2]) Мельниковъ. Очерки поповщины, стр. 69—70.

[3]) Собр. т. II, № 453.

валось при посвященіи священниковъ на мѣсто. Послѣ знанія «вѣры и закона христіанскаго» отъ посвящаемаго въ священническій санъ требовалось, «да проклянетъ въ церкви публично вся имянно раскольническія согласія съ присягою, что если въ приходѣ своемъ усмотритъ такихъ раскольниковъ, чрезъ удаленіе отъ святой евхаристіи или чрезъ иныя примѣты, то не будетъ укрывать молчаніемъ, но подастъ объ нихъ вѣдѣніе на письмѣ епископу своему». Подъ условіемъ такой присяги и посвящали, иначе подвергались немалому штрафу [1]). Священникъ, какъ пастырь врученныхъ ему овецъ, долженъ былъ наблюдать, не входятъ-ли въ домъ котораго прихожанина чернецы и и учители раскольническіе или льстецы-пустосвяты, и если оныхъ увидитъ, долженъ *ловить* и *отослать* въ домъ архіерейскій подъ страхомъ лишенія священства и мірскаго наказанія [2]). «Когда пріидетъ священникъ къ больному слушать его исповѣданія и сообщить тайнамъ святымъ, то исповѣди его слушать будетъ на-единѣ, а тайнамъ святымъ сообщить при людяхъ дому того, такожъ и при своихъ церковникахъ. А сіе для того, что попы нѣкіи окаяннiи, утаивая раскольниковъ, притворяютъ, будто они больного сообщаютъ святымъ тайнамъ на-единѣ, дабы раскольникъ, таковымъ причастія притворомъ, утаенъ былъ. За такое безбожіе попу чюжду весьма быть священства и подъ мірскій судъ въ тѣлесное наказаніе подвержену, а раскольника, тако крыющагося, все имѣніе взять на Государя. А кто подстерегъ тако злодѣйствующихъ попа съ раскольникомъ донесетъ, и тому дать въ награжденіе половину или третью долю взятаго имѣнія раскольникова. Тоежъ дѣлать и съ попомъ, который, подкупленъ отъ раскольниковъ, пріемлетъ ихъ младенцы будто къ крещенію, и не крестивъ отсылаетъ» [3]). За исправленіе требъ у раскольниковъ священники лишались своего сана; священники подвергались строгому суду, когда они, потакая расколу, писали неисповѣдавшихся исповѣдавшимися [4]).

Обязательныя требованія отъ священниковъ содѣйствія церковно-гражданской власти въ отысканіи и преслѣдованіи раскольниковъ подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности за ослушаніе и сопротивленіе составлены и изданы были къ общему свѣдѣнію не только въ предупрежденіе небрежности и злонамѣренности со стороны низшаго духовенства, но на основаніи дѣйствительныхъ и частыхъ случаевъ злоупотребленія клиромъ.

Такъ, по донесенію Плещеева въ 1721 г., были лишены сана за сочувствіе расколу два священника Московской епархіи, Ѳедоръ Матвѣевъ

[1]) Собр. т. II, № 439, 86—87 стр.

[2]) Ibid. № 596, 246 стр.

[3]) Собр. т. II, № 596, 246.

[4]) Ibid. т. III, № 972, 11 стр.

и Сергѣй Никитинъ. Служа въ Москвѣ, священникъ Ѳ. Матвѣевъ отклонялъ, какъ оказалось по розыску, своихъ духовныхъ дѣтей отъ хожденія въ православныя церкви и отъ исправленія требъ у православныхъ священниковъ; имѣлъ у себя требникъ съ припискою въ чинѣ исповѣди вопроса: «не бривалъ-ли по еретически брады?» хранилъ въ дароносицѣ двоевидные дары: одни бѣлые—подлинные, а другіе смуглые, привезенные, по словамъ Ѳедора, изъ Стародубья, изъ Вѣтки. Святѣйшій Синодъ осудилъ попа Ѳедора въ Соловки, на вѣчную работу монастырскую, не возвративъ ему сана до самой смерти; имущество его было отобрано и запечатано.—Другой священникъ. С. Никитинъ, говорилъ, что въ церквахъ службу и святую литургію служатъ не по правиламъ святыхъ отецъ, и святыя тайны—не тайны оттого, что все отправляется въ службѣ по нынѣшнему преданію, а не по старинному завѣту. Попъ Никитинъ крестился и прихожанамъ внушалъ креститься двуперстнымъ сложеніемъ; при крещеніи и вѣнчаніи ходилъ по солнцу; святую церковь ругалъ всяческими неподобными словами; отказывался исповѣдываться у своего духовнаго отца; за здоровье царя и царицъ не молился. Образъ своихъ дѣйствій оправдывалъ такими соображеніями: «въ двуперстномъ старообрядческомъ крестномъ знаменіи себя содержитъ (и будетъ содержать) для того, что съ тѣмъ крестомъ живутъ пространнѣе и улучить можно царствіе небесное, а которые де слагаютъ три перста большіе, тѣмъ жить тѣсно (?) и Царствія Небеснаго улучить не могутъ. А за Государево здоровье прежде Бога молилъ, а когда покрали (обокрали?) церковь (при которой служилъ), говорилъ: «не надобно за Государя Бога молить для того, что ворамъ потачку далъ». А какую ворамъ потачку далъ, о томъ при розыскѣ не показалъ, а говорилъ: «ежели де больше говорить, то голову отсѣкутъ». Попъ Никитинъ, по лишеніи сана, посланъ былъ въ ссылку въ Соловки съ особеннымъ постановленіемъ: «быть ему у гражданскаго суда и судить по Его Государевымъ указамъ» [1]), по причинѣ, какъ можно думать, немоленія о царѣ [2]). Лишеніемъ сана были наказаны и другіе священники за сочувствіе расколу и за дурные отзывы о предержащихъ властяхъ [3]).

Послѣ низшаго клира укрывать и потакать раскольникамъ могли волею или неволею гражданскія власти и отдѣльныя лица, официальныя и частныя, и такимъ образомъ направленныя противъ раскола мѣры правительства могли задерживаться, ослабляться, ложно пониматься и слѣдовательно не достигать цѣли. На эту сторону дѣла прави-

[1]) Опис. т. II, № 819, 54—5; Опис. т. I, № 119, стр. 90—91.

[2]) Опис. т. I, № 119, 91—92 стр.

[3]) Опис. т. I, № 180, 181, № 704. 733—4.

тельство неоднократно обращало свое вниманіе. Въ одномъ изъ докладныхъ пунктовъ Святѣйшій Синодъ испросилъ Высочайшую резолюцію на то, дабы посылаемымъ для поимки тайныхъ раскольническихъ учителей отъ духовнаго правительства и конторы раскольныхъ дѣлъ людямъ чинено было безпрепятственное послушаніе и не требовалось бы свѣтскими чиновниками послушныхъ отъ командировъ ихъ указовъ, т. е. чтобы въ дѣлахъ по расколу, по приведенію въ силу распоряженій о расколѣ для оказанія содѣйствія въ исполненіи указовъ, свѣтскія учрежденія не сносились—низшія съ высшими, высшія съ подчиненными, каковое сношеніе и переписка сопровождались потерею времени и вели къ ограниченію власти церковно-правительственной. Святѣйшій Синодъ заявлялъ: «Ежели въ поимкѣ (раскольническихъ) лжеучителей вольности (свободы дѣйствій) Синоду дано не будетъ, то не только оныхъ изыскивать и искоренить будетъ неудобно, но они успѣшнѣе будутъ совращать въ расколъ многихъ, ко вреду церкви; свѣтскіе управители, во изысканіи раскольниковъ, не только не помогаютъ духовнымъ, но и препятствуютъ. Синодъ указывалъ въ примѣръ на фактъ, когда «вязниковскій судья Опрянинъ чрезъ насиліе освободилъ изъ-за рѣшетки (ареста) раскольника—подьячаго Лютова, взялъ его къ себѣ на дворъ и противъ посланнаго къ нему изъ Приказа церковныхъ дѣлъ указа не отвѣтствовалъ»; ежели такая дерзость оному оставится и впредь во всѣхъ свѣтскихъ командахъ о томъ не воспретится, то большую возымѣютъ оные къ тайному раскольниковъ отъ духовныхъ восхищенію смѣлость, а раскольщикамъ умножаться будетъ безстрашіе и въ свободѣ надежда—не умаляться или въ боязни быть, но превозмогать». Изложенная просьба Святѣйшаго Синода была первостепенной важности; она возбуждена и представлена была Петру I въ 1721 г., отъ 19 ноября, въ первый годъ дѣятельности Святѣйшаго Синода; такое или иное рѣшеніе ея должно было сопровождаться большими послѣдствіями для церкви и государства. Царь отнесся къ этому дѣлу съ отличавшими его осторожностію и обдуманностію, такъ, чтобы не страдала и не злоупотребляла ни та, ни другая сторона. Не только резолюція по этому вопросу принадлежала Петру, но и редакція ея.

Резолюція Петра состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: въ первой повелѣвается, чтобы свѣтскіе начальники довѣряли тѣмъ лицамъ, которыя будутъ посылаться отъ Святѣйшаго Синода по дѣламъ раскола, и оказывали имъ содѣйствіе: за ослушаніе угрожалось строгимъ наказаніемъ; вторая состоитъ изъ требованія, чтобы духовные приставники, т. е. лица уполномоченныя отъ Синода, непосредственно обращались къ свѣтскимъ начальникамъ съ подозрѣваемыми въ расколѣ для изслѣдованія дѣла; обнаружится-ли, или не обнаружится принад-

лежность подозрѣваемаго къ расколу, онъ отдается въ распоряженіе духовнаго приставника съ условіемъ, чтобы свѣтскій начальникъ въ сомнительныхъ случаяхъ доносилъ въ Святѣйшій Синодъ и Сенатъ, гдѣ дѣло должно быть разсмотрѣно и рѣшено при участіи духовныхъ и свѣтскихъ членовъ [1]).

Это было въ концѣ 1721 г. Въ 1722 г., 12 апрѣля, Петромъ I положена была совершенно такая-же резолюція на докладной пунктъ Святѣйшаго Синода слѣдующаго содержанія: «если кто (т. е. изъ начальниковъ свѣтскихъ) въ своихъ областяхъ вѣдая раскольщиковъ, для своего интереса, покрывать и защищеніе симъ будетъ чинить, и по увѣщанію духовнаго правительства не похощетъ въ томъ исправиться, то съ такимъ по «Духовному Регламенту»-ль поступать? Резолюція Петра: «подлежитъ такой казни, какъ противникъ власти» [2]). Если сравнить резолюцію Петра съ постановленіемъ «Духовнаго Регламента» о преданіи начальниковъ за укрывательство раскольниковъ анаѳемѣ, то бо́льшую строгость нужно признать за вышеозначенною резолюціею, какъ узаконеніемъ позднѣйшимъ.

Къ строгимъ мѣрамъ побуждали и вынуждали противозаконныя дѣйствія въ пользу раскола нѣкоторыхъ оффиціальныхъ лицъ. Такъ, алатырскій князь М. Б. Мещерскій запретилъ дворянину М. Русинову собирать штрафныя деньги съ раскольниковъ и выгналъ его изъ города съ безчестіемъ; муромскій воевода В. Кафтыревъ также поступилъ съ дворяниномъ Я. Пановымъ, не смотря на то, что оба сборщика дѣйствовали по распоряженію нижегородскаго губернатора Ржевскаго [3]). Печальную извѣстность въ качествѣ (въ роли) защитника раскола пріобрѣлъ стародубскій комендантъ Пашковъ, «всезлобный заступникъ раскольниковъ», отчасти намъ уже извѣстный. Пашковъ противодѣйствовалъ миссіи І. Рѣшилова въ Малороссіи, въ 1723—1724 гг., всѣми мѣрами, отъ возмущенія тамошняго населенія до насилія и буйства. О положеніи дѣла свидѣтельствуетъ, между прочимъ, донесеніе священника Игнатія Петропавловскаго изъ Стародуба въ правленіе «Коммисаріата раскольныхъ дѣлъ», отъ 24 апрѣля 1724 г. «Поелику», пишется въ донесеніи, «раскольники опять по прежнему востріумфовали (взяли перевѣсъ) со защитникомъ своимъ комендантомъ: то отнюдь невозможно никоими мѣрами взять кого отъ раскольниковъ, волочащихся по городу, и что касается до нихъ дѣла востребовать: ибо нашихъ посыльныхъ бьютъ»... [4]). Помимо грубыхъ насилій и явнаго противодѣйствія церковно-гражданской власти въ

[1]) Собр. т. I, № 312, 366—367.

[2]) Собр. т. II, № 532, 176 стр.

[3]) Есиповъ. Раск. дѣла, т. II, 274 стр.

[4]) Собр. т. IV, 1386, 240.

дѣлахъ раскольныхъ, вмѣшательства и препятствія въ эту область со стороны отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ учрежденій происходили часто оттого, что «раскольныя дѣла» вѣдались многими учрежденіями, духовными и гражданскими до особаго распоряженія, по которому дѣла о раскольникахъ переданы въ «Духовную Коллегію» изъ «Преображенскаго Приказа», гдѣ они разсматривались. Распоряженіе это послѣдовало въ первый годъ дѣятельности Святѣйшаго Синода, въ февралѣ 1721 г., въ предупрежденіе многихъ неудобствъ, остановки въ дѣлахъ и злоупотребленій. Распоряженіе это, какъ и всякая новая мѣра, не сразу вошло въ привычку и дѣйствіе со стороны заинтересованныхъ въ томъ лицъ [1]); посему являлась необходимость въ возбужденіи особыхъ дѣлъ о случаяхъ вмѣшательствъ гражданскихъ властей въ непринадлежавшую имъ сферу. Для примѣра можно указать на синодальное дѣло по опредѣленію о требованіи сатисфакціи (удовлетворенія) на олонецкаго комисара Ив. Уварова за то, что онъ насильно и незаконно освободилъ изъ оковъ двухъ закоренѣлыхъ и зловредныхъ раскольниковъ, причемъ освобожденіе это сопровождалось побоями стряпчаго за отказъ освободить раскольниковъ [2]). Поступокъ Уварова совершенъ черезъ годъ послѣ распоряженія о передачѣ раскольныхъ дѣлъ въ опредѣленное учрежденіе, когда уже дѣйствовалъ «Духовный Регламентъ,» требовавшій предавать анаѳемѣ за укрывательство раскольниковъ. Если за укрывательство раскольниковъ полагалось такое строгое, хотя и церковное, наказаніе, то поступокъ Уварова относился къ уголовнымъ дѣламъ, за которые виновные судились какъ противники царской власти. Можно думать, что постановленіе о причисленіи дѣлъ по обвиненію въ расколѣ къ злодѣйственнымъ обязано происхожденіемъ своимъ общимъ мѣрамъ противъ потакателей раскола, дабы ограниченіемъ правъ подсудимаго направлять дѣло къ обвиненію послѣдняго, какъ это замѣтно было во время судопроизводства по обвиненію генералъ-рекетмейстера Павлова (см. выше).

Одновременно съ изданіемъ строгихъ наказаній за совращеніе въ расколъ церковно-гражданская власть оказывала милость и даже льготы тѣмъ, кто обращался изъ раскола въ православную церковь. Иначе и быть не могло. Если бы церковь не возвращала правъ и житейскихъ удобствъ, потерянныхъ гражданиномъ при записи и переходѣ его въ расколъ, то миссія ея по обращенію заблуждавшихся, затруднительная вообще и малоуспѣшная, была бы положительно немыслима; теоретическіе доводы тогда мало убѣждали; болѣе дѣйствовали соображенія матеріальнаго и служебнаго свойства.

[1]) Ibid т. I, № 4. Опис. т. I, X прилож.

[2]) Опис. т. II, № 326.

За обращеніе изъ раскола церковно-гражданское законодательство прощало вины, возвращало вполнѣ или отчасти и постепенно прежнія должности и общественное положеніе.

Въ 1721 г. обратились изъ раскола два попа московской епархіи: Ив. Васильевъ и Ив. Якимовъ. По опредѣленію Святѣйшаго Синода, священство имъ не возвращено, но дозволено имъ быть до особаго распоряженія, лучшаго ради исправленія и всегдашняго въ несумнительномъ святой церкви покореніи содержанія, въ Москвѣ при церквахъ церковниками; наказано смотрѣть за ними, чтобы они присягу данную твердо содержали; а за расколъ и другія показанныя допросами продерзости отъ священнодѣйствія ихъ отрѣшить до указу. Имъ давалось право доносить на другихъ раскольниковъ; по доносу ихъ должны были производиться слѣдствія [1]).

Въ 1721 г., отъ 4 ноября, состоялся сенатскій указъ, которымъ повелѣвалось: «въ каторжной работѣ раскольникамъ быть пока обратятся, а какъ обратятся, тогда для опредѣленія посылать въ Святѣйшій Синодъ» [2]). Въ силу этого указа освобождены были изъ ссылки два священника нижегородской епархіи—Аѳанасій Артемьевъ и Тимоѳей Мокѣевъ. Будучи въ каторжной работѣ, Мокѣевъ и Артемьевъ отъ раскольства возвратились и обѣщавшись предъ всевышнимъ Богомъ имѣть православную вѣру, исповѣдывались два раза и святыхъ таинъ сподоблены. Для разсмотрѣнія ихъ обращенія и опредѣленія на соотвѣтственное мѣсто они отправлены были къ епископу Питириму. По дорогѣ въ Москву Мокѣеву и Артемьеву запрещено было, подъ страхомъ смертной казни, приставать въ послуженіе въ монастыри и приходскія церкви и жить въ селахъ и деревняхъ, не взирая на превеликое оскудѣніе, и нищету ихъ [3]).

Если раскольническій попъ обратится къ православной вѣрѣ, то онъ могъ быть допущенъ до возведенія въ санъ священника, если оказывался того достойнымъ «по разуму и постоянству», т. е. по грамотности и трезвой жизни. Производство его въ священника зависѣло отъ усмотрѣнія епископа [4]).

Въ 1722 г., Святѣйшій Синодъ, въ цѣляхъ обезпеченія обратившихся изъ раскола монаховъ и монахинь и привлеченія другихъ раскольниковъ къ обращенію, опредѣлилъ выдавать перешедшимъ въ православіе монахамъ и монахинямъ по 5 рублей въ годъ изъ собираемой съ раскольниковъ суммы. Дѣло объ обезпеченіи монаховъ и монахинь разсматривалось въ Святѣйшимъ Синодѣ по представленію

[1]) Собр. т. I, № 295.

[2]) Опис. т. I, № 704.

[3]) Ibid.

[4]) Собр. т. II, № 454, 107.

и ходатайству епископа Питирима, затруднявшагося устройствомъ судьбы обращенныхъ изъ раскола монашествующихъ. Для послѣднихъ въ 1718 г. отданы бѣлбашскіе новонаселенные починки ради пропитанія и ради всякихъ церковныхъ и монастырскихъ потребъ исправленія. Здѣсь образовались монастыри. Пока послѣдніе пользовались, по особому на то разрѣшенію, услугами и помощію бѣглыхъ, скопившихся сюда изъ разныхъ мѣстъ во множествѣ помѣщичьихъ крестьянъ, дѣла монастырей были удовлетворительны. Но когда большая половина бѣлбашскихъ крестьянъ, по распоряженію правительства, перешла къ своимъ прежнимъ помѣщикамъ, у монаховъ и монахинь стала быть велія скудость и въ одѣяніи, и въ самыхъ нужныхъ потребахъ, на что̀ смотря—объяснялъ Питиримъ—и другимъ обращатися есть неохотно. Матеріальные недостатки монашествовавшей братіи усилились еще отъ того обстоятельства, что бѣлбашскіе починки были мѣстомъ, куда ссылались «подъ началъ» раскольники, необратившіеся по винамъ (не сознавшіеся въ проступкахъ); ихъ нужно было кормить и одѣвать [1]). Ходатайство Питирима было уважено.

Нѣкоторымъ изъ обратившихся въ православіе монахамъ не только возвращены прежнія степени священства, но и даны весьма важныя порученія, за исполненіе которыхъ одни получали награды и повышенія по службѣ, а другіе достигли извѣстности и довѣрія со стороны высшей духовной власти и даже самого Петра, умѣвшаго и любившаго цѣнить заслуги благонамѣренныхъ и дѣятельныхъ людей. Къ лицамъ, вышедшимъ изъ среды раскола и за полезную дѣятельность по части обращенія другихъ въ православіе и ослабленія раскольническаго заблужденія снискавшимъ милость и почести отъ церковно-гражданской власти, принадлежалъ извѣстный архіепископъ Питиримъ. Непродолжительная, но ревностная принадлежность Питирима къ расколу, обратилась впослѣдствіи въ пользу дѣла миссіи по обращенію послѣдователей раскола. Замѣчательно, что дѣятельными помощниками Питирима по части обращенія раскольниковъ были вышедшіе, подобно ему, изъ раскола духовныя лица—монахи.

Такъ, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 8 февраля 1722 г., обратившемуся отъ раскола іеромонаху Варсанофію, «за показанное отъ него тщаніе во обращеніи отъ расколу людей къ православной вѣрѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, выдано жалованье, т. е. награда (изъ сборныхъ съ раскольниковъ денегъ) сто рублей, того ради, дабы ему и впредь было всеприлежное ко обращенію другихъ радѣніе» [2]). Вмѣстѣ съ саномъ священства предоставлены были должности миссіонеровъ среди раскольниковъ въ различныхъ мѣстахъ обратившимся

[1]) Опис. т. II, № 151.

[2]) Собр. т. II, № 410.

изъ раскола извѣстнымъ впослѣдствіи своею дѣятельностію іеромонахамъ Іосифу Рѣшилову, Неофиту и Филарету [1]).

Для удержанія обратившихся изъ раскола въ твердости православной церкви, духовная власть озаботилась устроеніемъ церквей для удовлетворенія религіозныхъ потребностей. Потребность въ устройствѣ церквей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была большая. Удовлетворить этой потребности старался епископъ Питиримъ въ цѣляхъ «лучшаго другихъ отъ раскола ко святой церкви обращенія». Въ 1721 г. Питиримъ построилъ церковь въ Керженскихъ лѣсахъ для обратившихся изъ раскола монахинь Досиѳеи, Меланіи и прочихъ рядовыхъ старицъ, и освятилъ ее; но недостатокъ былъ въ богослужебныхъ и церковно-учительныхъ книгахъ и колоколахъ; поэтому Питиримъ просилъ въ Святѣйшемъ Синодѣ снабдить означенную новоустроенную церковь книгами и колоколами, «во отправленіе всякого молитвословія обратившимся и впредь обращающимся и того ихъ обращенія имъ во утвержденіе, а желающимъ обращенія къ лучшей ревности». По распоряженію Святѣйшаго Синода книги даны безденежно изъ наличныхъ, имѣвшихся въ синодальной типографіи; а колокола, вѣсомъ въ 4 пуда, позволено купить изъ сборныхъ съ раскольниковъ штрафныхъ денегъ и изъ собраннаго двойнаго оклада [2]).

Для тѣхъ же цѣлей Іосифъ Рѣшиловъ въ 1722 г., въ Малороссіи, старался построить церковь въ раскольнической слободѣ Зыбкой, но это ему не удалось по причинѣ противодѣйствія и даже насилія со стороны коменданта Пашкова и другихъ защитниковъ раскола. Была-ли устроена церковь послѣ, неизвѣстно [3]).

Въ цѣляхъ облегченія участи раскольниковъ, перешедшихъ въ православіе, правительство поступалось своими денежными интересами. Въ силу указовъ отъ 28 февраля и 16 іюля 1722 года, Святѣйшій Синодъ слагалъ съ обращавшихся двойной окладъ. Указъ о невзиманіи двойного оклада съ обратившихся изъ раскола за всѣ прошедшіе годы до ихъ обращенія состоялся еще въ 1721 г., отъ 25 сентября. Повтореніе его дважды въ 1722 году можно объяснить неисполненіемъ и даже злоупотребленіемъ со стороны нѣкоторыхъ [4]).

Монастыри служили главнымъ мѣстомъ, куда отправляемы были обратившіеся изъ раскола старцы и старицы, убогіе, безпріютные и неспособные къ самостоятельной дѣятельности и труду. По резолюціи Святѣйшаго Синода отъ 24 апрѣля 1721 года, послѣдовавшей въ разрѣшеніе нѣкоторыхъ возраженій и препирательствъ при водвореніи

[1]) Опис. т. I, № 403, 507.

[2]) Собр. т. II, № 406.

[3]) Опис. т. I, № 507.

[4]) Собр. т. I, № 235, 286.

обратившихся изъ раскола на мѣсто жительства въ монастыряхъ, требовалось старцевъ обратившихся посылать «въ Троице-Сергіевъ монастырь, въ Чудовъ, въ Новоспасскій (въ Москвѣ, на Крутицахъ) и велѣть властямъ объ оныхъ имѣть особенное призрѣніе, держать ихъ тамъ неисходно, въ трудахъ, къ какому кто способенъ, и вручать ихъ искуснымъ монахамъ подъ началъ и объ оныхъ обращеніи и житіи писать часто въ Приказъ церковныхъ дѣлъ». Были случаи, когда нѣкоторые изъ начальствовавшихъ монастырями отказывались отъ принятія къ себѣ обратившихся изъ раскола, ссылаясь то на непомѣстительность монастыря, то на опредѣленный штатъ братіи, то на зависимость монастыря отъ Высочайшихъ Особъ. Противодѣйствіе синодской резолюціи оказали—одинъ архимандритъ и одна игуменія; но Святѣйшій Синодъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ рѣшительно и внушительно, заставивши ослушниковъ подчиниться своей власти [1]). Подобные случаи были, впрочемъ, рѣдки, совсѣмъ исключительны.

Обращавшимся изъ раскола монахамъ и монахинямъ Святѣйшій Синодъ давалъ свободу выбора относительно исполненія данныхъ въ расколѣ обѣтовъ монашества. Опредѣленіе Святѣйшаго Синода по этому дѣлу выражено въ слѣдующемъ видѣ: «если постриженные отъ раскольническихъ черныхъ поповъ желаютъ по обращеніи монашествовать, вольно имъ, только въ монастыри принимать ихъ и къ монахамъ причислять не просто, но по надлежащему» [2]). По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 26 апрѣля 1721 г. требовалось: «если монахи и монахини постриженные правильно, чрезъ православныхъ іеромонаховъ, не обратятся изъ раскола, то такихъ по растриженіи отдавать къ розыску въ канцелярію Плещеева; постриженныхъ раскольническими учителями, по снятіи съ нихъ монашескаго одѣянія, отсылать къ гражданскому суду [3]).

Изложенныя общія и частныя мѣры по отношенію къ раскольникамъ обнимали всѣ главнѣйшія стороны какъ послѣдователей раскола, остававшихся упорными въ своихъ заблужденіяхъ, такъ и обращавшихся изъ раскола къ церкви. *Мѣры эти*, съ одной стороны, вытекавшія изъ господствовавшихъ взглядовъ и законоположеній о расколѣ, а съ другой—изъ условій тогдашней жизни, разнообразились и приспособлялись къ лицамъ разнаго положенія, званія и чина. При осуществленіи этихъ мѣръ на дѣлѣ, въ дѣйствительности, должны были встрѣчаться и встрѣчались недоумѣнные вопросы, требовавшіе отъ высшей церковной власти разсмотрѣнія и рѣшенія. Подвести эти недоумѣнные случаи подъ опредѣленные рубрики трудно. Поэтому о

[1]) Собр. т. I, № 74, стр. 101.

[2]) Собр. т. II, № 454, 106 стр.

[3]) Собр. т. I, № 74, стр. 102.

каждомъ изъ нихъ рѣчь будетъ отдѣльно, въ порядкѣ бо́льшей или меньшей ихъ важности. Инициатива этихъ недоумѣнныхъ вопросовъ, предложенныхъ на усмотрѣніе Святѣйшаго Синода одновременно, въ 1722 году,—принадлежала главнымъ образомъ, двумъ дѣятелямъ—архимандриту Антонію и миссіонеру—сыщику раскола въ Малороссіи І. Рѣшилову. Отличительный характеръ вопросовъ Антонія и Рѣшилова состоитъ въ томъ, что вопросы перваго—характера церковно-каноническаго, а втораго—церковно-административнаго свойства. Здѣсь заслуживаютъ вниманія слѣдующіе [1]).

Вопросъ: если изъ записныхъ раскольниковъ кто будетъ заявлять, что онъ записанъ въ расколъ не своею волею, но принужденъ родительскою, или господскою волею,—съ таковыхъ за бытность ихъ временно брать-ли двойный окладъ, а тѣ, кто принуждалъ, чему подлежатъ?

Отвѣтъ: «которые явятся записаны въ расколъ чьимъ принужденіемъ, таковые отъ платежа свободны и принять ихъ съ присягою, а понудившіе подлежать наказанію учителя раскольническаго, т. е. подлежатъ гражданскому суду и казни безъ всякой пощады и помилованія» [2]).

Вопросъ (Рѣшилова): какъ поступить съ женою полковника Пашкова, которая творитъ себе быти Римской вѣры, укрываючися отъ благочестія Восточной Церкви, понеже-де ни единаго слова польскаго нигдѣ выговорити не можетъ, бесѣдуетъ вездѣ новою рѣчью великороссійскою и потому познавается, что ревнуетъ тому жъ злочестивому раскольническому мудрованію.

Отвѣтъ: Святѣйшій Синодъ предписалъ епископу Иродіону «освидѣтельствовать», имѣетъ ли жена Пашкова духовника и каждый ли годъ исповѣдывалась, и если окажется, что она, «отступивши отъ благочестія, содержитъ Римскую вѣру», то увѣщевать ее, согласно святымъ правиламъ и Духовному Регламенту.

Епископъ черниговскій Иродіонъ спрашивалъ: «послѣ бѣглыхъ раскольническихъ черницъ и бѣлицъ отобранное прескверное ихъ причастіе (котораго многое число) куда употреблять»? Синодъ предписалъ сжечь.

Вопросъ: многіе изъ раскольниковъ, во избѣжаніе отъ двойного налога и преслѣдованій, записались подъ высшія персоны въ качествѣ ихъ крѣпостныхъ крестьянъ, а по справкамъ оказалось, что они принадлежали другимъ, какому штрафу или наказанію они подлежатъ?

Отвѣтъ: если раскольники отказываются отъ платежа, притворяясь состоящими за нѣкоторыми персонами, съ тѣхъ править (двойной окладъ), не взирая ни на что.—Изъ отчетовъ сыщиковъ Зиновьева и Коптѣлова извѣстны случаи перехода раскольниковъ подъ покровительство вліятельныхъ лицъ во избѣжаніе строгихъ законовъ о расколѣ.

[1]) Собр. т. II, № 454; т. IV, № 1323.

[2]) Собр. т. II, №№ 454 и 450.

Изъ вопросовъ церковно-административнаго характера немногіе имѣютъ отношеніе къ нашей цѣли по своей мелочности и чисто мѣстному значенію. Заслуживаютъ упоминанія слѣдующіе вопросо-отвѣты.

Вопросъ (Рѣшилова): ежели раскольники отъ мерзкой ихъ противности, злохитростными видами хульно упоминать будутъ Его Императорское Величество, что съ такими чинить? Страннымъ представляется отсутствіе отвѣта на важный государственно-политическій вопросъ, тогда какъ на всѣ остальные, даже незначительные, рѣшенія имѣются. Какъ и чѣмъ объяснить это? Если объяснить это обязательною извѣстностью для всѣхъ того порядка, какой существовалъ для возбужденія и производства дѣлъ о чести Государя, то зачѣмъ спрашивалъ Іосифъ Рѣшиловъ, человѣкъ свѣдущій и ловкій. Отсутствіе рѣшенія слѣдуетъ объяснить предположеніемъ о существованіи среди членовъ Святѣйшаго Синода недовѣрія къ дѣйствіямъ и личности Рѣшилова въ Стародубьѣ. Правда, рѣшенія на предложенные вопросные пункты постановлены были въ концѣ 1723 г., 17 декабря, когда еще не было въ канцеляріи Святѣйшаго Синода обвинительныхъ доносовъ на Рѣшилова, но доносы скоро явились; въ Кіевъ офиціальное донесеніе поступило въ началѣ іюня 1724 г., но слухи и частныя свѣдѣнія могли дойти въ С.-Петербургъ раньше; извѣстія о дѣйствіяхъ Рѣшилова могли быть преувеличены; могли на слѣдствіи не подтвердиться, но вліяніе они могли оказывать на возникшее подозрѣніе къ Рѣшилову. Такимъ образомъ недовѣріемъ къ Рѣшилову объясняется молчаніе на предложенный вопросъ о продерзостяхъ противъ Государя; еслибы дать Рѣшилову право и полномочіе распоряжаться въ предѣлахъ Стародубья подобно Питириму въ Нижегородскомъ краѣ, какъ этого желалъ Рѣшиловъ [1]), то послѣдній могъ бы злоупотреблять своими правами не къ чести духовно-гражданскаго правительства и въ ущербъ своей миссіонерской дѣятельности, и безъ того сведенной и ограничивавшейся собираніемъ денегъ съ раскольниковъ съ насиліемъ и поборами. Съ другой стороны, Малороссія была для русскаго государства страною новою, болѣе или менѣе своеобразною,—страною, гдѣ населеніе, избалованное прежнею вольностію, съ большою трудностію могло подчиняться новымъ петровскимъ порядкамъ, чѣмъ въ центральной Великороссіи, гдѣ цѣлые вѣка прошли въ подчиненіи царской власти. Не въ интересахъ русской власти тогда особенно было нарушать недавно установившееся спокойствіе въ такой мѣстности, гдѣ раскольники, позабывъ свою церковную рознь для пользы отечества въ трудное время 1709 года, оказали царю преданность и помощь въ борьбѣ со врагами. Вотъ

[1]) Собр. т. IV. № 1323, 151 стр.

соображенія для объясненія молчанія церковно-гражданской власти по поводу разсматриваемаго вопроса.

Изъ другихъ вопросовъ, число которыхъ доходитъ до 34, считаемъ нужнымъ привести одинъ, 28-й, интересный не столько по своей недоумѣнности и рѣшенію, сколько по тому, что онъ мѣтко можетъ характеризовать состояніе раскола въ предѣлахъ Стародубья и безсиліе власти въ борьбѣ съ препятствіями и открытымъ противодѣйствіемъ мѣрамъ правительства со стороны мѣстныхъ, даже официальныхъ лицъ.

Вопросъ состоялъ въ слѣдующемъ: по словамъ Рѣшилова, «нѣкоторые раскольники живутъ за разными помѣщиками и по своей ревности записались подъ платежъ и управленіе раскольническаго бурмистра Еремы Карпова; по просьбѣ помѣщиковъ о присоединеніи къ православной церкви, обратилось всякихъ чиновъ людей съ 200 душъ и по правиламъ церковнымъ приняты; но, при содѣйствіи полковника Пашкова, бурмистръ Ерема Карповъ съ войтами своими, солдатами и раскольниками обратившихся изъ раскола опять развращаютъ, ругаютъ ихъ и безчестятъ, берутъ пожитки ихъ и всякіе платежи правятъ сильно, отчего прочіе отговариваются, что имъ обращаться изъ раскола невозможно, потому что *сильна рука Еремина, а не Синодальная*». Рѣшеніе: о комендантѣ Пашковѣ сообщить въ Сенатъ[1]).

Для характеристики послѣдователей и защитниковъ раскола въ предѣлахъ Стародубья, въ доказательство трудности, представлявшейся правительству въ борьбѣ съ расколомъ, приведемъ одну незначительную выдержку изъ доношеній Рѣшилова въ Святѣйшій Синодъ. По словамъ Рѣшилова, «одинъ поручикъ Игнатій Архиповъ, въ разговорѣ съ стародубскимъ войтомъ Я. Андреевымъ, говорилъ злую рѣчь, непотребными словами, на все освященное собраніе Святѣйшаго Синода, отъ первоначальныхъ даже и до послѣднихъ членовъ, а прикончилъ тѣмъ, что де ни единой персонѣ съ духовности, но и черному псу не иму вѣры; о таковомъ его злохульномъ поношеніи священнаго собранія въ стародубскомъ магистратѣ протестовано». Рѣшеніе: сообщить въ Сенатъ [2]). Чѣмъ окончилось это дѣло, неизвѣстно.

Послѣ изложенія всѣхъ противораскольническихъ мѣръ въ первые годы синодальнаго управленія при Петрѣ Великомъ, умѣстно сопоставить означенныя мѣры съ мѣрами противъ раскола, бывшими въ употребленіи ранѣе, до Петра I, какъ самостоятельнаго правителя.

При сравненіи допетровскихъ и петровскихъ мѣръ можно замѣчать между ними сходство и различіе. Сходство между ними состоитъ въ томъ, что всѣ эти разновременныя мѣры отличались строгостью по отношенію къ расколу, какъ явленію среди русскихъ подданныхъ

[1]) Собр. т. IV, № 1323, 172—174.

[2]) Собр. т. IV, № 1323, 168—174.

ненормальному, соблазнительному и вредному въ церковно-гражданскомъ отношеніи,—явленію, которое, происходя изъ одного упорства и невѣжества раскольниковъ, заслуживало порицанія и преслѣдованія. Эта строгость противораскольническихъ мѣръ шла постепенно, прогрессивно; какъ до Петра I она, *возрастая*, достигла до крайняго предѣла въ 1685 г., когда узаконеніями тогдашняго правительства раскола открыто никто не могъ держаться въ городахъ и селахъ, такъ и при царѣ Петрѣ здравые взгляды на расколъ и снисходительныя мѣры противъ него въ началѣ царствованія превратились къ концу царствованія въ строгія мѣры.

Но есть и различіе между допетровскими и петровскими мѣрами. Прежде всего, различіе состоитъ въ степени строгости; прежнія мѣры были гораздо строже, отличались жестокостью.

По узаконеніямъ 7 апрѣля 1685 г., смертная казнь (чрезъ сожженіе), въ случаѣ нераскаянія, положена была: 1) за хулу на церковь, за вторичное совращеніе въ расколъ, за совращеніе въ расколъ другихъ (изувѣрство, пропагандизмъ), 2) за перекрещиваніе взрослыхъ и дѣтей и 3) тогда, если кто, признавая православное крещеніе недѣйствительнымъ, самъ у раскольниковъ крестился; смертной казни подвергались раскольники за соблазнъ и мятежъ въ народѣ; обличенные въ укрывательствѣ раскольниковъ, въ доставленіи имъ пищи, питья и т. п., если сознавались, были биты кнутомъ, а если упорствовали, ссылались въ дальніе города; обвиненныхъ въ содержаніи раскола, если станутъ оправдываться и невинность ихъ будетъ засвидѣтельствована духовными отцами, отдавали подъ строгій надзоръ, а при запирательствѣ и обличеніи били кнутомъ и ссылали въ дальніе города; подъ надзоръ духовныхъ лицъ отдавали и тѣхъ, кто совратился въ расколъ по невѣдѣнію или по принужденію; кто держалъ у себя раскольниковъ съ порукою (т. е. по порученію другихъ), не зная объ ихъ расколѣ, съ того брали штрафъ (въ 5 руб.); а кто держалъ ихъ безъ поруки (т. е. самъ по собственному желанію) съ того брали по 50 руб. за каждаго человѣка; кто держалъ раскольниковъ съ порукою, зная объ ихъ расколѣ, но не извѣстилъ начальства, того били кнутомъ и ссылали въ дальнія мѣста, а съ порутчиковъ взималось по 50 руб. за каждаго раскольника; имѣніе раскольниковъ, наказанныхъ въ ссылку, продавалось въ пользу казны, для возмѣщенія и покрытія расходовъ на казенныхъ сыщиковъ.

При сравненіи мѣръ противъ раскола конца XVII и начала XVIII вѣковъ усматривается въ противораскольнической церковно-гражданской дѣятельности первыхъ годовъ управленія Святѣйшаго Синода при Петрѣ Великомъ болѣе снисходительности, полноты и новыхъ, хотя невыполненныхъ, духовно-церковныхъ началъ, чѣмъ въ

прежнемъ законодательствѣ противъ раскола. Тогда какъ прежнее законодательство отличалось исключительно полицейскимъ карательнымъ направленіемъ, отрицавшимъ расколъ въ его существѣ и проявленіи, въ Петровскомъ законодательствѣ расколъ признавался хотя и нежелательнымъ и даже опаснымъ (съ 1718 г.), однако терпимымъ явленіемъ, требовавшимъ ограниченія, стѣсненія и даже преслѣдованія. О воздѣйствіи на расколъ мѣрами увѣщанія, убѣжденія и кротости прежде не было и рѣчи, между тѣмъ какъ въ мѣрахъ Святѣйшаго Синода убѣжденіе и увѣщаніе раскольниковъ посредствомъ собесѣдованій и кроткаго обращенія съ ними со стороны духовенства и нарочитыхъ миссіонеровъ стоитъ на первомъ мѣстѣ, считается необходимымъ условіемъ для успѣха дѣла, существеннымъ требованіемъ церковной власти; часто отъ этого существенно-важнаго правила отступали то вслѣдствіе вмѣшательства гражданской власти, то неумѣнія, нравственныхъ недостатковъ и малочисленности дѣятелей раскола, то отъ поспѣшности, съ которою приводились въ исполненіе принудительныя мѣры при недѣйствительности пастырскихъ мѣръ. Но пастырскія цѣли были чужды прежнему законодательству. Не воздѣйствуя на расколъ средствами духовными, допетровское законодательство не стремилось къ достиженію и денежныхъ цѣлей отъ послѣдователей раскола, между тѣмъ какъ при Петрѣ и съ согласія его денежный матеріальный интересъ входилъ въ разсчеты мѣръ противъ раскола, составлялъ главную пружину и душу большинства мѣръ. Исторически и логически вѣрно то соображеніе, что законодательство петровское воспользовалось примѣромъ прежняго законодательства въ наложеніи штрафовъ на раскольниковъ, доведши эту, прежде незначительную сторону дѣла до большихъ, крайнихъ и неблагопріятныхъ (въ смыслѣ пользы казнѣ и ослабленія раскола) послѣдствій.

Не преслѣдуя въ своей дѣятельности противъ раскольниковъ денежныхъ интересовъ, русское правительство XVII столѣтія не собирало свѣдѣній о числѣ сторонниковъ, но исчисленіе раскольниковъ было необходимо правительству XVIII столѣтія при обложеніи раскольниковъ особымъ денежнымъ окладомъ, для опредѣленія и полученія прибыли, для покрытія расходовъ на государственныя нужды.

Относительно степени строгости разновременныхъ мѣръ противъ раскола нужно сказать слѣдующее: хотя правительство Петра I, слѣдуя духу времени, не угрожало смертною казнію послѣдователямъ раскола за тѣ преступленія, за какія прежде она полагалась, однако практика не говоритъ въ пользу гуманности правительства Петра по отношенію къ послѣдователямъ раскола; практика не оправдала первоначальной теоретической снисходительности и свободы взглядовъ царя на заблужденія старообрядцевъ; вмѣсто смертной казни, при

Петрѣ развилась и укоренилась система пытокъ, доводившая упорныхъ раскольниковъ до ожесточенія, преждевременной смерти и смертныхъ приговоровъ; до крайности развилась система доносовъ, покровительствуемая и поощряемая частными распоряженіями и подозрительностію правительства къ раскольникамъ, на которыхъ въ царствованіе Петра (особенно въ послѣдніе годы) смотрѣли какъ на подданныхъ, неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. Къ особенностямъ законодательства Петра Великаго нужно отнести и то, что «во всѣхъ указахъ противъ раскольниковъ, въ полицейскихъ и судебныхъ розыскахъ, въ объявленіяхъ преступленій казнимыхъ изувѣровъ причиною преслѣдованій раскола вездѣ выставляется не религіозная его виновность, какъ прежде, а только его противогосударственный характеръ» [1]).

Уклоненіемъ противораскольническихъ мѣръ отъ первоначальнаго своего характера объясняется, главнымъ образомъ, слабость ихъ и недѣйствительность; много было придумано мѣръ, но онѣ направлены были не на убѣжденія послѣдователей и защитниковъ раскола, а на стѣсненіе ихъ жизни съ внѣшней и внутренней стороны; въ этомъ отношеніи мѣры Петра не представляли на практикѣ чего-либо новаго, особеннаго въ сравненіи съ прежними; въ противораскольнической дѣятельности Петра не видно строго обдуманной программы; въ проведеніи ея на практикѣ не было ни единства, ни настойчивости, ни примѣнимости къ мѣстнымъ условіямъ жизни приверженцевъ старообрядческаго раскола.

Считаемъ умѣстнымъ сказать еще нѣчто о мѣрахъ наказанія и воздѣйствія на религіозный расколъ, какія употреблялись въ католическомъ и протестантскомъ западѣ одновременно съ существованіемъ Святѣйшаго Синода въ первые годы его дѣятельности. Это нужно сдѣлать для сопоставленія и сравненія употреблявшихся у инославныхъ христіанъ мѣръ противъ еретиковъ и раскольниковъ и взглядовъ на эти мѣры нѣкоторыхъ писателей. Сравненіе это возможно, не смотря на различныя условія церковной жизни инославнаго запада какъ въ данное время (1720—30 гг.), такъ и въ предшествовавшее. Для нашей цѣли будетъ достаточно ограничиться краткими замѣчаніями.

Нужно замѣтить, что въ разсматриваемое нами время, то есть въ началѣ 18 столѣтія, въ Европѣ было сильное религіозное церковное движеніе. Начавшись въ XVI в. въ Германіи коренною реформою церкви, оно, въ теченіе XVI—XVII ст., распространилось по всей Европѣ, вызвавши ожесточенную литературную и политиче-

[1]) Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи. Изд. третье. стр. 332.

скую борьбу между сословіями, правителями и государствами. Борьба шла изъ за преобладанія и господства католичества или протестантства въ христіанскихъ странахъ. Хотя къ началу XVIII ст. борьба эта и потеряла прежнюю силу, но далеко еще не окончилась. Послѣдствія реформы Лютера и религіознаго движенія, громадныя для западной Европы, отразились въ слабой степени и въ Россіи.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ означеннаго религіознаго движенія складывались мѣры и способы у западно-европейскихъ правительствъ по отношенію къ иновѣрцамъ, получавшимъ названіе то еретиковъ, то схизматиковъ, смотря по степени уклоненія ихъ отъ господствовавшей церкви и строгости власти на опредѣленіе заблужденія ихъ. Неодинаковы были у правительствъ отношенія къ диссидентамъ; но общій характеръ практиковавшихся мѣръ отличался строгостію, нетерпимостію; свободы религіозной совѣсти не было; она давалась временно и вынужденно, болѣе по необходимости, изъ-за политическихъ соображеній, а не по убѣжденію,—и снова отымалась. О необходимости дарованія каждому вѣроисповѣданію свободы приходилось только мечтать, а нѣкоторые передовые люди писали объ этомъ.

Чтобы имѣть представленіе о мѣрахъ противъ диссидентовъ на западѣ, въ цѣляхъ сравненія ихъ съ мѣрами русскаго церковно-гражданскаго правительства противъ раскольниковъ, укажемъ на Францію времени Людовика XV, какъ на самую видную страну по своему внѣшнему обаянію и культурѣ.

По декларацiи 1724 г., положеніе протестантовъ во Франціи, равно и послѣдователей иныхъ культовъ, опредѣлено слѣдующимъ образомъ: 1) собранія протестантовъ для отправленія богослуженія и иныхъ культовъ, кромѣ католической религіи, были запрещены вездѣ, не исключая за́мковъ и частныхъ домовъ, подъ угрозою вѣчныхъ галеръ для мужчинъ, бритья и вѣчнаго тюремнаго заключенія для женщинъ съ присоединеніемъ конфискаціи имуществъ въ обоихъ случаяхъ; эти наказанія переходили въ смертную казнь, если собраніе было вооружено; 2) служителямъ чужихъ культовъ за созывъ собраній, за отправленіе въ нихъ какихъ-либо функцій, даже за одинъ фактъ вступленія въ королевство, пребыванія въ немъ безъ письменнаго разрѣшенія короля, угрожалось смертною казнію; 3) дававшіе имъ пристанище, помощь, вступавшіе съ ними въ сношенія, хотя бы посредственныя, карались, по силѣ тѣхъ же указовъ, независимо отъ конфискаціи имущества, мужчины—вѣчными галерами, а женщины—бритьемъ и вѣчнымъ заключеніемъ; 4) вновь обращенные въ католическую религію, отказавшіеся въ состояніи болѣзни принять послѣднія таинства и объявившіе, что они готовы умереть въ протестантской религіи, подвергались въ случаѣ выздоровленія вѣчному изгнанію съ

конфискацiей имущества,—въ случаѣ смерти виновныхъ—процессъ продолжался, память ихъ осуждалась, а имущество конфисковалось; 5) тѣ, кто, присутствуя при больномъ, рѣшались увѣщевать его возвратиться въ прежнюю религiю, осуждались—мужчины на галеры, а женщины—на заключенiе временное или вѣчное по усмотрѣнiю судей; 6) родители, хотя бы они протестанты, должны были крестить своихъ дѣтей въ католическихъ церквахъ въ 24 часа по рожденiи послѣднихъ, подъ угрозою штрафа и другихъ тяжкихъ наказанiй; тѣмъ же наказанiямъ подвергались акушерки и другiя лица, которыя, присутствуя при актѣ рожденiя, не извѣщали священника католическаго о семъ послѣднемъ; 7) штрафъ также грозилъ врачамъ, хирургамъ, аптекарямъ, которые, будучи призваны къ больнымъ протестантамъ, не увѣдомляли священниковъ о необходимости преподать пацiенту послѣднiя таинства, если болѣзнь была опасна; назначены были наказанiя родителямъ, слугамъ и другимъ лицамъ, если они не допустили бы духовныхъ католической религiи войти къ больнымъ для исполненiя своихъ обязанностей. Независимо отъ перечисленныхъ тѣлесныхъ и денежныхъ наказанiй, протестанты подлежали разнымъ гражданскимъ ограниченiямъ ихъ правъ; такъ, они, по той же декларацiи 1724 г., лишены были права на занятiе какихъ-либо общественныхъ должностей и нѣкоторыхъ свободныхъ профессiй, какъ напримѣръ—доктора, лиценцiата (приватъ-доцента) въ университетахъ королевства, аптекаря, акушерки, книгопродавца и типографа; протестанты теряли родительскiя права надъ дѣтьми, оставшимися въ королевствѣ, послѣ того, какъ сами оттуда уходили безъ явнаго позволенiя короля; не могли вступать въ бракъ съ католиками; послѣднiй былъ признанъ недѣйствительнымъ, а дѣти, отъ него происшедшiе, признавались незаконными и неспособными къ унаслѣдованiю родительскихъ правъ и имущества.

Нѣтъ сомнѣнiя, что перечисленныя мѣры наказанiя и стѣсненiя свободы религiи протестантовъ во французскомъ королевствѣ были весьма строгiя и тяжелыя, не легче мѣръ въ Россiи противъ послѣдователей русскаго раскола. Мѣры противъ протестантовъ тяжелы были и сами по себѣ, но переносить ихъ протестантамъ было тяжело потому еще, что протестанты отличались несравненно бóльшимъ умственнымъ уровнемъ развитiя, чѣмъ наши раскольники, отличавшiеся невѣжествомъ, простотою и скромными требованiями. Сознанiе своей правоты, соединенное съ вѣрою въ спасительность своихъ страданiй и гибель утѣснителей облегчало трудность перенесенiя раскольниками своего незавиднаго положенiя; такими соображенiями протестанты въ меньшей степени могли руководствоваться и утѣшаться.

Тяжелое положенiе протестантовъ вызывало протестъ какъ въ самой Францiи, такъ и внѣ ея,—протестъ въ видѣ философскихъ

разсужденій о свободѣ религіозной совѣсти и терпимости, какъ, съ другой стороны, тяжелыя условія жизни раскольниковъ одновременно вызывали жалобы на свое положеніе въ формѣ пропаганды въ отдаленныхъ мѣстахъ, бѣгства за рубежъ, въ лѣса, въ формѣ самосожженія, ропота, возмущенія и полемики. Въ протестахъ заключались взгляды на существовавшія правительственныя мѣры противъ схизматиковъ и раскольниковъ. Приводимъ сущность взглядовъ на отношенія правительства къ иновѣрцамъ и схизматикамъ двухъ знаменитыхъ писателей, какъ ихъ pia desideria.

Въ 1721 году извѣстный французскій писатель Монтескье выступилъ защитникомъ религіозной терпимости въ широкихъ размѣрахъ. На вопросъ, хорошо-ли, когда въ государствѣ много религій, Монтескье отвѣчалъ такъ: «замѣчено, что тѣ, чьихъ религія только терпится, обыкновенно болѣе полезны своему отечеству, чѣмъ послѣдователи господствующей религіи, потому что будучи удалены отъ почестей и различаясь только своими достатками и богатствами, они стараются ихъ пріобрѣсти своими трудами и готовы нести самыя тяжелыя профессіи. Множество религій только возбуждаетъ соревнованіе между ихъ послѣдователями; каждый держится своихъ сторонниковъ, опасаясь дѣлать что-либо, способное унизить партію и подвергнуть ее презрѣнію и нападкамъ противныхъ партій. Всегда замѣчали, что новая секта, введенная въ государствѣ, была самымъ вѣрнымъ средствомъ исправить злоупотребленія прежней. Конечно, исторія полна религіозныхъ войнъ, но замѣчательно то, что не многочисленность религій произвела послѣднія, а духъ нетерпимости, который воодушевлялъ ту, какая мнила себя господствующей. Тотъ, кто хочетъ меня принудить измѣнить религію, дѣлаетъ это безъ сомнѣнія только потому, что не измѣнитъ своей, когда бы захотѣли его къ тому принудить: находятъ страннымъ, что я не дѣлаю того, чего бы сами не сдѣлали» [1]).

Ревностнымъ защитникомъ религіозной свободы былъ современникъ Монтескье, нѣмецкій писатель, Христіанъ Томазій, бывшій профессоръ и ректоръ университета въ Галле (въ Пруссіи). Взгляды Х. Томазія о свободѣ религіи относятся къ 1724 году. «Единство религіи», писалъ Томазій, «не нужно для внѣшняго мира, такъ какъ люди разныхъ мнѣній могутъ жить между собою въ мирѣ; лучшее средство въ религіозныхъ распряхъ—терпимость. Обязанность князя заключается единственно въ охраненіи внѣшняго мира; онъ можетъ воспрещать проступки, нарушающіе миръ. Въ кругъ его обязанностей

[1]) Л. Бѣлогрицъ—Котляревскій. Преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ запада. 237.

не входитъ забота о будущемъ блаженствѣ подданныхъ, приверженцевъ ложныхъ религій и обращеніе ихъ въ истинную. Вообще, всѣ составныя части христіанства, какъ дѣла, такъ и вѣра—таковы, что онѣ не терпятъ насилія; вѣра касается разума, который внѣшней силѣ не подчиняется, дѣла же истекаютъ изъ любви къ Богу и человѣку, а любовь принадлежитъ къ добродѣтелямъ, не терпящимъ насилія. Съ другой стороны, каждый вправѣ исповѣдывать то, что онъ считаетъ за истину, потому что никто не обязанъ говорить о своемъ разумѣніи иначе, чѣмъ думаетъ. Распространеніе ереси, пока она не выходитъ за предѣлы мирнаго исповѣданія вѣры и частныхъ разговоровъ, не слѣдуетъ запрещать, ибо противно человѣческой природѣ всегда умалчивать о томъ, что считаешь за истину. Возраженіе, что этимъ можетъ быть нарушено общественное спокойствіе, лишено основанія, ибо спокойствіе въ этомъ случаѣ нарушаютъ не еретики, а тѣ, которые на нихъ нападаютъ; запрещеніе же распространять ересь можетъ сдѣлаться орудіемъ тираніи, потому что подъ этимъ предлогомъ можно вызвать разговоры и потомъ наказывать тѣхъ, кто поддается на эту ловушку. Вообще, ересь нельзя считать преступленіемъ, ибо она есть заблужденіе ума; для преступленія требуется злой умыселъ, который есть качество воли, а не разума. Возраженіе, что хотя это—заблужденіе, но такое, которое имѣетъ источникомъ превратную волю, не убѣдительно, ибо не всякое превратное дѣйствіе воли есть преступленіе, многіе пороки, а тѣмъ болѣе помыслы, не наказываются. Не только мягкія наказанія протестантовъ, но и отлученіе не должны быть допускаемы, ибо, во 1-хъ, въ свящ. Писаніи ничего не говорится о церковномъ наказаніи—Богъ его предоставилъ Себѣ, и потомъ отлученіе отъ церкви имѣетъ и внѣшнія послѣдствія—безчестіе, страхъ оскорбленій и т. п.» [1]). Подобныя мысли высказывались и другими писателями.

Не смотря на вѣрность и ясность такихъ взглядовъ на вѣротерпимость,—взглядовъ, основанныхъ на историческихъ и психологическихъ наблюденіяхъ, тогдашняя законодательная практика руководилась иными соображеніями въ строгихъ отношеніяхъ къ схизматикамъ....

Протестъ у нашихъ раскольниковъ противъ направленныхъ мѣръ существовалъ съ момента отверженія ихъ церковію и преслѣдованія, со временъ п. Никона. Помимо молчаливаго упорства однихъ, открытаго обличенія (въ формѣ экзальтаціи Левина) другихъ, бѣгства, самосожигательства третьихъ, протестъ со стороны раскольниковъ проявлялся какъ въ отдѣльныхъ случайныхъ и единичныхъ

[1]) Бѣлогрицъ—Котляревскій. 234—5.

сужденіяхъ, такъ и обобщенной обличительной формѣ. Единичныхъ раскольническихъ сужденій, съ выраженіемъ протеста, не могло много сохраниться потому, что, согласно распоряженію Святѣйшаго Синода [1]), раскольникамъ запрещалось писать и имѣть рукописныя книги, противныя благочестію [2]). Но протесты были. Такъ, нѣкто Кадминъ, въ 1723 году, не только протестовалъ противъ преслѣдованія его за подозрѣніе въ принадлежности къ расколу, но, считая самое преслѣдованіе за двуперстіе и старопечатныя книги незаконнымъ, приписывалъ его самовольному распоряженію церковной власти, вопреки царскимъ указамъ [3]). Общій тонъ этого протеста ясенъ. Подобныя мысли высказывали и другіе раскольники. Такъ, раскольникъ Орловъ, на допросѣ въ 1722 году, заявилъ, что которые люди содержатъ вѣру по старопечатнымъ книгамъ, тѣхъ по закону никакимъ образомъ удерживать и озлоблять не велѣно; такоже Его Императорское Величество, яко всемилостивѣйшій Государь, принужденія безъ самопроизвольной склонности чинить не повелѣлъ [4]).

Авторъ «Пом. Отв.» Андрей Денисовъ былъ выразителемъ недовольства и жалобы на стѣсненное положеніе приверженцевъ раскола. Хотя протестъ этотъ выразилъ Денисовъ въ уклончивой двусмысленной формѣ, изъ опасенія лишенія дарованныхъ выговской пустынѣ льготъ и навлеченія немилости правительства, но всѣмъ, знавшимъ истинное положеніе дѣла, было ясно, насколько слово у Денисова расходилось съ дѣломъ. Дѣло въ томъ, что на вопросъ Неофита: «православнаго русскаго царя, Святѣйшій Синодъ и всѣхъ православныхъ христіанъ вмѣняютъ-ли выговскіе раскольники за православныхъ, или причитаютъ къ нѣкоторымъ еретикамъ, къ отпадшимъ отъ восточныя церкви», послѣдовалъ отвѣтъ слѣдующій: приведши извѣстныя изреченія Священнаго Писанія о необходимости и законности повиновенія предержащей власти, Денисовъ писалъ, что Его Императорское Величество выговцы всеговѣйно почитаютъ, прославляютъ и благодарятъ; но благочестія Государева не истязуютъ, но Господа Бога за его милосердное Величество молятъ [5]), между тѣмъ тогда моленіе за царей не совершалось, что видно изъ «Исторіи выговской пустыни» И. Филиппова. Изъ-за страха за послѣдствія неискренно заявлялъ Денисовъ о своемъ личномъ и общемъ почитаніи Святѣйшаго Синода, всего архіерейскаго чина и всѣхъ православныхъ христіанъ, которыхъ осужденія онъ опасался, тогда какъ пріемъ никоніанъ въ число чле-

[1]) Собр. т. IV, № 1367.

[2]) Опис. т. III, № 360.

[3]) Ibid. т. II, 2, № 780.

[4]) Собр. т. II, № 724, 413 стр. Опис. т. III, № 343. Опис. т. II, 2, № 792.

[5]) Пом. отв. вопр. 52.

новъ выговской общины совершался по первому чину, то есть чрезъ повтореніе крещенія. Андрею Денисову принадлежатъ, впрочемъ, другія сочиненія, имѣвшія неофиціальный характеръ, въ которыхъ онъ обнаруживается въ истинномъ свѣтѣ, то есть какъ истый раскольникъ, недоброжелательный и враждебный къ церкви. Можно думать, что Семенъ Денисовъ, авторъ «Исторіи объ отцахъ и страдальцахъ соловецкихъ», тенденціозно переносилъ на прошлое тяжесть современныхъ событій въ цѣляхъ воздѣйствія на правительство и утѣшенія единовѣрцевъ. Въ 1714 году выгорѣцкіе пустынножители жаловались Петру I на притѣсненія со стороны нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, указывая на не сообразность мѣръ строгости и насилія съ духомъ Евангелія и постановленіями св. вселенскихъ соборовъ, требующими научать и приводить въ согласіе кротостію, а не мучительствомъ [1]). Взглядъ выговцевъ не могъ измѣниться черезъ 10 лѣтъ ни въ принципѣ, ни въ отношеніи къ остальнымъ своимъ единомышленникамъ, не пользовавшимся льготами, дарованными выговцамъ послѣ 1714 г. и продолжавшими быть въ 1724 г. [2]).

Наиболѣе характерное выраженіе протеста и взглядовъ раскольниковъ на царствованіе Петра находится въ одномъ раскольническомъ памятникѣ XVIII столѣтія. Такъ какъ этотъ документъ, достовѣрность котораго не подлежитъ сомнѣнію ни по происхожденію, ни по содержанію, уже напечатанъ, то мы ограничимся извлеченіемъ особенно выдающихся мѣткихъ сужденій памятника о характерѣ царя. «Мы», говорили раскольники, «смотряюще не дремательнымъ окомъ познаваемъ, яко отъ лѣтъ по числу 1666-му конецъ пріяша пророчествія, а совершенное же всея злобы исполненіе исполнися на Петрѣ: егда исполнися число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ св. православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ, и нача превозноситися паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величатися и славитися предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Россіи въ 1700 году возобнови; уничтожи патріаршество, дабы ему единому властвовати, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единою превысочайшею главою, судіею всей церкви, пріялъ на себя титлу патріаршескую, и именовася отецъ отечества и глава церкве Россійскія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патріаршую власть, и нача

[1]) Есиповъ. Раск. дѣла, т. I, 304—7.

[2]) Есиповъ. Раск. дѣла, т. I, 307.

себя величати и славити, возвышаяся на всяка возобновленія.... Понеже Петръ нача гонити и льстити и искореняти останокъ въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и устави Сенатъ, и самъ бысть надъ ними главою и судьею главнѣйшимъ, тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышатися, учини описаніе народное, и счисля вся мужеска пола и женска старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ данми веліими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ мертвыхъ дани востребова... До Никона патріарха, яко сіи народнаго исчисленія отъ мала до велика мужеска пола и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего общечеловѣчества не творили и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога. Зрите человѣцы и вонмите и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтѣхъ жительствуемъ, и кто нынѣ обладаетъ вами: ибо духъ Петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, якоже свидѣтельствуетъ книга: кабинетъ Петра Великаго: ибо духъ государей русскихъ есть духъ Петра Великаго. Петръ Великій, восхищая на себя славу сына превысочайшаго, именовася Петръ Первый, именовася божествомъ Русіи, якоже свидѣтельствуетъ книжка: кабинетъ Петра: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Намъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко Господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: изыдите, изыдите, люди моя, изъ Вавилона [1]). Не Никонъ», говорили нѣкоторые изъ раскольниковъ XIX столѣтія, былъ причиною нашего отдѣленія отъ прочихъ братій нашихъ, но Петръ Великій, по своей безмѣрной любви къ Западу, по своему противонародному, противоотечественному направленію» [2]). Павелъ Любопытный, воздавая должное Петру Великому за многія государственные добродѣтели (преобразованія), въ то же время рѣзко осуждалъ правительство царя за преслѣдованія, какимъ подвергало оно раскольниковъ. «Философія», говоритъ онъ, «можетъ созерцать... буйство царей... сколько они до лѣтъ премудрой Екатерины истребили въ Россіи рода человѣческаго, сколько сотъ тысячъ своихъ подданныхъ разогнали своими варварскими законами въ иноплеменные языки!... О цари, цари грубѣйшіе» [3]). Въ столь же рѣзкомъ тонѣ осуждаетъ Павелъ

[1]) Щаповъ. Рус. рас. старообрядчества, 106—109 стр.

[2]) Щаповъ. Рус. рас. старообряд., стр. 118.

[3]) Вѣстникъ Европы. 1871 г., IV, 504.

Любопытный бытовыя реформы Петра Великаго, называя ихъ «варварствомъ» [1]).

Итакъ мы кончили рѣчь о мѣрахъ церковно-гражданской власти противъ раскола и его послѣдователей. Подъ мѣрами мы разумѣли всѣ способы и средства, прямые и косвенные, церковные и гражданскіе, могшіе такъ или иначе дѣйствовать на ослабленіе раскола и на уменьшеніе его послѣдователей, укрывателей и защитниковъ, путемъ убѣжденія, понужденія, предупрежденія, наказанія и т. п. [2]); слѣдовательно мы понимали мѣры въ самомъ широкомъ смыслѣ, изложили ихъ съ возможною полнотою и объективностію. Но историческое поле изслѣдованія неисчерпаемо, какъ неисчерпаема сама протекшая жизнь, къ вѣрному и относительно полному изображенію которой стремится исторія. По намѣченному нами плану теперь рѣчь должна быть объ условіяхъ, сопровождавшихъ приведеніе въ исполненіе означенныхъ мѣръ. Эти условія—факторы, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ или малоуспѣшность церковно-правительственныхъ мѣръ противъ раскола. Сюда относятся: характеръ лицъ, офиціально участвовавшихъ въ дѣлахъ по расколу и общія условія жизни русскаго государства въ началѣ XVIII вѣка.

V.

Характеристика вліяній и условій, сопровождавшихъ противораскольническую синодально-церковную дѣятельность.

Страннымъ можетъ показаться фактъ малоуспѣшности мѣръ въ дѣлѣ ослабленія раскола, если принять во вниманіе ихъ многочисленность и непрерывность въ продолженіе четырехлѣтней усиленной дѣятельности церковно-гражданской власти въ одномъ направленіи; однако это такъ.

Прежде всего замѣтимъ, что о неудовлетворительныхъ послѣдствіяхъ предпринятыхъ властію мѣръ можно судить на основаніи слѣдующихъ соображеній: на сопоставленіи числа раскольниковъ до учрежденія Святѣйшаго Синода и смерти Петра Великаго, т. е. съ 1721 года по январь 1725 года; на сравненіи числа записныхъ раскольниковъ съ числомъ обратившихся изъ раскола въ православіе и

[1]) Вѣстникъ Европы., 1871 г., IV, 506.

[2]) Въ инструкціи отъ Сената губернаторамъ (съ 1721 г.) требовалось смотрѣть за обывателями, особенно, когда не было въ наличности мѣстнаго архіерея (Опис. т. II., 1, № 106).

на основанiи возбужденности, или фанатичности послѣдователей раскола во время, непосредственно слѣдовавшее за смертiю Петра и представляющее нѣкоторыя фактическiя и цифровыя данныя для составленiя заключенiя о состоянiи раскола въ предшествовавшее время въ зависимости отъ совокупности дѣйствовавшихъ церковно-гражданскихъ мѣръ.

Необходимо замѣтить, что для сравненiя числа раскольниковъ въ двухъ упомянутыхъ отношенiяхъ и выведенiя заключенiя объ относительной численности послѣдователей раскола недостаетъ необходимыхъ свѣдѣнiй; послѣднiя неполны, неточны и отрывочны. Въ 1718 году, раскольниковъ считалось около 200.000; въ 1719 г. число ихъ въ нижегородской епархiи простиралось до 86 т. Можно думать, что число раскольниковъ было гораздо болѣе означенныхъ цифръ, если взять во вниманiе частые случаи укрывательства ихъ отъ записи въ реестръ явныхъ приверженцевъ къ расколу, нерадѣнiе или намѣренное показыванiе священниками раскольниковъ нераскольниками и, наконецъ, тѣ наказанiя, которымъ подвергались какъ тѣ, такъ и другiе—одни за укрывательство, а другiе за ложные отчеты о раскольникахъ. По вѣдомости Приказа церковныхъ дѣлъ о количествѣ записавшихся раскольниковъ въ московской епархiи съ 1720 по 6 iюля 1724 года значится раскольниковъ обоего пола 12,252 человѣка. Повидимому, цифра послѣдователей раскола въ московской епархiи не особенно большая, но если эту цифру въ 12.000 помножить на 22 существовавшихъ тогда епархiи, то она очень значительно увеличится, до 264.000 правда, не во всѣхъ епархiяхъ могло быть 12.000 раскольниковъ, могло быть и меньше, за то въ другихъ было гораздо болѣе, чѣмъ въ центральной московской; къ епархiямъ, изобиловавшимъ расколомъ, принадлежали: калужская, новгородская, псковская, холмогорская и особенно нижегородская. По доношенiю Рѣшилова, въ концѣ 1724 года, раскольниковъ въ окрестностяхъ Вѣтки было до 30.000. Такимъ образомъ, если мы примемъ во вниманiе представленныя данныя и жалобы епархiальныхъ епископовъ на продолжавшееся усиленiе раскольниковъ, то приходится признать, что ко времени смерти Петра Великаго число раскольниковъ не уменьшилось, не смотря на множество направленныхъ мѣръ противъ раскола и его приверженцевъ [1]).

Само собою разумѣется, что случаи обращенiя раскольниковъ къ православной церкви были; о такихъ случаяхъ доносили то сыщики, то миссiонеры, то архiереи. Чаще другихъ были случаи обращенiя у нижегородскаго епископа Питирима, какъ человѣка необыкновенно дѣятельнаго и неособенно разборчиваго въ средствахъ для

[1]) Собр. т. V, № 1728, 901.

достиженія успѣха въ дѣлѣ противораскольнической миссіи. По отзыву одного современника Питирима, этотъ епископъ «привелъ во свѣтъ множество народу изъ расколу» [1]); за успѣшную дѣятельность по обращенію раскольниковъ въ православіе Питиримъ былъ скоро (въ 1724 году), черезъ 5 лѣтъ, возведенъ въ санъ архіепископа [2]). Но судя по свѣдѣніямъ изъ другихъ мѣстъ объ отношеніяхъ раскольниковъ къ дѣлу миссіи, нельзя похвалиться успѣхами обращенія ко святой церкви. Такъ, по вѣдомости Приказа церковныхъ дѣлъ о числѣ обратившихся изъ раскола въ московской епархіи съ 1720 года по 6 іюля 1724 года значится: изъ 14043 человѣкъ раскольниковъ обратилось 1791. Нужно замѣтить, что въ предѣлахъ московской епархіи миссіонерская дѣятельность по обращенію раскольниковъ продолжалась непрерывно и неослабно при участіи Плещеева, Воейкова, архимандрита Антонія и нѣкоторыхъ другихъ, а между тѣмъ особеннаго успѣха не было [3]). Замѣчательно, что въ вѣдомости различаются раскольники обратившіеся по собственному побужденію и по доносамъ, извѣтамъ, допросамъ: первыхъ было меньше, а послѣднихъ—больше.

Если по наличному количеству приверженцевъ раскола и по незначительному числу обращеній въ православіе нельзя судить о благопріятныхъ результатахъ церковно-гражданскихъ мѣръ противъ существованія и усиленія раскола, то несомнѣнные и частые факты возбужденности и фанатизма раскольниковъ утверждаютъ въ мысли о малодѣйственности большей части предпріятій духовной и гражданской власти относительно раскола.

О возбужденномъ состояніи приверженцевъ раскола, доходившемъ до фанатизма, мы въ своемъ мѣстѣ уже говорили, характеризуя состояніе раскола до времени учрежденія Святѣйшаго Синода. Со времени учрежденія Святѣйшаго Синода и до смерти Петра Великаго религіозное возбужденіе раскольниковъ, очень сильное прежде, не уменьшилось и теперь отъ совокупнаго дѣйствія церковно-правительственныхъ мѣръ на весь внѣшній и внутренній строй жизни раскольниковъ. О степени возбужденія раскольниковъ въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго можно судить по взглядамъ ихъ на тогдашнія времена и послѣдствіямъ господствовавшихъ взглядовъ.

Расколъ былъ крайнимъ выраженіемъ недовольства преобразовательною дѣятельностію Петра I, существеннымъ образомъ коснувшеюся и раскола. Царствованіе Петра Великаго раскольники представляли

[1]) Опис. т. I., № XVI, прил. ст. CXXV.

[2]) Собр. т. IV., № 1287. «Опис.» т. IV., № 264.

[3]) Опис. т. IV., № 331.

страшнымъ временемъ, признакомъ близости втораго пришествія Христова, а самого царя—антихристомъ. Такое мнѣніе о Петрѣ и его дѣлахъ, насколько они относились къ расколу, было господствовавшимъ среди послѣдователей раскола; оно распространялось отъ однихъ раскольниковъ къ другимъ всѣхъ толковъ чрезъ непосредственныя ихъ взаимныя и тѣсныя сношенія и чрезъ устную и письменную раскольничью литературу. Литература раскольническая изображала положеніе церковныхъ дѣлъ и православной вѣры въ такомъ безотрадномъ и отчаянномъ видѣ, что лучшимъ, а для многихъ единственнымъ исходомъ являлась мысль и желаніе преждевременной и насильственной смерти во избѣжаніе страданій и искушеній. Тогда какъ одни изъ раскольниковъ желали смерти себѣ, другіе желали ея царю, считая его виновникомъ церковнаго и гражданскаго разстройства; отсюда происходили частые случаи самоубійства чрезъ самосожженія и недоброжелательства къ Петру, доходившія до явнаго упорства и даже до покушенія на жизнь царя, которое раскольники старались оправдать своеобразными доводами [1]). Народъ не имѣлъ къ Петру довѣрія, хотя послѣдній и старался быть справедливымъ, не обращая вниманія на происхожденіе и общественныя связи и положеніе виновныхъ въ принадлежности-ли къ расколу, или въ чемъ-либо другомъ [2]).

О многихъ фактахъ самосожигательства раскольниковъ въ 1723—1724 годахъ извѣстно было изъ донесенія митрополита Тобольскаго Антонія, Устюжскаго епископа Боголѣпа и Холмогорскаго Варнавы [3]). «Мнози въ епархіи моей», доносилъ митрополитъ Антоній, «не пріемлющіе троеперстнаго изображенія креста, въ нѣсколькихъ мѣстахъ огню въ жертву предашася, сожглись»... Если раскольники рѣшались на самосожженіе изъ-за крестнаго знаменія, то еще болѣе было другихъ поводовъ и серьезныхъ причинъ, совокупностію своею и тяжестію побуждавшихъ къ такому-же печальному исходу; сюда могутъ быть отнесены испытанныя житейскія лишенія, соединявшіяся съ принадлежностію къ расколу, и неувѣренность въ благополучіи не только будущности, но и завтрашняго дня.

При изслѣдованіи и сборѣ съ раскольниковъ денегъ происходили печальныя картины. Для сыску раскольниковъ въ предѣлахъ Московской губерніи, Канцелярія раскольныхъ дѣлъ избрала маіора Норова, поручика Бѣляева и нѣсколько солдатъ. Это было въ 1721 году. По прибытіи всѣхъ этихъ лицъ въ д. Митроково, принадлежавшую Александро-Невскому монастырю, маіоръ Норовъ, по свидѣтельству

[1]) Самар. 223.

[2]) Есип. т. II, 266.

[3]) Собр. т. II, № 588; III, № 1145; IV, 1393; Опис. т. II, 2, № 815; III, № 4411.

официальнаго документа [1]), связалъ въ ней 6 человѣкъ крестьянъ, опечаталъ ихъ клѣти и стоялъ постоемъ въ деревнѣ 12 сутокъ. Во все это время крестьяне подвергались и грабежу отъ солдатъ и отяготительнымъ поборамъ со стороны Норова, Бѣляева и подъячаго. Убытку насчитано много. По донесенію Александроневской канцеляріи, Святѣйшій Синодъ предписалъ Плещееву, по произведеніи дознанія, запретить какъ Норову, такъ и другимъ, посылаемымъ для розысковъ раскольниковъ, всякія взятки и исполненіе своихъ прихотей, подъ страхомъ безпощаднаго штрафованія, и наблюдать за этимъ.

При приближеніи іеромонаха Рѣшилова въ предѣлы Стародубья множество раскольниковъ разбѣжалось въ разныя стороны, оставивъ на произволъ судьбы свои жилища, скотъ, домашній скарбъ и достатокъ...; въ другихъ мѣстахъ оставались дѣти убѣгавшихъ безъ всякаго надзора; появленія сыщиковъ среди раскольниковъ напоминали какъ-бы открытыя нападенія разбойниковъ, въ то время особенно многочисленныхъ въ близкихъ и отдаленныхъ мѣстахъ. Судья церковнаго приказа, священникъ Михаилъ Тимофеевъ, въ канцеляріи, при допросѣ открыто наносилъ побои монахинѣ Евпраксіи, заподозрѣнной въ расколѣ [2]); не стерпя побоевъ, она дала ложное показаніе, въ чемъ послѣ созналась. По донесенію камеръ-коллегіи въ 1723 году въ дворцовую канцелярію, посланные изъ Нижняго-Новгорода поручики Штернъ и Станиславскій [3]) со многими солдатами заняли себѣ въ Городецкой волости дворы, брали безъ прогоновъ многія подводы и били крестьянъ-раскольниковъ на правежѣ смертнымъ боемъ, разувъ на снѣгу, взыскивали сбору съ однихъ дворовъ по 22 рубля, а съ иныхъ по 28 рублей съ двора; а платить имъ толикаго числа денегъ нечѣмъ, и оттого многіе бѣгутъ изъ волости,—больше 140 семей убѣжали. Выслушавъ такое донесеніе, дворцовая канцелярія требовала, дабы впредь такого разоренія и съ такимъ жестокимъ правежемъ не чинили, отчего можетъ и вся та волость разориться въ конецъ [4]). Если такъ расправлялись съ крестьянами дворцоваго вѣдомства, то что могло происходить и происходило въ другихъ мѣстахъ? Безнаказанный произволъ и насиліе.

Но еще хуже были дѣйствія противъ раскольниковъ тайныя, соединенныя съ хитростью и прикрытыя другими, quasi-благовидными побужденіями. Замѣчательно то, что къ подобнымъ, противорѣчившимъ откры-

[1]) Опис. т. I, № 583, 641—2 стр.

[2]) Есип. II, стр. 200—1.

[3]) Штернъ (Рутенштернъ) и Станиславскій—фамиліи не русскія; можно думать, что оба лица не православныя; для характеристики администраціи это имѣетъ свое значеніе.

[4]) Опис. т. II, 1, № 356, стр. 497—8.

тому и рѣшительному своему характеру, мѣрамъприбѣгалъ самъ Петръ, давая соблазнительный примѣръ для подражанія другимъ лицамъ; извѣстно, что царь далъ совѣтъ (т. е. приказаніе) Питириму, при изслѣдованіи и наказаніи раскольниковъ, сыскивать явную вину, буде возможно, *кромѣ раскола*. Это значитъ: дозволялось придумать другое преступленіе для увеличенія наказанія; отыскивать такое преступленіе было не трудно; «для отводу» выставляли, напримѣръ (если ловили тайныхъ раскольниковъ) то, что по лѣсамъ въ кельяхъ живутъ бѣглые солдаты, разбойники и разные люди, убѣгающіе отъ службы и податей [1]). Хотя это распоряженіе Петра дано было въ 1718 году, но оно не потеряло своего значенія и дѣйствія и въ послѣдніе годы его царствованія.

Къ этому времени относятся личности, которыя, подъ вліяніемъ тяжелыхъ житейскихъ обстоятельствъ, бѣдствій и озлобленія, заявили себя особенною приверженностію и страстностію къ ученію о царствованіи антихриста въ лицѣ Петра I. По отзыву іеромонаха Неофита, на петровскихъ заводахъ, въ Олонецкомъ уѣздѣ, въ 1725 году была самая громада раскольническія прелестныя злобы [2]). Въ 1724 году тотемскаго уѣзда за рѣкою Пышною въ одной пустынѣ собралось 190 человѣкъ, изъ которыхъ 145 сожглись, а остальные разбѣжались [3]); въ 1726 году въ важецкомъ уѣздѣ двинской области, въ 10 верстахъ отъ д. Гаврилихи, въ Никольской пустынѣ, сгорѣли 70 человѣкъ съ своими наставниками Исаакіемъ Каргопольцемъ и Максимомъ Нечаевымъ [4]).

На основаніи представленныхъ соображеній и фактическихъ данныхъ можно считать вѣрнымъ то, что какъ число послѣдователей раскола, такъ ихъ возбужденность и враждебность къ господствующей церкви въ годъ смерти Петра I не уменьшились. Самъ собою рождается вопросъ: отчего зависѣла малоплодность всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя приняты были церковно-гражданскою властію къ ослабленію раскола въ его внутреннемъ развитіи и внѣшнемъ проявленіи?

Для рѣшенія вопроса о причинахъ безплодности принятыхъ противъ раскола мѣръ въ первые годы синодальной дѣятельности при Петрѣ I, нужно обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства.

Разсматривая церковно-гражданскія мѣры, нужно придавать большое значеніе лицамъ и учрежденіямъ, чрезъ которыя мѣры правительства приводились въ извѣстность и исполненіе въ подвѣдомствен-

[1]) Есиповъ. Раск. дѣла, т. II, стр. 220—22.

[2]) Собр. т. V, № 1728, 301 стр.

[3]) Сырцовъ Ив. Самосожигательство сибирскихъ старовѣровъ въ XVII и XVIII ст., 20 стр.

[4]) Ibid., стр. 95.

ныя инстанціи; нерадѣніе и своекорыстіе оффиціальныхъ лицъ, скрывавшіяся подъ формою разныхъ quasi-законныхъ отговорокъ, имѣли много мѣста въ дѣлахъ по расколу въ означенное время дѣятельности Святѣйшаго Синода, 1721—1725 годахъ.

Въ началѣ 1722 года, въ Святѣйшемъ Синодѣ разсматривалась жалоба сыщика Коптѣлова на нотаріуса новгородскаго суда Симакова по обвиненію послѣдняго въ томъ, что онъ въ архіерейской приказной палатѣ едва не убилъ и словесно «непотребными словами обругалъ» спасскаго священника Иродіона за отмѣтку въ великопостной сказкѣ Симакова съ его братьями не бывшими за многіе годы на исповѣди и подлежавшими посему штрафу и подозрѣнію въ расколѣ. Требуя удовлетворенія отъ юстицъ-коллегіи за такое противство Симакова, Святѣйшій Синодъ подтверждалъ, дабы подчиненные того чинить отнюдь не дерзали, а до кого какое дѣло будетъ касаться были-бы послушны, а противности-бы никакой не чинили [1]).—Въ томъ же году Святѣйшій Синодъ требовалъ сатисфакціи въ адмиралтейской канцеляріи по дѣлу о комиссарѣ петровскихъ заводовъ Уваровѣ, отпустившемъ на свободу зловредныхъ и фанатичныхъ двухъ раскольниковъ, вопреки состоявшемуся законному распоряженію о содержаніи ихъ въ тюрьмѣ [2]). Частые случаи защиты и укрывательства раскольниковъ со стороны свѣтскихъ и духовныхъ лицъ побудили Петра I къ изданію въ 1722 году строгаго наказанія тѣмъ, кто «для своего интереса» будетъ чинить послѣдователямъ раскола защищеніе и вспоможеніе [3]). Были случаи жалобъ Святѣйшаго Синода въ Сенатъ на свѣтскихъ лицъ, изъ-за нерадѣнія которыхъ дѣла по расколу въ канцеляріяхъ долго коснѣли и были безъ дѣйства [4]). По свидѣтельству тогдашняго вице-президента Святѣйшаго Синода, архіепископа Ѳеодосія Яновскаго, «Кабинетъ Его Величества былъ раскольникомъ прибѣжище и заступленіе» [5]).

Приведенные факты важны сами по себѣ для объясненія истинныхъ причинъ безуспѣшности мѣръ противъ раскола; но они важны еще въ томъ отношеніи, что неразрывно связываются съ дѣятельностію и характеромъ лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣлахъ по расколу посредственно и непосредственно.

Важное значеніе нужно придавать и слѣдующему обстоятельству. Дѣло въ томъ, что задачу свою по отношенію къ расколу высшая духовная власть осложнила солидарностію и принятіемъ на себя обя-

[1]) Собр. т. II, № 394.

[2]) Опис. т. II, 1, № 326.

[3]) Собр. т. II, № 532.

[4]) Ibid. № 866.

[5]) Ил. Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. 163 стр.

занности помогать гражданскому правительству въ достиженіи, путемъ преслѣдованія раскола, узкихъ хозяйственно-практическихъ цѣлей. Правда, что, принимая на себя задачу для исчисленія послѣдователей раскола, для собиранія съ нихъ денегъ и вообще содѣйствуя правительству своимъ вліяніемъ въ упорядоченіи дѣлъ раскола и главное въ ослабленіи его, церковная власть поступала на основаніи установившагося обычая, но не относилась критически къ принятому образу дѣйствія. Образъ дѣйствія церковной власти къ расколу и его послѣдователямъ не соотвѣтствовалъ чистымъ христіанскимъ требованіямъ, состоящимъ въ свободномъ принятіи истины чрезъ убѣжденіе или довѣріе къ проповѣднику, но онъ допускался и былъ терпимъ какъ неизбѣжный по обстоятельствамъ времени и считавшійся удобнымъ въ общежитейскомъ смыслѣ, хотя онъ и не достигалъ тѣхъ узкихъ практическихъ цѣлей, какія имѣлись въ виду правительствомъ. Никто не протестовалъ противъ установившагося образа дѣйствія относительно раскольниковъ. Подчиненныя духовной власти учрежденія и лица, управлявшія дѣлами по расколу, не только проникнуты были общимъ господствовавшимъ духомъ нетерпимости къ раскольникамъ, но и старались эксплуатировать общее нерасположеніе къ опальнымъ—заблуждавшимся, въ угоду личнымъ интересамъ. Хотя Петръ I стремился самъ и всѣхъ побуждалъ собственнымъ примѣромъ къ предпочтенію личныхъ интересовъ общественнымъ и общегосударственнымъ, но это стремленіе по новизнѣ своей и трудности не могло скоро привиться въ средѣ служилаго сословія и остальныхъ подданныхъ; съ другой стороны, крутыя мѣры царя при проведеніи своихъ преобразованій и плановъ смущали многихъ даже благонамѣренныхъ сподвижниковъ его, давая людямъ неблагонамѣреннымъ возможность пользоваться внутреннею смутою для партійныхъ и корыстныхъ цѣлей.

По единодушному признанію изслѣдователей времени Петра I и согласному свидѣтельству современныхъ памятниковъ, умственный и нравственный уровень тогдашнихъ служилыхъ людей былъ очень низокъ; о массѣ населенія нечего и говорить. Низшій классъ духовенства не составлялъ собою исключенія какъ по своему невѣжеству, такъ и по своимъ порокамъ, служившимъ соблазномъ для православныхъ и попрекомъ для раскольниковъ. О степени невѣжественности и корыстности духовенства можно читать у Посошкова, въ указаніяхъ Дух. Регламента [1]). Изъ инструкціи тіунскаго правленія можно видѣть, на какія явленія, въ то время обычныя, нужно было обратить вниманіе. Тіунъ обязанъ былъ смотрѣть за тѣмъ: «протопопы,

[1]) Архангельскій. «Духовное образованіе при Петрѣ В.», стр. 6.

священники, діаконы и прочіе церковники въ своемъ званіи исправно-ль пребываютъ, не пьянствуютъ-ли, и въ церкви не кощунствуютъ-ли; не таскаются-ли сѣмо и овамо оставившіе церкви священники и діаконы и недопускаются-ли мірскими лицами къ служенію, или безъ свидѣтельствъ и отпускныхъ отъ своихъ архіереевъ. Протоинквизитору, инквизиторамъ приказывать накрѣпко смотрѣть, дабы не происходили отъ церковниковъ непотребныя обыкности, а именно: не шумѣли-бъ и не ложились бы спать по улицамъ, или, что горше, въ святыхъ церквахъ не шумѣли пьяніи, не дѣлали-бъ церковнаго молебствія двоегласно, не ссорились бы по мужичью на обѣдахъ, не истязовались бы въ гостяхъ подчиванья, и не являли бы силы и храбрости къ питью, не мужались бы въ бояхъ кулачныхъ, не ходили-бъ простовласы, не пили-бъ по кабакамъ и чтобы на себѣ хранили благообразіе» [1]). Эти примитивныя требованія взяты были съ живой неприглядной дѣйствительности. По взгляду Посошкова, «вина погибели раскольниковъ—отъ не ученыхъ священниковъ; аще бы попы были разумѣтельны, то никоими (?) дѣлы раскольникамъ въ простомъ народѣ множитися было бы невозможно; а нынѣ весьма вкоренилась раскольническая ересь; а попы ихъ обличить и запретить крѣпко не разумѣютъ, или на пѣнязи склоняются» [2]). Напрасно было и ожидать какого-либо вліянія и значенія отъ духовенства, когда, наприм., за недостаткомъ кандидатовъ въ попы, разрѣшалось выбирать и поставлять во священника изъ пашенныхъ монаховъ, т. е. земледѣльцевъ, работавшихъ на монастыри и по порученію отъ нихъ [3]).

Потерявъ свою нравственную силу еще въ XVII ст. съ возникновенія раскола, духовенство стало въ рабское чисто служебное отношеніе въ правленіе Петра къ преобразовательнымъ практическимъ задачамъ царя; по своей бѣдности, невѣжеству, отчасти происхожденію и полной зависимости отъ народа, духовенство только внѣшнимъ образомъ, какъ бы неволею примкнуло къ новымъ и страннымъ затѣямъ Петра, а въ душѣ оно было весьма недовольно тѣмъ, что царь, стремясь къ уравненію сословій и предпочитая личныя заслуги происхожденію, затрогивалъ сложившіяся вѣками и заслуженныя привиллегіи духовнаго вѣдомства, съ которыми оно не могло разстаться безъ внутренняго и даже явнаго, хотя и малодушнаго ропота. Правительство это видѣло, оттого оно и не считало духовенство въ числѣ своихъ приверженцевъ и явно ему не довѣряло [4]) и не уважало. «Духовенство не въ авантажѣ обрѣтается», говаривалъ Петръ Великій

[1]) Опис. т. I, № 216, стр. 207.
[2]) Царевскій. Посошковъ и его сочиненія. 108.
[3]) Собр. т. IV, № 1202.
[4]) Прав. Собесѣд. 1863 г., окт., 148.

часто и совершенно серьезно, относя это не къ одному низшему духовенству, но и высшему.

Если отъ недостатка образованія направленіе дѣятельности исполнителей царскихъ мѣръ было одностороннимъ, то при нравственной распущенности, небрежности и своекорыстіи, дѣла о раскольникахъ должны были встрѣчать большія препятствія, проходя чрезъ руки тогдашнихъ чиновниковъ и канцелярій.

Преобладающимъ недостаткомъ въ бюрократической сферѣ было взяточничество. Безъ взятки необходилось, кажется, ни одно дѣло, т. е. его начало, продолженіе и окончаніе; зло отъ этого было большое. Для ограниченія его издавались особые указы съ угрозою штрафовъ и наказаній. Замѣчательнѣе и печальнѣе всего то, что указы о воспрещеніи брать лишніе поборы относились не къ однимъ низшимъ и среднимъ служилымъ свѣтскимъ лицамъ, но и къ высшимъ представителямъ духовенства, епископамъ [1]). Документально извѣстно, что запретительные указы вызывались не излишнею подозрительностію церковно-гражданской власти, но фактами и жалобами со стороны потерпѣвшихъ; самая подозрительность, если она возникала съ цѣлію предотвращенія взяточничества, обличаетъ недовѣріе къ безкорыстію подозрѣваемыхъ лицъ и возможность съ ихъ стороны непохвальныхъ поступковъ. Въ синодскомъ указѣ отъ 21-го апрѣля 1721 г. говорится: «россійскимъ архіереямъ, равно какъ и иноземнымъ, лишняго, подъ опасеніемъ запрещенія, ничего не брать съ ставленниковъ, кромѣ опредѣленнаго по прежнему обычаю; запрещается брать и сослужителямъ архіерея и пѣвчимъ» [2]). Извѣстенъ указъ отъ 11 сентября того же года ко архіереямъ и прочимъ кому надлежитъ о не присылкѣ духовными и другими лицами къ синодальнымъ членамъ и служителямъ, ни подъ какимъ предлогомъ, подарковъ и присылокъ во избѣжаніе нареканія и для свободнаго отправленія правосудія [3]). Отъ 16 октября 1721 года Святѣйшій Синодъ приказалъ, чтобы посылаемыя для розыска раскольниковъ лица не брали бы взятокъ съ крестьянъ и имъ не чинили насилія, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія [4]). Указъ вызванъ былъ жалобами на поборы маіора Васильева, поручика Д. Павлова, вахмистра Андреева и старца Антонія, составлявшихъ свиту Плещеева при изслѣдованіи раскольниковъ въ предѣлахъ московской области. Отъ 25 сентября того же года Святѣйшимъ Синодомъ постановлено было, чтобы подъячіе московскаго Приказа церковныхъ дѣлъ, состоявшіе по дѣламъ раскола, запрещенныхъ взятокъ

[1]) Собр. т. IV, № 1425.

[2]) Ibid. № 63, 91 стр. (по 1-му изд. № 44).

[3]) Ibid. № 210 (189), 260 стр.

[4]) Ibid. № 269 (243), 324 стр.

не брали, иначе повинны будутъ воспріять таковое воздаяніе, каковое за оное преступленіе чинить повелѣно [1]).

Не смотря однако на означенные и другіе запретительные указы, раннѣйшіе и позднѣйшіе, случаи взяточничества обнаруживались не рѣдко. Въ 1722 году въ Святѣйшемъ Синодѣ производилось дѣло по обвиненію подъячаго Приказа церковныхъ дѣлъ В. Колесницкаго во многихъ взяткахъ съ раскольниковъ, которые его дарили отъ касающихся дѣлъ деньгами и вещами [2]). Дѣло о Колесницкомъ разсматривалось 10 августа 1722 года, а 28 сентября того же года изданъ наистрожайшій указъ Сената и Синода объ отобраніи отъ всѣхъ служащихъ по духовному вѣдомству подписокъ въ слушаніи и обязательномъ исполненіи распоряженія, воспрещающаго лихоимство [3]).

Циркулярный указъ этотъ тѣмъ замѣчателенъ, что въ немъ лихоимство представляется такимъ общераспространеннымъ и закоренѣлымъ зломъ, съ которымъ правительство усиленно, но безсильно боролось уже давно, начиная съ 1714 года. Въ числѣ дѣлъ, въ которыхъ лихоимства умножились, упоминаются и духовныя, заключавшія въ себѣ и дѣла по расколу. Для большей острастки взяточниковъ въ указѣ говорится: «кто дерзнетъ сіе учинить, тотъ весьма жестоко будетъ на тѣлѣ наказанъ, всего имѣнія лишенъ, шельмованъ и изъ числа добрыхъ людей изверженъ или смертію казненъ будетъ; тому же наказанію подвергнутся соучастники, пособники и укрыватели взяточниковъ». Указъ этотъ должны были подписать всѣ чины, находившіеся въ синодальной командѣ [4]). Какъ исполнялись требованія правительства касательно искорененія взяточничества, видно изъ слѣдующаго скандальнаго случая.

Въ 1721 г. учреждена была должность протоинквизитора, или главнаго фискала по дѣламъ духовнаго вѣдомства по всей Россіи, соотвѣтственно такой же должности по гражданскому вѣдомству; въ помощь главному фискалу установлены были по епархіямъ должности провинціалъ-инквизиторовъ, которыхъ слѣдовало избрать изъ монашескаго чина, изъ монаховъ доброжелательныхъ, чистосовѣстныхъ и правдивыхъ. На обязанности инквизиторовъ лежало, между многимъ прочимъ, «съ прилежно-тщательнымъ радѣніемъ» смотрѣть, не беретъ-ли кто взятокъ и такъ-ли духовныя и свѣтскія (лица), у которыхъ раскольническія дѣла и сборы въ домы, поступаютъ въ оныхъ, какъ требуютъ указы, и нѣтъ-ли отъ кого понаровки и послабленія, о чемъ

[1]) Собр. т. I, № 236 (179).

[2]) Собр. т. II, № 746. Колесницкій, по обвиненію, бралъ: стаканы, блюда, вино, лимоны, снятки, овесъ, гусей и т. п.

[3]) Ibid. № 833.

[4]) Опис. т. II. 2. № 1000.

и доносить [1]). Въ 1724 г. возникло дѣло по обвиненію въ лихоимствѣ и безпорядочной жизни сибирскаго провинціалъ-инквизитора іеродіакона Арсенія Іевлева. Во время продолжительнаго суда надъ Арсеніемъ обнаружились и доказаны были факты самоуправства, буйства, взяточничества, недостойной жизни и т. п.; усердія къ изслѣдованію дѣлъ раскола въ интересахъ справедливости и службы не видно [2]).

Были исключительные случаи, когда лица, бравшія взятки, приносили сами раскаяніе въ лихоимствѣ предъ властями, прося пощады. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія дѣло «по повинному доношенію инквизитора, церкви десяти мучениковъ въ Москвѣ священника Михаила Тимоѳеева, о прощеніи ему принятія подарковъ отъ раскольниковъ-челобитчиковъ, въ бытность его судейскимъ товарищемъ въ Приказѣ церковныхъ дѣлъ [3]). Это покаянное прошеніе поступило въ Святѣйшій Синодъ въ іюнѣ 1722 г.

Побужденіемъ къ добровольному раскаянію во взяточничествѣ послужило для попа Тимоѳеева, по его словамъ, милостивое прощеніе подъячаго М. Матвѣева по добровольному сознанію его въ лихоимствѣ и желаніе очистить свою совѣсть отъ прежнихъ грѣховъ, дабы, съ поступленіемъ въ инквизиторы и съ принятіемъ новой присяги, не давать повода къ подозрѣнію. Впрочемъ, изъ разсмотрѣнія всѣхъ подробностей настоящаго дѣла видно, что страхъ наказанія за содѣянныя дѣла въ случаѣ ихъ обнаруженія былъ, какъ можно думать, самымъ сильнымъ побужденіемъ къ принесенію повинной; потому что о случаяхъ взяточничества священника Тимоѳеева извѣстно было его непосредственному начальнику по Приказу, архимандриту Антонію, бывшему и недоброжелателемъ Тимоѳеева. Время для принесенія повинной было выбрано весьма удобное по случаю окончанія Сѣверной войны со Шведами. По объясненію священника Тимоѳеева, на принятіе взятокъ онъ дерзнулъ вслѣдствіе семейной нужды, усиленныхъ служебныхъ трудовъ безъ жалованья и награжденія, убыточнаго для него отвлеченія занятіями въ Приказѣ отъ приходскихъ требъ и доходовъ. Во всемъ этомъ онъ винилъ архимандрита Антонія, который привлекъ его, вопреки желанію, къ занятію въ Приказѣ и пользовался его трудами, но не цѣнилъ ихъ, упорно отказываясь награждать его за нихъ. Къ своему прошенію Тимоѳеевъ приложилъ перечень взятокъ (деньгами и натурою), полученныхъ имъ отъ раскольниковъ-челобитчиковъ безъ всякаго къ нимъ принужденія и не на-

[1]) Собр. т. I, № 348 (321), 404 стр.

[2]) Опис. т. IV, № 422.

[3]) Опис. т. II, 1. № 755, 1152—59 стр.

падками, въ чемъ отъ нихъ и понынѣ челобитья и жалобы ни отъ кого не имѣлось. Во вниманіе къ добровольному сознанію Тимоѳеева Святѣйшій Синодъ простилъ его, съ отрѣшеніемъ отъ должности инквизитора, на которую было онъ назначался и съ запрещеніемъ допускать его впредь къ какимъ бы то ни было дѣламъ, кромѣ отправленія обязанностей священника; попрекать взятками Тимоѳеева было запрещено.

По словамъ священника Тимоѳеева, не свободенъ былъ отъ пріема взятокъ отъ раскольниковъ и злоупотребленія штрафными деньгами съ нихъ архимандритъ Антоній, извѣстный дѣятель по раскольничьимъ дѣломъ. Изъ документовъ не видно, чтобы показаніе священника Тимоѳеева провѣрялось; нѣтъ и опроверженія извѣта его на Антонія.

Дѣло священника Тимоѳеева можетъ служить указаніемъ на медленность тогдашняго дѣлопроизводства: рѣшеніе о Тимоѳеевѣ послѣдовало ровно чрезъ 3 года послѣ подачи прошенія $\left(\frac{\text{22-го іюня 1722 г.}}{\text{14-го іюня 1725 г.}}\right)$

Нѣтъ нужды приводить новые факты для доказательства сильнаго развитія взяточничества въ разсматриваемое нами время. Существованіе взяточничества задерживало приведеніе въ исполненіе мѣръ противъ раскола. Съ взяточничествомъ соединялись неизбѣжныя явленія: укрывательство раскольниковъ, поблажки имъ, проволочка дѣлъ по обвиненію и преслѣдованію раскольниковъ и пристрастныя рѣшенія слѣдственныхъ дѣлъ. Намъ уже извѣстно, какія существовали наказанія за укрывательство раскольниковъ; строгость и повторяемость опредѣленій о наказаніяхъ за укрывательство свидѣтельствуютъ о фактахъ, вызывавшихъ соотвѣтственныя распоряженія предержащей власти. Въ доказательство того, какъ медленно шли нѣкоторыя дѣла о лицахъ заподозрѣнныхъ въ расколѣ, какъ и закоренѣлыхъ раскольникахъ, можно указать на весьма интересный процессъ по обвиненію въ приверженности къ расколу помѣщика бѣлевскаго уѣзда, генералъ-рекетмейстера Павлова съ женою и сыномъ. Дѣло это началось 14 ноября 1722 г., а окончилось въ началѣ 1725 г., послѣ смерти Петра I; на медленность этого дѣла Святѣйшій Синодъ жаловался Сенату, требуя сатисфакціи и ускоренія [1]); дѣло однако отъ этого неподвинулось. Случалось, что въ учрежденіи, спеціально предназначенномъ для производства дѣлъ о расколѣ, не было въ наличности чиновниковъ, которые бы вели текущія дѣла. Такъ, отсутствіе необходимыхъ лицъ произошло не въ какомъ-либо отдаленномъ и малоизвѣстномъ городѣ, а въ Москвѣ, въ розыскной раскольническихъ дѣлъ Канцеляріи, гдѣ сосредоточивались и вѣдались дѣла о раскольникахъ московскаго

[1]) Опис. т. II, 2. № 1152, 1003. Собр. т. II, № 939.

округа подъ руководствомъ извѣстнаго Плещеева. По справкѣ оказалось, что дьякъ и подъячіе означенной канцеляріи, обязанные у своихъ дѣлъ быть постоянно, отлучалися безъ всякаго Святѣйшему Синоду объявленія и безъ полученія указа, «и тою отлучкою великую учинили въ нужнѣйшихъ дѣлахъ остановку, а держимымъ въ той канцеляріи колодникамъ-раскольникамъ, которыхъ, по Его Императорскаго Величества указамъ, удерживать не велѣно, нанесли долговременное удержаніе и конечную въ пропитаніи ихъ нужду» [1]), т. е. заставили ихъ голодать,—къ одному мученію присоединили другое, еще болѣе тяжкое.

Эта медленность, небрежность и несправедливость при исполненіи обязанностей по дѣламъ раскола представляли собою не случайность, всегда возможную при хорошемъ административномъ устройствѣ, но отличительную черту тогдашнихъ людей и тогдашнихъ порядковъ, т. е. явленіе постоянное, фактъ историческій.

Былъ недостатокъ въ людяхъ, проникнутыхъ гражданскимъ чувствомъ, сознаніемъ и предпочтеніемъ личныхъ интересовъ церковнообщественнымъ и гражданскимъ. Этотъ недостатокъ Петръ думалъ пополнить и вознаградить переустройствомъ административнаго управленія и строгаго, даже личнаго контроля за дѣйствіями служилыхъ людей, начиная съ ближайшихъ, высшихъ. Отъ улучшенія администраціи и обновленія состава ея Петръ ожидалъ бо́льшаго успѣха и справедливости не потому, можетъ быть, чтобъ онъ вѣрилъ въ быструю перемѣну нравственныхъ понятій чиновныхъ лицъ, а потому, что преобразованіемъ церковно-гражданскихъ учрежденій могъ надѣяться на ограниченіе личнаго произвола и усиленіе начала коллегіальнаго въ важныхъ государственныхъ вопросахъ, въ число которыхъ входилъ и вопросъ о расколѣ.

Положенное въ основу правительственныхъ учрежденій коллегіальное начало дано было и Святѣйшему Синоду взамѣнъ единоличной воли патріарха при самомъ учрежденіи Святѣйшаго Синода и юридическомъ уничтоженіи патріаршей власти. При новомъ и многочисленномъ составѣ, при участіи особенно нѣкоторыхъ своихъ членовъ, главнымъ образомъ вице-президента епископа Ѳеофана Прокоповича, дѣятельность Святѣйшаго Синода была чрезвычайно плодовита по всѣмъ частямъ управленія и дѣламъ раскола. Если взять во вниманіе количество дѣлъ по расколу, возникавшихъ и производившихся какъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, такъ и въ подвѣдомыхъ ему церковныхъ учрежденіяхъ по его инціативѣ и уполномочію, то ясно обнаруживается, что расколъ былъ предметомъ особенной заботли-

[1]) Ibid. т. II, № 866.

вости Святѣйшаго Синода; дѣла по расколу возникали и разсматривались чаще и продолжительнѣе въ сравненіи съ другими вопросами хозяйственнаго и административнаго свойства. Къ дѣятельности по части изслѣдованія раскола и исчисленія его послѣдователей привлечены были не одни духовныя учрежденія и лица, но и свѣтскія, какъ это мы уже знаемъ; были спеціальныя учрежденія и спеціальныя лица, съ особыми полномочіями для изслѣдованія раскола, для разбора и обличенія заблужденій его сторонниковъ. Всѣ эти разные способы воздѣйствія на расколъ нужно поставить въ зависимость и заслугу высшей духовной власти, дѣйствовавшей сообща, коллегіально, соборно, сообразно съ данною Петромъ формою совѣщанія и заявленія личнаго мнѣнія.

Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что достигнутые по отношенію къ расколу слабые результаты не соотвѣтствовали ни намѣченной программѣ дѣйствованія со стороны церковно-гражданской власти на расколъ, ни фактически сдѣланнымъ усиліямъ. Жалобы церковной власти на усиленіе раскола и бездѣйствіе мѣръ противъ приверженцевъ его раздавались въ 1725 г. въ такой же степени, какъ и въ 1721 г. Ко многимъ причинамъ неуспѣха, перечисленнымъ нами ранѣе, нужно присовокупить ненормальныя отношенія и пререканія между высшими церковными и гражданскими учрежденіями въ вопросѣ о расколѣ.

Источникъ бывшихъ недоразумѣній и пререканій между Святѣйшимъ Синодомъ и Правительствующимъ Сенатомъ, въ первые годы синодальнаго управленія—принципіальнаго, юридическаго свойства. Изъ характера управленія и отношенія Петра было ясно, что церковная власть, прежде, особенно при патріархахъ, весьма широкая, сильная и авторитетная, стала при Петрѣ Великомъ, въ подчиненное отношеніе къ царской власти; ослабился авторитетъ власти; сфера дѣйствія и вліянія церкви сдѣлалась уже, условнѣе и незамѣтнѣе. Это было слѣдствіемъ и завершеніемъ давнишняго и продолжительнаго конфликта между церковною и гражданскою властію изъ-за первенства власти; послѣ нѣкоторой глухой борьбы и неудачныхъ попытокъ при патріархѣ Никонѣ церковная власть должна была уступить предъ неограниченною волею Петра. Этого мало: даже Сенатъ стремился подчинить себѣ и ограничить дѣятельность церковной власти. Дѣло въ томъ, что de jure Св. Синодъ и Правительствующій Сенатъ признаны были равноправными между собою, одинъ другому неподчиненными и независимыми въ своей дѣятельности. Однако Сенатъ на дѣлѣ, de facto, такъ относился къ Синоду, что замѣтны были попытки подчиненія себѣ Синода, непризнаніе за нимъ равенства съ собою и умаленія его достоинства. Случаи такого высокомѣрнаго отношенія

Сената къ Синоду нерѣдко возникали въ дѣлахъ по расколу, и участіе въ которыхъ, какъ дѣлахъ важныхъ, Сенатъ былъ призванъ волею Петра. Въ предѣлы нашего очерка не входитъ разборъ всѣхъ условій и вліяній, способствовавшихъ возникновенію и развитію ненормальныхъ отношеній между двумя высшими учрежденіями,—этотъ вопросъ можетъ составить предметъ особенныхъ разсужденій, опыты которыхъ уже имѣются въ историко-юридической литературѣ [1]), куда и отсылаемъ любознательныхъ читателей. Замѣтимъ только, что широта данныхъ полномочій Сенату, обширный кругъ вѣдѣнія разнообразныхъ дѣлъ, вошедшій въ его обязанности на основаніи права и практики въ бездѣятельный тяжелый періодъ мѣстоблюстительства м. Стефана Яворскаго (1700—1721 г.), раннѣйшее существованіе Сената (1711 г.) въ сравненіи съ Синодомъ, отсутствіе строгой регламентаціи взаимныхъ правъ между обоими учрежденіями имѣли вліяніе на происхожденіе притязательнаго и недружелюбнаго отношенія Сената къ Святѣйшему Синоду, на первыхъ порахъ дѣятельности послѣдняго. Изъ чего бы случаи ненормальныхъ отношеній Сената къ Синоду ни происходили, какъ-бы происхожденіе ихъ далеко въ предшествовавшее время не простиралось и какъ-бы эти случаи ни объяснялись съ оправдательною цѣлію, фактъ существованія ихъ говоритъ самъ за себя; онъ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи должнаго уваженія и довѣрія къ церковной власти со стороны высшаго гражданскаго управленія. Сгруппируемъ въ одно цѣлое выдающіеся факты взаимныхъ пререканій между Сенатомъ и Синодомъ для указанія на ту печальную роль, какую приходилось выдержать Синоду въ дѣлахъ по расколу,—въ дѣлахъ простыхъ и незамысловатыхъ, гдѣ взаимное согласіе и довѣріе могло бы принести болѣе пользы дѣлу, чѣмъ нѣкоторыя придуманныя и искусственныя скороспѣлыя противъ раскола мѣры. Правда, во взаимныхъ недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ обѣ стороны могли быть неправы, но когда эти пререканія составляли не канцелярскую тайну, а неоднократно сопровождались и заканчивались протестомъ, требованіемъ сатисфакціи и жалобами, доходившими до Петра, то понятно, что дѣло было серьезное, являвшееся большимъ соблазномъ для другихъ учрежденій и лицъ, въ ущербъ дѣламъ по расколу. Вредное вліяніе пререканій между Сенатомъ и Синодомъ дѣйствительно простиралось далеко.

При учрежденіи Сената послѣднему дано было de jure et de facto первенствующее значеніе во всѣхъ дѣлахъ, не исключая и ду-

[1]) Сергій Петровскій. О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, Ѳ. Жорданія, «Святѣйшій Синодъ при Петрѣ Великомъ въ его отношеніи къ Правительствующему Сенату».

ховныхъ [1]) даже. Будучи юридически равнымъ въ духовныхъ дѣлахъ Сенату, Святѣйшій Синодъ долженъ былъ сноситься съ Петромъ чрезъ кабинетъ-секретаря, а послѣ—чрезъ своего оберъ-прокурора, какъ постояннаго посредника. Но множество дѣлъ у царя, его частыя отлучки изъ столицы, путешествія и походы вынуждали Петра поручать всѣ дѣла Сенату, или отлагать нѣкоторыя изъ нихъ на неопредѣленное время, до своего возвращенія и досуга. Этими обстоятельствами пользовался Сенатъ для своей цѣли, т. е. для установленія своего отношенія къ Святѣйшему Синоду, какъ учрежденію зависимому, неравному, можетъ быть, въ интересахъ государственныхъ, т. е. для общаго блага, можетъ быть и въ личныхъ видахъ. Если такимъ отношеніемъ тяготился м. Стефанъ Яворскій, какъ мѣстоблюститель патріаршей власти, то тѣмъ болѣе трудно было молчать коллективному собранію, заступившему мѣсто патріарха и утвержденному въ своихъ правахъ царскою властію и единогласнымъ рѣшеніемъ восточныхъ патріарховъ.

Такъ, въ 1721 г., въ бытность царя въ Ригѣ, Святѣйшій Синодъ, оскорбившись рѣзкими замѣчаніями Сената и вспомнивъ и другія его обиды, учиненныя къ безчестію Синода, послалъ въ Ригу къ Петру доношеніе, въ которомъ, между прочимъ, была рѣчь о томъ, что въ Сенатѣ происходитъ ко сторонѣ духовнаго правительства *противность*. Поводомъ жалобы послужилъ отказъ Сената въ назначеніи на службу въ Синодъ чиновниковъ изъ гражданскихъ коллегій,—отказъ, сопровождавшійся замѣчаніемъ на неимѣніе Синодомъ права брать какихъ захочетъ находившихся у дѣлъ чиновниковъ, кромѣ чиновниковъ приказовъ церковнаго вѣдомства; этотъ отказъ повлекъ за собою то, что многіе изъ чиновниковъ, выбранныхъ Синодомъ въ свою канцелярію, стали отказываться, подъ разными предлогами, отъ поступленія на службу въ синодскую канцелярію, не обращая вниманія на угрозы со стороны духовной власти. Отъ этого происходила остановка въ дѣлахъ. Вторичная жалоба Синода царю, не смотря на предписанія Сенату, осталась безъ успѣха [2]).

Одинъ вопросъ особенно часто и въ теченіе 4-хъ лѣтъ непрерывно возбуждалъ пререканія и «дѣлу препятствія». Это—вопросъ о денежныхъ сборахъ съ раскольниковъ. По указу 1722 г. и установившемуся порядку, собранныя съ раскольниковъ штрафныя деньги и окладныя должны были присылаться изъ всѣхъ мѣстъ и учрежденій духовныхъ и свѣтскихъ, въ Святѣйшій Синодъ, откуда безъ указа синодскаго никуда въ расходъ не дозволялось денегъ употреблять [3]).

[1]) Петровскій. О Сенатѣ. 320—23 стр.

[2]) Опис. т. I, № 104.

[3]) Собр. т. II, № 425.

Между тѣмъ Сенатъ, вскорѣ послѣ яснаго указа о мѣстѣ направленія сбора, сообщилъ Синоду, чтобы положенныя съ раскольниковъ деньги по окладу отсылать въ «Штатсъ-Конторъ-Коллегію», а штрафныя брать въ Синодъ съ извѣщеніемъ о томъ означенной Коллегіи [1]). Незаконное требованіе это вызвало смущеніе и протестъ со стороны членовъ Святѣйшаго Синода. Послѣдній отвѣчалъ: «такое приказаніе отъ Сената предложено ко уменьшенію данной отъ царскаго Величества Святѣйшему Правительствующему Синоду дѣйствительной чести и учиненнаго съ Правительствующимъ Сенатомъ равенства, ибо объявляетъ Сенатъ свое приказаніе Синоду аки-бы подчиненному, не взирая на оное равенство и не упоминая того, что правительство духовное имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, а къ патріаршескому лицу отъ свѣтскаго правленія повелительныхъ писемъ не посылалось; а оное приказаніе Сената, яко повелительство, прислано и о дѣлахъ не свѣтскаго правленія, но духовнаго, которое до Сената не надлежитъ». Относительно извѣщенія въ Коллегію о деньгахъ, собираемыхъ съ раскольниковъ за небытіе у исповѣди и святаго причастія, Святѣйшій Синодъ далъ понять, что Сенатъ «отягощеніе духовному правительству наноситъ напрасно, аки-бы Синодъ въ интересахъ невѣроятенъ былъ, тогда какъ Синодъ въ исканіи интереса присягою Коллегіи (т. е. Сената) не меньше обязался и обрѣтающихся въ Сенатѣ персонъ, и вѣрность присяжную содержать тщится, а въ похищеніи интересовъ не точію не явился, но никогда тому еще и не учился и впредь учиться ненамѣренъ [2])». Странно было, что Сенатъ, въ оправданіе своихъ требованій, ссылался на указъ отъ 31 мая 1721 г., которымъ предписывалось отсылать двойной окладъ съ раскольниковъ въ гражданскую коллегію, тогда какъ по позднѣйшему указу отъ 19 ноября 1722 г. означенный сборъ слѣдовало отправлять въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода [3]). Случаи нарушенія со стороны Сената указа о денежномъ сборѣ были и послѣ; не будучи вызываемы побудительными причинами, эти случаи, вносившіе разстройство въ обычный порядокъ дѣлъ о расколѣ, сопровождались неудовольствіемъ и жалобами со стороны Святѣйшаго Синода [4]), остававшимися часто неудовлетворенными, или совсѣмъ безотвѣтными. Такъ, въ концѣ 1724 г. возникло препирательство между Святѣйшимъ Синодомъ и Сенатомъ изъ-за того, кому вѣдать двойной сборъ съ раскольниковъ,—препирательство не новое, но странное и незаконное, обличавшее въ Сенатѣ стремленіе ослабить власть и полномочіе Свя-

[1]) Опис. т. II, 1, № 592.

[2]) Опис. т. I, № 123.

[3]) Ibid. т. II, 1, № 592.

[4]) Ibid. № 441. Собр. т. IV, № 1450.

тѣйшаго Синода въ дѣлахъ по расколу. Наскучивши частыми и вредными для дѣла пререканіями изъ-за сбора денегъ, Святѣйшій Синодъ, опираясь на «Регламентъ» и другіе дополнительные указы, заявилъ: «означенный сборъ съ раскольниковъ обращать и исправлять надлежитъ Синоду; понеже сборы тѣ положены не для прибыли какой, а ради понуждательства раскольниковъ къ обращенію; а если отъ Синода раскольниковъ сборами отрѣшить, то и обращательство ихъ приказать тѣмъ же персонамъ, кому будутъ сборы вручены». Дѣло это было представлено на Высочайшее утвержденіе, но его не послѣдовало до самой смерти Петра I [1]).

Святѣйшій Синодъ не безъ основанія, кажется, затрогивалъ здѣсь одну сторону въ вопросѣ о раскольникахъ,—сторону весьма важную, экономическую. Денежная сторона дѣла, изъ за которой шли взаимныя препирательства между церковною и гражданскою властью, состояла въ томъ, что хотя собранныя съ раскольниковъ суммы шли на содержаніе лицъ и учрежденій, служившихъ по дѣламъ о расколѣ, и на покрытіе расходовъ по исчисленію и приведенію раскольниковъ въ извѣстность, однако точныхъ, ясныхъ и опредѣленныхъ отчетовъ о приходѣ и расходѣ собранныхъ денегъ не было извѣстно для гражданской власти. Повидимому, денегъ собиралось много, но точная цифра ихъ не опредѣлялась; какъ производилась трата сборовъ, куда дѣвались остатки—на все это не давалось отвѣта и разъясненій. Недоброжелательные и завистливые люди обращали вниманіе на смѣту сборовъ, но забывали о томъ, сколько было недоимокъ и такихъ случаевъ злоупотребленій, къ раскрытію которыхъ не представлялось возможности. Формальныхъ обвиненій и заявленныхъ подозрѣній непосредственно по адресу церковной власти со стороны гражданской власти не было, но неблагопріятные слухи, по всей вѣроятности, доходили до членовъ Святѣйшаго Синода; вотъ почему Святѣйшій Синодъ находилъ себя вынужденнымъ оправдываться и заявлять свое безпристрастіе въ денежной сторонѣ вопроса по расколу; въ разсужденіяхъ по этому поводу замѣчается какая-то раздражительность, рѣзкость и крайность вмѣсто спокойствія и объективнаго дѣловаго изложенія распоряженія сборами сообразно съ ихъ назначеніями, наличностью затратъ и остатковъ.

Дѣйствительно, нельзя не признать законными и уважительными доводовъ Святѣйшаго Синода въ пользу своего права и пользы отъ удержанія за собою сбора съ раскольниковъ положенныхъ штрафныхъ и окладныхъ денежныхъ платежей. По объясненію Святѣйшаго Синода, цѣль указа отъ 19 ноября 1721 года, предоставлявшаго

[1]) Опис. т. IV, № 530.

духовному вѣдомству право сборовъ съ раскольниковъ денегъ, состояла въ томъ, «чтобы содержаніе опредѣленныхъ ко изысканію и увѣщанію раскольниковъ и отправленіе посылаемыхъ случайно, по потребѣ, духовныхъ персонъ не пресѣклося, и надлежащее во обращеніи оныхъ дѣйство не воспрепятствовалося, ибо ежели оный съ раскольниковъ сборъ будетъ не подъ синодскимъ вѣдомствомъ, то ни прежде опредѣленныхъ ко оному раскольниковъ изысканію и увѣщанію персонъ содержать, ни впредь по случаямъ для такихъ кого надлежитъ посылать и довольствовать будетъ нечѣмъ, наипаче-же по оному съ раскольниковъ и съ неисповѣдывающихся сбору будутъ и духовныя свѣтскимъ подчинены, понеже имѣютъ спрашиваться на архіереяхъ и прочемъ духовенствѣ отъ свѣтскихъ имянныя о таковыхъ вѣдомости; есть-ли же отъ Синода на то требованы будутъ послушные указы, тогда усугубится трудъ и продолженіе не безъ помѣшательства въ дѣлѣ, а раскольникамъ, когда увидятъ себя отъ духовной власти отрѣшенныхъ и подъ свѣтскимъ вѣдомствомъ содержащихся, подастся болшее ко укрытію ихъ безопасіе и способъ, а духовныхъ презрѣніе, изъ чего не точію умалятися, но наипаче прежняго въ безопасности умножатися будутъ». Если, по мнѣнію Святѣйшаго Синода, непремѣнно хотятъ передать сборъ съ раскольниковъ въ гражданское вѣдомство, то, въ силу означенныхъ соображеній, надлежитъ совсѣмъ отрѣшить духовенство отъ раскольническихъ дѣлъ, т. е. отъ дѣлъ учительства и миссіонерства; во всякомъ случаѣ, Святѣйшій Синодъ поступался своими правами подъ условіемъ особаго Высочайшаго повелѣнія [1]). Не смотря на основательные доводы и опасенія Святѣйшаго Синода, сборъ съ раскольниковъ перешелъ въ вѣдѣніе Сената; это совершилось по особому Высочайшему опредѣленію уже послѣ Петра I, при его преемницѣ, императрицѣ Екатеринѣ I, въ февралѣ 1726 г. [2]).

Вопросъ о правахъ Синода и равенствѣ его съ Сенатомъ настолько былъ тогда существеннымъ, что вошелъ въ особые докладные пункты, требовавшіе высочайшей резолюціи. Отъ 12 апрѣля 1722 г. извѣстны двѣ резолюціи Петра на два (между многими другими) доклада со стороны Святѣйшаго Синода: 1) какъ поступать съ тѣмъ, кто гордо презираетъ власть церковную съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій и тако безбожія воню отъ себя издаетъ?—Резолюція царя: понеже Синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣетъ какъ Сенатъ, того ради респектъ и послушаніе равное отдавать надлежитъ и за преступленіе—наказаніе; 2) если которая духовная пер-

[1]) Собр. т. V, № 1507.

[2]) Собр. т. V, № 1730.

сона или весь Синодъ, во учиненной отъ знатнаго и сильнаго лица обидѣ, нигдѣ сатисфакціи не получитъ, а Его Императорскому Величеству о партикулярныхъ обидахъ бить челомъ по Высочайшему указу запрещено, то какія тогда Синоду мѣры употреблять?—Резолюція: «Объявлять мнѣ» [1]). Пользуясь такими резолюціями Петра I, Святѣйшій Синодъ смѣло заявлялъ о своемъ достоинствѣ въ случаяхъ, которые продолжали повторяться къ немалому огорченію [2]).

Помимо вопроса о правахъ, чести и значеніи, Святѣйшему Синоду приходилось констатировать еще болѣе важный предметъ въ дѣятельности своей въ отношеніи раскола; это вопросъ о препятствіяхъ, которыя Святѣйшій Синодъ встрѣчалъ въ гражданской власти по дѣламъ раскола. Вопросъ о препятствіяхъ вытекалъ отчасти изъ существовавшихъ ненормальныхъ отношеній Сената къ Синоду, отчасти изъ дурнаго вліянія, какое производили эти отношенія на низшихъ гражданскихъ чиновниковъ, соприкасавшихся съ дѣлами по расколу. Въ существованіи такихъ препятствій и въ истинномъ источникѣ ихъ происхожденія Святѣйшій Синодъ не сомнѣвался. Нельзя сказать, чтобы со стороны свѣтской власти было систематическое противодѣйствіе духовенству въ его стремленіи ослабить расколъ, однако фактовъ неисправленія и противности было такъ много, что они вызывали со стороны Святѣйшаго Синода жалобы и заявленія въ Сенатъ о предупрежденіи и наказаніи виновниковъ.

Образъ дѣйствія Сената по обвиненію миссіонера І. Рѣшилова въ противозаконныхъ поступкахъ подалъ Святѣйшему Синоду основаніе указать Сенату на нарушеніе имъ одного узаконенія и причиненія вреда дѣлу миссіи по изслѣдованію и обращенію раскольниковъ. Дѣло въ томъ, что Сенатъ, по полученіи изъ кіевской губерніи доноса на Рѣшилова, поручилъ изслѣдованіе дѣла на мѣстѣ, въ малороссійской коллегіи, суду которой и долженъ былъ подчиниться и довольствоваться Рѣшиловъ, о чемъ и увѣдомлена была канцелярія Синода. Но Святѣйшій Синодъ этому воспрепятствовалъ, видя въ направленіи судебнаго процесса нарушеніе закона и неблагопріятныя послѣдствія. По заявленію Святѣйшаго Синода, указы отъ 15 марта 1721 года (за № 3761) и 2 іюня 1724 года повелѣвали чинить производство дѣла по жалобамъ въ малороссійской коллегіи только объ однихъ тамошнихъ обывателяхъ—малороссахъ, а не посылаемыхъ изъ Святѣйшаго Синода духовныхъ лицахъ, которыхъ нигдѣ нельзя судить, какъ только въ Синодѣ.—Правда, Рѣшиловъ—личность сомнительнаго свойства и непріятная, оставившая по себѣ недобрую па-

[1]) Собр. т. II, № 532, пп. 5 и 12.

[2]) Мысль о сохраненіи своего достоинства дошла у членовъ Синода до подозрительности (Собр. т. II, № 710. Опис. т. III, № 602, стр. 657).

мять какъ по дѣйствіямъ своимъ въ предѣлахъ Малороссіи, такъ и по позднѣйшимъ интригамъ и клеветамъ на свѣтлую личность Ѳеофилакта Лопатинскаго, но странною представляется ревность Сената въ поспѣшномъ разоблаченіи извѣтовъ на Рѣшилова, дошедшая до нарушенія дѣйствовавшихъ узаконеній,—ревность необычная въ этомъ именно случаѣ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ замѣтна медлительность, проволочка; Сенату слѣдовало бы принять во вниманіе и то, что жалобу на Рѣшилова возбудилъ стародубскій комендантъ Пашковъ, обвинявшійся въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ того-же Рѣшилова. Такимъ образомъ жалоба затѣвалась, можетъ быть, и напрасно, изъ-за негодованія на Рѣшилова со стороны раскольниковъ, какъ и предполагалъ тогда Святѣйшій Синодъ.

Нужно указать еще на другой случай, когда замѣтно было бездѣйствіе гражданской власти и даже Сената въ принятіи своевременныхъ мѣръ противъ раскольниковъ. Рѣчь о Неофитѣ. Одною изъ причинъ неудачи миссіи Неофита на олонецкихъ заводахъ было бездѣйствіе и потворство гражданской власти. «У насъ», писалъ Неофитъ о своихъ дѣлахъ секретарю Тишину въ 1725 году, «на петровскихъ заводахъ въ канцеляріи, по присланнымъ указамъ, въ раскольническихъ дѣлахъ не мало намъ не помогаютъ, штрафныхъ денегъ не правятъ, посланнымъ нашимъ ко случайнымъ проѣздамъ подводъ не стали давать, понеже-де безъ прогоновъ давать не велѣно»[1]. Въ такомъ же духѣ писалъ Неофитъ и въ Синодъ. Изъ требованія Синода у Сената сатисфакціи на ландрата Муравьева открывается, что самъ Сенатъ «если не открыто держалъ сторону раскольниковъ, то дѣйствовалъ крайне слабо» [2].

Гораздо болѣе можно указать случаевъ бездѣйствія и противодѣйствія духовной власти со стороны средней и низшей бюрократіи въ дѣлахъ о расколѣ. Кто служилъ далеко отъ центра, тотъ могъ болѣе разсчитывать на безнаказанность за неисправность и послабленіе расколу. Вотъ интересный отзывъ Святѣйшаго Синода о провинціальныхъ чиновникахъ, относящійся къ концу 1721 г.: «назначаемыя по духовнымъ дѣламъ свѣтскія персоны въ духовное правительство отъ нѣкоторыхъ командъ не отсылаются, и посылаемые о нихъ отъ архіереевъ указы являются презираемы; въ чемъ видится духовной власти презрѣніе, а въ тѣхъ повинныхъ умножается смѣлость ко уничтоженію духовнаго начальства, отъ чего бываетъ и безъ исправленія» [3]. Въ этомъ отзывѣ обобщено множество

[1]) Опис. т. I, № 403, 481—83 стр.
[2]) Ibid.
[3]) Собр. т. I, № 312 (285), 367 стр.

фактовъ, которыхъ нѣтъ нужды приводить для доказательства невниманія тогдашняго общества къ духовенству и его требованіямъ. Случаи пренебрежительнаго отношенія къ духовнымъ лицамъ возникали изъ-за точнаго исполненія послѣдними начальственныхъ требованій, касавшихся раскола; былъ случай, когда одного священника едва не убилъ нотаріусъ новгородскаго суда за то, что первый, по обязанности своей, записалъ послѣдняго съ братьями его не бывшимъ у исповѣди за нѣсколько лѣтъ [1]). Изъ документовъ синодальнаго архива извѣстно много случаевъ грубаго обращенія и насилія надъ низшимъ духовенствомъ со стороны гражданскихъ чиновниковъ [2]). Недаромъ Святѣйшій Синодъ жаловался на утѣсненіе и безчестіе духовнаго чина отъ свѣтскаго правительства; изъ того же источника происходила нужда въ разсылкѣ по провинціямъ послушныхъ указовъ, т. е. объ исполненіи распоряженій духовнаго начальства; были случаи, когда синодальные указы по дѣламъ раскола не только не исполнялись гражданскими учрежденіями, но и не принимались послѣдними; изъ обстоятельствъ дѣла послѣ обнаруживалось сочувствіе и даже принадлежность къ расколу должностныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ учрежденій противодѣйствовавшихъ [3]). Зная враждебное настроеніе гражданской власти къ Святѣйшему Синоду, нѣкоторые изъ духовенства, уличаемые въ преступленіяхъ, обращались въ Сенатъ съ жалобами на своихъ начальниковъ съ цѣлію избѣжанія, или облегченія наказанія,—и жалобы ихъ принимались, не смотря на неподсудность подобныхъ дѣлъ и лицъ гражданскимъ учрежденіямъ.

Была прямая причинная связь между взглядами на духовную власть со стороны гражданской бюрократіи и фактическими, жизненными отношеніями ея къ первой, на правахъ-ли равенства или подчиненія. Если духовная власть, начиная съ высшаго органа ея въ лицѣ Святѣйшаго Синода, не пользовалась должнымъ уваженіемъ, то и дѣятельность ея, какъ общая такъ и частная—по отношенію къ расколу, часто не находила себѣ цѣнителей и усердныхъ исполнителей. Далѣе, если приверженность къ расколу соединялась съ невѣжествомъ, противъ котораго всѣми мѣрами и способами вооружался Петръ, то въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ усматривать одну изъ существенныхъ причинъ неудачи въ дѣйствіяхъ духовной власти противъ раскола. Такимъ образомъ причины малоуспѣшности мѣръ противъ раскола въ первые годы синодальнаго управленія находились отчасти въ связи съ общими условіями, препятствовавшими преобразовательной дѣятельности Петра I.

[1]) Ibid. т. II, № 394.

[2]) Ibid. №№ 496, 544, 388, 346, 394. Опис. т. II, 2, № 1137.

[3]) Опис. т. II, № 635.

Итакъ было много неблагопріятныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ совершалась противораскольническая дѣятельность синодальной власти: съ одной стороны Святѣйшій Синодъ, какъ всякое новое учрежденіе, долженъ былъ устанавливать свои права и отношенія къ Сенату; съ другой, онъ долженъ былъ испытывать и осиливать множество препятствій со стороны тогдашней среды, реформы Петра, невѣжества и равнодушія служилыхъ лицъ, духовныхъ и гражданскихъ.

Намъ остается, въ заключеніе, сказать о томъ, *кому* принадлежала главнымъ образомъ иниціатива въ противораскольнической дѣятельности, т. е. возникновеніе ея, поддержка и направленіе ея до конца, для достиженія опредѣленной намѣченной цѣли: церковной власти, гражданской, или одному какому либо лицу?

Рѣшить этотъ вопросъ не легко. Трудность рѣшенія его объясняется тѣмъ, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ не на основаніи документальныхъ данныхъ и ясныхъ свидѣтельствъ, а на основаніи соображеній и выводовъ изъ сопоставленій и сближеній разновременныхъ фактовъ и отрывочныхъ указаній. Приблизительно вѣрное рѣшеніе даннаго вопроса нужно для уясненія и выдѣленія роли Святѣйшаго Синода въ противораскольнической дѣятельности отъ роли гражданской власти въ той же дѣятельности.

Отличительный характеръ противораскольнической дѣятельности въ первые годы синодальнаго управленія при Петрѣ Великомъ состоялъ въ томъ, что она была болѣе усиленная и непрерывная, въ сравненіи съ предшествовавшею дѣятельностію, въ продолжительное (1700—1721 года) время мѣстоблюстительства митроп. Стефана Яворскаго, когда дѣятельность противъ раскола, исходя отъ гражданской власти, ограничивалась изданіемъ и повтореніемъ по дѣламъ раскола немногихъ указовъ, не достигшихъ цѣли. Но синодальная дѣятельность, усиленная и широкая, направлялась и поддерживалась Петромъ тремя способами: 1) чрезъ «Духовный Регламентъ», 2) чрезъ непосредственное личное участіе въ мѣропріятіяхъ противъ раскола и 3) чрезъ главнаго своего любимца и помощника въ административно-духовныхъ дѣлахъ, епископа Ѳеофана Прокоповича.

«Регламентъ» представлялъ собою систему и идеалъ новаго церковнаго управленія и устройства наравнѣ съ преобразованнымъ устройствомъ управленія гражданскаго. Извѣстно, что «Регламентъ» составленъ по порученію Петра, согласно его желанію; царь спѣшилъ составленіемъ его, справлялся о ходѣ работы по составленію его, радовался, когда составленіе его приходило къ концу, исправлялъ редакцію его по своему усмотрѣнію. Вообще «Регламентъ» есть дѣло Петра по существу и въ частяхъ; правила «Регламента», относя-

щіяся до раскола, отличаются ясностью, полнотою, удобоисполнимостью и цѣлесообразностью; исполнять ихъ требуется настойчиво. Святѣйшій Синодъ стремился поступать согласно съ требованіями «Регламента»; роль Святѣйшаго Синода была исполнительная.

Но Петръ I не ограничился требованіемъ отъ Святѣйшаго Синода исполненія указаній «Регламента». По распоряженію Петра I, изданы нѣкоторые имянные указы Святѣйшему Синоду, касавшіеся раскола. Такъ извѣстно, что посылка Неофита въ Выговскую пустынь, къ раскольникамъ, жившимъ въ олонецкихъ предѣлахъ, принадлежала иниціативѣ Петра. Къ пастырскому увѣщанію Святѣйшаго Синода для обращенія раскольниковъ въ нѣдра православной церкви въ 1722 году (отъ 27 января) Петръ сдѣлалъ отъ себя прибавки съ цѣлію бо́льшаго вліянія на заблуждавшихся [1]). По высочайшему повелѣнію составлено, было напечатано и разослано во всѣ мѣста «Увѣщаніе» (отъ 28 апр. 1722 г.) къ народу о безразсудствѣ и виновности самозванныхъ страдальцевъ, появившихся среди раскольниковъ [2]). По дѣламъ раскола царь переписывался (чрезъ кабинетъ-секретаря) и лично бесѣдовалъ съ Питиримомъ, давалъ указанія и писалъ даже самъ резолюціи на вопросные пункты Святѣйшаго Синода. Извѣстно, что дѣятельность Зиновьева по части изслѣдованія раскольниковъ началась *до учрежденія Святѣйшаго Синода*, слѣдовательно обязана была правительству Петра, заправлявшему тогда всѣми дѣлами [3]). Въ 1722 году двумя указами Петръ требовалъ отъ Святѣйшаго Синода свѣдѣній о раскольникахъ для опредѣленія послѣднихъ въ качествѣ счетчиковъ казенныхъ денегъ; въ 1724 году имяннымъ указомъ требовалось отъ Святѣйшаго Синода доставить подробныя свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ и сборѣ съ нихъ денегъ [4]); въ 1724 году особымъ указомъ Петръ требовалъ отъ Синода обстоятельныхъ свѣдѣній о раскольникахъ; по распоряженію Петра напечатана была «Пращица» Питирима. Петру же нужно приписать строгое отношеніе къ двуперстію, за одну приверженность къ которому причисляли въ расколъ; царь требовалъ, чтобъ безъ собственнаго имяннаго указа не перемѣнять мірскихъ судей, назначенныхъ при духовныхъ персонахъ у дѣлъ раскольническихъ; несмѣняемость судей царь считалъ необходимымъ условіемъ для пользы дѣла [5]).

Участіе и забота Петра въ дѣлахъ по расколу представляются фактомъ не подлежащимъ сомнѣнію; но не такъ ясно и безспорно

[1]) Собр. т. I, № 349 (322); т. II, № 385.

[2]) Опис. т. II, 1, № 528.

[3]) Опис. т. I, № 608.

[4]) Ibid. т. III, № 597.

[5]) Собр. т. I, № 3, стр. 33.

представляется то, почему Петръ Великій измѣнилъ свой взглядъ и отношенія къ расколу. Чѣмъ объяснить перемѣну Петра во взглядахъ на раскольниковъ и отношеніи къ нимъ? Эта перемѣна находитъ себѣ объясненіе въ характерѣ царя и современныхъ обстоятельствахъ, вліявшихъ на направленіе дѣятельности Петра.

Дѣло въ томъ, что характеръ Петра не представляетъ собою единства и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ для достиженія цѣлей; обдуманность и настойчивость царя часто соединяются и смѣняются легкомысліемъ и недоконченностію; самостоятельность соединялась у него съ довѣріемъ и подчиненіемъ чужому вліянію, сильному характеру; религіозность и благочестіе царя нарушались также странными, чисто (вопреки мнѣнію С. М. Соловьева) кощунственными дѣйствіями; религіозности глубокой, сосредоточенной у Петра не было замѣтно; замѣтно было отсутствіе въ немъ древно-русской набожности; доброта соединялась съ жестокостью; даже прямота характера,—черта особенно выдававшаяся въ Петрѣ, принимала оттѣнокъ двусмысленности и изворотливости тамъ, гдѣ нужно было-бы рѣшительное царское правдивое слово.

Непослѣдовательность и даже противорѣчіе Петра особенно замѣтны въ его отношеніи къ раскольникамъ. При сравненіи взглядовъ Петра на раскольниковъ первоначальныхъ съ послѣдующими, позднѣйшими, царь представляется какъ-бы неузнаваемъ. Если въ первые годы царствованія Петра говорили: «у насъ, на Москвѣ, слава Богу, вольно всякому—кто какую вѣру себѣ изберетъ, въ такую и вѣруетъ», то въ концѣ того же царствованія за такія рѣчи можно было попасть въ розыскъ для расправы. Въ 1720 году, Петръ приказалъ «пытать и казнить діакона Александра за его воровство», т. е. за раскаяніе въ ложномъ показаніи и приложеніи руки по принужденію Питирима. Въ послѣдніе годы своего царствованія и жизни (1721—1725 г.) Петръ не только одобрялъ и утверждалъ смертные приговоры упорнымъ и опаснымъ раскольникамъ, но и самъ требовалъ пытокъ и казней для нихъ, стараясь, впрочемъ, или оправдываться въ суровыхъ приговорахъ, или прикрываться благовидными предлогами, какъ это онъ сдѣлалъ въ письмѣ къ епископу Питириму, предлагая послѣднему отыскивать причины для обвиненія раскольниковъ *внѣ* раскола. Отсюда слѣдовало, что самъ царь, прямой и рѣшительный вообще, старался скрывать отъ другихъ свое дѣйствительное отношеніе къ раскольникамъ.

Причину перемѣны въ отношеніяхъ Петра къ расколу нужно искать въ неудачахъ преобразовательной дѣятельности царя и во вліяніи на него ревностнаго дѣятеля по расколу, нижегородскаго архіепископа Питирима.

Петръ глубоко былъ убѣжденъ въ пользѣ и своевременности преобразованій по всѣмъ частямъ государственнаго, общественнаго и церковнаго управленія, улучшенія въ дѣлѣ просвѣщенія, суда, торговли и т. п.; самъ во все вникалъ, направлялъ и побуждалъ къ тому другихъ; однако царь не видѣлъ добрыхъ успѣховъ изъ своей стремительной и многосторонней дѣятельности. Вездѣ онъ встрѣчалъ и предусматривалъ препятствія для своихъ плановъ: въ людяхъ, въ господствовавшихъ странныхъ понятіяхъ объ общественной пользѣ; о самой его дѣятельности и личности существовали суевѣрные слухи, порождавшіе и усиливавшіе недовѣріе. Петра огорчало и раздражало, когда онъ видѣлъ, что «люди казавшіеся представителями новой преобразованной Россіи, являлись вполнѣ зараженными застарѣлою болѣзнію древней Россіи, т. е. служили не для блага общественнаго, а для своихъ своекорыстныхъ и честолюбивыхъ видовъ, лицемѣрили, хитрили, злоупотребляли довѣріемъ царя». По своему прямому порывистому характеру, а, главнымъ образомъ, во имя правды и блага государства Петръ не сдерживалъ своего гнѣва противъ казнокрадовъ, измѣнниковъ, ложныхъ проповѣдниковъ, упорныхъ противниковъ царской власти, тунеядцевъ и т. п. Многіе тогда поплатились жизнію и положеніемъ отъ Петра; при раскрытіи преступленій Петръ изъ простаго и добраго дѣлался «ужаснымъ», неузнаваемымъ; съ болью въ сердцѣ и опасеніемъ за Россію и ея будущность наказывалъ царь виновныхъ безпощадно. По мнѣнію Ѳеодосія Яновскаго «излишняя охота Петра къ слѣдованію тайныхъ дѣлъ показуетъ мучительное его сердце, жаждущее крови человѣческой».

Могъ-ли Петръ равнодушно и, по прежнему, великодушно смотрѣть на послѣдователей раскола, бывшихъ въ числѣ явныхъ противниковъ нововведеній царя, какъ-то: отмѣны патріаршества, уничтоженія часовенъ, близости и даже дружбы съ иновѣрцами, введенія иностранной одежды, наложенія двойнаго оклада и т. п. Предоставленіемъ вначалѣ раскольникамъ свободы въ дѣлахъ вѣры Петръ, быть можетъ, думалъ, помимо своихъ возвышенныхъ европейскихъ взглядовъ, привлечь старовѣровъ къ принятію и усвоенію новыхъ порядковъ и сдѣлать ихъ полезными гражданами и соучастниками въ дѣлахъ общественныхъ. Но Петръ вынужденъ былъ отступить отъ своихъ первоначальныхъ идеальныхъ взглядовъ на расколъ, когда убѣдился, что раскольники предоставленною имъ свободою воспользовались для устроенія своихъ дѣлъ, для образованія общинъ съ особеннымъ подозрительнымъ направленіемъ, для пропаганды раскола, для распространенія и утвержденія превратныхъ суевѣрныхъ представленій о царѣ Петрѣ,—словомъ не для сближенія съ царемъ, а для отчужденія отъ него, какъ отъ какого-то нехриста, врага добрыхъ старыхъ обычаевъ и покрови-

теля обычаевъ иноземныхъ, польскихъ. Могъ-ли Петръ относиться безъ горькаго чувства къ тѣмъ, кто, по своему понимая преобразовательную дѣятельность царя, старался оказать ему, вмѣсто сочувствія и благодарности, то молчаніе, то глухой ропотъ, то упорство и возбужденіе противъ него умовъ? Развѣ мало было данныхъ для того, чтобы Петръ не считалъ раскольниковъ виновниками своихъ неудачъ во внутренней политикѣ, чрезъ возбужденіе къ нему недовѣрія въ народѣ? Изъ трагически-мрачнаго дѣла царевича Алексѣя Петровича можно было видѣть, что къ старорусской партіи, враждебной Петру, принадлежали не только духовныя лица, но и много изъ тѣхъ, кто солидаренъ былъ съ раскольниками во взглядахъ на характеръ преобразовательной дѣятельности царя.

Но какимъ образомъ можно и должно было дѣйствовать на раскольниковъ для просвѣщенія ихъ невѣжества, для ослабленія ихъ упорства и предубѣжденій противъ царя и его добрыхъ намѣреній?

Еще до учрежденія Святѣйшаго Синода были сдѣланы попытки къ увѣщанію и обращенію раскольниковъ, во множествѣ поселившихся въ нижегородской губерніи. Эти попытки, повидимому, были удачными. Онѣ совершены были нижегородскимъ архіепископомъ Питиримомъ; но извѣстно, что раскольники переходили въ православіе не по убѣжденію, а по насилію, боясь штрафовъ, наказаній и пытокъ, которымъ подвергались упорные (необратные) раскольники отъ тогдашняго вице-губернатора, Ю. Ржевскаго, составлявшаго съ Питиримомъ властную силу, подъ покровительствомъ Петра. Союзъ этотъ образовался послѣ того, когда Питиримъ убѣдился, что словомъ увѣщанія очень трудно и не скоро можно было возвратить раскольниковъ къ церкви; Питириму удалось, начиная съ 1718 года, подѣйствовать на царя, представивши раскольниковъ подданными вредными и даже опасными съ предложеніемъ строгихъ мѣръ наказанія и наложенія двойнаго оклада. Петръ довѣрился Питириму, въ которомъ онъ видѣлъ вѣрнаго и преданнаго совѣтника, чего усердно и настойчиво (чрезъ кабинетъ-секретаря и Ѳеодосія Яновскаго, съ которыми находился въ дружбѣ и перепискѣ по дѣламъ раскола и др.) добивался Питиримъ; внѣшніе успѣхи образа дѣйствій Питирима по части обращеній и собиранія денежнаго оклада оправдывали, повидимому, довѣріе царя.

Не сразу произошла перемѣна взглядовъ и системы отношеній Петра къ раскольникамъ, но постепенно, по мѣрѣ того, какъ царь убѣждался въ вѣрности свѣдѣній со стороны Питирима о численности и настроеніи раскольниковъ. Не нужно, впрочемъ, преувеличивать слишкомъ вліянія Питирима на Петра въ его строгихъ отношеніяхъ къ раскольникамъ въ послѣдніе годы царствованія; Петру о раскольникахъ извѣстно было и изъ многихъ другихъ, даже непосредствен-

ныхъ источниковъ; «возмутительное» письмо Докукина въ 1718 году открыло царю о бѣдственномъ и тревожномъ массовомъ настроенiи русскаго общества и особенно раскольниковъ; какъ духовное лицо, Питиримъ могъ стараться объ оправданiи царя за его строгое отношенiе къ расколу, когда совѣсть Петра смущалась пытками и потоками крови казненныхъ послѣдователей раскола; рѣзкость и жесткость царя, облеченныя народнымъ говоромъ въ извѣстную дубину Петра, вообще были существенными свойствами царя-преобразователя; нѣтъ нужды много доказывать это; ограничимся однимъ, но характернымъ случаемъ, когда Петръ самъ отзывался о своей жестокости и объяснялъ, чѣмъ она вызывалась. Слушая однажды охотно, какъ отзываются о немъ въ земляхъ иностранныхъ, царь заявилъ: «меня называютъ тираномъ: это давно уже я знаю; но такъ думаютъ обо мнѣ тѣ, коимъ неизвѣстны обстоятельства, въ каковыхъ я нѣсколько лѣтъ находился. Имъ неизвѣстно, чего стоило мнѣ преодолѣть тѣ ужасныя препятствiя, которыя поставляемы были людьми зломысленными добрымъ моимъ намѣренiямъ. Дабы превозмочь ихъ, долженъ я былъ по необходимости прибѣгнуть къ мѣрамъ жестокимъ; но употребляя оныя противу злонамѣренныхъ, осыпалъ я благодѣянiями достойныхъ сыновъ отечества, ревностно содѣйствовавшихъ общему благу, хотя о семъ и умалчиваютъ мои хулители» [1]). Недовольство и строгость Петра постепенно усиливались, и бóльшую часть своихъ неудачъ въ дѣлахъ внутреннихъ царь приписывалъ раскольникамъ и близкому по понятiямъ къ послѣднимъ духовенству. «Большiя бороды», которыя, по выраженiю Петра,—«нынѣ, по тунеядству своему, не во авантажѣ обрѣтаются», были для него всего болѣе непрiятны. «О, бородачи!» часто повторялъ онъ,—«отецъ мой имѣлъ дѣло только съ однимъ (Никономъ), а мнѣ приходится имѣть дѣло съ тысячами; многому злу корень старцы и попы» [2]).

Измѣнивши подъ влiянiемъ Питирима и Ржевскаго взглядъ на раскольниковъ, Петръ I измѣнилъ и отношенiя къ нимъ, потребовавъ, чтобы система дѣйствiй нижегородскаго епископа противъ раскольниковъ практиковалась новоучрежденнымъ въ 1721 году Святѣйшимъ Синодомъ; изъ мѣстной система сдѣлалась общецерковною; нѣкоторыя мѣры и совѣты Питирима вошли въ содержанiе «Духовнаго Регламента»; духъ, характеръ и всѣ не хитрые стародавные прiемы постепенно перешли въ дальнѣйшiя распоряженiя и указы Петра.

Съ тѣхъ поръ какъ Петръ измѣнилъ свой взглядъ на раскольниковъ, онъ зорко слѣдилъ за противораскольнической синодальною

[1]) Жизнь Петра Великаго, Галема. Часть 3, стр. 172—3.

[2]) Журналъ м-ва народ. просвѣщенiя, 80 г., мартъ, стр. 80.

дѣятельностью, направляя ее въ интересахъ государственныхъ, выше которыхъ царь ничего не ставилъ, ни свободы религіозной совѣсти, ни вѣротерпимости.

Святѣйшему Синоду оставалось только пользоваться тѣмъ вниманіемъ и настойчивостію Петра въ мѣропріятіяхъ противъ раскола, какими отличалась дѣятельность царя. Нужно сказать, что церковная администрація не воспользовалась благопріятными свойствами дѣятельности Петра въ той мѣрѣ, въ какой можно-бы ожидать, при представленіи о внушительной *коллективной* силѣ духовной власти. Правда, истинныя, высокія цѣли Святѣйшаго Синода въ противораскольнической дѣятельности не совпадали съ узкими хозяйственными разсчетами и насильственными, крутыми мѣрами преобразователя въ томъ же самомъ вопросѣ, но царь не только не препятствовалъ, но и содѣйствовалъ Святѣйшему Синоду руководствоваться болѣе высшими соображеніями въ дѣятельности противъ раскола. Этихъ высшихъ соображеній и цѣлей Святѣйшій Синодъ могъ достигать посредствомъ противораскольническаго миссіонерства, посредствомъ личныхъ отношеній и собесѣдованій съ раскольническими учителями, посредствомъ простыхъ увѣщаній и убѣжденій невѣжественныхъ послѣдователей раскола. Этотъ именно путь воздѣйствія на раскольниковъ указалъ Петръ, издавая распоряженіе о посылкѣ іеромонаха Неофита къ раскольникамъ-выговцамъ. Нисколько не странно, если миссія Неофита была неудачна; рѣдко первые опыты сопровождаются желательнымъ успѣхомъ; но въ высшей степени странно то, что миссія въ олонецкія мѣста прекратилась послѣ первой неудачи; другаго миссіонера туда не посылали; не посылали туда никого въ помощь Неофиту; онъ былъ одинъ на большое пространство, занятое раскольниками, отличавшимися дружнымъ единодушіемъ во враждебности къ церкви. Царь удовлетворился «Пом. Отв.», но Святѣйшій Синодъ не могъ удовольствоваться уклончивыми отвѣтами выговцевъ.

Страннымъ представляется отношеніе Св. Синода къ противораскольнической миссіи и въ другихъ мѣстахъ ближайшихъ и отдаленныхъ; число миссіонеровъ было ничтожное; о подготовкѣ ихъ не было и помину. Ближайшимъ мѣстомъ, гдѣ противораскольническая миссія прекрасно могла устроиться подъ непосредственнымъ руководствомъ Св. Синода и послужить образцомъ для другихъ мѣстъ, былъ С.-Петербургъ, новая столица. Здѣсь, въ зданіяхъ Св. Синода дѣйствительно и предполагалось устройство собесѣдованій съ раскольниками въ 1721 г., для вразумленія ихъ отъ пагубныхъ заблужденій. Правда, раскольники не явились на бесѣды о вѣрѣ, отчего и не состоялись разглагольствія, но достойно замѣчанія, что члены Св. Синода еще ранѣе отказались отъ участія въ предполагавшихся собесѣдованіяхъ,

изъ опасенія подвергнуться со стороны грубыхъ и невѣжественныхъ раскольниковъ какимъ-либо непріятностямъ и затрудненіямъ въ обсужденіи другихъ, болѣе важныхъ церковныхъ дѣлъ [1]). Если вникнуть въ сущность и послѣдствія отказа представителей церковной власти отъ участія въ диспутахъ, то можно придти къ выводамъ, съ одной стороны, неутѣшительнымъ, а съ другой, все болѣе и болѣе объясняющимъ намъ причину неудачъ въ противораскольнической дѣятельности.

Въ самомъ дѣлѣ, представители высшей церковной власти предварительно не заявили о своемъ намѣреніи лично участвовать въ предполагавшихся собесѣдованіяхъ, что указываетъ на уклончивость ихъ отъ непосредственнаго участія въ вопросѣ, тогда весьма важномъ, вопросѣ церковно-общественномъ, волновавшемъ правительство, общество и церковь; между тѣмъ такія бесѣды, сближавшія противныя стороны, служили-бы, помимо разъясненія спорныхъ вопросовъ, примѣрами для подобныхъ собесѣдованій въ мѣстахъ внѣ-столичныхъ, провинціальныхъ, для примиренія враждовавшихъ сторонъ посредствомъ взаимнаго обмѣна мыслей и уступокъ въ вопросахъ запутанныхъ и мелочныхъ; впрочемъ, можно думать, что раскольники, жители С.-Петербурга и его ближайшихъ окрестностей, и не явились бы на собесѣдованія церковныхъ властей, которыя хотя и были болѣе авторитетны и свѣдущи, чѣмъ вызванный изъ провинціи іеромонахъ-обращенецъ, но внушали по своему офиціальному положенію раскольникамъ страхъ. Въ случаѣ неявки раскольниковъ на разглагольствія, послѣднія могли бы открыться по распоряженію и при участіи членовъ Св. Синода для тѣхъ изъ православныхъ, которые были слабы въ вѣрѣ, внутренне расположены были къ расколу и послѣ совратились въ расколъ. Важно было *начáло* центральной миссіи въ столицѣ, между тѣмъ такого начала и не положено было при всѣхъ внѣшнихъ благопріятныхъ условіяхъ. Изъ объясненій, представленныхъ въ оправданіе отказа отъ собесѣдованій, видно и то, что собесѣдованія съ заблуждавшимися представлялись тогда дѣломъ не важнымъ, такъ что участіе въ нихъ членовъ Св. Синода могло сопровождаться ущербомъ для другихъ вопросовъ. Состояніе раскола и личное отношеніе Петра къ нему не могли оправдывать такого взгляда на дѣло вразумленія раскольниковъ посредствомъ живаго слова, какъ средства воздѣйствія на раскольниковъ болѣе удобнаго и вліятельнаго, чѣмъ печатныя посланія, недоступныя большинству простаго народа. Не говоря уже о томъ, что послѣдователи раскола нуждались въ близкихъ отношеніяхъ съ предержащею духовною властію, въ составѣ послѣдней не было недостатка въ лицахъ, могшихъ поддержать упавшій въ то время автори-

[1]) Опис. т. I, № 403.

теть церкви, и привлечь хотя нѣкоторыхъ раскольниковъ на свою сторону.

Не видно особенной заботливости о противораскольнической миссіи въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ Неофита, синодальнымъ миссіонеромъ былъ Рѣшиловъ; преемника ему въ Стародубье не назначали; не посылались миссіонеры и въ другія мѣста, населенныя раскольниками; дѣятельность Питирима по обращенію раскольниковъ началась *раньше* учрежденія Св. Синода.

Изъ сказаннаго видно, что за дѣятельностью Св. Синода по части раскола нельзя признать ни особой инициативы, ни настойчивости въ продолженіи предпринятаго миссіонерства, ни живаго непосредственнаго сближенія съ раскольниками. Это была дѣятельность формальная, совершавшаяся во исполненіе «Регламента» и при побужденіи со внѣ, со стороны царя.

Петръ дѣйствовалъ на Св. Синодъ чрезъ своего любимца, епископа Θеофана Прокоповича, вице-президента Синода.

Архіепископъ Θеофанъ Прокоповичъ отличался извѣстностью, какъ мужъ высокообразованный, умный, ученый; это былъ человѣкъ осторожный, ловкій, но хитрый, вкрадчивый, корыстолюбивый, способный къ коварству, мстительности и жестокости, честолюбивый, властолюбивый и искательный. Θеофана ненавидѣли и боялись. По мнѣнію знатока-спеціалиста по изученію времени Θеофана Прокоповича, профессора Чистовича, личность Θеофана была въ высшей степени замѣчательна по своему характеру; хотя въ личности Θеофана есть много не разгаданнаго, но несомнѣнно то, что въ ней было что-то отталкивающее, какъ-бы злополучное, была печать внутренняго отверженія, въ глубинѣ духа—признакъ чего-то недобраго. Куда-бы ни появлялся Θеофанъ, что-бы ни предпринималъ, всѣхъ онъ отъ себя отталкивалъ, всѣмъ былъ непріятенъ, всѣхъ онъ противъ себя вооружалъ, хотя явныхъ соблазнительныхъ поступковъ Θеофанъ и не совершалъ. По мнѣнію проф. Чистовича, внѣшнимъ поводомъ для большинства недоброжелателей Θеофана къ неудовольствію противъ него были тѣ нововведенія, въ которыхъ онъ былъ главною дѣйствующею причиною и которыя стали наперекоръ старому привычному теченію жизни. Чѣмъ бы мы ни объясняли внутренней причины нерасположенности къ Θеофану со стороны тогдашняго русскаго общества, но дѣло въ томъ, что къ архіеп. Θеофану питали недовѣріе, подозрѣвая его въ неправославіи, въ склонности къ лютеранству. По мнѣнію современниковъ, «Θеофанъ, сдружившись съ такимъ же ересіархомъ Θеодосіемъ Яновскимъ, начали явно всю святую церковь бороть и вся ея догматы и преданія разрушать и превращать, и безбожное лютеранство и прочее еретичество вводить

и вкоренять; и тогда весьма отъ нихъ было въ народѣ плачевное время. Учали быть вездѣ противу благочестія безопасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ на церковь поношеніе говорилъ, и всякое развратное и слабое житіе имѣти учили смѣло; и такъ тогда поносима и воничтожаема св. церковь была, что всякое благочестивое христіанское дѣло единымъ словомъ—суевѣріемъ называемо было; и кто въ нихъ, въ еретикахъ, былъ пущій пьяница и нахалъ, и сквернословъ, и шутъ, тотъ званъ и вмѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка, и на высочайшія чести духовныя по ихъ еретическому предстательству возводимъ былъ; кто же хотя мало постникъ или воздержникъ и богомольный человѣкъ, тотъ у нихъ званъ былъ раскольщикомъ, и лицемѣромъ, и ханжею, и безбожнымъ, и весьма недобрымъ человѣкомъ» [1]).

Для составленія такого мрачнаго представленія о направленіи Θеофана нужно было имѣть много данныхъ и поводовъ, въ которыхъ, впрочемъ, не было недостатка. Иновѣрныя воззрѣнія дѣйствительно стали проникать въ церковную сферу. По словамъ професора М. О. Кояловича, «Θеофанъ Прокоповичъ громилъ даже въ правительственныхъ актахъ дорогія русскія учрежденія—русское патріаршество, русское монашество, русское уваженіе къ чудесамъ, и въ то же время онъ любитель всего свѣтскаго, другъ свѣтскихъ людей и иновѣрцевъ. Наконецъ онъ завершаетъ свое служеніе русской церкви преслѣдованіемъ православнаго сочиненія—«Камень вѣры», въ угоду протестантамъ-нѣмцамъ» [2]).

И такому то лицу, шаткому какъ въ церковно-вѣроисповѣдныхъ, такъ и нравственныхъ началахъ, Петръ вполнѣ довѣрился, не опасаясь и не предвидя худыхъ послѣдствій для церкви и настроенія людей, воспитанныхъ на иныхъ началахъ, началахъ благочестія и патріотизма.

Съ 1718 года Прокоповичъ является при Петрѣ чѣмъ-то въ родѣ статсъ-секретаря по духовнымъ дѣламъ; черезъ его руки проходятъ, имъ составляются, или по крайней мѣрѣ, редактируются всѣ важнѣйшіе законодательные памятники Петровскаго царствованія, относящіеся къ церковному управленію; по порученію царя, имъ пишутся различныя предисловія и толкованія къ переводамъ съ иностранныхъ языковъ, учебныя книги, богословскіе и политическіе трактаты, и пр.; ему, какъ человѣку ученому, поручаютъ иллюстрировать указы примѣрами изъ «исторій»; наконецъ, съ церковной каѳедры

[1]) Журналъ министерства, 1880 г., Іюль, стр. 39. Θеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.

[2]) Исторія русскаго самосознанія, стр. 324.

произносятся имъ горячія, живыя, остроумныя рѣчи въ разъясненіе и оправданіе всѣхъ важнѣйшихъ дѣйствій правительства,—рѣчи, которыя приличнѣе было бы назвать политическими руководящими статьями, чѣмъ проповѣдями духовнаго пастыря [1]). Будучи искуснымъ ораторомъ, проповѣдникомъ, ученымъ богословомъ, государственнымъ мужемъ, Ѳеофанъ не только сочувствовалъ Петру во всѣхъ его дѣлахъ и планахъ, не только понималъ основныя мысли царя и способъ ихъ осуществленія, но смѣло, самоувѣренно и вѣрно проводилъ ихъ въ сознаніе народа устно и письменно, защищая преобразователя отъ нападокъ и злословія невѣждъ, недоброжелателей и противниковъ.

Епископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ принималъ большое участіе въ вопросѣ о расколѣ; но это участіе было теоретическое, научное, литературное. Ѳеофану принадлежитъ 5 трактатовъ о расколѣ, составленныхъ имъ по порученію Святѣйшаго Синода въ 1722—25 гг.; о раскольникахъ касался онъ и въ своихъ проповѣдяхъ по разнымъ случаямъ [2]); нужно сказать и то, что во взглядахъ Ѳеофана на расколъ, высказанныхъ имъ въ увѣщаніяхъ и воззваніяхъ, составленныхъ по порученію Святѣйшаго Синода, замѣтно повидимому болѣе снисходительности и равнодушія къ расколу и его заблуждавшимся последователямъ, чѣмъ въ сочиненіяхъ и дѣйствіяхъ другихъ частныхъ лицъ, имѣвшихъ официальное отношеніе къ расколу [3]). Ѳеофану чужда была та подозрительность и опасенія по отношенію къ расколу, которыми зараженъ былъ Питиримъ.

Во взглядахъ Ѳеофана на расколъ ничего не представляется особеннаго, глубокаго и оригинальнаго въ смыслѣ историческомъ, если не считать ясно представленныхъ раскольническихъ заблужденій и несообразности ихъ съ словомъ Божіимъ и здравымъ смысломъ; однако нужно сказать, что въ своихъ сочиненіяхъ онъ высказалъ не мало рѣзкихъ и пренебрежительныхъ сужденій о расколѣ, который, по Ѳеофану, есть явленіе «безчисленнымъ душамъ пагубное и того ради плачевное, народу россійскому приносящее нестерпимое стыдѣніе, яко неслыханнаго безумія исполненное»; мысли о расколѣ онъ высказалъ въ рѣзкой полемической формѣ и въ духѣ Петра; лично къ раскольникамъ и ихъ заблужденіямъ Ѳеофанъ относился пренебрежительно и высокомѣрно, согласно съ общимъ духомъ всѣхъ своихъ современниковъ, южно-русскихъ ученыхъ. Нельзя поэтому, признать вѣрнымъ то мнѣніе о Ѳеофанѣ, которое приписываетъ послѣднему болѣе гу-

[1]) Журн. м-ва, Іюнь, 1880 г., 289 стр. Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.

[2]) Слова и рѣчи Ѳ. Прокоп., ч. II, 67, 154—155 стр. и др.

[3]) Архангельск. Духовное образованіе при Петрѣ I. Казань, 1883 г. стр. 143.

манный возвышенный взглядъ на отношенія къ расколу, чѣмъ тотъ, какой практиковался въ дѣйствительности [1]). Такое мнѣніе о Ѳеофанѣ основывается на недоразумѣніи. Дѣло въ томъ, что въ трактатѣ о евангельскихъ блаженствахъ Ѳеофанъ дѣйствительно рекомендовалъ кроткое обращеніе съ раскольниками необходимымъ средствомъ для воздѣйствія на нихъ со стороны миссіонеровъ и пастырей церкви, но мы уже видѣли, что въ другомъ трактатѣ Ѳеофанъ самъ отступалъ отъ рекомендованнаго имъ разумнаго средства. Съ другой стороны, ни откуда не видно, чтобы Ѳеофанъ Прокоповичъ заботился о смягченіи строгихъ административныхъ мѣропріятій противъ раскола; особыхъ мнѣній его по этому вопросу нѣтъ; въ характерѣ Ѳеофана, напротивъ, было много черстваго, жесткаго; недаромъ впослѣдствіи, въ цѣляхъ самозащиты и мести, онъ, въ ущербъ и въ поруганіе своему высокому священному сану, сдѣлался членомъ и жестокимъ судьею тайной канцеляріи. Есть извѣстіе, что Ѳеофанъ велъ съ Семеномъ Денисовымъ богословскую переписку и словесы своими за Выговлянъ великимъ персонамъ возношаше; но это извѣстіе остается доселѣ не выясненнымъ; не выясненнымъ остается извѣстіе о томъ, что выговцы съ похвалою отзывались о Ѳеофанѣ; для объясненія этихъ извѣстій нужно имѣть въ виду высокое положеніе Ѳеофана и вліяніе Ѳеофана при дворѣ какъ во время Петра, такъ и послѣ, каковымъ положеніемъ выговцы думали воспользоваться для цѣлей общины, въ интересахъ безопасности.

Хотя дѣлами по расколу въ Святѣйшемъ Синодѣ завѣдывала особая канцелярія подъ управленіемъ Ѳеофилакта Лопатинскаго, хотя изученіе и знаніе послѣдняго по части раскола были основательнѣе и документальнѣе, въ сравненіи съ Ѳеофаномъ, однако царь и въ дѣлахъ по расколу, какъ и въ дѣлахъ церковныхъ, оказывалъ полное неограниченное довѣріе и предпочтеніе къ Ѳеофану, какъ составителю «Регламента», находившемуся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Петру, доходившихъ до дружества и даже фамиліарности; мысли Петра Ѳеофанъ проводилъ въ Синодѣ; это фактъ, признаваемый всѣми изслѣдователями эпохи Петра Великаго; фактъ этотъ подтверждается тѣми документами синодальнаго архива, изъ которыхъ видны иниціатива, самостоятельность и властность дѣйствій Ѳеофана. Коллегіальная форма синодальнаго управленія на дѣлѣ сводилась къ единоличной волѣ то царя, то его совѣтника—Ѳеофана. Только исключительнымъ счастливымъ положеніемъ Ѳеофана можно объяснить одобреніе и изданіе Святѣйшимъ Синодомъ (въ 1724 г.) «Разсужденія о поливательномъ крещеніи», послужившее большимъ соблазномъ и смущеніемъ

[1]) Журнал. м. н. просв.; авг., 315.

для раскольниковъ и подвергшее автора укоризнамъ со стороны нѣкоторыхъ церковныхъ писателей [1]).

Дѣйствуя чрезъ Ѳеофана на Святѣйшій Синодъ, Петръ Великій узнавалъ отъ Ѳеофана же и положеніе дѣла по части раскола какъ въ синодальной канцеляріи, такъ и въ государствѣ. Роль Ѳеофана нужно представлять весьма значительною; значеніе Ѳеофана могло-бы быть еще болѣе значительнымъ, если-бы Прокоповичъ интересовался расколомъ въ той мѣрѣ, какой заслуживалъ этотъ вопросъ, какъ вопросъ первостепенной важности. Но этого не было: во 1) у Ѳеофана много было дѣла помимо раскола, которому онъ удѣлилъ, однако, довольно много труда; во 2) будучи человѣкомъ многостороннимъ, ученымъ, своего рода энциклопедистомъ, философски и богословски развитымъ съ критическимъ либеральнымъ направленіемъ, Ѳеофанъ считалъ великорусскій расколъ невѣжествомъ, о которомъ ничего больше нельзя и не стоило сказать, кромѣ того, что̀ уже сказано имъ, какъ авторомъ 5 трактатовъ о расколѣ; въ 3) въ практическомъ отношеніи Ѳеофанъ смотрѣлъ на послѣдователей раскола глазами Петра, т. е. какъ на людей вредныхъ для государства; принятыя противъ нихъ строгія и карательныя мѣры онъ считалъ нормальнымъ законнымъ дѣломъ; въ 4) честолюбіе и соперничество Ѳеофана съ Ѳеодосіемъ Яновскимъ много отвлекало умнаго и дѣятельнаго помощника Петра отъ серьезныхъ дѣлъ, отъ спокойствія и равномѣрнаго отношенія къ церковнымъ вопросамъ.

Долгъ справедливости требуетъ сказать, что въ честолюбіи, вредномъ взаимномъ соперничествѣ и худыхъ дѣяніяхъ повиненъ былъ и другой сослуживецъ Ѳеофана по Святѣйшему Синоду, вице-президентъ Ѳеодосій Яновскій, имѣвшій большое вліяніе на церковныя дѣла, не исключая и раскола; были явные и соблазнительные случаи проявленія недоброжелательства, вражды и интригъ между названными членами Синода. Не говоря о томъ, что взаимное соперничество среди лицъ высшаго церковнаго управленія вредно отзывалось на синодальной дѣятельности, оно поселяло у православныхъ и раскольниковъ недовѣріе къ Святѣйшему Синоду, долженствовавшему стоять на высотѣ своего призванія, выше патріаршей власти, которую онъ замѣнилъ какъ неудовлетворительную, по взгляду царя, и отжившую свое назначеніе форму церковнаго управленія.

Нужно отмѣтить и тотъ важный фактъ, что самый составъ Святѣйшаго Синода возбуждалъ къ себѣ подозрѣніе и тревожные толки со стороны великорусскаго духовенства, монашества и грамотныхъ людей. Большинство членовъ Святѣйшаго Синода, самыхъ важныхъ

[1]) Чистов. Ѳ. Прокоп. и его время, 131 стр.

и вліятельныхъ, состояло изъ южно-русскихъ ученыхъ, выходцевъ изъ польскаго края, учениковъ латинскихъ школъ; нерасположеніе и враждебность со стороны великоруссовъ къ кіевскимъ ученымъ тогда была очень сильна, не смотря на то, что наплывъ ученыхъ кіевлянъ, начавшійся со времени п. Іосифа (1642—1652 г.) и продолжавшійся послѣ, достигъ при Петрѣ высшихъ размѣровъ, сдѣлался обычнымъ и нормальнымъ, повидимому, явленіемъ.

Это было время, когда особенно становилось замѣтно вліяніе западнаго просвѣщенія на русскую образованность чрезъ кіевскихъ ученыхъ, которыхъ Петръ вызывалъ въ С.-Петербургъ и Москву для распространенія и утвержденія науки среди русскихъ, для полнаго заправленія всѣмъ ходомъ начинавшейся образованности, для водворенія западно-европейскаго образованія вмѣсто упадавшаго тогда на Руси греческаго, византійскаго вліянія. Не кіевская, схоластическая и отвлеченная ученость нужна была Петру для Россіи, а западно-европейская въ ея практическомъ приложеніи для потребностей русскихъ; но эта послѣдняя могла быть скорѣе привита и усвоена кіевскими учеными, какъ формально и особенно посредствомъ языкознанія подготовленными и не относившимися къ западному просвѣщенію съ недовѣріемъ и суевѣрнымъ страхомъ, какъ это было явно въ московской Руси. Это движеніе кіевскихъ ученыхъ въ центральную Россію по идеѣ было хорошо, но, какъ новое явленіе и усиленное при Петрѣ I, оно вызывало у многихъ великоруссовъ подозрѣніе, зависть и опасеніе; опасались за цѣлость православія и внѣшней установившейся вѣками церковной обрядности. Опасенія эти имѣли свои основанія.

Дѣло въ томъ, что многіе русскіе и особенно кіевскіе ученые, по возвращеніи изъ заграничныхъ латинскихъ школъ, настолько проникались духомъ католицизма и латинской дисциплины, что не могли скоро отстать отъ усвоенныхъ ими понятій и особенностей. Привязанность такихъ ученыхъ къ чужеземнымъ и иновѣрнымъ порядкамъ бросалась въ глаза потому особенно, что многіе изъ такихъ лицъ занимали видныя административныя и учительскія должности по духовному вѣдомству. Всѣ эти ученые пришельцы подозрѣвались въ неправославіи, а нѣкоторые и обвинялись въ допущеніи и распространеніи инославныхъ мыслей и порядковъ. Возникшіе съ появленіемъ кіевскихъ ученыхъ спорные вопросы о преимуществахъ греческаго, или латинскаго образованія, о времени пресуществленія Св. Даровъ, борьба Симеона Полоцкаго, Сильвестра Медвѣдева съ противоположною партіею оставила замѣтные слѣды въ современникахъ и потомкахъ; послѣдствіемъ было то, что тогда какъ нѣкоторые съ ребяческимъ довѣріемъ относились къ новымъ толкамъ, большинство обнару-

живало крайнее упорство въ принятіи отъ новыхъ учителей невинныхъ обычаевъ. Опасенія раздѣлялъ даже, не безъ вліянія русскихъ, одинъ изъ восточныхъ патріарховъ. Такъ іерусалимскій патріархъ Досиѳей «въ письмахъ къ русскому правительству» настаивалъ, чтобы м. Яворскій не былъ возведенъ въ патріархи, но чтобы въ это достоинство возведенъ былъ природный русскій. «Не можетъ быть патріархъ изъ малороссіянъ или бѣлоруссовъ, потому что они, имѣя сношенія съ латинами, принимаютъ многіе нравы ихъ и догматы. За примѣрами не нужно далеко ходить: довольно тебя (рѣчь о Яворскомъ), который, отправившись въ латинскія земли для соисканія мудрости, принесъ хульныя писанія въ даръ воспитавшей и почтившей тебя восточной церкви». Досиѳей нѣсколько разъ выражалъ свои настоянія объ этомъ и въ письмахъ къ царю въ 1702 и 1704 гг. «Аще пріидутъ отсюда или сербы, или греки, или отъ иного народа, аще бы и случайно были мудрѣйшія и святѣйшія особы, ваше державное царствіе да никогда сотворитъ митрополитомъ или и патріархомъ грека, серба, или и русянина, но москвитиновъ, и непросто москвитянъ, но природныхъ москвитянъ, многихъ и великихъ ради винъ, аще и не мудріи суть. Москвитяне хранятъ отеческую вѣру непремѣнную, сущіи нелюбопытательные и нелукавніи человѣцы: но странніи оные, иже хождаху здѣ и тамо, могутъ произвести нѣкія новости въ церкви» [1]), и дѣйствительно производили, за что и подвергались порицанію со стороны строгихъ и смѣлыхъ ревнителей-великоруссовъ въ рѣзкой и преувеличенной формѣ. Замѣчательно, что подозрѣнія великоруссовъ къ составу Святѣйшаго Синода оправдывались неблаговидными и даже соблазнительными дѣйствіями нѣкоторыхъ членовъ высшаго церковнаго учрежденія. Уваженія къ Святѣйшему Синоду не было.

Помимо многихъ пренебрежительныхъ отзывовъ о Святѣйшемъ Синодѣ [2]), можно указать на дѣло по обвиненію іеромонаха Троице-Сергіева монастыря, Викентія Черндова, въ продерзостяхъ противъ Святѣйшаго Синода; дѣло это разсматривалось въ засѣданіи Святѣйшаго Синода въ 1724 году. Іеромонахъ Черндовъ и другіе монахи, будучи недовольны распоряженіями своего начальства, говорили въ присутствіи братіи, когда старецъ Никодимъ въ оправданіе архимандрита ссылался на указъ изъ Святѣйшаго Синода: «что де за Синодъ? и какой Синодъ? Въ Синодѣ всѣ дураки, поляки. Отселѣ ихъ всѣхъ поляковъ изгонятъ за малое время въ скорыхъ числахъ и исчезнутъ яко дымъ всѣ» [3]). По словамъ профессора Чистовича, нѣкто Авра-

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, XV, 115, 377, 383.

[2]) Собр. т. II, № 711.

[3]) Опис. т. IV, № $\frac{503}{517}$. Чистов., стр. 98.

мовъ, предлагая въ своемъ проектѣ возстановленіе патріаршества, совѣтовалъ выбрать патріарха *изъ природныхъ русскихъ, а не малороссійскихъ польскихъ* людей, изъ которыхъ составленъ былъ Синодъ [1]). Для стараго московскаго духовенства тяжела была неравная борьба его съ новыми людьми и силами, пришельчески явившимися съ запада и забравшими все—высшія должности, власть и доходныя мѣста—въ свои руки. «Своихъ черкасовъ снабдѣваютъ и всяко охраняютъ,—писалъ казанскій митрополитъ Сильвестръ,—а мы побѣдные, утѣсненные, дненощно плачемъ». Но «черкасы», въ силу неотразимаго превосходства своего образованія, продолжали свое культурное нашествіе на великороссію, заводили семинаріи, сочиняли и издавали книги, предпринимали миссіонерскіе подвиги [2]).

Въ Святѣйшій Синодъ поступало не мало доносовъ на духовныхъ и свѣтскихъ лицъ о продерзостныхъ словахъ противъ высшей церковной власти. Не всѣ доносы подтверждались, но самое возникновеніе ихъ не говоритъ о нравственномъ вліяніи Святѣйшаго Синода на современниковъ и особомъ уваженіи къ церковной власти. Особеннымъ нерасположеніемъ пользовался первый вице-президентъ Святѣйшаго Синода, архіепископъ Ѳеодосій Яновскій; Ѳеодосію приписывали распоряженіе объ упраздненіи часовенъ, запрещеніе причащать младенцевъ до извѣстнаго возраста и т. п. Ѳеодосія открыто злословили даже люди чиновные. Ѳеодосій Яновскій своими распоряженіями, легкомысленнымъ образомъ мыслей и соблазнительными поступками возбудилъ къ себѣ нерасположеніе, презрѣніе и ненависть. Призванный и возвышенный Петромъ не по заслугамъ, Ѳеодосій воспользовался своимъ блестящимъ положеніемъ и большимъ довѣріемъ царя не для пользы церкви и улучшенія ея дѣлъ въ неотложныхъ вопросахъ, а для достиженія своихъ мелкихъ честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ видовъ. Внѣшне образованный, но человѣкъ не глубокаго ума, чуждый серьезности и обдуманности, честолюбивый, корыстолюбивый, повелительный, пренебрежительно обращавшійся не только съ подчиненными, но и равными и даже высшими лицами, Ѳеодосій, неуважавшій убѣжденій и благочестивыхъ вѣрованій другихъ—великоруссовъ, не любимъ былъ ни кѣмъ, ни свѣтскими людьми, ни духовными, ни знатными и простыми, ни бѣлымъ, ни чернымъ духовенствомъ [3]); всюду онъ нажилъ себѣ враговъ, въ чемъ самъ сознавался и удачно сначала (при Петрѣ) оправдывался.

Административныя распоряженія Ѳеодосія въ качествѣ епархіальнаго архіерея и члена Святѣйшаго Синода вытекали изъ нечистыхъ

[1]) Чистов., Ѳеоф. Прокопов. и его время, стр. 98.

[2]) Чистов., Очеркъ ист. запад. рус. церк., ч. 2, 340 стр.

[3]) Чист., Ѳ. Прок. и его время.

побужденій: то для увеличенія доходовъ (напр. приписка монастырей къ с.-петербургской епархіи, перемѣщенія іерархическихъ лицъ и т. п.), то для приданія большей обстановки и торжественности своей особѣ, то для показаній своихъ свободныхъ убѣжденій предъ якобы невѣжественными великоруссами. Изъ проступковъ, капризовъ и причудъ Ѳеодосія составляется цѣлая печальная эпопея и судебно-уголовное дѣло, окончившееся осужденіемъ его съ лишеніемъ сана, заточеніемъ въ корельскій монастырь неисходно.

Чтобы видѣть какъ было соблазнительно поведеніе Ѳеодосія и какое оно могло поселять недовѣріе въ народѣ къ составу и дѣйствіямъ Святѣйшаго Синода, нужно указать на слѣдующія обвиненія противъ Ѳеодосія, доказанныя на судѣ. Вопреки своему монашескому обѣту, положенію и обычаю, Ѳеодосій, живя въ 1723 году (временно) въ Москвѣ, устроялъ въ вечерніе богослужебные часы собранія (ассамблеи съ музыкою); игралъ въ карты; предавался роскоши и вообще чувственности; присвоивалъ церковныя деньги; для увеличенія средствъ на прихоти и по страсти къ сребролюбію, по его приказанію, продавались старинные колокола, спарывали дорогія украшенія съ облаченій, снимали, въ присутствіи многихъ, золотыя и серебряныя привѣски съ чудотворныхъ иконъ и священныхъ изваяній; Ѳеодосій самовольно бралъ изъ патріаршей ризницы дорогую архіерейскую одежду и другія вещи для собственнаго употребленія и для подарковъ своимъ любимцамъ; Ѳеодосій присвоилъ себѣ часть движимаго и недвижимаго имущества, оставшагося послѣ смерти м. Стефана Яворскаго; бралъ взятки за перемѣщенія и повышенія должностныхъ лицъ; кромѣ хищничества и святотатства, Ѳеодосій, по словамъ м. Сильвестра Холмскаго, многіе соблазны предъ народомъ безстыдно творилъ и на пакость многимъ оскорбленіе чинилъ, и святыхъ угодниковъ и святѣйшихъ іерарховъ различными хулами ругалъ. За кощунственныя и другія худыя дѣла Ѳеодосія пытались убить.

Отношенія Ѳеодосія къ раскольникамъ отличались строгимъ характеромъ; ни по своему характеру, ни по своему официальному положенію Ѳеодосій иначе, впрочемъ, и не могъ относиться къ раскольникамъ, какъ съ пренебреженіемъ и карательными мѣрами. Тѣмъ не менѣе Ѳеодосій не чуждъ былъ заботы объ устройствѣ дѣлъ для ослабленія раскола; его непосредственной личной инициативѣ нужно приписать нѣкоторыя распоряженія мѣстнаго епархіальнаго и общаго характера по дѣламъ раскола.

Такъ, въ 1719 году, Ѳеодосій требовалъ отъ извѣстнаго уже намъ священника К. Ѳедорова, ямбургскаго благочиннаго, чтобы онъ смотрѣлъ, дабы православныя христіанскія вѣры люди изображали на

себѣ крестное знаменіе во имя Святой Троицы, первыми тремя персты десныя руки. О богохульникахъ и противникахъ святой церкви Ѳеодосій требовалъ доносить въ Невскій монастырь немедленно.

Ѳ. Яновскій предлагалъ строгія мѣры противъ бродячихъ поповъ, считая ихъ самыми ревностными распространителями раскола. Въ духѣ Петра и Питирима Ѳеодосій требовалъ употребленія строгихъ карательныхъ мѣръ противъ раскольниковъ, особенно противъ пропагандистовъ, защитниковъ и укрывателей раскола. Сохранилась записка Ѳеодосія о выговскихъ раскольникахъ, интересная въ томъ отношеніи (между прочимъ), что она знакомитъ насъ со взглядами автора ея на братьевъ Денисовыхъ. Въ запискѣ говорится: «учитель злый и главный раскольщиковъ, Андрей Денисовъ, которому въ его ученіи послѣдуютъ народа многія тысячи, а именно, въ городахъ и уѣздахъ Юрьевца-Повольскаго, въ Балахнѣ, въ Шуѣ, въ Суздалѣ, въ Новѣгородѣ, во Псковѣ, многіе и въ Москвѣ, который въ своемъ богомерзкомъ ученіи весьма не исцѣленъ, а водворяется оный въ Заонежье и приходитъ на Олонецъ ради своихъ потребъ и до комендацта Вилима Геника небоязненно. Да братъ тогожъ нрава и ученія, Семенъ Денисовъ, который былъ пойманъ у новгородского митрополита Іова, да ушелъ изъ-за караула, тамъ-же живетъ и разсѣеваетъ свое плевельное ученіе» [1]). Резолюція на сію записку Ѳеодосія послѣдовала такая: «сіе дѣлать тогда, когда его царское величество будетъ у. Геника на заводахъ». На основаніи резолюціи можно думать, что записка Ѳеодосія представлена была на разсмотрѣніе въ Святѣйшій Синодъ, но надлежащаго рѣшенія (стѣсненія дѣятельности братьевъ Денисовыхъ и разоренія мѣстожительства ихъ) не получила въ виду особеннаго привиллегированнаго положенія выговской пустыни, узаконеннаго прежними указами Петра.

Участвуя въ тайной канцеляріи по дѣламъ духовныхъ лицъ, Ѳеодосій предлагалъ крайнія и рѣзкія мѣры. Въ 1721 году требовалъ, чтобы попа Якова Семенова, за совершеніе въ Москвѣ церковныхъ требъ раскольническимъ обычаемъ, сослали въ Соловецкій монастырь въ земляную тюрьму до конца жизни, неисходно. Предложеніе Ѳеодосія было принято. Извѣстно и то, что Ѳеодосій въ 1723 году хлопоталъ предъ Петромъ о вторичной разсылкѣ пастырскаго увѣщанія къ раскольникамъ [2]); въ томъ же году Ѳеодосій заявлялъ Святѣйшему Синоду о потакательствѣ раскольникамъ со стороны новгородскаго бургомистра съ его товарищами [3]); по поводу этого заявленія

[1]) Рус. Старина, 1887 г., окт., стр. 38—39.

[2]) Опис. т. I, № 116, 172.

[3]) Ibid, т. III, № 487.

сдѣланъ былъ виновникамъ выговоръ и запрещеніе дѣлать тоже въ будущемъ; въ 1722 году Ѳеодосій, будучи архіепископомъ новгородскимъ, просилъ Святѣйшій Синодъ о посылкѣ въ его епархію (новгородскую) спеціальнаго чиновника для изслѣдованія и розыска раскольниковъ по примѣру другихъ епархій, куда назначены были подобные сыщики. Къ раскольникамъ Ѳеодосій относился очень строго, считая необходимыми противъ нихъ крутыя рѣшительныя мѣры и протестуя не разъ противъ укрывателей и защитниковъ ихъ—гражданскихъ чиновниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые служили даже въ кабинетѣ Его Величества [1]).

Въ противоположность епископамъ Ѳеодосію и Ѳеофану, президентъ Святѣйшаго Синода, м. Стефанъ пользовался среди общества большимъ довѣріемъ и уваженіемъ, не смотря на свое южно-русское происхожденіе, заграничное образованіе и склонность къ нѣкоторымъ частнымъ мнѣніямъ католицизма. М. Стефанъ Яворскій былъ человѣкъ старыхъ консервативныхъ убѣжденій, не сочувствовавшій преобразовательнымъ стремленіямъ Петра, касавшимся церковной сферы и особенно правъ его, какъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола. Какъ въ общецерковныхъ вопросахъ, такъ и въ дѣлахъ по расколу м. Стефанъ не имѣлъ ни самостоятельнаго значенія, ни оригинальнаго взгляда. Подобно двумъ вице-президентамъ Святѣйшаго Синода, Стефанъ Яворскій смотрѣлъ на расколъ строго и относился къ послѣдователямъ его, какъ людямъ суевѣрнымъ, вреднымъ и даже нетерпимымъ въ государствѣ. Взгляды м. Стефана Яворскаго на расколъ можно видѣть изъ сочиненія его «О наказаніи еретиковъ»; къ послѣднимъ онъ причислялъ и сторонниковъ раскола. М. Стефанъ разсуждалъ: «Искусъ научаетъ, что мнози еретицы, якоже донатисты, манихеи, альбигенсы, оружіемъ искоренишася. Проклятію еретики смѣются и глаголютъ быти громъ безъ молніи. Отъятія имѣній не боятся, глаголюще, яко иніи сообщницы ихъ будутъ ихъ набдѣвати. Въ узилищи или на изгнаніи аще бываютъ, многихъ и писаніемъ, и словомъ растлѣваютъ». «Едино точію таковымъ врачеваніе—смерть. Самимъ еретикомъ полезно есть умрети, и благодѣяніе имъ бываетъ, егда убиваются. Елико бо множае живутъ, множае согрѣшаютъ, множайшіе прелести изобрѣтаютъ, множайшихъ развращаютъ. Тѣмъ-же и множайшее осужденіе и тягчайшую муку вѣчную на ся навлекаютъ. Сія же вся смерть, праведно имъ наносимая, прекращаетъ. Вы же, раскольницы проклятые, мятежники, молвотворцы, предтечи антихристовы... вы въ заблужденіяхъ вашихъ скитаетеся по тайныхъ мѣстѣхъ, по лѣсахъ бринскихъ, яко звѣріе дубравніи, по сонмищахъ

[1]) Чист., 163.

вашихъ сокровенныхъ, яко совы, ненавидящіе свѣта, всякъ бо, творяй зло, ненавидитъ свѣта... Прійдѣте когда въ чувство, лишеницы, воспрянѣте отъ сна погибельнаго и отвергше слѣпоту душевредную, взирайте на звѣзду восточную, къ Христу ведущую... Боже, поддержи на многа лѣта благочестія ревнителя, монарха нашего, который ваше злочестіе всячески тщится искоренить и обращающихся отчелюбезно пріемлетъ, и въ упорствѣ и непокореніи пребывающихъ велитъ огню предавати. И такъ весьма подобаетъ» [1]).

Авторъ «Молотка» ставитъ Стефану Яворскому въ упрекъ то, что онъ, вопреки данному обѣщанію и пастырскому долгу, ничего для раскола не сдѣлалъ, кромѣ развѣ того, что нѣсколько изъ нихъ пожегъ и изъ государства выгналъ. «Какъ изъ Франціи прилежаніемъ іезуитовъ (въ XVI вѣкѣ) гугенотовъ, такъ изъ Россіи (въ правленіе м. Стефана) раскольниковъ не токмо въ Польшу, но и къ туркамъ и татарамъ въ защищеніе бусурманское многими тысячами фамилій выслано».

Отличаясь отъ Ѳеофана и Ѳеодосія смиреніемъ, серьезностью, добродушіемъ и искренностью и превосходя ихъ нравственнымъ образомъ жизни, м. Стефанъ Яворскій былъ одинаковаго образа мыслей о русскомъ расколѣ и его послѣдователяхъ; всѣ они, какъ воспитанники одной школы и пришлецы, смотрѣли на расколъ съ догматической стороны, а не церковно-исторической; во внутреннія причины и условія происхожденія и развитія великорусскаго раскола означенныя лица не входили, не видя въ томъ никакого интереса, ни жизненнаго, ни каноническаго; они a priori рѣшали расколъ, видя въ немъ одно безумное умствованіе; отъ такого пренебрежительнаго взгляда на расколъ не свободенъ былъ и членъ Святѣйшаго Синода (съ 1722 г.) извѣстный авторъ «Обличенія» Поморскихъ Отвѣтовъ, хотя и лучше вышеозначенныхъ членовъ Святѣйшаго Синода, научно и документально, знакомый съ русскимъ расколомъ, архіепископъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, наиболѣе безкорыстный и благородный въ отличіе отъ своихъ земляковъ, хотя онъ не составлялъ особеннаго исключенія, не былъ человѣкомъ идеальнымъ. Для характеристики какъ Ѳеофилакта, такъ и его земляковъ—сослуживцевъ по Синоду можно указать на нѣкоторые факты, между прочимъ и въ вопросѣ по расколу. Прежде всего, бросается въ глаза усиленное домогательство Ѳеофилакта о необходимости дозволенія права винокуренія для домашнихъ потребъ при Тверскомъ архіерейскомъ домѣ, каковое право винокуренія гражданскою властію оспаривалось и отрицалось [2]). Для увеличенія

[1]) Журн. м-ва народн. просвѣщенія. Мартъ. 1880 г. 103—104 стр.

[2]) Опис. т. VII, № 276.

средствъ содержанія Θеофилактъ, подобно Θеодосію, приписалъ къ своему вѣдѣнію Колязинскій монастырь, вопреки желанію братіи послѣдняго [1]). Матеріальные разсчеты были, между прочимъ, одною изъ причинъ остановки и медленности при составленіи «Обличенія» на Поморскіе Отвѣты. Когда, въ 1733 году, Святѣйшій Синодъ потребовалъ отъ преосвященнаго Θеофилакта объясненія касательно медленности его въ исполненіи синодальнаго порученія, то авторъ «Обличенія» писалъ: «согласно прежнему указу», онъ занимался дополненіемъ вопросоотвѣтовъ, что «книга сочиняться начата и давно-бъ окончена была. А не окончена, писалъ преосвященный, для того, что когда, по кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго, раскольники отъ сунодальнаго вѣдомства въ свѣтскую команду выпали и на новопишемыя книги тяжкія цензуры настали, я то дѣло оставилъ» [2]). Правда, у преосвященнаго Θеофилакта была уважительная причина въ остановкѣ дѣла, какъ «тяжкая цензура», могшая угрожать ему, какъ частному, хотя и высокопоставленному лицу, но представляется страннымъ заявленіе цѣлаго высшаго административнаго учрежденія, состоявшее въ отказѣ отъ участія въ дѣлахъ по расколу въ случаѣ, если-бы раскольники отъ синодальнаго вѣдомства въ свѣтскую команду выпали, какъ это предполагалось и дѣйствительно состоялось (см. выше). Конечно, Святѣйшій Синодъ въ этомъ случаѣ ограничился лишь одною угрозою и свою противораскольническую дѣятельность продолжалъ послѣ 1726 года непрерывно и въ послѣдующее время, однако нельзя было не сожалѣть и не раскаиваться за открыто высказанное какъ-бы безучастное отношеніе къ расколу, соблазнительное для православныхъ и могшее быть истолкованнымъ въ весьма неблагопріятномъ смыслѣ для чести и достоинства Святѣйшаго Синода.

Какъ смотрѣли великоруссы вообще и раскольники въ частности на лицъ, состоявшихъ во главѣ церковнаго управленія въ учрежденномъ Святѣйшемъ Синодѣ? Смотрѣли съ недовѣріемъ, завистью и въ то же время съ любопытствомъ, перешедшимъ въ разочарованіе.

Дѣло въ томъ, что съ общей и внѣшней стороны Кіевскіе пришельцы выполняли свое дѣло, для котораго были вызваны; задача ихъ состояла въ томъ, чтобы содѣйствовать просвѣщенію народа, заводить школы, объяснять своевременность и пользу преобразованій Петра; въ задачу ихъ дѣятельности входило «имѣть попеченіе о наученіи и приращеніи отторгшихся безуміемъ отъ церкви россійской раскольниковъ» [3]); но къ наученію раскольниковъ Кіевскіе ученые и не

[1]) Опис. т. I, № 554.

[2]) Опис. т. I, № 403, стр. 483.

[3]) Чист. 394.

особенно стремились ни посредствомъ изученія раскола, ни посредствомъ участія въ миссіонерствѣ и предположенныхъ бесѣдъ съ раскольниками; для борьбы съ расколомъ они прибѣгали къ старымъ испытаннымъ средствамъ, предоставляя выполненіе ихъ во всей силѣ и строгости Питириму Нижегородскому и гражданскимъ властямъ. Возражатель противъ «Молотка» суровыя мѣры правительства противъ раскольниковъ считаетъ нормальными, вызванными безпокойнымъ и враждебнымъ отношеніемъ и дѣйствіями раскольниковъ, какъ-бы не замѣчая того, что строгія мѣры и стѣсненія раскольниковъ вызывали со стороны послѣднихъ ненормальныя и даже опасныя явленія фанатизма, грубости и мстительности [1]).

Занявши видныя административныя мѣста и пользуясь довѣріемъ и милостями царя, Кіевскіе пришельцы особенно заботились объ устроеніи и упроченіи своего положенія, объ извлеченіи матеріальныхъ и служебныхъ выгодъ.

Итакъ, дѣятельность Святѣйшаго Синода, какъ не единодушная дѣятельность, участіе въ которой принимали многія ненадежныя и недостойныя лица, будучи зависима отъ многихъ неблагопріятныхъ современныхъ условій, не могла въ вопросѣ по расколу проявиться въ той полнотѣ и самостоятельности, въ какой можно было ожидать въ виду новаго, улучшеннаго устройства церковнаго управленія. Правда, нельзя было слишкомъ скоро и много требовать отъ Святѣйшаго Синода, какъ новаго учрежденія, долженствовавшаго отстаивать собственное существованіе противъ притязаній старѣйшаго и сильнѣйшаго учрежденія Сената; но съ другой стороны поводъ къ преувеличеннымъ надеждамъ подавалъ самъ составитель «Регламента», не заявившій себя такимъ же ревностнымъ и искуснымъ исполнителемъ «Регламента», какимъ былъ въ качествѣ составителя его. Самый первоначальный составъ Святѣйшаго Синода не благопріятствовалъ успѣху.

Синодально-церковная дѣятельность противъ раскола, будучи несамостоятельною и стѣсненною, не имѣла того свободнаго характера и развитія, который необходимо предполагается и требуется для обращенія заблуждающихся на истинный путь. Подчиненное отношеніе Святѣйшаго Синода заставляло его принимать участіе въ дѣйствіяхъ, съ одной стороны, несвойственныхъ духовному учрежденію, а съ другой—соблазнительныхъ для раскольниковъ и слабыхъ въ православіи. Эти дѣйствія и мѣры выходили то отъ всего состава Святѣйшаго Синода, то отъ нѣкоторыхъ его членовъ. Нижеслѣдующіе два примѣра яснѣе всякихъ разсужденій показываютъ ненормальность положенія дѣлъ.

[1]) Чист. 396.

Въ 1721 году «Приказъ церковныхъ дѣлъ», по случаю несостоятельности раскольниковъ въ платежѣ штрафныхъ денегъ, спрашивалъ у Святѣйшаго Синода, какъ поступить съ неплательщиками. Святѣйшій Синодъ приговорилъ: «за небытіе въ продолженіе двухъ лѣтъ на исповѣди, опредѣлить виновныхъ въ Москвѣ въ артиллерійскую и другія работы, которыя были-бъ *каторжной работѣ подобны»* [1]). Въ январѣ 1723 года, архіепископы Новгородскій Ѳеодосій и Псковскій Ѳеофанъ подписались подъ указомъ Петра I о переводѣ на славянскій языкъ и объ изданіи катехизисовъ и другихъ книгъ римскаго, лютеранскаго и кальвинскаго вѣроисповѣданія, для знанія и образованія свѣтскихъ людей, учившихся въ устроенной пасторомъ Глюкомъ школѣ [2]).

Въ первомъ случаѣ характеръ наказанія принципіально несообразенъ съ средствами воздѣйствія на виновныхъ, долженствовавшими отличать духовную власть отъ гражданской; во второмъ забота царя о распространеніи вѣроисповѣдныхъ свѣдѣній, не соотвѣтствовавшая съ дѣйствительною потребностью русскихъ подданныхъ, поддерживалась и освящалась представителями церкви, возбуждавшими сомнѣнія и недовольство своими распоряженіями и дѣйствіями.

Съ духомъ церкви не сообразно ни стремленіе къ соперничеству, ни къ господству надъ совѣстію паствы, въ чемъ древне-русская церковь неповинна; но духовное руководственное значеніе ея для гражданской власти и общества составляетъ всегдашнюю и неотъемлемую задачу церкви въ указанной и принадлежащей ей области. Худо, если такое значеніе церкви, во имя широкихъ преобразовательныхъ плановъ, не признается, устраняется и оспаривается; на долю церкви тогда остается подчиненіе, наблюденіе и исполненіе указаній отъ гражданской предержащей власти. Нѣчто подобное испыталъ Святѣйшій Синодъ, въ первые годы своего правленія при Петрѣ Великомъ, когда царь, увлеченный преобразовательными идеями, для достиженія своихъ, большинству народа не ясныхъ цѣлей, не устранилъ отъ своей опеки и контроля церковныхъ дѣлъ и вопроса о расколѣ. Неблагопріятныя послѣдствія излишней опеки и поспѣшной работы царя-преобразователя оказались и въ мѣропріятіяхъ по расколу, какъ и въ другихъ сферахъ дѣятельности.

Испытавъ самъ неудачу и разочарованіе въ полезности и приложимости великодушныхъ гуманныхъ мѣръ, царь не могъ прямо и офиціально ограничивать свободу дѣйствій Святѣйшаго Синода въ предложеніи пастырскихъ мѣръ противъ раскола, не мѣшалъ стре-

[1]) Опис. т. I, № 616.

[2]) Собр. т. III, № 976.

миться къ достиженію добрыхъ успѣховъ путемъ медленнымъ одновременно съ властію гражданскою, прибѣгавшею для своихъ цѣлей къ средствамъ поспѣшнымъ и понудительствамъ, но малоуспѣшнымъ.

Малоуспѣшность противораскольническихъ мѣръ признаетъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ, восторженный панегиристъ и креатура Петра Великаго. Въ посмертномъ похвальномъ словѣ Петру, 29 іюня 1725 года, Прокоповичъ говоритъ: «вѣдалъ онъ (т. е. Петръ), каковая темность и слѣпота лжебратіи нашея раскольниковъ: безприкладное воистинну безуміе весьма же душевредное и пагубное, а коликое бѣднаго народа множество отъ оныхъ лжеучителей прельщаемо погибаетъ, и по отеческому своему сердоболію не оставилъ ни единаго способа, чѣмъ-бы тьму оную прогнати, и помраченныхъ просвѣтити: велѣлъ писати увѣщаванія, и проповѣдьми наставляти, и обѣщаніемъ милости, и нѣкіимъ утѣсненіемъ, то есть десными и шуими отъ заблужденія отводити, и на мирный разговоръ призывати, и не безплодное попеченіе его явилося: многія тысящы обращенныхъ на письмѣ имѣемъ, а упряміи и жестоковыйніи, горшаго себѣ осужденія, яко безъотвѣтніи ожидаютъ» [1]).

Въ настоящее время никто не сомнѣвается въ благонамѣренности стремленій и цѣлей Петра Великаго; но современники Петра относились иначе къ его дѣятельности; большинство подданныхъ царя, не принадлежавшихъ къ расколу, считали преобразовательную дѣятельность Петра ошибкою, увлеченіемъ, совершавшимся подъ вліяніемъ иностранцевъ, вопреки старинному прежнему порядку, въ ущербъ справедливости и пользѣ государства; между тѣмъ раскольники не только заподозрѣвали и даже отвергали чистоту намѣреній и дѣйствій Петра, но и самого царя считали воплощеніемъ антихристіанскаго духа, антихристомъ, посягавшимъ на вѣру и православіе. Взгляды раскольниковъ не особенно покажутся странными, если сопоставить ихъ съ взглядами на Петра иностранцевъ-лютеранъ, ожидавшихъ отъ Петра особенныхъ благопріятныхъ вѣроисповѣдныхъ послѣдствій. По словамъ автора брошюры [2]), появившейся въ Германіи въ 1725 году, въ правленіе императора Петра греко-русская религія во многомъ измѣнилась, освободившись отъ нѣкоторыхъ заблужденій и суевѣрій; царь понялъ, что безъ истинной религіи никакія науки не могутъ быть полезны; въ этомъ онъ убѣдился чрезъ общеніе съ

[1]) Слова и рѣчи Ѳ. Прокоповича, ч. II, стр. 154—5.

[2]) Брошюра озаглавливается такъ: Curieuse Nachricht von der itzigen Religion Ihre Kaiserliihen Majestät in Russland Petri Aleziewiz, und seines grossen Reiches, dass dieselbe itzo fast nach Evangelisch-Lutherischen Grundsätzen eingerichtet sei. Авторъ брошюры неизвѣстенъ. Въ библіографіи Е. Шмурло о Петрѣ I означенная брошюра не упоминается.

протестантами. Мы не ошибемся, если скажемъ, что Его Величество представляетъ себѣ истинную религію въ формѣ лютеранства. «Царь отмѣнилъ патріаршество, и по примѣру протестантскихъ князей, объявилъ себя самого верховнымъ епископомъ своей страны. Возвратясь изъ заграничнаго путешествія, онъ тотчасъ же вступилъ въ диспуты съ своими попами, убѣдился, что они въ дѣлахъ вѣры ничего не понимаютъ и учредилъ для нихъ школы, чтобъ они прилежнѣе учились, такъ какъ прежде они едва умѣли читать. Далѣе, царь заботится о томъ, чтобы распространять въ народѣ книги Священнаго Писанія и катихизисы. Что касается до призыванія святыхъ, то его величество указалъ, чтобъ изображенія святителя Николая нигдѣ не стояли въ комнатахъ, и чтобы не было страннаго обычая—входя въ домъ, сначала кланяться иконамъ, а потомъ хозяину; отмѣнилъ также и обычай передавать чрезъ мертвыхъ письма къ святителю Николаю. И такъ какъ теперь Руссы разумно обучаются и воспитываются въ школахъ, то всѣ ихъ суевѣрныя мнѣнія и обычаи должны исчезнуть сами собою, ибо подобнымъ вещамъ не можетъ вѣрить никто, кромѣ самыхъ простыхъ и темныхъ людей. Система обученія въ этихъ школахъ—совершенно лютеранская, и юношество воспитывается въ правилахъ истинной евангелической религіи. Монастыри значительно ограничены, такъ что не могутъ уже служить, какъ прежде, притонами для множества праздныхъ людей, которые представляютъ для государства тяжелое бремя и могутъ противъ него возмущаться; теперь всѣ монахи обязаны учиться чему-нибудь хорошему, и все устроено похвальнымъ образомъ. Чудеса и мощи также не пользуются уже прежнимъ уваженіемъ; въ Россіи, какъ и въ Германіи, стали уже вѣрить, что въ этомъ отношеніи «много наплутано» [1]).

По взгляду автора другой, однородной съ первою, но напечатанной немного позже (1730 г.) брошюры, Петръ «старался очистить религію отъ многихъ, вкравшихся въ нее, суевѣрныхъ обрядовъ и безполезныхъ обычаевъ; въ этомъ дѣлѣ ему особенно помогалъ архіепископъ Псковскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, издавшій съ этою цѣлью много прекрасныхъ сочиненій, частью оригинальныхъ, частью переводныхъ. И вообще, этотъ честный человѣкъ въ своихъ поучительныхъ трудахъ обнаруживаетъ такія прекрасныя намѣренія, что если Богъ продлитъ его жизнь, то отъ его дѣятельности слѣдуетъ ожидать всего хорошаго [2]).

Если исключить даже нѣкоторыя преувеличенія въ сужденіяхъ и наблюденіяхъ автора первой брошюры, то содержаніе ея могло произ-

[1]) Журн. мин. народн. просвѣщ., іюль, 1880. Ѳ. Прокоп., какъ писатель, стр. 47—48.

[2]) Журн. м-ва, 1880 г., Іюль, 49 стр.

водить тяжелое и грустное впечатлѣніе на русскихъ и особенно послѣдователей раскола, бывшихъ наиболѣе чуткими къ вопросамъ вѣры и церкви. Правда, брошюра не появлялась въ русскомъ переводѣ непосредственно послѣ выхода въ свѣтъ въ нѣмецкомъ изданіи, но мысли и сужденія ея могли свободно и усердно распространяться среди русскихъ чрезъ лютеранъ—нѣмцевъ, наплывъ которыхъ въ Россію постоянно продолжался во все царствованіе Петра Великаго. Сужденія и ожиданія автора, несомнѣнно переходившія отъ одного къ другому устно и письменно ранѣе 1725 года, содѣйствовали образованію, повидимому, странныхъ понятій о Петрѣ, какъ антихристѣ, но довольно объяснимыхъ изъ народной психологіи русскихъ начала XVIII вѣка. Дѣйствительно, изъ поступковъ и отношеній Петра народъ усматривалъ, что царь болѣе сочувствуетъ не православію, но лютеранству, послѣдователямъ котораго былъ данъ свободный доступъ и просторъ въ русскомъ государствѣ; лютеранство и католицизмъ, начавшія проникать въ Россію еще раньше, быстро распространялись съ воцареніемъ Петра, поселяя въ народѣ опасеніе за цѣлость православной вѣры.

Нужно прибавить и то, что Петръ препятствовалъ выходу въ печати сочиненія м. Стефана Яворскаго «Камень вѣры», направленнаго противъ лютеранскаго вѣроисповѣданія и вліянія лютеранъ на дѣла русской церкви и русскаго общества.

Строгость правительства обращена была не на протестантскія ереси, нашедшія послѣдователей среди многихъ русскихъ (Д. Тверитиновъ и др.), а на домашнія особенности и уклоненія народной религіозности [1]).

Какъ ни возвышенны были стремленія Петра Великаго, какъ ни глубоко царь былъ убѣжденъ въ пользѣ и необходимости мѣръ принятыхъ въ дѣлахъ гражданскихъ и церковныхъ, какъ ни энергично, по отечественнымъ и иностраннымъ извѣстіямъ, дѣйствовалъ онъ, опираясь на свою власть и непреклонную волю, однако преобразователь мало обращалъ вниманія на условія и средства, несоотвѣтствовавшія съ задачами широкой реформы; царь думалъ, что достаточно власти и воли для устраненія всѣхъ препятствій, представлявшихся ему со стороны его подданныхъ, со стороны неподготовленности ихъ къ превращенію изъ русскихъ въ иностранцевъ-иновѣрцевъ, со стороны ихъ несочувствія, подозрительности, опасеній, враждебности и ропота. Петръ не любилъ и не умѣлъ приспособляться къ состоянію своихъ подданныхъ, нетерпимо относился къ другимъ, не уважалъ свободы религіозной совѣсти, вопреки данному вначалѣ обѣщанію;

[1]) Знаменскій, Руководство къ р. ц. исторіи, стр. 310.

это были главные недостатки царя; въ нихъ не только заключаются причины неуспѣховъ царя, но и народныхъ смущеній и суевѣрныхъ понятій, явившихся какъ неизбѣжныя слѣдствія изъ образа дѣйствій царя-преобразователя.

Съ какимъ характеромъ относился Петръ Великій ко всѣмъ другимъ сторонамъ государственной службы въ управленіи и преобразованіи, съ такимъ-же онъ относился и къ дѣламъ духовно-церковнымъ. Существуетъ и долженствуетъ другой путь отношеній къ вопросамъ духовнымъ и въ частности къ расколу, при всей странности и даже уродливости его явленій,—путь свободнаго, обоюднаго, медленнаго обсужденія, убѣжденія, дѣйствія и отношенія между двумя несогласными, враждебными сторонами. Петру, его характеру, былъ чуждъ такой путь отношеній; Святѣйшій Синодъ, какъ учрежденіе созданное Петромъ и зависимое, хотя и высшее въ своемъ родѣ, слѣдовалъ за царемъ въ мѣропріятіяхъ противъ раскола, но не направлялъ воли его сообразно съ истинными идеальными задачами церкви въ дѣятельности по расколу.

Все сказанное нами можно представить въ слѣдующихъ общихъ выводахъ.

Дѣятельность русской церковной власти по отношенію къ расколу въ первые годы синодальнаго управленія при Петрѣ Великомъ (1721—1725 г.) была многосторонняя и непрерывная.

Противораскольническая синодальная дѣятельность выразилась: a) въ составленіи и распространеніи увѣщательныхъ посланій и указовъ какъ для обличенія приверженцевъ раскола, такъ и въ предупрежденіе православныхъ отъ зараженія и совращенія въ расколъ; b) въ приглашеніи раскольниковъ въ Святѣйшій Синодъ для устныхъ собесѣдованій съ православными о спорныхъ предметахъ вѣры; c) въ посылкѣ въ нѣкоторыя мѣста миссіонеровъ для борьбы съ расколомъ; d) въ литературной полемикѣ противъ лжеученія раскольниковъ, изложеннаго въ сочиненіи «Поморскіе Отвѣты»; e) въ принятіи цѣлаго ряда особыхъ церковно-гражданскихъ мѣръ для приведенія въ извѣстность численности и состоянія раскола, равно какъ и для ослабленія послѣдняго, и f) въ контролѣ надъ дѣятелями раскола.

Изъ предпринятыхъ противураскольническихъ мѣръ не осуществились предполагавшіяся устныя собесѣдованія съ раскольниками по причинѣ уклончивости и нежеланія послѣднихъ.

Противураскольническая миссія, кратковременная и ограниченная, хотя не отличалась успѣхомъ, но важна была тѣмъ, что побудила выговскихъ раскольниковъ-безпоповцевъ къ изложенію своихъ

заблужденій (въ Поморскихъ Отвѣтахъ), общихъ всѣмъ послѣдователямъ раскола.

Успѣхомъ (т. е. обращеніемъ и устроеніемъ быта обращенныхъ) отличалась дѣятельность нижегородскаго архіепископа Питирима, благодаря живому участію гражданской власти.

Достойнымъ выраженіемъ взглядовъ церковной власти на расколъ, противовѣсомъ и духовнымъ оружіемъ для заблуждавшихся была написанная по распоряженію Св. Синода книга епископа Θеофилакта Лопатинскаго «Обличеніе неправды раскольническія, показанныя во отвѣтахъ выговскихъ пустосвятовъ, на вопросы іеромонаха Неофита, ко увѣщанію и призванію ихъ ко святой церкви».

Въ качествѣ историко-литературнаго произведенія, «Обличеніе» Θеофилакта представляетъ дальнѣйшій шагъ впередъ въ развитіи противораскольнической полемики, служа удовлетворительнымъ отвѣтомъ на запросы со стороны автора «Поморскихъ Отвѣтовъ».

Отличительная особенность «Обличенія» состоитъ въ разграниченіи существеннаго и второстепеннаго въ спорныхъ вопросахъ между православіемъ и расколомъ, въ указаніи на незаконность отдѣленія раскольниковъ отъ церкви. Вторымъ отличительнымъ свойствомъ «Обличенія» служитъ критическое отношеніе автора «Обличенія» къ источникамъ, которыми пользовались раскольники безразлично, безъ надлежащаго разбора, въ подтвержденіе своихъ взглядовъ.

Мысли и разсужденія архіепископа Θеофана Прокоповича о расколѣ въ «Разсужденіи о поливательномъ крещеніи» и другихъ трактатахъ, сходныя съ взглядами Θеофилакта, дополняютъ воззрѣнія на расколъ, существовавшія въ современномъ обществѣ и интересовавшія обоюдныя стороны.

Возвышенные взгляды обоихъ полемистовъ на свободу вѣроисповѣданія, не отличающіеся послѣдовательностью въ ихъ сочиненіяхъ, не оправдались на дѣлѣ.

Посредствомъ церковно-гражданскихъ мѣръ, состоявшихъ въ духовныхъ и гражданскихъ лишеніяхъ, стѣсненіяхъ и наказаніяхъ раскольниковъ и проводившихся чрезъ избранныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и особыя учрежденія, церковная власть удостовѣрилась въ большой численности, возрастаніи и враждебности раскольниковъ—съ одной стороны, и въ трудности борьбы съ ними — съ другой.

Несмотря на множество испытанныхъ мѣръ противъ раскола, на участіе множества лицъ и содѣйствіе гражданской власти, расколъ въ существѣ своемъ не примирился свободно съ церковію, продолжая все болѣе и болѣе отчуждаться и отдѣляться отъ нея въ ученіи и жизни.

Причина малоуспѣшности мѣръ церковной власти противъ раскола заключалась въ строгости мѣръ, исходившихъ отъ гражданской

власти, въ послабленіи со стороны тѣхъ, кто приводилъ ихъ въ исполненіе, въ неблагопріятномъ вліяніи преобразовательной тревожной дѣятельности Петра Великаго, возбуждавшей въ подданныхъ и особенно раскольникахъ недовѣріе и даже суевѣрный страхъ.

Дѣйствительная роль церковной власти въ мѣропріятіяхъ противъ раскола была болѣе исполнительная, чѣмъ самостоятельная главная иниціатива дѣйствій противъ раскола принадлежала Петру Великому.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Считаемъ не лишнимъ помѣстить, въ качествѣ приложеній, полный текстъ нѣкоторыхъ весьма важныхъ документовъ церковно-историческаго, полемическаго и каноническаго содержанія, въ которыхъ выразились взгляды церковной власти на церковно-обрядовыя разности между православіемъ и расколомъ и на заблужденія послѣдователей раскола въ первые годы синодальнаго управленія русской церкви при Петрѣ Великомъ; памятники эти помѣщаются въ хронологическомъ порядкѣ согласно времени публикаціи ихъ.

1.

14 іюля, 1721 года.

Увѣщательные пункты, или проектъ Златоустовскаго архимандрита Антонія о томъ, какъ поступать съ раскольниками, которые отъ раскола обращаются, но прежняго своего сложенія перстнаго не перемѣняютъ и не проклинаютъ [1]).

Обращающимся отъ раскола, но единаго прежняго своего сложенія перстнаго перемѣнити не хотящымъ, предлагать слѣдующая:

1) Сказать имъ, что между правыми Христіянскими догматами, которые непремѣнны хранити вси должны, и еретическими уставленіи, которыхъ вси должны берещися, суть въ церквѣ святой нѣкія вещы среднія, свободно употребляемыя съ благочиніемъ и благообразіемъ, или и нѣкоего ради знаменованія, которыя къ благочестію ниже нуждная суть, ниже вредная. Среднія же вещи отсюду познаются: аще что отъ священныхъ писаній и важныхъ въ церквѣ святой соборовъ и отъ извѣстныхъ преданій древнихъ ниже узаконено, ниже

[1]) Опис. т. I. Прилож. № XXXI. Собр. т. I, № 148.

отвержено есть. Таковыя суть многія церковныя обряды, или церемоніи, которыя искони не были, но по времени благочинно введени; иныя же и перемѣнены, иныя и отставлены; и бываетъ въ одной церквѣ одинъ, а въ другой другій чиновный обычай безъ всякаго между церквами раздора, съ всецѣлымъ единовѣріемъ и въ благочестіи согласіемъ.

2) Обаче и таковая средняя, свободѣ Христіянской подлежащая, не всякому человѣку перемѣнять, или отставлять, или вновъ заводить позволено: понеже отъ сего произошло бы смущеніе, и человѣкъ простый, но гордый, среднихъ вещей разсуждать неискусный, вмѣсто средняго ввелъ бы нѣчто худое, или отставилъ бы доброе и закономъ Божіимъ повелѣнное. Но уставлять и отставлять средняя имѣютъ власть власти державныя Христіянскія совѣтомъ и согласіемъ духовныхъ пастырей и прочіихъ искуснѣйшыхъ учителей, такожъ и крайнія духовныя пастыри, соборы или соборныя правителства съ изволеніемъ державныхъ властей. О чемъ многія имѣемъ образы, какъ въ ветхозавѣтной, такъ и въ новозавѣтной церквѣ.

3) Аще кто вещь среднюю поставитъ или и въ крѣпкій догматъ или въ ересь, тотъ уже самъ еретичествуетъ: понеже что Богъ самъ оставилъ намъ яко среднее, онъ таковый самоволіемъ своимъ узаконяетъ яко весма нуждное, или отвергаетъ яко богопротивное, и тако похищаетъ себѣ власть Божію, представляя себе властителемъ совѣстей человѣческихъ; и о таковыхъ глаголетъ Апостолъ: что учатъ яже не вѣдаютъ, дмящеся отъ ума плоти своея. А когда церковъ чрезъ державную или крайнюю духовную власть или чрезъ соборы и соборныя правителства уставляетъ нѣкія обряды среднія, тогда не яко догматы намъ предлагаетъ, но яко благочинія и благообразія; и подчиненніи должны хранити таковыя уставы по долженству послушанія своего и повиновенія къ властемъ въ всякомъ повелѣваемомъ дѣлѣ Богу не противномъ. Но когда законная власть и отставляетъ или перемѣняетъ нѣчто среднее, должни суть подчиненныи и тому не противитися: среднія бо вещи не самые собою силные суть, но отъ воли властей законныхъ имѣютъ силу.

4) Сія предложивше, спросить приходящаго отъ раскола, о треперстномъ сложеніи сумнящагося: како онъ о нашемъ и о своемъ сложеніи разумѣетъ: средняя ли вещь есть или догматъ? Аще догматомъ наречетъ, то долженъ доказать свое мнѣніе отъ священнаго писанія, ветхозавѣтныхъ или новозавѣтныхъ книгъ, такожъ отъ важныхъ соборовъ или отъ преданій древнихъ, то есть отъ согласія многихъ древнихъ учителей, чего онъ иниктоже иный въ вѣки не докажетъ.

Если же наречетъ вещь среднюю, то да утвердитъ слово свое клятвою. И тогда вопросить его: чесо ради не хощетъ сложенія

своего переставить? аще бо вещъ есть средняя, то нѣтъ никакой важной причины, для чего оную непремѣнну содержать, кромѣ единаго упрямства; упрямствомъ же тымъ противится согласію церковному, оставляетъ на себѣ зазорный образъ, соблазняетъ ближнихъ своихъ, и законнымъ властемъ и духовному правителству непокоривъ является; и развѣ самъ противъ совѣсти своей вещъ среднюю изъ среды извлекаетъ, и самоволіемъ въ догматъ ставитъ, и тако явно еретичествуетъ.

А о церковномъ разумѣніи сіе сказать ему, что церковъ святая кій либо образъ перстнаго сложенія имѣла и имѣетъ за вещъ среднюю; но расколникомъ противится за тое, что они образъ сложенія перстнаго, каковъ они полюбили, ставятъ за догматъ вѣры, а каковъ въ нашемъ обычаѣ видятъ, ставятъ въ ересь; и уже свой сложенія образъ здѣлали злымъ, не аки бы онъ самъ собою золъ былъ, но яко непокоривой, злой, немиролюбной и гордо еретичествующой совѣсти ихъ свидѣтель есть. И того ради, аще кто образъ сложенія расколничаго перемѣнити не похощетъ, мощно знать, что онъ безъотвѣтно упрямъ и непокоривъ, пребываетъ, и не съ доброю совѣстію, но лукаво, лицемѣрно и коварно приходитъ къ церковному соединенію.

2.

Пастырское Святѣйшаго Сѵнода увѣщаніе къ обращенію раскольниковъ въ нѣдра Православныя Церкви [1]).

Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ Всероссійскія Православныя Церкве сыновомъ радоватися о Господѣ.

Бывшу у насъ совѣтному разговору о наставленіи и исправленіи многихъ невѣждъ, како бы ихъ ко истинному благочестію на прямый путь спасенія исправить, отвративъ отъ суевѣрія, то есть отъ сего, что не по слову Божію, но по легкомысленнымъ расказамъ и по бабіимъ баснемъ всуе вѣруется, произошло разсужденіе о наставляемыхъ, но наставленія не пріемлющихъ, слышащихъ слово Божіе, но не творящихъ е, чтущихъ ученіи богословская, но отмѣтающихъ.

И понеже таковыхъ человѣковъ два рода обрѣтаются: едини суть злобни и желчнаго сердца, которые безъ всякаго разсужденія предлагаемое имъ ученіе, аще и здравое и на неложномъ словѣ

[1]) См. I Пол. Соб. Зак. Рос. Имп., т. VI, № 3891.

Примѣч. О распубликованіи сего увѣщанія постановленіе Святѣйшаго Сѵнода состоялось 24 Января, 1722 г.

Божіи основанное, ругаютъ, о яковыхъ премудрый приточникъ глаголетъ: сыну лукавому ничто же есть благо (Притч. 13) и ужаснѣе пререкаетъ Исаіа, и съ нимъ Евангелистъ Іоаннъ: ослѣпи очи ихъ, и окаменилъ есть сердца ихъ, да не видятъ очима, ни разумѣютъ сердцемъ, и обратятся, и исцѣлю ихъ (Исаіа 6. Іоаннъ 12). Другіе же не отъ злобы противятся, но отъ предпріятаго себѣ мнѣнія противнаго: что бо первѣе слышали, или своимъ разсужденіемъ постигнули, и показалося имъ истинное, аще и весьма собою ложное и непотребное есть: то въ своемъ мнѣніи и закрѣпили, и тако извѣстнѣйшаго наставленія, мнѣнію своему несогласнаго, не пріемлютъ; и о таковыхъ глаголетъ Духъ Святый у приточника: путіе безумныхъ прави предъ ними (Притч. 12), и паки: суть путіе прави мними суще мужу, послѣдняя же его зрятъ во одно ада (Притч. 16).

Того ради Святѣйшій Сvнодъ, сожалѣя о оныхъ невѣждахъ, такъ заблуждающихъ и до толикой погибели приходящихъ, и желая таковый вредъ отъ сердецъ церкве Россійскія сыновъ истребить, увѣщаваетъ всѣхъ православія нелицемѣрныхъ любителей и именемъ Господнимъ повелѣваетъ имъ, прилежно по вся дни (между обычными своими молитвами) и о семъ молитися всещедрому Богу, да вышепомянутыхъ жестокосердныхъ человѣковъ умягчитъ и обратитъ Духомъ Своимъ Святымъ къ доброхотному слышанію, свѣтлому уразумѣнію, и благосердному пріятію здраваго ученія, да отыметъ отъ нихъ сердце каменно, и да дастъ имъ сердце плотяно, по милостивому обѣщанію своему у Пророка (Іезекіилъ, 11); незлобивымъ же и истину любящимъ, но предпріятому мнѣнію своему порабощеннымъ, сіе внушити Святѣйшій Сvнодъ желаетъ, что глаголетъ святый Апостолъ Іаковъ: не мнози учители бывайте, братія моя, вѣдяще яко большее осужденіе пріимемъ (глава 3), такожде и сіе Божіе неискуснымъ наставленіе: вопроси отца твоего, и возвѣститъ тебѣ, старцы твоя, и рекутъ тебѣ (Второзакон. 32). И дабы сіе увѣщаніе лучше произошло въ дѣло къ исправленію сыновъ Святыя Церкве, мнѣніемъ своимъ немоществующихъ и о наставленіи отъ Сvнода предаемомъ сумнящихся, а сумнѣнія своего духовнымъ своимъ пастыремъ не объявляющихъ и здраваго разсужденія не требующихъ: молитъ Святѣйшій Сvнодъ всѣхъ, нелицемѣрно истины желающихъ, да прилежно разсудятъ, коль неисцѣлный душепагубный вредъ есть человѣку, не ученну сущу, не требуя отъ искусныхъ наставленія, самоволіемъ своимъ избирати мнѣнія, и не вѣдая суть ли истинная, за истинная себѣ утверждати, что есть самое истое всѣхъ ересей сѣмя, и въ бѣдство вѣчной погибели вводитъ, какъ отъ случаевъ прежнихъ всѣмъ вѣдомо. Ибо въ мимошедшихъ лѣтѣхъ, какъ при благополучной державѣ славныя и вѣчнодостойныя памяти благочестивѣйшаго Государя

нашего Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, Самодержца Всероссійскаго, и проч., и проч., началося лучшее въ книгахъ церковныхъ погрѣшеннымъ исправленіе, всѣмъ уже извѣстное, коликой тогда отъ непокоривыхъ невѣждъ, которые грубаго своего мнѣнія духовнымъ пастыремъ не объявляли и разсужденія не требовали, но сами о себѣ, суемнѣнно согласившеся, дерзнули, не точію словесно, но и письменно суемудрствовать, разсѣялся развратъ и размножился отъ времени до времени вредной зѣло простанароднымъ расколъ, всѣмъ знать возможно, что толь люто расплодился и такъ многихъ повредилъ, что и донынѣ въ толь долгое время, и чрезъ разнообразное церковныхъ пастырей врачеваніе, не пресѣченъ и не уврачеванъ пребываетъ. И не точію такъ болѣзнуетъ, но и прочихъ, яко гангрена, люто повреждаетъ, которое поврежденіе свое (всякому, хотя и мало богословскимъ ученіямъ навыкшему, извѣстное и явное) толь крѣпко многіи слѣпыи и окаянны содержатъ, что въ томъ и до смерти стояти готовы и, не помня слова Апостольскаго: аще и постраждетъ, не вѣнчается, аще незаконно мученъ будетъ (2 Тимоѳ. 2), страдать за ложное свое мнѣніе въ мученичество себѣ вмѣняютъ, изъ которыхъ, одинъ примѣръ объявимъ здѣ.

Въ 1701 году, воръ Талицкой, ради возмущенія людемъ, писалъ письма плевелныя и ложныя о пришествіи антихристовѣ, съ великою злобою и бунтовскимъ коварствомъ, которому его ученію послѣдовалъ нѣкто иконникъ Иванъ Савинъ, и въ томъ со удивленіемъ какія муки терпѣлъ, не внимая никакого себѣ отъ духовныхъ наставленія, за которое злодѣяніе и на смерть осуждены, что все вышепомянутый Савинъ съ радостію принималъ. Но когда во время казни, кончеміемъ творимой, Талицкой, не стерпя того, покаялся и снятъ былъ съ онаго, то, видя, оный Савинъ спросилъ караульщиковъ, для чего онаго сняли, отъ которыхъ увѣдалъ, что повинился, тогда просилъ и о себѣ, котораго также сняли, и желалъ видѣть Талицкаго, и когда допущенъ, спросилъ его: впрямъ ли онъ повинился и для чего? Тогда Талицкій все подробну сказалъ, что все то ложь, чему училъ. О, въ какую горесть пришелъ тотъ Савинъ! и съ какими слезами раскаявался и пенялъ на Талицкаго, для чего въ такую бѣду его привелъ, и что онъ ни для чего, только вмѣняя то за истину, страдать радъ былъ. (Откуду удобно всякому познать возможно, какъ такіе легкомысленные и малоразсудные люди по ревнію и по ревности своей, которую имѣютъ не по разуму, держащеся предпріятаго себѣ мнѣнія противляются истинѣ, покоряются же неправдѣ, и слѣпо себе въ тѣлесная и душевная бѣдства ввергаютъ).

Сіе же толь пагубнаго вреда разсужденіе Святѣйшій Сунодъ предлагая, и всякаго удобнѣйшаго тако повреждаемымъ взыскуя вра-

чеванія, сей Его Священнѣйшаго Величества Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, и проч., и проч., и проч., указъ объявляетъ: да всякъ, кто бы ни былъ, ежели въ книгахъ преждепечатанныхъ, такожъ и которыя впредь съ разсужденія и опредѣленія сvнодальнаго будутъ печатаны, покажется кому нѣкое сумнителство, приходилъ бы со объявленіемъ онаго сумнителства, въ Святѣйшій Правительствующій Сvнодъ, безъ всякаго подозрѣнія и опасенія, и таковому во ономъ Сvнодѣ то сумнителство изъяснено будетъ отъ святаго писанія, и оный сумнителъ по тому разсужденію сумнителства своего удовольствуется рѣшеніемъ.

3.

30 апрѣля, 1722 года.

Увѣщаніе.

Святѣйшій Правительствующій Сvнодъ Всероссійскія Православныя Церкве сыновомъ радоватися о Господѣ.

Вѣдомо сотворися Святѣйшему Правительствующему Сvноду, что многіе обрѣтаются таковые, которые отъ невѣжества и безумія, или отъ крайнія злобы своея, аки главные враги, себѣ сами доброхотно зла желаютъ и здравія и житія напрасно лишаются, прельщающеся именемъ страданія и тѣмъ единымъ горькія муки и смерти себѣ услаждаютъ, отнюдь не разсуждающе, что страданіе не разсудное и не законное само собою никого вѣнчати можетъ, но сугубую тщету, душевную и тѣлесную, временную и вѣчную, содѣловаетъ; того ради, по имянному Его Величества, Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго, Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго указу, Святѣйшій Правительствующій Сvнодъ, болѣзнуя о таковыхъ суетномъ и душевредномъ подвизѣ и ему послѣдующей пагубѣ, паче же отъ нея овцы Христова словеснаго стада сохранити усердствуя, судилъ за благо объяснить о томъ симъ увѣщаніемъ, дабы всякъ вѣдалъ, что не всякое страданіе, но токмо страданіе законно бываемое, то есть за извѣстную истину, за догматы вѣчныя правды, за непремѣнный законъ Божій, полезно и богоугодно есть; не просто бо глаголетъ Господь: блажени изгнани, но блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное. Аще убо кто не правды ради, не Христа ради, не истины ради, терпитъ гоненіе, узы темницы,

муки и самую горькую смерть, той отъ Христа не ублажается; но и самыя ради правды не долженствуемъ нарочно искати мученія и самовольно устремлятися на смерть (хотя таковаго правды ради гоненія никогда въ Россійскомъ, яко православномъ, государствѣ опасатися не подобаетъ, понеже то и быти не можетъ), паче же долженствуемъ не дерзати сами собою на толикій подвигъ безъ собственнаго Божія вдохновенія, якоже не дерзаетъ воинъ на бой безъ указу начальника своего и многи, тако дерзнувшіе показали съ Петромъ студное отпаденіе, и когда нѣсть извѣстія о изволеніи Божіи на сіе и возможно укрытися, тогда бѣгати богоугодно есть, Самъ бо Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ томъ же словѣ, которымъ утверждалъ ученики Своя не боятися отъ убивающихъ тѣло (Матѳ. 10, ст. 22), глаголетъ: егда гонятъ васъ во градѣ семъ, бѣгайте въ другій; и тако творили пророцы и праведницы прежде пришествія Христова и по пришествіи Его Апостоли, и Павелъ, мужъ сердца адамантова, бѣгалъ изъ Дамаска, изъ Іерусалима, изъ Ликаоніи, изъ Солуни и проч., бѣгали и равноапостольніи мужіе святіи учители церковніи Аѳанасій Великій и прочіи прежь сего и по немъ богодухновенніи отцы, исповѣдницы, мученицы; бѣгалъ не единожды и Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, якоже о всѣхъ сихъ свидѣтельствуетъ Священное Писаніе и исторія церковная. А когда по волѣ Божіей, а не своей, пойманъ кто будетъ за истину правовѣрія и мукамъ преданъ, тогда долженъ есть страдати, мужественно призывая Бога помощника со всякою кротостію, не укоряя ни мало мучителя, подражая Спасителя своего, Иже пострада за насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его, иже грѣха не сотвори, ни обрѣтеся лесть во устѣхъ Его, иже укоряемь противу не укоряше, стражда не прещаше, предаяше же судящему праведно (Петрово 1 посланіе, глава 2). И сіе между прочими законнаго страданія знаменіи наипаче усматривала первенствующая Церковь, аще кротко, безъ лаянія властей и безчестія, мученикъ страждетъ, таковаго имѣла за прямаго и законнаго Христова мученика; безумніи убо они, каковіи и у насъ, наипаче въ расколѣ обрѣтающіеся мнимыи себѣ ревнителіе, а по словеси Петра святаго продерзателіе, которые великимъ славы мнѣніемъ питаютъ себе, и за мужественную ставятъ себѣ добродѣтель, аще лаи, досады и укоризны на власть высокую изблевать дерзнутъ. Который бо страдалецъ хулитъ и безчеститъ судію своего, хотя и не праведнаго, тотъ не послѣдуетъ стопамъ Христовымъ; не послѣдуя же Христу, како можетъ законно мученъ быти, како вѣнца небеснаго за несообразное Агнцу Божію страданіе свое надѣятися можетъ? и потому во первыхъ вельми себе погибельно прельщаютъ оныи, которые, не по разуму ревнуя, страдать готовы за мнимую имъ правду,

не разсуждая, достойно ли есть толикой ревности, о чемъ ревнуютъ до крови своея: многажды бо, что они помышляютъ истинно быти, ложно есть, что вмѣняютъ въ правду, самая есть неправость, что почитаютъ яко богоугодное, есть богопротивное. Таковая ревность не по разуму, хотя кажется по легкому разсужденію и невинна, и будто тотъ человѣкъ, который за неизвѣстное мнѣніе, яко за правду Божію ревнуя, гонитъ другихъ, или самъ терпитъ гоненіе, моглъ бы извинятися предъ судомъ Божіимъ, но не извинитъ невѣжество, пріиметъ бо отвѣтъ отъ судіи, для чего не первѣе со всякимъ прилежаніемъ искалъ истины, для чего слѣпо на дерзкое дѣло устремлялся. Каковыи бо дадутъ отвѣтъ Богу, которыи слышаще отъ грубыхъ и слѣпыхъ, но безсовѣстныхъ лестцовъ хуленіе и раскольническія плевелы на церковь Божію, и не разсудивше, что лестцы оныи суть вожды слѣпые и никакихъ изъ слова Божія суесловію своему доводовъ не показуютъ и показать не могутъ, самимъ ихъ расказомъ вѣруютъ, и вѣровавше на муки себе представляти дерзаютъ. Что паки отвѣщать возмогутъ на судѣ Божіи оныи безумныи, которыи, отъ тѣхъ же плевосѣятелей лай и клеветанія на Самодержца своего слышавши, вмѣсто того, чтобъ имѣли высокое онаго имя, яко главы своея и отца отечества, и Христа Господня заступить всячески, и при чести своей сохранить, и сами еще той же ядъ произносятъ, каковое се ихъ разсужденіе. Апостолы святыи повиноватися предержащимъ властемъ, и не токмо дань, но и честь отдавати, яко служителямъ Божіимъ, учили всѣхъ, еще же и молитися за державство ихъ велѣли, хотя тогда власти были невѣрныи: сіи же прельщающыи и прельщаемыи глупцы православнаго Монарха безчестить, и аще бы могли, и низринуть, и за таковую безбожную дерзость страдать до крове не стыдятся, помышляюще, что страданіе то честное будетъ и славное. Имѣли бо окаянная времена наша и таковаго изумленія образцы, явилися единъ и другіи, которыи на высочайшую власть не за нѣкую ея неправду (за что и самое предержащихъ властей поносити подданнымъ грѣхъ есть; повелѣваетъ бо Духъ Святый чрезъ Апостола своего Петра повиноватися властемъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ), но славитися дерзновеніемъ своимъ и мнимымъ мужествомъ возжелавше, и тако забывше страхъ Божій, не убоялися изблевати досадительная дерзословія, хулы и укоризны, яковый и въ нынѣшнее время тѣмъ же суеславіемъ прельстившый себе явился злодѣй разстрига Василей Левинъ, который, желая страданія, не помня же суда Божія, не устрашился предъ простымъ народомъ произнести пребезумныя злословія своя на державнѣйшаго Помазанника Божія, власть высочайшую и не прикосновенную. Таковыи же преокаянныи человѣцы прельщаются, симъ будущія славы мечтаніемъ услаждающе

себе: хвалимъ буду и блажимъ отъ всѣхъ, аще за сіе постражду, напишется о мнѣ исторія, пронесется всюду похвала; не единъ, удивляяся, скажетъ о мнѣ: великодушенъ мужъ былъ, Царя обличилъ, мукъ лютыхъ не убоялся. О окаянныи сумазброды! мало такихъ бѣшеными нарицати; есть се нѣкое зло, равнаго себѣ имени не имущее. Отвергаются отъ блаженства въ самую адскую пропасть, и оныи неистовіи страдальцы, которыи слышаніемъ или чтеніемъ славныхъ подвиговъ мученическихъ услаждаеми, ищутъ и безъ причины страданія, или сами себе смерти предаютъ. Каковыи древле во Африкѣ были Донатисты еретики, которые сами себя убивали, или напрашивали и накупали кто бы ихъ убивалъ, и тое свое мученіе ставили за любовь ко Христу; а нынѣ у насъ въ Россіи голосная повѣсть вездѣ о здѣшнихъ раскольникахъ, что множество ихъ окаянныхъ новыхъ Донатистовъ волею себе предали сожженію. О безумія и окаянства! что глупыи отъ ума плоти своея дмящіися человѣцы возмечтали о Бозѣ, будто бѣдство и болѣзнь наша сама собою Богу есть пріятна. Богъ нашъ, о треокаянніи глупіи! не мучитель есть, но Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи, есть врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ благъ, кольми паче золъ нашихъ не требующій, а всѣхъ благъ намъ хотящій. Аще же и за благочестіе, за Евангеліе, за правду, за Христа искати мученичества Божіе и учительское слово запрещаетъ намъ, то како не запрещаетъ тожде Божіе слово ни за что безъ гоненія смерти себе предаяти, или ее искати, аки завидя славы святымъ мученикомъ, каковыи и оныи суть, которые нѣкоторою бѣшеною похотію жаждуще мученія, а въ мирѣ церковномъ отъ единовѣрныхъ себѣ обрѣсти не могуще, таковымъ образомъ славы искали, не разсуждающе добрая ли, токмо бы великая была, еже есть величайшее безчестіе и неизреченное зло; не токмо бо сіи ищуще славы мученическія обрѣтаютъ злодѣйскую, но и самому лютѣйшему осужденію вѣчному подлежатъ, яко многихъ тяжчайшихъ золъ виновніи: кто бо благоразумный, слышавъ сія, не вострепещетъ, видя явственно, коликое здѣ раздраженіе гнѣва Божія. Коль студный порокъ имене христіанскаго! Коль довольное до сытости торжество и играніе бѣсовское! Сами на себе лгутъ, и вину мученія достойную притворяютъ себѣ, да мучими будутъ, якоже слышали мы о нѣкоемъ, который чтеніемъ мученическихъ подвиговъ усладився, и себѣ толикія славы возжелавъ, не обрѣтая како бы себѣ исходатайствовать страданіе и смерть, представилъ себе судіямъ, исповѣдуя, яко есть онъ отъ бунтовскаго полчища Булавинскаго: слышалъ токмо, а не видѣлъ оныхъ бунтовщиковъ. Вси во истинну таковіи самоубійцы суть, и безумнымъ славы мученическія желаніемъ, не токмо желаемаго лишаются, но и вѣчнымъ мукамъ подпадаютъ, еще же и страж-

дущіи за явное злодѣйство обыкли украшати страданіе свое блаженствомъ евангельскимъ, аки бы они тако страдали, яко Пророцы, Апостоли, Мученицы и Самъ Христосъ. Се же необычная есть гордыня страждущимъ за грѣхъ явный дерзати дружитися со Христомъ, или входити въ число великихъ угодниковъ Божіихъ, вѣчныя ради правды пострадавшихъ, ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ. Обличаетъ таковыхъ на крестѣ разбойникъ тѣмъ же словомъ, которымъ и своего окаяннаго сострадальца обличилъ: ни ли ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси, и мы убо вправду достойная по дѣломъ наю воспріемлева (Лука 23, стихъ 40). Обличаетъ тѣхъ же и Петръ святый (въ 1-мъ посланіи, глава 2, стихъ 20): кая похвала, аще согрѣшающе, мучими терпите, но аще добро творяще и страждуще терпите, сіе угодно предъ Богомъ; и еще тотъ же Апостолъ (въ томъ же посланіи, въ главѣ 4, въ стихѣ 15-мъ) повелѣваетъ и блюстися, дабы кто отъ христіанъ злодѣяніемъ своимъ повинна себе мученія не творилъ: да не кто убо отъ васъ постраждетъ яко убійца, или яко тать, или яко злодѣй, или яко чюждь посѣтитель. Прельщаются убо злодѣе страждущіи, егда во образъ страданія своего приводятъ святыхъ, и самаго святыхъ святѣйшаго Христа. А еще паче вельми прельщаются, когда и сіе помышляютъ, что за самое нынѣшнее приговоренное имъ мученіе очистятся отъ грѣхъ своихъ. Аще бы и безъ покаянія на мученіи умерли, не спасе бо непокаявшагося разбойника страданіе, ниже ему подобныхъ спасти можетъ, но язвою пострадавшаго за насъ Бога-человѣка исцѣлѣхомъ, и честною кровію, яко агнца непорочна и пречиста Христа избавихомся. Того ради всѣхъ, непритворно Бога ищущихъ, отъ всего усердія молимъ здѣ, да внимаютъ объявленному отъ Святѣйшаго Сунода наставленію, которое отъ божественныхъ и учительскихъ писаній пространно утверждено есть въ новопечатной книжицѣ о блаженствахъ евангельскихъ, и да отвержетъ всякъ и поплюетъ, аще на мысль найдутъ ему мечтательные суетнаго и погибельнаго страдальчества помыслы, и со всякимъ прилежаніемъ да смотритъ кая о семъ есть воля Господня: блюдите (глаголетъ Апостолъ) како опасно ходите, не яко же не мудри, но яко же премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть; сего ради не бывайте несмысленни, но разумѣвающе, что есть воля Божія. Аще же увѣщаніе сіе и во всѣхъ дѣлахъ и дѣяніяхъ христіанскихъ потребное есть, но наипаче въ страдальческихъ подвигахъ, гдѣ аще кто незаконно постраждетъ, окаяннѣйшій есть всѣхъ человѣкъ, и временное бо житіе мученіемъ погубитъ, и муки вѣчной не избѣгнетъ.

И сіе увѣщаніе всенароднаго ради вѣдѣнія священникомъ повсямѣсячно въ воскресные дни и Господскіе праздники во святыхъ церквахъ, а при ярманкахъ, гдѣ многонародное бываетъ собраніе, и

предъ церквами для множества людей по литоргіи во услышаніе всѣмъ читать, дабы оное увѣщательное разсужденіе, во общую пользу сочиненное, всякъ вѣдалъ и невѣдѣніемъ никто бъ не отговаривался [1]).

4.

Отрывокъ изъ толкованія на Христовы проповѣди о блаженствахъ, сочиненнаго архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ 1722 г. [2]).

Миротвореніе учительское есть дѣло пастырей и учителей церковныхъ, на которыхъ лежитъ долгъ, не токмо учити народъ пути спасеннаго, но и всячески оберегати отъ расколовъ и противныхъ здравому ученію мнѣній, и отъ суетнаго любопрѣнія, которое, многажды происходитъ въ свары, и единство церкве раздираетъ: и тако упрямыи совопросники, иногда не о догматахъ вѣры, но о среднихъ и маловажнымъ, или и весьма не сущихъ вещахъ препирающіися, и единъ другому одолѣти тщащіися, не точію сами вѣчнаго спасенія лишаются, мнимыя ради и суетныя славы, но и многимъ подаютъ вину погибели. Таковое зло предваряти, и аще уже произошло, искореняти долженствуютъ духовніи пастыри, проповѣдники, учители, взирая на образъ Павла Апостола, како онъ всегда прилежно въ таковомъ миротвореніи трудился: Молю, рече, васъ братіе, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будутъ въ васъ распри: да есте же утверждени въ томже разумѣніи и въ тойже мысли. И подобаетъ всякому все первое его къ Корінѳяномъ посланіе прочитовати: въ томъ бо посланіи многая и многополезная Духа Святаго къ миру и соединенію церковному наставленія обрѣтаются.

Творити же миръ церковный долженствуютъ пастыріе и учителіе, и проповѣдію, и бесѣдованми писанными, и надлежащими къ тому въ разговорахъ увѣщаваніи: и аще распря есть о догматахъ вѣры, должни суть отъ священнаго писанія сущую истину, и оной

[1]) Собр. т. II, № 588.

[2]) Въ своихъ замѣчательныхъ объясненіяхъ на евангельскія блаженства, составленныхъ по порученію Петра Великаго для просвѣщенія народа, архіеп. Ѳеофанъ Прокоповичъ касается какъ послѣдователей раскола, такъ и пастырей и учителей православныхъ, обязанныхъ вразумлять заблуждавшихся словомъ и писаніемъ въ духѣ кротости и терпѣнія, выводя потребности и обязанности тѣхъ и другихъ изъ 7-го блаженства.

противную лжу показовати: якоже Апостоли, наипаче же Павелъ творитъ въ посланіи къ Римляномъ, къ Галатомъ, къ Евреемъ, и отчасти въ прочіихъ своихъ посланіяхъ: и образомъ его трудилися съ великою церкве Христовы пользою велицыи Богословы: Аѳанасій, Василій, Григорій богословъ, Григорій Нусскій, Златоустый, Куріллъ Александрійскій, Епіфаній, Ѳеодорітъ, Августинъ, и прочіи.

Аще же распря будетъ о вещахъ среднихъ, маловажныхъ, къ спасенію не нуждныхъ, и вѣдѣнія недостойныхъ, тогда подобаетъ обѣ страны совопросныя отводити отъ прѣнія, увѣщавая ихъ, да не ищутъ непотребнаго вѣдѣнія съ бѣдствомъ раздора церковнаго: и въ таковомъ прѣніи не истины искати подобаетъ (кая бо польза познати тое, аще и истинное, что какъ не знать, такъ и знать, равнѣ не нуждно), но паче показовати, что вещь, о которой соперницы препираются, есть отъ среднихъ, и къ спасенію не нуждныхъ: и тако творитъ Апостолъ на многихъ мѣстѣхъ въ посланіяхъ своихъ на примѣръ, 1 Корінѳяномъ, глава 7: Обрѣзаніе ничтоже есть, и не обрѣзаніе ничтоже есть: но соблюденіе заповѣдей Божіихъ. Тако отводитъ отъ сумнительства и распри тѣхъ, которіи о обрѣзаніи аки бы о вещи ко спасенію нуждной мудрствовали. Подобнѣ въ посланіи къ Колоссаемъ, глава 2: Да никтоже васъ осуждаетъ о ядѣніи или питіи, или о части праздника, или о новомѣсячіихъ, или субботахъ: яже суть стѣнь грядущихъ.

Таковіи творятъ съ нами распри, нынѣшніи въ Россіи раскольщики, о сложеніи треперстномъ, и двоеперстномъ, о четвероконечномъ и осмоконечномъ крестѣ, о двойственной и тройственной аллилуіи, о числѣ просфоръ, о брадобритіи, о писмѣ іконномъ, и прочіихъ безчисленныхъ, яже вся суть вещы среднія, словомъ Божіимъ не опредѣленныя, ко спасенію весьма не нуждныя, свободѣ христіанстѣй подлежащыя. Должни убо суть искусніи учители, аще великаго сего миротворенія участницы желаютъ быти, искусно, ясно и доводно показовати народу, что помянутыя, и имъ подобныя вещы весьма суть среднія, и прѣніе о оныхъ есть суетное: но и сіе внушати имъ подобаетъ, что аще кто вещь среднюю упрямствомъ своимъ поставитъ въ догматъ, той уже самъ еретікъ есть, понеже дѣлаетъ то составомъ вѣры, что Богъ не сдѣлалъ, и свободѣ нашей оставилъ: и тако окаянный онъ совопросникъ, повелѣвая намъ хранити, и за догматъ держати, чего Богъ не повелѣлъ, безмѣрною гордостію ставитъ себе не точію равна Богу, но и выше Бога.

Но какъ въ прѣніяхъ о прямыхъ догматахъ, такъ и въ суепрѣніяхъ о среднихъ вещахъ, зѣло полезно есть къ миротворенію спорныхъ человѣкъ сіе имъ предлагати, да со страхомъ Божіимъ, аки предъ лицемъ всевидца Бога стоящіи къ дѣлѣ прѣнія своего обхо-

дятся, не испуская изъ мысли своея, коликое ихъ ждетъ осужденіе, аще упрямо нѣчто держати восхощутъ, или совершенно не вѣдая, что истинно есть, или и противо совѣсти своея, лжу за истину утверждая: всякъ бо таковый со Аріемъ, Несторіемъ, и прочими еретіки осудится: всякъ таковый виновенъ будетъ погибели безчисленныхъ душъ, въ раздорѣ церкве святыя отъ него сдѣланномъ погибшихъ. Отъ чего знать мощно, что раздоръ въ церкви упрямствомъ дѣлать, есть беззаконіе всѣхъ беззаконій большее и лютѣйшее: понеже раздора того дѣлатель, не тѣлеса, якоже разбойникъ, но души человѣческія убиваетъ, и не токмо въ своя, донелѣже самъ живетъ, но и въ послѣдняя по себѣ времена.

Должни же суть блюстися всѣхъ таковыхъ, и въ дѣлѣ, и въ словѣ, и въ пишемыхъ отъ себе разсужденіяхъ, дѣйствій, которая раздражаютъ сердце человѣческое: ибо таковая раздражательная дѣйствія не токмо мира составити не могутъ, но еще и вящшыя распри и раздоры вводятъ. Суть же именно сія наипаче: слово, или тѣлесное движеніе гордое, презрѣніе и руганіе лицъ спорныхъ, клевета на своихъ соперниковъ, и насильное на несогласующихся намъ наступательство. Вся сія раздираютъ, а не связуютъ, брань, а не миръ творятъ.

Гордость словомъ, или нѣкимъ тѣла движеніемъ являемая, понеже весьма ненавидима и мерзска всѣмъ творитъ гордаго, то и все слово его, аще и истинно, и доводами крѣпкими утверждаемо, лишаетъ своего дѣйствія, и всю силу ему отъемлетъ. И понеже обращеніе сердца человѣческаго къ Богу, и познанію, и пріятію истины, не самимъ словомъ учительскимъ, но невидимою Духа Святаго силою, учительскому слову содѣйствующею совершается, то како мощно надѣятися, да Богъ гордымъ противляющійся, содѣйствуетъ слову гордыхъ учителей. Аще же и благоволитъ Богъ иногда коеголибо и сквернаго сосуда употребляти къ славѣ своей, якоже употребилъ Валаама къ благословенію Іраиля, и по тому можетъ и слову гордыхъ проповѣдниковъ содѣйствовати, обаче сіе не въ пользу, но въ вящшее осужденіе есть гордо проповѣдующему: понеже таковый самъ слову своему отъемлетъ силу, и Духу Святому, елико отъ себе, полагаетъ препятіе.

И неразумно творятъ, которіи въ проповѣдяхъ, или въ разговорахъ, или и въ пишемыхъ отъ себе книгахъ на противниковъ православія, ругательныя рѣчи, и притчи бодущыя, досады и лаи мещутъ на нихъ. Не помнятъ таковіи дѣла своего: дѣло бо пріемлютъ обращати заблуждшыя: каковое же надѣяніе обращенія можетъ быти, когда тѣхъ, которыхъ обратити хощемъ, жестоко раздражаемъ? И неправильная отговорка, если кто скажетъ: съ еретіками или расколь-

никами дѣло мнѣ, злыхъ злѣ поччую: но помнити долженъ еси, что дѣло твое? не казнити бо, но врачевати злыхъ хощеши, лаями же и укоризнами не уврачуеши. Бываетъ время, когда и не весьма мягко еретіка чествовати мощно: то есть, когда онъ въ словѣ или въ писмѣ своемъ, произноситъ явное хуленіе имени Божія, или святыхъ угодниковъ, или гордо и презорно православныхъ уничижаетъ, или мнимою себѣ мудростію хвалится: тогда мощно безумному отвѣщати по безумію его, да не мудръ явится о себѣ, по словеси премудраго Приточника. Но и въ таковомъ отвѣтѣ подобаетъ хранити умѣреніе, да будетъ громъ тихій, и горесть съ сладостію, и то не велерѣчивымъ, но краткимъ словомъ: чтобъ былъ отвѣтъ безумному должный, но не подобный безумію его: по словеси тогожде премудраго: Не отвѣщай безумному по злобѣ его, да не подобенъ ему будеши. Такожде долженствуемъ весьма блюстися сквернословія, аще и во обличеніи хульнаго и гордаго: сквернословныя бо укоризны не укоряемаго, но укоряющаго безчестятъ: но да помнимъ всегда ученіе Апостольское: Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ: но точію еже есть благо, къ созиданію вѣры, да дастъ благодать слышащымъ. Таковое и во отвѣтѣ обличительномъ подобаетъ намъ имѣти опасеніе.

А когда еретікъ не понуждаетъ насъ вышеименованнымъ безуміемъ ко отвѣту жестокому, но токмо мнѣніе свое мнимыми себѣ доводами утверждати тщится, тогда неразумно творимъ, аще его укоряемъ, весьма противо намѣреннаго намъ дѣла: намѣренни бо увѣщавати и обратити его, раздражающе вящше ожесточаемъ его въ заблужденіи. Во иномъ же разумѣ, можемъ, и по общей ко всѣмъ любви, долженствуемъ всѣхъ благъ всѣмъ желати: кольми паче въ прѣніи и разговорѣ съ еретіки хранити кротость, и досадительной жестокости блюстися.

Еще есть, ко учительскому миротворенію препятіе, то есть, клевета на сопротивниковъ: которая бываетъ или притвореніемъ словесъ, яковыхъ соперникъ не говоритъ, или притвореніемъ дѣлъ, которыхъ соперникъ не творитъ.

Многіи сея напасти въ прѣніи со иновѣрными употребляютъ, помышляюще, что изрядное то оружіе на сопротивныхъ, но зѣло погрѣшаютъ во мнѣніи своемъ: не токмо бо клеветою не обратимъ противника, и еще вящше раздражимъ, но и вельми утвердимъ его въ своемъ развращеніи, и ученіе наше истинное опорочимъ предъ нимъ яко ложное, и тако одолѣти тщащеся, сами таковымъ прѣнія образомъ дадимъ противному силу на насъ, и весьма одолѣнни явимся. Ибо противный, видя ложныя отъ насъ налагаемыя на себе клеветы, тотчасъ помыслитъ, что не имѣемъ истинныхъ нашего ученія доводовъ, и на его мнѣніе обличеній, и развѣ клеветами хощемъ

одолѣти ему, и тако свое крѣпко, а наше ученіе ложное быти осудитъ, и не точію утвердится въ своемъ заблужденіи, но и яко побѣдитель торжествовати будетъ.

5.

Очистителное клятвенное обѣщаніе попа Никифора Львова, обвинявшагося въ раскольничествѣ, прочитанное при народномъ собраніи въ С.-Петербургскомъ Троицкомъ соборѣ 23 мая 1725 года.

Азъ нижеименованный истинно исповѣдую и нескрытно объявляю, что отъ наученія нѣкоторыхъ, которые называются старовѣрцами въ поповщинѣ, въ онофріевщинѣ, въ діаконовщинѣ, и въ безпоповщинѣ, съ поморцами и новгородцами и съ протчыми ихъ разныхъ толковъ (расколщики) нынѣ не пребываю и пребывать и ни коего ихъ ученія слушать и держати не буду и ни на какія службы ради моленія къ помяненнымъ лживымъ старовѣрцамъ (то есть расколщикамъ) посылать въ келліи и въ домы ихъ ходить и къ себѣ ихъ звать и принимать и соглашатся съ ними ни о чемъ не буду.

И у помяненныхъ старовѣрцовъ (сирѣчь расколниковъ) никогда исповѣдываться и двумя персты впредь креститься, и двоеніа аллилуіа и прочихъ ихъ суевѣрствъ въ догматъ вѣры ставити не буду.

И креста четвероконечнаго и новоисправныхъ книгъ и всѣхъ таинъ святыхъ по новоисправнымъ книгамъ отъ лѣтъ патріарха Никона и до сего дне совершаемыхъ не хулю, паче же вся тая пріемлю, яко истинная.

И молитву «Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ» не хулю, паче же и глаголю всегда.

И патріарха Никона и прочихъ по немъ патріарховъ, архіереовъ и весь духовный чинъ и мірскихъ людей имѣю за сущихъ христіанъ, а за отпадшихъ и за противныхъ не имѣю.

А о святѣй церкви и о ея таинствахъ, въ ней же церкви и въ нихъ же таинствахъ нынѣ пребываетъ Благочестивѣйшая и Самодержавнѣйшая Великая Государыня наша Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, съ нею же и вси духовнаго и мірскаго чина люди пребываютъ, я таковаго хуленія руганія противности и непокоренія и мудрованія о всѣхъ вышеписанныхъ, каково имѣютъ помяненныя всѣхъ разныхъ толковъ мнящіися быти старовѣрцы, то есть расколщики, не имѣю и ни когда имѣть не буду.

Аще ли же азъ о себѣ вся вышеписанная или что отъ вышеписанныхъ рекъ ложно и неправедно, или что утаилъ, не буди мнѣ прощено и разрѣшено въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ и буди азъ яко язычникъ и мытарь, и да возвратятся на мою душу и тѣло вся клятвы и анаѳемы.

Твердою вѣрою вѣрую и кромѣ всякаго сумнѣнія исповѣдую все купно и коеждо особнѣ, еже заключается въ сѵмволѣ, си есть во изложеніи вѣры на святыхъ вселенскихъ соборѣхъ Никейскомъ первомъ и Константинополскомъ второмъ, сложенномъ, его же святая соборная апостольская Восточная Церковь содержитъ и исповѣдуетъ.

О сложеніи тріехъ первыхъ перстовъ въ знаменіи крестномъ ересію и печатію антихристовою, трикратное глаголаніе аллилуіа и имя Іисусово пишемое сице: «Іисусъ» ересію и крестъ четвероконечный идоломъ, кумиромъ и мерзостію, стоящею на мѣстѣ святѣ, молитву сію «Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ» новою еретическою, книги церковныя новоисправленныя растлѣнными и весма еретическими блядословящыхъ, аки сквернѣйшихъ еретиковъ проклинаю и старопечатныхъ книгъ, которыми расколники суемудренно прелщающеся утверждаются, читать и никакого по нихъ дѣйствія надлежащаго и святѣй церкви самъ отправлять и протчихъ къ тому научать не буду.

Исповѣдую къ сему въ литургіи божественной приноситися Богу истинной, свойственной, богоугодной и благопріятной безкровной жертвѣ о живыхъ и усопшихъ и въ еѵхаристіи тайнѣ быти истинно и существенно тѣлу и крови купно съ душею и Божествомъ Господа нашего Іисуса Христа и быти премѣненію всего существа хлѣба въ тѣло и всего существа вина въ кровь, еже каѳолическая Восточная Церковь пресуществленіемъ именуетъ.

Исповѣдую такожде подъ двѣма виды хлѣба и вина всего и цѣлаго Христа истинную тайну вѣрнымъ пріимати.

Нарицающихъ идолами святыя иконы и писаніе, глаголющее о идолѣхъ хулно, на святыя иконы наводящихъ и почитати ихъ по достоянію не хотящыхъ отверженныхъ на святомъ вселенскомъ седмомъ соборѣ иже въ Никеи, отметаю и анаѳемѣ предаю, а я всѣ святыя иконы какъ прежде почиталъ, такъ и нынѣ почитаю и имъ покланяюсь и впредь то содержать буду неотмѣнно.

Вѣрую къ сему и исповѣдую отъ Христа богоданную быти власть въ церкви православнокаѳолической архіереомъ и іереомъ другопріимателне, еже вязати и рѣшити, и яко еже аще тою имъ данною властію свяжутъ и разрѣшатъ на земли, связано и разрѣшено будетъ на небеси; власть же сію данную отъ Христа негдѣ индѣ мню быти, но токмо во единой православной каѳолической восточной

церкви, яже отъ начала въ Россіи цѣла, невредна и донынѣ пребываетъ и не всякому вручена есть, токмо служителемъ божественныхъ таинъ, а глаголющихъ, яко отъ лѣта сто шестдесятъ шестаго церковь православная въ Россіи повредися и яко антихристъ уже пріиде, а чувственно не пріидетъ и похищающихъ на ся власть духовную, и сихъ иже отъ святыя церкве отторгшеся къ нимъ приходятъ, аки некрещенныхъ крестятъ и прочая священническая дѣйствія безъ рукоположенія не боящихся совершати,—аки безумныхъ святотатей осуждаю и анаѳемѣ предаю.

Отрицаюся и проклинаю всѣхъ расколщиковъ: поповщину и безпоповщину, которые святѣйшаго патріарха Никона называютъ еретикомъ и неправославнымъ, да будутъ они прокляти и анаѳема.

Проклинаю всѣхъ таковыхъ расколщиковъ, поповщину и безпоповщину, которые патріарховъ восточныхъ и московскихъ по Никонѣ и до сего настоящаго году престолъ правящихъ, не исповѣдуютъ быти православными, но паче называютъ расколщиками и еретиками, и всѣхъ архіереовъ и до священника такожде называющихъ, да будутъ они вси прокляти и анаѳема.

Проклинаю расколщиковъ всѣхъ поповщину и безпоповщину, кои нынѣ не исповѣдуютъ и не вѣруютъ во святѣй восточнѣй и великороссійской церкви отъ архіереовъ и іереевъ совершающееся подъ видомъ хлѣба быти тѣло и подъ видомъ вина быти кровь Христову,—да будутъ они прокляти и анаѳема.

Проклинаю всѣхъ расколщиковъ, поповщину и безпоповщину кои не вѣруютъ и не исповѣдуютъ во святѣй восточнѣй и великороссійской церкви отъ архіереевъ и іереевъ совершающихся всѣхъ таинъ быти святыми тайнами и о прочемъ ихъ церковномъ дѣйствѣ не вѣруютъ же,—да будутъ они прокляти и анаѳема.

Проклинаю всѣхъ расколщиковъ, поповщину и безпоповщину и прочая вся согласія, иже нынѣ не повинуются святѣй церкви въ крестномъ знаменіи перво триперстнаго сложенія, но держатъ упрямо за непремѣнный догматъ двоеперстное сложеніе указателнаго и средняго,—да будутъ они прокляти и анаѳема.

Проклинаю всѣхъ таковыхъ расколщиковъ, иже не повинуются святѣй церкви во чтеніи по псалмѣхъ по трижды аллилуіа, но упрямо держатъ за непремѣнный догматъ по дважды аллилуіа, — да будутъ они прокляти и анаѳема.

Проклинаю всѣхъ таковыхъ иже нынѣ еретиковъ расколщиковъ бывшихъ Аввакума протопопа и Никиту попа и Лазаря и Ѳеодора и всѣхъ тогда и нынѣ имъ послѣдующихъ не проклинаютъ, но исповѣдуютъ ихъ мучениками и страдальцами,—да будутъ они со онѣмы и послѣдующыи имъ прокляти и анаѳема.

Истинную же православно-каѳолическую вѣру, кромѣ ея же ни кто спастися можетъ, юже нынѣ доброхотнѣ исповѣдую истинно содержать буду туюжде цѣлу и невредиму, даже до конечнаго моего издыханія постоянно (Богу помогающу) елико мощно ми, тщатися буду, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ.

Кленуся и еще Всевидящимъ Богомъ, что вся сія нынѣ мною обѣщаваемая не инако толкую во умѣ моемъ, яко провѣщаваю устнами моими, но въ той силѣ и въ такомъ разумѣ, яковую силу и разумъ чтущимъ и слышащымъ сія являютъ, утверждаю же сія клятвою моею тако заключаю: аще противная сей моей клятвѣ впредь мудрствовать или дѣйствовать дерзну, то подвергаю мене церковной клятвѣ и гражданскому жестокому суду. Въ заключеніи же сего моего очистительнаго клятвеннаго обѣщанія цѣлую слова и крестъ Спасителя моего и подписуюсь [1]).

[1]) Опис. т. II, 2, прил. № 13.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Содержаніе.

Предисловіе.

Введеніе.

Краткая характеристика состоянія русскаго раскола и мѣръ противъ него до Петра Великаго. — Отношеніе къ расколу Петра I . X—XIV

Первая часть.

Обязанности церковной власти къ расколу по «Духовному Регламенту» . 15 — 16

Духовныя мѣры церковной власти по отношенію къ раскольникамъ:

I. Увѣщательныя посланія для вразумленія раскольниковъ и предупрежденія православныхъ отъ зараженія расколомъ 17 — 25

II. Миссіонерская дѣятельность церкви противъ раскола: краткая характеристика миссіи іеромонаха Неофита среди раскольниковъ Выговской пустыни; краткая характеристика дѣятельности I. Рѣшилова среди стародубскихъ раскольниковъ; характеристика административной противораскольнической дѣятельности нижегородскаго архіепископа Питирима; замѣчанія о противораскольнической миссіи въ другихъ мѣстахъ . . 26 — 68

III. Полемическая дѣятельность церковной власти противъ раскола; краткая характеристика сочиненія «Поморскіе Отвѣты». Архіепископъ Ѳеофилактъ и митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ, какъ полемисты противъ раскола . 68—158

Вторая часть.

Церковно-гражданскія мѣры высшей духовной власти противъ раскола и его послѣдователей въ первые годы синодальнаго управленія (1721 — 1725 г.): I. Общій характеръ и направленіе противораскольническихъ мѣръ; признаки для отличія раскольниковъ отъ православныхъ; число раскольниковъ въ первые четыре года синодальнаго управленія; главныя мѣста сосредоточенія раскола; господствовавшія направленія и черты въ состояніи раскола въ царствованіе Петра Великаго. . . 159—178

II. Церковно-гражданскія учрежденія и лица, принимавшія, по указамъ Петра I, участіе въ розыскѣ раскольниковъ: тіунское управленіе, приказъ церковныхъ дѣлъ, розыскная раскольническая канцелярія; роль означенныхъ учрежденій 178—200

III. Краткая характеристика противораскольнической дѣятельности сыщиковъ: Зиновьева, Коптѣлова, Плещеева, Ю. Ржевскаго и др.; попытки частныхъ лицъ къ розыску раскольниковъ, судьба проекта двухъ священниковъ для исчисленія раскольниковъ въ двухгодичный срокъ. 200—225

IV. Подробное изложеніе церковно-гражданскихъ мѣръ: общеобязательныя церковныя мѣры противъ послѣдователей раскола; выполненіе таинствъ Исповѣди и св. Евхаристіи; клятва; присяга; запрещеніе раскольнической пропаганды; запрещеніе имѣть старопечатныя книги и сочиненія, противныя православной церкви; требоисправленія у раскольниковъ; постановленія относительно крещенія дѣтей и совершенія браковъ; распоряженія относительно раскольническихъ часовень, иконъ и мнимой раскольнической святыни; вопросъ о крестномъ знаменіи; двойной окладъ денегъ; ограниченіе гражданскихъ правъ раскольниковъ; ограниченіе имущественныхъ правъ ихъ; водвореніе раскольниковъ на мѣсто прежняго жительства; ограниченія правъ раскольниковъ въ дѣлахъ судебныхъ; ссылка; тѣлесное наказаніе; отношеніе къ обращавшимся изъ раскола въ православіе; сходство и различіе между законодательствомъ противъ раскола до Петра Великаго и петровскимъ; строгія мѣры противъ еретиковъ и раскольниковъ у инославныхъ христіанъ на Западѣ въ началѣ XVIII ст. 225—301

V. Характеристика вліяній и условій, сопровождавшихъ противораскольническую синодально-церковную дѣятельность. Малоуспѣшность противораскольнической дѣятельности; современные недостатки общества, препятствовавшіе дѣлу воздѣйствія на раскольниковъ; ненормальныя отношенія между Сенатомъ и Святѣйшимъ Сѵнодомъ по дѣламъ раскола. Значеніе Петра Великаго въ мѣропріятіяхъ противъ раскола; причины въ перемѣнѣ взглядовъ и отношеній царя къ послѣдователямъ раскола. Краткія замѣчанія о лицахъ синодальнаго управленія, имѣвшихъ вліяніе на направленіе противораскольнической дѣятельности съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ во главѣ. Заключеніе 301—352

Приложенія . I—XVIII

ОПЕЧАТКИ.

Замѣченныхъ опечатокъ немного; погрѣшности—не логическаго, а орѳографическаго свойства; поэтому отъ нихъ не страдаетъ ни послѣдовательность мыслей, ни ясность.

стран.	*строка.*	*напечатано:*	*слѣдуетъ:*
26	17 сверху	нежегородскихъ	нижегородскихъ
74	10 снизу	,	
75	20 —	.	,
81	14 —	(не напеч.)	,
93	14 —	Ѳеофилакта	Ѳеодорита
120	2 сверху	распятаго	въ распятаго
134	16 —	(не напеч.)	,
142	3 —	,	
169	3 снизу	,	
241	6 —	(не напеч.)	,
249	12 сверху	изъ за	изъ-за
257	14 снизу	(не напеч.)	;
235	14 сверху	показаніи	наказаніи
302	14 снизу	(не напеч.)	;

Bayerische Staatsbibliothek München

2бр
329184/1883

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Sinajskij, Aleksandr L'vovič

Otnošenie russkoj cerkovnoj vlasti k raskolu staroobrjadstva v pervye gody sinodal'nago upravlenija pri Petrě Velikom <1721-1725g.>

Sanktpeterburg 1895

H.eccl. 3189 e
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11614439-7